

Конан Дойл

Артур Конан Дойл

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Том IV

НОВЕЙШИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Перевод с английского

МОСКВА

ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

«СОФИТ»

1992

ББК 84. 4Вл

Д 62

Составитель А. Москвин

Для переплета использовано оформление
художника С. Пожарского

Книга подготовлена
совместно с издательством «Известия»

А $\frac{4703010100 - 008}{474(02) - 92}$ подлинное

ISBN 5—86042—010—2 (т. 4) (рус.)

ISBN 5—86042—011—0

© «Софит», 1992
© Составление.
А. Москвин,
1992

НОВЕЙШИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Второй том
с 1-го по 10-й
выпуск
1900 г.

100

КОЕ-ЧТО О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

Тут в самый раз поведать читателю нечто, что может его заинтересовать, ибо касается моего персонажа, снискавшего самую скандальную славу.

Впечатление о Холмсе как о реальном человеке из плоти и крови укрепилось, должно быть, благодаря тому, что он многократно появлялся на подмостках. После того как со сцены театра, арендованного мною на полгода, сошла моя же инсценировка «Родни Стоун», я преисполнился решимости действовать дерзко и со всей присущей мне энергией, ибо пустой зал для меня смерти подобен. Сообразив, какой оборот принимает дело, я ушел в себя и без остатка подчинил свои мысли созданию сенсационной пьесы о Шерлоке Холмсе. Я написал ее за неделю и озаглавил «Пестрая лента» — по одноименному рассказу. Без преувеличения скажу, что не прошло и полмесяца после провала первой пьесы, а мы уже дружно репетировали вторую. Успех ее оказался весьма значительным. Лин Хардинг в роли абсолютно зловещего и слегка полоумного доктора Гримсби Ройлотта прямо-таки блистал своим мастерством, да и Сейнтсбери, сыгравший Шерлока Холмса, был изумительно хорош. За время, что мы играли эту драму, я не только возместил потери из-за провала той, первой пьесы, но еще и сколотил целое состояние. Пьеса прочно вошла в репертуар, и ее до сих пор ставят то там, то тут. В заглавной роли у нас был занят настоящий скалистый боа, предмет моей особой гордости, и представьте мою ярость, когда я прочел отзыв одного из критиков, довершавшего свой разнос следующими словами:

«Исход пьесы был предрешен, как только появилась змея, искусственность которой бросалась в глаза». Меня подмывало предложить ему хорошенькую сумму, если он согласится пустить эту змею к себе в постель. В разные времена мы работали с разными змеями, но такой природной актрисы нам больше не попало; каждая норовила либо безжизненно свеситься из дырки в стене наподобие сонетки, либо тотчас же шмыгнуть назад и свести счеты с нашим бутафором, который пощипывал нерадивую за хвост, чтобы придать ей живости. В конце концов мы удовольствовались муляжом, и все, включая бутафора, единодушно сошлись во мнении, что это пошло на пользу делу.

То была вторая пьеса о Шерлоке Холмсе. Следовало бы кое-что сказать и о первой, поставленной гораздо раньше, если быть точным — еще во времена африканской войны. Написал ее Уильям Джиллет, знаменитый американец, к тому же сыгравший в этой пьесе, причем удивительно хорошо. Поскольку он взял моих персонажей и отчасти воспользовался моими сюжетами, то, естественно, выделил мне долю в прибыли, которая оказалась довольно существенной. «Можно ли мне женить Холмса?» — вопрошала одна из телеграмм, которую я получил от него в разгар мук творчества. «Жените, убейте, делайте с ним что угодно», — был мой жестокосердный ответ. Пьеса, постановка и финансовый итог меня просто очаровали. Полагаю, что всякий, в жилах кого течет хоть капля артистической крови, согласится со мной, что последний пункт, который приятно видеть материализованным, все же неизменно занимает в наших мыслях самое незначительное место.

Сэр Джеймс Барри заплатил дань уважения Шерлоку Холмсу в форме добродушной пародии. Это было шутовское прошение об отставке после неудачи, которую мы потерпели с постановкой комической оперы. Он вызвался писать к ней либретто, а я ему в этом помогал, но, несмотря на наши объединенные усилия, вещь провалилась. Тогда-то Барри и прислал мне пародию на Холмса, записанную на свободных листах одной из его книг. Вот она.

ИСТОРИЯ С ДВУМЯ СОАВТОРАМИ

Размышляя о приключениях моего друга Шерлока Холмса, я невольно убеждаюсь, что он ни разу — за исключением того случая, который, как вы сейчас узнаете, положил конец его карьере, — не позволил втянуть себя в разгадку тайны, если она касалась персон, зарабатывающих свой хлеб пером. «Я не особенно щепетилен в выборе клиентов, — говорил он, бывало, — но что до литераторов — тут я беспощаден».

Однажды вечером сидели мы в нашей квартире на Бейкер-стрит. Помню, я за столом записывал «Человека с деревянной ногой» (потрясшего Королевское общество и прочие научные учреждения Европы), а Холмс развлекался, упражняясь в стрельбе из револьвера. У него выработалась привычка летними вечерами обстреливать по контуру мою голову так, что на противоположной стене вырисовывалось мое изображение, причем в доказательство его искусства следует заметить, что многие из этих портретов, выполненных в технике пистолетных выстрелов, признаются удивительно похожими.

Случилось так, что я выглянул в окно и, заметив двух джентльменов, быстро приближающихся по Бейкер-стрит к нашему дому, спросил его, кто бы это мог быть. Он тотчас зажег трубку и, изогнувшись в кресле наподобие восьмерки, ответил:

— Это два соавтора комической оперы, не стяжавшей им славы.

Я в изумлении подпрыгнул в кресле к самому потолку, а он разъяснил:

— Дорогой Уотсон, это, по всей очевидности, люди, следующие самому низменному призванию. Даже

вы можете прочесть это на их лицах. Клочки бумаги, которые они гневно швыряют прочь,— газетные рецензии. Взгляните, как оттопыриваются у них карманы,— они набиты этими листками. Если бы в них содержалось нечто приятное, они не кидались бы на них с таким остервенением.

Я опять подпрыгнул до потолка (балки из него так и выпирают) и вскричал:

— Невероятно! Но, может быть, они просто писатели?

— Нет,— ответил Холмс,— обыкновенные писатели устывают лишь одной заметки в неделю. Только на преступников, граматургов и актеров они сыплются сотнями.

— Ну тогда они, возможно, актеры?

— Нет, актеры приехали бы в экипаже.

— А еще что-нибудь вы можете о них сказать?

— Сколько угодно. Судя по грязи на ботинках высокого, он из Южного Норвуда. Второй наверняка шотландец.

— Как вы догадались?

— У него в кармане книжка на диалекте, название которой (я его ясно вижу) — «Древле светило чего-то там». Станет ли кто-нибудь, кроме автора, таскать с собой книгу с таким заглавием?

Мне пришлось согласиться, что это было бы невероятно.

Теперь стало совершенно ясно, что двое мужчин (если можно их так назвать) искали наши апартаменты. Я уже говорил (и не раз), что мой друг Холмс редко давал волю чувствам, но тут он прямо загорелся страстью, которая сменилась выражением странного торжества.

— Уотсон,— сказал он,— этот верзила годами черпал сюжеты из самых громких моих дел, но теперь он идет прямо мне в руки — наконец-то!

Я опять устремился к потолку, и, когда приземлился, пришельцы были уже в комнате.

— Насколько я понимаю, джентльмены,— сказал мистер Холмс,— вы находитесь под впечатлением из ряда вон выходящего события.

Тот из посетителей, кто был посимпатичней, с удивлением спросил, откуда ему это известно, а верзила только насупился.

— Вы забыли о кольце, которое у вас на безымянном пальце,— спокойно ответил мистер Холмс.

Я уже готов был проделать свой путь к потолку, но тут вмешался верзила.

— Оставьте эти штучки для простачков, Холмс,— сказал он.— А вы, Уотсон, если опять задумаете путешествие к потолку, так я знаю, как вас припечатать к месту.

И тогда я оказался свидетелем странного явления. Мой друг Шерлок Холмс съезжился. Он прямо на глазах уменьшался в размерах. Я с вожделением взглянул на потолок, но не осмелился поддаться известному желанию.

— Давайте обойдемся без пролога и приступим прямо к делу,— заявил верзила.— Я хочу знать, почему...

— Позвольте мне,— прервал его мистер Холмс с присущей ему отвагой.— Вы хотите знать, почему публика не ходит на вашу оперу.

— Именно,— с иронией ответил гость,— насколько вы можете судить по запонкам на моей сорочке.— И добавил уже серьезно:— А поскольку вынести суждение об этом можно единственным способом, я настаиваю на том, чтобы вы лично прослушали все произведение.

Это был момент сильнейшего потрясения. Я вздрогнул, потому что знал: если Холмс пойдет туда, мне придется его сопровождать. Но у моего друга было золотое сердце.

— Никогда,— жарко вскричал он,— все что угодно, только не это!

— От этого зависит ваше будущее существование,— угрожающе произнес верзила.

— Я скорее растворюсь в эфире,— гордо ответил Холмс, пересаживаясь в другое кресло.— Впрочем, я могу ответить на ваш вопрос и не просиживая штанов на вашем спектакле.

— Так почему они не ходят к нам?

— Потому,— спокойно возвестил Холмс,— что предпочитают держаться подальше.

Мертвая тишина воцарилась вслед за этой репликой. Какое-то время визитеры с благоговейным трепетом взирали на человека, который волшебным образом разрешил их загадку. Потом, медленно вытаскивая ножи...

Холмс делался все меньше и меньше, покуда от него не осталось всего лишь колечко дыма, медленно таявшееся вверх.

Последние слова великого человека, как правило, бывают особенно значительны. Таковы были и последние слова Шерлока Холмса: «Глупец, глупец! Столько лет благодаря мне ты жил в роскоши! Раскалывал в кебах, чего не мог позволить себе ни один писатель. Отныне же и ты будешь ездить в автобусах!»

Верзила упал в кресло, пораженный ужасом.

Его приятель остался недвижим.

А. Конан Дойлу

от его друга

Дж. М. Барри.

Эта пародия, лучшая среди бесчисленных образцов этого жанра, может служить примером не только остроумия ее автора, но и его беспримерного мужества, поскольку она была написана сразу же после нашего с ним совместного провала, о котором мы оба глубоко скорбели. Нет ничего более жалкого, нежели провал в театре, поскольку на ваших глазах страдает множество людей, помогавших вам в работе. К счастью, ничего подобного со мной больше не повторилось, не сомневаюсь, что и Барри может сказать о себе точно так же.

Прежде чем оставить тему воплощений Холмса, должен сказать, что все они, в том числе рисованные, чрезвычайно далеки от моего собственного представления об этом человеке. Я видел его очень высоким, «выше шести футов и так строен, что казался еще выше», как сказано в «Этюде в багровых тонах». Далее я видел худое, узкое как бритва лицо с крупным ястребиным носом и небольшими, близко поставленными глазами. Таким он мне рисовался в воображении. Случилось, однако, что у бедняги Сидни Пэджета, которому до его преждевременной кончины принадлежали все портреты моего героя, был младший брат, если не ошибаюсь — Уолтер, который и служил ему натурщиком. Симпатичный Уолтер вытеснил моего более мужественного, но менее привлекательного Шерлока, в том числе и в дамских сердцах. Сценическое воплощение унаследовало традицию, рожденную художником.

Кино не сразу обратилось к моим рассказам, но, утрачя со временем финансовую сторону дела с фран-

цузской компанией, которая видела в них золотую жилу, и выторговав себе небольшую сумму за право экранизации, я радостно ступил на эту стезю. Впоследствии, однако, мне пришлось выкупить право на постановку, заплатив за него в десять раз дороже, чем получил сам, так что сделка обернулась для меня мероприятием разорительным. Теперь мои рассказы ставят на студии «Столл компани» с Эйли Норвудом в роли Холмса, и эти фильмы стоят вложенных в них затрат. Норвуд сыграл эту роль еще и на сцене, снискав одобрение лондонской публики. Он обладает тем редкостным свойством, которое иначе как магнетизмом не назовешь и которое заставляет зрителей затаив дыхание следить за актером даже тогда, когда он как будто совершенно бездействует. Его немигающий взгляд держит зрителя в напряженном ожидании; кроме того, ему дан несравненный дар перевоплощения. У меня есть единственное критическое замечание: в этих фильмах всюду используются телефоны, автомобили и прочие роскошества, о которых мой викторианский Холмс и мечтать не мог.

Мне часто задают вопрос, знаю ли я, чем кончится та или иная история с Холмсом до того, как начну ее. Конечно, да. Нельзя же вести корабль, не зная направления. Первым делом необходимо разобраться с общим замыслом. Уяснив ключевую идею, нужно ее как следует замаскировать и всячески подчеркивать то, что может навести публику на ложный путь. Холмсу же предстоит прозревать ошибочность неправильных решений и с той или иной степенью драматизма выходить на верную дорогу, будучи при этом в состоянии объяснить и оправдать каждый шаг. Он демонстрирует свои способности в том, что южно-американцы стали теперь звать «шерлокхолмитос», имея в виду его пронизательные дедуктивные суждения, которые часто никак не соотносятся с существом дела, но производят на публику огромное впечатление. Такой же эффект достигается и за счет рассыпанных тут и там ссылок на разные прочие случаи, в которых Холмсу якобы приходилось разбираться. Бог весть сколькими заголовками наспигивал я — как бы невзначай — свои истории, и сколько читателей умоляли меня удовлетворить их любопытство по поводу «Риголетто и его жуткой жены», «Приключений Утомленного Капитана», «Удивительного происшествия с семейством Пат-

терсон на острове Уффа». Лишь раз или два, как, например, во «Втором пятне» — одной из моих, как я считаю, самых аккуратно скроенных историй, — я использовал название, под которым несколькими годами раньше я действительно написал рассказ.

Время от времени в разных частях света возникают вопросы по поводу тех или иных историй. В «Случае в интернате» Холмс вскользь замечает, что по следу велосипедного колеса на влажном мху можно определить, в каком направлении он ведет. Об этом было высказано столько авторитетных суждений — от сочувствующих до гневных, — что я сам сел на велосипед и испробовал ситуацию на себе. Я предполагал, что из того, как след заднего колеса накладывается относительно переднего, при условии, что машина движется по идеальной прямой, можно судить, в какую сторону она едет. Выяснилось, однако, что правы оказались мои корреспонденты, а я заблуждался, поскольку следы ложились одинаковым образом, независимо от того, ехал я туда или обратно. Разгадка же, которой воспользовался Холмс, к этой детали отношения не имела: она состояла в том, что на неровной болотистой почве колеса оставляли более глубокую колею на подъеме и помельче на спуске, так что его мудрая проницательность никоим образом не была поколеблена.

Подчас мне приходилось осознанно ступать на зыбкую почву собственного незнания. Я, к примеру, никогда не участвовал в скачках и тем не менее отважился написать «Серебряного», где секрет заключался в особенностях выездки и правилах скачек. История развивается вполне гладко, и Холмс демонстрирует свой талант во всем блеске, но мое невежество вопиет к небесам. Я прочел великолепный и абсолютно сокрушительный отзыв в одной спортивной газете, явно составленный человеком, который знал, что к чему, где до моего сведения доводилось, каким наказаниям и штрафам подверглись бы мои герои в реальности, действующи они в соответствии с моим описанием. Одну половину из них следовало засадить в тюрьму, а другую — навеки отлучить от беговой дорожки. Но как бы то ни было, я никогда особо не заботил себя деталями и чаще всего мне удавалось выйти сухим из воды. Однажды редактор сделал пометку: «В этом месте нет второй железнодорожной колеи», — на что я

ответил: «А у меня она есть». И все же бывают случаи, когда точность исключительно важна.

Не хочу быть неблагодарным по отношению к Холмсу, который был мне верным другом. Если он иной раз и наскучивал, то лишь оттого, что в его характере нет полутонов. Он счетная машина, и любая деталь, что-либо добавляющая к его облику, ослабляет этот эффект. Поэтому разнообразие достигается только выдумкой и искусностью повествования. Надо бы замолвить словечко и за Уотсона, который на протяжении всех семи томов ни разу не проявляет ни тени юмора и не рождает ни единой шутки. Чтобы создать образ как бы реально существующего человека, надобно пожертвовать всем в пользу последовательности и не забывать упрека Голдсмита, брошенного им Джонсону, у которого «мелкая рыбешка вещает наподобие китов».

Я и мысли не держал, что Холмс стал для многих простодушных читателей живым человеком, пока не услышал очень мне польстившую историю о группе французских школьников, которые в ответ на вопрос, что бы они прежде всего хотели увидеть в Лондоне, хором ответили, что, мол, квартиру мсье Холмса на Бейкер-стрит. Меня многократно просили уточнить, где конкретно находится этот дом, но я по понятным причинам уклонялся от прямого ответа.

О Шерлоке Холмсе ходит множество анекдотов — надо ли говорить, насколько мало имеющих к нему отношение, — с регулярностью комет появляющихся на страницах печати.

Один из них — о кебмене, который якобы вез меня в Париже в гостиницу. «Мсье Дойл, — воскликнул он, — вы, я вижу, только что из Константинополя. У меня есть основания полагать, что вы посетили Будапешт и, вероятно, побывали в окрестностях Милана». — «Поразительно! Плачу пять франков: как вы догадались?» — «По наклейкам на ваших чемоданах», — ответствовал проницательный возница.

Второй неувядаемый образчик газетного юмора — анекдот о женщине, будто бы обратившейся к Шерлоку. «Со мной творятся странные вещи, сэр. В одну неделю у меня исчезли автомобильный сигнал, щетка, коробка с мячами для гольфа, словарь и рожок для обуви. Как это объяснить?» — «Нет ничего проще, мадам. Ваш сосед завел козу».

Есть еще третий — о том, как Шерлок попал на небо и благодаря своей наблюдательности тут же распознал Адама, но из-за сугубо анатомических деталей я не буду воспроизводить эту историю целиком.

Наверное, все авторы получают предостаточно занимательных писем. Не являюсь исключением и я. Большую долю среди них составляют послания из России. Те из них, что написаны на родном языке, мне приходилось воспринимать в переводе, но зато, когда среди них попадались сочинения по-английски, они становились украшением моей коллекции.

В числе моих корреспонденток была юная леди, начинавшая свои эпистолы с обращения «Государь!». Другая открыла в своем послании бездну простодушия. Эта жительница Варшавы утверждала, что, будучи в течение двух лет прикованной к постели, единственную отраду находит в моих романах, и т. д. и т. п. Тронутый этим лестным сообщением, я сразу же собрал бандероль с книжками, чтобы пополнить библиотеку прямодушной инвалидки. На счастье, по дороге я встретил собрата-писателя, которому поведал жалостливую историю. С циничной усмешкой он извлек из кармана точно такое письмо. Его романы тоже в течение двух лет составляли единственную отраду и т. д. и т. п. Не знаю, сколько еще подобных посланий распространила предприимчивая особа, но ежели, как я предполагаю, она протянула нити в несколько стран, ей, видимо, удалось собрать неплохую библиотеку.

У русской девушки, именовавшей меня «государем», нашлись близкие по духу люди на нашей английской почве. После того как я удостоился звания пэра, я получил счет от лавочника, составленный вполне точно и по-деловому, за исключением того, что адресован он был сэру Шерлоку Холмсу. Смею думать, что чувство юмора у меня не хуже, чем у соседей по кварталу, но шутки такого рода представляются мне неуместными, и потому я ответил лавочнику довольно резко.

Вскоре ко мне явился весьма опечаленный посланец, выразивший сожаление по поводу случившегося, который все время повторял:

— Уверю вас, сэр, это было *bona fide**.

---

* Чистосердечно, простодушно (лат.).

— Что вы имеете в виду под *bona fide*? — спросил я.

— Ну как что, сэр, — был ответ, — мои товарищи в лавке сказали, что вас возвели в пэры, а принимая рыцарское достоинство, человек меняет имя, и вы это самое имя и взяли.

Стоит ли говорить, что раздражение мое рассеялось, и я от души рассмеялся — верно, так же, как его приятели где-нибудь за углом.

Мне и самому приходилось решать задачи вроде тех, что я придумывал для мистера Холмса, дабы он самым блестящим образом раскрывал свое дарование. Могу привести в пример такой случай, когда его метод был использован и доказал свою эффективность. Случай был такой: пропал некий джентльмен. Выяснилось, что накануне он снял с банковского счета все, что на нем значилось, — сорок фунтов. Возникло подозрение, что из-за этих денег он и был убит. Последний раз его видели в большом лондонском отеле, куда он приехал из деревни. Вечером того же дня он пошел на представление в мюзик-холл, ушел оттуда около десяти, вернулся в гостиницу, переоделся (вечерний костюм был найден на следующий день в номере) и бесследно исчез. Никто не видел, как он уходил из отеля, только мужчина, занимавший соседнюю комнату, утверждал, что слышал ночью за стеной шаги. К тому моменту, как за советом обратились ко мне, прошла уже целая неделя, но полиции не удалось напасть на след пропавшего. Куда же он делся?

Таковы были факты, которые мне сообщили его деревенские родственники. Отважившись взглянуть на дело глазами мистера Холмса, я с обратной почтой ответил, что исчезнувший находится, скорее всего, в Глазго или Эдинбурге. Впоследствии подтвердилось, что он и правда выехал в Эдинбург, а за то время, что его искали, переместился в какую-то другую часть Шотландии.

Тут я прервусь, поскольку, как не раз доказывал своими действиями доктор Уотсон, объяснить ход размышлений — значит испортить прелесть тайны. Я предоставляю читателю возможность самому, отложив книгу, убедиться в том, как легко справиться с этой задачкой. Он располагает всей информацией, которая была у меня. Для тех же, кто не обладает склонностью к подобным занятиям, я укажу на некоторые звенья, из которых должна составиться цепь рассуждения. У ме-

ня было одно немаловажное преимущество: я был знаком с порядками в лондонских гостиницах — хотя, на мой взгляд, они вряд ли существенно отличаются от тех, что приняты повсюду.

Прежде всего следует трезво взглянуть на факты и разграничить несомненное и предположительное. В данном случае несомненным было все, кроме заявления соседа о том, что он слышал ночью шум. Можно ли с уверенностью утверждать, что он исходил именно из комнаты исчезнувшего? А ведь на этом строились последующие выводы.

Первым дедуктивным заключением стало то, что наш джентльмен намеревался исчезнуть. Иначе зачем ему было забирать деньги из банка? Он вышел из отеля поздно ночью. Но во всех гостиницах дежурит ночной портье, и выйти за дверь без его ведома нельзя. Двери запирают после того, как возвращаются зрители из театров, скажем часов в двенадцать. Следовательно, наш герой покинул отель до этого часа. В десять он вернулся из мюзик-холла, переоделся и, взяв саквояж, ушел. Никто не видел, как он это проделал. Это получилось благодаря тому, что в тот момент холл был заполнен возвращавшимися из театров постояльцами, то есть примерно от одиннадцати до одиннадцати тридцати. Позже, даже если двери остаются незапертыми, народу спует немного, так что он со своим багажом непременно был бы замечен.

Теперь, прочно стоя на отвоеванном плацдарме, зададимся вопросом: почему человек, желающий скрыться, отправляется в путь именно в этот час? Если он намеревался спрятаться в Лондоне, ему вообще незачем было заявляться в отель. Следовательно, он собирался сесть в поезд, который должен был его куда-то доставить. Однако всякий, кто делает это на какой-нибудь провинциальной станции в ночную пору, обязательно будет замечен и может быть уверен, что когда поднимется тревога и его станут искать по описанию, если не сторож, то портье наверняка его припомнят. Значит, пунктом назначения должен стать город, куда поезд прибывает как на конечный пункт и где, когда все пассажиры выйдут, ему нетрудно будет затеряться в толпе. Обратившись к расписанию, он увидел, что в полночь отправляется шотландский экспресс в Эдинбург и Глазго, что ему и требовалось. А вечернее платье, оставленное в номере, говорило в пользу

того, что отныне он собирался начать новую жизнь, исключая светские удовольствия. И это дедуктивное заключение оказалось верным.

Я привел в пример этот случай ради того, чтобы показать, как принципы рассуждения, отстаиваемые Холмсом, можно использовать в реальной жизни. В другом случае, касающемся девушки, помолвленной с молодым иностранцем, внезапно исчезнувшим, я сумел, воспользовавшись тем же дедуктивным методом, убедительно показать ей не только куда он скрылся, но и насколько недостойн он нежных чувств с ее стороны.

Но как бы то ни было, эти полунаучные методы недоверены и малоэффективны по сравнению с результатами, которых добивается не подозревающий об их существовании практик. Дабы избежать впечатления, будто я пою дифирамбы себе или мистеру Холмсу, позвольте заметить, что в деле о краже со взломом в деревенской гостинице, откуда можно камнем докинуть до моего дома, местный констебль, не знакомый ни с какими теориями, успел схватить преступника, прежде чем я глубокомысленно умозаключил, что он должен быть левшой с торчащими в подошве гвоздями.

Необычные драматические эффекты, благодаря которым Холмс занял свое место в литературе, сослужили ему великую службу в разгадке тайн. Если ухватиться не за что, к разгадке нипочем не подойдешь. Я слышал об одном таком случае где-то в Америке, так и оставшемся нераскрытым. Некий джентльмен безупречной репутации отправлялся со своими домочадцами на вечернюю воскресную прогулку и вдруг обнаружил, что кое-что забыл. Он вернулся в дом, дверь которого оставалась еще открытой, а его спутники остались ждать на улице. Но он исчез за этой дверью навсегда, и с того дня не нашлось ни единой зацепки, чтобы хоть как-то приблизиться к решению. Могу с уверенностью сказать, что это одна из самых таинственных историй, о которых мне когда-либо доводилось слышать.

А вот еще один уникальный случай, свидетелем которого был я сам. Видный лондонский издатель прислал мне письмо. У него на службе состоял один начальник отдела, назовем его Месгрейв. Он был очень усерден, и больше в его характере ничего примеча-

тельного не было. И вот мистер Месгрейв умирает, а спустя несколько лет после его смерти на его имя по месту службы приходит письмо. На конверте была наклеена марка туристского курорта на западе Канады и пометка «Конфл-филмз», а еще приписка сбоку: «Сообщите Си».

В издательстве, естественно, вскрыли конверт, поскольку никаких сведений о родственниках умершего не имели. Внутри лежали два чистых листка бумаги. Да, нужно сказать, что письмо было заказное. Мой издатель, не понимая, в чем дело, переслал все это мне, и я подверг содержимое конверта всевозможным химическим пробам, а также нагреванию, но никакого результата не получил. Единственный вывод, который я мог сделать, — это то, что почерк на конверте был женский. Дело это и поныне окутано тайной. Почему корреспондент, у которого было сообщить мистеру Месгрейву нечто столь секретное, за несколько лет не сподобился узнать, что его уже нет в живых? Эту загадку так же трудно разрешить, как и то, зачем нужно было с такими предосторожностями пересылать по почте чистую бумагу. Могу добавить, что я не ограничился химической проверкой собственными силами и обратился за советом к лучшему специалисту в этой области — но безрезультатно. Пришлось смириться с неудачей, хотя я испытывал при этом поистине танталовы муки.

Мистер Шерлок Холмс всегда пребывал удобной мишенью для любителей шутки. До сих пор не иссякает поток писем о всяких загадочных историях, придуманных с разной степенью изобретательности и содержащих при себе крапленые карты, многозначительные предостережения, шифрованные записки и прочую корреспонденцию такого рода. Меня поражает масштаб усилий, прилагаемых людьми единственно ради пустого розыгрыша. Однажды, к примеру, когда я входил в зал, чтобы принять участие в турнире бильярдистов-любителей, служитель вручил мне небольшой пакет, оставленный на мое имя. Распечатав его, я обнаружил обыкновенный зеленый мелок, каким пользуются при игре на бильярде. Это меня позабавило, я положил мелок в карман, и он мне пригодился в игре. И я пользовался им вплоть до того дня, пока спустя несколько месяцев, когда я натирал им кончик кия, он не разломился и не обнаружилось, что он по-

лый и внутри спрятана записка со словами: «Шерлоку Холмсу от Арсена Люпена».

Это какой же надо иметь склад ума, чтобы принять столько усилий ради столь жалкого эффекта!

Среди загадочных историй, направляемых на суд мистера Холмса, попалась и такая, которая требовала размышлений на уровне психологии, что выходит за пределы его возможностей. Факты в том виде, в каком они были изложены, чрезвычайно любопытны, хотя я не располагаю доказательством их достоверности, кроме разве того, что дама, написавшая мне, сделала это вполне искренне и даже указала свое имя и адрес. Некая особа, назовем ее миссис Сигрейв, получила антикварное кольцо в виде змейки из тусклого золота. На ночь она снимала его с пальца. Однажды она этого не сделала, и ночью ей приснился страшный сон, как будто какое-то ужасное существо вцепилось ей в руку. Проснувшись, она продолжала чувствовать боль, а наутро заметила на руке отпечаток зубов — причем след свидетельствовал о том, что оставлен он существом, у которого не хватало одного зуба на нижней челюсти. Отметины представляли собой синяки, кожа не была прокушена.

«Не знаю, — писала моя корреспондентка, — что натолкнуло меня на мысль о том, что это происшествие каким-то образом связано с кольцом, но в тех пор я его невзлюбила и в течение нескольких месяцев не прикасалась к нему, но однажды, собираясь в гости, опять надела его на палец». Короче говоря, история повторилась, и дама решила раз и навсегда покончить с этим, бросив колечко в огонь кухонной плиты. Эта любопытная история, которая кажется мне невыдуманной, может быть, не так сверхъестественна, как кажется. Хорошо известны случаи, когда сильные душевные потрясения оказывают физическое воздействие. И зловещий ночной кошмар, и впечатление от укуса могли произвести такой эффект. В медицинских анналах это хорошо описано. Второй случай стал бессознательным повторением первого. Тем не менее эта загадка — будь она психической или реальной природы — чрезвычайно интересна.

В числе загадок, предоставляемых на разрешение мистеру Холмсу, занимают свое место и клады. Письмо, содержащее одну такую задачку, включало и приводимый рисунок.

Эта история связана с индийским судном, потерпевшим кораблекрушение у берегов Южной Африки в 1782 году. Будь я помоложе, я бы обязательно все-рвез занялся этим делом.

На корабле находились уникальные сокровища, в том числе древние королевские регалии из Дели. Предполагалось, что их закопали где-то на побережье и криптограмма изображает как раз это место. У каждого индийского судна в те времена был свой сигнальный язык, и три значка слева на карте предположительно дают к нему ключ. Прочитать же изображенный здесь текст можно будет, обратившись к архивным документам Индийского отдела. Кружок справа явно напоминает компас. Большой полукруг, вероятно, изображает контур рифа или скалы. Трехзначное число указывает, как добраться до пункта X (которым обозначен клад). Скорее всего, оно означает, что клад находится на расстоянии 186 футов от пункта, обозначенного цифрой 4 над полукружьем. Кораблекрушение произошло в ненаселенной части страны, и я был бы крайне удивлен, если рано или поздно кто-нибудь не взялся бы за эту тайну; впрочем, уже сейчас некая теплая компания близка к разгадке.

ДОЛИНА УЖАСА

Часть первая

ТРАГЕДИЯ В БИРАСТОУНЕ

1

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

— Я склонен думать...

— Думайте, думайте,— нетерпеливо бросил Холмс.

Я убежден, что принадлежу к числу самых терпеливых людей, но это насмешливое замечание меня задело.

— Послушайте, Холмс,— сказал я ворчливо,— вы иногда слишком испытываете мое терпение.

Но он был чересчур занят собственными мыслями, чтобы мне ответить, и целиком погрузился в изучение прибывшего по почте листка бумаги, вынутого из конверта. Затем он взял конверт и стал так же внимательно рассматривать его.

— Это рука Порлока,— задумчиво произнес он.— Я не сомневаюсь: это почерк Порлока, хотя до сих пор видел его только дважды. Игрек с особенной верхушкой — это очень характерно. Но если это письмо Порлока, то оно должно содержать важное известие, и прочесть его надо незамедлительно.

Он говорил скорее сам с собой, нежели обращаясь ко мне, но все мое раздражение сразу исчезло.

— Кто этот Порлок?

— Порлок — это только кличка, а за ней, Уотсон, стоит чрезвычайно хитрая и ловкая личность. В предыдущем письме Порлок извещал меня, что это его имя вымышленное, и просил не разыскивать его. Впрочем, Порлок важен не сам по себе, а лишь потому, что находится в контакте с неким значительным лицом. Представьте себе рыбу-лоцмана, сопровождающую акулу, или шакала, бредущего за львом,— вообще какое-либо ничтожество в обществе действительно грозного существа. И не только грозного, Уотсон, но и в

высшей степени таинственного. Вот почему Порлок меня интересует. Я вам уже не раз говорил о профессии Мориарти?

— Ученый и преступник, столь великий в своих хитроумных замыслах, что...

— Что я и теперь вспоминаю о своих поражениях...

— Я, собственно, хотел сказать, что он остается совершенно неизвестным обществу с этой стороны.

— Это явный намек! — воскликнул Холмс. — В вас, Уотсон, скрывается неожиданная жилка едкого юмора. Вас надо остерегаться! Впрочем, назвав Мориарти преступником, вы сами совершили проступок. Как ни удивительно, с точки зрения закона это — клевета. Один из величайших злоумышленников, организатор едва ли не всех преступлений — таков в действительности этот человек. Но он настолько неуязвим, настолько выше подозрений, что за эти ваши слова мог бы привлечь вас к суду за необоснованное обвинение. Разве не он прославленный автор «Движения астероидов», книги, затрагивающей такие высоты чистой математики, что, говорят, не нашлось никого, кто мог бы написать о ней критический отзыв? Можно ли безнаказанно клеветать на такого человека? Это гений, Уотсон! Но придет и наш черед торжествовать!

— Как бы мне хотелось это увидеть! — воскликнул я. — Но вы говорили о Порлоке...

— Ах да... Так вот, этот так называемый Порлок — лишь одно из звеньев в длинной цепи, созданной этим необыкновенным человеком. И звено довольно второстепенное. Более того: звено, давшее трещину. В этом-то и кроется крайняя важность для нас Порлока. Подгоняемый отчасти пробудившейся в нем совестью, а главным образом чеками на десять фунтов, которые я ему посылал, он уже дважды доставлял мне ценные сведения. настолько ценные, что удалось предотвратить преступления. Если мы найдем ключ к шифру, то, не сомневаюсь, и это письмо окажется сообщением того же рода.

Холмс развернул письмо и положил его на стол. Я склонился над ним и стал рассматривать загадочное послание. На листке бумаги было написано следующее:

534 Г2 13 127 36 31 4 17 21 45

Дуглас 109 293 5 37 Бирлстоун.

26 Бирлстоун 9 18 171

— Что вы думаете об этом, Холмс?

— Очевидно, намерение сообщить какие-то секретные сведения.

— Но если нет ключа, какова польза зашифрованного послания?

— В настоящую минуту — ровно никакой.

— Почему вы говорите «в настоящую минуту»?

— Потому что немало шифров я могу прочесть с такой же легкостью, как акrostих по первым буквам каждой строки. Такие несложные задачки только развлекают. Но тут — иное дело. Ясно, что это ссылка на слова, которые можно найти на странице какой-то книги. Однако пока я не буду знать название книги, я бессилен.

— А что могут означать слова «Дуглас» и «Бирлстоун»?

— Очевидно, этих слов нет на взятой странице.

— Почему же не указано название книги?

— Дорогой Уотсон, ваши ум и догадливость, доставляющие столько радости вашему покорному слуге, должны бы подсказать вам, что не следует посылать зашифрованное письмо и ключ к шифру в одном и том же конверте. Скоро, однако, принесут вторую почту, и я буду удивлен, если не получу письма с объявлением или, быть может, самой книги, которой так недостает.

Действительно, спустя несколько минут появился рассыльный Билли, принесший ожидаемое письмо.

— Тот же почерк на конверте. И на этот раз письмо подписано, — удовлетворенно прибавил он, развернув листок. Но, просмотрев его, нахмурился. — Наши ожидания не оправдались. Видно, с этим Порлоком у нас ничего не выйдет. Слушайте! «Многоуважаемый мистер Холмс, я больше не могу ничем помочь вам с этим делом. Оно слишком опасно. Я вижу, он меня подозревает. Я только надписал адрес на конверте, как он неожиданно вошел ко мне. Я успел прикрыть конверт, но прочел в его глазах подозрение. Сожгите зашифрованное письмо — оно для вас теперь бесполезно. Фрэд Порлок».

Некоторое время Холмс сидел молча, держа письмо в руке и сосредоточенно глядя на огонь в камине.

— В сущности, — промолвил он наконец, — что его могло так напугать? Возможно, всего лишь голос не-

чистой совести. Чувствуя себя предателем, он заподозрил обвинение в глазах другого.

— Этот другой, я догадываюсь, профессор Мори-арти?

— Никто иной. Когда кто-нибудь из этой компании говорит «он», то ясно, кого они подразумевают. У них только один «он», главенствующий над всеми остальными.

— И что он затевает?

— Это сложный вопрос. Когда против вас оказывается один из первых умов Европы, а за его спиной стоит целое полчище темных сил, допустимы любые варианты. Как бы то ни было, Порлок, видимо, растерян. Сравните письмо с адресом на конверте, написанным до неприятного визита. На конверте почерк тверд, в письме его можно разобрать с трудом.

— Зачем же он писал, а просто не бросил это дело?

— Боялся, что я буду добиваться разъяснений и тем самым навлеку на него неприятности.

— Верно,— сказал я и, взяв шифрованное письмо, стал напряженно его изучать.— Можно с ума сойти от обиды, что в таком клочке бумаги заключена важная тайна и что невозможно в нее проникнуть.

Шерлок Холмс разжег трубку, бывшую спутницей самых глубоких его размышлений.

— Может быть, здесь все же имеются зацепки, ускользающие от вас. Давайте рассмотрим проблему при свете чистого разума. Этот человек ссылается на какую-то книгу — это исходный пункт.

— Нечто весьма неопределенное, надо признать.

— И все же эта проблема, когда я вдумываюсь в нее, не кажется мне неразрешимой. Какие указания содержатся относительно этой книги?

— Никаких.

— Ну, не так уж все скверно. Шифровка начинается крупным числом пятьсот тридцать четыре. Мы можем принять его в качестве предположения, что речь идет о той странице, к которой нас отсылают как к ключу шифра. Значит, эта книга толстая. Какие еще указания имеются относительно этой толстой книги? Следующий знак — Г два. Что вы скажете о нем?

— «Глава вторая».

— Едва ли так, Уотсон. Раз дана страница, то номер главы уже несуществен. Кроме того, если стра-

ница пятьсот тридцать четыре относится только ко второй главе, то размеры первой главы должны быть чудовищны.

— Графа! — воскликнул я.

— Великолепно, Уотсон! Вы прямо-таки блещете сегодня умом! Наверняка это или графа, или столбец. Итак, мы начинаем теперь из предпосылки наличия толстой книги, напечатанной в два столбца значительной длины, тем более что одно из слов обозначено номером двести девяносто третьим. Теперь еще такое соображение. Если бы книга была из редко встречающихся, он сразу прислал бы ее мне. В действительности же он собирался, пока его планы не были нарушены, сообщить лишь ключ к шифру. А это означает, что книгу я без труда найду у себя. Иначе говоря, Уотсон, речь идет о какой-то очень распространенной книге.

— Весьма похоже.

— Итак, мы можем сильно сузить область наших поисков, поскольку Порлок ссылается на толстую и очень распространенную книгу, отпечатанную в два столбца.

— Библия! — воскликнул я с торжеством.

— Так, хорошо!.. Впрочем, эта догадка, к сожалению, отпадает. Ведь именно Библию труднее всего представить на руках у кого-либо из сподвижников Мориарти. Кроме того, различных изданий Библии существует такое множество, что он не мог рассчитывать на наличие у меня экземпляра с одинаковой нумерацией страниц. Нет, он ссылается на нечто более определенное, он знает наверняка, что указанная им страница окажется тождественной моей пятьсот тридцать четвертой странице.

— Однако книг, отвечающих всем этим условиям, очень немного?

— Верно. И именно в этом наше спасение. Наши поиски должны быть теперь ограничены книгами с постоянной нумерацией страниц, и притом такими, которые обычно есть у всех.

— Какой-нибудь ежемесячник.

— Bravo, Уотсон! Ежегодник! Возьмем номер «Ежегодника Уайтэкера». Он очень распространен. В нем имеется нужное количество страниц. И отпечатан он в два столбца.— Холмс взял томик с книжной полки.— Вот страница пятьсот тридцать четвертая... столбец

второй... о бюджете и торговле Британской Индии. Записывайте слова, Уотсон. Номер тринадцатый — «Махратта». Боюсь, начало разгадывания шарады не особенно благоприятное. Сто двадцать седьмое слово — «правительство». Здесь уже есть какой-то смысл, имеющий, правда, мало отношения к нам и к профессору Мориарти. Теперь посмотрим далее. Что же делает правительство Махратты? Увы! Следующее слово — «перья». Неудача, милый Уотсон. Приходится поставить точку.

Холмс говорил шутливым тоном, но его нахмуренные брови свидетельствовали о степени его разочарования.

Я сидел тоже огорченный, глядя на огонь в камине.

Воцарившееся молчание было нарушено неожиданным возгласом Холмса, появившегося из-за дверцы книжного шкафа с потрепанным томиком в руке.

— Мы поплатились, Уотсон, за свою поспешность. Сегодня седьмое января, и мы взяли только что вышедший номер ежегодника. Но более чем вероятно, что Порлок использовал для своего послания прошлогодний номер. Без сомнения, он сообщил бы нам об этом, если бы второе его письмо было им написано. Теперь посмотрим, на что нам укажет страница пятьсот тридцать четвертая. Тринадцатое слово — «имею», сто двадцать седьмое — «сведения». Это сулит многое. Глаза Холмса возбужденно сверкали. — «Опасность». Отлично! Запишите, Уотсон! «имею сведения — опасность — может угрожать — очень — скоро — некий». Дальше у нас имя «Дуглас». «Богатый — помещик — теперь — в — Бирлстоун — замок — Бирлстоун — уверять — она — настоящая». Все, Уотсон! Что вы скажете о методе чистого разума и его результатах?

Я не открывал глаз от лежавшего на столе листка бумаги, на котором записал под диктовку Холмса текст послания.

— Что за странный и туманный способ выражать свои мысли!

— Наоборот, Порлок очень ясно их выразил, — возразил Холмс. — Когда вы пользуетесь для выражения своих мыслей одним книжным столбцом, то едва ли найдете все, что вам нужно. Кое в чем вынужденно приходится рассчитывать на догадливость вашего корреспондента. Какая-то серьезная опасность нависла над

неким Дугласом, богатым джентльменом, живущим, по-видимому, в своем поместье, на что и указывает Порлок. Он убежден: «уверять» — самое близкое, что ему удалось найти к слову «уверен», — что эта опасность очень близка. Таков результат нашей работы...

Шерлок Холмс испытывал удовлетворение истинного творца, любующегося своим шедевром. Он еще продолжал наслаждаться достигнутым успехом, когда Билли объявил о приходе инспектора Макдоналда из Скотленд-Ярда.

В то время Алек Макдоналд был еще далек от достигнутой им теперь широкой известности. Этот молодой представитель сыскной полиции проявил недюжинные способности в ряде случаев, когда ему доверяли расследование. Его высокая костлявая фигура свидетельствовала о незаурядной физической силе, а открытый высокий лоб и блестящие из-под густых бровей глаза говорили о проницательности и уме. Он был человеком молчаливым, с несколько суровым характером. За годы его службы в полиции Холмс уже дважды выручал его, удовлетворяясь при этом лишь радостью мыслителя, разрешившего сложную проблему. Шотландец отвечал глубокой признательностью и уважением, советуясь с Холмсом в каждом затруднительном случае. Не слишком склонный к дружбе, Холмс относился к шотландцу с симпатией и дружески улыбнулся при виде его.

— Вы ранняя птичка, мистер Мак. Боюсь, что ваш визит вызван каким-либо новым необычайным происшествием.

— Я выбрался так рано потому, что первые часы после преступления самые драгоценные для нас...

Молодой инспектор внезапно запнулся и с величайшим изумлением стал вглядываться в клочок бумаги, лежащий на столе.

— «Дуглас...» — пробормотал он. — «Бирлстоун!» Господа, ведь это же чертовщина! Во имя всего святого, откуда вы взяли эти имена?!

— Из шифра, который доктор Уотсон и я только что разгадали. А в чем дело?

Инспектор продолжал изумленно смотреть на нас обоих:

— Только в том, что мистер Дуглас из Бирлстоунской усадьбы зверски убит сегодня ночью.

Это был один из тех драматических моментов, которые составляли для моего друга главный смысл жизни. Было бы преувеличением сказать, что он выглядел потрясенным. В его характере не было и тени черствости, но, конечно, нервы его были закалены постоянно напряженной работой. Его душевные движения в такие минуты как бы дремали, но зато интеллектуальная восприимчивость повышалась до предела. В данном случае на его лице не было заметно и следа того ужаса, который испытал я после слов Макдоналда, — скорее оно выражало интерес, с каким химик наблюдает причудливое скопление кристаллов на дне колбочки.

— Замечательно! — промолвил он после некоторой паузы. — Замечательно!

— Вы, кажется, не удивлены этим известием?

— Заинтересован, мистер Мак. Почему я должен быть удивлен? Я получил сообщение, что одному лицу грозит опасность. Спустя час я узнаю, что замысел осуществлен и что это лицо убито. Я заинтересован, это верно, но ничуть не удивлен.

Холмс рассказал инспектору о зашифрованном письме и найденном к нему ключе. Макдоналд сидел за столом, опершись подбородком на обе руки, и слушал с напряженным вниманием.

— Я хотел ехать в Бирлстоун сегодня же утром и зашел просить вас сопутствовать мне. Но из вашего сообщения следует, что мы можем более успешно действовать в Лондоне.

— Едва ли так, мистер Мак, — заметил Холмс.

— Взвесьте все, мистер Холмс, — возразил инспектор. — День или два все газеты будут сплошь заполнены бирлстоунской тайной. Но что за тайна, если в Лондоне находится человек, который сумел заранее предсказать преступление? Остается только захватить этого человека, и все будет выяснено.

— Несомненно, мистер Мак. Но каким образом вы предполагаете захватить этого Порлока, как он себя называет?

Макдоналд осмотрел с обеих сторон письмо, полученное Холмсом.

— Штемпель поставлен в Кембервиле. Этот факт не может помочь нам. Имя, вы считаете, вымышленное. Тоже, конечно, не слишком благоприятное обстоятельство. Вы говорите, что посылали ему деньги?

— Два раза.

— Куда именно?

— В Кембервилское почтовое отделение чеками одного из банков.

— И вы ни разу не поинтересовались, кто приходил за ними?

— Нет.

Инспектор был явно озадачен.

— Почему же?

— Потому что я всегда исполняю свое слово. После первого же письма я обещал, что не буду разыскивать его.

— Вы думаете, что он только пешка и что за ним стоит какая-то более значительная личность?

— Я не думаю, я знаю это.

— Этот профессор, о котором я слышал от вас?

— Именно.

— Не скрою от вас, мистер Холмс, у нас в Скотленд-Ярде считают, что вы зря имеете зуб на этого профессора. Я собрал кое-какие сведения о нем: у него репутация почтенного ученого и талантливого человека.

— Я рад, что вы признаете его талантливость.

— После того как мне стало известно ваше отношение к нему, я счел необходимым повидать его. Со своим благородным лицом, с седыми волосами и какой-то особенно торжественной манерой держаться у него вид настоящего министра. Когда он при прощании положил мне руку на плечо, это выглядело так, словно отец благословляет сына, отпуская его в жестокий свет.

Холмс усмехнулся.

— Великолепен! — воскликнул он. — Положительно великолепен! Скажите мне, дорогой Макдоналд, эта приятная интимная беседа происходила в кабинете профессора?

— Да.

— Красивая комната, не правда ли?

— Очень красивая.

— Вы сидели у его письменного стола?

— Совершенно верно.

— Так что вы оказались против источника света, а его лицо было в тени?

— Это происходило вечером... Да, свет лампы был направлен в мою сторону.

— Этого следовало ожидать. Обратили вы внимание на картину за спиной профессора на стене?

— Да, конечно, я заметил картину: на ней изображена голова девушки, вполоборота.

— Это картина Жана Батиста Греза, знаменитого французского художника, жившего во второй половине восемнадцатого века.

Инспектор слушал совершенно безучастно.

— Не лучше ли нам...— начал он.

— Мы именно это и делаем,— прервал его Холмс.— Все, о чем я говорю, имеет прямое отношение к тому, что вы называете бирлстоунской тайной. Это можно даже назвать средоточием ее.

Макдоналд слегка улыбнулся.

— Вы мыслите чересчур быстро для меня, мистер Холмс. Вы отбрасываете одно или два звена в своих рассуждениях, а потому я не могу поспеть за вами. Что может быть общего между давно умершим художником и бирлстоунским делом?

— Одна известная картина Греза недавно на аукционе у Порталиса была оценена в миллион двести тысяч франков.

Лицо инспектора сразу выразило живейший интерес.

— Я хочу напомнить вам,— продолжал Холмс,— что размеры жалования профессора Мориарти можно узнать крайне легко: он получает семьсот фунтов в год.

— В таком случае как же он мог приобрести...

— Вот именно: как он мог?

— Продолжайте, пожалуйста, мистер Холмс. Меня это чрезвычайно заинтересовало. Любопытнейшая история!

— А как же насчет Бирлстоуна? — спросил Холмс, улыбаясь.

— У нас еще есть время,— ответил инспектор, взглянув на часы.— У ваших дверей меня ждет кеб, в двадцать минут он доставит нас на вокзал Виктории. Но относительно этой картины... Вы, мистер Холмс, кажется, однажды говорили мне, что никогда не бывали у профессора Мориарти?

— Да, никогда.

— Каким же образом вы знакомы с его квартирой и обстановкой?

— А это другое дело. Я три раза посетил его квартиру без приглашений, два раза под разными предложениями ожидал его и уходил до его возвращения. А третий раз... Ну, об этом визите я не буду распространяться перед официальным представителем сыскной полиции. Скажу только, что в этот раз я позволил себе просмотреть его бумаги. Результаты получились совершенно неожиданные!

— Вы обнаружили что-нибудь компрометирующее?

— Совершенно ничего. Это-то и поразило меня. Впрочем, есть одна вещь, о которой вы теперь знаете,— картина. Следует полагать, что он очень богатый человек. Но как он приобрел свое богатство? Он не женат. Его младший брат служит начальником железнодорожной станции где-то на западе Англии. Кафедра дает ему семьсот фунтов в год. И тем не менее у него имеется подлинный Грез.

— Вы думаете, его богатство создается незаконными путями?

— Конечно. Но я имею и другие основания для подобного вывода: десятки тончайших нитей извилистыми путями ведут к центру паутины, где скрывается это с виду бездеятельное, но ядовитое существо. Я упомянул о Грезе только потому, что вы видели его сами.

— Признаюсь, все рассказанное вами крайне интересно. Но укажите на что-нибудь поопределеннее. В чем его следует обвинять: в подлогах, в изготовлении фальшивых денег, в убийствах? Откуда у него берутся деньги?

— Читали вы когда-либо о Джонатане Уайлде?

— Имя как будто знакомое. Из какого-нибудь романа, не правда ли? Я, признаться, недолюбливаю сыщиков из романов: герои совершают подвиги, но никогда не рассказывается, как именно они их совершают. Чистый вымысел, мало похожий на действительность.

— Джонатан Уайлд — это не сыщик и не герой романа. Это выдающийся преступник, живший в прошлом столетии.

— В таком случае мне до него нет дела. Меня

интересует только современная жизнь, я человек практичный.

— Мистер Мак, в жизни решительно все повторяется, даже профессор Мориарти. Джонатан Уайлд был как бы невидимой пружиной, тайной силой лондонских преступников, которым он ссужал за пятнадцать комиссионных процентов с добычи свой ум и организаторский талант. Старое колесо поворачивается, и спицы возвращаются на прежние места. Все, что мы видим, когда-то уже было и снова будет. Я расскажу вам кое-что еще о Мориарти.

— Пожалуйста.

— У меня был случай узнать, кто служит первым звеном в созданной им цепи, на одном конце которой находится человек с направленным в дурную сторону умом, а на другом — сотня жалких мелких жуликов и шулеров. Что касается средней части этой цепи, то ее вы можете заполнить, без боязни ошибиться, едва ли не всеми видами уголовных преступлений. Начальник его штаба, стоящий также поодаль, вне всяких подозрений, столь же недоступен карающей руке закона. Это полковник Себастьян Моран. Как вы думаете, сколько он ему платит?

— Затрудняюсь что-либо сказать.

— Шесть тысяч фунтов в год. Это оценка ума, сделанная, как видите, в духе американских дельцов. Сумма эта превышает оклад премьер-министра. Такая подробность дает вам представление о доходах Мориарти и масштабах, которыми он оперирует. Теперь другой момент. Я счел важным поинтересоваться несколькими последними чеками Мориарти. Самыми обыкновенными и невинными чеками, которыми он оплачивает свои счета по хозяйству. Они оказались выданными на шесть различных банков. Что вы скажете об этом?

— Странно, конечно. А какой вывод делаете вы?

— Тот вывод, что он стремится избежать лишних разговоров о своем богатстве. Ни один человек не должен знать, сколько в действительности у него денег. Наверняка у него не менее двадцати счетов в различных банках. Большая часть из них размещена, надо полагать, за границей, скорее всего в Германском или Лионском банках.

Макдоналд слушал очень внимательно, но шотланд-

ская практичность заставила его прервать моего друга.

— Согласитесь, мистер Холмс, вы несколько отвлеклись. Пока нам известно только, что имеется какая-то связь между профессором и преступлением в Бирлстоуне. Такой вывод вы делаете из предупреждения, полученного вами от некоего Порлока. Какие еще предположения можем мы сделать?

— Мы можем высказать несколько догадок о мотивах преступления. Вам следует знать, что Мориарти держит своих подопечных прямо-таки в железных тисках. Введенная им дисциплина ужасна. Единственное наказание в его кодексе — смерть! Это дает основание прежде всего предположить, что убитый Дуглас изменил своему начальнику и понес наказание. Когда о нем станет известно остальным, то страх смерти еще сильнее укрепит дисциплину. Ожидающая Дугласа судьба была известна заранее одному из второстепенных членов шайки, и он сообщил об этом мне.

— Это одно предложение...

— Другое — что это одна из обычных махинаций Мориарти. Был там грабеж?

— Я не слыхал об этом.

— Если был, то это говорит против первой гипотезы и в пользу второй. Мориарти мог быть привлечен к делу обещанием доли в добыче или руководить им за плату наличными. И то и другое одинаково возможно. Но как бы там ни было, ответы на все вопросы мы должны искать в Бирлстоуне.

— В таком случае — едем в Бирлстоун! — согласился Макдоналд и встал со стула. — Черт возьми! Уже поздно, господа, поэтому на сборы у вас всего несколько минут.

Холмс и я встали и начали одеваться.

— Мистер Мак, в дороге вы расскажете нам обо всех известных вам деталях...

Сведения оказались довольно скудными, но все же выяснилось, что ожидавшее нас дело было исключительным. Выслушивая сухие и с виду незначительные подробности, Холмс оживился и время от времени потирал руки, похрустывая тонкими пальцами. Месяцы бездеятельности остались позади, и теперь наконец его замечательным способностям нашлось достойное применение. Холмс совершенно преобразился:

глаза его блестели, и все тонкое, нервное лицо как бы озарилось внутренним светом. С напряженным вниманием слушал он краткий рассказ Макдоналда о том, что нас ожидало. Письменное сообщение о происшедшем было получено инспектором с первым утренним поездом. Местный полицейский офицер Уайт Мейсон — его личный друг; этим объясняется, что Макдоналд получил извещение скорее, чем это обычно происходит, когда кого-либо из Скотленд-Ярда вызывают в провинцию.

«Дорогой инспектор Макдоналд, — гласило письмо Мейсона, — официальное приглашение Вы получите в отдельном конверте. Я пишу Вам частным образом. Телеграфируйте мне, с каким поездом Вы можете приехать в Бирлстоун, и я встречу Вас сам или, если буду занят, поручу кому-нибудь. Случай очень странный. Приезжайте, пожалуйста, не теряя ни минуты. Постарайтесь, если удастся, привезти мистера Холмса, он найдет здесь немало интересного. Можно подумать, что вся картина рассчитана на театральный эффект, если бы в центре ее не лежал убитый человек. Даю Вам слово: чревычайно странный случай».

— Ваш приятель, кажется, не глуп, — заметил Холмс.

— Да, сэр, насколько я могу судить, Уайт Мейсон очень деловой человек.

— Хорошо, что еще можете вы сказать?

— Ничего. Подробности он расскажет нам при встрече.

— Как же вы узнали имя Дугласа и то, что он убит зверским образом?

— Об этом говорилось в официальном сообщении. В нем не упоминается слово «зверский». Это — неофициальный термин. Там названо имя Джона Дугласа. Указано, что причина смерти — ранение в голову и что орудие убийства — охотничье двустольное ружье. Сообщается также и время преступления: вскоре после полуночи. Далее добавлено, что пока никто не арестован. В заключение сказано, что случай незаурядный и что вся обстановка дает возможность делать самые различные предположения. Это решительно все, мистер Холмс, что у нас пока есть.

— В таком случае, мистер Мак, с вашего позволения, мы на этом остановимся. Мне хочется подумать.

Наконец у меня появилась возможность описать события, разыгравшиеся в Бирлстоуне, находящемся к северу от Лондона. Целые века пребывал этот городок в запущенном состоянии, но за последние годы его живописное месторасположение привлекло зажиточных горожан, виллы которых стоят теперь посреди окрестных лесов. В самом Бирлстоуне появилась масса лавок, обслуживающих возросшее население.

В полумиле от центра Бирлстоуна, в старом парке, украшенном огромными буквами, находится старинная усадьба. Часть этой почтенной постройки относится ко времени первых крестовых походов. Здание сильно пострадало от огня в 1543 году, но кое-что из постройки уцелело, и вскоре на месте руин феодального замка поднялась кирпичная усадьба. С черепицей на крыше и узкими оконцами, она выглядит и сейчас такой же, какой создали ее в начале семнадцатого века. Из двух рвов, когда-то ограждавших владения воинственных феодалов, один наполнен водой. Поэтому единственный доступ к дому открывает подъемный мост, который поднимается каждую ночь и опускается каждое утро. Таким образом, усадьба еженощно превращается в своеобразный остров. Этот факт имел прямое отношение к тайне, привлекаясь вскоре внимание всей Англии.

Проживавшая в доме семья состояла из двух лиц: Джона Дугласа и его жены. Дуглас, судя по рассказам, был человеком около пятидесяти, статным, с мужественным лицом, крупной челюстью, пронизывающими серыми глазами и седыми усами. Он был со всеми приветлив, но что-то в его манерах оставляло впечатление, словно в прошлом ему приходилось вращаться в гораздо более низких кругах. У него было достаточно золота; говорили, что он добыл его на калифорнийских приисках. Хорошее отношение к нему укрепилось и благодаря репутации храбреца. Так, во время пожара Дуглас удивил всех бесстрашием, с каким он бросился в горящий дом спасать имущество викария — уже после того, как пожарная команда сочла это дело невозможным.

Жена его тоже была популярна среди жителей Бирлстоуна, хотя англичане, особенно провинциалы,

неохотно сближаются с чужеземцами. Миссис Дуглас вела довольно замкнутый образ жизни. Было известно, что она познакомилась с Дугласом в Лондоне, когда он овдовел. Это была красивая женщина, стройная, смуглая, лет на двадцать моложе своего супруга — разница, которая, казалось, никак не отражалась на их семейном счастье. Лишь самые близкие знакомые замечали, что между супругами не существовало взаимного доверия, по-видимому, после того, как жене стало что-то известно о прошлом мужа. Кроме того, миссис Дуглас явно нервничала, когда ее супруг поздно возвращался домой.

Было еще одно лицо, пребывание под кровлей Дугласов которого совпало с происшедшей трагедией. Это — Сесил Бэркер из Гемстэда. Его плотную фигуру часто можно было видеть в Бирлстоуне, так как он был желанным гостем в усадьбе. Считалось, что он один знал таинственное прошлое мистера Дугласа. Из слов Бэркера узнали, что впервые он познакомился с Дугласом в Америке и пережил вместе с ним трудные времена. Бэркер казался человеком весьма обеспеченным. Он был моложе Дугласа, лет сорока пяти, широкогрудый, с гладко выбритым лицом, с густыми черными бровями. Чаще всего он проводил время в прогулках или же в поездках по окрестностям с Дугласом или его женой. «Добрый, щедрый джентльмен, — отзывался о нем дворецкий Эмс, — но я не хотел бы оказаться на месте человека, вздумавшего ему перечить». Бэркер был в очень близких отношениях с Дугласом и весьма дружен с его женой, что, как было заметно, причиняло огорчение самому Дугласу. Это примерно все, что можно сказать о Бэркере, оказавшемся в семье Дугласов в день катастрофы. Из прислуги следует упомянуть о почтенном Эмсе и миссис Эллен, веселой и приветливой особе, разделявшей с миссис Дуглас заботы по хозяйству.

Было около двенадцати в ночь на шестое января, когда первое известие о происшествии получил местный полицейский пост, находящийся под началом сержанта Уилсона. Страшно взволнованный Бэркер сообщил об убийстве мистера Дугласа и сразу помчался обратно в усадьбу. Вскоре за ним явился полицейский сержант. Он прибыл на место преступления несколько позже двенадцати часов, успев предупредить обо всем местные власти. Сержант увидел

подъемный мост опущенным, а окна ярко освещенными. В дверях стоял перепуганный дворецкий. Сесил Бэркер предложил сержанту следовать за ним.

Почти сразу пришел постоянный житель Бирлстоуна доктор Вуд. Трое мужчин вошли в роковую комнату. Мертвый Дуглас лежал распростертый на спине. Доктор встал на колени, но одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в беспечности его визита.

Убитый был до крайности обезображен. На груди лежало странное оружие: охотничье ружье со стволами, спиленными на фут от курков. Было ясно, что выстрел произведен с очень близкого расстояния и поэтому заряд разнес голову почти на куски. Курки были связаны проволокой, по-видимому, для того, чтобы сделать одновременно выстрел из обоих стволов.

Полицейский был растерян от сознания ответственности, которая легла на его плечи.

— Мы ничего не будем трогать до прибытия начальства,— еле слышно произнес он, не спуская глаз с трупа.

— Ничего и не было тронуту,— сказал Сесил Бэркер.— Все осталось в том виде, в каком застал я.

— Когда вы это обнаружили? — спросил сержант, вытащив записную книжку.

— Часы пробили половину двенадцатого. Я еще не раздевался и сидел у камина в своей спальне, как вдруг услышал выстрел. Он был не громким, а как бы чем-то приглушенным. Я тут же бросился вниз. Прошло наверняка не более тридцати секунд, как я был уже в комнате Дугласа.

— Дверь была открыта?

— Да, открыта. Бедняга Дуглас лежал так же, как вы его сейчас видите. На столе горел ночник.

— Вы никого не видели?

— Нет. Я услышал, что миссис Дуглас спускается по лестнице вслед за мной, и поспешил преградить ей дорогу. Экономка Эллен тоже пришла, она и увела ее. Затем появился Эмс, и я вернулся с ним опять сюда.

— Но мне казалось, что мост в усадьбе поднимается на всю ночь?

— Он и в эту ночь был поднят, пока я его не опустил.

— Тогда каким же образом убийца мог скрыться? Мистер Дуглас, вероятно, сам покончил с собой.

— Я тоже сначала так думал. Но посмотрите,— Бэркер отдернул занавеску: окно оказалось раскрытым настежь.— А вот еще! — Он показал на подоконнике кровавое пятно, похожее на след сапога.— Кто-то становился сюда, когда вышел.

— Вы думаете, что он пробрался через ров?

— Иначе никак нельзя.

— Таким образом, если вы очутились в комнате через полминуты после убийства, то он должен был в это время находиться в воде.

— Я убежден в этом. К сожалению, я не догадался сразу подбежать к окну. Его прикрывала занавеска, и мне не пришло в голову поднять ее. Потом я услышал шаги миссис Дуглас; я не мог допустить, чтобы она вошла сюда и увидела весь этот ужас.

— Но допустим даже,— заметил сержант,— что молодчик удрал через ров. Как он мог попасть в дом, раз мост был поднят?

— На этот вопрос,— сказал Бэркер,— у меня нет ответа.

— В котором часу мост был поднят?

— Около шести часов,— сказал дворецкий.

— А я слышал,— заметил полицейский,— что его обыкновенно поднимают сразу после захода солнца. В это время года, однако, оно заходит ближе к половине пятого, чем к шести.

— У мистера Дугласа были гости к чаю,— объяснил Эмс.— И я не мог поднять мост раньше, чем они ушли.

— Значит, убийца пришел извне и должен был перейти мост до шести часов и сидеть в засаде до тех пор, пока мистер Дуглас после одиннадцати вошел в свою комнату. Потом, убегая через окно, убийца оставил ружье. Я так понимаю... Конечно, следствие все выяснит.— Неожиданно сержант поднял карточку, лежащую около убитого на полу. На ней были нацарапаны инициалы «Д. В.», а под ними — число: триста сорок один.— Это что еще такое?

Бэркер с любопытством взглянул на карточку.

— Я этого раньше не заметил,— сказал он.— Вероятно, убийца обронил ее.

— «Д. В. Триста сорок один». Ничего не понимаю.— Сержант вертел карточку в руках.

— Что значит «Д. В.»? Чьи-нибудь инициалы? Что вы там еще нашли, доктор?

Находкой оказался увесистый молоток, лежавший на ковре перед камином. Бэркер указал рукой на ящик гвоздей, стоящий на мраморной доске камина.

— Мистер Дуглас вчера перевешивал картины,— сказал он.— Я видел, как он стоял вот на этом стуле, стараясь укрепить большую картину.

— Вы лучше положите его обратно на ковер, откуда взяли,— приказал сержант доктору, почесывая в раздумье голову.— Ого! — взволнованно вскрикнул он, отдергивая занавеску с другой стороны.— В котором часу были спущены занавеси?

— Когда зажгли свет, — ответил дворецкий,— сразу после четырех часов.

— Здесь кто-то выжидал,— сержант показал в углу следы от грязных сапог.— Если исходить из вашей теории, мистер Бэркер, то выходит, что убийца вошел в дом после четырех, когда занавеси были спущены, но до шести, пока мост не был поднят. В комнате не нашлось места, куда можно было бы спрятаться, и он забился под гардины. Это совершенно очевидно.

— Не теряем ли мы драгоценного времени? — спросил Бэркер.— Не лучше ли нам обыскать местность, пока убийца не скрылся?

Сержант раздумывал с минуту.

— Отсюда нет поездов раньше шести утра, так что поездом он уехать не может. Если же он пойдет по дороге, то всякий обратит внимание на его грязные сапоги и приметит его. Впрочем, в любом случае я не могу уйти отсюда, пока меня не сменят.

Доктор внимательно осматривал мертвое тело.

— Что это за знак? — спросил он.— Не имеет ли он какую-либо связь с преступлением? — Правая рука убитого была высвобождена из халата и обнажена до локтя. Выше запястья виднелся странный коричневый знак: треугольник в кружке. — Это не татуировка,— продолжал доктор, глядя поверх очков,— это давно выжженный знак, вроде тех, которым клеймят скот. Что вы думаете на этот счет?

— Знак этот я видел у Дугласа в течение последних десяти лет,— ответил Сесил Бэркер.

— И я тоже,— заявил дворецкий.— Всякий раз, когда хозяину приходилось засучивать рукава, я видел эту странную метку. Я часто удивлялся, что бы она могла значить.

— Значит, знак не имеет ничего общего с убийст-

вом,— сказал сержант Уилсон.— Но все же это очень странно... Ну, что еще?

Дворецкий изумленно указывал на руку убитого.

— Он снял его обручальное кольцо!

— Что?

— Да! Мистер Дуглас всегда носил свое обручальное кольцо на мизинце левой руки. Это вот кольцо, сделанное из золотого самородка, было надето всегда выше того, а кольцо змейкой — на третьем пальце. Вот кольцо из самородка, вот змейка, а обручальное кольцо исчезло.

— Дворецкий прав,— подтвердил Бэркер.

— Если мистер Дуглас носил обручальное кольцо под самородком, то убийце пришлось снять сначала его, потом — обручальное кольцо, а затем надеть кольцо из самородка обратно?

— Да, так.

Уилсон сокрушенно покачал головой:

— Чем скорее передадим мы это дело в Лондон, тем для нас будет лучше. Уайт Мейсон — ловкий человек, однако, думаю, все равно придется обратиться в Лондон. Это сложнейшее дело не по нашим силам.

4

ПОТЕМКИ

По срочному вызову сержанта Уилсона в три часа ночи прибыл в легком кебе начальник сыскной полиции графства. С первым же утренним поездом он послал сообщение в Скотленд-ярд и в двенадцать приветствовал нас на Бирлстоунской станции. Мистер Уайт Мейсон, спокойный и по виду рассудительный человек, с загорелым лицом, мужественной фигурой и слегка кривыми ногами в гетрах, походил в своем широком сюртуке на мелкого фермера или жокея, но только не на криминалиста.

— Ну, мистер Макдоналд,— обратился он к нему,— здесь каверзный случай. Сюда газетчики слетятся, как мухи, стоит им только прослышать о происшедшем. Но, надеюсь, мы его закончим раньше, чем они успеют сунуть свои носы. Тут найдется много заманчивого и для вас, мистер Холмс. Как и для вас, доктор Уотсон, поскольку медику тоже найдется работа. Всем вам отведены номера в гостинице Уэствилл.

Через десять минут мы уже расположились в отеле и почти сразу собрались в гостиной, чтобы совместно составить картину в полном объеме. Макдоналд делал заметки в записной книжке. Холмс же молча слушал, и на лице его читалось то изумление, то нескрываемое восхищение.

— Замечательно! — воскликнул он, когда ход событий был нам изложен. — В высшей степени замечательно! Уверяю вас, я не могу припомнить ни одного дела из своей многолетней практики с более интригующими обстоятельствами.

— Я был уверен, что вы это скажете, мистер Холмс, — заметил Мейсон. — Уилсон толково собрал факты. Я проверил их и дополнил своими выводами.

— Какими же? — с живостью осведомился Холмс.

— Во-первых, я осмотрел молоток и не нашел на нем никаких следов. Если бы мистер Дуглас защищался молотком, то он должен был нанести убийце удар, и тогда хоть пятнышко крови на нем осталось бы.

— Это совсем не обязательно, — возразил инспектор Макдоналд. — Встречаются убийства с помощью молотков, и на них не находят никаких следов.

— Допустим. Затем я осмотрел ружье. Оно было заряжено крупной дробью, и, как показал сержант Уилсон, курки были связаны вместе, так что если потянуть за спуск, то оба ствола разрядятся сразу. Надо думать, это было рассчитано на случай промаха. Спиленное ружье имеет длину не более двух футов, так что его можно было пронести под одеждой. На нем нет полного имени фабриканта, только печатные буквы «Пен» на планке между стволами. Остальное оказалось спиленным.

— Большое «П» с украшением под ним, а «е» и «н» поменьше? — спросил Холмс.

— Точно так.

— «Пенсильванская оружейная компания», очень известная американская фирма, — сказал Холмс.

Мейсон воззрился на моего друга, как деревенский лекарь на специалиста с Гарлей-стрит.

— Несомненно, вы правы, мистер Холмс. Удивительно, неужели вы можете удержать в памяти названия всех оружейных заводов?

Холмс никак не отреагировал на эту реплику.

— Без сомнения, это американское охотничье ружье, — продолжал Мейсон. — Я где-то читал, что спи-

ленными охотничьими ружьями пользуются в некоторых штатах Америки. Эта наводящая на след мысль пришла мне в голову даже до нахождения букв между стволами. Значит, очевидно, что человек, прокрадвшийся в дом и убивший его хозяина, был американцем.

Макдоналд покачал головой.

— Это совсем не очевидно,— сказал он.— Я до сих пор не уверен, что в доме был кто-либо чужой.

— А как же окно, кровь на подоконнике, странная карточка, следы сапог в углу, ружье?

— Все могло быть подстроено. Дуглас был американцем или долго жил в Америке. Также и Бэркер. Вам совершенно не нужно вводить в дом американца, чтобы приписать ему все эти штуки.

— Эмс, дворецкий...

— На него можно положиться?

— Он десять лет служил у сэра Чарльза Чэндоса и надежен, как скала. Он жил у Дугласа еще до того, как тот снял усадьбу. Так вот, Эмс никогда не видел в доме подобного ружья.

— Ружье старались скрыть, потому и спилили стволы. Его легко можно было уложить в любой чемодан. Как Эмс может быть уверен, что такого ружья не было в доме?

— Все же вряд ли он в таком случае хоть раз бы его не увидел.

Макдоналд снова покачал головой.

— И все-таки я не убежден, что никакого ружья никогда не было в этом доме.

— Поделитесь тогда с нами своими соображениями, мистер Мак,— сказал Холмс тоном третейского судьи.

— Человек этот — не вор. История с кольцом и карточка указывают на предумышленное убийство из личных побуждений. Человек прокрадывался в дом с обдуманном намерением совершить убийство. Он знает, что, удирая, столкнется с трудностями, ибо дом окружен ровом с водой. Какое же оружие выбрать? Конечно, самое бесшумное. Тогда он мог бы надеяться, совершив убийство, ускользнуть в окно и перейти ров. Надеюсь, с таким рассуждением все согласятся. И согласятся с тем, что абсурдно было бы принести с собой самое шумное оружие, какое только существует. Прекрасно зная при этом, что каждый человек в доме прибежит на выстрел со всех ног и обнаружит его прежде, чем он переберется через ров.

— Да, вы основательно продумали свою аргументацию,— задумчиво произнес мой друг.— Необходимы особенно веские доказательства обратного. Скажите, Мейсон, когда вы исследовали внешнюю сторону рва, вы не обнаружили следов, оставленных человеком после прогулки по воде?

— Никаких следов, мистер Холмс. Однако по краю рва тянется каменная облицовка, которую надо бы еще раз хорошенько осмотреть.

— Мистер Мейсон, вы не против того, чтобы мы немедленно отправились на место?

— Я только что хотел предложить это, мистер Холмс, поскольку уже предварительно познакомил вас со всеми фактами.

Мы отправились по живописной сельской дороге, обрамленной с обеих сторон сначала рядами подстриженных вязов, затем — старых дубов. В общем, один из характерных пейзажей сельской Англии. После крутого поворота перед нами возник большой низкий дом из темно-коричневого кирпича со старинным садом из тисовых деревьев. Когда мы подошли поближе, то увидели и деревянный подъемный мост, и широкий ров с водой, блестящей, словно ртуть на холодном зимнем солнце. Три столетия пронеслись над этим домом — годы рождения и смерти, сельских праздников и псовых охот. Странно, и теперь это мрачное здание как бы отбрасывало свою тень на веселые долины.

Холмс подошел к краю рва и заглянул в него. Потом он исследовал каменную облицовку и траву.

— У меня хорошее зрение, мистер Холмс,— заметил Мейсон.— Тут нет никаких следов того, что кто-нибудь здесь вскарабкивался. Впрочем, разве преступник обязательно должен был оставить след?

— Иначе быть не могло... Вода всегда мутная?

— Почти всегда. Поток несет тину;

— Какая глубина?

— Около двух футов по бокам и три посредине.

— Так что убийца не мог утонуть, пересекая ров?

— Даже ребенок в нем не утонул бы.

Мы миновали подъемный мост и были встречены длинным, высохшим, с некоторыми следами былой чопорности человеком. Это и оказался дворецкий Эмс. Бедный старик был бледен и все еще дрожал от нервного потрясения. Бирлстоунский полицейский — рос-

лый меланхолический человек с солдатской выправкой — стоял на страже у роковой комнаты. Доктор уже ушел.

— Ничего нового, Уилсон? — спросил Мейсон.

— Ничего, сэр.

— Теперь вы можете возвратиться к себе. Мы пошлем за вами, если будет нужно. Скажите дворецкому, чтобы он предупредил мистера Бэркера, миссис Дуглас и экономку, что нам понадобится поговорить с ними. Теперь, господа, — обратился к нам Мейсон, — вы, может быть, разрешите мне поделиться здесь, на месте, некоторыми дополнительными рассуждениями?

Мне определенно нравился этот провинциальный сыщик. Он обладал здравым смыслом, который, несомненно, поможет ему сделать карьеру. Даже Холмс слушал его внимательно, без нетерпения, так часто проявляемого специалистами по отношению к своим младшим коллегам.

— Произошло ли тут самоубийство или убийство — это первый вопрос, господа, на который нам надо ответить. Если это самоубийство, то мы вынуждены допустить, что самоубийца снял свое обручальное кольцо и спрятал его; что потом он пришел сюда в халате, в сырой обуви, натоптал в углу за гардиной, чтобы показать, что кто-то его подстерегал, потом открыл окно, затем кровью...

— Весь этот вариант мы можем отбросить, — перебил Макдоналд.

— Я тоже так думаю. Самоубийство отпадает. Остается убийство. Тогда следует определить, совершенно ли оно забравшимся сюда неизвестным или кем-то, проживающим в доме.

— Хорошо. Приведите ваши соображения.

— И в том и в другом случае мы сталкиваемся со значительными затруднениями. Но так или иначе, преступление совершено. Предположим, что виновен кто-то из живущих в доме. Он прикончил Дугласа из наиболее шумного оружия, что должно было вызвать во всем доме переполох.

— Несомненно.

— Известно, что после выстрела прошла всего минута, прежде чем не только мистер Бэркер, но и Эмс оказались на месте убийства. Каким же образом за это время преступник успел натоптать в углу, открыть окно, вымазать косяк кровью, стащить обручальное кольцо с пальца убитого и все прочее? Это невозможно.

— Вы очень точно все разъяснили, — сказал Холмс. — Я с вами полностью согласен в этом вопросе.

— Теперь обратимся к версии, что убийца пришел со стороны. Мы неизбежно сталкиваемся в этом случае с большими трудностями, хотя сама версия не может считаться невероятной. Убийца попал в дом между половиной пятого, то есть уже в сумерки, но до того, как подняли мост. В доме гости, дверь открыта, так что ему ничто не мешало. Он мог просто явиться сюда по личному делу к мистеру Дугласу. Так как Дуглас провел большую часть жизни в Америке и ружье оказалось американским, то вполне вероятно, что убийство совершено из мести. Преступник пришел в эту комнату и притаился за гардиной. Здесь он пробыл до одиннадцати часов ночи. Когда мистер Дуглас вошел в комнату, между ними произошел краткий разговор. Если вообще он произошел, так как миссис Дуглас утверждает, что после ухода мужа прошло не более пяти минут, когда она услышала выстрел...

— Свеча-ночник это подтверждает, — сказал Холмс.

— Верно. Взята была новая свеча, и она успела сгореть не больше чем на полдюйма. Он поставил ее на стол, прежде чем произошло нападение, иначе она должна была бы упасть вместе с ним. Это доказывает, что на него напали не сразу после того, как он вошел в комнату. Когда явился мистер Бэркер, свет был зажжен, а свеча потушена. Из этих предположений я стараюсь воспроизвести сцену убийства. Мистер Дуглас входит в комнату, ставит свечу. Показывается человек из-за гардины. Он вооружен ружьем. Требуется обручальное кольцо — Бог знает, зачем, но это, наверное, было так. Мистер Дуглас отдает его. Тогда — или хладнокровно, или борясь — Дуглас хватается за молоток, найденный на ковре. Человек стреляет в него, потом бросает ружье, а также и эту странную карточку «Д. В. 341» и убегает через окно, спускается в ров как раз в тот момент, когда Бэркер обнаружил преступление. Как вы считаете, мистер Холмс?

— Интересно, только не совсем правильно.

— Это было бы чрезвычайно интересным, если бы не было гораздо более нелепым, — вмешался Макдоналд. — Преступник, стоявший за портьерой, кто бы он там ни был, наверняка мог бы сказать вам, что убийство он совершил бы другим образом. В самом деле, на что он рассчитывал, отрезая сам себе путь к

отступлению? На что он рассчитывал, стреляя из охотничьего ружья, когда тишина была для него единственным спасительным шансом? Пожалуйста, мистер Холмс, может быть, вы нам это объясните, если находите теорию мистера Мейсона убедительной?

В течение всего разговора Холмс просидел почти молча, не пропустив ни одного сказанного слова и лишь изредка внимательно поглядывая по сторонам.

— Надо собрать больше фактов, чтобы сделать окончательные выводы, мистер Мак, — сказал он, опускаясь на колени перед трупом. — Можно вызвать дворецкого на минутку?.. Так... Эмс, наверное, вы часто видели этот странный знак на руке мистера Дугласа: выжженный треугольник посередине круга?

— Конечно, сэр.

— Вы никогда не слышали каких-либо объяснений по этому поводу?

— Никогда.

— Это, несомненно, клеймо. Так... Эмс, а вот маленький кусочек пластыря в углу рта мистера Дугласа. Заметили вы его?

— Да, сэр. Бреясь вчера утром, он порезался.

— А случилось ему прежде порезаться при бритье?

— Не так давно, сэр...

— Так, так! Это может быть случайным совпадением, но и проявлением некоторой нервности, свидетельствующей, что он имел основания бояться чего-то. Вы не заметили вчера чего-нибудь необычного в его поведении, Эмс?

— Мне показалось, сэр, что он был немного рассеян и обеспокоен.

— Значит, нападение было не совсем неожиданным. Понемногу мы продвигаемся вперед. Но, быть может, вы хотите продолжить расследование, мистер Мак?

— Нет, мистер Холмс, оно сейчас в лучших руках.

— Хорошо, тогда перейдем к карточке «Д. В. 341»... Она с неровным обрезаем. У вас в доме нет бумаги такого сорта?

— Никак нет, сэр.

Холмс подошел к письменному столу и накапал чернил из каждой чернильницы на пресс-папье.

— Надпись сделана не здесь, тут чернила черные, а на карточке — красные. Да и написано толстым пером, а тут все перья тонкие. Нет, это было написано в

другом месте. Вам что-нибудь говорит эта надпись, Эмс?

— Нет, сэр.

— А что вы думаете, мистер Мак?

— Мне пришла мысль о каком-то тайном обществе. Справедливость ее подтверждает знак на руке.

— Я тоже так считаю, — сказал Мейсон.

— Только возьмем за основу эту гипотезу и посмотрим, насколько прояснится наше положение. Член подобного общества пробирается в дом, дожидается мистера Дугласа, почти полностью разносит ему голову из ружья и скрывается через ров, оставив возле убитого карточку. Для чего? Да для того, чтобы она была впоследствии упомянута в газетах и другие члены общества узнали, что мщение совершено. Вот только почему из всех видов оружия выбрано именно ружье?

— Действительно, странно.

— И куда исчезло обручальное кольцо?

— Также непонятно.

— И почему до сих пор никто не арестован? Сейчас уже больше двух часов. Надеюсь, необходимые распоряжения были даны и с самого утра каждый констебль на расстоянии сорок миль разыскивает подозрительных субъектов в промокшем платье?

— Конечно, мистер Холмс.

— Он мог исчезнуть, только забившись в какую-нибудь нору или сменив одежду.

Холмс подошел к столу и стал изучать с помощью лупы кровавый след на подоконнике.

— Нет сомнений, след сапога. Но какой огромный! Судя по следам в углу, можно предположить, что у него более изящные ноги... А что это под столом?

— Гимнастические гири мистера Дугласа, — сказал Эмс.

— Гимнастическая гиря тут одна. Где же вторая?

— Не знаю, мистер Холмс. Может быть, и была всего одна. Я не обращал на это внимания.

— Одна гимнастическая гиря... — повторил Холмс задумчиво.

Но тут раздался сильный стук в дверь. В комнату вошел высокий и загорелый джентльмен. Было нетрудно догадаться, что это — Сесил Бэркер. Его глаза смотрели вопрошающе, когда он переводил их с одного лица на другое.

— Извините, что помешал, — сказал он, — но мне надо сообщить вам новость. Только что нашли велосипед. Кто-то бросил его. Это в ста шагах от входной двери.

Мы пошли за Бэркером и увидели нескольких зевак около велосипеда, вытащенного из кустов, где он был спрятан. Велосипед распространенной марки был весь забрызган грязью, точно после долгого путешествия. В седельной сумке лежали гаечный ключ да масленка, и ничего, что помогло бы опознать владельца.

— Для полиции может пригодиться, — заметил инспектор, — эти вещи занесут в список. Если мы не узнали пока, куда скрылся преступник, то по крайней мере постараемся выяснить, откуда он явился. Но почему молодчик бросил велосипед здесь? И как он без него доберется туда, куда ему нужно? Мистер Холмс, мы, кажется, никогда не доберемся до просвета в этих потемках.

5

СВИДЕТЕЛИ ТРАГЕДИИ

— Осмотрели ли вы в комнате все, что вас интересовало? — спросил Уайт Мейсон, когда мы возвратились обратно.

— Пока все, — ответил инспектор.

Холмс ограничился утвердительным кивком головы.

— Тогда, может быть, хотите выслушать показания жителей дома? Перейдем для этого в столовую. Пожалуйста, Эмс, вы первый расскажете нам все, что вы знаете.

Рассказ дворецкого был прост и произвел впечатление полной искренности. Пять лет назад он поступил на службу к мистеру Дугласу. От него Эмс получил распоряжение поднимать мост каждый вечер, как в старину: хозяин любил старинные обычаи. Он выезжал в Лондон, да и вообще из дому, крайне редко, но за день до убийства побывал в Тенбридже за покупками. В тот день Эмс заметил в мистере Дугласе какое-то беспокойство. Он был нетерпелив и раздражителен, что на него совсем не походило. В роковую ночь дворецкий находился в кладовой и убирал столовое серебро после гостей. Вдруг он услышал резкий звонок. Выстрела не слышал, что вполне объяснимо, поскольку

кладовая и кухня находятся в самом конце дома и отделены от парадных комнат множеством плотно затворенных дверей и длинным коридором. Экономка тоже выбежала из своей комнаты, встревоженная звонком. Они вместе направились в переднюю половину дома. Когда они дошли до подножия лестницы, то Эмс увидел спускающуюся вниз миссис Дуглас. Она не выглядела испуганной или взволнованной. Как только она дошла до конца лестницы, к ней подбежал мистер Бэркер. Он остановил миссис Дуглас и стал убеждать ее возвратиться: «Ради бога, вернитесь в свою комнату! Бедный Джон мертв! Вы ничем не можете ему помочь. Идите к себе!» Миссис Дуглас покорно пошла обратно. Экономка Эллен помогла ей взойти по лестнице и прошла с хозяйкой в ее спальню. Эмс и мистер Бэркер направились в комнату убитого, где нашли все так, как обнаружила полиция. Они выглянули в окно, однако ночь была темная и ничего не было видно. После этого Эмс бросился опускать мост, чтобы мистер Бэркер смог отправиться за полицией.

Рассказ экономки Эллен в общем подтвердил слова Эмса и ничего к ним не прибавил.

Затем в качестве свидетеля был допрошен мистер Бэркер. Он убежден, что убийца скрылся через окно, о чем свидетельствовал кровавый след. Мистер Бэркер выдвинул свою версию причины убийства. Дуглас отличался скрытностью, и в книге его жизни были страницы, о которых он никогда никому не рассказывал. Впервые Бэркер встретился с ним в Калифорнии, где они стали компаньонами по разработке богатой рудничной жилы в местечке Бенитоканьон. Они было там окончательно обосновались, но Дуглас вдруг ликвидировал свои дела и неожиданно уехал в Англию. Спустя некоторое время Бэркер продал свою долю и поселился в Лондоне. Там они возобновили свою дружбу. Дуглас производил впечатление человека, над головой которого постоянно висела какая-то опасность. Это Бэркер заключил и из его внезапного отъезда из Калифорнии, и из того, что он снял дом в одном из самых тихих уголков Англии. Бэркер считал, что какая-то тайная организация следила за Дугласом. Тайственная карточка наверняка имела отношение к ней.

— Как долго вы жили с Дугласом в Калифорнии? спросил Макдоналд.

— Все пять лет.

- Он был холост?
- Вдовец.
- Вы не слышали, откуда родом его первая жена?
- Он говорил, что она была шведкой и умерла от тифа за год до нашего знакомства.
- Вы не можете связать его прошлое с какой-нибудь конкретной местностью в Америке?
- Иногда он рассказывал мне о Чикаго, который знал хорошо. Он много путешествовал в свое время.
- Он не занимался политикой?
- Нет, политикой он не интересовался совершенно.
- У вас нет оснований думать, что он был преступником?
- Я не встречал человека честнее его.
- Не замечали вы в нем чего-нибудь странного, когда жили вместе в Калифорнии?
- Он избегал людных мест. Вот почему я еще тогда подумал, что он кого-то опасается. После его внезапного отъезда в Европу я утвердился в этой мысли. Наверное, он получил тогда какое-то предостережение. Через неделю после его отъезда о нем справлялись шестеро парней.
- Как они выглядели?
- Грубые на вид.
- Были эти люди калифорнийцами?
- Не думаю, но, несомненно, они были американцами. На шахтеров не походили. Словом, не знаю, кто они были.
- Это произошло шесть лет назад?
- Да.
- А до этого вы с Дугласом прожили в Калифорнии пять лет. Так что неизвестная нам история произошла не менее одиннадцати лет назад?
- Видимо, так.
- Это, должно быть, исключительно сильная вражда, раз она длилась до сих пор и завершилась таким печальным финалом.
- Я думаю, это было какое-то мрачное дело и оно бросало тень на всю его жизнь. Воспоминание о нем никогда не выходило из его головы.
- Но если человек знает, что над его головой висит смертельная опасность, то почему он не обратился за защитой к полиции?
- Вероятно, от этой опасности никто не мог его защитить. Не случайно он всюду ходил вооруженным;

Но в эту ночь он был уже в халате. Раз мост был поднят, он считал себя в безопасности.

— Я хотел бы поточнее разобраться в сроках, — сказал Макдоналд. — Шесть лет назад Дуглас оставил Калифорнию. Вы последовали за ним в следующем году?

— Да, в следующем же году.

— Если он был женат пять лет, то, значит, вы возвратились в Англию к самой свадьбе?

— За месяц перед венчанием. Я был его шафером.

— Знали ли вы миссис Дуглас до свадьбы?

— Нет, ведь меня не было в Англии.

— Но после этого вы часто ее видели?

— Я часто видел Дугласа после этого, — ответил Бэркер, холодно взглянув на сыщика. — Если же встречался с ней, то только потому, что невозможно посещать друга и не быть даже знакомым с его женой. Если вы предполагаете, что...

— Я ничего не предполагаю, мистер Бэркер. Я задаю те вопросы, какие нужны для разъяснения дела. Мистер Дуглас одобрял вашу дружбу с его женой?

Бэркер слегка побледнел.

— Вы не должны задавать подобные вопросы! — крикнул он. — Какое отношение имеет это к делу, которое вы расследуете?

— Я должен повторить свой вопрос.

— Тогда я отказываюсь отвечать.

— Вы вправе отказаться, но ваш отказ уже является ответом.

Бэркер помолчал минуту. В его черных глазах читалось сильное напряжение мысли. Неожиданно он улыbnулся.

— В конце концов, джентльмены, вы действительно только исполняете свою обязанность, и я не могу препятствовать вам. Прошу только не мучить миссис Дуглас всеми этими расспросами. Ей и так пришлось много пережить. Я должен признать, что бедный Дуглас имел единственный недостаток, а именно — ревность. Он любил меня и обожал свою жену. Он хотел, чтобы я приходил сюда, и даже часто посылал за мной. Но, когда видел, что его жена дружески болтала со мной, он нередко терял самообладание и мог наговорить оскорбительные вещи. И тем не менее никто в мире не имел более любящей, верной жены и более преданного друга, чем я.

— Вам ведь известно, что обручальное кольцо убитого снято с его пальца?

— Вроде бы да.

— Что вы хотите сказать этим «вроде бы»? Это же несомненный факт.

Бэркер впервые выглядел растерянным и смущенным.

— Когда я сказал «вроде бы», то хотел подчеркнуть как раз его недостоверность. Ведь не исключено, что Дуглас сам снял кольцо.

— Тем не менее исчезновение кольца указывает на то, что между браком Дугласа и преступлением имеется определенная связь.

Бэркер пожал плечами.

— Не вижу никакой связи,— ответил он.— Но если вы намекаете, что это бросает тень на репутацию миссис Дуглас, то...— Глаза его гневно блеснули, но он усилием воли сдержал себя.— То вы на ложном пути.

— У меня больше нет вопросов,— холодно сказал Макдоналд.

— А у меня один есть,— заметил Шерлок Холмс.— Когда вы вошли в комнату, там горела только свеча на столе, верно?

— Да.

— И при ее свете вы увидели все, что произошло в комнате?

— В основном да.

— Вы тотчас же позвонили?

— Да.

— И Эмс пришел очень скоро?

— Через минуту или около того.

— И когда он прибежал, то увидел, что свеча потушена и зажжен свет. Это очень удивительно.

Бэркер опять проявил признаки смущения.

— Я не вижу в этом ничего удивительного, мистер Холмс,— ответил он после некоторого молчания.— Свеча ведь дает недостаточно света.

Холмс больше вопросов не задавал, и Бэркер, недоверчиво взглянув на каждого из нас, повернулся и ушел.

Инспектор Макдоналд послал с Эмсом записку миссис Дуглас, в которой сообщил, что готов подняться в ее комнату. Она ответила, что спустится к нам сама. Вскоре в столовую вошла стройная и красивая женщина лет тридцати, сдержанная и хорошо владеющая

собой. Ее вопрошающий взгляд переходил с одного из нас на другого.

— Вы что-нибудь открыли? — спросила она.

В ее голосе звучал скорее страх, чем надежда.

— Мы делаем все от нас зависящее, миссис Дуглас, — ответил инспектор.

— Не стесняйтесь в расходах, — заявила она холодно.

— Мы слышали от Сесила Бэркера, что вы не были в той комнате, где совершилось преступление?

— Нет, он удержал меня на лестнице и попросил вернуться к себе.

— Вы услышали выстрел и спустились вниз?

— Я накинула капот и пошла вниз.

— Через какое время после выстрела вы встретили на лестнице мистера Бэркера?

— Очень скоро. Трудно считать время в такой момент. Он умолял меня не входить туда и уверял, что я ничем не могу помочь мужу. Тогда миссис Элен, наша экономка, проводила меня обратно наверх.

— Не можете ли вы уточнить, сколько времени ваш супруг уже находился внизу, когда вы услышали выстрел?

— Нет, не могу. Я не слышала его шагов. У него была привычка каждую ночь обходить дом.

— Из-за этой его привычки я и побеспокоил вас, миссис Дуглас. Вы впервые познакомились с вашим супругом в Англии?

— Да.

— Мистер Дуглас никогда не рассказывал вам о событии, которое произошло в Америке и навлекло на него опасность?

Миссис Дуглас серьезно задумалась, прежде чем ответить.

— Нет, не рассказывал, — ответила она наконец. — Но я всегда чувствовала, что над ним висит какая-то опасность. Он не желал разговаривать на эту тему, причем не из-за отсутствия доверия ко мне, а из-за стремления оградить меня от огорчений.

— Как вы тогда догадались о грозящей ему опасности?

На лице миссис Дуглас появилась улыбка.

— Разве может муж скрывать что-нибудь всю жизнь, чтобы любящая его женщина ничего не заподозрила? Я догадывалась об этом по многим признакам,

но самое главное — по его манере общения с незнакомыми людьми. Я поняла, что у него есть сильные враги и что он считает, будто они напали на его след. Он всегда держался настороже, и я нервничала, если он возвращался домой позже обычного.

— Какие слова мужа особенно удивили вас и остались в вашей памяти? — спросил Холмс.

— Долина ужаса. Таково было выражение, которое он употребил, отвечая как-то на мои расспросы о его прошлом. «Я был в Долине ужаса. Я еще и теперь не совсем из нее вышел».

— Вы спросили его, что он подразумевал под Долиной ужаса?

— Да, но он только мрачно покачал головой. «Достаточно скверно уже то, что я побывал там. Дай Бог, чтобы ее ужас никогда не коснулся тебя». Это наверняка была какая-то действительно существующая долина, в которой ему пришлось жить и в которой с ним произошло что-то страшное. В этом я уверена. Больше ничего не могу добавить.

— И он не называл никаких имен?

— Нет. Но однажды после несчастного случая на охоте, года три назад, у него начался лихорадочный бред. Тогда он беспрестанно повторял с гневом имя некоего мастера Макгинти, «властителя души и тела». Когда он выздоровел, я спросила его, кто такой мастер Макгинти и чьих душ и тел он властитель. «Слава Богу, не моих!» — ответил он смеясь. Я думаю, что существует связь между Макгинти и Долиной ужаса.

— Еще один вопрос, — сказал инспектор Макдоналд. — Вы встретились с мистером Дугласом в Лондоне, и там он сделал вам предложение. Не предшествовал ли этому какой-нибудь роман? Было ли что-нибудь таинственное в вашем обручении?

— Роман был. У всех всегда бывают романы. Но не помню ничего таинственного.

— У него не было соперника?

— Нет, я была свободной.

— Вы знаете, что его обручальное кольцо оказалось снятым. Не удивляет ли вас это? Возможно, какой-нибудь старинный враг действительно выследил вашего мужа, но ради чего он снял свое обручальное кольцо?

Я готов был поклясться, что легкая улыбка промелькнула на ее губах.

— Не могу сказать.

— Хорошо. Больше мы вас не задерживаем. Примите наши извинения за беспокойство,— поклонился ей, вставая, инспектор.— Осталось еще немало невыясненных моментов, но мы обратимся к ним позже.

Она поднялась со стула, и я опять заметил быстрый вопрошающий взгляд, которым она нас окинула. Женщина словно спрашивала: «Какое впечатление произвели на вас мои показания?» Потом она удалилась.

— Красивая женщина,— задумчиво произнес Макдоналд, когда дверь за ней закрылась.— Бэркер, я думаю, принимал деятельное участие в происшедшем здесь. Он признал, что покойный был ревнив, и наверняка он более любого другого знал причины его ревности. А история с обручальным кольцом? Ее нельзя недооценивать. Человек, стаскивающий с мертвеца обручальное кольцо... Что вы скажете, мистер Холмс?

Мой друг сидел, опустив голову на руки, погруженный в раздумье. Потом он встал и позвонил.

— Эмс,— сказал он, когда вошел дворецкий,— где теперь находится мистер Бэркер?

— Пойду поищу его, сэр.

Через минуту он вернулся и сказал, что мистер Бэркер в саду.

— Вы не припомните, Эмс, что было на ногах у мистера Бэркера в последнюю ночь?

— Он был в ночных туфлях. Я принес ему сапоги, когда он пошел в полицию.

— Хорошо, Эмс. Для нас важно знать, какие следы оставлены мистером Бэркером, а какие — преступником.

— Должен заметить, что его туфли испачканы кровью. Так же, как и мои собственные, конечно.

— Это вполне естественно, кровь в комнате была всюду. Все же, Эмс, принесите, пожалуйста, сюда туфли.

Эмс отправился за ними и вскоре возвратился с туфлями в руках. Подошвы их были черны от запекшейся крови.

— Странно! — пробормотал Холмс, стоя у окна и рассматривая туфли.— Очень странно!

Потом быстрым резким движением он поставил одну из туфель на кровавый след, оставшийся на подоконнике. След вполне соответствовал туфле. Он молча улыбнулся своим коллегам.

Инспектор изменился в лице. В его речи отчетливо

завучал шотландский акцент, как всегда в минуты волнения.

— Господа,— вскричал он,— тут не приходится сомневаться! Бэркер сам указал на окно. Пятно намного больше следа сапога. Но что все это значит, мистер Холмс, что это значит?

— Да, любопытно...— пробормотал мой друг.

Уайт Мейсон хихикнул.

— Я же говорил, тут необыкновенный случай! — воскликнул он.— Замечательный случай!

6

ПРОБЛЕСКИ СВЕТА

Три детектива остались в усадьбе, чтобы подробнее разобраться в результатах следствия, а я отправился один в нашу скромную гостиницу. Но прежде мне вздумалось погулять в старинном саду, окружающем усадьбу, между рядами старых подстриженных тисов. В глубине сада находился небольшой красивый луг с солнечными часами посередине. Все это создавало мирную и успокаивающую атмосферу, столь желанную для моих натянутых нервов. В этой спокойной обстановке как-то забывалась мрачная комната с окровавленным телом на полу, а если и вспоминалась, то как фантастический кошмар. Но когда я бродил по саду, стараясь здесь отдохнуть душой, произошел инцидент, сразу вернувший мои мысли к преступлению.

Я уже сказал, что дом окружали ряды тисовых деревьев. В самом дальнем от дома ряду они сильно сгущались. Позади них стояла скрытая от взглядов человека, идущего от дома, каменная скамейка. Приблизившись, я услышал голоса: какую-то фразу, произнесенную мужским голосом, и тихий смех женщины как бы в ответ на нее. Спустя минуту я увидел миссис Дуглас и Бэркера, причем увидел раньше, чем они заметили мое присутствие. Выражение ее лица меня поразило. На следствии она казалась серьезной и грустной, теперь же все следы горя на ее лице исчезли, глаза даже светились радостью. Через мгновение, увидев меня — они опоздали лишь на мгновение,— оба надели торжественно-сумрачные маски. Произнеся быстро и тихо два-три слова, Бэркер встал и пошел мне навстречу.

— Извините, сэр,— сказал он,— я имею честь обращаться к доктору Уотсону?

Я поклонился с холодностью.

— Мы так и думали, что это должны быть вы. Ваша дружба с мистером Шерлоком Холмсом всем известна. Не подойдете ли вы на минуту, чтобы поговорить с миссис Дуглас?

Я последовал за ним с угрюмым лицом. Я отчетливо представил себе разmozженную голову покойного. А тут, в его саду, спустя несколько часов после преступления жена и лучший друг весело смеются над чем-то. Я сдержанно поклонился миссис Дуглас. Я переживал с нею ее горе на следствии. Теперь ее вопрошающий взгляд не вызывал во мне никакого отклика.

— Я боюсь, что вы сочли меня бессердечной,— сказала она мне.

— Меня это не касается,— ответил я, пожав плечами.

— После, быть может, вы воздадите мне должное. Если бы вы только выполнили...

— Совершенно не нужно, чтобы доктор Уотсон что-то выполнял,— поспешно перебил ее Бэркер.— Как он сам сказал, это его не касается.

— Совершенно верно, и я прошу разрешения продолжить мою прогулку.

— Одну минутку, доктор Уотсон! — воскликнула миссис Дуглас умоляющим голосом.— Я вам задам всего один вопрос, на который вы можете ответить с большей точностью, чем кто бы то ни было еще. То, что я хочу спросить вас, для меня очень важно. Вы знаете мистера Холмса и его взаимоотношения с полицией лучше других. Предположим, что разгадка дела будет ему конфиденциально сообщена. Должен ли он непременно поделиться ею с официальными властями?

— Да, именно так,— резким тоном произнес Бэркер.— Самостоятелен ли он в своих поступках или работает с ними и на них?

— Я, право, не знаю, могу ли я обсуждать такой деликатный вопрос...

— Я умоляю вас об этом, доктор Уотсон. Уверяю вас, что вы очень поможете... очень мне поможете, если разъясните этот вопрос.

В голосе ее звучала такая искренность, что на мгновение я позабыл про все ее поведение.

— Мистер Холмс не зависит ни от кого. Он полностью самостоятелен и будет действовать, как ему подсказывает его совесть. Конечно, он лоялен в отно-

шении своих официальных помощников, и, думаю, это может помешать ему скрыть от них важные сведения. Вообще советую вам обратиться непосредственно к самому мистеру Холмсу, если хотите получить более точные сведения.

Сказав это, я приподнял шляпу и пошел своей дорогой. Лишь однажды я оглянулся и увидел их сидящими на том же месте и горячо спорившими.

— Мне не нужна их откровенность, — сказал Холмс, когда я сообщил ему о разговоре с Бэркером и миссис Дуглас. Холмс провел много времени в усадьбе, вернулся в гостиницу около пяти часов и с аппетитом принялся за обед, который я велел для него приготовить. — Без откровенностей, Уотсон, ибо они будут неуместны, если дело дойдет до ареста их за сообщничество в убийстве.

— Вы думаете, дело идет к этому?

Он был в добродушном и приподнятом настроении.

— Милый Уотсон, когда я покончу с едой, то буду в состоянии ознакомить вас с положением вещей. Я не скажу, что мы во всем уже разобрались, но когда нападём на след пропавшей гимнастической гири...

— Гимнастической гири?

— Бог мой, Уотсон, да неужели вы еще не поняли, что все упирается в пропавшую гирю? Впрочем, думаю, что ни инспектор Мак, ни этот местный сыщик не придали никакого значения ее поразительному исчезновению. Одна гиря, Уотсон! Представьте себе гимнаста с одной гирей! Ведь это грозило бы искривлением позвоночника.

Холмс сидел, усердно поглощая обед, а глаза его лукаво поблескивали, следя за моим смущением. Его превосходный аппетит служил гарантией успеха — в моей памяти сохранились воспоминания о многих днях и ночах, проведенных Холмсом без пищи, когда его смущенный ум разбирался в загадках и занят был напряженной работой. Наконец он закурил трубку и начал не спеша говорить, как бы размышляя вслух.

— Ложь, Уотсон, наглая, преступная ложь — вот что пришлось взять за исходный пункт. Вся история, рассказанная Бэркером, — ложь. Поскольку же рассказ Бэркера подтвердила миссис Дуглас, то, значит, она лгала тоже. Оба лгали, предварительно сговорившись. Поэтому возникла задача выяснить: почему они лгут? Постараемся, Уотсон, восстановить истину. Сог-

ласно их показаниям, убийца менее чем через минуту после совершенного убийства снял с пальца жертвы кольцо, находившееся под другим кольцом, надел последнее на прежнее место — что он наверняка никогда не сделал бы,— и положил рядом с трупом ту странную карточку. Все это совершенно невероятно. Не выдерживает критики и версия, будто кольцо могли снять, прежде чем Дуглас был убит. Тот факт, что ночник сгорел очень мало, доказывает, что встреча происходила недолго. Неужели Дуглас, о бесстрашном характере которого мы столько слышали, отдал свое обручальное кольцо добровольно? Чепуха! Нет, Уотсон, убийца был с Дугласом некоторое время наедине с зажженным светом. В этом я совершенно не сомневаюсь. Причиной смерти был, по-видимому, ружейный выстрел. Значит, он должен был произойти немного раньше, чем нам рассказали. Сомнений в этом быть не может. Так что налицо обдуманый заговор со стороны двух людей, слышавших выстрел,— Бэркера и миссис Дуглас. Когда же я убедился, что кровавое пятно на подоконнике было намеренно сделано Бэркером, чтобы навести полицию на ложный след, то пришлось признать наличие против него веских улик.

Холмс немного помолчал.

— Теперь спросим себя, в котором часу произошло убийство. До половины одиннадцатого слуги еще не расходились, так что до того оно произойти не могло. Без четверти одиннадцать они разошлись по своим комнатам; впрочем, Эмс сначала пошел в кладовую. После того как вы от нас ушли сегодня днем, я произвел несколько экспериментов и убедился, что никакой шум, произведенный Макдоналдом в комнате, не может проникнуть в кладовую, когда все двери закрыты. А вот со спальней экономки Эллен дело обстоит иначе. Она находится недалеко по коридору, и из нее я слышал неопределенный звук голоса, если его сильно повысить. Шум ружья заглушается, если стреляют в упор, как это и было в данном случае. Выстрел был негромким, но в ночной тишине звук его свободно мог донестись до миссис Эллен. Она, как мы знаем, немного глуховата, но тем не менее слышала что-то, похожее на шум захлопывающейся двери, за полчаса до того, как подняли тревогу. Полчаса до тревоги — это как раз и выходит без четверти одиннадцать. Не сомневаюсь: то, что она слышала, и было ружейным вы-

стрелом; именно в тот момент произошло убийство. Если это так, то мы должны теперь установить, что делали мистер Бэркер и миссис Дуглас (предположив, что не они являются активными убийцами) от без четверти одиннадцать, когда шум от выстрела заставил их сойти вниз, до четверти двенадцатого, когда они позвонили и собрали слуг. Что они делали и почему не подняли тревогу немедленно? Вот вопрос, который возник перед нами, и, ответив на него, мы найдем путь к разрешению задачи.

— Я убежден,— сказал я,— что эти двое людей о чем-то сговорились. Бессердечное она существо, если может смеяться с кем бы то ни было спустя несколько часов после ужасной гибели мужа.

— Совершенно верно. Даже ее собственный рассказ о происшедшем произвел невыгодное впечатление. Я не восторженный поклонник женского пола, как вы знаете, но мне еще не приходилось встречать женщин, которые позволили бы увести себя от трупа мужа по первому слову постороннего мужчины. Самый поверхностный наблюдатель удивился бы, обнаружив такое полное бессердечие. Не будь тут даже других улик, один этот инцидент способен вызвать подозрение в сообщничестве.

— Итак, вы пришли к выводу, что Бэркер и миссис Дуглас виновны в убийстве?

— Какая прямолинейность, Уотсон! Если вы предположите, что миссис Дуглас и Бэркер знают истину об убийстве и скрывают ее, тогда я смогу дать вам положительный ответ. Но ваше более суровое суждение не столь обосновано. Давайте разберемся в затруднениях, стоящих на нашем пути. Предположим, что эта пара связана узами преступной любви. Это только предположение, ибо негласный опрос слуг и других лиц не подтверждает этого. Наоборот, многие показали, что Дугласы были очень привязаны друг к другу.

— Ну, это еще как сказать,— возразил я, вспомнив встречу в саду и улыбающееся лицо молодой женщины.

— Во всяком случае, они производили такое впечатление. Как бы то ни было, миссис Дуглас и Бэркер — весьма хитрая парочка, сумевшая обмануть всех и замыслившая убить Дугласа, человека, над головой которого нависла опасность.

— Об этом мы знаем только с их слов.

Холмс задумчиво посмотрел на меня.

— Вижу, Уотсон, вы придумали версию, из которой следует, что все, что они сказали, — ложь с начала до конца. А это значит, что не существует ни угроз, ни тайного общества, ни Долины ужаса, ни мастера Мак... забыл, как дальше. Это широкое обобщение. Посмотрим, к чему оно нас приведет. Они изобрели Долину ужаса. Потом поставили велосипед в парке как доказательство присутствия кого-то извне. Пятно на подоконнике подтверждает эту мысль так же, как и карточка у трупа, заготовленная кем-то в доме. Все это работает на вашу гипотезу, Уотсон. Но обратимся к тем странным фактам, которые никак не находят себе места в ваших построениях. Почему из всех возможных видов огнестрельного оружия была выбрана спиленная двустволка, вдобавок американская? Как могли они быть уверены, что шум ее выстрела никого не привлечет? Ведь слепое счастье, что миссис Эллен не поинтересовалась причиной захлопнувшейся двери. Почему преступная парочка поступила именно таким образом, Уотсон?

— Признаюсь, не могу объяснить это.

— Пойдем дальше. Если женщина и ее любовник сговорились совершить преступление, зачем им было его афишировать, сняв обручальное кольцо с убитого? Кажется ли вам все это вероятным, Уотсон?

— Нет, не кажется.

— И опять-таки, если мысль оставить велосипед, спрятанный снаружи, пришла бы вам в голову, то вы тотчас же, вероятно, отказались бы от такой уловки, поскольку велосипед — самая нужная в данном случае вещь для человека, принужденного спасаться бегством.

— У меня нет никаких объяснений.

— Вы не правы. Не может существовать такой комбинации случайных и неслучайных событий, для которых человеческий ум не мог бы найти объяснения. Я постараюсь указать другой возможный ход умозаключений, не утверждая, однако, их абсолютную справедливость. Предположим, что в жизни Дугласа была какая-то позорная тайна. Тайна вызывает появление, предположим, мстителя, кого-то постороннего, не из домашних. Мститель по какой-то причине снимает с пальца убитого его обручальное кольцо. Мнение может относиться ко времени первого брака Дугласа, и кольцо было снято по одной из причин, относящихся к тому браку. Прежде чем убийца ушел, в кабинет вбе-

жали Бэркер и миссис Дуглас. Убийца убедил их, что попытка арестовать его повлечет за собой огласку какого-то позорного происшествия. Они согласились его отпустить. Преступник по какой-то причине рассудил, что ему безопаснее скрыться пешком, чем на велосипеде. Поэтому он оставил его там, где его вряд ли могли найти, пока он не скроется. Пока мы еще не выходим из границ возможного. Как вы считаете, Уотсон?

— Согласен в этом пункте с вами,— ответил я сдержанно.

— Тогда продолжим наш построенный на предположениях рассказ. После ухода убийцы Бэркер и миссис Дуглас соображают, что поставили себя в положение, в котором будет трудно доказать, что они не только не совершили убийства, но и не причастны к нему. Они быстро, хотя и неудачно обдумывают положение. Пятно на подоконнике было сделано окровавленной туфлей Бэркера, чтобы показать, каким образом преступник скрылся. Ясно, что они оба должны были слышать выстрел, поэтому-то и подняли тревогу, но на добрых полчаса позже, чем уверяли нас.

— А как вы намерены все это доказать?

— Ну, если бы действительно был кто-то со стороны, то его можно бы выследить и схватить. Это было бы наиболее убедительным из всех доказательств. Но раз его нет... Впрочем, ресурсы моих способностей еще далеко не исчерпаны. Я думаю, что вечер, проведенный в той комнате, очень мне поможет.

— Вечер... там... одному?

— Я намерен сегодня же туда отправиться. Я сговорился уже с Эмсом, который, как мне кажется, отнюдь не поклонник Бэркера. Я посижу в комнате и посмотрю, не вдохновит ли меня ее атмосфера. Я верю во вдохновение. Вы улыбаетесь, Уотсон. Хорошо, проживем — увидим. Между прочим, вы привезли с собой ваш большой зонтик?

— Да, привез.

— Я одолжил бы его у вас, если можно.

— Конечно... Но что за странное оружие вы выбираете? А если там встретится опасность?

— Никакой серьезной опасности, дорогой Уотсон, иначе я попросил бы вас меня сопровождать. Итак, я беру зонтик. Но все же дождусь возвращения наших коллег из Тенбриджа, где они, вероятно, заняты розысками владельца велосипеда.

Спустилась ночь, прежде чем инспектор Макдоналд и Уайт Мейсон вернулись из своей экспедиции. И вернулись явно торжествующие.

— Господа, признаюсь, я сомневался, был ли тут вообще кто-либо из посторонних, — сказал Макдоналд. — Но это подтверждается. Мы узнали, кто владелец велосипеда. Более того, есть его описание.

— Поздравляю вас обоих от всего сердца, — сказал Холмс.

— Я исходил в своих поисках из того факта, что мистер Дуглас показался всем встревоженным после того, как побывал в Тенбридже. Следовательно, человека с велосипедом можно было ожидать именно из Тенбриджа. Мы захватили велосипед с собой и показывали его в гостиницах. Управляющий «Коммерческой гостиницы» признал этот велосипед принадлежащим человеку по имени Харгрейв, который занимал у них комнату два дня тому назад. Весь его багаж заключался в этом велосипеде и чемодане. Он записался приездом из Лондона, но адреса не оставил. Чемодан был лондонского производства, но сам приезжий был, несомненно, американцем.

— Отлично, — весело сказал Холмс. — Вы там основательно поработали, пока я сидел здесь с моим другом и развивал теории. Урок практики, мистер Мак.

— Да, в самом деле так, мистер Холмс, — самодовольно сказал инспектор.

— Но эти факты могут подойти и к нашим теориям, — заметил я.

— Может, да, а может, и нет. Продолжайте дальше, мистер Мак. Вы не обнаружили ничего, по чему можно было бы узнать этого человека?

— Этот человек всячески старался быть незаметным. И при нем не было ни бумаг, ни писем, даже на одежде отсутствовали отметки фирмы. Лишь на столе в его номере лежала карта шоссе́йных дорог графства. Вчера утром после завтрака он уехал из отеля на велосипеде.

— Одно меня смущает, мистер Холмс, — сказал Уайт Мейсон. — Если молодчик не желал вызывать подозрений, то он вернулся бы и остался в отеле как обыкновенный турист. Он должен был сообразить, что управляющий отелем при необходимости скажет о нем полиции, а если он исчезнет, это поставят в связь с убийством.

— Да, думается, так. Но не будем судить о его сообразительности, пока его не поймали. А как он выглядит?

Макдоналд заглянул в свою записную книжку.

— Мы записали все, что нам рассказали о его внешности. Показания швейцара, портье и горничной в общем согласуются. Это был человек ростом около пяти футов и девяти дюймов, лет пятидесяти или около того, волосы на голове с проседью, усы тоже. Крючковатый нос, лицо, как говорят все, жестокое и даже отталкивающее.

— Ну, если не считать выражения лица, описание подходит и к самому Дугласу, — сказал Холмс. — Ему как раз за пятьдесят, у него седеющие усы и волосы, он приблизительно такого же роста. Что вы еще узнали?

— Он был в сером пиджаке, клетчатом жилете, желтом пальто и мягкой кепке.

— А что насчет двустволки?

— Она могла свободно уместиться в его чемодане. Ее легко было пронести и под пальто.

— Вы считаете, что он имеет прямое отношение к нашему делу?

— Когда мы поймем этого человека, тогда нам будет легче судить обо всем. Но пока у нас уйма работы. Мы знаем, что американец, называющий себя Харгрейвом, приехал в Тенбридж два дня назад с велосипедом и чемоданом. В последнем находилась спиленная двустволка, следовательно, он приехал ради убийства. Вчера утром он отправился на место убийства на велосипеде с ружьем, спрятанным под пальто. Насколько нам известно, никто не видел его приезда, ему не надо было проезжать через Бирлстоун, чтобы достичь ворот парка, к тому же на шоссе встречается много велосипедистов. Вероятно, он сразу спрятал свой велосипед между лавровыми кустами, а возможно, и сам притаился там же, следя за домом и ожидая, когда выйдет Дуглас. Двустволка — странное оружие для стрельбы внутри дома, но ведь он намеревался использовать ее вне дома, и, кроме того, она имеет очевидные преимущества: стреляя из нее, трудно промахнуться, а звук выстрелов настолько обычен в Англии среди соседей-спортсменов, что не привлек бы ничьего внимания.

— Все звучит убедительно! — одобрил Холмс.

— Но мистер Дуглас не появлялся. Что ему было делать? Он оставил велосипед и в сумерках приблизил-

ся к дому. Мост оказался опущен, вокруг — никого. Убийца попытал счастья, приготовив какое-нибудь объяснение на случай, если встретится не с Дугласом. Но он никого не встретил. Проскользнув в комнату, он притаился за гардиной. Оттуда он мог видеть, как поднимали мост, и понял, что единственный путь, который ему остается, — перейти ров. Он ждал до четверти двенадцатого, когда мистер Дуглас вошел в комнату. Он застрелил его и убежал. Решив, что велосипед опознают служащие отеля и он послужит уликой, убийца бросил его и отправился пешком — в Лондон или в какое-нибудь иное безопасное место. Как вы находите это объяснение, мистер Холмс?

— Хорошо, мистер Мак, очень хорошо и весьма логично. Правда, моя гипотеза несколько иная. Я уверен, что преступление было совершено на полчаса раньше, чем рассказывали; что миссис Дуглас и мистер Бэркер находятся в сообществе и что-то скрывают; что они помогли бегству преступника и что они сфабриковали доказательства его бегства через окно, ибо сами дали ему уйти, опустив мост. Таково мое толкование начала драматических событий.

— Ну, мистер Холмс, если это так, то мы просто переходим от одной тайны к другой, — воскликнул инспектор.

— И некоторым образом к более темной, — прибавил Уайт Мейсон. — Миссис Дуглас никогда в жизни не была в Америке. Что же общего могла она иметь с американским убийцей?

— Я охотно признаю правомерность всех сомнений, — сказал Холмс. — И предполагаю произвести маленькое исследование нынешней ночью, которое, вероятно, поможет выяснить кое-какие обстоятельства.

— Мы должны вам помочь, мистер Холмс?

— Нет! Мои требования скромны. Темнота и зонтик доктора Уотсона. Да и Эмс, без сомнения, обо мне позаботится. Все мои размышления неизменно возвращают меня к основному вопросу: как мог человек атлетического сложения развивать свои мышцы с помощью одной гири?

Была поздняя ночь, когда Холмс возвратился из своей экспедиции. Мы спали в комнате с двумя кроватями, лучшей, какую только можно получить в ма-

ленькой гостинице. Я было уже задремал, когда сквозь одолевавший меня сон услышал шаги Холмса.

— Ну,— пробормотал я,— обнаружили что-нибудь?

— Уотсон,— прошептал он,— вы не побоялись бы спать в одной комнате с лунатиком, с человеком, которого оставил рассудок?

— Нет,— ответил я в изумлении.

— Тогда все хорошо,— сказал он и не произнес более ни слова в эту ночь.

7

РАЗГАДКА

На следующее утро после завтрака мы нашли инспектора Макдоналда и мистера Уайта Мейсона в маленькой приемной местного полицейского поста. На столе перед ними лежало множество писем и телеграмм, которые они уже отсортировали; три из них были отложены в сторону.

— Все еще выслеживаете скрывающегося велосипедиста? — весело спросил Холмс.— Какие последние новости о злодее?

Макдоналд с грустью указал на груды корреспонденций.

— Как вы знаете, мы разослали телеграммы с его приметами в самые различные полицейские адреса. И, как видите, собрали богатый урожай. О преступнике сообщают из Лейчестера, Ноттингэма, Соутгэмптона, Дерби, Ист-Гейма, Ричмонда и из четырнадцати других мест. В трех из них — Ист-Гейме, Лейчестере и Ливерпуле — он уже выслежен и арестован. Вся страна, кажется, наводнена беглецами в желтых пальто.

— Ну и дела! — сочувственно откликнулся Холмс.— Теперь послушайте меня, мистер Мак и мистер Мейсон, я хочу дать вам совет. Приехав с вами сюда, я условился — вы, конечно, помните,— что не буду представлять вам недостоверных теорий, а продолжу работу по своей системе до тех пор, пока окончательно не уверюсь в результатах. Поэтому я до настоящего момента и не делился с вами моими догадками и выводами. Однако я люблю честную игру и не считаю, что будет красиво позволять вам тратить время и энергию бесполезно. Короче, я пришел сюда, чтобы дать вам совет, который состоит из трех слов: бросьте это дело.

Макдональд и Уайт Мейсон в изумлении воззрились на своего знаменитого коллегу.

— Вы считаете его безнадежным? — воскликнул инспектор.

— Я считаю безнадежными лишь ваши поиски;

— Но этот велосипедист... Он-то не плод фантазии! У нас есть его описание, его чемодан, его велосипед. Ведь где-то он должен скрываться. А значит, его можно и схватить.

— Да, без сомнения, но не стоит этим заниматься в Ист-Гейме или в Ливерпуле. Я уверен, можно найти путь к разгадке на месте.

— Вы что-то скрываете от нас. Это нехорошо с вашей стороны, мистер Холмс.— Инспектор был явно раздосадован.

— Вы знакомы с моими методами, мистер Мак. Впрочем, я буду скрытен еще очень недолго. Надо только проверить одну деталь. Вместе с вами. А затем я распрощаюсь и вернусь в Лондон, оставив все полученные факты в вашем полном распоряжении. Я слишком вам обязан, чтобы поступить иначе: во всей моей практике я не могу припомнить более странного и интересного дела.

— Все сказанное вами выше моего понимания, мистер Холмс. Мы виделись вчера после нашего возвращения из Тенбриджа, и в общем, вы были согласны с нашими выводами. Что же произошло с тех пор?

— Ну, если вам не терпится... Этой ночью я провел несколько часов весьма полезно...

— А именно?

— К сожалению, пока я могу вам дать только общий ответ. Между прочим, я изучил краткое, но поучительное описание старинного здания усадьбы, купленное за один пенс в табачной лавочке.— Холмс вынул из жилетного кармана маленькую книжку, украшенную неуклюжим изображением здания.— Дорогой мистер Мак, когда в деталях знакомишься с окружающей исторической атмосферой, это придает особую прелесть следствию. Не проявляйте нетерпения. Поверьте, читая даже столь краткое описание, невольно приобщаешься к образам старины. Позвольте и вас заинтересовать ими. Вот, к примеру, несколько строк: «Построенная в пятый год правления короля Якова I и стоящая на частично уцелевшем фундаменте еще более старого замка, Бирлстоунская усадьба является

одним из прекрасных образцов жилища времен Якова I, окруженного рвами...»

— Вы смеетесь над нами, мистер Холмс! — прервал чтение инспектор.

— Терпение, мистер Мак! Вы опять проявляете свой шотландский темперамент. Хорошо, я не буду читать, если это на вас так раздражающе действует. Только добавлю, что здесь можно найти историю взятия замка парламентскими войсками в 1644 году, описание того, как усадьба служила временным убежищем для Карла во время гражданской войны, и даже историю посещения ее Георгом II. Вы не можете не признать, что в книжечке все же имеется немало разнообразных и любопытных мелочей...

— Я в этом не сомневаюсь, мистер Холмс, но они нас не касаются.

— Вы в этом уверены? Широта кругозора, мой милый мистер Мак, необходима для нашей профессии. Своевременная реализация на практике накопленных знаний часто играет решающую роль. Вы уж не обессудьте: подобного рода поучения со стороны хоть и скромного любителя криминалистики, но все-таки старшего по возрасту и, быть может, немного более опытного, чем вы, наверное, простительны.

— Ну о чем вы говорите! — запальчиво произнес инспектор. — И, конечно, вы идете к своей цели, но избрали для этого окольный путь...

— Ладно, оставим в покое историю и возвратимся к сегодняшнему дню. Вернее, к нынешней ночи, когда я нанес визит в усадьбу. Я не встретил ни мистера Бэркера, ни миссис Дуглас. Я не стал беспокоить их, но зато убедился, что вдова, по-видимому, не тосковала и принимала участие в превосходном ужине. Вместо этого я обменялся с Эмсом любезностями, которые позволили мне просидеть одному некоторое время в комнате покойного, не ставя о том в известность никого другого в доме. Должен признаться, я провел там весьма полезные четверть часа.

— Что же вы там делали?

— Чтобы не секретничать из-за такого пустяка, я скажу, что отыскивал пропавшую гирию. Я придавал ей с самого начала важное значение. Кончилось тем, что я все-таки ее нашел.

— Где?

— Ну вот, стоило протянуть вам палец, как вы уже

хотите схватить всю руку. Позвольте мне самому подойти к финишу чуточку поближе, и я обещаю поделиться с вами всем, что знаю.

— Хорошо, мы вынуждены принять ваши условия,— сказал инспектор.— Но вы же советуете нам оставить это дело... Объясните, ради Бога, почему мы должны его оставить?

— По той причине, дорогой мистер Мак, что вы не знаете даже, что вы расследуете.

— Как это так! Мы расследуем убийство мистера Джона Дугласа в Бирлстоунской усадьбе.

— Да, да, вы правы. Но не надо разыскивать таинственного джентльмена на велосипеде. Уверяю вас, это ни к чему не приведет.

— Тогда посоветуйте: что нам делать?

— Хорошо, но последуете ли вы моему совету?

— Признаюсь, я всегда находил, что за вашими окольными речами что-нибудь да скрывается. Я сделаю все, что вы предложите.

— А вы, мистер Мейсон?

Провинциальный сыщик беспомощно посмотрел сначала на одного, потом на другого — приемы Холмса были для него новы.

— Ну, если это приемлемо для инспектора, то, значит, и для меня,— наконец ответил он.

— Тогда я предложу вам обоим совершить маленькую прогулку по окрестностям. Мне говорили, что вид с Бирлстоунской возвышенности великолепен. Позавтракать вы можете в гостинице... Вечером усталые, но довольные...

— Ваши шутки переходят все границы! — воскликнул Макдоналд.

— Ну ладно, проведите день как хотите,— успокоил его Холмс, ласково похлопав по плечу.— Делайте что хотите и идите куда хотите, но ждите меня здесь к вечеру непременно, мистер Мак.

— Это звучит более здраво.

— Я дам вам превосходный совет, но не буду на нем настаивать. Только явитесь сюда обязательно. Возможно, вы будете мне нужны. А теперь я попрошу вас написать записку мистеру Бэркеру.

— Какую?

— Я продиктую, если позволите. Готовы? «Дорогой сэр, я считаю целесообразным осушить ров вокруг усадьбы в надежде, что мы можем найти там...»

— Напрасный труд,— заметил инспектор,— я исследовал его.

— Я это знаю. И тем не менее продолжайте, пожалуйста, писать.

— Хорошо.

— «...в надежде, что мы можем найти там что-нибудь важное для нашего расследования. Я распорядился, чтобы рабочие явились на работу завтра рано утром...»

— Не может быть!

— «...о чем и счел своим долгом сообщить вам заранее». Теперь подпишите и пошлите своего человека вручить это послание ему лично около четырех часов. В четыре мы снова соберемся здесь, а до того времени каждый может делать все, что ему угодно.

Мы собрались, когда уже надвигался вечер. Холмс был серьезен, меня пожирало любопытство, сыщики, очевидно, чувствовали себя уязвленными и были склонны отнестись критически ко всем выводам моего друга.

— Теперь, джентльмены,— сказал он,— я попрошу вас одеться потеплее. На улице холодно, а я не знаю, сколько времени займет наша экспедиция. Нам надо оказаться на месте, прежде чем совсем стемнеет.

Закутавшись по совету Холмса во что могли, мы пошли вдоль наружной стороны ограды парка. Через первый же пролом в ней пробрались под сень вековых деревьев, окружавших старинный дом, и под защитой сгущавшихся сумерек стали бесшумно красться вслед за моим знаменитым другом. Так мы достигли густых кустов, которые росли напротив подъемного моста. Мост был опущен. Холмс засел за стеной из веток, мы, естественно, тоже.

— Что будет теперь? — спросил Макдоналд.

— Вооружимся терпением и не будем говорить громко,— ответил Холмс.

— Зачем вообще мы пришли сюда? Право, я нахожу, вы могли бы быть с нами откровеннее.

Шерлок Холмс усмехнулся.

— Уотсон уверяет, что я в своем роде художник. Во мне живут инстинкты, которые требуют добротной режиссерской постановки сцен. Уверяю вас, мистер Мак, наша профессия стала бы совсем скучной,

если бы иногда мы не обогащали ее драматическими действиями, которые придавали бы блеск добытым с трудом результатам. В данную минуту положение вещей заставляет вас волноваться, испытывать напряжение спрятавшегося в засаде охотника. Ничего этого не было бы, заговори я с определенностью расписания поездов... Так что немного терпения, мистер Мак, и все станет для вас ясно.

Призыв к терпению был оправданным, ибо ожидание оказалось продолжительным. На фасаде старого дома медленно густели тени. Холодный сырой туман, поднимавшийся со стороны рва, пронизывал нас до костей. В роковой комнате старого дома горел свет. Весь остальной дом был погружен в темноту.

— Долго ли еще ждать? — спросил наконец инспектор. — И чего мы ждем?

— Я сам не знаю, сколько времени нам придется караулить, — строгим тоном ответил Холмс. — Конечно, было бы удобнее, если бы преступники всегда действовали по нашему желанию. Что же касается... Но смотрите! Вот тот, кого мы ждали!

Скрывавшие нас кусты находились напротив освещенного окна и отстояли от него всего футов на сто. Петли скрипнули, огромная рама открылась. Мы различили неясный контур головы и плеч человека, который, как видно, пристально всматривался в темноту. Наконец он нагнулся, и среди глубокой тишины мы услышали легкий плеск. Казалось, что человек в окне что-то спустил в воду, наполняющую ров, и вдруг вытащил какой-то предмет из глубины, как рыбак рыбу. Этот предмет скрылся в пролете окна.

— Пора! — крикнул Холмс. — К действию, друзья!

Мы мгновенно вскочили и бросились за ним, хотя и с трудом из-за окованных ног. А Холмс, охваченный одним из тех внезапных приливов энергии, которые превращали его в самого деятельного человека в мире, быстро перебежал мост и резко позвонил у входа в старый дом. Заскрипели засовы, на пороге открывшейся двери появился изумленный Эмс. Не обращая на него внимания, Холмс бросился к той комнате, в окне которой мы видели человеческий силуэт. Мы вбежали следом за ним.

Перед нами стоял оторопевший Сесил Бэркер.

— Что все это значит, черт возьми? — гневно спросил он. — Что вам нужно?

Холмс быстро оглянулся и тотчас же кинулся к скрученному веревкой и брошенному под стол мокрому свертку.

— Мы пришли за ним, мистер Бэркер. Нам нужен сверток, затопленный с помощью гимнастической гири и вытащенный вами из рва.

Бэркер с изумлением посмотрел на Шерлока.

— Откуда вам о нем известно?

— Немудрено, я сам его там утопил.

— Вы?!

— Точнее следовало сказать «снова утопил», — поправился Холмс. — Я думаю, вы помните, Макдоналд, до чего меня удивляло отсутствие одной гири. Я обращал на это ваше внимание, но вам было некогда заниматься всякими пустяками, как вы считали. В противном случае вы, конечно, сделали бы некоторые ценные выводы. Когда вблизи есть вода и недостает одной из парных тяжелых гирь, то нетрудно догадаться, как ею воспользовались. Во всяком случае, стоило проверить эту догадку. Итак, благодаря Эмсу, который впустил меня в комнату, и рукоятке зонтика доктора Уотсона я в прошедшую ночь выудил этот сверток и осмотрел его. Оставалось узнать, кто бросил его в воду. Этого мы достигли, сообщив вам, что ров будет осушен. Мы, четверо свидетелей, видели, кто воспользовался темнотой, а потому, мистер Бэркер, мне кажется, настала ваша очередь говорить.

Холмс положил мокрый сверток на стол, развязал опутывавшую его веревку, достал изнутри гимнастическую гирю, а следом — пару ботинок. Указав на них и пробормотав: «Как видите, американские», — он опустил их на пол. Затем выложил на стол нож в ножнах, набор белья, пару носков, серый твидовый костюм и короткое коричневое пальто.

— Обратите особое внимание на пальто, — заметил Холмс. — Как видите, у него есть внутренний карман, который уходит под подкладку: в нем вполне может поместиться спиленное ружье. На воротнике ярлык портного: «Полл, пошив верхнего платья. Вермисса, США». Я провел бесполезные часы в местной библиотеке и пополнил свое образование, узнав, что Вермисса — процветающий городок в Соединенных Штатах, в долине, известной угольными и железорудными копиями. Помнится, мистер Бэркер, вы говорили, что первая жена Дугласа — уроженка одной из угольных

областей? Нетрудно предположить также, что буквы «Д. В.» на карточке, брошенной подле трупа, означали «Долина Вермиссы» и что эта долина, посылающая убийц, может стать, и есть Долина ужаса, о которой нередко упоминалось. Все теперь нам ясно, и очередь мистера Бэркера дать необходимые объяснения.

Гнев, изумление, страх, нерешительность поочередно сменялись на лице Бэркера. Наконец он попытался укрыться за едкой иронией.

— Вы уже знаете столько, мистер Холмс,— с усмешкой бросил он,— что, может быть, вам лучше самому сделать это.

— Без сомнения, я мог бы еще кое-что прибавить, мистер Бэркер, но нам интереснее послушать вас.

— Вы так думаете? Но я вправе сказать лишь одно: если здесь и кроется тайна, то она не мне принадлежит и не в моих привычках выдавать чужие секреты.

В этот момент в комнату вошла миссис Дуглас, стоявшая, оказывается, около полуоткрытой двери.

— Довольно, Сесил,— сказала она,— вы сделали для нас достаточно.

— Более чем достаточно,— уважительно заметил Холмс.— Я глубоко сочувствую вам, миссис Дуглас, и прошу положиться на наш здравый смысл и нашу порядочность. Весьма возможно, что я поступил ошибочно, не исполнив вашего желания, которое передал мне доктор Уотсон. Однако в то время у меня еще были причины предполагать, что вы замешаны в преступлении. Теперь я убежден в обратном. Тем не менее еще осталось много невыясненного, и я посоветовал бы вам упросить непреклонного мистера Бэркера поведать всю историю.

Тут миссис Дуглас вскрикнула, а все мы были поражены, увидев человека, который как бы выступил из стены и теперь шел к нам из темного угла. Миссис Дуглас повернулась и обняла его; Бэркер сжал его протянутую руку.

— Так лучше, Джон,— сказала миссис Дуглас,— я уверена, так лучше.

— Да, мистер Дуглас,— подтвердил Холмс,— гораздо лучше.

Человек стоял, изучая нас. Он щурился, видимо, от света. Лицо у него было примечательное: смелые серые глаза, густые подстриженные седеющие усы, выступающий вперед волевой подбородок, резко очер-

ченный рот. Дуглас обвел всех нас взглядом и, к моему вящему удивлению, подошел ко мне, протягивая связку бумаг.

— Я слышал о вас,— сказал он. Произношение у него было не вполне английское, но и не чисто американское, в общем мягкое и приятное.— Вы писатель,— продолжал он.— Но ручаюсь, доктор Уотсон, что еще никогда через ваши руки не проходило таких историй. Изложите их, как хотите. Я только вручаю вам факты. Два дня я провел взаперти и, пользуясь слабым дневным светом, который проникал в убежище, набрасывал свои воспоминания. Это история Долины ужаса.

— Долина ужаса — это прошлое, мистер Дуглас,— спокойно сказал Шерлок,— а нам теперь хочется услышать о настоящем.

— Услышите, сэр,— ответил Дуглас.— Вы позволите мне закурить?

Холмс протянул сигару.

— Благодарю вас, мистер Холмс. Насколько мне известно, вы сами курильщик и поймете, что значило для меня не курить два дня, имея под рукой все необходимое, но опасаясь, как бы запах дыма не выдал тайник.— Он прислонился к камину и втянул в себя аромат сигары.— Я много слышал о вас, мистер Холмс, не подозревая, что мне придется встретиться с вами. Обещаю, раньше, чем вы ознакомитесь вот с этим,— он кивнул головой в сторону бумаг,— вы скажете, что я сообщил вам кое-что новое.

Макдоналд хмуро смотрел на пришельца.

— Я в недоумении,— произнес он наконец.— Если вы мистер Дуглас из Бирлстоунской усадьбы, то причины чьей же смерти разыскивали мы эти два дня? И откуда вы теперь выскочили, точно чертик из табакерки?

— Ах, мистер Мак,— заметил с укоризной Холмс.— Вы не захотели перечитать описание приюта короля Карла! В те дни люди нередко прятались в отличные тайники, а они, послужив однажды, могут пригодиться и в другой раз. Я был убежден, что мы разыщем мистера Дугласа под этой крышей.

— Сколько же времени вы морочили нам голову таким образом, мистер Холмс? — сердито спросил инспектор.— Долго ли вы предоставляли нам возможность тратить силы и время на совершенно нелепые, как вам было известно, розыски?

— Ни одного лишнего часа, дорогой мистер Мак. Только в прошлую ночь у меня возникли новые соображения, и, так как их можно было доказать лишь сегодня вечером, я предложил вам и вашему коллеге днем отдохнуть. Скажите, пожалуйста, что мог я сделать еще? Увидав платье, вынуженное изорвать, я сразу понял, что убитый — не мистер Дуглас и мы, вероятнее всего, нашли тело велосипедиста из Тенбриджа. Другого заключения вывести было нельзя. Поэтому мне следовало выяснить, где мог скрываться мистер Дуглас, и я нашел, что, вероятнее всего, он при содействии жены и друга спрятался в доме, представлявшем такие удобства, а позднее собирался бежать.

— Вы оказались правы, — с одобрением сказал Дуглас. — Мне хотелось ускользнуть от вашего британского правосудия, поскольку я не знал, какое наказание оно наложит на меня. Вместе с тем мне казалось, что таким образом я заставляю преследующих меня злобных псов потерять след. Знайте, я не сделал ничего, что заставило бы меня стыдиться, ничего, что я не готов был бы повторить снова. Впрочем, вы сами убедитесь в этом, когда я закончу мой рассказ.

Я начал не с самого начала. Оно изложено здесь, — Дуглас указал на тетрадь, — и вы найдете его очень странным. В общих чертах дело сводится к следующему. На земле живут люди, имеющие основательные причины меня ненавидеть. Они отдали бы свой последний доллар за то, чтобы я оказался в их руках. Пока жив я и живы они, на этом свете для меня нет безопасного угла. Они вытеснили меня из Чикаго в Калифорнию. Потом фактически изгнали из Америки. Лишь когда я после свадьбы поселился в английском тихом графстве, мне стало казаться, что последние годы моей жизни протекут спокойно. Я не объяснял моей жене положения вещей. Зачем было вмешивать ее во все это? Ведь она не имела бы ни минуты покоя! Тем не менее она, кажется, кое-что подозревала. Вероятно, я время от времени проговаривался, но до вчерашнего дня ей не были известны обстоятельства дела. Она узнала их после того, как вы, джентльмены, говорили с нею. Она сказала вам все, что знала, и Бэркер тоже. Ведь в ночь памятных событий у нас оставалось мало времени для объяснений. Теперь жена знает мою историю, и, право же, я поступил бы умнее, раньше сказав ей об опасности. Мне, дорогая, —

он взял ее за руку, — было тяжело коснуться прошлого, я хотел сделать как лучше.

Господа, накануне роковых событий я был в Тенбридже и случайно увидел на улице одного человека. Только мельком, но не мог не узнать моего смертельного врага, который преследовал меня, словно голодный волк дикую козу. Мне стало ясно, что беда близка. Я вернулся домой и приготовился встретить ее, зная, что мне придется защищаться собственными силами. В былое время о моих удачах ходила слава по всем Соединенным Штатам, и я был уверен, что счастье по-прежнему улыбнется мне.

Целый день я был настороже, не выходил в парк и поступал правильно: он пустил бы в меня заряд картечи раньше, чем я успел бы заметить его. Когда мост подняли, я прогнал мысль о беде, не допуская, что он мог пробраться в дом и спрятаться, выжидая меня. Но когда я делал обычный вечерний обход дома, как всегда в халате, то, войдя в свою комнату, почувствовал опасность. Наверное, человек, многократно подвергавший угрозам свою жизнь, обретает нечто вроде шестого чувства, которое и подает ему сигналы. Почему я остро осознавал приближение несчастья, точно не могу сказать. Но в следующее мгновение я заметил под оконной драпировкой носки ботинок. Увидев источник своих инстинктивных опасений, я кинулся за молотком, припасенным мной ранее на камине. В ту же минуту враг прыгнул на меня. Блеснул нож, но я ударил по лезвию молотком. Оружие выпало из рук противника. Тогда нападающий вытащил из-под пальто ружье. Щелкнул курок, но я успел схватить ствол руками и поднять его кверху. Мы отчаянно боролись. Мой противник ни на секунду не ослаблял усилий, однако в какое-то мгновение приклад оказался ближе ко мне. Не знаю, может быть, я дернул курок, может быть, мы оба потянули за собачку. Так или иначе два заряда попали ему в лицо, и, взглянув вниз, я увидел то, что осталось от Теда Болдуина. Я узнал этого человека в городе, узнал его также, когда он накинута на меня, но, увидев столь обезображенный труп, даже его собственная мать не сказала бы, кто перед нею. Я привык к страшным зрелищам, но и мне стало не по себе.

Прибежал Бэркер. Я услышал шаги жены, но вовремя остановил ее. Тут было зрелище не для женщин.

Обещав ей скоро прийти в ее комнату, я начал давать Бэркеру объяснения, но он сам все понял с первого взгляда. Нам оставалось только ждать прислугу. Никто не явился, и мы сообразили, что никто не услышал выстрела, что все случившееся известно только нам.

Тогда-то у меня зародилась идея, которая показала нам обоим блестящей. Рукав Теда приподнялся, обнаружив знак лжи. Смотрите!

Дуглас завернул свой собственный рукав и показал коричневый треугольник в круге, то есть в точности такой же знак, какой мы видели на руке убитого.

— Именно клеймо навело меня на мысль выдать убитого за себя. Мы были приблизительно одного роста и сложения, его волосы походили на мои, а от лица ничего не осталось. Мы с Бэркером сняли с Теда вот этот костюм, накинули на него мой халат и положили труп в той позе, в которой вы его нашли. Связав вещи Болдуина в узел, я уложил туда же единственную тяжесть, которая оказалась под рукой. Все было выброшено из окна. Карточку, которую он намеревался положить на мой труп, я оставил возле него. Мы надели мои кольца на его пальцы, но когда дело дошло до обручального...

Он вытянул свою мускулистую руку.

— Вы сами видите, что я ничего не мог сделать. Со дня свадьбы это кольцо не покидало своего места, и снять его было невозможно. Мне и не хотелось расставаться с ним. Мы решили предоставить эту подробность судьбе. Зато я принес кусочек пластыря и наклеил его на уцелевшую часть лица убитого, в том самом месте, где, как вы видите, он наклеен у меня. Только в этом случае, мистер Холмс, вы допустили оплошность: сняв пластырь, вы не увидели бы пореза.

Вот каково было положение вещей. Если бы я притаился на некоторое время, а затем уехал в какое-нибудь место, где позднее ко мне присоединилась бы жена, остаток дней наших, вероятно, протек бы спокойно. Увидев в газетах, что Болдуин убил меня, эти дьяволы прекратили бы преследование. Я спрятался, Бэркер сделал все остальное.

Вы сами можете догадаться, о чем именно он позаботился в первую очередь. Мой друг открыл окно и сделал кровавый отпечаток на подоконнике с целью показать, каким путем убежал убийца. Это была сме-

лая мысль. Потом Сесил позвонил. Дальнейшее вы знаете. Теперь, джентльмены, делайте, что вам угодно, однако верьте, что я сказал всю правду. Позвольте только задать вам один вопрос: как поступит со мной английское правосудие?

Наступило молчание. Его прервал Шерлок Холмс.

— В основе своей английские законы справедливы, и наказание будет не тяжелее вашего проступка. Но, скажите, откуда Болдуин узнал, что вы живете здесь, а также как пробраться в дом и где удобнее спрятаться?

— Мне самому это непонятно.

Лицо Холмса было серьезно и бледно.

— Боюсь, что дело еще далеко не окончено,— заявил он.— На вашем пути могут встретиться опасности похуже английского закона или даже ваших американских врагов. Я предугадываю для вас несчастья, мистер Дуглас, и советую вам остерегаться.

Часть вторая

ЧИСТИЛЬЩИКИ

А теперь я должен попросить читателя на время покинуть Сассекс и перенестись лет на двадцать назад и на несколько тысяч миль к западу. Перед ним развернется настолько необыкновенная история, что, быть может, трудно будет даже поверить в ее достоверность. Причем это не начало какого-нибудь нового повествования. После описания происшедших в то время и в тех местах событий, разрешив тайну прошлого, мы снова встретимся в квартире на Бейкер-стрит, где завершатся эти, как и многие другие знаменательные события.

1

ГЛАВНОЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО

Дело происходило 4 февраля 1875 года. Стояла суровая зима, густой снег покрывал ущелья гор Джилмертон. Вечерний поезд медленно полз по железнодорож-

ному пути, соединяющему множество шахтерских и заводских поселков. Он поднимался по крутому откосу, который ведет от Стегвилля, расположенного на низменности, к городу Вермисса, стоящему в верхнем конце долины. Дорога была однопутной, на каждой запасной ветке стояли вереницы платформ с углем и железной рудой. Стояли, словно немые доказательства скрытого под землей несметного богатства долины, привлечшего в нее множество людей разной национальности и сильно оживившего этот унылый край Соединенных Штатов. Вряд ли первопроходцы, пересекшие его, представляли себе, что самые прекрасные прерии и роскошные пастбища ничего не стоят по сравнению с этой мрачной областью, покрытой черными утесами и чащей леса. Над почти непроходимым бором, покрывавшим склоны гор, поднимались покрытые вечными снегами вершины.

По долине, извивавшейся между зубчатых скал, полз маленький поезд. В вагонах, вмещавших всего по двадцать или тридцать человек, только что зажгли лампы. Они горели тускло и слабо освещали пассажиров, в основном рабочих, возвращавшихся домой после трудового дня. Судя по их закоптелым лицам, это были большей частью шахтеры. Почти все они курили и иногда переговаривались.

В одном из вагонов сидели двое в полицейских мундирах, привлекавших к себе настороженное внимание не только рудокопов, но и едущих женщин-работниц и двоих-троих стариков, в которых нетрудно было узнать местных мелких лавочников. В углу, поодаль от всех, расположился молодой человек. На вид ему не менее тридцати лет, он среднего роста, у него свежий цвет лица. Проницательные серые глаза поблескивали сквозь очки и доброжелательно посматривали на соседей. Эти взгляды позволяли сделать вывод об общительном характере; поверхностный наблюдатель предположил бы даже, что это недалекий простак. Однако более пристальное внимание позволяло угадать в очертании его подбородка и суровой складке губ, что под наружным добродушием темноволосого молодого мужчины крылась незаурядная сила. Раза два он пробовал заговорить с ближайшим соседом-шахтером, но, получив краткие неприветливые ответы, замолк и стал хмуро смотреть в окно на открывавшийся пейзаж. Груды шлака громоздились по

обеим сторонам железнодорожной линии; за ними поднимались вышки угольных шахт. Группы жалких деревянных домишек с плохо освещенными окнами жались друг к другу. На частых полустанках толпились закоптелые жители: долина Вермиссы не привлекала к себе праздных людей, здесь велась жесткая борьба за существование. На лице молодого пассажира, который смотрел из окна вагона на безрадостную местность, выражалось смешанное чувство безразличия и любопытства. Не раз, достав длинное письмо, он снова и снова пробежал его глазами и что-то писал сбоку. В конце концов он вытащил из сумки револьвер и переложил его в потайной карман. Как ни быстро это было сделано, человек, сидевший на соседней скамье, успел все заметить.

— Вот как, приятель, вы, видно, готовы ко всему?

Молодой незнакомец улыбнулся с некоторым замешательством.

— Да, там, откуда я еду, иногда оружие необходимо.

— А откуда вы едете?

— Из Чикаго.

— Здесь вы впервые?

— Да.

— Оружие наверняка вам и здесь пригодится.

— Почему вы в этом так уверены? — живо спросил молодой человек, явно заинтересованный.

— Разве вы не слышали о том, что у нас тут происходит?

— Нет, ничего.

— А я был уверен, что о нас говорят повсюду. Не огорчайтесь, скоро услышите. Но что заставило вас сюда приехать?

— Я слышал, что здесь можно легко найти работу.

— Вы член Рабочего союза?

— Естественно.

— Тогда, пожалуй, работу получите. У вас есть тут друзья?

— Нет, но я их приобрету.

— Каким образом?

— Я принадлежу к ордену масонов. Почти в каждом городе есть ложа, а где есть ложа, там у меня окажутся друзья.

Слова собеседника сразу произвели сильное впечатление на рабочего. Он с подозрением оглянулся на

сидящих вблизи пассажиров. После этого он поднялся, сел рядом и протянул руку. Они обменялись рукопожатием.

— Я верю, но никогда нелишне удостовериться.

Правой рукой он дотронулся до своей правой брови. Незнакомец тотчас же поднес левую руку к левой брови.

— Темные ночи неприятны,— произнес сосед.

— Да, для странствующих иностранцев,— ответил молодой человек.

— Этого достаточно. Я брат Сканлейн, триста сорок первая ложа, долина Вермиссы. Я рад видеть вас у нас.

— Спасибо. Я брат Джон Макмэрдо, двадцать девятая, Чикаго. И я рад встрече с братом.

— В округе наших много. Нигде в стране орден так не процветает, как в долине Вермиссы. Но молодцы вроде вас нам очень нужны. Одного не понимаю: почему здоровый человек из Рабочего союза не нашел себе места в Чикаго?

— У меня было много случаев хорошо заработать,— ответил Макмэрдо.

— Тогда почему уехали из Чикаго?

Макмэрдо указал в сторону полицейских и слегка улыбнулся.

— Эти двое джентльменов, вероятно, с удовольствием приняли бы эстафету в отношении меня от своих чикагских коллег.

Сканлейн сочувственно кивнул, искоса взглянув на полицейских.

— У вас были большие неприятности?

— Да.

— Тюрьма?

— Еще не время толковать о таких вещах,— ответил Макмэрдо, как бы сожалея, что уже сказал больше, чем хотел.— Имелись веские причины для моего отъезда из Чикаго, удовольствуйтесь этим. Кроме того, кто вы такой, чтобы задавать вопросы?

Серые глаза Макмэрдо блеснули раздраженно за стеклами очков.

— Не сердитесь, я не собирался вас обидеть. И уверен — наши ребята отнесутся к вам хорошо, что бы вы там ни сделали. Куда вы сейчас направляетесь?

— В Вермиссу.

— Это третья остановка отсюда. Где намереваетесь поселиться?

Макмэрдо вынул письмо и прочел адрес:

— Джейкоб Шефтер, улица Шеридана.. Мне рекомендовал его знакомый в Чикаго.

— Я сам живу в Хобсоне, так что этого адреса не знаю. Кстати, мы подъезжаем к Хобсону, и на прощание я хочу дать вам один совет. Если вы столкнетесь с трудностями в Вермиссе, идите прямо в Дом профсоюза и спросите Макгинти. Он мастер вермисской логи, и в Вермиссе все делается, как того хочет Черный Джек Макгинти. Может, мы встретимся в ложе. Прощайте.

Сканлейн направился к выходу, и Макмэрдо снова остался наедине со своими мыслями. Уже стемнело, и красные отсветы горнов мелькали во мраке.

— По-моему, ад должен выглядеть именно так,— произнес чей-то голос.

Макмэрдо оглянулся и увидел, что один из полицейских встал и всматривается в окно.

— Наверняка,— поддакнул второй констебль.— И вряд ли в преисподней обитают дьяволы хуже местных... Полагаю, вы новоприезжий, молодой человек?

— Что вам-то до этого? — мрачно ответил Макмэрдо.

— Да ничего. Просто я посоветовал бы вам осторожнее выбирать себе здесь друзей. И уж никак я не поспешил бы подружиться со Сканлейном или с кем-нибудь из этой шайки, ничего не зная о них.

— Что вам за дело, кто мои друзья? — прогремел Джон так громко, что все пассажиры повернулись к нему.— Разве я спрашивал у вас совета?

Нагрубив, он широко осклабился, точно оскалившая зубы собака. Добродушных полицейских ошеломила подобная враждебность.

— Не обижайтесь на нас,— примирительно произнес один из них.— Мы хотим вам добра, поскольку вы новичок в долине Вермиссы.

— Да, этой долины я не знаю, но мне хорошо знакомы вы и вам подобные,— с холодным бешенством выпалил Макмэрдо.

Полицейский улыбнулся.

— Может статься, что и лично с нами вам придется познакомиться поближе. Вы кажетесь отменной сорвиголовой.

— Я вас не боюсь. Меня зовут Джон Макмэрдо. А если я вам понадобится, то ищите меня в Вермиссе, на улице Шеридана у Шефтера. Видите, я не собираюсь скрываться от вас.

Такое бесстрашное заявление вызвало явное сочувствие у пассажиров. Полицейские, пожав плечами, вступили в разговор между собой. Через несколько минут поезд подошел к скверно освещенному вокзалу, и пассажиры поспешили покинуть вагоны. Вермисса была главной станцией на всей линии.

Макмэрдо поднял свою сумку и уже двинулся в темноту, когда один из шахтеров подошел к нему.

— Браво, товарищ, вы умеете разговаривать с этими типами,— с уважением сказал он.— Было приятно вас слушать. Дайте вашу сумку и пойдем вместе. Мне как раз идти мимо дома Шефтера.

Они вместе спустились с платформы.

— Спокойной ночи, друг,— раздалось пожелание из толпы шахтеров. Буйный Макмэрдо завоевал здесь симпатии, даже не ступив еще на землю Вермиссы.

Какое бы безрадостное впечатление ни производили окрестности города, сама Вермисса оказалась еще более удручающей. Долина обладала хотя бы каким-то мрачным величием: по соседству с горами, этими могучими созданиями природы, находились результаты гигантской деятельности человека — глубокие шахты на фоне огромных горнов и клубов дыма. Город же воплощал в себе отвратительную нищету. Снег на улице, который непрестанно месили башмаками и колесами повозок, превратился в грязную полужидкую кашу. Газовые фонари едва освещали невзрачные ряды деревянных строений с полуразрушенными верандами. Лишь в центре города эта картина слегка скрашивалась ярко освещенными витринами магазинов и пивных, окнами игорных домов и притонов.

— Вот этот дом вам придется часто посещать,— сказал проводник Джона, указывая на один из баров, по внешнему виду напоминающий отель.— Здесь хозяин Джек Макгинти.

— Что это за человек? — спросил Макмэрдо.

— Неужели вы о нем не слыхали?

— Я же никогда не бывал в вашем городе.

— Ну, я думал, что его имя известно всюду. Оно часто появляется и в газетах.

— В связи с чем?

— В связи с разными громкими делами,— неопределенно ответил шахтер, понизив голос.

— Какими именно?

— Ну и чудак вы, мистер! Ведь только об одних определенного рода делах и можно услышать у нас — о делах Чистильщиков.

— Помнится, я что-то читал о них. Это шайка убийц, не так ли?

— Тише, если вам дорога жизнь,— испуганно прошептал шахтер, оглянувшись вокруг. Затем он остановился и с удивлением воззрился на своего спутника.— Если вы будете на улице открыто высказываться в таком духе, то вам недолго останется жить. Иные отпавлялись на тот свет из-за меньшего...

— Я только повторяю то, что читал о них в газетах.

— Но могу заверить вас, что вы читали неправду. Убийств здесь происходит немало. Только никогда не произносите имени Макгинти в связи с преступлениями — расплата будет скорой и жестокой... А вот и дом, который вам нужен. Его хозяин, старый Джейкоб Шефтер, у нас самый честный и уважаемый человек.

— Спасибо,— сказал Макмэрдо на прощание. Он подошел к дому и сильно постучал в дверь. Когда она открылась, то перед ним оказалась молодая и очень красивая девушка, по виду шведка: белокурая, с огромными темными глазами, резко контрастировавшими с цветом ее волос. Она посмотрела на незнакомца с удивлением и любопытством. Макмэрдо подумал, что никогда не видел девушки прекраснее. Она казалась особенно поразительной в окружавшей ее печальной и безобразной действительности, словно прелестный цветок, выросший на черных горах шлака. Он молча стоял и только смотрел на нее. Молчание прервала девушка.

— Я решила, что это пришел отец,— произнесла она с приятным легким акцентом.— Вы хотите его видеть? Он в городе и должен вернуться с минуты на минуту.

Макмэрдо продолжал зачарованно смотреть на нее, не скрывая своего восхищения. Под его взглядом она опустила веки.

— Ничего, мисс,— наконец сказал Джон.— Я никуда не спешу. Мне рекомендовали ваш дом, и теперь я уверен, что он мне подойдет.

— Вы быстро приходите к заключениям,— с улыбкой сказала она.

— Ну, только слепой ответил бы иначе.

Девушка засмеялась.

— Входите, мистер,— пригласила она.— Меня зовут Этти, я дочь мистера Шефтера. Моей матери нет в живых, и хозяйством занимаюсь я. Погрейтесь у печки и подождите отца... Да вот и он сам.

По дорожке приближался коренастый старик. После знакомства Макмэрдо кратко рассказал о своем деле. Имя знакомого Джона, давшего ему адрес Шефтера, было тому известно. Старый швед тут же согласился принять нового жильца. Макмэрдо не торговался и охотно принял все условия. За двенадцать долларов в неделю хозяин предоставлял ему комнату и полное содержание.

Таким образом Макмэрдо, бежавший из Чикаго, поселился под крышей Шефтеров. Это стало первым шагом в длинной череде темных событий, происшедших в далеком крае.

2

ГЛАВА ЛОЖИ ВЕРМИССЫ

Через неделю Макмэрдо уже сделался приметным лицом в доме Шефтеров. В меблированных комнатах у них жили еще десять жильцов — пожилые работники с шахт и приказчики из лавок. Когда все собирались по вечерам, Джон первым отпускал удачную шутку. Он оказался также превосходным рассказчиком, отлично пел и вообще, казалось, был прямо создан для общества — от него как бы веяло магической силой, способной вызывать оживление и даже веселость окружающих. Но иногда он впадал, как и тогда в железнодорожном вагоне, в неудержимый гнев, что заставляло всех в доме относиться к нему еще более уважительно и даже с опаской. Он не скрывал своего презрения к закону и к его служителям.

Макмэрдо открыто восхищался прелестной мисс Этти и говорил, что она покорила его сердце с первого взгляда. Чуть ли не на второй день Джон признался ей в любви и потом постоянно твердил о своем чувстве, не обращая внимания на ее ответы, которыми она старалась лишить его надежды.

— У вас уже кто-то есть? — говорил он.— Что ж,

тем хуже для него. Пусть остерегается, я не собираюсь из-за кого бы то ни было упускать свое счастье. Говорите «нет» сколько угодно, Этти, но наступит день, когда вы скажете «да». Я достаточно молод, чтобы подождать.

Для Этти он был воистину опасным человеком. Рассказы его увлекали, а умение подойти к людям очаровывало. Он был окружен ореолом таинственности, что обычно сначала возбуждает у женщины любопытство, а затем любовь. Особенно захватывающими были описания Мичигана, далекого красивого острова с его низкими холмами и зелеными лугами. Отсюда, из этой мрачной, занесенной снегом долины, он казался особенно прекрасным. Рассказывал Макмэрдо и о проливе и мичиганских лесных лагерях; о Буффало и Чикаго, где он работал на заводе. При этом слышался намек на нечто романтическое, на события столь странные, что и говорить о них открыто было нельзя. С сожалением Джон упомянул, что ему пришлось отказаться от прежних знакомств, покинуть все привычное и закончить свои скитания в этой безрадостной долине. Этти неизменно слушала его, затаив дыхание, и в ее огромных глазах читались сострадание и сочувствие.

Будучи человеком образованным, Макмэрдо быстро получил временное место в одной конторе, где ему поручили ведение записей. В конторе он был занят бóльшую часть дня и потому не нашел случая представиться главе местной масонской ложи. Но ему вскоре напомнили об этом упущении. Как-то вечером в комнате Джона появился его железнодорожный знакомый Мик Сканлейн. Казалось, он был рад встретиться с Макмэрдо. Выпив виски, Мик объяснил цель своего посещения.

— Я запомнил ваш адрес, Макмэрдо,— сказал он,— и решил навестить вас. Знаете, меня удивляет, что вы до сих пор не представились мастеру. Что мешало вам зайти к нему?

— Я искал работу и был крайне занят.

— Все равно надо было отыскать время, чтобы навести ему визит. Бог мой, да вы поступили прямо безумно, не побывав в Доме союза в первое же утро после приезда! Если вы обидите его...

Макмэрдо удивился.

— Я уже более двух лет принадлежу к ордену,

Сканлейн, но никогда не слышал о подобных строгостях.

— В Чикаго, может быть, их нет.

— Да ведь здесь то же самое общество?

— Вы полагаете? — Сканлейн долгим пристальным взглядом посмотрел на Джона.

— Разве я ошибаюсь?

— Через месяц вы мне сами об этом скажете. Кстати, я слышал, что после того, как я вышел из вагона, вы побеседовали с полицейскими?

— Господи, да как вы об этом узнали?

— У нас все быстро становится известно, как плохое, так и хорошее.

— Да, я выложил этим собакам, что о них думаю.

— Я уверен, приятель, вы придетесь по сердцу нашему Макгинти.

— А что, он тоже не жалуется полиции?

Сканлейн захохотал.

— Обожают! Но берегитесь, как бы заодно с полицией он не возненавидел и вас, если вы не удостоите его посещением. Так что немедленно отправляйтесь к нему в бар, — сказал он на прощание и ушел.

Возможно, Макмэрдо и не придал бы особого значения этому совету, но другая встреча в тот же вечер вынудила его все же отправиться к Макгинти.

Заметил ли старый Шефтер с самого начала то внимание, которое оказывал Этти его новый жилец, или ухаживание Джона стало в последние дни слишком настойчивым, но, как бы то ни было, вскоре после ухода Сканлейна он позвал молодого человека в свою комнату.

— Мне кажется, — сказал он без предисловий, — что вам приглянулась моя Этти. Это верно, или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — ответил Джон.

— Ну так я должен сказать вам, что вы опоздали.

— Она мне говорила.

— А фамилия другого вам известна?

— Я спрашивал, но она отказалась ее назвать.

— Потому что не хотела вас напугать.

— Напугать? — Макмэрдо так весь и вскипел.

— Да, дружище. И вовсе не зазорно бояться Теда Болдуина.

— Да кто он такой, черт возьми?

— Он начальник Чистильщиков.

— Опять Чистильщики! О них только и говорят здесь, причем всегда шепотом. Чего вы все боитесь? Кто эти Чистильщики?

Шефтер понизил голос, как и все здесь, кто вынужденно затрагивал эту тему:

— Чистильщики — старинный масонский орден.

— Но ведь я и сам масон!

— Вы? Зная это, я ни за что не пустил бы вас к себе в дом.

— Почему вы недолюбливаете орден? Он ставит перед собой цели милосердия и добра.

— Возможно, где-нибудь и так, но не у нас.

— А здесь?

— Это общество убийц.

Макмэрдо недоверчиво засмеялся.

— Где доказательства?

— Доказательства? А разве вам мало пятидесяти убийств? Судя по всему, вы даже не слышали о Милмэне, Ван-Шорсте, о семье Пиклсон, о старом мистере Эйме, о маленьком Билли Джеймсе и множестве других. Доказательства! В долине не найдется никого, будь то мужчина или женщина, кто не имел бы доказательств!

— Это простые сплетни,— возразил Макмэрдо.

— Прожив в нашем городе подольше, вы измените свое мнение. Впрочем, я забыл, что вы тоже один из них. Поэтому прошу вас подыскать себе другое помещение, мистер. С нас хватит ухажера Этти, которого мы не смеем выгнать. А уж среди своих жильцов я их терпеть не желаю. Следующую ночь вы должны провести уже под другой крышей.

Макмэрдо не только лишали комнаты, но и отдаляли от девушки, которую он искренне полюбил. Выйдя от старика, он застал Этти в гостиной и рассказал ей обо всем.

— Я не так уж огорчился бы, будь дело только в комнате,— сказал он,— но, право, Этти, хотя я и знаю вас всего неделю, но жить без вас не могу!

— Замолчите, мистер Макмэрдо,— прервала его Этти.— Ведь я говорила вам, что вы опоздали. У вас на дороге стоит другой; правда, я не обещала ему выйти за него, но и сделаться невестой кого-либо еще я теперь уже не могу.

— А если бы я оказался здесь раньше? Мог бы тогда надеяться?

Этти закрыла лицо руками.

— Бог видит, что я хотела бы этого...— прошептала она, заливаясь слезами.

Макмэрдо опустил перед ней на колени.

— Неужели из-за полуобещания вы погубите свое и мое счастье? Слушайте своего сердца: оно правдивее слов, сказанных в минуту, когда вы сами не знали, что говорите. Скажите, что вы согласны стать моей женой, и мы вместе пойдем навстречу судьбе.

— Но мы уедем отсюда?

— Нет, мы здесь останемся, дорогая,— и его руки на миг обняли ее.

— Но, Джон, тут оставаться нам нельзя. Увезите меня, пожалуйста.

На мгновение лицо Макмэрдо выразило колебание, но почти сразу оно стало жестким, словно гранит.

— Нет, я не трус и стану бороться за вас против всех на свете.

— Но почему бы нам не уехать?

— Я не могу сделать этого, Этти.

— Почему же?

— Я никогда не смогу смотреть людям в глаза, если буду знать, что меня выгнали откуда бы то ни было. Кроме того, чего нам бояться? Разве мы не свободные люди в свободной стране? Если мы любим друг друга, кто осмелится стать между нами?

— Вы не знаете, Джон... Вы пробыли здесь слишком короткое время, вы не знаете этого Болдуина, этого Макгинти и Чистильщиков вообще.

— Не знаю и не боюсь их,— ответил Макмэрдо.— Мне приходилось встречаться с самыми разными людьми, и я никогда никого не боялся, напротив, кончалось тем, что окружающие начинали опасаться меня. Но скажите, Этти, если Чистильщики, как говорит ваш отец, совершали в долине Вермиссы одно убийство за другим и если все знают их имена, то почему не предавали преступников суду?

— Никто не решится выступить против них свидетелями. Любой из них не прожил бы и месяца. Кроме того, всегда найдется кто-нибудь из шайки, кто под присягой покажет, будто во время совершения преступления обвиняемый был в противоположной части долины.

— Я, правда, слышал кое-что и раньше о Чистильщиках, но считал все это выдумками. Может быть,

Этти, у них есть оправдательные причины так поступать. Их что, преследуют и они не могут защититься другим путем?

— О Джон, замолчите! Именно такие слова я слышу от другого...

— От Болдуина?

— Да, и потому я презираю его. Джон, теперь я могу сказать вам правду: я всем сердцем ненавижу его и в то же время смертельно боюсь. Боюсь за себя и особенно за отца. Если бы я сказала Болдуину правду, на нас неминуемо обрушилась бы страшная беда. Поэтому мне пришлось отделаться от него хотя бы полуобещанием. Иного выхода не было. Если бы вы только согласились бежать со мной, Джон! Мы взяли бы с собой отца и где-нибудь вдаль зажили бы спокойно.

Лицо Макмэрдо снова отразило внутреннюю борьбу, и снова оно окаменело.

— Ничего дурного не случится ни с вами, Этти, ни с вашим отцом. Что же до этих страшных людей.. Наступит время, и вы поймете, что я не лучше самого дурного из них.

— Нет, Джон, я не верю в это и всегда буду доверять вам.

Макмэрдо с горечью рассмеялся.

— Как же мало вы обо мне знаете! Вы, с вашей невинной душой, не подозреваете, что во мне происходит...

В эту минуту дверь резко распахнулась, и в комнату развязно, с видом хозяина, вошел красивый молодой человек, приблизительно одних лет с Макмэрдо, схожий с ним ростом и фигурой. Из-под широкополой шляпы, которую он не потрудился снять, виднелось лицо со свирепыми, властными глазами и орлиным носом.

Смущенная и испуганная Этти тут же поднялась со стула.

— Я рада видеть вас, мистер Болдуин,— сказала она.— Пожалуйста, садитесь.

Упершись руками в бока, Болдуин остался стоять, неотрывно глядя на Джона.

— Кто это? — коротко бросил он.

— Мой друг, наш новый жилец. Мистер Макмэрдо, разрешите представить вам мистера Болдуина.

Молодые люди мрачно поклонились друг другу.

— Полагаю, мисс Этти сообщила вам о наших планах? — спросил Болдуин.

— Насколько я понял, вас с нею ничто не связывает.

— Да? Ну, теперь вы можете узнать другое. Я говорю вам, что эта девушка является моей невестой. Так что вам следует сейчас отправиться прогуляться и не путаться здесь под ногами... Тем более что вечер хорош, — добавил Болдуин с насмешкой в голосе.

— Благодарю, но я не расположен гулять.

— Нет? — Глаза Болдуина загорелись гневом. — Может, вам хочется подраться, мистер жилец?

Очень, — откликнулся Макмэрдо, поднимаясь. — Вы не могли сказать мне ничего более приятного.

— Ради Бога, Джон, ради Бога, — задыхаясь, произнесла растерявшаяся Этти. — О Джон, он сделает что-нибудь ужасное!

— Ага, так он для вас уже «Джон»? — зарычал Болдуин. — Дело дошло до имен?

— Ах, Тед, будьте благоразумны! Если вы когда-нибудь меня любили, будьте великодушны!

— Мне кажется, Этти, если вы оставите нас вдвоем, мы быстро со всем покончим, — спокойно произнес Макмэрдо. — Или, может, вам, мистер Болдуин, угодно прогуляться со мной по улице? Отличная погода, и за первым поворотом есть удобный пустырь.

— Я расправляюсь с вами, не пачкая рук, — бросил Джону его враг. — В скором времени вы пожалеете, что вошли в этот дом.

— По-моему, сейчас самое подходящее время, — сказал Макмэрдо.

— Я сам выберу время. Смотрите, — он засучил рукав и показал на руке странный знак: выжженный круг с треугольником внутри. — Вы знаете, что это значит?

— Не знаю и знать не хочу.

— Так обещаю вам, что вы узнаете, не успев постареть. Может быть, мисс Этти скажет вам что-нибудь об этом клейме. А вы, Этти, вернетесь ко мне на коленях. Слышите? На коленях! И тогда я скажу вам, в чем будет заключаться ваша кара. Вы посеяли, и я позабочусь, чтобы вы сняли урожай.

Он с ненавистью посмотрел на них обоих, внезапно повернулся на каблуках, и в следующую секунду наружная дверь с шумом за ним захлопнулась.

Несколько мгновений Джон и Этти стояли молча, потом она обняла его.

— О Джон, как вы были смелы! Но все равно, вам надо бежать отсюда. И сегодня же! Вы ничего не можете поделать против людей, за которыми стоит Макгинти и все могущество логи.

Джон высвободился из объятий Этти, поцеловав ее, и усадил на стул.

— Полно, не беспокойтесь так обо мне. Я ведь тоже масон. Наверное, я не лучше остальных, а потому не принимайте меня за святого. Быть может, узнав правду, вы возненавидите меня тоже.

— Возненавидеть вас, Джон! Что вы! Почему я должна думать о вас плохо только из-за того, что вы принадлежите к ложе? Но если вы масон, Джон, почему вы не постарались заслужить расположение этого Макгинти? Поторопитесь сделать это! Поговорите с ним прежде Болдуина.

— Я сам подумал о том же,— сказал Макмэрдо,— и отправлюсь сейчас же. Скажите вашему отцу, что сегодня мне еще придется переночевать у вас в доме, но что завтра я найду себе новое жилье.

Бар Макгинти, как всегда, был переполнен. Хозяин пользовался популярностью, и прежде всего потому, что неизменно носил маску весельчака. Кроме того, многих приводил сюда страх — никто не рискнул бы пренебречь его расположением. Причем не только в городе, но и во всей долине.

Помимо тайной силы, которой обладал Макгинти как глава логи, он имел и власть официальную в качестве муниципального советника и инспектора дорог. Всем было ясно, какими путями он получил эти должности. Общественные работы в городе были запущены, зато налоги взимались самым тщательным образом. Благодаря же частым неточностям в отчетах, на которые все опасались обращать внимание, бриллианты в булавках хозяина бара год от года становились крупнее, а золотые цепочки на жилете — более тяжелыми.

Макмэрдо вошел в зал и оказался в густой толпе, насыщавшей воздух табачным дымом и спиртными ароматами. Помещение освещалось множеством ламп, отражавшихся в расставленных вдоль стен огромных зеркалах в тяжелых золоченых рамах. За прилавками

усиленно трудились официанты в жилетах и без галстуков. В глубине, опершись на стойку, стоял высокий и полный человек, во рту которого торчала неизменная сигара. Голову исполина украшала густая грива волос, спускавшаяся до воротника, а лицо до скул заросло бородой. Оно было смуглое, словно у южанина. Однако самым примечательным его отличием являлись странные немигающие черные глаза; отсутствие в них естественного блеска придавало всему лицу затаенно-зловещее выражение. Между тем все остальное у этого человека вполне соответствовало маске веселого задушевного малого. В первый момент каждый сказал бы, что Макгинти удачливый, честный делец с открытым сердцем. Только когда его темные безжизненные глаза впивались в человека, тот внутренне содрогался, почувствовав, что за ними скрыта целая бездна зла, соединенного с силой и хитростью.

Джон издали разглядел хозяина бара, а затем со свойственной ему смелостью принялся локтями пробивать себе дорогу к нему. Протолкавшись сквозь группу льстецов, теснившихся около стойки, он остановился перед ним, не опустив глаза под пристальным взглядом.

— Черт меня побери, если я встречал вас прежде, — недружелюбно произнес глава ложи Вермиссы.

— Я здесь недавно, мистер Макгинти.

— Не настолько недавно, чтобы не знать, как следует меня именовать.

— Это советник Макгинти, — сказал кто-то из окружения.

— Извините, советник. Я незнаком с местными обычаями, но мне посоветовали повидать вас.

— Ну что ж, вы видите меня. И что вы думаете обо мне?

— Трудно так сразу ответить. Скажу лишь, что если ваше сердце так же велико и прекрасно, как лицо, то ничего другого и желать нельзя.

— У вас хорошо подвешен язык! Значит, вы одобряете мою наружность?

— Конечно, сэр, — сказал Макмэрдо.

— И вам посоветовали прийти ко мне?

— Да.

— Кто же это сделал?

— Брат Сканлейн... А теперь я хочу выпить за ваше здоровье, советник, и за наше дальнейшее зна-

комство. — Джон поднес к губам поданный ему стакан и, осушая его, подчеркнуто отставил мизинец.

Следивший за ним Макгинти приподнял густые черные брови.

— Ах, вот как? — сказал он. — Видно, мне придется поближе познакомиться с вами, мистер...

— Макмэрдо.

— Мы здесь не доверяем словам, мистер Макмэрдо. Извольте следовать за мной.

Они прошли в маленькую комнатку. Макгинти запер за собою дверь, уселся на одну из бочек, заполнявших комнату, молча поглядывая на Джона.

Макмэрдо, не смущаясь, вынес осмотр. Одну руку он опустил в карман пиджака, другой покручивал свой каштановый ус. Неожиданно Макгинти вытащил из-за пояса револьвер.

— Вот что я должен вам сказать. Если я увижу, что вы затеваете с нами какую-нибудь игру, то вам недолго придется ее вести.

— Станный прием вы мне оказываете, — ответил Макмэрдо с вызовом. — Особенно для мастера логи по отношению к новоприезжему брату.

— Вот как раз этот факт и нужно доказать, — ответил Макгинти. — А если не докажете, то вам не поможет сам сатана. Где вы были посвящены?

— В двадцать девятой ложе в Чикаго.

— Когда?

— Двадцать четвертого июня тысяча восемьсот семьдесят второго года.

— Кто был мастер?

— Джеймс Скотт.

— Кто управляет вашей областью?

— Бартоломью Уилсон.

— Гм, вы отвечаете довольно уверенно. Что вы здесь делаете?

— Работаю, как вы, но пока поменьше вас.

— Вы так же скоры на руку, как на ответы?

— Знавшие меня люди утверждали именно так.

— Ну что ж, может, мы испытаем вас скорее, чем вы думаете. Вы слыхали что-нибудь о нашей ложе?

— Я слышал, что в ваше братство может вступить только мужественный человек.

— Правильно, мистер Макмэрдо. Почему вы уехали из Чикаго?

— Повесьте меня раньше, чем я вам это скажу.

Глаза Макгинти широко открылись. Он не привык к таким ответам, и слова Джона несказанно удивили его.

— Почему вы не хотите довериться мне?

— Потому что брат не может лгать брату.

— Значит, правда такого рода, что о ней даже не стоит говорить?

— Вот именно.

— Тогда не ждите, чтобы я как мастер ввел в ложу человека, за прошлое которого не могу отвечать.

На лицо Макмэрдо отразилось раздумье. Потом он вынул из кармана измятую газетную вырезку.

— Вы правы, советник, — мягко заметил Макмэрдо. — Я знаю, что без опасения могу отдать себя в ваши руки. Прочтите эту заметку в газете.

То было сообщение об убийстве в ресторане «Озеро» на рыночной улице Чикаго в первый день нового 1874 года. Там был застрелен какой-то Джонас Пинт. Макгинти быстро пробежал вырезку глазами.

— Ваша работа? — спросил он, возвращая ее Макмэрдо.

Тот кивнул головой.

— Почему вы застрелили его?

— Я, видите ли, помогал дяде Сэму делать доллары. Может, мои монетки и не были такой чистой пробы, как его, но вполне походили на них и обходились дешевле. Этот Пинт катал их...

— Что он делал?

— Пускал в обращение. Но как-то он решил меня шантажировать и стал грозить доносом. Я не поддался на угрозы, убил его и отправился сюда.

— Почему сюда?

— В газетах писали, что люди здесь не особенно разборчивы.

Макгинти засмеялся.

— Сначала вы были фальшивомонетчиком, затем убийцей и решили, что здесь вас охотно примут?

— Приблизительно так.

— Наверное, вы далеко пойдете. Скажите, а вы еще не разучились выделывать доллары?

Макмэрдо вынул из кармана несколько монет.

— Они вышли не из государственного монетного двора, — бросил он небрежно.

— Неужели? — огромной волосатой рукой Макгинти поднес фальшивые доллары к свету. — Не вижу

никакой разницы. Думается, вы сможете стать полезным братом. Смелости у вас, кажется, хватает — вы даже не сморгнули, когда я навел на вас дуло револьвера.

— Да ведь не я был в опасности.

— А кто же?

— Вы, советник. — Из кармана своего пиджака Макмэрдо вытащил револьвер с взведенным курком. — Я все время целился в вас, и, думаю, мой выстрел предупредил бы ваш.

Краска гнева залила лицо главы ложи, но затем он разразился хохотом:

— Давно мне не приходилось встречать такого молодца! Уверен, ложа будет гордиться вами. Черт возьми! — внезапно закричал он в ответ на стук в дверь. — Что вам нужно? Неужели я не могу поговорить наедине с джентльменом, чтобы кто-нибудь не помешал?

Вошедший приказчик смущенно пробормотал:

— Извините, советник, но мистер Тед Болдуин хочет немедленно поговорить с вами.

Извинение его было напрасным — лицо Болдуина выглядывало из-за его плеча. Он вытолкал приказчика за порог, вошел в комнатку и запер за собою дверь.

— Итак, — произнес Болдуин, бросая свирепый взгляд на Макмэрдо, — вы пришли сюда раньше меня. Советник, мне надо сказать вам пару слов об этом человеке.

— Что ж, вы можете сказать их при мне, — сказал Макмэрдо.

— Скажу, когда и как захочу!

— Потихе, — остановил его Макгинти, поднимаясь с бочки. — Это никуда не годится, Болдуин, мы не должны так недружелюбно встречать нового брата. Протяните ему руку — и конец всему.

— Никогда! — злобно закричал Болдуин.

— Рассудите нас, советник, — произнес Макмэрдо.

— В чем причина ссоры? — с недовольством спросил Макгинти.

— Молодая девушка.

— Она имеет право выбора.

— Неужели? — закричал Болдуин.

— Между двумя братьями ложи — да, — сказал Макгинти.

— Это ваше решение?

— Да, Тед Болдуин, — сказал Макгинти и посмотрел

рел на него недобрым взглядом. — Вы собираетесь его оспаривать?

— Конечно. Вы отталкиваете человека, который помогал вам целых пять лет, ради парня, который только что появился у нас. Так не пойдет. Джек Макгинти, вы не пожизненный мастер, и на будущих выборах...

Советник прыгнул на него, словно тигр. Сильные руки сжали шею Болдуина и повалили его на одну из бочек. Дело кончилось бы плохо, не вмешайся Макмэрдо.

— Осторожней, советник, пожалуйста, осторожней, — сказал он, оттаскивая хозяина бара от его жертвы.

Пальцы мастера разжались. Укрощенный Болдуин, хватая ртом воздух, сел на бочку.

— Вы давно напрашивались на это, Тед Болдуин. Вам, должно быть, снится, как меня забаллотироват и вы займете мое место? Но пока что я стою во главе ложи, ясно? И никому не позволю распоряжаться вместо меня и перечить мне!

— Я против вас ничего не имею, — пробормотал Болдуин, растирая шею.

— В таком случае, — сказал Макгинти, стараясь казаться добродушным и веселым, — мы все друзья, и дело с концом.

Он взял с полки бутылку шампанского и откупорил ее.

— Выпьем примирительный тост ложи. После него, как вы знаете, не может остаться затаенной вражды. Ну, теперь левую руку на мою правую. Спрашиваю вас, Тед Болдуин: в чем обида, сэр?

— Тучи тяжелые нависли, — ответил тот.

— Но они рассеются навеки.

— Клянусь!

Они выпили вино, та же церемония повторилась с Джоном.

— Ну вот, со всем покончено, — произнес Макгинти, потирая руки. — Если вражда не утихнет, ложа расстанется с вами. Брату Болдуину это известно, и вы, Макмэрдо, тоже узнаете, что я слов на ветер не бросаю. Так что не вздумайте мутить здесь воду.

— Клянусь, я не ищущу ссоры, — ответил Макмэрдо, протягивая руку Болдуину.

Болдуину пришлось пожать протянутую руку: взгляд главы ложи был устремлен на него. Однако его

мрачное лицо свидетельствовало, что слова Джона не произвели на него никакого впечатления.

Макгинти ударил обоих по плечу.

— Уж мне эти девушки! — сказал он. — Только подумать, что одна и та же красотка замешалась между двумя моими молодцами. Это штучки дьявола. Ну, пусть красавица сама решит вопрос. Такие вещи, слава Богу, не входят в круг обязанностей мастера. У нас и без женщин достаточно хлопот. Брат Макмэрдо, вы будете введены в ложу. Здесь у нас свои обычаи, непохожие на чикагские. Собрание братства состоится вечером в субботу.

3

ЛОЖА 341

На следующий день Макмэрдо переселился из дома старого Джейкоба Шефтера в меблированные комнаты вдовы Макнамара, находившиеся на краю города. Его знакомый Сканлейн вскоре переехал в Вермиссу и поместился там же. У старухи не было других жильцов. Она предоставляла двоих друзей самим себе, и они могли распоряжаться в доме как им было угодно. Шефтер немного смягчился и позволил Джону приходить к нему обедать, так что свидания с Этти не прекратились. Со временем они все больше сближались.

На новой квартире Макмэрдо чувствовал себя в полной безопасности. Он выгащил свои инструменты для выделывания фальшивых монет и, взяв слово не разглашать тайну, даже показывал их некоторым братьям из ложи. При этом каждый Чистильщик уносил с собою по несколько монет его чеканки. Они были сделаны так искусно, что пускать их в обращение можно было безо всякого опасения. Товарищи Джона удивлялись, чего ради он снисходил до какой-либо работы, но Макмэрдо объяснял всем, что, живя не трудясь, он снова привлек бы к себе внимание полиции.

Вскоре у него и в самом деле вышло столкновение с одним полицейским, но оно принесло ему больше добра, чем зла. После первого знакомства с главой ложи Макмэрдо почти каждый вечер заходил в Дом союза. Смелые речи и здесь завоевали ему общие симпатии. Происшедший случай еще больше укрепил их.

Как-то вечером, в час, когда в баре обычно особенно много народу, в открывшуюся дверь вошел че-

ловец в синем полицейском мундире. Все замолчали, и на вошедшего устремилось множество любопытных взглядов. Только Макгинти сохранял полное спокойствие и не выразил никакого удивления, когда инспектор подошел к его прилавку.

— Дайте чистого виски. Холодная ночь,— сказал полицейский. — Кажется, мы еще не знакомы с вами, советник?

— Вы новый инспектор? — вопросом ответил ему Макгинти.

— Да. Мы надеемся, что вы, советник, и другие выдающиеся граждане помогут нам поддерживать закон и порядок в городе. Я капитан Мервин.

— Нам и без вас было неплохо, капитан,— холодно заметил Макгинти. — У нас вполне хватало и своих полицейских.

— Ну, не будем ссориться,— добродушно заметил инспектор. — Все мы исполняем свои обязанности, как их понимаем... Только у нас различные взгляды. — Он допил виски, повернулся, чтобы уйти, и в эту минуту увидел хмурое лицо Макмэрдо, который стоял недалеко. — Ого! — произнес Мервин, оглядывая того с ног до головы. — Старый знакомый!

Макмэрдо выразил заметное недовольство.

— Вот уж никогда не дружил ни с кем из фараонов!

— Знакомый — не всегда друг,— с широкой улыбкой ответил полицейский. — Вы Джон Макмэрдо из Чикаго, не так ли? Отрицать этого вы не станете?

Джон пожал плечами.

— И не подумаю. Уж не полагаете ли вы, что я стыжусь своего имени?

— Могли бы постыдиться.

— Черт возьми, что вы хотите сказать? — повысил голос Макмэрдо, сжав кулаки.

— Только то, что до приезда в эту угольную яму я служил в Чикаго. Тамошних молодчиков знаю всех наперечет.

— Неужели вы тот самый Мервин из чикагского центрального управления?

— Тот самый, и мы там не забыли застреленного Джонса Пинто.

— Я его не убивал!..

— Вот как! Во всяком случае, его смерть оказалась вам необыкновенно на руку, не то вам плохо приш-

лось бы за кругляшки. А теперь прямых свидетелей против вас не существует. Так можете возвращаться в Чикаго.

— Мне и здесь хорошо.

— Все же, молодой человек, я бы на вашем месте поблагодарил за такое сообщение.

— Спасибо,— буркнул Макмэрдо.

— Смотрите, только не вздумайте опять приняться за старое. Предупреждаю вас. А теперь желаю всем спокойной ночи.

Он ушел из бара, сотворив нового героя. О подвигах Макмэрдо в Чикаго давно уже шептались, но при расспросах он отделивался лишь неопределенной улыбкой. Теперь слухи получили официальное подтверждение. Посетители бара окружили Джона и горячо жали ему руку, наперебой угощая виски. Джон мог не пьянея выпить очень много, но в этот вечер, не будь с ним Сканлейна, он вряд ли благополучно добрался бы до постели.

В субботу вечером Макмэрдо был введен в ложу. Ему казалось, что он, уже посвященный в члены братства, войдет в ложу Вермиссы без дополнительных церемоний, но в долине существовали свои собственные обряды.

В самой Вермиссе насчитывалось около шестидесяти членов братства, однако это была лишь часть организации: в других городках долины существовало еще несколько лож. В случае необходимости они обращались друг к другу за помощью.

Ложа собралась в большой комнате дома Макгинти, отведенной специально для таких заседаний. В комнате стояло два продолговатых стола. Чистильщики собрались около одного из них, другой был заставлен бутылками и стаканами, и многие на него вожделенно поглядывали. На председательском месте восседал Макгинти, плоская черная бархатная шапочка прикрывала ему спутанную черную гриву, на груди висел кусок малиновой материи. Справа и слева от него помещались украшенные шарфами или перевязями братья высших степеней. Между ними находился и Тед Болдуин. На его красивом, но жестоком лице читалось сосредоточенное внимание. Остальные были почти все людьми зрелого возраста. К рядовым же членам ложи принадлежали большей частью парни лет восемнадцати — двадцати. Смотря на них, трудно

было поверить, что это члены опасной шайки убийц, искренне гордящиеся своими кровавыми репутациями.

Жертвами Чистильщиков один за другим падали люди, неугодные ложе или опасные для нее. В это число попадали все, кто отказывался делать «добровольные» взносы в кассу ложи, или те, кто пытался разоблачить ее деятельность. Чистильщики начинали с шантажа, а если он не приносил успеха, то без малейших колебаний кончали поджогами и убийствами. Некогда они действовали осторожно, стараясь соблюдать тайну, но, очевидно, бессилие полиции вскоре развязало им руки. К тому же они быстро запугали всю долину. Никто не решался давать против них показания, а если дело все же доходило до суда, у них всегда оказывалось достаточно свидетелей защиты. Полная касса позволяла в этих случаях не стесняться в расходах. Десять лет продолжалась деятельность ложи, и за эти десять лет ни один член ее не был осужден. Единственная опасность для Чистильщиков могла исходить только от самой жертвы. Как бы скрытно они ни готовились к «операции» и как бы неожиданно ни нападали, защищающийся мог в отчаянии нанести им урон, хотя бы кого-нибудь ранить. Что порой и происходило.

Придя в ложу, Макмэрдо уже знал, что ему предстоит какое-то испытание, но никто не сообщил ему, в чем оно состоит. Двое братьев торжественно отвели Джона в соседнюю комнату. Из-за дощатой перегородки до него доносился гул голосов. Он несколько раз слышал свое имя и понял, что обсуждается его кандидатура. Наконец дверь отворилась, и к Макмэрдо подошел незнакомец с зеленым, затканым золотом шарфом через плечо.

— Мастер приказал засучить вам рукав, завязать глаза и ввести в залу собрания,— сказал он и вместе с другими двумя братьями снял с Макмэрдо пиджак, завернул до локтя правый рукав рубашки, повыше локтей стянул веревкой руки и наконец надел на голову черный капюшон. Затем его повели.

Джону казалось, что он движется в полной темноте, ему было душно, и голос заговорившего с ним Макгинти прозвучал глухо.

— Джон Макмэрдо,— произнес этот голос,— вы уже принадлежите к старинному ордену масонов?

В знак утверждения Макмэрдо поклонился.

— Ваша ложа в Чикаго номер двадцать девять?

Новый поклон.

— Темные ночи неприятны.

— Да, для странствующих иностранцев.

— Тучи тяжелы.

— Да, подходит буря.

— Довольны ли вы, братья? — спросил мастер.

Ему ответил утвердительно гул голосов.

— По вашим ответам, брат, мы видим, что вы действительно принадлежите к братству. Однако в нашей ложе принят особый ритуал. Готовы ли вы подвергнуться испытанию?

— Готов.

— Твердое ли у вас сердце?

— Твердое.

— В доказательство сделайте шаг вперед.

В то же мгновение Макмэрдо ощутил давление на глаза и понял, что их касаются два острия. Казалось, ступи он вперед — и с глазами распростится. Однако он заставил себя двинуться — и мгновенно перестал ощущать давление. Снова послышался гул одобрения.

— У него твердое сердце, — произнес голос. — Способны ли вы переносить боль?

— Не хуже других.

— Испытайте его.

Макмэрдо едва удержался от крика: жгучая, мучительная боль пронзила его руку. Он чуть не потерял сознание, но крепко сжал кулаки и закусил губу, чтобы сдержать даже самый легкий стон.

— Я мог бы стерпеть и большее, — сказал он.

Послышались восхищенные голоса, чьи-то руки хлопывали его по спине. Потом с него сняли капюшон. Некоторое время Джон стоял без движения, щурясь на свет и стараясь улыбаться.

— Последнее слово, Макмэрдо, — сказал Макгинти. — Вы уже принесли клятву хранить тайну и не нарушать верности. Знаете ли вы также, что кара за нарушение клятвы — немедленная смерть?

— Да.

— И вы подчинитесь власти мастера при всяких обстоятельствах?

— Подчинюсь.

— Итак, от имени триста сорок первой ложи Вермиссы я даю вам все права и привилегии братства. По-

ставьте вино на стол, брат Сканлейн, и мы выпьем за здоровье нашего достойного брата.

Макмэрдо принесли его пиджак, но, прежде чем надеть его, он посмотрел на свою правую руку. На предплечье краснело глубокое, выжженное железом клеймо: круг и в нем треугольник. Двое-трое его соседей показали ему такие же знаки.

— Нас всех клеймили,— сказал один,— но не все мы так храбро вынесли это, как вы.

— О, пустяки,— ответил Макмэрдо. Он пренебрежительно улыбнулся, хотя рука его горела.

Когда вышли за нового члена ложи, началось обсуждение очередных дел. Макмэрдо слушал во все уши.

— Первым пунктом в моей записной книжке,— сказал Макгинти,— значится чтение письма мастера Уиндла из Джилмертонской ложи номер двести сорок девять. Вот что он пишет: «Дорогой сэр, необходимо закончить одно дело с Эндрю Рэ из фирмы «Рэ и Стермиш», которой принадлежат угольные копи неподалеку. Ваша ложа обязана нам помочь: вы пользовались услугами двоих наших братьев прошлой осенью, во время дела с полицейским. Если вы пришлете двух способных людей, они поступят в ведение казначея Хиггинса, адрес которого вам известен. Он им сообщит, где и когда действовать. Ваш Д. В. Уиндл». Уиндл никогда не отказывался нам прислать одного-двух молодцов,— добавил Макгинти,— и мы тоже не можем отказать ему. — Он обвел комнату своими тусклыми глазами. — Кто вызовется добровольно на дело?

Многие молодые люди подняли руки. Мастер посмотрел на них и одобрительно улыбнулся.

— Вы годитесь, Тигр Кормак. Если вы будете действовать так же хорошо, как в прошлый раз, вы окажетесь нелишним. Вы тоже, Уилсон?

— Только у меня нет револьвера,— сказал Уилсон, совсем еще юноша.

— Ваше первое дело, не так ли? Что ж, надо вам когда-нибудь получить крещение кровью. Отличное начало для вас. А револьвер, конечно, вы получите, когда придете сюда в понедельник.

— А награду мы получим? — спросил Кормак, коренастый смуглый молодой человек с грубым лицом. Тигр — это была, очевидно, его кличка, свидетельствовавшая об особой кровожадности.

— Не беспокойтесь об этом. В шкатулке наверняка найдется для вас несколько долларов.

— А что сделал этот человек? — спросил Уилсон.

— Вам не следует задавать подобные вопросы. Его осудили там, на месте. За что — это не наше дело, мы должны только помочь им, как они помогли бы нам. На будущей неделе к нам приедут два брата из Джилмертонской ложи, чтобы поработать в наших местах.

— Кто именно?

— Лучше не задавать таких вопросов. Ничего не зная, вы ничего не сможете показать, если дойдет до допроса в полицейском участке. Следовательно, не причините вреда ни другим, ни себе. Я знаю одно: эти братья чисто выполняют задания.

— Давно пора заняться делом, — произнес Тед Болдуин. — А то здесь люди совсем осмелели. Дошло до того, что на прошлой неделе десятник Блейкер даже выгнал из своего дома троих наших ребят. Его пора учить, и он сполна получит заслуженное.

— Что он получит? — шепотом спросил Макмэрдо своего соседа.

— Заряд свинца, — со смехом ответил тот. — Что вы скажете о наших порядках, брат?

— Они мне по душе, — ответил Макмэрдо. — Тут у вас самое место для смельчака.

Несколько Чистильщиков, сидевших рядом, услышали его слова и зааплодировали.

— Что происходит? — крикнул мастер с противоположного конца стола.

— Новый брат, сэр, находит наши обычаи по своему вкусу.

Макмэрдо поднялся с места.

— Почтенный мастер, я хотел бы сказать, что, когда вам понадобится человек, я почту за честь помочь ложе.

Ему снова зааплодировали. Некоторые из старших сочли, что новая звезда поднимается на горизонте слишком уж быстро.

— Я хотел бы заметить, — сказал сидевший рядом с председателем секретарь Гарвей, седой человек с лицом коршуна, — что брату Макмэрдо следовало бы подождать, пока сам мастер найдет нужным послать его на работу.

— Не беспокойтесь, ваша очередь наступит, брат, и очень скоро, — сказал председатель. — Во всяком слу-

чае, мы отметили вашу готовность. Если хотите, можете принять участие в маленьком деле даже сегодня ночью.

— Я с радостью.

— Тогда можете сегодня поработать.

Макгинти снова заглянул в список.

— Теперь переходим к следующему пункту. Выслушаем отчет казначея. Что у нас в кассе? Необходимо оказать помощь вдове Джима Карнавэ. Он погиб, работая для ложи, и мы обязаны позаботиться о его семье.

— Джима застрелили в прошлом месяце, когда братья собирались убить Честера Уилкса,— сообщил Макмэрдо его сосед.

— С кассой все обстоит хорошо,— сказал казначей, держа перед собой отчетную книгу.— Последнее время все фирмы не скупились. «Макминдер и К°» заплатили пятьсот; братья Уокер прислали сотенную бумажку, но я самолично вернул ее и потребовал пятисотенную. Если я не получу денег к среде, их мельничный привод непременно испортится. Нам пришлось сжечь их плотину в прошлом году, чтобы заставить их образумиться. Затем Западная угольная компания прислала свой ежегодный взнос. В кассе достаточно денег, и мы можем выполнить все наши обязанности.

— А как обстоит дело с Арчи Свиндоном? — спросил кто-то.

— Он продал все и уехал. Старый дьявол оставил нам записку, в которой говорит, что охотнее станет подметать улицы в Нью-Йорке, чем останется крупным владельцем копей под властью шантажистов. Он умно сделал, что уликнул раньше, чем записка попала к нам в руки. Я думаю, он в долине больше не покажется.

Старый человек с бритым лицом и большим чистым лбом поднялся с противоположного председательскому месту конца стола.

— Казначей,— начал он,— позвольте спросить, кто купил собственность человека, которого мы вытеснили из этой области?

— Брат Моррис, ее, разумеется, купила Джилмертонская железнодорожная компания.

— А кто купил копи «Тодмэна и Ли», которые продавались в прошлом году?

— Та же компания, брат Моррис.

— Кто купил прокатный завод Манса и Шумана, а также компанию «Ван Дегер и Этвуд»?

— Все они приобретены Джилмертонской фирмой.

— Я не думаю, брат Моррис,— сказал Макгинти,— чтобы нам было важно знать, кто купил эти участки и заводы, раз новые владельцы не могут увезти их из округа.

— Достопочтенный мастер, боюсь, что это имеет для нас немалое значение. Вот уже десять лет мы вытесняем отсюда мелких предпринимателей. А на их месте появляются крупные компании. Директора их живут в Нью-Йорке или в Филадельфии и нисколько не боятся наших угроз. Мы можем, конечно, тянуть деньги с их местных представителей и даже изгонять неподатливых. Но на места последних не преминут приехать новые. При этом будет вызвано недовольство хозяев крупных компаний. Боюсь, они не пожелают делиться с нами своими прибылями и решат объединиться против нас. Тут уж они не пожалеют издержек, лишь бы отправить неугодных им людей на виселицу.

Моррис сел. Собрание затихло. Поднялся Макгинти.

— Вы вечно каркаете, брат Моррис. Пока участники ложы сплочены, им не страшен никто в Штатах. Разве мы не доказывали этого в судах? А что до крупных компаний, мне кажется, они должны быть нам благодарны. Полагаю, что они найдут более удобным платить нам, нежели с нами бороться. Однако, братья,— Макгинти снял с себя бархатную шапочку и лоскут,— ложа закончила рассмотрение очередных дел. Правда, у нас остается еще одно маленькое дело: теперь наступило время для братской закуски и пения.

Удивительна человеческая природа! Зал наполняли люди, привыкшие к убийству, не испытывавшие сострадания ни к рыдающей вдове, ни к беспомощным детям. Но мелодии зазвучавших знакомых песен заставили некоторых даже прослезиться. У Макмэрдо был прекрасный тенор, и он принял участие в импровизированном концерте, исполнив «Я сижу на изгороди, Мэри» и «На мелях алландских вод». В первый же вечер новый брат сделался одним из самых популярных Чистильщиков.

Бутылки с виски несколько раз обходили вокруг стола, лица собравшихся покраснелись. В это время глава ложы снова обратился к ним:

— Ребята, в городе живет человек, которого пора укротить. Я имею в виду Джеймса Стейнджера, редактора «Гералда». Читали вы, что он снова написал о нас? — Макгинти вынул из кармана газету. — Статья

называется «Закон и порядок». Слушайте: «В долине царствует кровавый террор. Со времени первых убийств прошло двенадцать лет, и с тех пор преступления не прекращаются. То, до чего мы теперь дошли, вызывает ужас во всем цивилизованном мире. Разве ради этого наша родина принимает к себе иммигрантов? Террор и беззаконие свили себе гнездо в тени священного звездного флага свободы. Имена преступников известны, их организация действует открыто. Долго ли мы будем еще терпеть? Неужели нам вечно предстоит жить...» Ну, я прочитал достаточно этой дряни,— завершил Макгинти, отшвырнув газету.— Я спрашиваю вас, как мы должны поступить с этим мерзавцем?

— Уничтожить его! — воскликнуло несколько голосов.

— Я против,— поднялся со стула Моррис.— Повторяю, братья, наша рука слишком сильно давит долину, и наступит время, когда люди против нас объединятся. Джеймс Стейнджер — старик. Его уважают в городе и во всей округе. Если он будет убит, вся долина взволнуется, и нас самих могут уничтожить.

— А скажите, пожалуйста, как это они смогут сделать? — возразил Макгинти.— Руками полиции? Так одна половина полицейских — у нас на жалованье, а другая — нас боится. Или, может, с помощью судов и судей? А?

— Существует и закон Линча...— произнес Моррис. В зале зашумели.

— Стоит мне захотеть,— сказал Макгинти,— и я соберу двести человек, которые очистят весь город.— И вдруг, усилив голос и грозно сдвинув черные густые брови, он произнес: — Смотрите, брат Моррис, я слежу за вами уже не первый день. В вас нет смелости, и вы стараетесь лишить мужества других. Плохо придется вам, когда ваше собственное имя появится в моих списках.

Моррис побледнел и опустился на стул. Дрожащей рукой он поднял стакан, но прежде чем заговорить, сделал несколько глотков.

— Прошу извинения у вас, уважаемый мастер, и у всех братьев, если я сказал что-нибудь не так. Вы все знаете, что я боюсь только, как бы с ложей не случилось чего плохого. Именно этот страх заставил меня произнести неосторожные слова. Но ведь я больше доверяю вашим суждениям, уважаемый мастер, не-

жели своим собственным! И обещаю... обещаю больше никогда... — Он смешался.

Услышав эти смиренные слова, Макгинти, видимо, удовлетворился, во всяком случае перестал хмуриться.

— Отлично, брат Моррис. Мне самому было бы грустно, если бы нам пришлось преподавать вам урок. Но пока я занимаю свое место, мы должны хранить единство как в словах, так и в делах. А теперь, ребята, — продолжал он, — вот что я скажу вам: если мы накажем Стейнджера по всей строгости, то, возможно, и в самом деле навлечем на себя неприятности. Газетчики держатся друг за друга, и все газеты в штате подняли бы крик, взывая к полиции и к войскам. Но проучить его как следует необходимо. Возьмете это на себя, брат Болдуин?

— С радостью, — ответил тот.

— Скольких братьев вы возьмете с собой?

— Шестерых. Двое останутся сторожить у дверей. Пойдете вы, Гойер, вы, Менсел, вы, Сканлейн, оба брата Уилбей...

— Я обещал новому брату, что он тоже пойдет, — заметил председатель.

Тед Болдуин посмотрел на Макмэрдо, и его взгляд показывал, что он ничего не забыл и не простил.

— Пусть идет, если хочет, — мрачно ответил Болдуин. — И чем скорее мы займемся делом, тем лучше.

Ложа стала расходиться — с шумом, с полупьяными выкриками. В баре было еще много посетителей, и некоторые братья к ним присоединились. Маленький отряд, получивший задание, разделился и двинулся самыми глухими улицами, чтобы не привлечь к себе внимания. Стоял сильный мороз, в ясном небе висела молодая луна. Чистильщики собрались у ярко освещенного здания с золотой вывеской над парадным подъездом: «Геральд Вермиссы». Из здания слышался шум работающей печатной машины.

— Эй, вы, — сказал Болдуин Макмэрдо, — стойте внизу у дверей и следите, чтобы путь для отступления был свободен. С вами может остаться Артур Уилбэй. Остальные — за мной. Не бойтесь никого: дюжина свидетелей подтвердит, что в эту минуту мы находились в Доме союза.

Приближалась полночь, прошли последние редкие прохожие. Открыв дверь редакции, Болдуин и его спутники взбежали по лестнице. Макмэрдо и Уилбэй ос-

тались внизу. Полминуты спустя сверху послышались крики, призыв на помощь, топот, стук падающей мебели. Затем на площадку лестницы выбежал седой человек. Но его догнали, очки несчастного полетели и со звоном разбились у ног Джона. Старик упал, и тут же шесть палок застучали по его спине. Он корчился, стонал, его длинные худые ноги и руки вздрагивали под ударами. Наконец он затих. Все, кроме Болдуина, отошли, но тот, с лицом, искаженным злобой, все продолжал бить старика по голове. Макмэрдо взбежал по лестнице и схватил Болдуина за руку.

— Вы убьете его,— сказал он.— Хватит!

Болдуин с бешенством взглянул на него и выдернул руку.

— Кто вы такой, чтобы вмешиваться? Прочь! — Он опять поднял палку, но Макмэрдо выхватил револьвер.

— А ну поосторожней,— сказал он.— Не советую поднимать на меня руку, не то дело кончится плохо. А что до него, то разве мастер не запретил убивать этого человека?

— Он дело говорит,— сказал один из шайки.

— Бегите! — закричал снизу Уилбэй.

В первом этаже, в типографии, слышали крики. Несколько наборщиков и метранпаж выскочили на нижнюю площадку. Чистильщики оставили неподвижного старика и бросились вниз. Кое-кто побежал обратно в бар, остальные, в том числе и Макмэрдо, снова рассыпались по темным улицам и кружными путями отправились домой.

4

ДОЛИНА УЖАСА

На следующее утро Макмэрдо прежде всего вспомнил о своем вступлении в ложу. И неудивительно: рука у него распухла и воспалилась, сильно болела голова. Поздно позавтракав, он сел за письмо одному приятелю. Принесли свежий «Гералд». Внизу была напечатана заметка под названием «Преступление в редакции «Гералда». Она вкратце сообщала о вечернем нападении и кончалась словами: «Дело передано полиции, однако вряд ли можно надеяться, что расследование приведет к каким-либо результатам. Много-

численным друзьям Стейнджера мы сообщаем, что, хотя он был жестоко избит и получил несколько повреждений головы, жизнь его вне опасности».

Макмэрдо положил газету, его рука слегка дрожала, наверное, потому, что слишком много выпил вчера. Он стал закуривать трубку, когда в дверь комнаты постучалась и вошла хозяйка. Она передала ему записку, только что принесенную мальчиком-рассылным. Макмэрдо сразу взглянул на подпись, но ее не было. Текст гласил: «Мне нужно поговорить с вами, но не у вас в доме. Мы можем встретиться у флагштока на Мельничном холме. Если вы придете туда сейчас, я сообщу кое-что важное и для вас и для меня».

Макмэрдо дважды перечитал эти строки, но они ничего не сказали ему о возможном их авторе. Поразмыслив, он все же решил пойти на встречу.

Мельничным холмом назывался небольшой запущенный парк в центре города. Летом его наполняли гуляющие, зимой же он был пуст и представлял собою унылое место. С вершины холма, на котором был разбит парк, открывался вид не только на город, но и на уходящую вниз извилистую долину, покрытую черным от копоти и угольной пыли снегом, и на лесистые горы. Макмэрдо пошел вверх по дорожке, обсаженной с обеих сторон елками, и наконец добрался до закрытого ресторана в середине парка. Рядом с рестораном виднелся пустой флагшток, а под ним стоял человек в пальто с поднятым воротником и в низко опущенной шляпе. Он повернулся на звук шагов, и Макмэрдо с удивлением узнал Морриса. В виде приветствия они обменялись сигналами лжи.

— Мне хотелось поговорить с вами, мистер Макмэрдо,— сказал Моррис с неуверенностью.— Спасибо, что вы приняли мое приглашение.

— Почему вы не подписались?

— Необходима осторожность; в наше время не знаешь, кому можно доверять, а кому нет.

— Братьям по ложе следует доверять.

— Ну, не всегда,— с горячностью возразил Моррис.— Все, что мы говорим, и даже все, что думаем, передают мистеру Макгинти.

— Послушайте,— с недовольством сказал Макмэрдо,— вам известно, что я только вчера клялся в верности мастеру. Вы хотите, чтобы я нарушил свою клятву?

— Плохи же у нас дела, если свободные граждане не смеют высказывать свои мысли, разговаривая с глазу на глаз.

Макмэрдо, пристально наблюдавший за собеседником, казалось, смягчился.

— Как вам известно, я здесь недавно и плохо знаю ваши обычаи. Не мне начинать говорить, мистер Моррис... Если вам нужно что-нибудь сказать, я вас слушаю.

— Чтобы передать все мистеру Макгинти?

— Успокойтесь. Лично я останусь верен ложе, говорю вам это прямо. Но я не выдаю то, что мне сказали по секрету. Но учтите, ни в чем, что противоречит интересам ложи, не ждите от меня помощи.

— Быть может, я отдам в ваши руки свою жизнь, говоря откровенно. Но вы все же новичок. Значит, совесть у вас еще не так заскорузла, как у других. Вот почему мне хотелось поговорить с вами.

— Что же вы хотите сообщить мне?

— Если вы меня выдадите, пусть ляжет на вас мое проклятие.

— Я сказал, что не выдам!

— Тогда ответьте: когда вы сделались членом ложи в Чикаго и произнесли обеты верности и милосердия, приходила вам на ум мысль, что это поведет вас к преступлениям?

— Смотря что называть преступлением.

— Смотря что! — воскликнул Моррис гневно. — Мало вы видели наших дел, если можете назвать их как-нибудь иначе. Ну а прошлой ночью, когда старого человека, который мог быть вашим отцом, избили до полусмерти, — что это было, по-вашему?

— Некоторые сказали бы, что это война, — спокойно ответил Макмэрдо, — а на войне — как на войне: все сводят счеты как могут.

— Вы все-таки ответьте на мой вопрос: думали вы о чем-либо подобном, когда вступали в чикагскую ложу?

— Должен признаться, нет.

— Так было и со мной, когда я вступил в орден в Филадельфии. К сожалению, дела мои там расстроились, и в один проклятый Богом час я услышал о Вермиссе. Я приехал сюда для поправки своих дел. Боже, подумать только... Со мной приехали жена и трое детей. На рыночной площади я открыл магазин, и дела пошли отлично. Потом я вступил в местную ложу —

так же, как вы вчера. Я сразу очутился во власти злодея и запутался в сети преступлений. Что мне оставалось делать? Я не могу отсюда уехать, так как все состояние мое вложено в магазин. Если я откажусь от братства, то буду тут же убит, и один Бог ведает, как поступят с моей женой и детьми. О, это ужасно! — Моррис закрыл лицо руками.

Макмэрдо пожал плечами.

— Вы слишком сердобольны для всех этих дел.

— Во мне не умерла совесть, но они превратили меня в преступника. Особенно запомнился один случай. Однажды мне дали поручение. Если бы я отказался, меня постигла бы смерть... Воспоминание о случившемся будет вечно преследовать меня. Милых в двадцати от города стоял уединенный дом, вон там, у гор... Мне приказали караулить двери, поручить мне самое дело они не решились. Остальные вошли в комнату, и, когда снова появились из дверей, их руки были в крови... Мы собирались уйти, когда позади нас в доме закричал ребенок. Я чуть не потерял сознание от ужаса, но мне надо было улыбаться, иначе в следующий раз они вышли бы с окровавленными руками из моего дома и мой маленький Фрэд кричал бы так же... По приказу я сделался палачом... Я верующий католик, но патер не захотел и говорить со мной, узнав, что я Чистильщик... Меня отлучили от церкви... Мне ясно, что вы идете по той же дороге, и я спрашиваю вас: готовы ли вы сделаться хладнокровным убийцей?.. Или мы все же можем каким-нибудь способом остановить все это?

— Что вы хотите делать? — резко спросил Макмэрдо. — Ведь не донести же?

— Боже сохрани, — ответил Моррис. — Одна мысль об этом стоила бы мне жизни.

— Ну что ж, — сказал Макмэрдо, — лично мне вы кажетесь просто слабохарактерным человеком. К тому же вы придаете всему этому слишком много значения.

— Слишком много! Поживите здесь дольше, тогда узнаете! Посмотрите в долину, какую тень бросают на нее клубы дыма? Поверьте, тень преступлений куда мрачнее. Мы живем в Долине ужаса. С заката до утренней зари сердца мирных жителей трепещут от страха. Скоро, молодой человек, вы сами убедитесь в этом.

— Поживем — увидим, — беспечно сказал Макмэрдо. — Придет время, и я скажу вам, что думаю по этому поводу. А теперь мне ясно только одно: вы не годитесь для жизни в долине и чем скорее продадите свою лавочку за любую цену и уедете отсюда, тем лучше. Я не забуду, что вы сказали. Надеюсь, вы говорили с добрыми намерениями. Прощайте.

— Погодите, — остановил его Моррис. — Нас могли заметить вместе, и кто знает, не пожелают ли они узнать, о чем мы разговаривали.

— С вашей стороны предусмотрительно подумать об этом.

— Скажем, я предлагал вам место у меня в магазине.

— А я отказался. Ну что ж, договорились. Прощайте, брат Моррис, и желаю, чтобы в будущем вам жилось легче.

В тот же вечер Макмэрдо в задумчивости сидел у себя в гостиной возле печки и курил. Неожиданно дверь распахнулась и в комнату ввалился мастер логи. Он сел против молодого человека и несколько секунд молча смотрел на него. Макмэрдо выдержал этот взгляд совершенно спокойно. Наконец Макгинти сказал:

— Я редко хожу в гости, брат Макмэрдо, так как посетители отнимают у меня слишком много времени. Тем не менее я решил навестить вас.

— Горжусь этим, — ответил Макмэрдо и поднялся с места, чтобы достать из буфета бутылку виски. — Не ожидал такой чести.

— Ну как рука?

Макмэрдо скривился.

— Дает о себе знать, но ничего: стоит помучиться.

— Да, — ответил Макгинти, — стоит для людей, преданных ложе и готовых работать на нее. О чем вы толковали с братом Моррисом на Мельничном холме?

Вопрос прозвучал неожиданно, но у Макмэрдо был наготове ответ.

— Моррис добрый парень. Ему показалось, что я нуждаюсь, и, желая мне помочь, он предложил мне место в своем магазине.

— И вы отказались?

— Ну, конечно. Я могу, не выходя из комнаты, заиметь за четыре часа больше, чем он дал бы мне за месяц.

— Верно. Но на вашем месте я не стал бы часто встречаться с Моррисом.

— Почему?

— Потому что я советую вам это. Для всех оказалось бы вполне достаточно моего слова.

— Может быть, но не для меня,— смело возразил Макмэрдо.

Глаза смуглого исполина гневно вспыхнули, однако в следующую секунду выражение его лица изменилось, и он громко засмеялся неискренним смехом.

— Я всегда говорил, что вы странная карта в игре. Ну, если вам нужны объяснения, извольте, я их вам дам. Разве Моррис не отзывался плохо о ложе?

— Нет.

— А обо мне?

— Тоже нет.

— Значит, он просто не доверяет вам. В душе же он неверный брат. Мы это знаем и ждем только случая наказать его. В нашем загоне нет места для паршивой овцы. А если вы будете вести знакомство с неверным человеком, подозрение в неверности падет и на вас. Понятно?

— Я не могу подружиться с ним, потому что этот человек мне не нравится,— ответил Макмэрдо.— Что же до моей неверности, так заговори о ней не вы, а кто-нибудь другой, ему бы не пришлось произнести следующую фразу.

— Хорошо, сказано достаточно,— заметил Макгинти.— Я пришел, чтобы вовремя предупредить вас, что и сделал.

— Но как вы узнали о моем свидании с Моррисом? Макгинти засмеялся.

— Я должен знать все, что происходит в городе,— сказал он,— и советую помнить, что я все знаю. Ну, мне пора, я только добавлю, что...

Но он не успел закончить прощальную фразу: дверь распахнулась, и настороженные лица трех полицейских заглянули внутрь. Макмэрдо вскочил и вытащил было револьвер, однако тут же снова спрятал его в карман, увидев наведенные на себя дула винтовок. Четвертый человек, тоже в мундире, вошел в комнату, и Макмэрдо узнал в нем капитана Мервина из Чикаго. Капитан подошел к нему и покачал головой.

— Я так и думал, что нам еще предстоит встретиться. Одевайтесь и пошли.

— Вам придется за это ответить,— прогремел Макгинти.— Как вы смеее врываться в частный дом и оскорблять честных людей?

— Это вас не касается, советник,— ответил Мервин.— Мы пришли не за вами, а вот за этим молодчиком, и вы обязаны помогать полиции исполнять ее долг.

— Он мой друг, и я отвечаю за него.

— Смотрите, мистер Макгинти, как бы вам не пришлось отвечать за собственные дела. Ну а этот Макмэрдо был негодяем еще до приезда в Вермиссу, негодяем он остался и теперь... А ну-ка давайте сюда револьвер, молодчик.

— Вот он,— хладнокровно сказал Макмэрдо.— Будь мы с вами с глазу на глаз, капитан Мервин, вы бы разговаривали иначе.

— Где приказ об аресте? — спросил Макгинти.— Ей-Богу, пока в полиции служат такие господа, как вы, в Вермиссе будет все хуже. Вы нас оскорбили и ответите за это.

— Исполняйте ваш долг, как вы его понимаете, советник,— сказал Мервин,— а мы будем исполнять свой.

— В чем меня обвиняют? — спросил Макмэрдо.

— В том, что вы участвовали в нападении на редактора Стейнджера в помещении «Гералда». Можете радоваться, что вас не обвиняют в убийстве.

Макгинти грубо рассмеялся.

— Если дело в этом, то советую вам бросить его: Макмэрдо был в Доме союза и до полуночи играл в покер. Человек двенадцать свидетелей подтвердят мои слова.

— Все выяснится на суде. А пока пошли, Макмэрдо. Отойдите, мистер Макгинти, в сторону: во время исполнения своих служебных обязанностей я сопротивления не допускаю.

В голосе капитана прозвучала такая решительность, что Макмэрдо и Макгинти осталось только подчиниться. На прощание мастер успел шепнуть несколько слов арестованному.

— А как же?..— он указал большим пальцем через плечо, и Макмэрдо понял, что он имеет в виду фальшивые доллары.

— Все в порядке,— шепотом ответил Макмэрдо: у него был тайник под полом в спальне.

— До свидания,— громко сказал Макгинти, пожимая ему руку.— Я поговорю с адвокатом Релаем и все издержки возьму на себя. Можете быть уверены: вас скоро освободят.

Капитан подозрительно посмотрел на них.

— Вы двое,— обратился он к полицейским,— сторожите арестованного и стреляйте, если он надумает бежать. А я общу дом.

Но обыск ничего не дал, и Макмэрдо повели в полицию. Темнело, дул резкий ветер, поэтому людей на улицах было мало. Но встречавшиеся прохожие, ободренные темнотой и присутствием полиции, осыпали арестованного оскорблениями.

— Судите проклятого Чистильщика! — крикнул кто-то.— Линчуйте его!

После короткого допроса Макмэрдо поместили в общую камеру. Там он увидел Болдуина и других участников нападения.

Но длинная рука ложки дотянулась и сюда. Ночью какой-то полицейский вошел в камеру с охапкой соломы и вынул из нее две бутылки виски, еду и колоду карт. Арестованные провели ночь нескучно.

Утром стало ясно, что им действительно нечего опасаться. С одной стороны, свидетели нападения — метранпаж и наборщики — признали, что освещение было слабое, а они волновались и потому не могут теперь клятвенно удостоверить личности нападавших; к тому же ловкий адвокат, приглашенный Макгинти, совсем их запутал. Пострадавший, который дал показания в больнице, помнил лишь, что первый ударивший его человек был с усами. Стейнджер, правда, добавил, что убежден в причастности к нападению Чистильщиков, потому что из всех окрестных жителей только они одни его ненавидят и он уже не раз получал от них угрожающие письма. Но, с другой стороны, шестеро граждан, в том числе и муниципальный советник Макгинти, заявили, что все обвиняемые в момент нападения играли в карты в Доме союза и ушли очень поздно. В результате обвиняемых отпустили, сказав им несколько слов, похожих на извинение, а капитану Мервину и всей полиции сделали замечание за неуместное усердие.

Когда огласили решение, в зале раздались крики одобрения. Макмэрдо глянул и увидел много знакомых лиц. Братья ложи улыбались и махали шляпами. Ос-

тальные присутствующие, сжав губы и сдвинув брови, молча смотрели на оправданных, когда те выходили из суда. Только один рабочий с черной бородой крикнул им вслед:

— Проклятые убийцы!.. Мы все же засадим вас!

5

САМЫЙ ТЕМНЫЙ ЧАС

Если что-либо и могло еще больше увеличить популярность Макмэрдо среди братьев Чистильщиков, то лишь этот происшедший арест и последовавшее оправдание. Он уже заслужил репутацию веселого гуляки, человека гордого и вспыльчивого, неспособного снести оскорбление ни от кого, даже от самого мастера логи. Лишь некоторых старших братьев, в том числе и Болдуина, явно раздражало столь быстрое возвышение новичка. Но они держались осторожно, потому что Макмэрдо так же легко вступал в драку, как смеялся и шутил.

Зато старик Шефтер теперь вообще не желал иметь с ним никакого дела и категорически запретил появляться у него в доме. Однако любящая Этти не могла отказаться от Джона, хотя здравый смысл и ей подсказывал, к чему повело бы замужество с таким человеком. Как-то утром, проведя бессонную ночь, девушка решила повидаться с Джоном и уговорить его отказаться от всяких темных дел. Она отправилась к нему и незаметно проскользнула в комнату, где, как она знала, жил Макмэрдо. Тот сидел за столом и что-то писал. Шагов Этти он не услышал. Внезапно ее охватил порыв шаловливости. Она на цыпочках подкралась к Джону и неожиданно положила руку ему на плечо.

Намерение Этти испугать его более чем удалось. Джон мгновенно вскочил, точно подброшенный пружиной, и резко повернулся. Левая рука его одновременно смяла лежавшую на столе бумагу, а правой он едва не схватил девушку за горло. Секунду он смотрел на нее бешеным непонимающим взглядом, потом на лице изобразились облегчение, удивление и, наконец, радость.

— А, это вы, Этти, — сказал Джон, вытирая мгновенно вспотевший лоб. — Подумать только, что вы пришли ко мне, а я вас так встречаю! Ох, Этти, по-

звольте мне загладить мой поступок! — И он протянул к ней руки.

Но она еще находилась под сильным впечатлением от увиденного выражения смертельного страха, которое в первый миг отразило его лицо.

— Почему вы так сильно испугались меня? О Джон, если бы ваша совесть была чиста, вы не посмотрели бы на меня таким взглядом!

— Я думал о другом, и когда вы бесшумно подкрались...

— Нет, Джон. — В ней вдруг вспыхнуло подозрение. — Дайте мне письмо, которое вы писали!

— Этти, я не могу исполнить вашей просьбы.

— Вы писали другой женщине! Иначе вы не стали бы скрывать от меня письмо. Может быть, вы писали своей жене? Я даже не знаю наверняка, что вы холосты. Ведь вас здесь никто не знает!

— Я не женат, Этти. Клянусь, вы для меня единственная женщина в мире!

— Тогда почему вы не хотите показать мне письмо? Он посмотрел на нее с нежностью.

— Дорогая, я дал клятву не показывать его и, как не нарушил бы слова, данного вам, так сдержу и обещание, взятое у меня другими. Дело касается логи, и это тайна даже от вас. Если я испугался прикосновения вашей руки, неужели вы не понимаете, почему? Ведь это могла быть и рука врага.

Он привлек ее к себе, и поцелуи окончательно разогнали ее сомнения и страхи.

— Скажите, теперь вы снова спокойны? Да?

— О каком спокойствии вы говорите, Джон, когда в любой день я могу услышать, что вас судят за убийство? Макмэрдо — Чистильщик! Эти слова каждый раз больно пронзают мое сердце.

— Мы стараемся своими средствами отстоять принадлежащие нам права.

Этти прижалась к нему.

— Оставьте их, Джон! Ради меня! Я пришла просить вас об этом. О Джон, видите, я умоляю вас на коленях!

Он поднял девушку и, прижав ее к груди, постарался успокоить.

— Право, Этти, вы сами не знаете, чего просите. Могу ли я бросить начатое дело? Это было бы нарушением клятвы, изменой! Знай вы обстоятельства, в

которых я нахожусь, вы не просили бы об этом. А потом — разве ложа так просто отпустит человека, посвященного в ее тайны?

— Я уже все обдумала, Джон. У отца есть кое-какие сбережения, и ему тоже надоел этот проклятый город. Мы вместе сбежим в Филадельфию или в Нью-Йорк и спрячемся там.

Джон горько рассмеялся:

— У ложи длинная рука! Она легко протянется отсюда и в Филадельфию и в Нью-Йорк.

— Ну так уедем в Англию или в Швецию, на родину моего отца. Уедем куда хотите, только бы очутиться подальше от этой Долины ужаса!

Макмэрдо вспомнил о Моррисе.

— Вот уже второй раз при мне так ее называют. Действительно, многие из вас подавлены страхом.

— О Джон, все минуты нашей жизни омрачены. Может, вы думаете, что Болдуин простил? Он только боится вас, иначе — что было бы уже с нами! Если бы видели, какими глазами он смотрит на меня...

— Поймите, милая, я не могу сейчас уехать. Зато, если вы мне доверитесь, я найду сам хороший, честный выход из положения.

— Из такого положения не может быть честного выхода.

— Да, с вашей точки зрения. Но дайте мне шесть месяцев, и я, не стыдясь ничьих взглядов, смогу уйти из долины.

Девушка недоверчиво взглянула на него.

— Шесть месяцев? Вы обещаете?

— Ну, может быть, семь или восемь... Во всяком случае, раньше чем через год мы отсюда выберемся.

Больше Этти ничего не добилась. Но и это было уже кое-что. Отдаленный свет несколько рассеял мрак безнадежного будущего. Когда Этти вернулась домой, на душе у нее было легче, чем когда-либо за все время, что она знала Джона.

Поскольку Макмэрдо сделался полноправным членом ложи и стал получать более подробные сведения, он вскоре выяснил, что деятельность Чистильщиков отнюдь не ограничивалась одной долиной, а была гораздо обширнее и сложнее. Даже Макгинти, видимо, не был осведомлен о ней полностью. Брат высшей ступени, именовавшийся областным делегатом и живший в Хобсоне, ведал многими отдельными ложами и са-

мовластно распоряжался ими. Макмэрдо только раз видел его — маленького седого человека, похожего на крысу, который не ходил, а скользил, исподтишка бросая взгляды направо и налево. Его звали Иванс Потт. Сам мастер триста сорок первой ложки явно испытывал по отношению к этому человеку что-то вроде уважительного трепета.

Однажды Сканлейн, живший в одном доме с Макмэрдо, получил от Макгинти письмо, к которому была приложена записка Иванса Потта. Тот сообщал главе ложки Вермиссы, что присылает к нему двух хороших ребят, Лоулера и Эндрюса, которым предстоит поработать в окрестностях города. Не потрудится ли мастер хорошенько спрятать их до того времени, когда им пора будет действовать? И Макгинти просил Сканлейна и Макмэрдо приютить у себя приезжих.

В тот же вечер явились Лоулер и Эндрюс, каждый со своим дорожным мешком. Лоулер, человек пожилой и замкнутый, в черном сюртуке и мягкой шляпе, с седой растрепанной бородой, походил на священника. Второй же, Эндрюс, почти еще мальчик, с открытым лицом и развязными манерами, наоборот, казался школьником, который беззаботно наслаждается каникулами. Оба они не пили ничего спиртного и, в общем, вели себя крайне примерно. Впрочем, они более или менее охотно рассказывали о своих прошлых поручениях. На счету Лоулера их было четырнадцать, Эндрюса — три. Лишь о том, что им предстояло сделать, они помалкивали.

— Нас выбрали потому, что ни я, ни этот мальчик не пьем, — только и сказал Лоулер. — Значит, ничего лишнего не сболтнем.

— Всем нам одинаково близко дело, — ответил ему Сканлейн.

Все четверо усаживались за ужин.

— Верно, и мы охотно потолкуем о том, как был убит Чарли Уильямс, или Симон Берд, или еще кто-нибудь.

— Здесь у нас живет с полдюжины людей, с которыми я с удовольствием свел бы счеты, — запальчиво произнес Макмэрдо. — Не собираетесь ли вы побывать у Джека Нокса из Ирландии? Я с радостью услышал бы, что он получил должное.

— Нет, нас занимает не он.

— Может, Герман Штраус?

— И не он.

— Ну, мы не настаиваем. Тайна есть тайна. Просто мы хотели бы помочь вам.

Лоулер с улыбкой покачал головой. От него ничего нельзя было вывести.

Однако Сканлейн и Макмэрдо все же твердо решили присутствовать при «потехе», как они выражались.

Когда Макмэрдо услышал на лестнице тихие шаги, он разбудил Сканлейна, и оба быстро оделись. Наружная дверь была открыта. Еще не рассвело, но при неверном свете уличных фонарей Макмэрдо и его спутник разглядели две быстро удалявшиеся фигуры и осторожно двинулись за ними.

Их дом стоял на самом краю города. Очень скоро Макмэрдо и Сканлейн очутились в поле, неподалеку от перекрестка двух проселочных дорог. На перекрестке Лоулера и Эндрюса ждали еще трое приезжих братьев. Очевидно, предстояло важное дело. Братья направились к Вороньей горе, где находились шахты крупной компании. Ими ведал энергичный и бесстрашный директор, уроженец Новой Англии, который даже в долгие годы террора сумел поддерживать необходимую дисциплину и порядок среди своих подчиненных.

Светало, по черной тропинке двигались шахтеры поодиночке и группами.

Макмэрдо и Сканлейн смешались с ними, не теряя из виду приезжих братьев. Над землей висел густой туман. Вдруг прозвучал резкий свисток: это был сигнал, который означал, что минут через пять — десять начнется спуск в шахту.

Когда Сканлейн и Макмэрдо дошли до открытой площадки около шахты, там столпилось около сотни шахтеров. Ожидая спуска, чтобы как-то согреться, они топали ногами и дули себе на руки. Приезжие братья стояли в стороне. Сканлейн и Макмэрдо взобрались на груды шлака поодаль. Из машинного отделения вышел бородатый управляющий Мензис и снова засвистел в свисток: начинался спуск в шахту. В это мгновение откуда-то со стороны подошел директор, высокий худощавый человек. Сделав несколько шагов, он заметил группу молчаливых и неподвижных незнакомцев. Они были в рабочей одежде и все в надвинутых на глаза шляпах.

— Кто вы такие? И зачем здесь находитесь? — спросил директор, подходя к ним.

Вместо ответа молодой Эндрюс шагнул вперед и выстрелил ему в живот. Сотня ожидающих шахтеров замерла, словно парализованная. Директор обеими руками зажал рану, поднялся с земли и шатаясь побрел прочь, но тут выстрелил второй убийца. Директор упал на бок, подергивая ногами и хватая руками обломки руды. При виде этого из груди Мензиса вырвался вопль ярости, и он с большим болтом в руках кинулся на убийц. По нему тоже выстрелили несколько раз, и он мертвый упал к ногам убийц. Несколько шахтеров двинулось было вперед, слышались голоса сострадания и гнева. Но двое из приезжих выпустили несколько зарядов, пули просвистели над головами рабочих, и те быстро отступили. Убийцы сразу растворились в утреннем тумане. Все произошло очень быстро. Свидетели этой сцены едва успели опомниться, как все было кончено, и вряд ли кто-нибудь из них мог бы описать наружность людей, только что на глазах целой толпы совершивших двойное убийство.

Сканлейн и Макмэрдо отправились домой. Сканлейн притих, он в первый раз видел «настоящее дело», и оно показалось ему менее забавным, чем ему описывали. Макмэрдо тоже шел молча, погруженный в свои мысли.

В эту ночь в Доме союза братья ложи праздновали новый успех. Мрачная тень над долиной сгустилась еще больше, ужас еще сильнее охватил жителей.

И как умелый полководец закрепляет плоды своей победы, не давая врагу собраться с духом и оправиться после недавнего поражения, так и Макгинти в ту же ночь задумал новую операцию. Когда пьяные Чистильщики разошлись, он дотронулся до плеча Макмэрдо и повел его за собой в ту самую комнатку, где состоялся их первый разговор.

— Вот что, милейший,— сказал он,— наконец-то у меня есть достойное вас дело. Поручаю его вам.

— Я горжусь этим,— ответил Макмэрдо.

— Можете взять с собой Мандерса и Релая. Они уже предупреждены. Пока мы не разделаемся с Честером Уилкоксом, у нас не будет покоя, а если вам удастся покончить с ним, вы заслужите благодарность всех лож долины.

— Приложу все усилия. Кто он и где его искать?

Макгинти вынул изо рта наполовину изжеванную сигару и, объясняя, стал одновременно рисовать грубый план на листке из записной книжки.

— Он твердый орешек. Полицейский сержант, из цветных. Стреляный воробей, и старых рубцов на нем не счесть. Мы дважды пробовали с ним покончить, но неудачно. В последний раз мы потеряли Джима Карнавэ. Теперь попытайтесь вы. Вот дом, видите, он стоит одиноко у дороги в Дайк. Так что шума никто не услышит, разве что случайные прохожие. Днем не стоит и пробовать. Уилкоккс всегда при оружии, и стреляет он метко. Так что главное — это застать его ночью врасплох. В доме, кроме него, живут трое детей, жена и служанка. Если вы будете слишком деликатничать, дело провалится. Я думаю, лучше всего подложить взрывчатку под входную дверь и взорвать...

— А что сделал этот человек?

— Разве я не сказал вам, что он застрелил Джима Карнавэ?

— А почему застрелил?

— Вам-то что за дело? Карнавэ бродил вокруг его дома, и он застрелил его. Этого достаточно для меня и для вас.

— Там две женщины и дети. Их тоже надо уничтожить?

— Необходимо, иначе вы не доберетесь до него.

— Но они никого не застрелили.

— Что за разговоры? Вы что, отказываетесь от поручения?

— Нет, советник! Разве я когда-нибудь давал повод думать, что склонен к неповиновению? Разумно поручение или нет, это вам решать.

— Значит, вы готовы все исполнить?

— Ну, конечно.

— Когда?

— Ну, ночи две мне нужны, чтобы разведать местность, осмотреть дом и составить план. Так что на третью ночь...

— Отлично, — сказал Макгинти, пожимая Джону руку. — Действуйте. Это будет хороший день для нас, когда вы сообщите, что дело сделано. После такого удара они все станут на колени.

Дом Честера Уилкоккса стоял уединенно милях в

пяти от Вермиссы. На следующую ночь Макмэрдо отправился на разведку и вернулся, когда уже рассвело. Днем он обсудил план с двумя своими подчиненными, Мандерсом и Релаем. Это были совсем еще молодые парни, которые говорили о предстоящем убийстве, точно речь шла об охоте на оленя. Макмэрдо еще раз сходил на разведку. На третью ночь все трое встретились за городом. Кроме оружия, у них была с собой взрывчатка, которую достали на каменоломнях. Часов около двух ночи Чистильщики добрались до места. Дул резкий ветер, и рваные облака быстро неслись по небу. Макмэрдо и его сообщники подкрались к дому бесшумно. Внутри дома, как и вокруг, царила полная тишина, нарушаемая лишь свистом ветра в деревьях. Макмэрдо осторожно подложил мешок со взрывчаткой под порог дома, прикрепил фитиль и поджег его. Чистильщики отбежали на безопасное расстояние и спрятались в канаве. Маленький огонек побежал по шнуру, добрался до взрывчатки — и оглушающий взрыв поднял в воздух обреченное строение. Задача была выполнена.

Однако утром выяснилось, что операция Макмэрдо, так хорошо продуманная и выполненная, провалилась. Уилкокс оказался слишком предусмотрительным. То ли судьба многих других жертв, то ли предчувствие заставили его как раз накануне перебраться с семьей в другое, более безопасное жилище... Взрыв разрушил пустой дом.

— Все равно, — сказал Макмэрдо, — он моя жертва, и я доберусь до него, хотя бы мне пришлось ждать целый год.

Собрание логи выразило Макмэрдо доверие. А несколько недель спустя газеты сообщили, что Уилкокс убит выстрелом из засады.

Таковы были «подвиги» Чистильщиков, превратившие долину Вермиссы в Долину ужаса. В старых газетах можно прочесть и о том, как двое полицейских, Иванс и Хент, были застрелены, когда пытались арестовать двоих Чистильщиков; как застрелили миссис Лерби, сидевшую у постели своего мужа, до полусмерти избитого по приказанию Макгинти; как сперва убили старшего Дженкинса, а потом его брата; как изуродовали Джемса Мердока; как взорвали дом Стенхауза, уничтожив целую семью; как предали жестокой смерти Стендалса — и все это в течение одной зимы.

Эта страшная зима кончилась, но весна, снимающая оковы с природы, не принесла избавления жителям Долины ужаса.

6

ОПАСНОСТЬ

К весне Макмэрдо уже получил звание дьякона братства и стал одной из самых видных фигур в совете ложи. Его мнения спрашивали, его помощи просили едва ли не в каждом новом деле. Но чем популярнее становился он среди Чистильщиков, тем более мрачные взгляды горожан провожали его, когда он проходил по улицам Вермиссы. Чаша терпения их, казалось, переполнилась, и ужас постепенно сменялся отчаянием. До ложи доходили слухи о тайных собраниях в редакции «Гералда», о том, что жители решили создать отряд самообороны и запасаются оружием. Однако Макгинти и его подручные всего этого не опасались. В их рядах насчитывалось достаточное число людей, связанных круговой порукой, чтобы бить тревогу из-за запуганных до смерти горожан. Все сведется, как и до сих пор, к пустым разговорам и, может быть, к нескольким безрезультатным арестам.

Но однажды в мае, когда Макмэрдо собирался идти на обычное субботнее заседание ложи, к нему зашел Моррис, слабый и трусливый человек.

— Можно мне откровенно поговорить с вами, мистер Макмэрдо? — спросил он.

— Конечно, — ответил Макмэрдо.

— Я не забыл, что как-то излил перед вами свои сомнения, и вы не выдали меня.

— Есть о чем говорить! Я ведь сказал вам тогда, что я не доносчик. Но это не значит, что я с вами заодно.

— Я это знаю, и все-таки лишь вам почему-то могу открыть душу и знать, что вы меня не выдадите. — Он помолчал несколько секунд. — Здесь, — продолжал он, прижав руку к груди, — хранится тайна, и она жжет меня. Мне необходимо ею поделиться... Если я смолчу, возможно, погибнем мы все.

Макмэрдо пристально посмотрел на дрожавшего Морриса и налил ему виски.

— Выпейте, — сказал он. — Это поможет вам взять себя в руки.

Моррис выпил, и щеки его слегка порозовели.

— Я могу объяснить все одной фразой: на наш след напал сыщик.

Макмэрдо посмотрел на него с удивлением.

— Вот новость! Разве вся округа не кишит полицейскими и сыщиками? А какой от них толк?

— Нет, это не местный сыщик. Здешних мы действительно знаем, и бояться их нечего. Но тут другое дело. Слышали вы об агентстве Ната Пинкертон?

— Что-то такое читал.

— Поверьте, если люди Пинкертон нападают на чей-нибудь след, то их песенка спета. От них не спастись. Это вам не местная полиция и даже не федеральная. Им слишком хорошо платят, и вопроса «поймаю или не поймаю» для них не существует. У них бульдожья хватка. Так что если один из этих пинкертонов за нами следит, то мы пропали.

— Не поднимайте паники! Его можно уничтожить.

— Вот ваша первая мысль! То же скажут и в ложе. Опять дело кончится убийством!

— Убийство — подумаешь! Здесь это самая привычная вещь.

— Конечно, но не мне бы наводить убийц на след... Да после этого я не буду знать ни минуты покоя! А между тем речь идет о наших жизнях. Ради Бога, скажите, что мне делать? — И, охваченный муками нерешительности, он стал покачиваться на табурете из стороны в сторону.

Схватив Морриса за плечо, Макмэрдо сильно встряхнул его.

— Послушайте, вы не поправите дела, завывая, как баба на похоронах. Перечислите факты. Кто он? Где он? Как вы о нем узнали?

Моррис поднял голову.

— Помните, я говорил, что до приезда сюда у меня на востоке был магазин? Там остались друзья, один из них служит на телеграфе. Вчера я получил от него письмо. Читайте вот в этом месте.

Макмэрдо прочел следующее: «Как поживают у вас Чистильщики? Мы часто слышим о них из газет. Между нами, я надеюсь скоро узнать о важных событиях. Несколько крупных компаний, в том числе и железнодорожная, серьезно взялись за дело. Можете быть уверены, что они доберутся до этих парней: дело поруче-

но Пинкертону, и занялся им лучший сыщик агентства Барди Эдвардс...»

— Теперь прочтите на обороте, постскриптум.

«Обо всем этом я узнал у себя на телеграфе, так что сообщения моего не распространяйте. Согласитесь, дружище, было бы глупо, если бы через руки человека ежедневно проходили шифрованные депеши и он не научился их расшифровывать. Это мое лучшее развлечение и моя тайна».

Некоторое время Макмэрдо сидел молча.

— Кто-нибудь еще знает о письме? — спросил он наконец.

— Что вы! Конечно, никто.

— А как вы думаете, ваш друг сообщил об этом еще кому-нибудь?

— Кажется, у него есть двое-трое близких приятелей.

— М-да... Жаль, что он не описал внешность Барди Эдвардса. Тогда нам было бы легко напасть на его след.

— Помилуйте, Макмэрдо, ведь он узнал о сыщике из шифрованных депеш!

Глаза Макмэрдо блеснули.

— Я придумал! Как глупо, что не сообразил сразу! Мы поймаем его, прежде чем он успеет повредить нам. Вот что, Моррис, согласны вы отдать дело в мои руки?

— О Господи, конечно, только избавьте меня от него.

— Ну и отлично! Вы будете совершенно в стороне. Не придется даже упомянуть вашего имени. Я все беру на себя, как если бы письмо прислали мне.

— Но что вы задумали?

— Чем меньше будете знать, друг Моррис, тем вам будет спокойнее. Ничего не спрашивайте и предоставьте событиям идти своим чередом.

Моррис сокрушенно покачал головой.

— Я чувствую на себе его кровь, — сказал он почти со стоном.

— Самооборона — не убийство, — сказал Макмэрдо, мрачно улыбаясь. — На войне как на войне! Или ему погибать, или нам! Ему нельзя позволить долго оставаться в долине, не то он и впрямь нам здорово навредит! О брат Моррис, боюсь, нам скоро придется избрать вас мастером, потому что вы, конечно, спасли ложу.

Макмэрдо расхохотался.

Но когда Моррис ушел, он, прежде чем отправиться на заседание ложи, разобрал какие-то бумаги и часть из них сжег. По дороге он задержался у дома Шефтера. Вызвал Этти, постучав в окошко. Лицо Макмэрдо было, против обыкновения, крайне серьезно и напряженно.

— Что случилось, Джон? — спросила Этти. — О милый, вам грозит беда?

— Право, пока ничего особенного, дорогая. Но, может быть, лучше исчезнуть отсюда раньше, чем дело дойдет до крайностей.

— Исчезнуть?

— Ведь я однажды обещал вам, что наступит день, когда я уеду. Теперь этот день, наверное, близок. Сегодня я получил известие, и не очень хорошее. Надвигается опасность.

— Полиция?

— Хуже. Помните, вы сказали, что, если я уеду, поедете со мной?

— Конечно, помню.

— Тогда выслушайте меня и сделайте все, что я вам скажу, — в этом единственное спасение для нас с вами. В этой долине произойдет немало событий. Многие из нас вынуждены будут о себе позаботиться. Я — в любом случае. Если мне придется отсюда бежать, днем ли то будет или ночью, вы должны уехать со мной.

— Я поеду вслед за вами, Джон.

— Нет, нет! Не вслед за мной, а со мной. Долина Вермиссы навсегда закроется для меня, и я никогда не смогу сюда вернуться. Как же я оставляю вас здесь, хотя бы и ненадолго? Едете вы со мной?

— Да, Джон.

— Благослови вас Бог за ваше доверие. Когда я дам вам знать, Этти, вы должны тотчас все бросить и спешить на вокзал. Я явлюсь туда за вами.

— Днем или ночью я приду по первому вашему слову, Джон.

Члены ложи собрались уже у Макгинти. Гул приветствий встретил Макмэрдо, когда он появился в зале. Сквозь табачный дым Макмэрдо разглядел черную гриву мастера, жестокое недружелюбное лицо

Болдуина, похожего на коршуна секретаря и других вожakov ложи.

— Мы рады видеть вас, брат,— сказал председатель.— Нам предстоит решить спорный вопрос.

— Он говорит о споре Лендела с Генном,— негромко объяснил сосед Макмэрдо.— Оба они требуют главной награды за убийство старика Креббе в Стайлстоуне, а как узнать теперь, чья именно пуля его прикончила?

Макмэрдо встал и поднял руку. Наступило молчание.

— Достопочтенный мастер,— сказал он торжественно,— прошу слова для сообщения особой важности.

— По правилам ложи в таких случаях откладывается все остальное,— произнес председатель.— Мы слушаем вас, брат Макмэрдо.

Тот вынул из кармана письмо.

— Достопочтенный мастер и братья,— сказал он,— сегодня я принес дурные вести. Нам нужно немедленно обсудить их и принять меры, не то мыждемся неожиданного удара, который истребит нас всех. Меня известили, что несколько крупнейших компаний объединились с целью нас уничтожить. Сейчас в долине действует сыщик Пинкертон Барди Эдвардс. Он собирает улики, которые, возможно, накинут петли на шеи многих из нас.

— Какие у вас есть доказательства, брат Макмэрдо? — спросил Макгинти, нахмурясь.

— Так написано в письме, попавшем в мои руки. Чье это письмо, неважно. Но заверяю вас своей честью, что оно достойно доверия.

— Я слышал имя Эдвардса, председатель,— сказал один из старших братьев.— Говорят, это лучший сыщик Пинкертон.

— Знает ли его кто-нибудь в лицо? — спросил Макгинти.

— Да,— сказал Макмэрдо.— Я знаю его в лицо.

По залу пробежал гул удивления.

— И мне кажется, он у нас в руках,— с ликующей улыбкой продолжал Макмэрдо.— Действуя быстро и решительно, мы можем предупредить опасность. Если вы доверите это дело мне...

— А в чем заключается опасность? — спросил Макгинти.— Что он может знать о нас?

— Не все братья обладают вашей твердостью, советник. Среди них могут найтись и слабые люди. Что, если Эдвардсу удастся кого-нибудь подкупить? Может быть, это ему даже и удалось! Существует только одно верное средство...

— Не дать ему покинуть долину,— подсказал Болдуин.— Между нами существовали недоразумения, но сейчас я с вами полностью согласен.

— Как же мы его разыщем? — спросил Макгинти.

— Достопочтенный мастер, о наших планах не следует говорить при всех. Я не подозреваю никого из присутствующих, но если Эдвардс что-нибудь пронюхает, нам до него будет не добраться. Надо избрать специальный комитет. Предлагаю ввести в него вас, мистер председатель, брата Болдуина и еще пятерых.

Предложение Макмэрдо приняли, и комитет был тут же избран. В него вошли Макгинти, Болдуин, похожий на коршуна секретарь ложи Гарвей, профессиональный убийца Тигр Кармак, казначей и двое братьев Уилбэй.

Собрание ложи на этот раз не затянулось, ужин прошел без обычного шумного возлияния, и вскоре Чистильщики разошлись.

— Говорите, Макмэрдо,— сказал мастер, когда в зале остались только члены нового комитета. Макгинти был мрачен, как туча.

— Я сказал, что знаю Барди Эдвардса,— ответил Макмэрдо.— Но здесь он, конечно, живет под другой фамилией. Он выдает себя за Стива Уилсона.

— Откуда вы знаете?

— Я видел его и даже говорил с ним. Правда, тогда я еще не сообразил, в чем дело, и, не будь письма, даже не вспомнил бы об этой встрече. Но теперь я уверен, что Стив Уилсон и есть Эдвардс. Я наткнулся на него в вагоне, когда в среду ездил по линии. Он назвал себя журналистом и старательно выводил все о Чистильщиках. Он сказал, что пишет для «Нью-Йорк пресс». Я, понятно, ничего не рассказал ему, кроме нескольких небылиц. Он их записал и сказал: «Подумайте, мистер, я заплачу хорошо, если только мне дадут материал, который пригодится для газеты».

— А что вы ему рассказали?

— Я же говорю — разные небылицы.

— Не очень-то он большой ловкач, если им пове- рил.

— А кто вам сказал, что он поверил? Он мог просто сделать вид, что записывает. И потом — одни рассказывают небылицы, другие могут рассказать правду. Во всяком случае, это хороший подход к людям.

— Почему вы уверены, что он сыщик?

— Сейчас объясню. Он вышел в Хобсоне, я тоже. Потом я зашел на телеграф. Он как раз выходил оттуда. Телеграфист там — мой знакомый. «Ей-Богу, — говорит он мне, — надо брать двойную плату за такие телеграммы». И показывает телеграфный бланк, заполненный какой-то абракадаброй, вроде головоломки. Я говорю: «Это шифр». — «Но мне-то от этого не легче — ведь он каждый день отправляет по такому листку». — «Он журналист, — сказал я, — и боится, как бы другие не перехватили его факты». По правде говоря, я и сам не очень в это верил, но ничего подозрительного мне тогда в голову не пришло.

— Вы, пожалуй, правы: это он и есть, — сказал Макгинти. — Но что делать?

— Почему бы попросту не отправиться к нему и не прикончить эту ищейку? — сказал один из Чистильщиков.

— Да, — подхватил другой, — и чем скорее, тем лучше.

— Во-первых, мы не знаем точно, где его искать, — сказал Макмэрдо. — Хоть он и в Хобсоне, но там не один дом. Во-вторых, мы не знаем, что именно он успел сообщить своим хозяевам. Не исключено, что он уже кое-что разнюхал, но что? Это нам не мешало бы узнать. Так что у меня другой план.

— Какой? — спросил Макгинти.

— Завтра утром я отправлюсь в Хобсон и попробую его найти. Надеюсь, это мне удастся. Не исключено даже, что телеграфист знает, где он живет. Когда я найду Эдвардса, я ему выскажу, что я сам Чистильщик, и за известную цену предложу открыть тайны ложи. Можете быть уверены, он попадется на эту удочку. Ну а затем я скажу, что у меня есть даже документы и все они спрятаны дома, но, дескать, если бы я привел его к себе днем и кто-нибудь нас увидел, это стоило бы жизни нам обоим. Поэтому я предложу ему прийти часам к десяти вечера.

— А дальше?

— Что дальше, по-моему, ясно и так. Дом, где я

снимаю комнату, стоит уединенно. Кроме меня и Скандейна, в доме нет ни души. Если я выманю у него согласие, вы все семеро соберетесь у меня к девяти. Мы его впустим, и тогда, клянусь чертом, ему живым от нас не уйти.

— Ну что ж, будем надеяться, что в агентстве действительно появится вакантное место,— сказал Макгинти с усмешкой.— На том и порешим, Макмэрдо. Завтра в девять мы соберемся у вас. Пусть только дверь за ним захлопнется, остальное предоставьте нам.

7

БАРДИ ЭДВАРДС В ЗАПАДНЕ

На следующее утро Макмэрдо поехал в Хобсон. По странному совпадению именно в этот день полиция проявила к нему интерес. Капитан Мервин, тот самый, что знал его со времен Чикаго и уже арестовывал однажды в Вермиссе, подошел к нему на станции. Макмэрдо отвернулся и отказался разговаривать с ним.

Возвратившись из поездки, Макмэрдо зашел в бар и шепнул Макгинти:

— Он приедет.

— Отлично,— сказал Макгинти. Он был в жилете, украшенном золотыми цепочками, а сквозь его косматую бороду прорывались сверкающие лучи бриллианта. Но лицо его было мрачно.— Как вы думаете, много он знает? — тревожно спросил Макгинти.

Макмэрдо пожал плечами.

— Он прожил здесь довольно долго, по крайней мере, недель шесть. Деньгами его наверняка снабдили вдоволь, а с их помощью, сами понимаете, можно добиться многого.

— В ложе нет предателей,— с жаром сказал Макгинти.— Все ее члены надежны, как сталь. Хотя, впрочем, есть этот негодяй Моррис... Если уж кто выдаст нас, так это он. Я не прочь сегодня же послать к нему парочку молодцов, они бы выкололи из него чистосердечное признание.

— Может, это и разумно,— ответил Макмэрдо.— Но, признаюсь, я симпатизирую Моррису, и мне будет жаль, если с ним что-нибудь случится. Он пару раз говорил со мной о делах ложи. Может быть, они

и представляются ему иными, чем нам с вами, но я все же уверен, что он не доносчик.

— Я все-таки займусь этим негодяем,— сказал Макгинти.— Я следил за ним целый год...

— Поступайте как знаете,— ответил Макмэрдо.— Только это придется отложить до завтра: сегодня у нас есть дело поважнее. К тому же, пока мы не покончим с этим Эдвардсом, надо избегать всякого шума.

— Верно,— согласился Макгинти.— Мы от самого Барди Эдвардса узнаем, кто давал ему сведения, хотя бы для этого нам пришлось вырезать ему сердце. Слушайте, Джон, а он не почуял западни?

Макмэрдо засмеялся.

— Ну нет! Я здорово раздражил эту ищейку! Думаю, он был бы готов прийти даже на собрание логи, лишь бы получить нужный материал. И к тому же,— тут Макмэрдо с усмешкой вынул из кармана связку кредитных бумажек,— я получил деньги вперед... Правда, он обещал мне еще столько, когда получит документы. Но и это немало. Он придет, советник. Не пропадать же денежкам!

— Да, кстати, какие это документы?

— Да никаких. Но я наговорил ему разных разностей о постановлениях, книгах, правилах и формах братства. Он надеется узнать решительно все, прежде чем покинет мой дом.

— Он недалеко от истины,— мрачно сказал Макгинти.— А не спросил он вас, почему вы не принесли документы с собой?

— Конечно, спросил. Но не могу же я таскать их с собой, когда меня и так подозревают — и та и другая сторона, и еще сегодня капитан Мервин подходил ко мне на станции...

— Да, я слышал,— заметил Макгинти.— Боюсь, вся тяжесть этого дела ляжет на вас, Макмэрдо. Конечно, мы можем потом бросить тело в старую шахту, но ведь нельзя будет отрицать, что Эдвардс жил в Хобсоне и что вы сегодня туда ездили.

Макмэрдо пожал плечами.

— Если мы будем действовать умно, убийства не докажут. За моим домом не следят, и ни одна живая душа не будет знать, что он приходил туда. Главное, советник, объясните ребятам подробности плана. Вы все придете вовремя. Он явится в десять и трижды

постучит в дверь. Я впусти его и запру дверь. Тогда он наш.

— Легко и просто.

— Да, но следующий шаг требует осмотрительности. Барди Эдвардс не из слабых и хорошо вооружен. Правда, я одурачил его, но он будет, конечно, настороже. Подумайте, я введу его в комнату, которая должна быть пуста — а в ней семь человек! Стрельбы не избежать.

— Конечно.

— Как бы шум не привлек к нам всю округу.

— Вы правы, Макмэрдо. Что вы предлагаете?

— Я вот что предлагаю сделать. Вы все соберетесь в большой комнате. Я открою ему дверь, введу в маленькую комнату, а сам отправлюсь якобы за документами. Это даст мне возможность вас предупредить. Потом я возвращаюсь с какими-нибудь фальшивыми бумажками, он берет их в руки, я бросаюсь на него и выбиваю револьвер. Как только вы услышите мой голос, кидайтесь со всех ног. Чем скорее вы придете, тем лучше. Он не слабей меня, и, возможно, мне с ним не справиться. Конечно, пока вы не прибежите, я его из своих рук не выпущу.

— Хороший план. Ложа будет у вас в долгу.

— Ну, советник, я еще недалеко ушел от новичка, — сказал Макмэрдо, но по лицу было видно, что комплимент ему польстил.

Возвратясь домой, Макмэрдо вычистил, смазал и зарядил свой револьвер. Потом внимательно осмотрел комнату, которой предстояло стать ловушкой. Это было вытянутое в длину помещение с громоздкой печкой в углу. В центре стоял небольшой стол. Три стены были с окнами без ставен. Макмэрдо внимательно осмотрел рамы. Впрочем, дом так далеко отстоял от дороги, что целостность рам существенного значения не имела.

Когда пришел Сканлейн, Макмэрдо рассказал ему о предстоящем дне. Хотя Мик Сканлейн уже давно состоял членом ложи, но трусость мешала ему принять деятельное участие в кровавых делах Чистильщиков или восстать против них.

— На вашем месте, Сканлейн, — сказал Макмэрдо, — я бы ушел отсюда нынче вечером.

— Да, — ответил Сканлейн, — я последую вашему совету. Надеюсь, ложа не осудит меня за это.

Все семеро членов комитета пришли почти одновременно. На первый взгляд, они мало отличались от почтенных, благонамеренных граждан, но среди них не было человека, на совести которого насчитывалось бы меньше дюжины убийств.

Макмэрдо поставил на стол бутылку скверного виски, и все они поспешили выпить. Кармак дотронулся рукой до печи — она была накалена, так как ночи стояли холодные.

— Вот это хорошо, — заметил он, злобно усмехнувшись.

— Да, — согласился Болдуин. — Если мы прижмем к ней молодчика, будет нетрудно вывести от него все, что требуется.

— Не сомневайтесь, мы все узнаем, — сказал Макмэрдо. Он держался хладнокровнее всех, хотя ему предстояло сыграть самую трудную роль.

— Вы молодчина, Макмэрдо, — сказал Макгинти. — Мы все выскочим, как только вы крикнете. Жаль только, что окна здесь без ставен.

Макмэрдо старательно задернул плотные занавески.

— Ничего, никому не придет в голову сюда заглядывать. Однако готовьтесь. Время приближается.

— А вдруг он не придет? Вдруг он почуял опасность? — сказал секретарь.

— Не волнуйтесь, придет, — ответил Макмэрдо. — Он так же жаждет прийти, как вы — его увидеть. Тсс! Слушайте.

Все застыли, как восковые фигуры. У некоторых в руках остались поднятые стаканы. Послышалось три громких удара в дверь.

— Ни звука! — шепнул Макмэрдо и вышел из комнаты.

Убийцы ждали, напряженно вслушиваясь и считая шаги своего сообщника. Вот он отпер наружную дверь; прозвучали несколько слов, вероятно, приветственных. Послышались чужие шаги и невнятный звук незнакомого голоса. Потом стукнула дверь и ключ, лязгнув, повернулся в замке. Жертва попала в ловушку. Тигр Кармак издал какой-то звук, похожий на удовлетворенный смех, но Макгинти зажал ему рот рукой. Из соседней комнаты доносились звуки разговора. Наконец дверь отворилась и появился Макмэрдо, прижимавший палец к губам.

Он подошел к столу, остановился и каким-то странным взглядом обвел всех присутствующих. В нем произошла заметная перемена. Глаза за очками горели волнением, лицо было напряжено и казалось высеченным из гранита.

— Ну,— тихо спросил Макгинти, не утерпев.— Здесь он? Здесь Барди Эдвардс?

— Да,— медленно произнес Макмэрдо.— Барди Эдвардс здесь. Барди Эдвардс — это я.

На мгновение наступила мертвая тишина. Семеро убийц от неожиданности даже не сразу осознали то, что сказал Макмэрдо. Внезапно громко зазвенели разбитые стекла, и все окна сразу оцетинились ружейными стволами. Макгинти взревел, словно раненый медведь, и кинулся к полуоткрытой двери. Но там его встретило дуло револьвера. За дверью стоял капитан Мервин. Макгинти отступил.

— В комнате безопаснее, советник,— сказал человек, которого они знали как Макмэрдо.— Если вы, Болдуин, не бросите револьвер... Так, хорошо. Слушайте меня. Дом окружен. Тут сорок солдат. Судите сами, есть ли смысл сопротивляться. Превосходно... Забирайте оружие, Мервин.

Обезоруженные Чистильщики в мрачном оцепенении стояли около стола.

— Выслушайте меня на прощание,— продолжал Эдвардс.— Ибо, вероятно, мы не встретимся до суда. Я хочу дать вам пищу для размышлений — у вас будет время подумать. Я Барди Эдвардс из агентства Пинкертон. Мне поручили разоблачить вашу шайку. Это была опасная игра. Теперь все кончено: я выиграл.

Чистильщики вышли из оцепенения, глаза их были обращены к Эдвардсу, в них горели ненависть и утрата.

— Кому-то кажется, что игра еще не кончена? Может быть. Но, во всяком случае, многим из вас участвовать в ней больше не придется. Кроме вас, арестовано еще шестьдесят человек. Сознаюсь: когда мне предложили это дело, я сперва не поверил в его реальность и думал, что это газетная болтовня. Узнав, что Чистильщики связаны с масонами, я поехал в Чикаго и вступил в братство. Все же, только прибыв в Вермиссу, я понял, что правда страшнее любых газетных статей. Между прочим, я никого не убивал в

Чикаго, а доллары, которые вы от меня получали,— настоящие. Вы до этого не додумались так же, как не разгадали моих поступков, совершенных у вас на глазах. Я начал с того, что спас старика Стейнджера, которого едва не прикончил Болдуин; я предупредил Честера Уилкокса, и, когда взорвал его дом, он и его семья уже были в безопасности. Многих преступлений мне не удалось остановить. Но вспомните, как часто намеченные вами жертвы возвращались домой неожиданной дорогой или не оказывались на месте, когда вы отправлялись к ним домой, или сидели взаперти, когда вы ждали их на улице! Сознаюсь, это дело моих рук. А что до преступлений, которые я сам предлагал ложе, так это всегда были только такие, какие я сам мог вовремя предотвратить.

— Проклятый предатель,— прошипел Макгинти.

— Называйте меня, как вам нравится, Джек Макгинти. Вы бы лучше подумали, как люди называют вас самого. Подумайте — это полезно перед смертью... Ну, Мервин, все, не буду больше вас задерживать...

В тот же вечер Этти Шефтер получила запечатанную записку, а на рассвете она вместе со своим другом вошла в вагон поезда. Этти и ее жених навсегда покинули Долину ужаса. Десять дней спустя они обвенчались в Чикаго, и старой Джейкоб Шефтер присутствовал при брачной церемонии.

Чистильщиков судили в столице штата. У них оказалось немало покровителей, но усилия их ни к чему не привели. Не помогли и деньги, выжатые некогда ложей из жителей Вермиссы. Ясным и исчерпывающим показаниям человека, который знал все подробности жизни «братьев», все тайны их организации и их преступлений, не могли противостоять никакие доводы или уловки защитников. Макгинти перед казнью хныкал и просил о пощаде. Восемь главных сподвижников мастера были казнены вместе с ним, около пятидесяти человек оказались в тюрьме.

Однако, как и предвидел Эдвардс, игра еще не окончилась. Тед Болдуин, братья Уилбэй и еще несколько членов шайки избежали виселицы. На десять лет они были упрятаны за решетку, но когда срок их заключения истек, наступил конец мирной жизни Эдвардса. Бывшие Чистильщики поклялись отомстить

ему. После двух неудачных покушений Эдвардс вынужденно покинул Чикаго: трудно было сомневаться в том, что третье — удастся. Сменив фамилию, он перебрался в Калифорнию. В это время умерла его жена. Под именем Дугласа он работал в затерянном каньоне и там вместе со своим компаньоном, англичанином Бэркером, приобрел состояние. Наконец, узнав, что убийцы вновь напали на его след, он бежал в Англию...

ЭПИЛОГ

Состоялось полицейское расследование, и дело Джона Дугласа было передано в высшую инстанцию. Он был оправдан как человек, действовавший в целях самозащиты.

«Во что бы то ни стало увезите его из Англии,— написал Холмс жене Дугласа.— Здесь задействованы силы более опасные, чем те, от которых он ускользнул в Америке».

Прошло два месяца. Мы уже начали забывать о бирлстоунской истории, занятые другими делами, но однажды утром в нашем почтовом ящике оказалась загадочная записка. «Боже мой, мистер Холмс! Боже мой!» — гласило странное послание. Мы не нашли ни адреса, ни подписи. Странное письмо меня рассмешило, Холмс же отнесся к непонятному случаю с необычайной серьезностью.

— Дьявольские штучки, Уотсон,— заметил он и долго сидел с омрачившимся лицом.

Поздно вечером наша квартирная хозяйка, миссис Хадсон, постучала к нам и сказала, что какой-то джентльмен хочет немедленно видеть мистера Холмса по важному делу. Тотчас вслед за нею вошел Сесил Бэркер, осунувшийся и бледный.

— Я получил дурные вести, ужасные вести, мистер Холмс,— сказал он.

— Я этого боялся,— ответил Холмс.

— Бедный Дуглас! Говорят, его фамилия Эдвардс, но для меня он навсегда останется Дугласом из каньона «Бенито». Три недели назад он и его жена отправились в Южную Африку на пароходе «Пальмира». Вчера вечером пароход прибыл в Капштадт, а сегодня утром я получил эту телеграмму. «Джон упал через борт и погиб во время шторма близ острова

Святой Елены. Никого из очевидцев происшедшего не было. Иви Дуглас».

— Ага! Вот как это произошло,— задумчиво протянул Холмс.— Ну, конечно, сцену хорошо обставили.

— Я тоже так думаю. Эти адские Чистильщики, проклятое гнездо мстительных негодяев...

— Нет, дорогой сэр,— заметил Холмс.— В данном случае действовала более искусная рука. Теперь вы не услышите о спиленных ружьях или неуклюжих револьверах. Художника узнают по манере. Это работа Мориарти. Истоки преступления ведут в Лондон, а не в Америку.

— Но во имя чего?

— Мориарти не признает поражений. Он не мог вынести мысли, что его мощная машина не сработала.

— Господи, но какое отношение имеет он к той американской истории?

— Могу только сказать, что первое известие пришло к нам от одного из его помощников. Американцам, видимо, посоветовали обратиться к нему за помощью. Сначала он удовольствовался тем, что нашел их жертву и разработал план убийства. Но, узнав о неудаче, занялся делом сам. Помните, я предупреждал Дугласа в Бирлстоуне, что будущая опасность страшнее минувшей? Был ли я прав?

В порыве бессильной ярости Бэркер ударил себя кулаком по голове.

— И вы хотите сказать, что мы должны спокойно сидеть? Что никто не может справиться с этим сатаной?

— О нет,— ответил Холмс, и его глаза как бы заглянули куда-то вдаль.— Я не говорю, что его нельзя победить. Но дайте мне время, дайте мне время!..

Мы замолчали, а глаза знаменитого сыщика, казалось, все еще пытались проникнуть взглядом через густую завесу будущего.

ПРОИСШЕСТВИЕ В ВИСТЕРИЯ-ЛОДЖ

Часть I

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ С МИСТЕРОМ ДЖОНОМ СКОТТОМ ЭККЛЗОМ

Как значится в моем блокноте, то было холодным ветреным днем в конце марта 1892 года. Когда мы завтракали, Холмсу принесли телеграмму, и он сразу же нацарапал ответ. Мой друг ничего не сказал по этому поводу, но видно было, что полученное известие занимает его мысли,— он с задумчивым лицом стоял у камина, курил трубку и время от времени поглядывал на телеграмму. Внезапно он повернулся ко мне, и в глазах его появился озорной блеск.

— Полагаю, Уотсон, вас теперь можно считать литератором,— сказал он.— Как вы понимаете слово «гротеск»?

— Что-то странное, необычное,— откликнулся я. Холмс покачал головой:

— Здесь явно имеется в виду нечто большее. Чувствуется скрытый намек на что-то трагическое и ужасное. Если вы припомните некоторые из историй, которыми вы пугали долготерпеливую публику, то поймете, как часто гротеск перерастает в преступление. Вспомните то небольшое дельце с лигой рыжеволосых. Сначала это был сплошной гротеск, а вылилось все в отчаянную попытку ограбления. Или другой пример: наиболее гротескное из наших дел, случай с пятью зернышками апельсина, подоплекой которого оказался заговор убийц. Так что слово «гротеск» заставляет меня теперь быть настороже.

— А что, в тексте есть это слово? — спросил я. Холмс прочел телеграмму вслух.

«Со мной только что произошла невероятная и гротескная история. Можно ли обратиться к вам за советом?

Скотт Эклз,
почтовое отделение, Черинг-кросс».

— Мужчина это или женщина? — спросил я.

— Ну, разумеется, мужчина. Ни одна женщина не стала бы посылать телеграмму с оплаченным ответом — она просто пришла бы сама.

— Вы его примете?

— Дорогой Уотсон, вы же знаете, как я скучаю с тех пор, как мы упрятали в тюрьму полковника Каразерса. Мой мозг подобен гоночному мотору, который разлетится на куски, если не будет выполнять работу, для которой предназначен. Жизнь стала скучной, в газетах пусто, риск и романтика, похоже, перевелись в уголовном мире. А вы еще спрашиваете, готов ли я заняться новым делом, каким бы тривиальным оно ни грозило оказаться. Но вот, если не ошибаюсь, и наш клиент.

На лестнице послышались размеренные шаги, и через несколько мгновений в комнату, постучавшись, вошел крепкий высокий мужчина с седыми бакенбардами, имевший весьма серьезный и респектабельный вид. Жесткие черты его лица и напыщенные манеры выдавали всю историю его жизни. От самых гетр до очков в золотой оправе это был консерватор, примерный прихожанин, образцовый гражданин, последовательно и скрупулезно соблюдавший все общепринятые установления. Какие-то удивительные события, однако, лишили его обычного самообладания и оставили на нем заметные следы в виде растрепанных волос, пылающих век, беспокойного взгляда и суматошных жестов. Он сразу же заговорил о своем деле.

— Со мной случилось совершенно необычное и неприятное происшествие, мистер Холмс, — сказал он. — В жизни не оказывался в подобных случаях. Это просто возмутительно и ни на что не похоже. Настоятельно прошу дать мне хоть какие-то разъяснения.

Он надулся и пыхтел от гнева.

— Ради Бога, присядьте, мистер Скотт Эклз, — успокаивающим тоном произнес Холмс. — Прежде всего хочу спросить: почему вы пришли именно ко мне?

— Понимаете, сэр, это дело, похоже, не из тех,

которыми занимается полиция, и все же, когда вы узнаете факты, то поймете, что я не мог оставить все так, как есть. Частные детективы — люди, к которым я не питаю абсолютно никакой симпатии, но все же, услышав ваше имя...

— Понятно. Тогда следующий вопрос: почему вы не пришли сразу?

— Что вы хотите этим сказать?

Холмс взглянул на часы.

— Сейчас пятнадцать минут третьего, — сказал он. — Телеграмму вы отправили в час, но, глядя на ваш наряд и внешний вид, трудно не понять, что ваши неприятности начались еще утром, когда вы проснулись.

Наш клиент пригладил растрепавшиеся волосы и провел рукой по небритой щеке.

— Вы правы, мистер Холмс. Мне и в голову не пришло привести себя в порядок. Я был очень рад, что выбрался из этого дома. Потом я, прежде чем ехать к вам, пошел к владельцам дома, и они сказали, что мистер Гарсия всегда регулярно вносил арендную плату и что в Вистерия-Лодж до сих пор все было в порядке.

— Погодите, погодите, сэр, — смеясь, воскликнул Холмс. — Вы совсем как мой друг доктор Уотсон, у которого есть дурная привычка рассказывать истории, начиная с конца. Пожалуйста, соберитесь с мыслями и расскажите мне в строгой последовательности, что это были за события, которые погнали вас за советом и помощью нечесаным и небритым, с незавязанными шнурками и в неправильно застегнутом жилете.

Наш посетитель мрачно оглядел себя:

— Понимаю, что со стороны это выглядит ужасно, мистер Холмс. За всю мою жизнь не могу припомнить ни одного случая, когда бы я позволил себе нечто подобное. Но уверен: после того как я расскажу вам все об этом странном деле, что я сейчас и сделаю, вы меня простите.

Однако рассказ его был пресечен в зародыше. В прихожей раздался шум, и миссис Хадсон, открыв дверь, впустила в комнату двоих здоровенных мужчин весьма официального вида. Одного из них мы хорошо знали — это был инспектор Грегсон из Скотленд-Ярда, энергичный, храбрый и в меру своих способностей толковый профессионал. Он поздоровался

за руку с Холмсом и представил нам второго посетителя — инспектора Бэйнса из полицейского управления графства Серрей.

— Мы охотимся вместе, мистер Холмс, и след привел нас сюда. — Грегсон глянул своими бульдожьими глазами на нашего посетителя: — Вы ведь мистер Джон Скотт Экклз из Попхэм-хауз в Ли?

— Да.

— Мы все утро сегодня идем за вами по пятам.

— Вы, без сомнения, выследили его по телеграмме, — вставил Холмс.

— Совершенно верно, мистер Холмс. Мы взяли след на вокзале Черинг-кросс, на почте, и он вел сюда.

— Но почему вы меня разыскиваете? — спросил наш посетитель. — Что вам нужно?

— Нам нужно услышать от вас, мистер Скотт Экклз, о событиях, которые привели прошлой ночью к смерти мистера Алоизиуса Гарсии из Вистерия-Лодж, что неподалеку от Эшера.

Наш клиент привстал, глаза его широко раскрылись. Краска сбежала с его изумленного лица.

— К смерти? Вы хотите сказать, что он умер?

— Да, сэр, умер.

— Как это случилось? Несчастный случай?

— Убийство. Самое настоящее, чистой воды.

— О Господи! Это ужасно. Вы полагаете... Вы хотите сказать, что подозреваете меня?

— В кармане убитого обнаружено ваше письмо, из которого мы узнали, что вы намеревались провести прошлую ночь в его доме.

— Я так и сделал.

— О, в самом деле? Вы не отрицаете?

На свет Божий появился бланк официального полицейского протокола.

— Подождите минутку, Грегсон, — сказал Шерлок Холмс. — Все, что вам нужно, это снять показания, так ведь?

— Да, и я должен предупредить мистера Скотта Экклза, что все, что он скажет, может быть использовано против него.

— Мистер Экклз как раз и собирался рассказать нам об этом деле, когда вы вошли. По-моему, Уотсон, бренди с содовой ему не повредит. Теперь, сэр, советую вам не обращать внимания на то, что ваша

аудитория увеличилась, и изложить нам все, как вы бы сделали это, если бы вас не прервали.

Наш посетитель залпом выпил бренди, и лицо его снова порозовело. Подозрительно взглянув на полицейский протокол, он приступил к своему необычному повествованию.

— Я холостяк,— сказал он.— Человек я общительный, у меня много друзей. Среди них — семья удалившегося от дел пивовара по фамилии Мелвилл, живущая в имении Элбемерл-Мэншн в Кенсингтоне. За его столом я несколько недель назад свел знакомство с молодым человеком, которого звали Гарсия. Как я понял, он был испанцем и имел какое-то отношение к испанскому посольству. Он прекрасно говорил по-английски и отличался хорошими манерами; это был, наверное, самый красивый мужчина из всех, кого я встречал.

Каким-то образом у нас с этим молодым человеком завязалась самая настоящая дружба. Он, казалось, с самого начала проникся ко мне расположением, и не прошло и двух дней с момента нашего знакомства, как он навестил меня в моем доме в Ли. Слово за слово — и кончилось тем, что он пригласил меня погостить несколько дней у него в Вистерия-Лодж; это между Эшером и Окшоттом. Вчера вечером я, выполняя свое обещание, отправился в Эшер.

Гарсия описывал мне свой дом. Он жил там с преданным слугой, соотечественником, который помогал ему во всем. Этот парень говорил по-английски и вел в доме все хозяйство. Еще Гарсия говорил, что у него прекрасный повар, полукровка, которого он подобрал во время своих странствий и который замечательно готовит. Помню, Гарсия заметил, что он не ожидал найти такой странный дом в самом сердце Серрея, и я согласился, хотя потом оказалось, что он намного более странный, чем я думал.

Я прибыл на место — это в двух милях к югу от Эшера. Дом интересен по архитектуре, стоит довольно далеко от дороги, к нему ведет извилистая подъездная аллея, обсаженная с двух сторон вечнозеленым кустарником. Это старинное ветхое здание, явно нуждающееся в ремонте. Когда мои вещи выгрузили на заросшую травой дорожку перед заляпанной выцветшей дверью, я засомневался, разумно ли поступил, отправившись к человеку, которого почти не

знаю. Однако он сам открыл мне дверь и весьма сердечно меня приветствовал. Меня поручили заботам слуги, меланхоличного смуглого мужчины, который взял мой саквояж и проводил меня в отведенную мне спальню. Дом был какой-то мрачный. Ужинали мы наедине, и хотя хозяин изо всех сил старался меня развлечь, мысли его, казалось, все время блуждали где-то далеко, да и говорил он так бурно и невразумительно, что я с трудом его понимал. Он не переставая барабанил пальцами по столу, грыз ногти и выказывал другие признаки нервного возбуждения. Сам обед не был ни хорошо сервирован, ни хорошо приготовлен, а присутствие мрачного безмолвного слуги никак не способствовало оживлению обстановки. Могу заверить вас, что много раз в течение этого вечера меня посещала мысль, что надо изобрести какой-нибудь благовидный предлог и вернуться домой в Ли.

Мне вспоминается одна деталь, которая может иметь отношение к тому делу, которое вы, господа полицейские, расследуете. Тогда я не придавал этому значения. Когда обед подошел к концу, слуга подал хозяину записку. Я заметил, что после этого тот стал еще более мрачен и дик, чем раньше. Он оставил попытки поддерживать разговор и сидел теперь, без передышки куря сигареты и погружившись в собственные мысли, ни словом не обмолвился, о чем думает. Около одиннадцати я с радостью отправился спать. Через какое-то время Гарсия заглянул ко мне в комнату — я к тому времени уже погасил свет — и спросил, не звонил ли я. Я ответил, что нет. Он извинился, что побеспокоил меня в столь поздний час — было, как он сказал, около часа ночи. После этого я крепко заснул до утра.

Теперь подхожу к самой любопытной части моей истории. Когда я проснулся, было уже совсем светло. Взглянув на часы, я увидел, что уже около девяти утра. Я особо оговорил накануне, чтобы меня разбудили в восемь, и был очень удивлен такой забывчивостью. Вскочив, я позвонил слуге. Никакого отклика. Я снова и снова дергал шнур звонка. Результат был все тот же. Тогда я решил, что звонок сломан. Кое-как одевшись, я в отвратительном настроении поспешил вниз, чтобы попросить теплой воды для умывания. Представьте себе мое изумление, когда я обнаружил, что там никого нет. Я вышел в коридор и

громко крикнул. Никто не отозвался. Тогда я обошел все комнаты. Нигде не было ни души. Вечером хозяин показывал мне, где его спальня. Я постучал в дверь. Ответа не было. Я повернул ручку и вошел. Комната была пуста, кровать — застелена. Гарсия исчез вместе с остальными. Все три иностранца — хозяин, лакей и повар — исчезли! Так окончился мой визит в Вистерия-Лодж.

Холмс усмехнулся и потер руки, мысленно добавив этот странный инцидент к своей коллекции необычайных происшествий.

— Ваша история, насколько я понимаю, совершенно уникальна, — сказал он нашему посетителю. — Можно спросить вас, сэр, что вы делали дальше?

— Я был разъярен. Сначала мне пришло в голову, что я стал жертвой какого-то странного и нелепого розыгрыша. Я сложил вещи, захлопнул за собой входную дверь и с саквояжем в руках отправился в Эшер. Явившись в контору братьев Аллен, управляющих земельной собственностью в тех местах, я узнал там, что дом, который я только что покинул, сдан в аренду. Мне пришло в голову, что вряд ли его сняли ради того, чтобы меня разыграть, и что суть дела, скорее всего, в том, что хозяин скрылся, чтобы не платить за аренду. Март на исходе — как раз конец квартала. Однако оказалось, что это не так. Агент поблагодарил меня за предупреждение, но сказал, что арендная плата уже внесена авансом. Тогда я отправился в Лондон и посетил испанское посольство. Этого человека там не знали. Потом я зашел к Мелвиллу, в чьем доме впервые повстречал Гарсию, но выяснилось, что тот знал его едва ли не хуже, чем я сам. Наконец, получив от вас ответ на свою телеграмму, я пришел к вам, поскольку слышал, что вы — человек, способный дать хороший совет в трудной ситуации. Однако из того, что вы здесь сказали, инспектор, я понял, что вы можете продолжить мой рассказ и что произошла какая-то трагедия. Могу заверить вас, что каждое сказанное мною слово — чистая правда и что, кроме того, что я сейчас рассказал, мне больше не известно ничего о судьбе этого человека. Мое единственное желание — помогать закону чем только возможно.

— У меня нет сомнений в этом, мистер Скотт Эклз, — ответил инспектор Грегсон весьма дружелюбным тоном. — Совершенно никаких сомнений. Должен

сказать, что все в вашем рассказе соответствует фактам, которыми располагаем мы. Например, записка, которую принесли во время обеда. Вам удалось заметить, куда она делась?

— Удалось. Гарсия скомкал ее и швырнул в камин.

— Что вы на это скажете, мистер Бэйнс?

Сельский детектив был полным коренастым рыжеволосым мужчиной, чье лицо не выглядело грубым только из-за необычайно светлых глаз, почти скрытых бровями и массивными складками щек. Лениво улыбнувшись, он вынул из кармана мятую выцветшую бумажку.

— Там была каминная решетка, мистер Холмс. Он не добросил бумажку до огня, и я вытащил ее невредимой из-под решетки.

Холмс одобрительно улынулся:

— Вы, должно быть, весьма тщательно осматривали дом, если нашли такой крохотный клочок бумаги.

— Да, мистер Холмс. Таков мой метод. Прочесть записку, мистер Грегсон?

Лондонский инспектор кивнул.

— Она написана на обычной бумаге кремового цвета без водяных знаков размером в четверть листа. Отрезана двумя надрезами маленьких ножниц. Записка была сложена в три приема и запечатана фиолетовым воском, причем печать приложили второпях, а затем прошлись по сгибам бумаги каким-то гладким предметом овальной формы. Адресована она мистеру Гарсия из Вистерия-Лодж. Текст таков: «Наши обычные цвета — зеленый и белый. Зеленый — открыто, белый — заперто. Второй этаж, первый коридор, седьмая дверь справа, зеленая занавеска. Бог в помощь. Д.» Почерк женский, написано ручкой с тонким пером, однако адрес написан либо другой ручкой, либо вообще другим человеком. Буквы более жирные, да и нажимали на перо, как видите, сильнее.

— Весьма интересная записка, — сказал, проглядев ее, Холмс. — Должен сделать вам комплимент, мистер Бэйнс, за то, что, изучая ее, вы уделили столько внимания деталям. Могу добавить лишь несколько мелких штрихов. Гладкий овальный предмет — это, без сомнения, запонка — что еще может иметь такую форму? Ножницы, которыми отрезали бумажку, — кривые

маникюрные ножницы. Кроме того, что надрезы короткие, ясно видно, что они слегка кривые.

Сельский инспектор усмехнулся.

— Я-то уж решил, что выжал из записки все, что можно, но вижу, что можно было и больше,— ответил он.— Должен заметить, я мало что понял из текста записки, кроме того, что затевалось какое-то дельце и, как всегда, замешана была женщина.

Мистер Скотт Экклз во время этого диалога нетерпеливо ерзал на стуле.

— Очень рад, что вы нашли записку, поскольку это подтверждает мой рассказ,— сказал он.— Однако прошу заметить, я так и не услышал, что случилось с мистером Гарсия и с его слугами.

— Что касается Гарсия,— отозвался Грегсон,— дать ответ легко. Сегодня утром он был найден мертвым на Окшоттском пустыре, примерно в миле от своего дома. Голова его совершенно расплющена при помощи какого-то тяжелого предмета, например, мешка с песком или чего-то еще в том же роде, чем нельзя нанести глубокую рану, но можно разбить череп. Сперва его, очевидно, оглушили сзади, но нападавший продолжал бить его еще долго после того, как он умер. Это был какой-то приступ бешенства. Преступник не оставил никаких следов и вообще ничего, что могло бы служить уликой.

— Жертву не ограбили?

— Нет, даже не пытались.

— Все это очень скверно, просто ужасно,— недовольным тоном произнес мистер Скотт Экклз,— но, по-моему, вы неоправданно сурово поступаете со мной. Я ведь не виноват, что моему гостеприимному хозяину вздумалось предпринять ночную прогулку, во время которой его и постиг этот весьма печальный конец. Почему же вы решили, что в это дело замешан я?

— Очень просто, сэр,— ответил инспектор Бэйнс.— Единственным документом, обнаруженным в карманах убитого, было ваше письмо, в котором говорится, что вы собираетесь провести с ним тот самый вечер, когда он был убит. Именно по конверту от этого письма мы и установили имя и адрес убитого. Мы добрались до его дома в десятом часу и не нашли там ни вас, ни кого-либо еще. Я телеграфировал мистеру Грегсону, чтобы он разыскал вас в Лондоне, пока я ос-

матриваю дом в Вистерия-Лодж. Затем я сам приехал в город, присоединился к мистеру Грегсону — и вот мы здесь.

— По-моему, — вставая, сказал Грегсон, — нам лучше всего вернуть это дело в официальное русло. Вам надо пройти с нами в Скотленд-Ярд, мистер Скотт Экклз, чтобы мы могли получить ваши показания в письменном виде.

— Разумеется, я немедленно отправлюсь туда с вами. Считаю себя вашим клиентом, мистер Холмс. Очень прошу вас не жалеть денег и трудов, чтобы добраться до истины.

Мой друг повернулся к сельскому инспектору.

— Надеюсь, вы не будете возражать против нашего с вами сотрудничества?

— Почту за честь, сэр.

— Вы выказали немалую расторопность и деловитость во всех своих действиях. Могу я узнать, есть ли какие-то данные о том, в котором часу был убит этот человек?

— Труп лежал там с часу ночи. В это время начался дождь, а умер он, без сомнения, до этого.

— Но ведь это совершенно невозможно, мистер Бэйнс! — воскликнул наш клиент. — Голос Гарсии ни с чем не спутаешь. Готов поклясться, что именно он заходил ко мне в спальню и говорил со мной в это самое время.

— Факт очень интересный, но, без сомнения, невозможный, — с улыбкой сказал Холмс.

— У вас есть какая-нибудь гипотеза? — спросил Грегсон.

— Дело не кажется мне очень уж сложным, хотя в нем, конечно, есть некоторые необычные и интересные детали. Необходимо выяснить еще немало фактов, прежде чем я возьму на себя смелость высказать свое определенное и окончательное мнение. Кстати, мистер Бэйнс, нашли вы в доме еще что-нибудь примечательное?

Инспектор бросил на моего друга какой-то странный взгляд.

— Нашли, — ответил он. — Там была парочка о-очень любопытных предметов. Может быть, когда я закончу свои дела здесь, вы возьмете на себя труд выбраться к нам и сообщить мне свое мнение о них?

— Я всецело в вашем распоряжении, — сказал

Холмс и дернул шнур звонка. — Проводите джентльменов, миссис Хадсон, и будьте добры, пошлите мальчика отправить эту телеграмму. Пусть оплатит ответ.

После ухода посетителей мы некоторое время сидели молча. Холмс сосредоточенно курил, насупив брови так, что они нависли над его пронизательными глазами, затем характерным для него жестом энергично мотнул головой, наклонив ее вперед.

— Ну что, Уотсон, — спросил он, неожиданно повернувшись ко мне, — что вы об этом думаете?

— Об этой мистификации мистера Скотта Эклза — ничего.

— А об убийстве?

— Ну, если рассматривать его в связи с исчезновением слуг убитого, то похоже, что они были каким-то образом причастны к убийству и сбежали от правосудия.

— Это, конечно, возможная точка зрения. Но если следовать ей, то очень странно, согласитесь, что двое слуг, будучи в заговоре против хозяина, нападают на него в ту самую ночь, когда у него гость, тогда как им никто не мешает сделать это в любую другую ночь на этой неделе.

— Тогда зачем они убежали?

— Вот именно, зачем они убежали? Это важнейший факт. Другой важный факт — странное происшествие с нашим клиентом, Скоттом Эклзом. Итак, дорогой Уотсон, способен ли человеческий разум предложить гипотезу, объяснявшую бы оба эти важнейших факта? Если найдется такая, которая объяснит к тому же существование этой таинственной записки с ее весьма странной фразеологией, — что ж, в таком случае примем ее, так и быть, в качестве временной гипотезы. Если же новые факты, которые мы добудем в ходе расследования, будут укладываться в общую схему, то наша гипотеза может постепенно превратиться в разгадку тайны.

— А у нас есть гипотеза?

Холмс откинулся назад в своем кресле, полузакрыв глаза.

— Вы должны признать, дорогой Уотсон, что никакого розыгрыша там быть не могло. Как показали последствия, затевалось страшное дело, и приглашение Скотта Эклза в Вистерия-Лодж имеет к этому некоторое отношение.

— Но какое?

— Давайте проанализируем события по порядку. Какой-то неестественной, если присмотреться, выглядит эта странная и внезапная дружба между молодым испанцем и Скоттом Экклзом. Именно первый из них форсировал события. Он навестил Экклза в предместье на другом конце Лондона чуть ли не на следующий день после того, как познакомился с ним, и завязал такие близкие дружеские отношения, что залучил его к себе в Эшер. Итак, чего же он хотел от Экклза? Зачем тот был ему нужен? Лично я не считаю его человеком обаятельным. Он не особенно умен и, в общем-то, не пара быстрому разумом латинянину. Почему тогда именно он был выбран из всех окружавших Гарсию людей как наиболее подходящий для какой-то определенной цели? Есть ли у него хоть какое-то незаурядное качество? На мой взгляд, есть. Он является воплощением британской респектабельности; это тот самый человек, чьи свидетельские показания смогут убедить другого британца. Вы, наверное, заметили, что оба инспектора ни на минуту не усомнились в его показаниях, хотя те были довольно необычны.

— Но что он должен был засвидетельствовать?

— В данном случае — ничего, но если бы дела обернулись по-другому, то очень многое. Так я понимаю этот случай.

— Наверное, он должен был подтвердить его алиби?

— Конечно, дорогой Уотсон, он должен был именно засвидетельствовать его алиби. Предположим, что все обитатели Вистерия-Лодж — соучастники в некоем заговоре. Дело, каково бы оно ни было, должно было быть сделано до часа ночи. Немного передвинув стрелки часов, они могли отправить спать мистера Экклза раньше, чем он думал, но в любом случае очевидно, что, когда Гарсия зашел к нему и сказал, что уже час ночи, на самом деле было около двенадцати. Если Гарсия собирался сделать то, что он хотел, и вернуться к часу ночи, ему нужно было хорошее алиби, оградившее бы его от любых обвинений. Вот он и использовал этого безупречного британца, готового присягнуть в любом суде, что обвиняемый до упомянутого часа не выходил из дома. Так он пытался обезопасить себя на крайний случай.

— Да-да, понятно. Но почему исчезли другие?

— У меня пока нет всех необходимых фактов, хотя думаю, что объяснить это будет не так уж трудно. Высказывать догадки, не имея данных,— неправомерно,

— А записка?

— Какой там текст? «Наши обычные цвета — зеленый и белый». Что-то напоминающее о скачках. «Зеленый — открыто, белый — заперто». Это, без сомнения, сигнал. «Второй этаж, первый коридор, седьмая дверь справа, зеленая занавеска». Очевидно, улавливаются о встрече. За всем этим может стоять ревнивый муж. Во всяком случае, предприятие явно было рискованным, иначе она не написала бы «Бог в помощь». «Д» — без сомнения, ее имя.

— Этот человек — испанец. Думаю, что «Д» означает Долорес, очень распространенное в Испании имя.

— Хорошо, Уотсон, очень хорошо, но в данном случае не годится. Испанка писала бы испанцу по-испански. Та же, кто написала эту записку, несомненно, англичанка. Что ж, нам остается набраться терпения и ждать, пока этот блистательный инспектор заедет за нами. Пока же можем возблагодарить судьбу, которая избавила нас на несколько часов от невыносимо томительных мук безделья.

Еще до возвращения сельского инспектора пришла телеграмма — ответ на ту, которую послал Холмс. Он прочел ее и собирался было вложить в свою записную книжку, но поймал мой вопрошающий взгляд. Засмеявшись, он бросил мне ее через стол.

— Мы, кажется, будем возвращаться в высших сферах,— прокомментировал он.

Телеграмма представляла собой список имен и адресов:

«Лорд Хэррингби, имение «Глубокая лощина»; сэр Джордж Фоллиот, «Окшоттские башни»; мистер Хайнес Хайнес, мировой судья, «Пурди-Плэйс»; мистер Джеймс Бейкер Уильямс, «Фортон-Олд-Холл»; мистер Хендерсон, «Высокие своды»; преподобный Джошуа Стоун, «Нижний Уолслинг».

— Самый обычный способ сузить поле деятельности,— сказал Холмс.— Несомненно, Бэйнс с его методичным умом уже разработал похожий план.

— Я все-таки не понимаю...

— Вспомните, дружище, мы ведь уже пришли к вы-

воду, что в записке, полученной Гарсией, назначено свидание или тайная встреча. Если самое простое толкование текста и есть самое правильное, то для того, чтобы попасть на это свидание, ему надо было подняться на второй этаж и разыскать в коридоре седьмую по счету дверь. Все это совершенно определенно указывает на то, что дом этот очень велик. Ясно также, что он не может быть более чем в одной-двух милях от Окшотта, поскольку Гарсия шел именно в том направлении и надеялся, если я правильно толкую факты, успеть все сделать и вернуться назад в Вистерия-Лодж в такое время, чтобы не сорвалось его алиби, действительное до часа ночи. Поскольку больших зданий поблизости от Окшотта, очевидно, не так уж много, я применил обычный свой метод и, написав земельным агентам, которых назвал Скотт Экклз, попросил их прислать мне список таких зданий. Он-то и содержится в этой телеграмме, так что среди этих данных может оказаться другой конец нити, образовавшей весь этот запутанный клубок.

Было уже почти шесть часов, когда мы в сопровождении инспектора Бэйнса попали в Эшер, чудесную деревушку в графстве Серрей.

Мы с Холмсом взяли с собой все необходимое для ночлега и сняли уютную комнату в деревенской гостинице под названием «Бык». Наконец мы были готовы составить компанию инспектору и нанести визит в Вистерия-Лодж. Был холодный, сумрачный мартовский вечер, дул пронизывающий ветер, мелкий дождь хлестал в лицо; в общем, обстановка вполне соответствовала дикой местности по обеим сторонам дороги и трагедии, происшедшей там, куда мы шли.

Часть II

ТИГР ИЗ САН-ПЕДРО

Пройдя пару миль по этим холодным, наводящим уныние местам, мы подошли к деревянным воротам, за которыми открывалась мрачная каштановая аллея. Извилистая подъездная дорога привела нас к погру-

женному во тьму невысокому зданию, казавшемуся черным как смоль на фоне серовато-синего неба. В окне слева от входа мерцал тусклый огонек.

— Я оставил там констебля,— сказал Бэйнс.— Постучусь-ка я в окно.

Он пересек газон и пару раз негромко стукнул по стеклу. Сквозь мутное стекло я с трудом разглядел сидящего на стуле перед камином мужчину. Вдруг он мгновенно вскочил, и я услышал раздавшийся в комнате испуганный крик. Через несколько секунд дверь открыл белый как мел, тяжело дышавший полисмен; свеча дрожала в его трясущихся руках.

— В чем дело, Уолтерс? — резким тоном спросил Бэйнс.

Полисмен вытер лоб платком и испустил протяжный вздох облегчения.

— Хорошо, что вы пришли, сэр. Вечер тянулся бесконечно, а нервы мои оказались не такими крепкими, как я думал.

— Ваши нервы, Уолтерс? Вот уж не думал, что мне придется обсуждать вопрос, есть ли у вас нервы.

— Понимаете, сэр, дом этот пустой, стоит на отшибе, да еще жуткие предметы на кухне. Когда вы постучали в окно, я подумал, что он пришел снова.

— Кто пришел снова?

— Дьявол, сэр, насколько я могу судить. Он подходил к окну.

— Кто подходил к окну и когда?

— Часа два назад. Уже почти стемнело. Я сидел на стуле и читал. Не знаю, что заставило меня поднять голову. За окном виднелось лицо, глядевшее на меня сквозь стекло. Господи, сэр, что это было за лицо! Оно будет снится мне по ночам.

— Да успокойтесь вы, Уолтерс. Разве так должен докладывать полисмен?

— Вы правы, сэр, я все понимаю, но я был потрясен, сэр, и бесполезно это отрицать. Лицо не было черным, сэр, но и не было белым. Затрудняюсь сказать, какого оно цвета. Может быть, такой оттенок получится, если смешать глину с молоком. Теперь о его размерах: оно вдвое больше вашего, сэр. Выглядело оно так: большие выпученные горящие глаза и ряд белых зубов, как у хищного зверя. Говорю вам, сэр, я не мог

ни шевельнуть пальцем, ни вздохнуть, пока он не повернулся и не исчез. Я выбежал из дома и осмотрел кустарник, но там, слава Богу, никого не было.

— Если бы я не знал, что вы добросовестный сотрудник, Уолтерс, то после всего этого стал бы очень плохо о вас думать. Если даже это был дьявол собственной персоной, стоящий на посту констебль не должен благодарить Бога за то, что не смог его изловить. Надеюсь, все это — не одни лишь ваши галлюцинации и расстроенные нервы?

— Ну уж это, по крайней мере, легко проверить, — сказал Холмс, зажигая свой карманный фонарик. — М-да, — начал он свой доклад, после того как бегло осмотрел газон, — ботинки, должен вам сказать, пятидесятого размера. Если он сложен соразмерно, это, очевидно, настоящий великан.

— И куда он делся?

— Похоже, продрался сквозь кусты и вышел на дорогу.

— Что ж, — произнес помрачневший инспектор с задумчивым видом, — кто бы он ни был и чего бы ни хотел, у нас с вами есть более неотложные дела. Сейчас, мистер Холмс, я, с вашего позволения, покажу вам дом.

В многочисленных спальнях и гостиных при самом тщательном осмотре ничего обнаружено не было. Очевидно, обитатели этого дома привезли с собой очень мало вещей, а вся обстановка вплоть до самых мелких вещей принадлежала фирме — владелице дома. Обнаружено было довольно много одежды с ярлыками «Маркс и компания, Верхний Холборн». Инспектор уже успел запросить по телеграфу мистера Маркса, но оказалось, что тот ничего не знает о своем клиенте, кроме того, что он исправно за все платил. Среди личной собственности хозяина было еще много всякой всячины, в том числе несколько трубок, книги, две из них на испанском, старинный револьвер и гитара.

— От всего этого никакого толку, — сказал Бэйнс, бродивший по комнатам со свечой в руках. — А сейчас, мистер Холмс, прошу вас обратить внимание на кухню.

Это было маленькое мрачное помещение с высоким потолком, находившееся в задней части дома. В одном углу лежала соломенная подстилка, служившая, очевидно, кроватью повару. Стол был загроможден грязными тарелками и объедками — это были остатки вчерашнего ужина.

— Взгляните-ка сюда,— сказал Бэйнс.— Что вы об этом скажете?

Он поднял свечу и осветил странный предмет, стоявший на одной из полок кухонного шкафа. Он был таким сморщенным и высохшим, что трудно было определить, что бы это могло быть. Можно было сказать лишь, что он черный, глянцевитый и несколько напоминает карликовую человеческую фигуру. С первого взгляда я решил, что это мумия младенца-негритенка. Затем мне показалось, что это какая-то скрюченная старая обезьяна. В конце концов я так и не разобрался, животное это или человек. Двойная цепочка белых ракушек была повязана вокруг его пояса.

— Очень интересно. В самом деле, крайне интересно,— промолвил Холмс, внимательно разглядывая эту зловещую реликвию.— Что-нибудь еще?

Бэйнс молча подошел к раковине и протянул к ней руку со свечой. По всей раковине были разбросаны клочья разорванной на мелкие части большой белой птицы — ножки, крылья, внутренности. Холмс указал на увенчанную гребешком оторванную голову.

— Белый петух,— сказал он.— Весьма интересно! Это действительно совершенно необычное дело.

Но самый зловещий экспонат мистер Бэйнс приберег напоследок. Он извлек из-под раковины цинковое ведро, более чем наполовину наполненное кровью. Затем он взял со стола деревянную тарелку, на которой лежали маленькие кусочки обуглившихся костей.

— Кого-то убили и сожгли. Мы выгребли все это из камина. Утром здесь был врач. Говорит, это не человеческие останки.

Холмс усмехнулся и потер руки.

— Должен поздравить вас, инспектор,— вы очень скрупулезно и непредвзято отнеслись к делу. Ваши способности, не в обиду вам будь сказано, превышают имеющиеся у вас сейчас возможности.

В маленьких глазках Бэйнса засветилось удовольствие.

— Вы правы, мистер Холмс. Поневоле загниваешь в этой провинции. Такие дела, как это, дают человеку шанс выдвинуться, и я надеюсь, что не упущу его. Что вы думаете об этих костях?

— Скорее всего принадлежали ягненку или козленку.

— А белый петух?

— Это что-то странное, мистер Бэйнс, очень странное, почти уникальное, знаете ли.

— Да, сэр, здесь, очевидно, жили очень странные люди, которые занимались очень странными делами. Один из них мертв. Его ли собственные слуги последовали за ним и убили его? Если так, мы их поймаем — за каждым портом ведется наблюдение. Но я придерживаюсь другого мнения. Да, сэр, моя точка зрения совершенно другая.

— Значит, у вас есть теория?

— Да, и я сам буду ее разрабатывать. Это вопрос моей профессиональной репутации. Вы уже сделали себе имя, а мне это только еще предстоит. Я должен иметь возможность сказать потом, что распутал это дело без вашей помощи.

Холмс добродушно рассмеялся.

— Хорошо, хорошо, инспектор, — ответил он. — Идите своим путем, а я пойду своим. Мои данные всегда будут в вашем распоряжении, если они вам понадобятся. Кажется, я видел в этом доме все, что должен был увидеть, так что дальнейшее пребывание здесь было бы напрасной тратой времени. До свидания, и желаю удачи.

По многим неуловимым признакам, которые, наверное, не заметил бы никто, кроме меня, я понял, что Холмс напал на след. Хотя со стороны он казался таким же бесстрастным, как всегда, в его блестящих глазах было тем не менее скрытое нетерпение, даже беспокойство; к тому же он был в очень хорошем настроении, что лишний раз подтверждало: игра началась. По своему обыкновению, он ничего не говорил; я же, как обычно, ничего не спрашивал. Эта давно установившаяся традиция меня устраивала — я участвовал в охоте и оказывал моему другу помощь при захвате добычи, но старался не прерывать работу его мысли. Когда надо будет, я и так все узнаю.

Поэтому я ждал, но, к моему всевозраставшему разочарованию, ждал напрасно. Шли дни, а друг мой так и не продвинулся вперед. Однажды утром он уехал в Лондон, и из его брошенного вскользь намека я узнал, что он побывал в Британском музее. Кроме этой единственной своей поездки, он предпринимал лишь долгие прогулки, обычно в одиночестве, или беседовал с многочисленными деревенскими болтунами, с которыми свел знакомство.

— Уверен, Уотсон, неделя в деревне будет для вас бесценна,— заметил он.— Какое удовольствие наблюдать, как покрывается зелеными листьями изгородь, как появляются сережки на орешнике! Вооружившись лопатой, жестяным ящиком и элементарным руководством по ботанике, вы сможете с пользой провести время.

Он и сам бродил по округе с этими предметами, но по вечерам возвращался с весьма скудным урожаем.

Как-то раз во время наших странствий мы набрали на инспектора Бэйнса. Его упитанное красное лицо расплылось в улыбке, а маленькие глазки сверкнули, когда он поздоровался с Холмсом. О деле он говорил мало, но и из того немногого, что он сказал, мы поняли, что он не был разочарован ходом событий. Однако, должен признать, я немало удивился, когда дней через пять с момента убийства, развернув утреннюю газету, обнаружил набранный крупными буквами заголовок:

ОКШОТТСКАЯ ТАЙНА РАЗГАДАНА АРЕСТ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО УБИЙЦЫ

Я прочел этот заголовок вслух, и Холмс подпрыгнул в кресле, словно его ужалили.

— Черт возьми! — вскричал он.— Вы что, хотите сказать, что Бэйнс его изловил?

— Похоже, что так,— ответил я, пробегая глазами следующую заметку:

«Большое волнение в Эшере и его окрестностях вызвало полученное вчера поздно вечером известие об аресте человека, замешанного в окшоттском убийстве. Как известно, мистер Гарсия из Вистерия-Лодж найден мертвым на окшоттском пустыре; на теле его обнаружены следы жестокого насилия. В ту же ночь его слуга и повар бежали, что косвенно доказывает их причастность к убийству. Предполагается, хотя и не доказано, что погибший джентльмен имел в доме какие-то ценности и что хищение их могло стать побудительным мотивом преступления. Инспектор Бэйнс, занимающийся этим делом, приложил все усилия, чтобы обнаружить место, где прятались беглецы. У него были основания полагать, что они не уехали далеко, а отсиживаются в каком-то заранее подготовленном убежище. С самого начала, однако, было ясно, что в кон-

це концов их обнаружат, поскольку у повара, по свидетельству видевших его нескольких лавочников, весьма необычная наружность — это огромный, устрашающего вида мулат с кофейного цвета лицом явно негроидного типа. Его заметили после убийства — констебль Уолтерс обнаружил его и пытался задержать в тот вечер, когда он, набравшись наглости, явился снова в Вистерия-Лодж. Инспектор Бэйнс решил, что визит этот имел какую-то определенную цель и, возможно, будет повторен. Он снял дежурство в доме, но оставил в кустах засаду. Мулат попал в ловушку и был задержан вчера вечером после ожесточенной схватки, в которой он жестоко избил констебля Даунинга. Ожидается, что, после того как задержанный предстанет перед мировым судьей, его отправят в тюрьму. Надеюсь, что арест этот будет способствовать разгадке тайны».

— Нам необходимо немедленно увидеться с Бэйнсом! — воскликнул Холмс, надевая шляпу. — Мы как раз успеем поймать его, пока он не ушел.

Мы торопливо зашагали по деревенской улице и, как и ожидали, застали инспектора, когда он уже открывал дверь своего дома.

— Видели газету, мистер Холмс? — спросил он, протягивая нам свой экземпляр.

— Да, мистер Бэйнс, видел. Пожалуйста, не сочтите вольностью с моей стороны, если я выскажу вам дружеское предостережение.

— Предостережение, мистер Холмс?

— Я внимательно изучил это дело, и я не уверен, что вы на верном пути. Мне бы не хотелось, чтобы вы зашли слишком далеко, прежде чем убедитесь, что вы не правы.

— Весьма любезно с вашей стороны, мистер Холмс.

— Уверяю вас, я пекусь о вашем же благе.

Мне показалось, что инспектор чуть ли не подмигнул Холмсу одним из своих маленьких глазок.

— Мы с вами договорились работать независимо друг от друга, мистер Холмс. Я так и делаю.

— Да, конечно. Не обижайтесь на меня.

— Что вы, сэр, я же понимаю, что вы хотите мне помочь. Но у каждого из нас свой подход к делу, мистер Холмс. У вас — один метод, у меня, возможно, другой.

— Ни слова больше об этом.

— Всегда рад буду поделиться с вами своими новостями. Парень этот — совершеннейший дикарь, силен, как ломовая лошадь, и зол, как дьявол. Чуть не откусил Даунингу большой палец, прежде чем они с ним сладили. Почти не говорит по-английски, и мы от него ничего не добились, кроме мычания.

— И вы считаете, что есть данные за то, что он убил своего хозяина?

— Я этого не говорил, мистер Холмс, я этого не говорил. У каждого из нас есть свои маленькие хитрости. Пускайте в ход ваши, а я, с вашего позволения, буду пользоваться своими. Таков наш уговор.

Когда мы, раставшись с Бэйнсом, зашагали обратно, Холмс пожал плечами:

— Никак не могу раскусить этого человека. Похоже, избранный им путь ведет к пропасти. Что ж, как он говорит, каждый из нас должен идти своей дорогой; потом посмотрим, что из этого выйдет. Однако есть что-то в инспекторе Бэйнсе, чего я не понимаю.

— Присаживайтесь в это кресло, Уотсон,— сказал Шерлок Холмс, когда мы вернулись в нашу комнату в «Быке». — Я хочу, чтобы вы получше вникли в ситуацию, поскольку сегодня ночью мне может понадобиться ваша помощь. Если позволите, я расскажу вам, насколько продвинулось это дело. Хотя сперва оно выглядело простым, потом неожиданно возникли некоторые проблемы в связи с этим арестом. Здесь есть множество пробелов, которые нам придется заполнить.

Начнем с записки, которую Гарсия получил перед смертью. Отбросим версию Бэйнса и будем считать, что слуги Гарсии в преступлении не замешаны. Гарсия пригласил к себе в гости Скотта Экклза, что могло быть сделано только с целью обеспечить себе алиби. Следовательно, именно Гарсия задумал какое-то дело, очевидно, преступное, которое надо было осуществить в ту самую ночь, когда он отправился навстречу своей гибели. Я говорю «преступное», потому что только человек, идущий на правонарушение, так заботится о своем алиби. Кто же тогда, вероятнее всего, лишил его жизни? Конечно, тот, против кого преступление должно было быть направлено. Итак, мы с вами пока еще не сошли с твердой почвы.

Ясно, почему исчезли домочадцы Гарсии. Они все были сообщниками в готовившемся преступлении. Если бы оно совершилось и Гарсия бы вернулся, показания нашего истинного британца рассеяли бы все возможные подозрения, и все сошло бы гладко. Но дело было опасным. Поэтому у них было условлено, что, если Гарсия не вернется, оба его помощника укроются в заранее подготовленном убежище, а впоследствии повторят свою попытку. Все это исчерпывающе объясняет события, не правда ли?

Весь запутанный клубок, казалось, мгновенно распутался перед моими глазами. Как всегда, я удивлялся, что сам не понял таких очевидных вещей.

— Но почему же вернулся один из слуг?

— Можно предположить, что, убегая, он в спешке забыл нечто ценное, что-то такое, без чего не мог обойтись. Это объясняет его настойчивость, так ведь?

— Да, верно. Что же дальше?

— Дальше поговорим о записке, которую получил за обедом Гарсия. Она указывает на то, что у заговорщиков в стане врага имелся сообщник. Вопрос в том, где же находится этот самый стан врага? Я уже говорил вам, что это может быть только большой дом, а число больших домов в округе ограничено. Первые проведенные в этой деревне дни я посвятил систематическим прогулкам по окрестностям, во время которых в перерывах между ботаническими штудиями обследовал все эти большие здания и собирал сведения о семейной истории их обитателей. Один и только один из этих домов привлек мое внимание. Это старинное гнездо якобитов, называющееся «Высокие своды». Расположено оно в одной миле от Окшотта и в полумиле от места убийства. Остальные здания принадлежат весьма прозаичным и респектабельным людям, чуждым всякой романтике. А вот мистер Хендерсон из «Высоких сводов» — во всех отношениях необычный человек, с которым могут случаться загадочные происшествия. Поэтому я сосредоточил свое внимание на нем и на его домочадцах.

Странные это люди, Уотсон, и самый странный из них — сам хозяин дома. Мне удалось встретиться с ним под благовидным предлогом, но в его черных, глубоко посаженных сумрачных глазах я прочел, что он почти не сомневается в том, каков истинный род моих занятий. Ему около пятидесяти лет; это сильный, подвиж-

ный мужчина со стального цвета волосами, черными куститыми бровями; походка у него, как у оленя, а манера держаться — как у императора. Он неистов и властен; на его пергаментном лице написано, что человек этот не знает удержу. Он то ли иностранец, то ли долго жил в тропиках — весь пожелтел и высох, но вынослив, словно двужилый. Его друг и секретарь мистер Лукас — без сомнения, иностранец: кожа у него темная, шоколадного оттенка. Этот хитер, вкрадчив, похож на кота, разговаривает с ядовитой вежливостью. Как видите, Уотсон, налицо две группы иностранцев — одна в Вистерия-Лодж, другая — в «Высоких сводах»; так что наши пробелы начинают заполняться.

Эти два человека, судя по всему, близкие друзья и являются главными среди обитателей дома. Но есть там и еще одна особа, которая в ближайшее время может оказаться нам весьма полезной. У Хендерсона двое детей, обе девочки — одиннадцати и тринадцати лет. Есть там и еще один доверенный слуга. Это небольшая группа людей составляет настоящую семью, они всегда путешествуют вместе, а Хендерсон — большой любитель путешествий, ему просто не сидится на месте. В «Высокие своды» он вернулся лишь несколько недель назад после годичного отсутствия. Могу добавить, что он сказочно богат, и какие бы у него ни были прихоти, ему легко их удовлетворять. Что касается остального, в его доме полно лакеев, горничных, дворецких и прочей разжиревшей от безделья челяди, которой кишат все принадлежащие английской знати загородные виллы.

Все эти подробности я узнал частью от деревенских болтунов, частью путем наблюдения за домом. Нет лучшего источника информации, чем уволенные слуги, затаившие обиду на хозяев. Мне посчастливилось одного такого найти. Говорю «посчастливилось», но я бы с ним не повстречался, если бы специально его не искал. По выражению Бэйнса, у каждого из нас своя система. Это и была моя система, позволившая мне найти Джона Уорнера, бывшего садовника из «Высоких сводов», уволенного в результате минутного каприза его самодура-хозяина. У него, в свою очередь, есть друзья среди живущих в доме слуг. Их объединяют страх перед хозяином и неприязнь к нему.

Странные живут там люди, Уотсон! Не претендую на то, что все о них знаю, но все равно, странные это

люди. В доме два крыла: слуги живут в одном, семейство хозяина — в другом. Между собой их ничто не связывает. Единственный, кто общается и с теми, и с другими, — это доверенный слуга Хендерсона, который прислуживает хозяевам за столом. Все, что приготовлено, доставляют к двери, которая является единственным сообщением между обеими частями дома. Гувернантка и дети на улицу не выходят, только в сад. Хендерсон ни при каких обстоятельствах не ходит один. Темнокожий секретарь следует за ним по пятам как тень. Среди слуг ходят слухи, что хозяин страшно чего-то боится. «Продал душу дьяволу в обмен на своих деньги, — говорит Уорнер, — а теперь его гложет страх, что тот придет и утащит его в ад». Откуда взялись эти люди и кто они — никто из слуг не знает. Они очень жестоки. Хендерсон дважды избивал слуг плетью, и лишь его тугой кошель, позволявший платить обильные компенсации, спасал его от суда.

Итак, Уотсон, оценим теперь ситуацию с учетом этой новой информации. Можно с уверенностью сказать, что письмо Гарсии пришло из этого странного дома и содержало приглашение совершить некое заранее задуманное дело. Кто его написал? Кто-то из тех, кто живет в доме, причем мы знаем, что это женщина. Кто же это, как не мисс Барнет, гувернантка? Все признаки указывают на нее. Во всяком случае, можем принять это как гипотезу; потом посмотрим, к чему это приведет. Хочу добавить: возраст и склад характера мисс Барнет исключают мое первоначальное предположение о том, что здесь имеется какая-то любовная интрига.

Если записка написана ею, то она, очевидно, была в дружбе с Гарсией и пользовалась его доверием. Чего же тогда можно было от нее ожидать, когда она узнала о его смерти? Если он погиб при попытке совершить преступление, она должна была держать язык за зубами. И все же в сердце ее должны были остаться горечь и ненависть к его убийце, так что она, без сомнения, помогла бы отомстить ему, если бы имела такую возможность. В таком случае нельзя ли с ней увидеться и попытаться заручиться ее поддержкой? Такова была моя первая мысль. Но должен сообщить вам об одном зловещем обстоятельстве: со дня убийства мисс Барнет никто не видел. В тот вечер она ис-

чезла. Жива ли она? Не постигла ли ее в ту ночь та же участь, что и друга, которому она писала? Или ее просто держат под замком? Вот в чем проблема.

Вы должны понять сложность ситуации, Уотсон. У нас нет никаких фактов, на которые мы могли бы твердо полагаться. Представителям закона наша логическая схема скорее всего покажется химерой. Исчезновение женщины ничего не значит, поскольку любой из обитателей этого странного дома может не появляться неделями. И все же жизни ее в настоящий момент, возможно, грозит опасность. Все, что я могу сделать,— это наблюдать за домом и поставить моего помощника Уорнера дежурить у ворот. И вместе с тем мы не имеем права оставаться пассивными наблюдателями. Если закон бессилен, мы должны пойти на риск.

— Что вы предлагаете?

— Я знаю, где ее комната. Туда можно попасть с крыши боковой пристройки. План мой заключается в том, что мы с вами сегодня ночью отправимся туда и посмотрим, не удастся ли нам проникнуть в самое сердце тайны.

Должен сказать, это была малоприятная перспектива. Старинный дом с его атмосферой насилия, странными и зловещими обитателями, поджидавшие нас неведомые опасности, так же как и тот факт, что в глазах закона мы должны будем поставить себя в ложное положение,— все это охлаждало мой пыл. Однако в железной логике Холмса было нечто, делавшее невозможным уклониться от любого из задуманных им предприятий, каким бы опасным оно ни было. Ведь ясно, что так и только так можно было найти выход из положения.

Я молча пожал руку моему другу. Жребий был брошен.

Однако нашему расследованию не суждено было завершиться таким рискованным приключением. Было около пяти часов, и тени в этот мартовский вечер уже начинали сгущаться, когда в нашу комнату ворвался возбужденный мужчина.

— Они уехали, мистер Холмс. На последнем поезде. Даме удалось вырваться, и я доставил ее в кебе сюда.

— Отлично, Уорнер! — воскликнул Холмс, вскакивая на ноги. — Пробелы заполняются, Уотсон!

В кебе была женщина, наполовину оглушенная нервным шоком. На ее худом, изможденном лице заметны были следы недавних переживаний. Голова ее бессильно упала на грудь, и, когда она подняла ее и обратила на нас тусклый взгляд, я увидел, что зрачки ее серых глаз зияли как черные дыры. Ее опоили опиумом.

— Я стоял на страже у ворот, как вы говорили, мистер Холмс, — начал рассказ наш помощник, разжалованный садовник. — Когда экипаж выехал из ворот, я последовал за ним на станцию. Дама шла так, как ходят лунатики, но, когда они попытались заставить ее сесть в поезд, она очнулась и стала сопротивляться. Они впихнули ее в вагон. Она ухитрилась выбраться обратно. Я пришел ей на помощь, посадил в кеб — и вот мы здесь. Никогда не забуду лица в окне вагона, смотревшего на меня, когда я ее уводил. Если бы он мог, он бы меня убил, этот злобный желтолицый дьявол.

Мы отнесли даму наверх, положили на диван, и вскоре две чашки крепчайшего кофе прояснили ее сознание, развеяв дурман. Холмс вызвал инспектора Бэйнса и объяснил ему ситуацию.

— Что ж, сэр, вы даете мне те самые сведения, которые мне нужны, — тепло сказал инспектор, пожав руку моему другу. — Я с самого начала шел по тому же следу.

— Что?! Вы следили за Хендерсоном?

— Знаете, мистер Холмс, когда вы ползали на четвереньках по саду в «Высоких сводах», на одном из деревьев там восседал я. Забавно было глядеть на вас сверху вниз. Так что мы с вами собирали доказательства наперегонки.

— Зачем тогда вы арестовала мулата?

Бэйнс усмехнулся.

— Я был уверен, что Хендерсон, как он себя называет, чувствует, что он под подозрением, и потому затаился и ничего не будет предпринимать, пока ему грозит опасность. Я специально арестовал другого человека, чтобы он решил, что мы оставили его в покое. Я знал, что он теперь захочет отсюда улизнуть и даст нам шанс добраться до мисс Барнет.

Холмс положил руку на плечо инспектора.

— Вы далеко пойдете в своей профессии. У вас есть интуиция и природное чутье.

Лицо Бэйнса вспыхнуло от удовольствия.

— Всю неделю на станции дежурил наш переодетый сотрудник. Он следил за обитателями «Высоких сводов», куда бы они ни ездили. Однако он, очевидно, растерялся, когда мисс Барнет удалось вырваться. К счастью, ее подобрал ваш человек, и все окончилось благополучно. Мы не можем никого арестовать, пока она не даст показания, так что чем раньше она это сделает, тем лучше.

— Она постепенно приходит в себя, — сказал Холмс, взглянув на гувернантку. — Но скажите мне, Бэйнс, кто же такой этот Хендерсон?

— Хендерсон, — ответил инспектор, — это дон Мурильо, которого звали когда-то Тигр из Сан-Педро.

Тигр из Сан-Педро! Моя память, подобно вспышке молнии, мгновенно высветила всю историю жизни этого человека. Он был известен как наиболее бессовестный и кровожадный из всех, какие когда-либо правили в стране, претендующей на то, чтобы называться цивилизованной. Сильный, бесстрашный и энергичный, он в течение десяти — двенадцати лет заставлял трепетавшее перед ним население терпеть его отвратительные пороки. Его имя внушало ужас всей Цнатральной Америке. Потом все население страны поголовно восстало против него. Но он был не менее хитер, чем жесток, и при первых же признаках приближавшейся грозы перевез все свои сокровища на корабль, команда которого состояла из преданных ему людей. Когда на следующий день восставшие взяли приступом дворец, он оказался пуст. Диктатор, двое его детей, секретарь и все ценности исчезли. С того дня он скрылся неведомо куда, и слухи о том, что его где-то видели, часто служили предметом обсуждения прессы.

— Да, сэр, дон Мурильо, Тигр из Сан-Педро, — повторил инспектор. — Если вы откроете любой справочник, мистер Холмс, то обнаружите, что цвета флага Сан-Педро — зеленый и белый, те же, что и в записке. Он теперь называет себя Хендерсоном, но я проследил весь его маршрут, начиная с Барселоны, куда его судно причалило в 1886 году, и далее в Мадрид, Рим, Париж, прежде чем он попал сюда. Мстители все время следовали за ним по пятам, но только сейчас сделали попытку до него добраться.

— Они обнаружили его год назад, — заговорила мисс Барнет, которая уже села и с готовностью вступила

ла в разговор. — Одно покушение на его жизнь уже было, но его хранил какой-то злой рок. Вот и на этот раз то же самое — пал благородный, рыцарственный Гарсия, а чудовище осталось целым и невредимым. Но придет новый мститель, а за ним — еще и еще, пока когда-нибудь правосудие не свершится. Это так же неизбежно, как и то, что завтра взойдет солнце.

Ладони ее тонких рук сжались в кулаки; изможденное лицо побелело от ненависти.

— Но каким образом вы, мисс Барнет, оказались замешанной в этой истории? — спросил Холмс. — Как может английская леди участвовать в таком кровавом деле?

— Я участвую в нем, потому что иначе ничто на свете не помогло бы свершиться правосудию. Какое дело английскому закону до рек крови, пролитых несколько лет назад в Сан-Педро, или до целого корабля сокровищ, награбленных этим человеком? Для вас это все равно что преступление, совершенное на другой планете. Но мы — мы помним все. Мы постигали истину в горестях и муках. Для нас никакой дьявол в аду не может быть хуже Хуана Мурильо, и не будет нам покоя на земле, пока его жертвы вопиют к небу об отмщении.

— Не сомневаюсь, что он таков, каким вы его описываете, — сказал Холмс. — Я слышал, это был настоящий зверь. Но что он сделал вам?

— Я расскажу вам все. Этот негодяй положил себе за правило убивать под тем или иным предлогом каждого, кто со временем мог стать ему опасным соперником. Мой муж — да, господа, мое настоящее имя синьора Дурандо — был послом Сан-Педро в Лондоне. Там мы с ним познакомились и поженились. Не было на свете более благородного человека. К несчастью, Мурильо узнал, что это незаурядная личность, под каким-то предлогом отозвал его на родину, а там велел расстрелять. Предчувствуя свою судьбу, Виктор Дурандо отказался взять меня с собой. Его имущество было конфисковано, и я осталась в нужде и с разбитым сердцем.

Потом тирания наконец пала. Мурильо спасся именно так, как вы сказали. Но те многочисленные люди, чьи судьбы он исковеркал, чьи родные и близкие были обречены им на муки и смерть, не могли оставить все так, как есть. Они объединились в тайный

союз, который будет существовать, пока цель не будет достигнута. После того как мы опознали в этом Хендерсоне свергнутого деспота, мне было поручено проникнуть к нему в дом и следить за его перемещениями. Устроившись к нему гувернанткой, я вполне успешно могла это делать. Он, конечно, не мог и вообразить, что женщина, сидящая с ним каждый день лицом к лицу за обеденным столом, — та самая, чьего мужа он через час после его возвращения на родину отправил на тот свет. Я улыбалась ему, занималась с его детьми и ждала. Первое покушение состоялось в Париже и провалилось. Мы вместе с Мурильо стали лихорадочно колесить по всей Европе, чтобы скрыться от погони, и наконец вернулись сюда, в этот дом, снятый им еще во время первого своего визита в Англию.

Однако здесь его также подстерегали мстители. Зная, что он вернется в этот дом, Гарсия, который был сыном человека, занимавшего раньше один из верховных постов в Сан-Педро, ждал своего часа в скромном жилище, которое делил с двумя преданными помощниками. Все трое горели желанием отомстить, да и причины на то у всех были одни и те же. Долгое время Гарсия ничего не мог сделать, потому что негодяй был начеку и никогда не выходил из дома без своего прихвостня Лукаса, или Лопеса, как его звали в дни былого величия. По ночам, однако, он был в комнате один, и мститель мог бы до него добраться. В намеченный нами заранее вечер я должна была отправить моему другу записку с окончательными инструкциями, поскольку Мурильо был настороже и ночевал каждый раз в другой комнате. Я должна была убедиться, что двери открыты, и дать сигнал — поставить у выходящего на улицу окна лампу с зеленым абажуром, если все в порядке, или с белым абажуром, если покушение лучше отложить.

Но все пошло вкривь и вкось. Каким-то образом я навлекла на себя подозрения Лопеса, секретаря. Он подкрался ко мне сзади и набросился на меня, как только я дописала письмо. Они с хозяином затащили меня в мою комнату и устроили надо мной судилище, как над уличенной предательницей. Они бы всадили в меня свои ножи, если бы знали, как избежать последствий. Наконец после долгого обсуждения они пришли к выводу, что убивать меня слишком опасно, но решили навсегда избавиться от Гарсии. Они заткнули

мне рот кляпом, и Мурильо стал выкручивать мне руку, пока я не дала ему адрес моего друга. Клянусь, если бы я знала, что они хотят с ним сделать, я бы лучше дала им открутить мне руку. Лопес написал адрес на моей записке, запечатал ее своей запойкой и отослал со своим слугой Хосе. Как они убили его, не знаю. Могу сказать лишь, что пал он от руки Мурильо, потому что Лопес остался сторожить меня. Наверное, убийца спрятался в зарослях кустарника, через которые проложена тропинка, и ударил Гарсию, когда тот проходил мимо. Сперва они хотели позволить ему войти в дом и убить его там, якобы приняв за грабителя. Но потом они решили, что если окажутся замешаны в этом деле и вынуждены будут давать показания, то сразу же откроются их настоящие имена, и охота за ними начнется снова. Убив Гарсию, они надеялись отпугнуть преследователей и избавиться от них.

Все было бы для них хорошо, если бы я не знала, что они сделали. Не сомневаюсь, что были мгновения, когда жизнь моя висела на волоске. Я была заперта в своей комнате, запугана самыми ужасными угрозами; со мной обращались до крайности жестоко, чтобы сломить мой дух. Взгляните на этот шрам на моем плече и синяки на обеих руках. С тех пор как я попыталась позвать на помощь из окна, они засунули мне в рот кляп. Мое заключение продолжалось пять дней, и все это время мне давали лишь столько пищи, чтобы душа не рассталась с телом. Сегодня утром мне принесли хороший завтрак, но после еды мне стало ясно, что в пищу было что-то подмешано. Сквозь полусон я помню, как меня не то вели, не то тащили к экипажу, а потом — к поезду. Только когда колеса уже дрогнули, я вдруг поняла, что мое освобождение зависит от меня самой. Я выскочила из вагона, они попытались затщить меня обратно, и если бы не помощь этого доброго человека, который посадил меня потом в кеб, я бы никогда от них не убежала. Сейчас, благодарение Богу, я навсегда вырвалась из их рук.

Все мы, затаив дух, слушали этот необыкновенный рассказ. Молчание нарушил Холмс.

— Дело не кончено, — заметил он, покачав головой. — Расследование позади, теперь карты в руки юристам.

— Да уж, — отозвался я, — опытный адвокат изобразит это убийство как самозащиту. В прошлом мог-

ли быть совершены сотни преступлений, но ведь судить их можно только за это последнее.

— Ну, ну, — весело сказал Бэйнс, — я лучшего мнения о наших законах. Самозащита — одно дело, а хладнокровное нападение на человека с целью убийства совершенно другое, какую бы опасность тот для него ни представлял. Так что мы в полном согласии с законом сможем призвать к ответу нашу парочку из «Высоких сводов» на следующей выездной сессии суда в Гилфорде.

Случилось, однако, так, что возмездие настигло Тигра из Сан-Педро не сразу. Хитрый и дерзкий, он со своим компаньоном сбил погоню со следа, войдя в многоквартирный дом на Эдмонтон-стрит и выйдя из него через черный ход на Керзон-скуэр. После этого их больше не видели в Англии. Примерно через шесть месяцев маркиз Монтальва и его секретарь синьор Рулли были убиты в своем номере мадридского отеля «Эскуриал». Убийц не нашли. К нам на Бейкер-стрит пожаловал инспектор Бэйнс с описанием примет убитых: смуглое лицо секретаря, властные черты, кустистые брови и глубоко посаженные глаза хозяина. У нас не осталось сомнений, что правосудие наконец свершилось.

— Это дело — сплошной хаос, дорогой Уотсон, — сказал Холмс, закуривая свою вечернюю трубку. — Вам не удастся изложить его в той сжатой форме, что так дорога вашему сердцу. Оно происходило на двух континентах, действовали в нем две группы загадочных незнакомцев, и ход его еще более осложнило присутствие нашего достойного друга, мистера Скотта Экклза, доказывающее, кстати, что у пригласившего его покойного Гарсии был весьма изобретательный ум и хороший развитый инстинкт самосохранения. Дело это замечательно лишь тем, что, оказавшись в самых настоящих дебрях, мы с нашим хитроумным помощником Бэйном строго придерживались фактов и, таким образом, выбрались из чащи по узкой и извилистой тропе. Есть что-нибудь такое, что осталось для вас непонятным?

— Почему вернулся повар-мулат?

— На мой взгляд, из-за того странного существа, обнаруженного нами на кухне. Человек этот — почти

дикарь из глухих лесов Сан-Педро, и то был его братиш. Когда они с товарищем укрылись в заранее подготовленном убежище, где, без сомнения, обитал кто-то еще из их сообщников, мулата убеждала оставить столь приметный предмет обстановки там, где он есть. Но он не мог с этим примириться, и на следующий день вернулся на виллу разведать, как обстоят дела. Однако, заглянув в окно, он увидел, что в доме устроился полисмен Уолтер. Выждав еще три дня, он решился сделать еще одну попытку, побуждаемый не то благочестием, не то суеверием. Инспектор Бэйнс с обычной для него предусмотрительностью преуменьшил в разговоре со мной значение этого инцидента, но на самом деле понимал его важность и подстроил повару ловушку, в которую тот и угодил. Что-нибудь еще, Уотсон?

— Разодранная птица, ведро с кровью, обуглившиеся кости, и вообще загадка этой странной кухни.

Холмс, улыбнувшись, листал блокнот.

— Я провел целое утро в Британском музее, изучая литературу по данному вопросу. Вот отрывок из книги Эккермана «Шаманство и негритянские религии»: «Истинный идолопоклонник не предпринимает ничего серьезного без жертвоприношения, призванного умиловить его отвратительных богов. В наиболее ответственных случаях этот ритуал принимает форму человеческого жертвоприношения, сопровождающегося людоедством. Чаще всего в жертву приносят белого петуха, которого разрывают на куски, или черного козла, которому перерезают горло, а тело потом сжигают». Как видите, наш друг повар — самый настоящий ортодокс в вопросах ритуала. Это и есть гротеск, Уотсон, — заметил Холмс, неторопливо закрывая свой блокнот, — однако, как я уже имел случай заметить, от гротескного до ужасного — один лишь шаг.

ДЕЛО НЕОБЫЧНОЙ КВАРТИРАНТКИ

Шерлок Холмс активно занимался исследованием преступлений на протяжении двадцати трех лет. В течение семнадцати из них мне посчастливилось помогать ему и вести записи. Поэтому вполне понятно, что сейчас в моем распоряжении огромный материал, и самое сложное — не найти, а выбрать. Ежегодные хроники занимают целую полку. Имеются и объемистые папки с документами. Все это вместе взятое представляет ценнейший источник сведений не только для лиц, изучающих преступность, но и для тех, кого интересуют скандальные происшествия в общественной и политической сферах периода заката викторианской эпохи. Но я могу заверить авторов полных отчаяния писем, умоляющих сохранить репутацию семьи и честное имя предков: у них нет оснований для опасений. Осмотрительность и высокое понимание профессионального долга, всегда отличавшие моего друга, играют решающую роль при отборе дел для моих воспоминаний. Злоупотреблять доверием мы не станем. Я резко осуждаю недавние попытки добраться до этих документов и уничтожить их. Нам известно, от кого они исходили, и Холмс уполномочил меня сообщить: если подобные посягательства повторятся, то все обстоятельства дела, касающегося политического деятеля, маяка и дрессированного баклана, будут немедленно преданы огласке. Тот, кому адресовано данное предупреждение, поймет меня.

Было бы неверным полагать, что всякое дело давало Холмсу возможность продемонстрировать удивительный дар наблюдательности и интуиции, которые я пы-

тался подчеркнуть в своих мемуарах. Порой ему требовались значительные усилия, чтобы добраться до истины, а иногда разгадка внезапно приходила к нему. По правде говоря, ужасающие людские трагедии чаще всего не давали особого простора для раскрытия талантов Холмса. К подобным делам следует отнести и то, о котором я собираюсь рассказать. Излагая его, я изменил лишь некоторые имена и названия, а в остальном все соответствует действительности.

Однажды незадолго до полудня — это было в конце 1896 года — я получил записку от Холмса: он срочно вызывал меня к себе. Когда я приехал на Бейкер-стрит, в полном табачного дыма кабинете уже сидела, расположившись в кресле напротив него, пожилая дама, по виду располневшая хозяйка пансиона или гостиницы.

— Это миссис Меррилоу из Южного Брикстона, — сказал Холмс, указывая рукой в ее сторону. — Если и вы не в силах бороться со своими вредными привычками, Уотсон, можете курить, наша гостья не возражает. Она расскажет любопытную историю, которая в дальнейшем может привести к такому развитию событий, когда ваше присутствие станет необходимым.

— Сделаю все, что в моих силах.

— Видите ли, миссис Меррилоу, если я соглашусь навестить миссис Рондер, мне хотелось бы иметь свидетеля. Надеюсь, вы разъясните ей это, прежде чем мы к ней придем.

— Благослови вас Господь, мистер Холмс, — воскликнула наша посетительница, — она так жаждет встретиться с вами, что можете приводить с собой хоть толпу!

— В таком случае мы приедем сегодня сразу же после полудня. А теперь давайте разберемся, правильно ли я уяснил ситуацию. Вы сказали, что миссис Рондер является вашей квартиранткой вот уже семь лет, но за это время вы только раз видели ее лицо?

— Лучше бы мне вообще его не видеть! — ответила миссис Меррилоу.

— Итак, оно сильно изуродовано.

— Знаете, мистер Холмс, то, что я увидела, вообще едва ли можно назвать лицом. Однажды наш торговец молоком заметил его в окне и уронил свой бидон, разлив молоко по всему саду перед домом. Так оно выглядело. Когда я случайно застала миссис Рондер врас-

плох, она поспешила закрыться, а затем сказала: «Теперь, миссис Меррилоу, вы знаете, почему я никогда не снимаю вуаль».

— Вам известно хоть что-нибудь о ее прошлом?

— Ничего.

— Ее кто-то рекомендовал вам?

— Нет, сэр. У него было много денег. Она не торгуясь выложила плату за три месяца вперед. В наше время такая бедная женщина, как я, не позволит себе упустить подобную клиентку.

— Она объяснила, почему выбрала именно ваш дом?

— Мой дом скромн и невелик, стоит он далеко от дороги и расположен в отдалении от других домов. Кроме того, она выяснила, что я беру всего одного квартиранта, а своей семьи у меня нет. Полагаю, она смотрела несколько домов, но мой подошел ей больше других. Миссис Рондер искала одиночества и покоя и была согласна за них платить.

— Так вы говорите, она не открывала своего лица все то время, что прожила у вас, исключая тот единственный случай? Да, это довольно занимательно. И неудивительно, что вы в конце концов захотели во всем разобраться.

— Дело даже не в том, мистер Холмс. Для меня вполне было бы достаточно того, что она исправно платит за квартиру. Более спокойного жильца — а она не доставляла мне никаких неудобств — трудно найти.

— В чем же тогда дело?

— Меня волнует ее здоровье, мистер Холмс. Она просто тает на глазах. Видимо, ее мучает нечто ужасное. Она вскрикивает во сне. А однажды ночью я слышала, как она кричала: «Жестокий! Зверь! Чудовище!» Это было так жутко. Утром я зашла к ней и сказала: «Миссис Рондер, ведь с вами что-то происходит. Если на душе у вас беспокойно, обратитесь к полиции или священнику. Возможно, кто-то сумеет вам помочь». — «О, только не полицейские! — сказала она. — Да и от священнослужителей я проку не жду. Но тем не менее мне станет гораздо легче, если перед смертью я расскажу правду хоть кому-нибудь». — «Уж коли вы не хотите иметь дело со Скотленд-Ярдом, существует ведь знаменитый частный сыщик, о котором столько пишут». Прошу прощения, мистер Холмс: Миссис Рондер буквально ухватилась за мое предло-

жение. «Именно он-то мне и нужен! — воскликнула она. — Как же мне раньше не пришло в голову! Умоляю, приведите его сюда, миссис Меррилоу. А если он станет отказываться, скажите ему, что я жена Рондера, циркового укротителя хищников. И еще скажите: Аббас Парва». Вот она сама его написала: А-б-б-а-с П-а-р-в-а. «Это должно заставить мистера Холмса прийти, если только он таков, как я о нем думаю».

— Хорошо, миссис Меррилоу, — задумчиво произнес Холмс. — Я приду со своим другом мистером Уотсоном. Часам к трем ждите нас у себя на Брикстоне. А сейчас нам необходимо с ним побеседовать, а это как раз займет время до полудня.

Едва наша посетительница успела выкатиться из комнаты, — по-иному невозможно определить манеру миссис Меррилоу передвигаться, — как Шерлок Холмс с яростной энергией принялся перебирать кипу тетрадей, сваленных в углу, и листать страницы. Это продолжалось несколько минут, пока наконец он не провозгласил с удовлетворением: «Нашел, нашел то, что искал!» Холмс был так возбужден, что и не подумал вернуться в кресло, а уселся прямо тут же, на полу, словно Будда, скрестив ноги. Объемистые тетради для записей были разбросаны вокруг, а одна из них лежала открытой на коленях у моего друга.

— В свое время случай в Аббас Парва привлек мое внимание, дорогой мой Уотсон. Вот видите — здесь на полях заметки, которые свидетельствуют об этом. Должен признаться, мне так и не удалось найти тогда разгадку. Правда, я был убежден в ошибочности выводов судебного следователя. Неужели вы не помните трагедию, происшедшую в Аббас Парва?

— Нет, Холмс.

— А ведь в то время мы жили еще вместе. Конечно, и мои собственные впечатления довольно поверхностны. Информации оказалось явно недостаточно, ни одна из сторон не пожелала воспользоваться моими услугами. Прочитайте записи сами, если хотите.

— Может, вы просто напомните основные моменты?

— Это совсем не сложно. Надеюсь, мой рассказ пробудит вашу память. Имя Рондера, естественно, вам известно. По популярности он соперничал с Уомбвеллом и Сэгнером — знаменитыми владельцами цирковых аттракционов. Однако Рондер начал много пить,

и его дела покатались под уклон. Вот тогда-то и случилась та страшная трагедия. Караван фургонов его передвижного цирка заночевал в Аббас Парва — небольшой деревушке в Беркшире. Цирк направлялся в Уимблдон и остановился здесь на ночлег. Представления не давали. Деревушка была так мала, что располагаться в ней основательно не имело смысла. Кроме прочих зверей, в труппе имелся прекрасный североафриканский лев по кличке Король Сахары. Рондер и его жена работали с ним в его клетке. Вот, поглядите, снимок их выступления, позволяющий увидеть, каким чудищем был сам Рондер и какой необыкновенной красавицей — его жена. В ходе следствия удалось установить, что на каком-то этапе лев стал опасен. Но, видимо, привычность риска породила небрежность, и внимания на это не обратили. Льва кормили по ночам либо сам Рондер, либо его жена. Иногда — оба. Никому другому кормление не доверялось: хищник должен твердо знать своих благодетелей. Так вот, в ту ночь, семь лет назад, когда они вдвоем вошли в клетку, чтобы покормить питомца, разыгралась кровавая драма. Около полуночи весь цирковой лагерь оказался разбужен громким ревом хищника и пронзительными женскими криками. Все служители цирка выбежали из палаток с фонарями, в свете которых их глазам предстало ужасающее зрелище. Метрах в десяти от открытой клетки распростерлось тело Рондера с проломленным черепом и глубокими ссадинами на голове. Возле распахнутой двери навзничь лежала его жена. Разъяренный зверь рвал женщине лицо, и казалось, его не остановить. Несколько артистов цирка, в том числе силач Леонардо и клоун Григс, шестами кое-как отеснили льва. Им удалось загнать его в клетку. Как все это могло произойти? В свидетельских показаниях не содержалось ничего интересного. Правда, кто-то сказал, что миссис Рондер, когда ее переносили в вагончик, кричала в бреду: «Предатель! Трус!» Прошло шесть месяцев, прежде чем она смогла дать показания. Но тем не менее дознание было проведено и завершилось вынесением вердикта: смерть в результате несчастного случая.

— Предполагать что-то иное было бы нелепо, — вмешался я.

— Возможно, вы были бы и правы, друг мой, только некоторые обстоятельства тогда насторожили мо-

лодого следователя Эдмундса из беркширской полиции. О, это был проворный малый! Потом он уехал работать в Индию. От него я и услышал подробности этого дела, когда он однажды зашел ко мне отдохнуть и выкурить трубку.

— Кажется, я его помню: худощавый мужчина с абсолютно белыми волосами.

— Именно! Я полагаю, скоро вы все вспомните.

— Ну а что же его смущало?

— Восстановить ход событий оказалось дьявольски трудно. Представьте себе: лев вырывается на свободу, делает несколько прыжков и оказывается рядом с Рондером. Укротитель обращается в бегство — ведь следы когтей были на затылке. Но лев сбивает его с ног и, вместо того чтобы бежать дальше, возвращается к женщине, находившейся возле самой клетки, и раздирает ей лицо. Как вы считаете, может насторожить такое поведение зверя? Может! Да еще эти восклицания женщины в полубредовом состоянии, которые, видимо, должны были означать, что муж подвел миссис Рондер. Но есть и кое-что более любопытное. В деле имелись показания, утверждавшие, что именно в тот момент, когда зарычал лев и в ужасе закричала женщина, раздался испуганный крик мужчины.

— Без сомнения, это был Рондер.

— Ну, знаете, человек с проломленным черепом едва ли способен кричать. Однако по крайней мере двое свидетелей утверждали, что слышали мужской голос одновременно с женским.

— Вероятно, к тому времени крики уже неслись по всему лагерю. Что же касается остальных пунктов, вызывающих настороженность, то, думаю, смогу предложить разгадку.

— Буду рад услышать.

— Супруги находились шагах в десяти от клетки, когда лев вырвался на свободу. Муж обратился в бегство, но был сбит с ног. Жена решила укрыться в клетке и захлопнуть дверцу, — это было бы для нее единственным спасением. Она бросилась туда и уже почти достигла цели, когда зверь ринулся за ней, догнал и повалил на землю. Действия мужа, который своим бегством возбудил ярость хищника, вызвали справедливый гнев у женщины. Вдвоем они могли попытаться умирить льва. Потому она и воскликнула: «Трус!»

— Блестяще, Уотсон! Правда, в вашей жемчужине имеется существенный изъян.

— Что за изъян, Холмс?

— Если они оба находились на расстоянии десяти шагов от клетки, каким же образом зверю удалось освободиться? И почему он так свирепо набросился на них? Ведь Король Сахары привык работать с хозяевами в клетке и выполнять различные трюки.

— Скорее всего, кто-то непонятным образом разъярил хищника.

Холмс задумался, потом сказал:

— Видите ли, Уотсон, некоторые факты говорят в поддержку вашей версии. Врагов у Рондера было предостаточно. Эдмундс рассказывал мне, каким страшным человеком он становился, когда напивался. Именно воспоминания о покойном, я полагаю, и являлись причиной ночных криков о чудовище, про которое упоминала наша посетительница. Однако пока любые предположения беспочвенны. Вон там на буфете стоит бутылка хорошего вина и холодная куропатка. Нам следует немного подкрепиться, прежде чем отправиться в путь.

Когда экипаж доставил нас к дому, принадлежавшему миссис Меррилоу, дородная хозяйка скромного уединенного жилища ждала у распахнутых дверей. Не вызывало сомнений, что ее главным образом беспокоила перспектива потерять выгодную квартирантку. Поэтому, прежде чем провести нас наверх, миссис Меррилоу попросила не говорить и не делать ничего, способного привести к столь нежелательным последствиям. Успокоив хозяйку, мы проследовали за ней наверх по лестнице, застеленной недорогим ковром, и оказались в комнате, где жила таинственная незнакомка.

Прежде эта женщина держала в неволе диких зверей, а теперь судьба ее самое превратила в существо, загнанное в клетку. Миссис Рондер сидела в продавленном кресле, расположенном в темном углу. Долгие годы бездействия сделали ее фигуру тяжелой, а ведь наверняка в прежние времена она была очень хороша. Лицо квартирантки скрывалось за плотной вуалью, опускавшейся до верхней губы. Открытыми оставались только красивый рот и изящный подбородок. Да, это была незаурядной красоты женщина. И голос у нее оказался ровным и приятным.

— Мое имя вам, конечно, знакомо, мистер Холмс,— произнесла она.— Я знала, что, услышав его, вы непременно придете ко мне.

— Совершенно верно, мадам. Хотя, право, не понимаю, откуда вам известно о моем интересе...

— После выздоровления меня допрашивал мистер Эдмундс из местной полиции. Мне пришлось тогда обмануть его. Возможно, сказать всю правду было разумней?

— В любом случае скрывать истину нехорошо. Но почему же вы ее скрыли?

— Потому что от этого зависела судьба другого человека. Он оказался существом никчемным, я знаю, но мне не хотелось сознательно губить его. Мы были так близки с ним!

— А разве теперь этого препятствия не существует?

— Да, сэр. Мужчина, о котором я говорю, уже мертв.

— Тогда почему бы сейчас не сообщить полиции все, что вам известно?

— Я обязана думать еще об одном человеке — о себе. Публичного скандала и сплетен, которые неминуемо вызовет новое полицейское разбирательство, мне не вынести. Жить и так осталось совсем мало. Хочется умереть спокойно. Но в то же время просто необходимо найти справедливого, рассудительного человека и доверить ему мою печальную историю, чтобы он смог все разъяснить, когда меня не станет.

— Вы мне льстите, мадам. Но у меня свои принципы. Не стану заранее обещать, что после вашего рассказа не сочту своим долгом передать дело в руки полиции.

— Думаю, этого не потребуется, мистер Холмс. Я достаточно хорошо изучила ваши методы работы, поскольку на протяжении семи последних лет слежу за уголовной хроникой. Судьба оставила мне единственное удовольствие — чтение, и я интересуюсь практически всем... Итак, рискну рассказать о своей трагедии.

— Мы готовы внимательно выслушать вас.

Женщина подошла к комоду и достала из ящика фотографию. Человек, изображенный на ней, очевидно, был акробатом. Настоящий атлет удивительного телосложения, снятый со скрещенными на могучей груди огромными руками и улыбкой, пробивающейся

сквозь густые усы,— самодовольной улыбкой мужчины, одержавшего множество побед.

— Это Леонардо,— сказала она.— А это... мой муж.

Второе лицо было ужасным, так явственно выделялись на нем звериные черты. Такой, как у него, отвратительный рот легко представить постоянно чавкающим, с пеной ярости на губах. Во взгляде узких злых глазок ощущалась неприкрытая враждебность, обращенная на весь мир. Обрюзгшая физиономия, на которой словно начертано: грубиян, негодай, чудовище.

— Эти два фото помогут вам, джентльмены, понять историю бедной цирковой девочки, выросшей на арене. В десять лет я уже прыгала сквозь обруч, а когда подросла и повзрослела, Рондер влюбился в меня, если так можно сказать о его низменной страсти. В недобрый час мы заключили брачный союз, и с того дня я словно в ад попала. Он стал дьяволом, постоянно мучившим меня. В цирке все знали, как муж ко мне относился. Бросал меня ради других женщин. А если я начинала протестовать, связывал мне руки и ноги и истязал хлыстом. Меня тайком жалели, его осуждали, но сделать ничего не могли — боялись. Рондер вызывал у окружающих страх, а когда напивался — в нем просыпалась кровожадность. Время от времени его судили за оскорбление действием, угрозы или жестокое обращение с животными, но штрафы ровно ничего для него не значили: денег у него было много. От нас ушли лучшие артисты, и авторитет цирка заметно пошатнулся. Былую славу немного поддерживали только Леонардо, я да наш клоун, мальш Джимми Григс, который старался, как мог, сохранить программу, хотя у него тоже не имелось особых поводов для веселья.

Со временем Леонардо стал все больше и больше входить в мою жизнь. Вы видели, каким он был. Потом-то я узнала, какая мелкая душонка скрывалась за великолепной внешностью. Однако по сравнению с мужем силач казался мне сущим ангелом. Он жалел меня и помогал, чем мог. В конце концов наши отношения переросли в любовь — глубокую и страстную, такую, о какой я лишь мечтала. Муж подозревал нас, но Леонардо был единственным в цирке человеком, которого он побаивался. И Рондер мстил, мучая меня больше обычного. Однажды вечером мои крики услышал Леонардо и прибежал к дверям нашего вагончика,

Трагедии тогда едва удалось избежать, но скоро я и Леонардо, мой любимый Леонардо, поняли, что иного выхода нет: мой муж должен умереть.

Леонардо обладал ясным умом, он-то и придумал все. Говорю это не для того, чтобы обвинить сейчас только его. Я готова была идти с ним на что угодно. Просто на такой план у меня не хватило бы воображения. Мы... Леонардо изготовил тяжелую дубинку и на ее свинцовой головке укрепил пять длинных стальных гвоздей с остриями, торчащими наподобие выпущенных когтей на львиной лапе. Ею и собирались нанести Рондеру смертельный удар, а оставленный след свидетельствовал бы о том, что все совершил лев, которого мы собирались потом выпустить из клетки.

Когда муж и я, по обыкновению, отправились кормить своего Короля, стояла крошечная тьма. В оцинкованном ведре мы несли сырое мясо. Леонардо прятался за углом большого фургона, мимо которого лежал наш путь к клетке. Леонардо замешкался и не успел нанести удар, когда Рондер проходил рядом с ним. Тогда он на цыпочках последовал за нами, и я услышала, как его дубинка проломила мужу череп. Подбежав к клетке, я открыла защелку.

А затем случилось непредвиденное. Вы, вероятно, знаете, как хорошо чувствуют хищники человеческую кровь. Некий неведомый нам инстинкт мгновенно сработал. И едва решетчатая дверь оказалась приоткрытой, зверь выскочил на свободу и в тот же миг ринулся на меня. Леонардо мог прийти на помощь, но растерялся и с воплем ужаса бросился прочь. Я видела все своими глазами. Тут страшные клыки сомкнулись на моем лице. Попыталась руками оттолкнуть огромную окровавленную пасть и позвать на помощь, затем услышала, что наш лагерь пришел в движение. От горячего зловонного дыхания я почти лишилась чувств и уже не ощущала боли. Смутно помню нескольких подбежавших мужчин. Среди других там были Леонардо и Григс. Больше в моем сознании не сохранилось ничего, мистер Холмс. Долгие месяцы прошли в беспмятстве. Когда же наконец я пришла в себя и увидела в зеркале свое лицо... о ужас! Что со мной было! Я проклинала своего Короля за то, что он оставил мне жизнь. Хорошо, что я имела деньги и могла позволить себе уединенную жизнь. словно раненое

жалкое животное, я забила в нору, чтобы ждать своей смерти. Таков конец Эжени Рондер.

Несчастливая женщина завершила свой рассказ, и мы долго сидели молча. Потом Холмс протянул руку и ободряюще похлопал ее по плечу с выражением такого участия, которое я редко наблюдал у него.

— Сочувствую вам,— произнес он.— Судьба обошлась с вами жестоко. Что же стало потом с Леонардо?

— С тех пор я не видела с ним, но не осуждала его, потому что видела, во что превратил меня зверь. Я продолжала любить, хотя Леонардо, бросив меня в когтях зверя, затем покинул вообще. И все-таки я не могла отправить его на каторгу. Поверьте мне, мистер Холмс, вовсе не из страха наказания, грозившего мне самой. Разве есть что-нибудь более ужасное, чем существование, подобное моему?

— А теперь он мертв?

— Да, месяц назад утонул во время купания где-то возле Маргейта. Сообщение о его гибели я прочитала в газете.

— Куда делась его дубинка с пятью когтями? Именно она является самым необычным и неповторимым моментом во всей этой истории.

— Не могу сказать, мистер Холмс.

— Ну, хорошо. Сейчас это не имеет особого значения. Дело-то уже закрыто.

— Да,— ответила женщина,— теперь дело закрыто наверняка.

Мы поднялись, чтобы уйти, но что-то в голосе женщины насторожило Холмса. Он поспешно повернулся к ней.

— Помните, миссис Рондер: жизнь, какой бы она ни была, прекрасна. Жизнь — это судьба, и от судьбы своей нельзя отречься.

— А кому она нужна, такая жизнь? Или судьба, как вы говорите.

— Образец терпения, с которым переносят страдания,— сам по себе полезный урок для нашего беспокойного мира, дорогая Эжени Рондер.

Ее реакция на эти слова оказалась просто страшной. Она подняла вуаль и кинулась к свету.

О, это было ужасно! Никакие слова не способны выразить то, что мы увидели. Прекрасные живые глаза загнанно глядели на нас, а мы видели лишь безобразные руины на ее некогда прекрасном лице.

Когда два дня спустя я зашел к своему другу, он с гордостью указал на небольшой пузырек на каминной полке. Я взял его в руки. Красивая этикетка, какие бывают на ядах. Открыв флакон, я почувствовал приятный миндальный запах.

— Синильная кислота,— определил я.

— Именно. Пришла по почте. Записка гласила: «Посылаю Вам свое искушение. Последую Вашему совету». Думаю, нам не составит труда угадать имя отправителя, Уотсон.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ВИЛЛЕ «ТРИ КОНЬКА»

Мне кажется, ни одно из моих с Шерлоком Холмсом приключений не начиналось столь неожиданно и мелодраматически, как приключение, связанное с виллой «Три конька».

Я несколько дней не виделся с Холмсом и не представлял, по какому новому руслу направлялась тогда его энергия. В то утро мой друг был явно расположен к разговору. Но едва он успел усадить меня в потертое глубокое кресло у камина и удобно расположиться напротив с трубкой во рту, как явился посетитель. Если сказать, что тот вбежал, подобно разъяренному быку, — это точнее изобразило бы происшедшее. Дверь распахнулась внезапно, и в комнату ворвался огромный негр. Не оказавшись он так грозен на вид, его можно было бы назвать комичным — из-за вызывающего костюма в серую клетку и пышного оранжево-розового галстука. Широкое лицо с приплюснутым носом было наклонено вперед, а сердитые темные глаза, в которых горела скрытая угроза, всматривались то в одного из нас, то в другого.

— Который тут Шерлок Холмс, господа? — осведомился он.

Мой друг вяло усмехнулся и поднял вверх свою трубку.

— А, значит, вы? — произнес наш посетитель, обходя стол крадущейся, настораживающей походкой. — Послушайте-ка, масса Холмс, не суйте нос в чужие дела. Пусть люди в Харроу сами управляютя с собственными проблемами. Уяснили, масса Холмс?

— Ну что же вы, продолжайте! — воскликнул мой друг. — Это так интересно.

— Интересно, говорите? — почти крикнул свирепый незнакомец. — Если мне придется вас слегка разукрасить, черта с два вы назовете это интересным. Я уже занимался такими типами, и выглядели они после всего далеко не интересно. Полюбуйтесь-ка, масса Холмс!

И негр помахал перед носом знаменитого сыщика своим внушительным кулаком, напоминавшим обломок скалы. Холмс с нескрываемым интересом осмотрел сжатый кулак.

Возможно, ледяная холодность Холмса или звук, раздавшийся, когда я поднимал кочергу, сделали гостя несколько вежливее.

— Ну ладно! Я честно предупредил вас, — сказал он. — Кое-кто из моих знакомых очень, просто дальше некуда, горит желанием избавиться от вашего вмешательства. Понимаете, что я имею в виду? Я вам, конечно, не указ, но и вы мне тоже. Если сунетесь, я буду поблизости. Помните!

— Давно хотел побеседовать с вами, — сказал Холмс. — Не предлагаю сесть, поскольку не питаю к вам симпатий. Ведь перед нами Стив Дикси, бывший боксер-профессионал, не так ли?

— Да, это я, Стив Дикси. И масса Холмс наверняка почувствует это на собственной шкуре, если попытается морочить мне голову.

— Но ведь именно ею вы и пользуетесь менее всего, — ответил мой друг, пристально глядя на посетителя. — Может, лучше побеседуем об убийстве молодого Перкинса возле бара «Холборн»?

Негр отпрянул, и его лицо побледнело.

— Не терплю подобной болтовни, — сказал он. — Какое мне дело до Перкинса, масса Холмс? Я был в Бирмингеме. Тренировался в «Буллринг», когда этот парень нарвался на неприятности.

— Довольно! Можете убираться. От меня не скроешься, все равно найду в случае необходимости.

— До свидания, масса Холмс. Надеюсь, не сердитесь за визит?

— Следовало бы рассердиться, если не скажете, кому понадобилось посылать вас сюда.

— Тут нет никакого секрета, масса Холмс. Этот человек — Барни Стокдейл.

— А под чью дудку плясал Стокдейл?

— Клянусь, не знаю, масса Холмс. Он просто сказал: «Стив, сходи проведай Шерлока Холмса и пре-

дупреди: если он сунется в Харроу, долго ему не прожить». Вот и все. Я говорю чистую правду.

Не дожидаясь дальнейших расспросов, наш гость выбежал из комнаты. Холмс, тихо усмехнувшись, выбил пепел из трубки.

— К счастью, вам не пришлось испытать на прочность его не слишком разумную голову, Уотсон. От меня не укрылись ваши маневры с кочергой. Но в действительности Дикси — довольно безобидный парень. Просто огромной силы несмышленный хвастливый ребенок. Заметили, как легко удалось его усмирить? Он из шайки Спенсера Джона. Замешан в их последних темных делишках, которые я непременно раскрою. Стивом Дикси командует непосредственно Барни Стокдейл — человек более хитрый. Они занимаются преимущественно запугиванием и избиением. Любопытно, кто стоит за их спинами в данном случае.

— А почему они решили вам угрожать?

— Причиной тому некое происшествие в Харроу. И сегодняшний визит заставляет меня обратить на него особое внимание. Ведь если кто-то так беспокоится, дело должно быть любопытным.

— А что там случилось?

— Я как раз собирался рассказать, когда нас прервал этот нелепый фарс. Миссис Мейберли из Харроу прислала вот это письмо. Если вы готовы составить мне компанию, отправим ей ответ телеграфом — и немедленно в путь.

Письмо гласило:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс!

Я столкнулась с цепью непонятных событий, касающихся моего дома. Буду очень благодарна за совет. Жду Вас завтра в любое время. Вилла расположена всего в нескольких минутах пути от станции Уайлд. Мой покойный супруг, Мортимер Мейберли, кажется, был одним из Ваших первых клиентов. С почтением.
Мэри Мейберли».

Обратный адрес — «Три конька», Харроу Уайлд.

— Вот такая ситуация! — вымолвил Холмс.

Непродолжительное путешествие по железной дороге и еще более короткое на автомобиле — и мы оказались перед строением из кирпича и дерева, виллой, окруженной зеленой лужайкой. Лепные изображения

над окнами верхнего этажа являли собой неубедительную попытку оправдать название. На заднем плане располагалась наводящая уныние рощица низкорослых сосен. В целом место выглядело невзрачно и оставляло гнетущее впечатление. Однако внутри дом был обставлен со вкусом, а встретившая нас пожилая дама оказалась симпатичной, отмеченной печатью истинно высокой культуры.

— Я хорошо помню вашего мужа, мадам, хотя прошло уже немало лет с тех пор, как он воспользовался моими услугами в одном пустяковом деле,— начал Холмс.

— Вероятно, вам лучше знакомо имя моего сына Дугласа?

Холмс взглянул на хозяйку с возросшим интересом.

— Вот как! Значит, вы — мать Дугласа Мейберли? Не скажу, что относился к кругу его близких друзей, но, как любой лондонец, много слышал о нем. Удивительная личность! А где он сейчас?

— Умер, мистер Холмс. Дуглас мертв! Его назначили атташе при нашем посольстве в Риме. В прошлом месяце он скончался там от воспаления легких.

— Простите... Не верится, что смерть властна над такими людьми. Более деятельного и энергичного человека мне не приходилось встречать. Жил в постоянном напряжении, не щадил себя...

— Именно, сэр. Это его и погубило. Помню, каким он был,— сама жизнерадостность и благородство. Немногим довелось увидеть угрюмое, мрачное, озабоченное создание, каким стал мой сын. За какой-то месяц, буквально на глазах, внимательный и почтительный мальчик превратился в усталого циника.

— Несчастливая любовь... Женщина?

— Скорее — демон. Только я пригласила вас, мистер Холмс, вовсе не для разговора о покойном сыне.

— Мы с доктором Уотсоном рады помочь вам.

— Здесь в последнее время стали происходить непонятные вещи. Прошло уже больше года с тех пор, как я перебралась в эту виллу. Живу замкнуто, практически не общаясь с соседями. А три дня назад меня посетил человек, назвавшийся агентом по торговле недвижимостью. Он сообщил, что мой дом именно такой, какой необходим одному из клиентов. Тот готов заплатить большие деньги, если я соглашусь уступить «Три конька». Предложение выглядело странным,

поскольку поблизости продается несколько вполне приличных villas, но, естественно, не могло не заинтересовать меня. И я назначила цену на пятьсот фунтов выше той суммы, что заплатила сама. Мужчина не стал торговаться, только сказал о желании клиента одновременно приобрести и обстановку. Кое-что из мебели сохранилось у нас от старых времен, но, можете убедиться сами, все в хорошем состоянии. Так что сумму я назвала кругленькую. На нее также согласились немедленно. Мне давно хотелось попутешествовать, а сделка была выгодной и позволила бы ни от кого не зависеть до конца моих дней. Вчера агент явился с подготовленным договором. К счастью, я показала документ мистеру Сатро, моему адвокату, живущему здесь же, в Харроу, и тот сказал мне: «Контракт крайне необычен. Знаете, поставив под ним подпись, вы уже не сможете на законном основании вынести из дома ни единой вещи, включая ваши личные». Когда вечером агент пришел снова, я указала ему на подобную странность и добавила, что собиралась продать лишь мебель.

«Нет, нет. Именно все», — возразил он.

«Ну а моя одежда, драгоценности?»

«Для личных вещей будут сделаны некоторые исключения. Только без предварительной проверки из дома нельзя забирать ничего. Мой клиент довольно богат и щедр, но у него имеются определенные причуды и своя манера вести дела. Его условие: все или ничего».

«Тогда лучше ничего», — ответила я. На том и порешили. Однако происшедшее показалось мне необычным, и я решила...

Тут рассказ миссис Мейберли неожиданно оказался прерван. Холмс жестом попросил тишины, затем осторожно пересек комнату и, резко распахнув дверь, втащил внутрь высокую худую женщину, пойманную им за плечо. Та неуклюже сопротивлялась, словно крупный нескладный цыпленок, протестующий, когда его силой вырывают из родного курятника.

— Пустите! Что вы себе позволяете? — вопила она.

— Но в чем дело, Сьюзен? — удивилась хозяйка.

— Понимаете, мадам, я собиралась войти узнать, остаются ли гости к ленчу. А этот господин вдруг схватил меня.

— Я услышал, что кто-то находится за дверью, еще пять минут назад. Просто жаль было прерывать любопытную историю. Страдаете астмой, Сьюзен? Слишком шумно дышите для подобного рода занятий.

Женщина повернула рассерженное и в то же время удивленное лицо к Холмсу, все еще державшему ее в плену.

— Кто вы такой? На каком основании так бросаетесь на людей?

— Просто хотел задать хозяйке один вопрос в вашем присутствии. Вы говорили кому-нибудь о своем намерении обратиться за советом ко мне, миссис Мейребли?

— Нет, мистер Холмс, никому.

— А кто отправлял письмо?

— Сьюзен.

— Вот как? Тогда скажите, Сьюзен, кому вы сообщили, что ваша хозяйка ищет помощи у меня?

— Это ложь! Не было ничего подобного!

— Послушайте, Сьюзен. Астматики обычно долго не живут. А говорить неправду, знаете, грешно. Так кого же вы оповестили?

— Сьюзен! — воскликнула миссис Мейребли. — Продажное, негодное создание! Припоминаю сейчас, что видела, как вы разговаривали с каким-то мужчиной возле забора.

— Это мое личное дело!

— Положим, имя вашего собеседника мне известно и так. Барни Стокдейл. Так?

— Зачем спрашивать, если знаете?

— Полной уверенности не было, а теперь она появилась. Сьюзен, вы можете заработать десять фунтов, если расскажете, кто стоит за Барни Стокдейлом.

— Человек, способный выложить в сто раз больше денег, чем есть у вас.

— О, какой богатый мужчина! А, вы рассмеялись... Что, это женщина? Ну, коли уж мы докопались до таких тонкостей, очевидно, есть смысл назвать ее и получить свою десятку?

— Катитесь-ка к черту!

— Сьюзен, подбирайте выражения.

— Я ухожу отсюда. Вы мне надоели! За вещами пришла завтра. — Служанка бросилась к двери.

— Прощайте, Сьюзен. И примите что-нибудь успокоительное.

Но едва за раскрасневшейся взбешенной женщиной захлопнулась дверь, мой друг продолжил:

— Да, злоумышленники настроены серьезно. Посудите сами, какую рискованную игру они затеяли. На штемпеле письма, полученного мною от вас, стояло время 22.00. Сьюзен сообщила о нем Стокдейлу. Тому пришлось отправиться за инструкциями к своему нанимателю, который (или которая) разрабатывает план действий. Я склонен считать последнее более верным из-за усмешки Сьюзен, подметившей мою ошибку. Нанимают чернокожего Стива Дикси, и на следующее же утро бывший боксер приходит запугать меня. Быстрая реакция, верно?

— Но что им нужно?

— В том-то и вопрос! Кто владел этим домом прежде?

— Морской капитан в отставке по фамилии Фергюсон.

— Чем примечателен?

— Насколько мне известно — ничем.

— А не мог ли он что-нибудь закопать здесь? Правда, сейчас сокровища чаще прячут в обычном банке. Но среди людей всегда находятся личности со странностями. Без них мир стал бы просто скучен. Потому на первых порах я подумал о некоем зарытом кладе. Однако в этом случае непонятно, зачем понадобилась мебель. У вас часом нет картины кисти Рафаэля или первого издания Шекспира, о которых вы умалчиваете?

— Не думаю, что обладаю большей редкостью, чем фафоровый чайный сервиз XVIII века, изготовленный в Дерби.

— Ну, он едва ли способен стать причиной подобных таинственных событий. А кроме того, почему бы не сказать прямо, что именно им требуется? Если уж они так домогаются вашего чайного сервиза, проще предложить за него приличную цену, а не закупать все имущество целиком. Нет, насколько я понимаю, у вас есть нечто такое, о чем вы даже не подозреваете и с чем не пожелали бы расстаться добровольно.

— Мне тоже так кажется, — вмешался я.

— Если и доктор Уотсон согласен, остановимся на этой версии.

— Но, мистер Холмс, о чем же может идти речь?

— Попробуем выяснить методом логического анализа. Вы живете здесь уже год?

— Почти два.

— Тем более. И за все время никому ничего от вас не требовалось. А в последние три-четыре дня — вдруг такие срочные предложения.

— По-моему, возможен единственный вывод, — ответил я. — Интересующий их объект, чем бы он ни был, только что появился в доме.

— Миссис Мейберли, вспомните, имеются у вас какие-нибудь недавно приобретенные вещи?

— В этом году я не покупала решительно ничего.

— В самом деле? Тогда придется подождать дальнейшего развития событий и заодно уточнить некоторые детали. Кстати, ваш адвокат — надежный человек?

— О, на мистера Сатро можно положиться.

— У вас есть еще прислуга, кроме прекрасной Сьюзен, только что хлопнувшей парадной дверью?

— Да. Одна молодая девушка.

— Тогда попытайтесь убедить мистера Сатро в необходимости провести ночь-другую в «Трех коньках». Возможно, вам потребуется защита.

— От кого?

— Кто знает! Дело пока темное. Поскольку установить, за чем ведется охота, не удастся, попытаемся подойти к проблеме с другой стороны. Агент по торговле недвижимостью оставил свой адрес?

— Нет. Только эту карточку: *Хейнес-Джонсон, аукционист и оценщик.*

— Не думаю, что нам удастся найти такого в справочнике. Честные люди не скрывают адресов своих контор. Я берусь за ваше дело и доведу его до конца, можете быть спокойны. Все новости немедленно сообщайте мне.

Когда мы уже направлялись к выходу, взгляд Холмса, привыкшего замечать все детали, упал на несколько сундуков и чемоданов, сваленных в углу зала.

— Милан, Люцерн... Они из Италии?

— Это вещи Дугласа.

— Их не распаковывали? Давно они здесь?

— Прибыли на прошлой неделе.

— А вы говорили... Тут как раз и может таиться недостающее звено. Откуда вам известно, что в них нет ничего ценного?

— Там ценного просто быть не должно, мистер Холмс. Мой несчастный сын жил только на жалованье. Откуда взяться дорогим вещам при таком небольшом годовом доходе?

— И все же, миссис Мейберли, медлить не следует. Прикажите перенести вещи Дугласа к себе в спальню и осмотрите их как можно скорее. Завтра я приеду узнать о результатах.

Не вызывало сомнений, что вилла «Три конька» под пристальным наблюдением: когда мы, пройдя по аллее, оказались за высокой оградой, то увидели знакомого нам боксера. Он словно вырос из-под земли. Его грозная фигура в столь уединенном месте выглядела особенно злобещей, и Холмс поспешил опустить руку в карман.

— Ищете револьвер, масса Холмс?

— Нет, флакон с духами, Стив.

— Вы шутник, масса Холмс, не так ли?

— Вам, Стив, будет не до смеха, если вынудите меня заняться вашими делишками. Я ведь предупреждал сегодня утром.

— Ладно, масса Холмс. Поразмыслив над вашими словами, не желаю продолжать беседу об истории господина Перкинса. Допустим, Стив Дикси не прочь оказать содействие Шерлоку Холмсу.

— Тогда ответьте: кто стоит за вами в этом деле?

— Чтоб мне провалиться, если я знаю, масса Холмс. Я сказал правду. Мой босс Барни просто дал указания, вот и все.

— Довольно! Только помните, Стив, дама, живущая в «Трех коньках», и ее имущество находятся под моей охраной. Не забывайте!

— Хорошо, масса Холмс. Запомню!

Когда мы двинулись дальше, Холмс заметил:

— Он не на шутку испугался за собственную шкуру, Уотсон. Думаю, он выдал бы своего нанимателя, если б знал. К счастью, мне кое-что известно про шайку Спенсера Джона, а Дикси принадлежит к ней. Мне кажется, доктор, что все происходящее в Харроу как раз в компетенции Ленгдейла Пайка. Отправляюсь к нему прямо сейчас. Когда вернусь, ситуация должна несколько проясниться.

В тот день мне больше не довелось увидеть Холмса, но я легко мог предвидеть, чем именно занимался мой друг, поскольку Ленгдейл Пайк являл собой жи-

вой справочник по всем вопросам, касающимся светских скандалов. Это странное апатичное создание весь период бодрствования проводило у большого окна в клубе на Сент-Джеймс-стрит и служило своеобразным приемником и одновременно передатчиком любых сплетен, какие только имелись в Англии. Поговаривали, что Пайк зарабатывает десятки тысяч за статьи, поставляемые каждую неделю грязным бульварным газетенкам, которые обслуживают любопытствующую публику. Едва только где-то далеко, в мутных глубинах лондонской жизни, возникали необычные водовороты или завихрения, как с механической точностью все они регистрировались на поверхности прибором по имени Ленгдейл Пайк. Иногда Холмс предусмотрительно снабжал Ленгдейла Пайка соответствующей информацией, и в отдельных случаях тот, в свою очередь, помогал знаменитому сыщику.

Когда на следующее утро я нашел своего друга в кабинете, вид Холмса свидетельствовал, что наши дела не столь уж плохи. Но тем не менее нас ожидал неприятный сюрприз в виде телеграммы следующего содержания:

«Приезжайте немедленно. Ночью ограблен дом клиентки. Полиция приступила расследованию. Сатро». Холмс присвистнул.

— Действие достигло кульминации, и притом гораздо скорее, чем я ожидал. За происшедшим ощущается мощная движущая сила, Уотсон. И это неудивительно, учитывая сведения, полученные от Пайка. Я допустил оплошность, не попросив вас, доктор, подежурить ночью на вилле. Юрист явно не оправдал надежд. Ну да ничего не остается, как вновь отправиться в Харроу Уайлд!

Сразу бросалось в глаза, что на сей раз «Три конька» заметно отличались от образцового дома, каким он был вчера. Перед воротами толпились зеваки. Двое полицейских осматривали окна и клумбы, засаженные геранью. Внутри нас встретил седовласый пожилой мужчина, представившийся адвокатом Сатро. Здесь же суетился румяный инспектор, который поприветствовал Холмса, как старинного приятеля.

— Думаю, мистер Холмс, данное дело не для вас! Самое обычное бесхитростное ограбление. Его вполне способна раскрыть и старомодная полиция. Крупные специалисты тут не требуются.

— Убежден, что расследование находится в надежных руках,— ответил знаменитый сыщик.— Значит, простая кража со взломом, вы говорите?

— Именно! Мы прекрасно осведомлены, чья это работа и где найти преступников. Это совершила банда Барни Стокдейла. В ней состоит негр. Их видели поблизости.

— Великолепно! А что похищено?

— Добыча налетчиков, кажется, оказалась невелика. Миссис Мейберли усыпили, а дом... Кстати, вот и сама хозяйка.

В комнату вошла наша вчерашняя знакомая, опиравшаяся на руку девушки-служанки.

— Вы дали мне правильный совет, мистер Холмс,— произнесла миссис Мейберли с горькой усмешкой.— Но, к сожалению, я ему не последовала. Не хотела беспокоить мистера Сатро. Вот и оказалась совершенно беззащитной.

— Мне сообщили о случившемся сегодня утром,— пояснил адвокат.

— Мистер Холмс рекомендовал пригласить в дом кого-нибудь из друзей. Я пренебрегла его опытом и поплатилась за это.

— У вас крайне болезненный вид,— начал Холмс.— Сможете рассказать о происшедшем?

— Все уже записано здесь,— вмешался инспектор и похлопал по объемистой записной книжке.

— И тем не менее, если мадам не слишком устала...

— Поверьте, мне почти нечего сообщить. Не сомневаюсь, что злодейка Сьюзен помогла грабителям проникнуть в дом. Они знали расположение комнат как свои пять пальцев. На мгновение я ощутила мокрый лоскут, закрывший мне лицо. Не представляю, сколько лежала без чувств.

— Что они забрали?

— Едва ли исчезло что-то ценное. Я уверена, в сундуках моего сына подобного не было и в помине.

— Неужели бандиты не оставили следов?

— Лишь один листок... Бумажка валялась на полу. Она вся исписана рукой Дугласа.

— Нам от нее мало толку,— подвел итог инспектор.— Вот если бы там оказался почерк преступника...

— Несомненно,— вмешался Холмс.— Непокоримый здравый смысл! Но все же любопытно взглянуть.

Инспектор достал из записной книжки свернутый лист.

— Никогда не прохожу мимо улики, даже столь ничтожных, — несколько напыщенно произнес он. — Советую и вам поступать так, мистер Холмс. Меня научил этому двадцатипятилетний опыт. Всегда есть шанс обнаружить отпечатки пальцев или еще что-нибудь.

Холмс принялся осматривать бумагу.

— Каково ваше мнение, инспектор?

— По-моему, эта история напоминает окончание странного романа.

— Да, это вполне может оказаться необычным финалом, — тихо промолвил Холмс. — Вы заметили номер в верхней части страницы? Двести сорок пять! А где остальные двести сорок четыре?

— Полагаю, их унесли грабители. Что и говорить — ценный трофей. Забираться в дом с намерением украсть подобную рукопись — по крайней мере, нелепо.

— А это не наводит вас ни на какие мысли?

— Полагаю, в спешке грабители просто схватили первое, что попало под руки. Все указывает на это. Пусть теперь радуются своей добыче. Видимо, не найдя ничего ценного на нижнем этаже, они решили попытаться счастья наверху. Такова моя версия. А как считаете вы, мистер Холмс?

— Тут необходимо хорошенько поразмыслить. Уотсон, подойдите сюда, к окну.

Когда я встал рядом с Холмсом, тот прочел вслух написанное на обрывке листа. Первая фраза начиналась следующим образом:

«...по лицу текла кровь из ран от порезов и ударов. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, как обливалось кровью его сердце при виде прекрасного лица, ради которого он готов был пожертвовать даже жизнью. Женщина засмеялась. Да, можно было поклясться чем угодно, что она именно смеялась, как безжалостный демон, в тот момент, когда он взглянул на нее. Мгновенно любовь умерла, и родилась ненависть. Ведь мужчина должен жить ради чего-то. Если не ради вашей взаимности, мадам, то уж наверняка ради моей мести, несущей вам гибель».

— Странное обращение с грамматическими формами, — с усмешкой сказал Холмс, возвращая бумагу ин-

спектору. — Заметили, как «его» вдруг сменилось на «мое»? Автор настолько увлекся, что в критический момент поставил себя на место героя.

— Эта писанина кажется до ужаса бездарной, — сказал инспектор, кладя листок в записную книжку. — Как?! Вы уже уходите, мистер Холмс?

— Полагаю, что мне здесь больше нечего делать, поскольку дело расследуется столь компетентно. Кстати, миссис Мейберли, помнится, вы упоминали о желании попутешествовать?

— Давно мечтаю об этом, мистер Холмс.

— А куда бы вы хотели отправиться? Каир, Мадейра, Ривьера?

— О, будь у меня достаточно средств, я совершила бы кругосветное путешествие.

— Вот как! Значит, вокруг света... Ну что ж, до свидания. Не исключена возможность, что я черкну вам пару строк вечером.

Проходя мимо окна, я заметил, как инспектор усмехнулся и покачал головой. Ухмылка его словно говорила: «У ловких малых всегда есть свои заскоки».

Когда мы вновь окунулись в шум города, Холмс произнес:

— Теперь наше приключение подходит к последнему этапу, Уотсон. Думаю, следует, не откладывая, довести расследование до конца.

Мы сели в кеб и поспешили в направлении Гросвенор-скуэр. Холмс погрузился в глубокое раздумье, затем, словно внезапно очнувшись, промолвил:

— Уотсон, надеюсь, теперь вам все ясно?

— Не сказал бы. Я понял лишь то, что мы намерены навестить леди, стоящую за происшествием в Харроу.

— Именно! Но разве имя Айседоры Кляйн ни о чем не говорит вам? Известная светская красавица. Тут едва ли кто мог с ней сравниться. Чистокровная испанка, прямая наследница властных конкистадоров. Ее предки правили в Пернамбуко. Вышла замуж за пожилого сахарного короля из Германии — Кляйна — и вскоре оказалась самой богатой и привлекательной вдовой на свете. Настала пора развлечений. У нее было множество поклонников. В их числе оказался и Дуглас Мейберли — один из наиболее примечательных мужчин Лондона. По всей вероятности, у него это было серьезно. Не пустой светский кавалер, а че-

ловец, сильный и гордый, он отдался чувству целиком и требовал того же взамен. А Айседора Кляйн представляла собой истинную героиню старинного романа — безжалостную красавицу.

— Значит, герой нашего повествования — он сам?

— О, наконец-то вы начали понимать. Я слышал, Айседора собирается замуж за молодого графа Ломонда. Тот годится ей почти в сыновья. Мать его светлости способна закрыть глаза на разницу в возрасте, но уж не на публичный скандал. Поэтому возникла необходимость... Да вот мы уже и прибыли.

Дом выглядел одним из наиболее изысканных в Уэст-Энде. Лакей, словно некий механизм, принял наши визитные карточки и скоро вернулся сообщить, что леди нет дома.

— Мы ее подождем, — бодро ответил Холмс.

Отлаженный механизм не выдержал.

— Нет дома — означает: нет для вас, — произнес он.

— Отлично! — сказал мой друг. — Следовательно, нам не придется тратить время на ожидание. Будьте любезны передать хозяйке эту записку.

Он черкнул несколько слов на листке из своего блокнота, свернул и отдал слуге.

— Что вы написали, Холмс? — поинтересовался я.

— Единственную фразу: «Неужели вы предпочитаете полицию?» Думаю, это поможет нам пройти в дом.

Так и случилось. Минуту спустя мы были уже в гостиной, напоминающей сказку «Тысячи и одной ночи», — огромной и великолепной. Немногочисленные розоватые светильники оставляли комнату в полумраке. Чувствовалось, что леди Кляйн уже достигла той поры жизни, когда даже самая надменная красота начинает отдавать предпочтение умеренному освещению.

С небольшого дивана поднялась высокая величественная женщина с прекрасной фигурой и милым неподвижным лицом. Удивительные глаза испанки глядели на нас, словно хотели испепелить.

— Как понимать ваше вторжение и оскорбительные намеки? — воскликнула Айседора Кляйн, протягивая записку.

— Разве объяснения необходимы, мадам? Я достаточно уважаю ваш ум, чтобы снизить до них.

Правда, последние дни дали мне право несколько усомниться...

— Отчего же?

— Оттого, мадам, что вы решили запугать меня наемными громилами и тем самым отстранить от дела. Однако не учли вы одного — человек выбирает себе подобный род занятий, если его привлекают именно опасности. Таким образом вы сами заставили меня заняться расследованием дела Мейберли.

— Не имею понятия, о чем вы говорите. Какое отношение я имею к бандитам?

— Да, я действительно переоценил вашу сообразительность. Прощайте.

— Постойте! Куда же вы?

— В Скотленд-Ярд.

Мы не успели пройти и половины пути к двери — Айседора Кляйн догнала нас и взяла моего друга за руку. В одно мгновение стальная твердость сменилась мягкостью бархата.

— Господа, давайте обсудим ситуацию. Чувствую, что могу говорить с вами откровенно, мистер Холмс. Вы создаете впечатление истинного джентльмена. Инстинкт женщины безошибочен: я вижу в вас друзей.

— Не стану пока утверждать подобное о себе, мадам. Хотя я и не олицетворяю закон, но, насколько мне позволяют ограниченные мои полномочия, я являюсь представителем правосудия. Готов вас выслушать, после чего смогу сообщить, как намерен поступить дальше.

— О, конечно же, попытка запугать столь храброго человека была просто глупостью с моей стороны.

— Но еще неосмотрительней с вашей стороны было то, что вы, мадам, попали в зависимость от шайки злодеев, способных вас шантажировать и даже выдать полиции.

— Ну нет! Я не так проста. Раз уж пообещала быть искренней, то скажу все. Кроме Барни Стокдейла и его жены Сьюзен, никто не имел ни малейшего представления, на кого работал. А что касается тех двоих, им не впервой...

Айседора Кляйн улыбнулась с очаровательным кокетством, словно близкому знакомому.

— Понятно! Они уже испытаны вами.

— Да, это верные псы...

— Напрасно вы так верите им. Подобные создания могут и укусить руку, кормящую их. Стокдейлов непременно арестуют за участие в ограблении. Полиция охотится за ними.

— Они готовы принять наказание. За то им и платят. Мое же имя в деле упоминаться не будет.

— Если только я не сочту необходимым...

— О нет. Джентльмены не обходятся так с секретами, принадлежащими даме.

— Вам следует вернуть рукопись.

Айседора Кляйн рассмеялась и подошла к камину, где возвышалась обугленная черная масса.

— Неужели вот это вам может понадобиться? — осведомилась она.

Женщина, стоявшая перед нами с вызывающей усмешкой, выглядела дерзкой и одновременно изящной и привлекательной. Однако Холмс не пошел на поводу у сентиментальности.

— Тем самым вы решили свою участь, мадам, — холодно произнес он. — Ваши действия отличались быстротой и точностью, но теперь вы зашли слишком далеко.

— Не будьте так безжалостны, мистер Холмс. Я расскажу вам всю историю...

— Думаю, я теперь уже и сам способен сделать это.

— Но попытайтесь взглянуть на все моими глазами, мистер Холмс. Постарайтесь понять ситуацию, в какую попала женщина, чьи честолюбивые устремления должны внезапно, в самый последний момент, рухнуть. Справедливо ли винить ее за попытку защититься? Да, Дуглас был славным юношей, но совсем не подходил для моих планов. Он хотел на мне жениться. Я не могла позволить себе вступить в брак с человеком без титула и денег. Поскольку сначала я была несколько уступчива, Дуглас вообразил, что может предъявлять мне претензии. Теперь это оказалось невыносимым, и в конце концов пришлось развеять его иллюзии...

— ...наняв хулиганов, избивших его прямо у ваших дверей?

— О, вы и в самом деле производите впечатление человека информированного. Да, это правда, мистер Холмс. Барни и его ребята обошлись с Дугласом, готова признать, достаточно грубо. Но что же Дуглас придумал в отместку? Могла ли я ожидать подобного от джентльмена? Он написал книгу, в которой изобразил

собственную историю. И, конечно же, мне отвел в ней роль хищника, а себе — ягненка. Там рассказывалось обо всем, только имена, естественно, были вымышленными. Но разве хоть для одного лондонца истина осталась бы тайной? Как вы считаете, мистер Холмс?

— Он имел на это полное право.

— Воздух Италии словно вскружил ему голову и придал безжалостности. Дуглас написал мне письмо и одновременно прислал экземпляр своего творения. По его словам, один из двух экземпляров предназначен для меня, другой — для издателя.

— Откуда вам известно, что Дуглас Мейберли еще не привел свою угрозу в исполнение?

— Установить имя издателя не составило труда. Как удалось выяснить, из Италии ему пока не поступало ничего. И тут вдруг скоропостижная смерть Дугласа. Я не могла чувствовать себя в безопасности, пока где-то существовал еще один экземпляр рукописи. Скорее всего, рукопись должна была находиться среди его вещей, которые вернули матери, подумала я. И мои люди принялись за работу. Сюзен устроилась служанкой в дом миссис Мейберли. Я намеревалась действовать по справедливости. Поверьте, это так! Попыталась купить дом со всеми вещами. Была готова уплатить любую цену, названную хозяйкой. Но когда сделка сорвалась, пришлось обратиться к иным средствам. Поступить иначе оказалось невозможным, мистер Холмс. На карте стояло мое будущее.

— Ладно, — сказал Холмс. — Думаю, в данном случае придется отказаться от судебного преследования и потребовать компенсации. Во сколько обойдется кругосветное путешествие в каюте первого класса?

Айседора Кляйн взглянула на моего друга с удивлением.

— Пяти тысяч фунтов достаточно?

— Вполне, мадам, — ответил я.

А Холмс добавил:

— Хорошо, вы подпишете чек на такую сумму, и я сам позабочусь, чтобы миссис Мейберли получила деньги. Она заслужила того, чтобы на некоторое время переменить обстановку. Но вот что еще, мадам: будьте осторожнее. Нельзя постоянно играть острыми предметами, не порезав при этом свои нежные ручки.

ЗАГАДКА ПОМЕСТЬЯ ШОСКОМБ

Шерлок Холмс довольно долго сидел, склонившись над микроскопом. Наконец он выпрямился и торжественно повернулся ко мне.

— Это клей, Уотсон! — воскликнул он. — Несомненно, это столярный клей. Взгляните-ка на эти частички!

Я наклонился к окуляру и подстроил фокусировку.

— Волоски — это ворсинки с пальто из твида. Серые комочки неправильной формы — пыль. Ну а коричневые маленькие шарики в центре — не что иное, как клей.

— Допустим, — сказал я с усмешкой. — Готов поверить вам на слово! И что из этого вытекает?

— Но это же прекрасное доказательство, — ответил Холмс. — Вы, вероятно, помните дело Сент-Панкрас: рядом с убитым полицейским найдено кепи. Обвиняемый отрицает, что кепи принадлежит ему. Однако он занимается изготовлением рам для картин и постоянно имеет дело с клеем.

— А разве вы взялись за это дело?

— Мой приятель Меривейл из Ярда попросил ему помочь. С тех пор как я вывел на чистую воду фальшивомонетчика, найдя медные и цинковые опилки в швах на его манжетах, полиция начала осознавать важность микроскопических исследований.

Холмс нетерпеливо поглядел на часы.

— Ко мне должен прийти новый клиент, но что-то задерживается. Кстати, Уотсон, вы что-нибудь понимаете в скачках?

— Еще бы! Я отдал за это почти половину своей пенсии по ранению.

— В таком случае использую вас в качестве спра-
вочника. Вам ни о чем не говорит имя сэра Роберта
Норбертона?

— Почему же. Он живет в старинном поместье
Шоскомб. Я как-то провел там лето и хорошо знаю те
места. Однажды Норбертон вполне мог попасть в сфе-
ру ваших интересов.

— Каким образом?

— Он избил хлыстом Сэма Брюэра, известного рос-
товщика с Керзон-стрит. Еще немного, и он убил бы
его.

— И часто он позволяет себе такое?

— Ну, вообще-то его считают опасным человеком.
Это один из самых бесстрашных наездников в Англии.
Он из тех, кто родился слишком поздно: во времена ре-
гентства это был бы истинный денди — спортсмен, бок-
сер, лихой кавалерист, ценитель женской красоты и,
по всей видимости, так запутан в долгах, что уже ни-
когда из них не выберется.

— Превосходно, Уотсон! Хороший портрет. Я слов-
но увидел этого человека. А не могли бы вы теперь
рассказать что-нибудь о самом поместье Шоскомб?

— Только то, что оно расположено среди Шос-
комбского парка и известно своей скаковой конюшней.

— А главный тренер там — Джон Мейсон, — не-
ожиданно сказал Холмс. — Не следует удивляться мо-
им познаниям, Уотсон, потому что в руках у меня пись-
мо от него. Но давайте еще немного поговорим о Шос-
комбе. Кажется, мы напали на неисчерпаемую тему.

— Еще стоит упомянуть о шоскомбских спание-
лях, — продолжал я. — О них можно услышать на каж-
дой выставке собак. Одни из самых породистых в Ан-
глии — гордость хозяйки поместья.

— Супруги сэра Роберта?

— Сэм Роберт никогда не был женат. Он живет
вместе с овдовевшей сестрой, леди Беатрис Фоллер.

— Вы хотели сказать, что она живет у него?

— Нет, нет. Поместье принадлежало ее покойному
мужу, сэру Джеймсу. У Норбертона нет на него ника-
ких прав. Поместье дает небольшую ежегодную ренту.

— И эту ренту, я полагаю, тратит ее братец Роберт?

— Наверное, так. Человек он очень тяжелый, и
жизнь с ним для нее нелегка. Но я слышал, леди Беат-
рис привязана к брату. Так что же произошло в Шос-
комбе?

— Это я и сам хотел бы узнать. А вот, кажется, и тот человек, который сможет нам все рассказать.

Дверь открылась, и мальчик-слуга провел в комнату высокого, отменно выбритого человека со строгим выражением лица, какое встречается лишь у людей, привыкших держать в повиновении лошадей или мальчишек. Он холодно и сдержанно поздоровался и сел в предложенное ему Холмсом кресло.

— Вы получили мое письмо, мистер Холмс?

— Да, но оно ничего не объясняет.

— Я считаю дело слишком щепетильным, чтобы излагать подробности на бумаге. И к тому же слишком запутанным. Предпочитаю сделать это с глазу на глаз.

— Прекрасно! Мы в вашем распоряжении.

— Прежде всего, мистер Холмс, я думаю, что мой хозяин, сэр Роберт, сошел с ума.

Холмс вопросительно вскинул брови.

— Но ведь я сыщик, а не психиатр,— произнес он. — А, кстати, почему вам это показалось?

— Видите ли, сэр, если человек поступает странно один раз, другой, то, возможно, этому можно найти и иное объяснение. Но если странным выглядит все, что он делает,— это наводит на определенные мысли. Мне кажется, Принц Шоскомба и участие в дерби помutilи его рассудок.

— Принц — это жеребец, которого вы тренируете?

— Лучший во всей Англии, мистер Холмс. Уж кому, как не мне, знать об этом. Буду откровенен с вами, так как чувствую, что вы люди слова и все сказанное здесь не выйдет за пределы вашей комнаты. Сэр Роберт просто обязан выиграть дерби. Он по уши в долгах, и это его последний шанс. Все, что он смог собрать и занять, поставлено на этого коня. Сейчас ставки на Принца один к сорока. Прежде же он шел чуть ли не один к ста.

— Почему цена упала, если конь так хорош?

— Никто пока не знает этого, но сэр Роберт перехитрил всех, тайком собирающих сведения о лошадях. Он выводит на прогулки единокровного брата Принца. Внешне их невозможно отличить, но на скачках уже через двести метров Принц обгонит его на два корпуса. Сэр Роберт думает только о дерби и Принце Шоскомба. От этого сейчас зависит вся его жизнь. Кредиторов удалось уговорить подождать до дня ска-

чек, но если Принц подведет, Норбертон — человек конченный.

— Да, игра рискованная, но при чем же тут сумасшествие?

— Ну, во-первых, достаточно просто посмотреть на него. Не думаю, что он спит по ночам, почти все время проводит в конюшне. А взгляд у него просто дикий. И еще — его поведение по отношению к леди Беатрис! Они всегда были очень дружны: у них один вкус, одни пристрастия. Леди любила лошадей не меньше, чем ее брат. Каждый день в одно и то же время она приезжала поглядеть на них. Принц Шоскомба нравился и ей больше других. А Принц настораживал уши, слышав скрип колес, и выбегал навстречу, чтобы получить непременно кусочек сахара. Но сейчас все изменилось. Она потеряла всякий интерес к лошадям. Вот уже целую неделю она проезжает мимо конюшни и ни с кем не здоровается!

— Вы полагаете, они поссорились?

— И притом не на шутку. Иначе почему бы он избавился от ее любимца спаниеля, к которому она относилась как к ребенку? Несколько дней назад сэр Роберт отдал собаку старому Барнесу, владельцу «Зеленого дракона» в Крендалье, в трех милях от поместья.

— Вот это действительно странно.

— Конечно, из-за больного сердца и водянки леди Беатрис передвигалась с трудом и не могла совершать с братом прогулки, но сэр Роберт ежевечерне проводил два часа в ее комнате. Он старался сделать для нее все, что мог, и она относилась к брату с любовью. Но все это уже в прошлом. Теперь он и близко к ней не подходит. А она это переживает. Даже начала пить, мистер Холмс, пить как сапожник. Бутылку за вечер может выпить. Мне об этом рассказал Стивенс, наш дворецкий. Так что изменилось многое, мистер Холмс. И в этом есть что-то ужасное. Да к тому же сэр Роберт уходит ночами в склеп под старой церковью. Что он там делает? С кем встречается?

Холмс удовлетворенно потер руки.

— Продолжайте, мистер Мейсон. Дело становится все более интересным.

— Дворецкий видел, как сэр Роберт шел туда в полночь под проливным дождем. На следующую ночь я спрятался за домом и видел, как он шел туда опять. Мы со Стивенсом двинулись за ним, но очень осторож-

но. Ох, как бы нам непоздоровилось, если бы он заметил. В гневе он ужасен. Сэр Роберт направлялся именно к склепу, и там его ждал какой-то человек.

— А что представляет собой этот склеп?

— Понимаете, сэр, в парке стоит полуразвалившаяся древняя часовня — никто не знает, сколько ей лет. Под часовней имеется склеп, пользующийся дурной славой. Там пустынно, сыро и темно даже днем. А ночью немногие решатся подойти туда. Хозяин, правда, смел и никогда ничего не боялся. Но все равно, что ему там делать ночью?

— Подождите, — вмешался Холмс. — Вы сказали, там был и другой человек. Вероятно, кто-то из домашней прислуги или с конюшни?

— Он не из наших!

— Почему вы так думаете?

— Потому что сам видел его вблизи, мистер Холмс, в ту вторую ночь. Когда сэр Роберт шел мимо нас обратно, мы со Стивенсом дрожали в кустах, точно два кролика, так как ночь была лунная и он мог нас заметить. Потом послышались шаги того, другого. Его-то мы не боялись. И едва сэр Роберт отошел подальше, мы поднялись и, притворившись, что просто гуляем при луне, вроде бы случайно приблизились к незнакомцу. «Здорово, приятель! — говорю я ему. — Ты кто такой?» Он не заметил, как мы подошли, и здорово испугался. На обратившемся в нашу сторону лице застыл такой испуг, словно перед ним появился сам сатана. Он громко вскрикнул и бросился бежать. И надо отдать ему должное, бегать он умел! В одно мгновение скрылся из виду.

— Но вы хоть хорошо разглядели его в свете луны?

— Да. Готов поклясться, что опознал бы это отвратительное лицо. Типичный бродяга. Что у него могло быть общего с сэром Робертом?

— Кто прислуживает леди Беатрис Фолдер? — спросил Холмс после некоторой задумчивости.

— Горничная Керри Ивенс. Она у нее уже пять лет.

— Конечно же, предана хозяйке?

Мейсон неловко заерзал на месте.

— Предана-то предана, — ответил он. — Правда, трудно сказать — кому.

— О! — только и вымолвил Холмс.

— Мне не хотелось бы выносить сор из избы...

— Понимаю вас, мистер Мейсон. Ситуация деликатная. Судя по описанию сэра Роберта, данному доктором Уотсоном, я могу сделать вывод: перед ним не устоит ни одна женщина. А не кажется ли вам, что в этом может крыться и причина размолвки между братом и сестрой?

— Их отношения были очевидными давно.

— Но возможен вариант, что леди Беатрис прежде не замечала этого. А когда узнала, решила избавиться от горничной, но брат не позволил ей сделать это. Больная женщина смогла настоять на своем. Служанка, которую она так возненавидела, остается при ней. Леди Беатрис перестает разговаривать, грустит, начинает пить. Брат в гневе отбирает у нее любимого спаниеля. Разве здесь не все сходится?

— Все это вполне правдоподобно, но как быть с остальным? Как связать это с ночными визитами в старый склеп? Они не укладываются в эту схему. И еще есть одно, что в нее не укладывается. Зачем сэру Роберту понадобилось доставать мертвое тело?

Холмс резко выпрямился.

— Да-да, мы обнаружили его только вчера, уже после того, как я отправил вам письмо. Сэр Роберт уехал в Лондон, и мы со Стивенсоном отправились в склеп. Там все было как обычно, мистер Холмс, только в одном из углов лежали останки человека.

— Я полагаю, вы сообщили в полицию?

Наш посетитель мрачно усмехнулся.

— Думаю, они едва ли заинтересовались бы, потому что, сэр, это была уже высохшая мумия.

— И что же вы сделали?

— Оставили все как было.

— Разумно. Вы говорили, что сэр Роберт был вчера в отъезде. Он уже вернулся?

— Ждем его сегодня.

— А когда сэр Роберт отдал собаку своей сестры?

— Ровно неделю назад. Бедное создание, спаниель был ночью возле старого колодца, чем вызвал у Роберта приступ гнева. Утром он поймал собаку, и вид у него был такой, что я решил: убьет! Но он отдал спаниеля Сэнди Бейну, нашему наезднику, и велел отвезти к старику Барнесу в «Зеленый дракон», потому что не желал его больше видеть.

Некоторое время Холмс сидел молча и размышлял, раскуривая свою старую закопченную трубку.

— Мистер Мейсон,— произнес он наконец,— я не совсем понимаю, что от меня требуется.

— Вероятно, вот это позволит сделать некоторые уточнения, мистер Холмс,— ответил наш посетитель. Он вытащил из кармана небольшой сверток и, осторожно развернув бумагу, достал обуглившийся кусок кости.

Холмс с интересом принялся изучать.

— Где вы это взяли?

— В подвале дома, прямо под комнатой леди Беатрис, расположена печь центрального отопления. Некоторое время ею не пользовались, но как-то сэр Роберт пожаловался на холод и приказал начать топить. Обязанности истопника сейчас выполняет Харвей, один из моих парней. Он-то и принес мне эту кость сегодня утром. Нашел в золе, которую выгребал из печи. Ему не понравилось все это, и он...

— Мне тоже не нравится, — произнес Холмс. — Что вы думаете по этому поводу?

Кость обгорела почти дочерна, но ее форма сохранилась.

— Это верхняя часть человеческой берцовой кости,— ответил я.

Холмс внезапно посерьезнел.

— А когда этот парень обычно топит печь?

— Харвей растапливает ее вечером, а потом уходит спать...

— Значит, ночью в подвал мог зайти кто угодно?

— Да, сэр.

— Можно ли попасть туда со двора?

— Да. Одна дверь выходит прямо на улицу, другая — на лестницу, которая ведет в коридор перед комнатой леди Беатрис.

— Дело зашло далеко, мистер Мейсон, и принимает скверный оборот. Вы говорили, что этой ночью сэра Роберта не было в поместье?

— Да, сэр.

— Значит, кости сжигал в печи не он.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Как называется гостиница, которую вы упоминали?

— «Зеленый дракон».

— А есть где порыбачить в той части Беркшира?

По лицу нашего гостя, не умевшего скрывать свои

чувства, было видно: он убежден, что превратности жизни свели его еще с одним сумасшедшим.

— Говорят, в небольшой речушке, той, что выше мельницы, водится форель, а в озере Холл есть щука.

— Этого вполне достаточно. Мы с Уотсоном заядлые рыболовы, не правда ли, доктор? В случае необходимости вы сможете найти нас в «Зеленом драконе». Мы будем там уже сегодня вечером. Я думаю, вы понимаете, мистер Мейсон, что приходить туда вам не следует. Лучше послать записку. А если вы нам понадобитесь, я разыщу вас. Как только нам удастся продвинуться хоть немного вперед с расследованием, я сообщу вам о выводах.

И вот прекрасным майским вечером мы с Холмсом ехали в вагоне первого класса к небольшой станции Шоскомб, где поезда останавливались только по требованию. Мы сошли на нужной станции и очень скоро добрались до старомодной маленькой гостиницы. Ее владелец, Джозия Барнес, как истый спортсмен, охотно принялся помогать нам составлять план истребления всей рыбы в округе.

— А как насчет озера Холл? Есть шанс поймать там щуку?

На лице хозяина отразилось беспокойство.

— Ничего из этого не выйдет, сэр. Там опасно.

— Но почему же?

— Сэр Роберт терпеть не может, когда кто-то тайком собирает сведения о лошадях. И едва вы, двое незнакомых людей, вдруг окажетесь рядом с его конюшнями, он обязательно набросится на вас. Сэр Роберт не хочет рисковать! Да, совсем не хочет.

— Говорят, у него есть конь, который заявлен для участия в дерби?

— Да, славный жеребец. На него поставлены наши денежки, да и сэра Роберта тоже.— Тут Джозия Барнес испытующе взглянул на нас.— Надеюсь, вы сами не имеете отношения к скачкам?

— Абсолютно никакого! Мы всего лишь два усталых лондонца, которым просто необходим ваш чудесный беркширский воздух.

— Ну тогда вы правильно выбрали место. Свежего воздуха здесь сколько угодно. Только помните, что я сказал вам насчет сэра Роберта. Он не из тех, кто много разговаривает, он сразу пускает в ход кулаки. Не подходите близко к парку.

— Хорошо, мистер Барнес. Мы внемлем вашему совету. Между прочим, спаниель, повизгивающий у вас в зале, очень красив.

— Это самый настоящий шоскомбский спаниель. Лучших нет во всей Англии.

— Я большой любитель собак, — продолжал Холмс. — Хочу задать вам не совсем деликатный вопрос. Сколько может стоить подобный пес?

— Намного больше, чем я в состоянии заплатить, сэр. Этого красавца мне недавно подарил сэр Роберт. Я постоянно держу его на привязи, потому что он сбежит домой в ту же секунду, как только я его отпускаю.

— Итак, мы уже получили несколько козырей, Уотсон, — сказал мне Холмс, когда владелец гостиницы ушел. — Правда, даже с ними пока не так просто выиграть.

— У вас есть версия, Холмс?

— Я знаю только то, что примерно неделю назад в Шоскомбе произошло нечто, круто изменившее всю жизнь поместья. Что же именно? Могу лишь предположить. Обратимся еще раз к нашим фактам. Брат перестает навещать свою дорогую тяжелобольную сестру. Он избавляется от ее любимой собаки. Ее собаки, Уотсон! Это вам ни о чем не говорит?

— Нет. Разве что о его сильной злости.

— Ну что же, это вполне вероятно. Продолжим обзор событий, происшедших после ссоры, если она вообще была. Леди Беатрис практически все время проводит у себя в комнате, показывается на людях, только выезжая на прогулку вместе со служанкой, больше не останавливается возле конюшни поглядеть на своего любимца — Принца Шоскомба и, вероятно, начинает пить. Вот, пожалуй, и все. Не так ли?

— Да, за исключением того, что касается склепа.

— Это относится уже к другой цепи событий. Я попросил бы их не смешивать. Цепь «А», касающаяся леди Беатрис, имеет довольно зловещий оттенок.

— Я не понимаю...

— Ладно. Перейдем тогда к цепи «Б», связанной с сэром Робертом. Он буквально помешан на выигрыше в дерби. Он попал в лапы к ростовщикам, и в любой момент его имущество может пойти с молотка, включая лошадей и конюшни. Человек он решительный, жить привык на деньги сестры. Горничная сестры —

послушное орудие в его руках. Ну что, доктор? Мне кажется, что пока все идет как по маслу,

— Ну а склеп?

— Да... Склеп! Давайте-ка чисто теоретически предположим, что сэр Роберт убил свою сестру.

— Но, Холмс! Друг мой, об этом не может быть и речи!

— Послушайте, Уотсон. По происхождению Норбертоны — люди почтенные. Но и в хорошее стадо может затесаться паршивая овца. Так что не стоит отмечать эту версию, не обсудив ее. Без денег Роберт Норбертон бежать за границу не может, а обладателем денег он может стать, только если удастся его затея с Принцем Шоскомба. Поэтому он вынужден пока оставаться в поместье. Роль сестры будет пока исполнять служанка — в этом нет ничего сложного. А тело старой леди можно перенести в склеп, куда вообще никто не заглядывает, или же тайно уничтожить ночью в печи. Так вот и могла остаться улика, подобная имеющейся в нашем распоряжении. Что вы на это скажете, доктор?

— Все довольно правдоподобно, если, конечно, согласиться с чудовищным исходным предположением.

— Кажется, я придумал небольшой эксперимент, Уотсон. Мы поставим его завтра же, чтобы прояснить дело. А сейчас, дабы выглядеть теми, за кого мы себя выдаем, предлагаю пригласить хозяина гостиницы и повести светский разговор об угрях и плотве за стаканом его лучшего вина. Это самый краткий путь к расположению мистера Барнеса. А уж по ходу беседы мы можем услышать полезную местную сплетню.

...На следующее утро Холмс обнаружил, что мы забыли взять с собой блесну на молодую щуку, поэтому вместо рыбалки нам пришлось пойти гулять. Мы вышли около одиннадцати. Холмс получил разрешение взять с собой прекрасного спаниеля.

— Вот мы и пришли, — произнес мой друг, когда мы приблизились к высоким воротам парка, которые венчались фигурами сказочных грифов родового герба. — От мистера Барнеса нам известно, что старая леди выезжает на прогулку около полудня. Ее экипаж должен здесь остановиться и стоять, пока будут открывать ворота. Вы, Уотсон, задержите кучера каким-нибудь вопросом, едва он окажется за воротами. Действуйте, а я спрячусь за куст и стану наблюдать.

Ждать пришлось недолго. Четверть часа спустя мы увидели большую открытую коляску желтого цвета, направляющуюся по главной аллее в нашу сторону. В нее были запряжены два прекрасных серых рысака. Холмс вместе с собакой спрятался за своим кустом, а я встал на дороге, безразлично помахивая тростью. Охранник распахнул ворота.

Коляска двигалась совсем медленно, и я мог разглядеть всех, кто в ней находился. Слева сидела румяная молодая женщина с золотистыми волосами и дерзким взглядом. По правую руку от нее — сгорбленная пожилая дама, плотно закутанная в многочисленные шали. Как только лошади вышли из ворот на дорогу, я поднял руку и, когда кучер остановил экипаж, осведомился, дома ли сейчас сэр Роберт.

В этот миг Холмс покинул свое укрытие и спустил с поводка спаниеля. С радостным визгом пес бросился к коляске и вскочил на подножку. Но тут же его радостный лай стал злобным и яростным, и он вцепился зубами в черную юбку старой леди.

— Пшел! Пшел вон! — услышали мы грубый голос.

Кучер хлестнул лошадей, и мы остались на дороге одни.

— Теперь все ясно, — сказал Холмс, пристегивая поводок к ошейнику еще не успевшего успокоиться спаниеля.

— Но ведь голос был мужской! — воскликнул я.

— Вот именно, Уотсон. У нас появился еще один козырь, однако играть нужно все равно осторожно.

У Шерлока Холмса не было планов на остаток дня, и мы воспользовались своими рыболовными снастями. В результате имели на ужин целое блюдо форели. После ужина мой друг начал опять проявлять признаки активности.

Мы вновь оказались на той же дороге, что и утром, и подошли к воротам парка. Возле них стоял высокий человек, оказавшийся не кем иным, как мистером Мейсоном — тренером из Шоскомба, приезжавшим к нам в Лондон.

— Добрый вечер, джентльмены, — поздоровался он. — Я получил вашу записку, мистер Холмс. Роберт Норбертон еще не вернулся, но его ожидают сегодня к ночи.

— А далеко ли склеп от дома? — осведомился Холмс.

— Метрах в четырехстах.

Ночь была не лунная и очень темная, но Мейсон уверенно вел нас по заросшим травой лужайкам, пока впереди не начали вырисовываться неясные очертания часовни. Когда мы подошли к часовне, наш проводник, спотыкаясь о груды камней, нашел в полной тьме путь к тому месту, откуда лестница вела вниз, прямо в склеп. Спустившись, он чиркнул спичкой, осветил мрачное и зловещее помещение с замшелыми осыпающимися стенами и рядами гробниц, свинцовых и каменных. Холмс зажег свой фонарь, бросивший сноп ярко-желтого цвета. Лучи отражались от металлических пластинок на гробницах, украшенных изображением короны и грифона — герба древнего рода, сохранявшего свое величие до смертного порога.

— Вы говорили о найденных вами здесь костях, мистер Мейсон. Покажите нам, где они, и можете возвращаться.

— Они здесь, вот в этом углу.

Тренер прошел в противоположный угол склепа и остановился в немом удивлении, когда луч нашего фонаря осветил указанное место.

— Но они исчезли!.. — с трудом вымолвил он.

— Я этого ожидал, — сказал Холмс с довольной усмешкой. — Полагаю, золу от них можно найти в печи, которая уже поглотила часть из них.

— Но зачем же сжигать кости человека, умершего десять веков назад, — изумился Джон Мейсон.

— Мы и пришли сюда, чтобы выяснить это, — ответил Холмс. — Полагаю, до утра нам удастся найти ответ. А вас не станем больше задерживать.

Мейсон удалился, и Холмс принялся тщательно осматривать все гробницы, начиная с самых древних, относившихся, вероятно, еще к саксонскому периоду, продвигаясь от центра склепа вдоль длинного ряда захороненных нормандских Гуго и Одо, пока не достиг наконец Уильяма и Дениса Фолдеров из восемнадцатого столетия. Прошел час, а может, и больше, прежде чем Холмс добрался до свинцового саркофага, стоявшего у самого входа в склеп. Я услышал его удовлетворенное восклицание и по торопливым, но целеустремленным и точным движениям понял, что мой друг нашел то, что искал. При помощи увеличительного стекла он тщательно осмотрел края тяжелой крышки, затем достал из кармана небольшой ломик, какими

обычно вскрывают сейфы, просунул его в щель и стал отжимать крышку, которая скреплялась лишь парой скоб. Та подалась со скрежетом рвущегося металла, едва приоткрыв содержимое, когда наши занятия неожиданно оказались прерваны.

В часовне, прямо над нами, послышались шаги — быстрые, но твердые, как у человека, идущего с определенной целью и хорошо знающего дорогу. По ступеням лестницы заструился свет, и мгновение спустя в проеме готической арки показался мужчина с фонарем в руках. Выглядел он устрашающе: крупная фигура, грозные манеры. Большой керосиновый фонарь, который он держал перед собой, освещал его решительное лицо и страшные глаза. Он внимательно осматривал каждый закуток склепа и наконец остановился на нас.

— Кто вы такие, черт бы вас побрал? — взорвался он. — И что вам понадобилось в моей усадьбе?

Холмс ничего ему не ответил. Тот сделал несколько шагов в нашу сторону и поднял вверх тяжелую палку.

— Вы меня слышите? — крикнул он. — Кто вы? Что делаете?

Его палица подрагивала в воздухе. Но, вместо того чтобы отступить, Холмс двинулся ему навстречу.

— У нас тоже имеется вопрос к вам, сэр Роберт, — произнес мой друг суровым тоном. — Кто это?

Повернувшись, Холмс сорвал с саркофага свинцовую крышку. В свете фонаря я увидел тело и лицо злой колдуньи.

Баронет вскрикнул и, отшатнувшись, прислонился к каменной гробнице.

— Ну что вы лезете не в свое дело?

— Я Шерлок Холмс, — ответил мой друг. — Возможно, вам знакомо это имя? Моя обязанность и долг помогать правосудию. Боюсь, что отвечать вам придется за многое.

Сэр Роберт свирепо поглядел на нас, но спокойный голос и уверенные манеры Холмса подействовали на него.

— Поверьте, мистер Холмс, я не преступник, клянусь, — сказал он. — Это только кажется, что все факты против меня. Я просто не мог поступить иначе.

— Рад был бы поверить вам, но, полагаю, объяснение с полицией неизбежно.

— Ну что ж! Неизбежно так неизбежно. А сейчас давайте пройдем в дом. Там вы сможете разобраться в происшедшем сами.

Спустя четверть часа мы сидели в комнате, которая, судя по рядам ружей, поблескивающих за стеклами витрин, служила оружейной в старинном здании. Оставлена она была довольно уютно. На несколько минут сэр Роберт оставил нас одних. Когда он вернулся, его сопровождали двое: цветущая молодая женщина, которую мы уже видели сегодня в коляске, и невысокий мужчина с неприятной внешностью и раздражающе осторожными манерами. На лицах — полное недоумение. Очевидно, баронет не успел объяснить, какой оборот приняли события.

— Это мистер и миссис Норлетт, — сказал сэр Роберт. — Под своей девичьей фамилией — Ивенс — миссис Норлетт была доверенной служанкой моей сестры вот уже несколько лет. Я чувствую, что лучше объяснить вам истинное положение вещей, потому и привел сюда ее с мужем. Это единственные люди, способные подтвердить мои слова.

— А нужно ли это, сэр Роберт? Вы хорошо все обдумали? — воскликнула женщина.

— Что касается меня, я полностью снимаю с себя ответственность, — добавил ее муж.

Сэр Роберт бросил на него презрительный взгляд и сказал:

— Отвечать за все буду я! А теперь, мистер Холмс, позвольте изложить вам основные факты. Вы, понятно, достаточно осведомлены о моем положении, иначе не оказались бы там, где я вас нашел. По всей вероятности, вы уже знаете и то, что я хочу выставить на дерби свою лошадку и от результата будет зависеть очень многое. Если я выиграю, проблемы решатся сами собой. Если же проиграю... Но об этом лучше и не думать.

— Ситуация вполне понятна, — перебил баронета Холмс.

— В финансовом отношении я в полной зависимости от сестры, леди Беатрис. А я крепко запутался в сетях ростовщиков. И вот представьте себе: как только умирает сестра, мои кредиторы тотчас набрасываются на наше имущество. Все попадает в их руки, конюшни и лошади — тоже. Так вот, мистер Холмс, леди Беатрис действительно скончалась неделю назад.

— И вы никому не сообщили?

— А что еще мог я придумать? Иначе мне грозило полное разорение. Если же отсрочить развитие событий всего на три недели, дела, возможно, устроились бы как нельзя лучше. Вот этот человек, муж горничной,— актер по профессии. И нам, то есть мне, пришлось в голову, что он может это время исполнять роль моей сестры. Для этого следовало ежедневно появляться в коляске во время прогулки. В комнату к сестре никто не входил, кроме горничной. Леди Беатрис умерла от водянки, которой страдала очень давно.

— Это решит коронер.

— Ее врач подтвердит, что в течение нескольких месяцев все симптомы предвещали скорый конец.

— Как дальше развивались события?

— В первую же ночь мы с Норлеттом тайно перенесли тело моей сестры в домик над старым колодцем, которым теперь совсем не пользуются. Однако ее любимый спаниель пришел туда следом за нами и начал выть под дверь. Я решил подыскать более безопасное место. Избавившись от собаки, мы перенесли тело в склеп под древней часовней. Не вижу в том никакого пренебрежения или непочтения, мистер Холмс. Уверен, что не оскорбил покойную.

— Все равно ваше поведение невозможно оправдать, сэр Роберт!

Баронет раздраженно покачал головой.

— Вам легко проповедовать, а в моем положении вы, верно, думали бы иначе. Видеть, как все твои надежды и планы вдруг рушатся в последний момент, и не пытаться спасти их — невозможно. Я не усмотрел ничего недостойного в том, чтобы поместить сестру на некоторое время в одну из гробниц, где захоронены предки ее мужа. Вот и вся история, мистер Холмс.

— В вашем рассказе есть неясность, сэр Роберт! Даже если бы кредиторы захватили все имущество, разве это могло повлиять на выигрыш в дерби и на ваши надежды, связанные с ним?

— Но Принц Шоскомба тоже часть имущества. Вполне вероятно, его вообще не выставили бы на скачки. Какое им дело до моих ставок! Все еще усугубляется тем, что главный кредитор, к несчастью, мой злейший враг, отпетый негодяй Сэм Брюэр, которого мне однажды пришлось ударить хлыстом. Вы полагаете, он пошел бы мне навстречу?

— Видите ли, сэр Роберт,— ответил Холмс, вставая,— вам необходимо обо всем сообщить властям. Моя обязанность — только установить истину. И я это сделал. Что же касается моральной стороны ваших поступков и соблюдения приличий, то не мне судить вас. Уже почти полночь, Уотсон. Я думаю, нам пора возвращаться в наше скромное пристанище.

* * *

Сейчас уже известно, что эти невероятные события закончились для Норбертона даже более удачно, чем он того заслуживал. Принц Шоскомба все-таки выиграл дерби, а его владелец заработал на этом восемьдесят тысяч фунтов. Кредиторы, в руках которых он находился до окончания заезда, получили все сполна, и у сэра Роберта осталась еще вполне достаточная сумма, чтобы восстановить свое положение в высшем свете.

И полиция, и коронер снисходительно отнеслись к поступкам Норбертона, так что он выпутался из затруднительной ситуации, отделавшись лишь мягким порицанием за несвоевременную регистрацию кончины старой леди. Хотя все происшедшее и бросило легкую тень на репутацию баронета, но нисколько не повлияло на его карьеру, которая обещает быть благополучной в почтенном возрасте.

ЗНАТНЫЙ КЛИЕНТ

— Теперь это никому не повредит — так ответил мне Шерлок Холмс, когда я в десятый раз за десять лет попросил у него разрешения обнародовать нижеследующее повествование. Так что мне наконец-то позволено написать отчет о том деле, которое в определенном отношении можно считать вершиной карьеры моего друга.

Турецкая баня — наша с Холмсом слабость. Я не раз замечал, что именно там, в приятной истоме дымной парилки, мой друг становился менее замкнутым и более человечным, нежели где бы то ни было. На верхнем этаже бань на Нортумберленд-авеню есть укромный уголок, в котором стоят рядышком две кушетки. На них-то мы и лежали 3 сентября 1902 года, в день, с которого начинается мое повествование. Я спросил Холмса, нет ли у него сейчас какого-нибудь интересного дела. Вместо ответа он вытащил из-под простынок, в которые был запакован, худую нервную руку и извлек из внутреннего кармана висевшего рядом пальто какой-то конверт.

— Либо это написал суесящийся по пустякам напыщенный болван, либо речь идет о жизни и смерти, — сказал он, вручая мне письмо. — Я знаю не больше, чем сказано в этом послании.

Записка была отправлена из Карлтон-клуба вчера вечером. Вот что я прочел:

«Сэр Джеймс Дэймри с поклоном сообщает мистеру Шерлоку Холмсу, что посетит его завтра в половине пятого пополудни. Сэр Джеймс просит сообщить, что

дело, которое он желал бы обсудить с мистером Холмсом, крайне щекотливое и важное. Поэтому он уверен, что мистер Холмс приложит все усилия к тому, чтобы встреча состоялась, и подтвердит это телефонным звонком в Карлтон-клуб».

— Излишне говорить, что я позвонил и подтвердил, Уотсон,— произнес Холмс, когда я вернул ему листок. — Вы знаете что-нибудь про этого Дэймри?

— Только одно: в свете это имя известно как имя дворянина.

— Что ж, я могу рассказать вам больше. Дэймри слывет докой по улаживанию щекотливых делишек, таких, которые не должны попадать в газеты. Возможно, вы помните его переговоры с сэром Джорджем Льюисом по вопросу о завещании Хаммерфорда. Это человек света, с природной склонностью к дипломатии, и поэтому я могу надеяться, что дело не обернется ложным следом и что ему действительно нужна наша помощь.

— Наша?

— Ну, если вы будете настолько любезны, Уотсон.

— Был бы польщен...

— В таком случае время вам известно: половина пятого. А пока можем выкинуть это дело из головы.

Я тогда жил в своей квартире на улице Королевы Анны, но явился на Бейкер-стрит до назначенного часа. Ровно в половине пятого доложили о прибытии полковника сэра Джеймса Дэймри. Вряд ли так уж необходимо описывать его наружность: многие помнят этого крупного, грубовато-добродушного и честного человека, его широкое, чисто выбритое лицо и в особенности голос — приятный и сочный. Серые ирландские глаза его излучали искренность, добрая усмешка играла на живых улыбчивых губах. Цилиндр с блестками, черный сюртук, каждый предмет одежды — от жемчужной булавки в черном атласном галстуке до бледно-лиловых, идеально надраенных туфель — говорил о дотошной изысканности, которой славился полковник. Этот грузный и уверенный в себе аристократ заполнил собой всю нашу маленькую комнату.

— Разумеется, я был готов застать здесь доктора Уотсона,— с изящным поклоном заметил он. — Нам может понадобится его помощь, поскольку на этот раз, мистер Холмс, речь идет о человеке, для которого

насилие — привычное дело и который не останавливается буквально ни перед чем. Я бы даже сказал, что более опасного человека в Европе не сыскать.

— У меня уже было несколько противников, к которым применимы эти лестные слова,— с улыбкой ответил Холмс. — Вы не курите? В таком случае позвольте мне раскурить мою трубку. Если этот ваш человек более опасен, чем покойный профессор Мориарти или ныне здравствующий полковник Себастьян Моран, значит, с ним действительно стоит познакомиться. Могу я спросить, как его зовут?

— Вы когда-нибудь слышали о бароне Грюнере?

— Вы имеете в виду австрийского убийцу?

Полковник Дэймри со смехом всплеснул руками, затынутыми в лайковые перчатки.

— Все-то вам известно, мистер Холмс! Чудеса, да и только! Значит, вы уже составили о нем мнение как об убийце?

— В интересах дела я внимательно слежу за уголовной хроникой Континента. Кто же усомнится в виновности этого человека, ознакомившись с отчетом о пражских событиях? Его спасла чисто формальная юридическая зацепка да еще подозрительная смерть одного из свидетелей. А так называемый «несчастный случай» на Шплюгенском перевале? Он убил свою жену, я так же уверен в этом, как если бы видел все собственными глазами. О его приезде в Англию мне тоже известно, и я предчувствовал, что рано или поздно он загрузит меня какой-нибудь работенкой! Ну-с, что же натворит барон Грюнер? Не думаю, чтобы речь шла о той давней трагедии, вновь выплывшей на свет.

— Нет, дело гораздо серьезнее. Воздать за преступление, конечно, важно, однако куда важнее предотвратить его. Это ужасно, мистер Холмс: видеть, как прямо на глазах готовится зверское злодеяние, со всей ясностью сознавать, к чему оно приведет, и не иметь при этом ни малейшей возможности отвести беду. Дано ли человеку оказаться в более тяжелом положении?

— Вероятно, нет.

— Значит, вы с сочувствием отнесетесь к клиенту, в интересах которого я действую.

— Я не думал, что вы — лишь посредник. Кто же главное действующее лицо?

— Мистер Холмс, я вынужден просить вас не настаивать на ответе. Для меня крайне важно иметь воз-

можность заверить этого человека, что его сиятельное имя ни в коем случае не будет упомянуто в связи с делом. Им движут в высшей степени достойные, рыцарские побуждения, но он предпочел бы не открываться. Излишне говорить, господа, что ваши гонорары гарантированы и что вам предоставляется полная свобода действий. А имя клиента, я уверен, не имеет большого значения, не правда ли?

— Мне очень жаль, — ответил Холмс, — но я привык иметь в деле только одну тайну. Две чреватые слишком большой путаницей. Боюсь, сэр Джеймс, что мне придется отказаться от каких бы то ни было действий.

Наш посетитель очень смутился. На его крупное подвижное лицо легла тень досады и разочарования.

— Вряд ли вы сознаете, к чему приведет ваш отказ, мистер Холмс, — сказал он. — Вы ставите меня в крайне затруднительное положение, поскольку я уверен, что вы с гордостью возьметесь за дело, если я изложу вам факты, и в то же время обещание, которое я дал, не позволяет мне открыться до конца. Разрешите, по крайней мере, рассказать вам то, что я могу рассказать.

— Разумеется, если при этом я не беру на себя никаких обязательств.

— Само собой. Начнем с того, что вы, конечно же, слышаны о генерале де Мервиле.

— Прославившем себя под Хайбером? Да, я слышал о нем.

— У него есть дочь, Виолетта де Мервиль, юная, богатая, красивая, образованная. Женщина изумительная во всех отношениях. Вот ее-то, милую, простодушную девочку, мы и хотим вырвать из лап изверга.

— Значит, барон Грюнер имеет над ней какую-то власть?

— Самую сильную власть, какую только может иметь над женщиной, — власть любви. Как вы, вероятно, слышали, этот человек необычайно хорош собой. Манеры его обворожительны, голос нежен. Да еще этот налет романтической таинственности, который так привлекает женщин... Говорят, что перед ним не устоит ни одна из них, и он пользуется этим обстоятельством с большой выгодой для себя.

— Но как могло случиться, что такой человек вдруг познакомился с дамой, занимающей столь высокое положение в обществе, с мисс Виолеттой де Мервиль?

— Это произошло во время прогулки на яхте по Средиземному морю. В компанию вошли лишь избранные. Они сами оплатили поездку. Устроители слишком поздно осознали истинную сущность барона. Этот злодей начал увиваться за дамой и так преуспел, что окончательно и бесповоротно пленил ее сердце. Сказать, что она его любит,— значит почти ничего не сказать. Она сходит по нему с ума, она бредит им. Для нее на нем весь свет клином сошелся. Попробуйте при ней сказать о нем хоть одно дурное слово! Чего мы только не делали, чтобы излечить ее от этого безумия,— все впустую. Короче говоря, через месяц она собирается выйти за него замуж, и трудно сказать, как удержать ее от этого шага: она совершеннолетняя и обладает железной волей.

— Ей известно об австрийском происшествии?

— Хитрая бестия! Он рассказал ей обо всех гнусных скандалах, в которых был замешан в прошлом и которые стали достоянием гласности, причем в рассказах этих он неизменно выставлял себя невинным мучеником. Она безоговорочно приняла его версии и не желает слушать ничего другого.

— Боже мой! Однако вы невольно выдали нам имя вашего клиента. Это, конечно же, генерал де Мервиль.

Наш гость заерзал на стуле.

— Я мог бы обмануть вас, сказав, что это так, мистер Холмс. Но ведь это было бы ложью. Де Мервиль — сломленный человек. Некогда крепкий солдат теперь полностью деморализован, и всему виной самообладание, которое ни разу не изменило ему на поле брани, и превратился в немощного трясущегося старца, совершенно неспособного противостоять натиску такого сильного и блистательного мошенника, как этот австриец. Так или иначе, мой клиент — старый друг генерала, долгие годы близко знавший его, по-отечески заботившийся о девушке еще в те времена, когда она носила короткие платица. Видеть, как дело движется к трагической развязке, и не попытаться предотвратить ее — это выше его сил. Предложение призвать на помощь вас исходило от моего клиента, ибо задействовать Скотленд-Ярд невозможно. Однако клиент никоим образом не должен быть лично причастен к делу — это, как я уже говорил, неперемнное условие. Я не сомневаюсь, мистер Холмс, что при ваших огромных возможностях вы с легкостью узнаете, кто он. Хо-

тя бы проследив за мной. Но я прошу вас как честного человека воздержаться от такого рода действий и не нарушать его инкогнито.

Холмс капризно усмехнулся.

— Думается, я могу твердо обещать вам это,— ответил он. — Добавлю также, что ваше дело заинтересовало меня, и я готов им заняться. Как мне держать с вами связь?

— В Карлтон-клуб скажут, где я. В экстренных случаях звоните по домашнему телефону Эйч, Эйч, 31.

Холмс записал номер. Он сидел, положив на колени раскрытую записную книжку и продолжая улыбаться.

— Назовите, пожалуйста, теперешний адрес барона.

— Вернон-Лодж, возле Кингстона. Дом большой. Барон нажился на каких-то довольно темных махинациях. Теперь он богат, и это, естественно, превращает его в еще более опасного противника.

— А сейчас он дома?

— Да.

— Не могли бы вы сообщить мне еще какие-нибудь сведения об этом человеке вдобавок к уже сказанному?

— Вкусы у него дорогостоящие. Любитель лошадей. Одно время участвовал в поло в Хэрлингеме, но был вынужден бросить это дело, когда поднялась шумиха вокруг пражских событий. Собирает книги и картины. Довольно артистичная натура. Кажется, барон слышет признанным знатоком китайской керамики и написал о ней книгу.

— Разносторонний ум,— заметил Холмс. — Этим отличаются все незаурядные преступники. Мой старинный приятель Чарли Пейс виртуозно играл на скрипке. Уэйнрайт был неплохим художником. Могу привести множество других примеров... Итак, сэр Джеймс, передайте вашему клиенту, что я намерен обратить внимание на барона Грюнера. Это все, что я могу вам сказать. У меня есть кое-какие источники информации, и я осмелюсь утверждать, что мы сумеем внести ясность в это дело.

После ухода нашего гостя Холмс долго просидел в глубокой задумчивости. Мне даже показалось, что он забыл о моем присутствии. Но вот он наконец очнулся и словно спустился на землю.

: — Ну-с, Уотсон, ваши соображения? — спросил он.

— По-моему, вы должны повидаться с юной леди лично.

— Мой дорогой Уотсон, если ее не может поколебать вид несчастного сломленного отца, то каким образом мне, постороннему человеку, удастся переубедить ее? И все же в вашем предложении кое-что есть. Если, конечно, другие меры ни к чему не приведут. Однако мне кажется, что начинать нам следует с другого бока. Думается, Шинвел Джонсон мог бы нам помочь.

Ранее у меня не было возможности упомянуть в этих воспоминаниях о Шинвеле Джонсоне, поскольку я редко описывал те дела, которыми мой друг занимался под конец своей карьеры. В начале века Джонсон стал нашим ценным помощником. Вынужден с прискорбием сообщить, что поначалу он прославился как опасный преступник и отсидел два срока в Паркхэрсте. В конце концов он раскаялся и близко сошелся с Холмсом, став его агентом в обширном преступном мире Лондона. Сведения, которые он собирал, зачастую оказывались жизненно важными. Будь Джонсон полицейским шпионом, его бы вскоре раскрыли, но поскольку он занимался делами, которые так и не доходили до суда, сообщники не знали истинного смысла его действий. Слава человека, дважды побывавшего на каторге, открывала перед ним двери всех ночных клубов, ночлежек и игорных домов города, а наблюдательность и сообразительность сделали его великолепным осведомителем. К нему-то и намеревался теперь обратиться Шерлок Холмс.

Я не мог проследить все предпринятые Холмсом шаги, поскольку был загружен срочной работой, но в тот же вечер мы, как было условлено, встретились у Симпсона. Сидя за маленьким столиком у парадной витрины и глядя на Стрэнд, где ключом била жизнь, Холмс рассказал мне о некоторых событиях прошедшего дня.

— Джонсон вышел на охоту, — сообщил он. — Вероятно, ему удастся выкопать кое-какой мусор в самых темных уголках преступного мира, поскольку, если мы хотим получить сведения о тайной жизни барона, их следует искать там, среди черных корней всех преступлений.

— Но коль скоро леди не желает принимать во вни-

мание то, что уже известно, почему вы считаете, что ваши новые открытия отвратят ее от задуманного?

— Как знать, Уотсон... Женское сердце и женский разум — неразрешимая загадка для мужчины. Они могут простить и объяснить убийство, и в то же время какой-нибудь мелкий грешок способен причинить им мучительные страдания. Как заметил в беседе со мной барон Грюнер...

— Заметил в беседе с вами?!

— Ах да, ведь я для большей верности не стал посвящать вас в свои замыслы. Что ж, Уотсон, мне нравится брать противника за грудки, встречаться с ним лицом к лицу и самолично определять, из какого материала он сделан. Дав указания Джонсону, я взял кеб, отправился в Кингстон и застал барона в самом приветливом расположении духа.

— Он узнал вас?

— Это было нетрудно. Я попросту послал ему свою визитную карточку. Замечательный противник, Уотсон. Холоден как лед, голос бархатистый, убаюкивающий, как у ваших модных консультантов. И ядовит, будто кобра. В нем чувствуется школа — настоящий аристократ преступного мира. Такой предлагает вам небрежным тоном послеполуденную чашечку чаю, а вы ощущаете за этой небрежностью смертельную злобу. Нет, я рад, что барон Адальберт Грюнер стал объектом моего внимания!

— Говорите, он был радушен?

— Словно кот-мурлыка, завидевший мышь, которой, как он полагает, суждено стать его добычей. Радушие иных людей более убийственно, чем жестокость грубых душ. Его приветствие уже говорило о многом. «Я так и думал, мистер Холмс, что рано или поздно мне доведется встретиться с вами,— сказал он. — Вас, несомненно, нанял генерал де Мервиль, пытаясь помешать моей женитьбе на его дочери Виолетте. Это так или нет?»

Я промолчал в знак согласия, и тогда он сказал:

«Мой дорогой друг, вы только загубите свою заслуженную репутацию. В этом деле вам успеха не добиться. Работа неблагоприятная, не говоря уж о некоторой толике опасности. Позвольте дать вам настоящий совет: немедленно отступитесь».

«Удивительное дело,— ответил я. — Именно этот

совет я хотел дать вам. Я уважаю ваш ум, барон, и это уважение не уменьшилось после того, как я немного узнал вас. Давайте говорить как мужчина с женщиной. Никто не собирается ворошить ваше прошлое и причинять вам неудобства: с этим покончено, и вы на спокойной воле. Но если вы будете настаивать на женитьбе, то наживете целый сонм влиятельных врагов, и они не оставят вас в покое до тех пор, пока английская земля не загорится у вас под ногами. Стоит ли игра свеч? Куда благоразумнее было бы расстаться с леди. Если она узнает о некоторых фактах вашей прошлой жизни, это вряд ли будет вам приятно».

У этого барона короткие напояженные усики, которые торчат, как усы какого-нибудь насекомого. Он слушал меня, и усики эти подрагивали от сдерживаемого хохота. Кончилось тем, что барон разразился вежливым смешком.

«Простите мне мое веселье, мистер Холмс,— сказал он, — но наблюдать за человеком, который порывается играть в карты, не имея на руках ни одной, действительно забавно. Не думаю, что кто-либо способен делать это лучше вас, но тем не менее зрелище довольно жалкое. У вас нет ни единого козыря, мистер Холмс. Только разная мелочь».

«Вы думаете?»

«Я знаю. Давайте я вам все объясню, ибо мои карты так сильны, что я могу позволить себе раскрыть их. Мне посчастливилось добиться беззаветной любви этой дамы. Я без утайки рассказал ей обо всех несчастьях моей прошлой жизни, и тем не менее она любила меня. Кроме того, я предупредил ее, что к ней будут приходить коварные недоброжелатели (вы, разумеется, узнаете себя) и вновь рассказывать все эти истории. Я объяснил ей, как следует держать себя с подобного рода посетителями. Вы слышали о постгипнотическом внушении, мистер Холмс? Что ж, у вас будет возможность своими глазами увидеть, как действует эта штука, ибо человек, обладающий сильным характером, умеет пользоваться гипнозом, причем без надувательства и всяких там пошлых пассов. Леди готова к вашему приходу и, несомненно, примет вас, поскольку она послушна воле своего отца во всем, не считая одного пустяка».

Вот так, Уотсон. Говорить, кажется, было больше не о чем, и я удалился со всем доступным мне холо-

ным достоинством. Однако, когда я уже взялся за дверную ручку, барон остановил меня.

«Да, кстати, мистер Холмс,— спросил барон,— вы знали французского сыщика Лебрана?»

«Знал»,— ответил я.

«Вам известно, какое его постигло несчастье?»

«Я слышал, что неподалеку от Монмартра его будто бы избили какие-то хулиганы, и он на всю жизнь остался калекой».

«Совершенно верно, мистер Холмс. По странному совпадению, всего за неделю до этого события он начал приставать к людям с расспросами о моих делах. Не стоит этим заниматься, мистер Холмс. Кое-кто уже убедился, что это не приносит счастья. Шагайте своей дорогой, а мне позвольте шагать своей. Это мое последнее слово. Прощайте!»

Такие вот пироги, Уотсон. Теперь вы знаете все.

— Кажется, барон — опасный человек.

— Чрезвычайно опасный. На какого-нибудь задиристого бахвала я бы и внимания не обратил, но барон — из тех людей, которые далеко не все свои мысли облачают в слова.

— Неужели вы непременно должны ему мешать? А может, пускай себе женится на девушке? Какое это имеет значение?

— Очень большое, если учесть, что он, вне всякого сомнения, убил свою первую жену. Допивайте кофе и пойдемте-ка со мной: наш весельчак Шинвел давно нас ждет.

Мы и вправду застали его у себя. Это был крупный, грубоватый краснолицый мужчина болезненного вида. Лишь живые черные глаза выдавали в нем большого хитреца. Держался он, словно король в своем королевстве. Рядом с ним на кушетке сидела одна из его воспитанниц — худощавая, подвижная как огонь молодая женщина с бледным настороженным лицом, еще юным, но уже успевшим увянуть от жизни, полной горечи и порока. Тяжкие годы оставили на ее облике нездоровый след.

— Это мисс Китти Уинтер,— произнес Шинвел Джонсон и взмахнул рукой, представляя свою спутницу.— Если уж она чего-то не знает... А впрочем, пускай сама говорит. Я вышел на нее через какой-нибудь час после получения вашей записки, мистер Холмс.

— Меня долго искать не надо,— сказала молодая женщина. — Адрес у нас с Хрюшей Шинвелом один и тот же: Преисподняя, Лондон. Так и пишите, не ошибетесь. Хрюша и я — старые приятели. Но есть один человек, который, будь в мире справедливость, сидел бы сейчас в еще более страшном аду, чем мы. Клянусь всеми чертями! Это человек, за которым вы охотитесь, мистер Холмс.

Холмс улыбнулся.

— Насколько я понимаю, вы желаете нам успеха, мисс Уинтер?

— Если вам нужна моя помощь, чтобы упрятать парня туда, где ему самое место, я вся ваша, от хвоста до головы,— свирепо сказала наша гостья. Ее бледное решительное лицо напряглось, наливаясь ненавистью. Нечасто доводилось мне видеть такой огонь в глазах женщины, а в глазах мужчины — и вовсе ни разу. — Вам нет нужды лезть в мое прошлое, мистер Холмс. Оно к делу не относится. Но это Адальберт Грюнер превратил меня в то, чем я стала. Эх, если б только я могла свалить его! — Она яростно вцепилась руками в воздух. — Уж я бы стащила его в ту яму, в которую он сбросил столько народу!

— Вам известно, как обстоят дела?

— Хрюша Шинвел рассказывал. Барон волочитсЯ за очередной бедной душой. На этот раз ему приспичило жениться. Вы хотите этому помешать. Наверняка вы знаете об этом злодее достаточно, чтобы у любой доброй девушки отбить охоту иметь с ним дело, если она в своем уме.

— Эта девушка не в своем уме. Она влюблена до безумия. Она знает о нем все, но ей хоть бы что!

— А про убийство ей рассказывали?

— Да.

— Господи, ну и нервы же у нее!

— Она считает, что все это клевета.

— Разве вы не можете сунуть ей под нос доказательства?

— А вы поможете нам в этом?

— Да я сама живое доказательство. Стоит мне заявиться к ней и рассказать, как он изводил меня...

— А вы бы согласились?

— Согласилась бы я?! Да неужто не согласилась бы!

— Попробовать, наверное, стоит. Но он уже поведал ей большую часть своих прегрешений и получил

прощение. По-моему, для нее этот вопрос закрыт, и она не захочет возвращаться к нему.

— Чтоб мне подохнуть, если он рассказал ей все, — отвечала мисс Уинтер. — Помимо того на шумевшего убийства, я слышала кое-что еще об одном или двух. Он, бывало, рассказывает о ком-нибудь этим своим бархатистым голосом, а потом вперит в меня глазищи и говорит: «Он умер. И месяца не прошло». И это было не пустое бахвальство. Но я почти не обращала внимания на такие речи, мистер Холмс, ведь я любила его в те времена, и мне было все равно, чем он занимается. Так же, как сейчас этой бедной дурехе. Только одна вещь действительно потрясла меня. Если б не его лживый язык, способный все объяснить и всех успокоить, я бы ушла от него в тот же вечер, чертом клянусь! У него есть книга, мистер Холмс. В буром таком кожаном переплете с замочком. Сверху — золотой баронский герб. Наверное, он был немножко под хмельком, иначе ни за что не показал бы мне ее.

— Что же это за книга?

— Говорят же вам, мистер Холмс: этот человек коллекционирует женщин так же, как иные собирают мотыльков и бабочек. И кичится своей коллекцией. Вот что это за книга. Альбом с фотографиями, именами, подробностями и всем прочим. Это была чудовищная книга. Ни один мужчина, даже если он живет в придорожной канаве, ни за что не составил бы такую. И тем не менее это была книга Адальберта Грюнера. «Души, которые я погубил» — вот что он мог бы написать на обложке, будь у него такое желание. Да только не будет вам проку с этой книги, а если и будет, ее ведь не достать.

— Где она?

— Откуда я знаю, где она теперь? Я бросила барона год с лишним назад. Мне известно, в каком месте он хранил книгу в те времена. Кое в чем этот кот аккуратен и дотошен до педантичности, так что, может статься, книга все еще лежит в тайнике старого бюро во внутреннем кабинете. Вы знакомы с его домом?

— В кабинете я был, — ответил Холмс.

— Вот как? Значит, вы времени даром не теряли, если взялись за дело только нынче утром. Видать, на этот раз милашка Адальберт встретил достойного противника. Во внешнем кабинете у него китайская посуда — там стоит большущий стеклянный шкаф промеж двух окон.

А позади письменного стола есть дверца, которая ведет во внутренний кабинет — маленькую комнатку, где он хранит бумаги и всякую всячину.

— Он что же, не боится взломщика?

— Адальберт не трус. Злейший враг не сможет сказать этого о нем. Он умеет за себя постоять. По ночам дом охраняют от взломщиков. Да и какой прок взломщику забираться туда? Разве что утащит всю эту диковинную посуду.

— Бесполезное дело, — твердым тоном знатока заявил Шинвел Джонсон. — Ни один барыга не возьмет товар, который нельзя сплавить или загнать.

— Совершенно верно, — согласился Холмс. — Хорошо, мисс Уинтер. Может быть, вы зайдете сюда завтра в пять часов вечера? А я тем временем пораскину мозгами и решу, можно ли воспользоваться вашим предложением и устроить личную встречу с этой дамой. Крайне признателен вам за помощь. Вряд ли стоит говорить, что мои клиенты не поспусят...

— Не надо об этом, мистер Холмс! — воскликнула молодая женщина. — Не в деньгах дело. Швырните этого человека в грязь и дайте мне втоптать туда его проклятую физиономию — больше мне ничего не нужно. Такова моя цена. Я буду у вас завтра или в любой другой день, пока вы идете по его следу. Хрюша всегда скажет, где меня найти.

Я вновь встретился с Холмсом лишь следующим вечером, когда мы опять обедали в нашем ресторанчике на Стрэнде. На мой вопрос о том, удачно ли прошла встреча, Холмс только пожал плечами. Но потом он рассказал мне все, и я повторяю его рассказ в несколько измененном виде. Сухое и точное сообщение Холмса надобно слегка подредактировать, смягчить и передать более простыми словами.

— Встречу удалось устроить без каких-либо затруднений, — начал Холмс, — поскольку девушка прямо-таки олицетворяет собою образец безропотной дочерней покорности, пытаюсь вознаградить отца за свое вопиющее непослушание в вопросе о женитьбе послушанием во всех остальных мелочах. Генерал сообщил мне по телефону, что все готово, мисс Уинтер явилась точно в срок, и в половине шестого мы вылезли из кэба возле дома номер 104 по Беркли-скуэр, где живет старый генерал. Вы знаете эти безобразные серые лондонские замки, в сравнении с которыми церковь и та

выглядит кокетливо. Лакей провел нас в громадную гостиную, украшенную желтой драпировкой. Здесь нас и ждала леди — бледная, притворно-застенчивая, замкнутая, непреклонная и далекая, как снеговик на склонах гор. Даже и не знаю, как описать ее вам, Уотсон. Возможно, вы еще встретитесь с ней по ходу дела и тогда сумеете использовать ваше писательское дарование. Она прекрасна, но это какая-то неземная, потусторонняя красота фанатика, чьи мысли парят в заоблачных высях. Я видел такие лица на средневековых полотнах старых мастеров. Ума не приложу, каким образом этому зверю в человеческом обличье удалось заграбастать своими мерзкими лапами такое небесное создание. Вероятно, вы заметили, как стремятся друг к другу противоположности — духовное к плотскому, пещерный человек — к ангелу... Тут мы имеем дело с самым вопиющим примером такого рода.

Разумеется, она знала, зачем мы пришли, — негодяй уже успел отравить ее разум и настропалить против нас. Думается, появление мисс Уинтер несколько удивило леди, но она жестом пригласила нас садиться в отведенные для нас кресла, словно какая-нибудь преподобная настоятельница, принимающая двух прокаженных нищих. Если вы склонны к возвышенным помыслам, Уотсон, берите пример с мисс Виолетты де Мервиль!

«Мне знакомо ваше имя, сэр, — сказала она холодным, как дыхание айсберга, голосом. — Как я понимаю, вы явились сюда с намерением оклеветать моего жениха, барона Грюнера. Я согласилась принять вас только потому, что об этом просил мой отец, и хочу заранее предупредить: что бы вы ни говорили, ваши слова не окажут на меня никакого влияния».

Мне стало жаль ее, Уотсон. На какое-то мгновение я представил себе, что это моя родная дочь. Мне не так уж часто удавалось блеснуть красноречием: я живу умом, а не сердцем. Но тут я буквально молил ее, я говорил с таким жаром, какой только доступен человеку моего склада. Я расписал ей весь ужас положения женщины, которая узнает истинную цену мужчине лишь после того, как становится его женой, женщины, которая вынуждена сносить ласки окровавленных рук и развратных губ. Я перечислил все — стыд, страх, страдания, безысходность... Но жара моих слов не хватило даже на то, чтобы окрасить хотя бы едва заметным ру-

мянцем эти щеки цвета слоновой кости или хоть раз зажечь огонек чувства в этих отрешенных глазах. Я вспомнил слова этого негодяя о постыпнотическом внушении. Нетрудно поверить, что девушка живет в каком-то сонном иступлении. И при всем том она отвечала мне вполне осмысленно.

«Я терпеливо выслушала вас, мистер Холмс, — проговорила она, — и не ошиблась в своем предположении касательно воздействия, которое окажет на меня ваша речь. Мне известно, что Адальберт... что мой жених прожил бурную жизнь, что он навлек на себя жгучую ненависть многих людей и не раз бывал ославлен злыми языками без всяких на то оснований. Не вы первый являетесь ко мне с этой клеветой. Возможно, вами движут добрые побуждения, хотя, как мне известно, вы — платный сыщик, в равной мере готовый действовать как в интересах барона, так и против него. Как бы там ни было, я прошу вас раз и навсегда уяснить, что я люблю его, а он — меня и что мнение света значит для меня не больше, чем чирикание вон тех птичек за окном. А если этот благороднейший человек однажды на миг оступися, то вполне возможно, что именно мне назначено судьбой вознести его дух на подобающую ему высоту. Мне не совсем понятно, — тут она перевела взор на мою спутницу, — кто эта юная леди».

Я уже открыл рот, чтобы ответить, но в этот миг девушка сама вихрем ворвалась в разговор.

«Я скажу вам, кто я! — закричала она, вскакивая со стула с перекошенным от гнева ртом. — Я — его последняя любовница, одна из тех женщин, которых он соблазнил, довел до ручки, обесчестил и вышвырнул на свалку, как вскоре вышвырнет и вас! Только той свалкой, где будете лежать вы, вернее всего окажется могила. Может, оно и к лучшему. Знайте, глупая женщина: выйдя замуж за барона, вы вступите в брак с собственной смертью. Не ведаю, чем это кончится — разбитым сердцем или свернутой шеей, но тем или иным способом он с вами расправится. Я говорю это не из любви к вам: мне совершенно наплевать, умрете вы или нет. Я ненавижу его, я желаю ему зла и хочу отомстить за то, что он со мной сделал. Все это правда, и нечего так на меня глазеть, моя прекрасная леди, ибо вы можете пасть еще ниже, чем я, пока пройдете этот путь до конца!»

«Я бы предпочла не обсуждать этот вопрос, — холодно проговорила мисс де Мервиль. — Хочу сразу сказать, что в жизни моего жениха было три случая (и все они мне известны), когда коварным женщинам удавалось опутать его своими сетями, и что он от всего сердца раскаивается в том зле, которое когда-то кому-то причинил».

«Три случая! — возопила моя спутница. — Дура! Слов нет, какая вы дура!»

«Мистер Холмс, я нижайше прошу вас закончить нашу беседу, — ледяным тоном проговорила мисс де Мервиль. — Я уступила желанию отца и встретила с вами, но никто не заставит меня выслушивать оскорбления от этой особы».

Мисс Уинтер с проклятиями ринулась вперед и наверхья вцепилась бы в волосы этой дамы, не схвати я ее за руку. Я поволок ее к двери и сумел водворить обратно в кеб, счастливо избежав свары при всем честном народе, ибо мисс Уинтер была вне себя от злости. Я и сам испытывал какую-то холодную ярость, Уотсон. В ее спокойной самодовольной отчужденности было нечто такое, отчего я вдруг почувствовал невыразимую злость. А ведь мы пришли туда, чтобы попытаться спасти эту женщину!

Ну вот, вы опять в курсе дела. Теперь, разумеется, придется придумать какой-нибудь новый ход, поскольку гамбит не удался. Буду держать с вами связь, Уотсон: я больше чем уверен, что вам еще предстоит сыграть свою роль, хотя следующий ход, возможно, сделаем не мы, а наши противники.

Так и случилось. Они нанесли свой удар. Вернее, он нанес свой удар, ибо я никогда не поверю, что юная леди тоже была к этому причастна. Думается, я смог бы показать вам даже ту каменную плиту в мостовой, на которой я стоял, когда мой взгляд натолкнулся на афишу и я почувствовал внезапный приступ ужаса. Это было между Гранд-отелем и Чаринг-кросским вокзалом, рядом с тем местом, где стоит одноногий продавец вечерних газет. Афишу напечатали через два дня после моей последней беседы с Холмсом. На желтом поле чернела ужасная надпись: «Покушение на убийство Шерлока Холмса».

Несколько секунд я простоял, словно оглушенный. Смутно помню, как я схватил газету, как запричитал продавец, которому я не заплатил, и, наконец, как я

стоял в дверях аптеки, листая газету в поисках роковой заметки. Вот что в ней говорилось: «Редакция с прискорбием узнала, что мистер Шерлок Холмс, широко известный частный сыщик, нынче утром стал жертвой кровавого избиения, и теперь жизнь мистера Холмса висит на волоске. Мы не можем сообщить всех подробностей, но это событие, очевидно, произошло около полудня на Риджент-стрит, перед «Кафе-Ройял». Двое нападавших были вооружены палками и нанесли мистеру Холмсу удары по голове и туловищу, причинив ранения, которые врачи считают очень серьезными. Холмса доставили в Чаринг-кросскую лечебницу, но затем по его настоянию отвезли домой на Бейкер-стрит. Негодяи, напавшие на него, были прилично одеты. Они скрылись от собравшихся вокруг прохожих, пробежав через «Кафе-Ройял» на расположенную за ним Тепличную улицу».

Излишне говорить, что я тут же ринулся на Бейкер-стрит, еще не успев дочитать заметку до конца. В прихожей я застал знаменитого хирурга сэра Лесли Окшотта, у тротуара стоял его кабриолет.

— Непосредственной опасности нет, — сообщил он. — Две рваные раны на черепе и несколько изрядных синяков. Пришлось наложить пару швов и ввести морфий. Необходим покой, однако короткую беседу не запрещаю.

Заручившись разрешением, я крадучись вошел в затемненную комнату. Страдалец не спал, и я услышал свое имя, произнесенное хриплым шепотом. Штора была спущена на три четверти, но в комнату проникал солнечный лучик и падал на забинтованную голову раненого. Кровь багровой полоской просочилась сквозь белую полотняную повязку. Я присел рядом с Холмсом и понурил голову.

— Все в порядке, Уотсон, к чему этот испуганный вид? — пробормотал он слабым голосом. — Дела не так плохи, как кажется.

— Слава Богу, коли так!

— Я все-таки умею бороться один на один с человеком, вооруженным палкой.

— Чем я могу вам помочь, Холмс? Их, конечно же, подослал тот проклятый субъект. Одно ваше слово, Холмс, и я пойду и сдеру с него шкуру!

— Добрый старый Уотсон! Нет, тут мы бессильны что-либо сделать, разве что полиция сцапает этих пар-

ней. Однако их отход был хорошо продуман, в этом можете не сомневаться. Погодите немного, у меня тоже есть кое-какие замыслы. Первым делом необходимо преувеличить серьезность моих ранений. К вам явятся репортеры. Настращайте их, Уотсон. Дай Бог, чтобы я протянул неделю: сотрясение мозга, бред, все, что хотите! Перестараться тут невозможно.

— Но как же сэр Лесли Окшотт?

— О нем не беспокойтесь, он будет видеть меня в наилучшем состоянии. Об этом я позабочусь.

— Еще что-нибудь?

— Да. Велите Шинвелу Джонсону удалить девушку. Эти милашки теперь будут охотиться за ней. Им конечно же, известно, что она участвовала в деле вместе со мной. Если уж они дерзнули напасть на меня, то ею вряд ли пренебрегут. Это срочно, удалите ее сегодня же вечером.

— Отправляюсь немедленно. Что еще?

— Положите на стол мою трубку и поставьте туплю с табаком. Вот так! Заходите каждое утро, мы продумаем нашу кампанию.

Тем же вечером мы с Джонсоном сумели перевезти мисс Уинтер в тихий пригород и позаботились о том, чтобы она залегла на дно до тех пор, пока не минует опасность.

В течение шести дней публика пребывала в твердом убеждении, что Шерлок Холмс стоит у врат смерти. Сводки были удручающие, в газетах появлялись зловещие заметки. Мои частые приходы к Холмсу убедили меня, что все не так уж и плохо. Крепкий организм и твердая воля моего друга творили чудеса. Он быстро шел на поправку — как я временами подозревал, даже быстрее, чем хотел мне показать. Скрытность и таинственность, свойственные характеру этого человека, не раз приводили к театральным эффектам и в то же время заставляли даже ближайших друзей Холмса ломать голову, силясь догадаться, что у него на уме. Он довел до крайности аксиому, гласящую, что строить поистине тайные планы можно только в одиночку. Я был самым близким ему человеком, но даже я неизменно ощущал разделявшую нас пропасть.

На седьмой день швы сняли, но в вечерних газетах тем не менее появилось сообщение о рожистом воспалении. Те же вечерние газеты поместили объяв-

ление, которое я не мог не довести до сведения моего друга, здоров он или болен. В объявлении говорилось, что среди пассажиров парохода «Руритания», отплывающего из Ливерпуля в ближайшую пятницу, будет барон Адальберт Грюнер, которому необходимо уладить важные денежные дела в Штатах накануне бракосочетания с мисс Виолеттой де Мервиль, единственной дочерью и проч. Холмс выслушал известие с холодным сосредоточенным выражением лица, по которому я определил, что эта новость стала для него серьезным ударом.

— В пятницу! — воскликнул он. — Всего трое полных суток в нашем распоряжении. Похоже, негодяй решил обезопасить себя. Но ничего не выйдет, Уотсон! Клянусь Иисусом Христом, ничего не выйдет! Так, Уотсон, вы должны кое-что для меня сделать.

— Я здесь специально для этого, Холмс.

— В таком случае посвятите ближайшие двадцать четыре часа основательному изучению китайской керамики.

Он не дал никаких пояснений, да я их и не спрашивал, зная по долгому опыту, что благоразумнее всего делать так, как он велит. Но когда я вышел от Холмса и зашагал по Бейкер-стрит, разум мой терзала одна мысль: как же выполнить столь странное распоряжение? В конце концов я поехал в лондонскую библиотеку на Сент-Джеймс-скуэр, изложил дело своему приятелю Ломаксу, младшему библиотекарю, и отправился домой с увесистым томом под мышкой.

На следующий вечер я явился к Холмсу и был с пристрастием проэкзаменован. Он уже встал с постели, хотя догадаться об этом по печатным отчетам было нельзя, и сидел в глубинах своего любимого кресла, подперев рукой обмотанную бинтами голову.

— Право же, Холмс, — сказал я, — если верить газетам, вы при смерти.

— Именно такое впечатление я и хотел создать, — отвечал он. — Ну как, Уотсон, выучили уроки?

— Во всяком случае, попытался.

— Хорошо. Вы в состоянии вести умный разговор о предмете?

— Думаю, что в состоянии.

— Тогда передайте мне вон ту коробочку, что стоит на камине.

Он откинул крышку и извлек из коробки маленькую вещицу, заботливо обернутую тонким восточным шелком. Развернув его, Холмс вытащил крохотное блюдечко тонкой работы прекрасного темно-синего цвета.

— Эта штукавина требует осторожного обращения, Уотсон. Настоящая керамика времен династии Мин. Не толще яичной скорлупы. У Кристи никогда не было таких искусно выполненных изделий. Целый сервиз стоит громадных денег, да и неизвестно, существует ли где-либо за пределами императорского дворца в Пекине такой полный набор. При виде этой штуки любой подлинный ценитель потеряет голову.

— Что я должен с ней сделать?

Холмс вручил мне карточку, на которой было напечатано: «Доктор Хилл Бартон, улица Хафмун-стрит, 369».

— На сегодняшний вечер это ваше имя, Уотсон. Вы пойдете к барону Грюнеру. Я немного знаком с его привычками. В половине девятого он, вероятно, будет свободен. О вашем приходе он узнает заранее из записки. Вы напишете, что хотели бы принести ему предмет из совершенно уникального фарфорового сервиза, изготовленного в эпоху династии Мин. Вы медик. Эту роль вам удастся сыграть без натяжек. Вы собиратель. Блюдечко попало к вам в руки, и вы, зная о том, какой интерес питает барон к фарфору, были бы не прочь продать сервиз за хорошую цену.

— За какую цену?

— Отличный вопрос, Уотсон! Разумеется, вы загремите, если не будете знать стоимость своего товара. Это блюдечко мне достал сэр Джеймс, взяв его, насколько я понял, из коллекции своего клиента. Можно без преувеличения сказать, что второго такого в мире нет.

— Я мог бы предложить оценить сервиз у какого-нибудь знатока.

— Превосходно, Уотсон! Сегодня вы просто блистательны. Предложите обратиться к Кристи или Сотби. Деликатность мешает вам самому назначить цену.

— А если он не пожелает принять меня?

— Еще как пожелает. Он одержим манией собирательства в самой острой ее форме, особенно когда речь идет о предмете, в котором он слышит признанным авторитетом. Садитесь, Уотсон, я продиктую вам пись-

мо. Ответа не нужно. Вы просто уведомите его, что придете, и сообщите, зачем.

Это был восхитительный документ — краткий, изысканный, дразнящий любопытство истинного ценителя. В должное время районный парнишка-рассылный понес его по назначению. Тем же вечером я отправился навстречу своей судьбе, держа в руках драгоценное блюдечко и сунув в карман визитную карточку доктора Хилла Бартона.

Прекрасный дом и его окружение свидетельствовали о том, что барон Грюнер, как и говорил сэр Джеймс, был обладателем значительного состояния.

Дворецкий, способный украсить собою жилище епископа, впустил меня внутрь и передал облаченному в бархат лакею, который и привел меня к барону.

Тот стоял у открытой дверцы громадного шкафа, помещавшегося меж двух окон и содержавшего часть его китайской коллекции. При моем появлении он обернулся. В руках у барона была маленькая коричневая вазочка.

— Садитесь, доктор, прошу вас, — сказал он. — Я как раз делал смотр моим сокровищам и прикидывал, могу ли я позволить себе пополнить их. Возможно, вас заинтересует это изделие времен династии Тан. Седьмой век. Уверен, что прежде вам не доводилось видеть более искусной работы и богатой глазури. Вы принесли с собой то самое блюдечко эпохи Мин, о котором говорили?

Я осторожно распаковал блюдечко и протянул его барону. Он уселся за письменный стол, пододвинул лампу, поскольку уже темнело, и принялся изучать фарфор. При этом лицо барона залил желтый цвет, и я смог спокойно рассмотреть его.

Это действительно был на редкость миловидный мужчина, вполне заслуженно слывший в Европе красавцем. Не выше среднего роста, однако с грациозными и выразительными линиями фигуры. Лицо смуглое, почти восточное, с большими томными черными глазами, неодолимо привлекательными для любой женщины. Волосы и усы и него были иссиня-черные, причем коротко стриженные усики стояли торчком и были тщательно напомажены. Правильность этих миловидных черт нарушал лишь прямой тонкогубый рот. То был настоящий рот убийцы — жесткий и твердый, словно рубец, и плотно сжатый. Он свидетельствовал

о бессердечии и производил ужасающее впечатление. Кто-то очень неудачно посоветовал Грюнеру расчесывать усы таким образом, чтобы они обнажали губы — этот сигнал опасности, подаваемый жертвам барона самой природой. Голос его звучал завораживающе, а манеры были безупречны. Я бы дал ему чуть больше тридцати лет, хотя впоследствии мы узнали из документов, что барону было сорок два.

— Прелесть, просто прелесть! — сказал он наконец. — Вы говорите, у вас есть набор из шести штук? Удивительно, почему я прежде никогда не слышал о таких чудесных изделиях. Я знаю, что в Англии есть только один набор, способный сравниться с вашим, и он вряд ли когда-нибудь появится на рынке. Не будет ли нескромным с моей стороны спросить, как вы завладели им, доктор Хилл Бартон?

— Так ли уж это важно? — ответил я с таким беспечным видом, какой только сумел на себя напустить. — Вы видите, что это подлинник, а что до его стоимости, так меня вполне устроит оценка знатока.

— Очень таинственно, — сказал барон, и его черные глаза подозрительно вспыхнули. — Когда имеешь дело с такими дорогими вещами, вполне естественно возникает желание узнать об условиях сделки все. Разумеется, это подлинник, тут у меня нет никаких сомнений. Но давайте допустим, что в один прекрасный день выяснится — а я обязан учитывать все возможности, — что вы не имеете права продавать его?

— Могу ручаться, что никаких претензий подобного рода не возникнет.

— И все же эта сделка поражает меня своей необычностью.

— Вы вправе принять ее или отказаться, — безразличным тоном ответил я. — Я решил обратиться с моим предложением сначала к вам, поскольку, как я понял, вы — истинный ценитель. Но я не встречу никаких затруднений в любом другом месте.

— А кто сказал вам, что я — истинный ценитель?

— Мне известно, что вы написали книгу о китайском фарфоре.

— Вы читали эту книгу?

— Нет.

— Боже мой! Мне становится все труднее и труднее понимать вас! Вы знаток и собиратель, в вашей коллекции есть очень ценный экспонат, и тем не ме-

нее вы даже не позаботились обратиться к единственной в мире книге, способной дать вам представление о подлинном значении и стоимости принадлежащего вам предмета! Как вы это объясните?

— Я очень занятой человек. Практикующий врач.

— Это не ответ. Если уж человек чем-то увлекся, он сумеет выкроить время для своего увлечения, как бы он ни был при этом загружен другими делами. А в вашем письме было сказано, что вы — большой любитель фарфора.

— Так оно и есть.

— Могу я задать вам несколько вопросов, чтобы проверить ваши знания? Должен сообщить вам, доктор — если вы и правда доктор, — что дело принимает все более подозрительный оборот. Позвольте спросить, что вам известно об императоре Сё и какая связь между ним и Сёсоин возле Нары? Господи, неужели этот вопрос обескуражил вас?

Я с притворным возмущением вскочил со стула.

— Это уж слишком, сэр! Я пришел сюда, чтобы оказать вам любезность, а не сдавать экзамен, будто какой-нибудь школьник. Вполне вероятно, что я знаю об этом предмете гораздо меньше, чем вы, но я не намерен отвечать на вопросы, поставленные столь оскорбительным образом.

Он пристально посмотрел на меня. Истомы в глазах как не бывало. Вдруг они гневно сверкнули. Жесткие губы разомкнулись, обнажив тускло блестящие зубы.

— Что за игру вы ведете? Вы явились сюда шпионить за мной. Вас подослал Холмс! Вы хотите обвести меня вокруг пальца. Как я слышал, этот парень при смерти, вот он и посылает своих подручных следить за мной! Вы ввалились ко мне без приглашения, и, клянусь Богом, сейчас вы убедитесь, что выйти отсюда труднее, чем войти!

Он вскочил на ноги, и я отступил на шаг, приготовившись отразить нападение. Должно быть, он заподозрил меня с самого начала, а перекрестный допрос уж наверняка открыл ему истину. Так или иначе, но мне было совершенно ясно, что пытаться перехитрить его — безнадежное дело. Барон сунул руку в боковой ящик и принялся яростно рыться в нем. Потом его ухо уловило какой-то звук, и он замер, сосредоточенно прислушиваясь.

— Ага! — вскричал барон. — Ага! — И ринулся во внутренний кабинет.

Два шага, и я у распахнутой двери. Разыгравшаяся в комнате сцена четко и на всю жизнь запечатлелась в моей памяти. Окно, выходящее в сад, было раскрыто настежь, а возле него, словно какой-то жуткий призрак, стоял Шерлок Холмс. Голова его была обмотана кровавыми бинтами, белое лицо искажено. В тот же миг он выскочил в окно, и я услышал, как его тело с треском рухнуло в росшие на улице кусты лавра. Хозяин дома с яростным воплем бросился следом за Холмсом к открытому окну.

А потом! Это произошло в мгновение ока, но тем не менее я отчетливо все видел. Из гущи листвы стремительно высунулась рука — женская рука! В тот же миг барон издал страшный крик — вопль, который будет вечно звенеть у меня в ушах. Он прижал ладони к лицу и заметался по комнате, с силой ударяясь головой о стены, потом рухнул на ковер и начал кататься по нему, корчась и оглашая дом непрерывными криками.

— Воды! Ради Бога, дайте воды! — молил он.

Схватив с бокового столика графин, я бросился ему на помощь. В тот же миг из коридора в кабинет вбежали дворецкий и несколько лакеев. Помню, как один из них лишился чувств, когда я опустился на колени возле раненого и повернул его страшное лицо к свету лампы. Купорос въедался в него, капая с подбородка и ушей. Один глаз уже покрылся бельмом и остекленел, второй воспалился и покраснел. Лицо, которым я любовался всего несколько минут назад, теперь было похоже на прекрасную картину, по которой живописец провел мокрой и грязной губкой. Черты его смазались, обесцветились и приобрели страшный, нечеловеческий вид.

Я в нескольких словах объяснил, каким образом произошло нападение. Кое-кто из слуг полез в окно, другие бросились на лужайку через двери, но было темно и начинался дождь. Крики жертвы перемежались яростными проклятиями в адрес мстительницы.

— Это Китти Уинтер! — вопил барон. — Чертова кошка! Дьяволица! Она за это заплатит! Заплатит! О, силы небесные, я не вынесу этой боли!

Я обмыл его лицо растительным маслом, наложил на раны вату и впрыснул барону морфия. Потрясение

вытравило из его сознания все подозрения на мой счет, и он цеплялся за мои руки, словно в моей власти было прояснить взгляд этих устремленных на меня остекленевших глаз, похожих на глаза дохлой рыбыны. Вид этого пепелища едва не заставил меня проследиться, но я слишком хорошо помнил, что этот человек сотворил в жизни много зла, которое и навлекло на него столь ужасное возмездие. Его огненно-горячие руки впились в меня, и это было отвратительное ощущение.

Поэтому я облегченно вздохнул, когда мне на смену прибыл домашний врач больного в сопровождении специалиста по ожогам. Приехал и полицейский инспектор. Я вручил ему свою настоящую визитную карточку. Поступить иначе было бы глупо и бессмысленно, поскольку в Скотленд-Ярде меня знали в лицо почти так же хорошо, как и самого Холмса. Затем я покинул этот полный тоски и ужаса дом и менее чем через час был на Бейкер-стрит.

Холмс, бледный и изможденный, сидел в своем привычном кресле. Раны и события сегодняшнего вечера потрясли даже его стальные нервы. Он с ужасом выслушал мой рассказ о страшном преображении барона.

— Это расплата за грехи, Уотсон! Расплата за грехи! — воскликнул он. — Рано ли, поздно ли, но она непременно приходит. А грехов у него, видит Бог, хватает, — добавил Холмс, взяв со стола том в коричневом переплете. — Вот та самая книга, о которой рассказывала мисс Уинтер. Если уж она не расстроит свадьбу, стало быть, это и вовсе невозможно. Но она расстроит ее, Уотсон. Должна расстроить. Ни одна уважающая себя женщина не снесет такого оскорбления.

— Это дневник любовных походов барона?

— Или, скорее, дневник его распутства. Как хотите, так и называйте. В тот миг, когда мисс Уинтер сказала нам о нем, я понял, что книга может стать сокрушительным оружием, если только нам удастся завладеть ею. Я тогда ни словом не обмолвился о своем замысле, но начал вынашивать его. Потом на меня напали, и я воспользовался этим нападением, чтобы внушить барону, что я для него безвреден и предосторожности излишни. Все складывалось очень удачно. Я бы выждал еще немного, но его отъезд в

Америку вынудил меня действовать без промедления. Ведь барон наверняка забрал бы столь компрометирующий документ с собой. Ночной грабеж отпадал: барон осторожен. Зато в вечерние часы я мог попытаться счастья, если б наверняка знал, что его внимание отвлечено. Тут-то мне и понадобились вы с вашим синим блюдечком. Однако мне необходимо было совершенно точно установить местонахождение книги, поэтому в самый последний миг я прихватил с собой девушку. Сколько минут в моем распоряжении — зависело от объема ваших познаний в области китайской керамики. Откуда мне было знать, что там, в этом маленьком пакетице, который мисс Уинтер с такими предосторожностями несла под накидкой? Я-то думал, что она будет только помогать мне, но у нее, похоже, были там и свои дела.

— Барон догадался, что я пришел от вас.

— Я этого опасался. Но ваша игра отвлекла его, и я успел забрать книгу. Правда, на то, чтобы скрыться незамеченным, времени уже не хватило. А, сэр Джеймс! Как я рад, что вы пришли!

Наш выложенный приятель явился по заранее посланному приглашению. Он с глубочайшим вниманием слушал рассказ Холмса о случившемся.

— Вы свершили чудо! Чудо! — воскликнул он, выслушав историю, — Однако если раны барона так ужасны, как описывает их доктор Уотсон, этого обстоятельства нам с избытком хватит, чтобы добиться нашей цели и сорвать женитьбу, не прибегая к помощи этой ужасной книги!

Холмс покачал головой.

— Женщина такого типа, как Виолетта де Мервиль, будет любить искалеченного страдальца еще крепче, чем здорового человека. Нет, нет, мы должны уничтожить его морально, а не физически. Эта книга — и только она одна — вернет девушку на землю. Книга написана почерком барона, мисс де Мервиль не сможет этого не заметить.

Сэр Джеймс унес с собой и книгу, и драгоценное блюдечко. Я и сам засиделся у Холмса дольше, чем нужно, и поэтому вышел на улицу вместе с полковником. Его ждал кабриолет. Сэр Джеймс вскочил в экипаж, отдал короткую команду кучеру, на голове которого красовалась кокарда, и быстро уехал. Он наполовину свесил из окна свое пальто, чтобы прикрыть

им геральдические знаки на дверце, но это ничуть не помешало мне разглядеть их в ярком свете, падавшем из веерообразного оконца над дверью дома. Я задохнулся от изумления, затем повернулся и вновь поднялся по лестнице в комнату Холмса.

— Я выяснил, кто наш клиент! — воскликнул я, распираемый желанием поскорее выпалить великое известие. — Холмс, да это же...

— Это истинный рыцарь и верный друг, — сказал Холмс, жестом призывая меня к молчанию. — Давай же раз и навсегда удовлетворимся этим.

Я не знаю, каким образом была пущена в дело порочащая барона книга. Это устроил сэр Джеймс. Или же, что более вероятно, столь щекотливое поручение было доверено отцу юной дамы. Во всяком случае, это возымело желаемое действие. Спустя три дня в «Утренней почте» появилась заметка, сообщавшая, что бракосочетание барона Адальберта Грюнера и мисс Виолетты де Мервиль не состоится. В той же газете был помещен первый отчет о слушании судебного дела, возбужденного против мисс Китти Уинтер по серьезному обвинению в нанесении увечий посредством купороса. На суде открылись такие смягчающие вину обстоятельства, что приговор, как вы помните, оказался самым мягким, какой только можно было вынести за такое преступление. Шерлоку Холмсу угрожали преследованием за кражу со взломом, однако, когда цель благородна, а клиент достаточно знатен, даже кощунственный английский закон становится гибким и человечным. Моего друга так и не посадили на скамью подсудимых.

ЧЕЛОВЕК С БЕЛЫМ ЛИЦОМ

Мой друг Уотсон не отличается глубиной ума, зато упорства ему не занимать. Вот уже сколько времени он уговаривает меня описать одно из моих дел. Впрочем, я сам, пожалуй, дал ему повод докучать мне этой просьбой, ибо не раз говорил, что его рассказы поверхностны и что он потворствует вкусам публики, вместо того чтобы строго придерживаться истины. «Попробуйте сами, Холмс!» — обычно отвечал он, и, должен признаться, едва взяв в руки перо, я уже испытываю желание изложить эту историю так, чтобы она понравилась читателю. Дело, о котором пойдет речь, безусловно, заинтересует публику — это одно из самых необычных дел в моей практике, хотя Уотсон даже не упоминает о нем в своих заметках. Заговорив о моем старом друге и биографе, я воспользуюсь случаем и объясню, пожалуй, зачем я обременяю себя партнером, распутывая ту или иную загадку. Я делаю это не из прихоти и не из дружеского расположения к Уотсону, а потому, что он обладает присущими только ему особенностями, о которых обычно умалчивает, когда с неумеренным пылом описывает мои таланты. Партнер, пытающийся предугадать ваши выводы и способ действия, может лишь испортить дело, но человек, который удивляется каждому новому обстоятельству, вскрытому в ходе расследования, и считает загадку неразрешимой, является идеальным помощником.

Судя по заметкам в моей записной книжке, мистер Джеймс М. Додд посетил меня в январе 1903 года, сразу же, как только закончилась война с бурами. Это был высокий, энергичный, обожженный солнцем анг-

личанин. Старина Уотсон в то время покинул меня ради жены — единственный эгоистический поступок, совершенный им за все время, что мы знали друг друга. Я остался один.

У меня есть привычка садиться спиной к окну, а посетителя усаживать в кресло напротив, так, чтобы свет падал на него. Мистер Джеймс М. Додд, видимо, испытывал некоторое затруднение, не зная, с чего начать беседу. Я же не торопился прийти ему на помощь, предпочитая молча наблюдать за ним. Однако я не раз убеждался, как важно поразить клиентов своей осведомленностью, и потому решил наконец сообщить кое-какие выводы.

— Из Южной Африки, сэр, я полагаю?

— Да, сэр, — ответил он с некоторым удивлением.

— Имперский, кавалерийский полк территориальной армии, разумеется.

— Совершенно правильно.

— Мидлсекский корпус, несомненно?

— Так точно, мистер Холмс. Да вы чародей!

Видя его изумление, я улыбнулся.

— Когда ко мне приходит столь энергичный на вид джентльмен, с лицом, загоревшим явно не под английским солнцем, и с носовым платком в рукаве, а не в кармане, — совсем не трудно определить, кто он. У вас небольшая бородка, а это значит, что вы не из регулярной армии. Выправка заправского кавалериста. Из вашей визитной карточки видно, что вы биржевой маклер с Трогмортон-стрит, — поэтому я и упомянул Мидлсекс. В каком же еще полку вы могли служить?

— Вы все видите!

— Не больше, чем вы, но я приучил себя анализировать все, что замечаю. Однако, мистер Додд, вы зашли ко мне сегодня утром не ради того, чтобы побеседовать об искусстве наблюдения. Так что же происходит в Таксбери-олд-парк?

— Мистер Холмс!..

— Мой дорогой сэр, я не делаю никакого открытия. Именно это место указано на бланке вашего письма, а из вашей настоятельной просьбы о свидании вытекает, что произошло нечто неожиданное и серьезное.

— Да, да, конечно. Но письмо написано в полдень, и с тех пор произошло многое. Если бы полковник Эмсуорт не выгнал меня...

— Выгнал?!

— По существу, да. Суровый человек этот полковник Эмсуорт. Трудно было сыскать в свое время более исправного армейского служаку, к тому же в армии в те годы грубость вообще считалась чем-то само собой разумеющимся. Я бы не стал связываться с полковником, если бы не Годфри.

Я закурил трубку и откинулся на спинку кресла.

— Может быть, вы объясните, о чем идет речь?

Мистер Додд усмехнулся.

— Я уже привык, что вы сами все знаете. Хорошо, я сообщу вам факты и надеюсь, что вы найдете им объяснение. Я не спал всю ночь, но чем больше ломал голову, тем невероятнее казалась мне вся эта история.

На военную службу я поступил в январе 1901 года, как раз два года назад, и попал в тот же эскадрон, где служил молодой Годфри Эмсуорт. Он был единственным сыном полковника Эмсуорта, того самого, что получил Крест Виктории в Крымской войне,— в жилах у Годфри текла солдатская кровь, и неудивительно, что он пошел добровольцем в армию. Лучшего парня не было во всем полку. Мы подружились, как могут подружиться только люди, которые ведут одинаковый образ жизни, делают одни и те же радости и печали. Он стал моим другом, а в армии это много значит. Целый год мы участвовали в ожесточенных боях, вместе переживали и поражения и победы. Затем в сражении у Брильянт-хилл, близ Претории, он был ранен пулей из крупнокалиберной винтовки. Я получил от него два письма — одно из госпиталя в Кейптауне, другое из Саутгемптона. После этого, мистер Холмс, за шесть с лишним месяцев он не написал мне ни слова, не единого слова, а ведь он был моим ближайшим другом.

Ну вот. Как только кончилась война и мы вернулись по домам, я написал его отцу и попросил сообщить, что ему известно о Годфри. Никакого ответа. Через некоторое время я написал снова. На этот раз пришел короткий и грубый ответ. Годфри, говорилось в нем, отправился в кругосветное путешествие и вряд ли вернется раньше, чем через год. Вот и все.

Такой ответ не удовлетворил меня, мистер Холмс. Вся эта история показалась мне чертовски неправдоподобной. Такой парень, как Годфри, не мог забыть так быстро своего друга. Нет, это совсем на него не походило. Кроме того, случайно я узнал, что ему предстояло получить большое наследство и что он не всег-

да жил в согласии со своим отцом. Старик бывал очень груб, и самолюбивый юноша не хотел покорно переносить его выходки. Нет, нет, ответ отца меня не удовлетворил, и я решил разобраться, что произошло. К сожалению, в результате двухлетнего отсутствия дела мои пришли в расстройство, и только на этой неделе я смог вновь вернуться к истории с Годффри. Но уж если я вернулся, то теперь брошу все, а дело до конца доведу.

Мистер Джеймс М. Додд выглядел человеком, которого предпочтительнее иметь в числе друзей, нежели врагов. Его голубые глаза выражали непреклонность, а квадратный подбородок свидетельствовал о настойчивом и твердом характере.

— Ну и что же вы сделали? — поинтересовался я.

— Прежде всего я решил побывать у него в доме, в Таксбери-олд-парк, и выяснить обстановку на месте. Я предпринял лобовую атаку и написал его матери (с грубияном отцом я уже столкнулся и больше не хотел с ним связываться), что Годффри был моим приятелем, я мог бы рассказать много интересного о наших совместных переживаниях, и, так как скоро должен побывать в соседних с имением местах, не будет ли она возражать, если я... и т. д. и т. п. В ответ я получил вполне любезное приглашение остановиться на ночь у них. Вот почему я и отправился туда в понедельник.

Не так-то просто оказалось попасть в Таксбери-олд-парк: от ближайшего населенного пункта нужно было добираться до него миль пять. На станцию за мной никто не приехал, и мне пришлось отправиться пешком, с чемоданом в руке, так что, когда я пришел на место, уже почти стемнело. Дом — огромный и какой-то несуразный — стоял посреди большого парка. Я бы сказал, что в нем сочеталась архитектура разных эпох и стилей, начиная с деревянных сооружений елизаветинских времен и кончая портиком в викторианском стиле. Комнаты дома, где, казалось, блуждают тени прошлого и скрыты какие-то тайны, были обшиты панелями и украшены многочисленными гобеленами и полувыцветшими картинами. Старик дворецкий, по имени Ралф, был, наверно, не моложе самого дома, а его жена — еще дряхлее. Несмотря на ее странный вид, я сразу почувствовал к ней расположение: она была нянькой Годффри, и я не раз слышал, как он называл ее своей второй матерью. Мать Годффри — маленькая, ла-

сковая, седенькая, как белая мышь, старушка — тоже мне понравилась. Зато сам полковник никакой симпатии у меня не вызвал.

Мы поссорились с ним в первые же минуты, и я бы немедленно вернулся на станцию, если бы не мысль о том, что именно этого он, возможно, и добивается.

Едва я появился в доме, как меня сразу провели к нему в кабинет, где я увидел огромного сутулого человека с прокопченной — так мне показалось — кожей и седой растрепанной бородой; он сидел за письменным столом, заваленным бумагами. Покрытый красными жилками нос торчал, как клюв грифа, а из-под косматых бровей свирепо смотрели серые глаза. Теперь я понял, почему Годфри так неохотно говорил об отце.

— Ну-с, сэр, — пронзительным голосом начал он, — хотелось бы мне знать истинные причины вашего визита.

Я ответил, что уже объяснил их в письме его жене.

— Да, да, вы утверждаете, что знали Годфри в Африке. Но почему, собственно, мы должны верить вам на слово?

— У меня с собой его письма.

— Позвольте взглянуть.

Он быстро просмотрел два письма, которые я вручил, потом бросил их мне обратно.

— Ну и что же? — спросил он.

— Я привязался к вашему сыну Годфри, сэр. Нас связывала большая дружба, мы с ним много пережили. Меня, естественно, удивляет, почему он вдруг перестал писать мне. Я хочу знать, что с ним произошло.

— Насколько мне помнится, я уже писал вам и все объяснил. Он отправился в кругосветное путешествие. Служба в Африке отрицательно сказалась на его здоровье, и мы с его матерью решили, что ему необходимы полный отдых и перемена обстановки. Не откажите в любезности поставить об этом в известность всех других его друзей.

— Разумеется, — ответил я. — Но будьте добры, назовите, пожалуйста, пароходную линию и корабль, на котором он отплыл, а также дату отплытия. Уверен, что мне удастся переслать ему письмо.

Моя просьба одновременно и озадачила, и привела в раздражение моего хозяина. Его мохнатые брови нахмурились, он нетерпеливо забарабанил пальцами по

стола. Наконец он взглянул на меня, и на его лице появилось то же самое выражение, какое бывает у шахматиста, оценивавшего все коварство очередного хода противника и решившего достойно его парировать.

— Мистер Додд,— сказал он,— многие на моем месте нашли бы вашу настойчивость возмутительной, переходящей в откровенную наглость.

— Моя настойчивость только доказывает, как искренне я привязан к вашему сыну, сэр.

— Не спорю. Именно поэтому я проявляю такую снисходительность. И тем не менее я вынужден просить вас отказаться от дальнейшего наведения всяких справок. У каждой семьи есть свои сугубо частные дела, и не всегда уместно посвящать в них посторонних, какими бы добрыми побуждениями те ни руководствовались. Моей жене очень хотелось бы услышать все, что вы знаете о военной жизни Годфри, но я прошу вас не задавать вопросов, относящихся к настоящему или будущему. Это ни к чему не приведет, а только поставит нас в щекотливое и даже трудное положение.

Я понял, мистер Холмс, что из расспросов ничего не выйдет. Мне оставалось лишь принять условия старика, но в душе я дал клятву не успокаиваться до тех пор, пока не выясню судьбу друга. Вечер прошел скучно. Мы втроем мирно поужинали в мрачной и какой-то поблекшей комнате. Старушка нетерпеливо расспрашивала меня о своем сыне, старик был угрюм и подавлен. Церемония ужина производила на меня столь тягостное впечатление, что под первым же благовидным предлогом я извинился и ушел в отведенную мне комнату. Это была большая, скудно обставленная комната на первом этаже, такая же мрачная, как и весь дом, но если в течение целого года единственным ложем человеку служила южноафриканская степь, мистер Холмс, он перестает быть чересчур разборчивым в отношении ночлега. Я раздвинул занавеси и выглянул в парк; вечер выдался великолепный, яркий лунный свет заливал все вокруг. Я уселся перед пылающим камином, поставил лампу на столик и попытался занять себя чтением романа. Дверь вдруг отворилась, и вошел старик дворецкий Ралф с корзиной угля в руках.

— Я подумал, сэр, что вам может не хватить угля на ночь. Комнаты эти сырые, а погода холодная.

Старик явно не спешил уходить, и, оглянувшись, я

увидел, что он все еще топчется на месте с каким-то тоскливым выражением на морщинистом лице.

— Прошу прощения, сэр, но я нечаянно услышал, как вы рассказывали во время ужина о нашем молодом господине Годфри. Вы знаете, сэр, моя жена нянчила его, и я люблю его, как отец. Нам тоже интересно о нем послушать. Так вы говорите, сэр, он был хорошим солдатом?

— В полку не было человека храбрее его. Если бы не Годфри, я, возможно, не сидел бы сейчас здесь — однажды он вытащил меня из-под обстрела.

Старик дворецкий потер костлявые руки.

— Да, сэр, да, узнаю нашего молодого господина Годфри! В смелости ему не откажешь. В нашем парке, сэр, нет ни одного дерева, на которое бы он не взбирался. Ничто не могло его остановить. Какой был замечательный мальчик, сэр, какой был замечательный молодой человек!

Я вскочил.

— Послушайте! — воскликнул я. — Вы сказали «был», словно речь идет о мертвом. Что-то вы все скрываете! Что случилось с Годфри Эмсуортом?

Я схватил старика за плечо, но он отшатнулся.

— Не понимаю, сэр, о чем вы толкуете. Спросите о молодом господине у хозяина. Он знает. А мне запрещено вмешиваться.

Он хотел уйти, но я удержал его за руку.

— Или вы ответите мне на один вопрос, или я продержу вас здесь всю ночь. Годфри мертв?

Старик не мог поднять на меня глаза. Он стоял, словно загипнотизированный, а когда собрался с силами и ответил, я услышал нечто ужасное и совершенно неожиданное.

— Уж лучше бы он был мертв! — воскликнул старик и, вырвавшись из моих рук, выбежал из комнаты.

Вы понимаете, мистер Холмс, в каком настроении я снова опустился в кресло. Слова старика могли означать только одно: либо мой бедный друг замешан в каком-то преступлении, либо, в лучшем случае, совершил недостойный поступок, затрагивающий честь семьи. Непреклонный старик услаал куда-то сына, укрыв его от глаз людских, опасаясь, как бы скандал не выплыл наружу. Годфри был сорвиголова и легко поддавался влиянию окружающих. Несомненно, он попал в чьи-то дурные руки, его обманули и погубили. Жаль,

конечно, если это так, но и сейчас мой долг состоял в том, чтобы найти его и выяснить, чем можно ему помочь. Погруженный в эти размышления, я машинально поднял глаза и увидел перед собой... Годфри Эмсуорта!..

Мой клиент умолк, вновь охваченный волнением.

— Прошу вас, продолжайте, — сказал я. — История и в самом деле не совсем обычная.

— Он стоял за окном, мистер Холмс, прижимаясь лицом к стеклу. Я уже говорил вам, что незадолго до этого любовался парком, освещенным луной, и, очевидно, неплотно задвинул занавески на окно. В образовавшемся между ними просвете и стоял мой друг. Окно начиналось от самого пола, и я видел Годфри во весь рост, но прежде всего мне бросилось в глаза его лицо. Оно было мертвенно-бледное — ни у кого никогда я не видел такого бледного лица. Так, наверно, выглядят привидения, но когда наши взгляды встретились, я понял, что передо мной живой человек. Он заметил, что я смотрю на него, отскочил от окна и скрылся в темноте.

Вид Годфри, мистер Холмс, поразил меня. Не только это лицо, белевшее в темноте, словно ломоть сыра, но еще больше его жалкое, виноватое, какое-то униженное выражение. Оно было так несвойственно прямодушному и мужественному юноше, каким я знал Годфри. Я содрогнулся от ужаса.

Но тот, кто провоевал год-другой, приучается сохранять хладнокровие и мгновенно принимать решения. Едва Годфри исчез, как я оказался у окна. Мне пришлось потратить некоторое время, чтобы справиться с замысловатым шпингалетом и распахнуть окно. Я выскочил в парк и побежал по тропинке, по которой мог скрыться Годфри.

Тропинка, казалось, не имела конца, среди деревьев царил полумрак, но все же — или зрение обманывало меня? — я заметил впереди что-то движущееся. Несколько раз на бегу я окликнул Годфри по имени. Добравшись до конца тропинки, я обнаружил несколько дорожек, разбегавшихся в разных направлениях к каким-то постройкам. Я в нерешительности остановился и тут же услышал стук закрывающейся двери. Звук долетел не из дома, оставшегося у меня за спиной, а откуда-то из темноты, впереди меня. Этого было достаточно, мистер Холмс, чтобы рассеять мои сомнения

в реальности происходящего. Это был Годфри, и, скрываясь от меня в доме, он захлопнул за собой дверь. Я был твердо в этом убежден.

Мне не оставалось ничего другого, как вернуться в свою комнату, где я провел бессонную ночь, размышляя и пытаясь найти какое-то объяснение случившемуся.

На следующий день полковник разговаривал со мной более дружелюбным тоном, а когда его жена вскользь заметила, что места вокруг очень живописные, я воспользовался случаем и спросил, не очень ли помешаю им, если останусь еще на ночь. Старик, хотя и не очень охотно, ответил согласием, и таким образом я получил для своих наблюдений целый день. Я уже не сомневался, что Годфри скрывается где-то поблизости, но где и почему — эту загадку мне предстояло решить.

Дом был такой большой и так беспорядочно построен, что в нем мог бы укрыться целый полк, и никто бы об этом не узнал. Если разгадка тайны скрывалась в самом доме, мне нечего было и надеяться на успех. Но дверь, стук которой я слышал, находилась безусловно не в доме. Мне предстояло обследовать парк и выяснить, какие строения в нем расположены. Задача не представляла особой трудности, поскольку хозяева занимались своими делами и предоставили меня самому себе.

Усадьба состояла из нескольких надворных построек, а в конце парка находился изолированный флигель, предназначенный, видимо, для садовника или егеря. Не здесь ли и хлопнула дверь накануне ночью? С небрежным видом, будто прогуливаясь по саду, я приблизился к флигелю. Как раз в это время невысокий энергичный человек с бородкой, в черном пальто и в шляпе-котелке вышел из двери. Он совсем не походил на садовника. Выйдя из домика, он, к моему изумлению, закрыл дверь на замок и положил ключ в карман. Потом он с некоторым удивлением взглянул на меня.

— Вы здесь в гостях? — спросил он.

Я объяснил причины своего приезда и подчеркнул, что являюсь другом Годфри.

— Какая жалость, что ему пришлось отправиться в путешествие, — продолжал я, — наша встреча доставила бы ему удовольствие.

— Вот именно,— ответил он несколько сконфуженно.— Но ничего, вы еще побываете здесь в более подходящее время.

Неизвестный ушел, но, обернувшись через некоторое время, я заметил, что он стоит за лавровыми кустами в дальнем конце сада и наблюдает за мной.

Продолжая прогуливаться, я внимательно осмотрел домик. Тяжелые шторы на окнах не позволяли заглянуть внутрь, но во флигеле, видимо, никого не было. Я чувствовал, что за мной по-прежнему наблюдают, и понял, что испорчу себе всю игру, если буду действовать слишком уж дерзко. Мне просто-напросто предложат убраться из поместья. Я решил отложить дальнейшие поиски до наступления вечера и не спеша вернулся в свою комнату. Как только стемнело и все кругом затихло, я выскользнул в окно и, соблюдая величайшую осторожность, прокрался к таинственному домику.

Я уже говорил, что тяжелые шторы не позволяли заглянуть внутрь, а теперь окна были закрыты еще и ставнями. Однако в одном месте сквозь них пробивалась полоска света, и я прильнул к окну. Мне повезло: шторы оказались задернутыми небрежно, в ставне нашлась узенькая щель, и я смог разглядеть все внутри. Это была довольно уютная, освещенная яркой лампой комната с пылающим камином. Напротив меня сидел невысокий человек — с ним я разговаривал сегодня утром. Он покуривал трубку и читал газету...

— Какую? — поинтересовался я.

Мне показалось, что мой клиент несколько раздражен тем, что я перебил его.

— Разве это имеет значение? — спросил он.

— Имеет, и очень важное.

— Я не обратил внимания.

— Но, возможно, вы заметили, какого формата была газета — большая или размера еженедельника?

— Теперь, после вашего вопроса, припоминаю, что небольшого. Возможно, это был журнал «Спектейтор». Но у меня не было времени интересоваться подобными деталями, я видел в комнате второго человека. Он сидел спиной к окну, и я готов был поклясться, что это Годфри. Его лица я не видел, но узнал своего друга по знакомой покатоности плеч. Он сидел, повернувшись к камину и опираясь на руку, и вся его поза выражала величайшую меланхолию. Пока я раздумывал, как по-

ступить дальше, кто-то сильно толкнул меня в спину, и я увидел рядом с собой полковника Эмсуорта.

— Идите за мной, сэр,— тихо проговорил он и молча направился к дому.

Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним в отведенную мне комнату. В вестибюле он захватил с собой железнодорожное расписание.

— Поезд в Лондон отправляется в восемь тридцать,— сказал он.— Двуколка будет ждать у подъезда в восемь.

Полковник даже побелел от ярости, а я испытывал такой стыд, что мог пролепетать в свое оправдание лишь несколько бессвязных фраз, объясняя свой поступок беспокоемством за друга.

— Вопрос не подлежит обсуждению,— резко ответил полковник.— Вы нагло вмешались в частные дела нашей семьи. Вы приехали сюда как гость, а оказались шпионом. Нам не о чем больше говорить, хочу только добавить, что не имею ни малейшего желания еще раз встречаться с вами.

Я не сдержался, мистер Холмс, и заговорил со стариком с некоторой горячностью:

— Я видел вашего сына и убежден, что по каким-то причинам вы прячете его от всех. Не знаю, чем это вызвано, но не сомневаюсь, что он лишен возможности действовать по собственной воле. Предупреждаю вас, полковник Эмсуорт, что до тех пор, пока я не получу доказательств, что жизни моего друга ничто не угрожает, я не откажусь от попыток до конца разобраться в этой тайне; я не позволю себя запугать, что бы вы ни говорили и ни делали.

Я опасался, что взбешенный старик вот-вот бросится на меня. Я уже сказал, что это был высоченный и энергичный старик великан, и, хотя я и сам не из числа слабых, мне пришлось бы туго, если бы мы с ним схватились. Он долго с гневом смотрел на меня, потом резко повернулся и вышел. Я же сел в поезд, полный решимости немедленно обратиться к вам за советом и помощью. Письмо с просьбой о свидании я направил вам несколько раньше.

Такова была загадка, которую мне предложил мой посетитель. Проницательный читатель, вероятно, уже понял, что она не представляла особых трудностей, поскольку существовало всего два-три варианта ее решения. И все же, несмотря на простоту, она содержа-

ла несколько интересных и необычных деталей, что, собственно, и заставило меня выбрать ее, когда я взялся за перо. Применяя свой обычный метод, я продолжал сокращать количество возможных решений.

— Сколько всего слуг в доме? — спросил я.

— Если не ошибаюсь, только старик дворецкий и его жена. Эмсуорты живут очень просто.

— Следовательно, во флигеле слуги не было?

— Нет, если только его обязанности не выполняет маленький человек с бородой. Однако он совсем не похож на слугу.

— Очень важное обстоятельство. Вы не замечали, пища доставляется во флигель из дома?

— Сейчас припоминаю, что однажды я видел, как Ралф шел по дорожке парка к флигелю с корзиной в руках. Но тогда мне и в голову не пришло, что он нес еду.

— Ну а на месте вы наводили какие-нибудь справки?

— Да, я разговаривал с начальником станции и с хозяином деревенской таверны. Я интересовался, известно ли им что-нибудь о моем старом товарище Годфри Эмсуорте. Оба они утверждали, что он отправился в кругосветное путешествие. По их словам, он вернулся домой из армии, но почти сразу же отправился путешествовать. Очевидно, это общее мнение.

— Вы ничего не говорили о своих подозрениях?

— Ни слова.

— Похвально. Дело, безусловно, нужно расследовать. Я поеду вместе с вами в Таксбери-оуд-парк.

— Сегодня?

Случилось так, что в то время я заканчивал дело, названное моим другом Уотсоном «Приключением в школе аббатства», — в нем был серьезно замешан герцог Грейминстерский. Кроме того, я получил одно поручение от турецкого султана, что требовало от меня немедленных действий, ибо в противном случае могли возникнуть самые неприятные политические последствия. Вот почему, судя по записям в моем дневнике, я только в начале следующей недели смог поехать в Бедфордшир вместе с мистером Джеймсом М. Доддом. По пути на вокзал Юстон мы прихватили с собой седого джентльмена — сурового и молчаливого; с ним я договорился заранее.

— Это мой старый приятель, — объяснил я Додду. — Возможно, его присутствия и не потребуется, но, воз-

можно, оно окажется необходимым. Пока нет смысла вдаваться в детали.

Из рассказов Уотсона читатели, несомненно, знают, что я обычно не трачу слов впустую и не люблю раньше времени делиться своими мыслями. Додда удивляло мое поведение, но он молчал, и мы продолжали поездку. В поезде я задал мистеру Додду еще один вопрос: мне хотелось, чтобы его ответ услышал наш спутник.

— Вы, как мне помнится, сказали, что успели хорошо разглядеть лицо вашего друга в окне, настолько хорошо, что сразу его узнали. Это так?

— Никаких сомнений. Он прижался к стеклу вплотную, и свет лампы падал как раз на его лицо.

— Но, возможно, это был кто-нибудь другой, похожий на вашего друга?

— Нет и нет.

— Однако вы утверждали, что он изменился?

— Изменился только цвет его лица. Оно было — как бы вам сказать? — такого же белого цвета, как, скажем, живот рыбы. Словно выбеленное.

— Все или частично?

— Пожалуй, частично. Особенно мне бросился в глаза его лоб, когда он прижимался к стеклу.

— Вы окликнули Годфри?

— В ту минуту я был страшно удивлен и даже потрясен. Потом, как я уже рассказывал, я бросился за ним вдогонку, но безуспешно.

По существу, мне уже все было ясно, оставалось лишь уточнить одну небольшую деталь. После довольно продолжительной поездки мы добрались наконец до странного, беспорядочно построенного дома; дверь нам открыл старик дворецкий Ралф. Коляску я нанял на весь день и попросил своего старого друга побыть в ней, пока мы его не позовем. На Ралфе, маленьком морщинистом старичке, был обычный костюм — черный пиджак и брюки в полоску, но с одним курьезным дополнением. На руках у него я увидел коричневые кожаные перчатки. При нашем появлении он торопливо стянул их и положил на столик в вестибюле. Как уже, очевидно, отмечал мой друг Уотсон, я наделен отличным обонянием и потому сразу ощутил хотя и слабый, но характерный запах, исходивший, насколько я мог определить, от этого столика. Я повернулся, положил на него шляпу, как бы нечаянно столкнул ее на пол и, нагнувшись за ней, принюхался. Да, странный де-

гярный запах исходил, несомненно, от перчаток, оказавшихся благодаря моей уловке не больше чем в футе от моего носа. Направляясь в кабинет хозяина, я уже считал расследование законченным. Какая жалость, что мне приходится самому выступать в роли рассказчика и раскрывать свои карты! Ведь только умалчивая до поры до времени о самых важных звеньях цепи, Уотсон умел так эффектно заканчивать свои истории.

Полковника Эмсуорта в кабинете не оказалось, но, извещенный Ралфом, он вскоре предстал перед нами. Сначала мы услышали в коридоре быстрые, тяжелые шаги. Потом распахнулась дверь, и в комнату ворвался ужасного вида старик. В руке он держал наши визитные карточки, которые тут же изорвал в мелкие клочки и, бросив на пол, принялся топтать.

— Разве я не советовал вам не совать свой проклятый нос в чужие дела? Разве не предупреждал, что не желаю вас больше видеть? Не вздумайте еще хоть раз показать мне свою гнусную физиономию! Если вы осмелитесь снова появиться здесь без моего разрешения, я пристрелю вас, сэр! Такое же предупреждение, — он повернулся ко мне, — я делаю и вам. Мне известна ваша подлая профессия, но применяйте свои так называемые таланты где-нибудь в другом месте, только не здесь.

— Я никуда отсюда не уйду, — решительно заявил мой клиент, — пока не услышу от самого Годфри, что он в безопасности.

Наш нелюбезный хозяин звонком вызвал дворецкого.

— Ралф, — распорядился он, — позвоните в полицию и попросите инспектора прислать двух полицейских. Объясните, что у меня в доме воры.

— Минуточку, — сказал я. — Вы должны понять, мистер Додд, что полковник Эмсуорт поступает справедливо. Мы не имеем права вторгаться в его дом. Вместе с тем и ему надо понять, что ваши действия вызваны только беспокойством о его сыне. Позволю себе выразить надежду, что, если я получу возможность поговорить с полковником Эмсуортом минут пять, мне, безусловно, удастся изменить его настроение.

— Не так легко меня переубедить, — отрезал старый вояка. — Ралф, выполняйте приказание. Какого дьявола вы ждете? Звоните в полицию!

— Ничего подобного, — сказал я и встал в дверях. —

Вмешательство полиции приведет к той самой катастрофе, которой вы так опасаетесь.— Я вынул блокнот, написал на нем всего лишь одно слово и передал вырванный листок полковнику Эмсуорту.— Вот поэтому-то мы и приехали сюда,— пояснил я.

Некоторое время он молча смотрел на листок из блокнота, и выражение его лица постепенно менялось. Оторвавшись наконец от листка, он в удивлении посмотрел на нас.

— Как вы узнали? — с трудом проговорил он, тяжело опускаясь в кресло.

— Я обязан был узнать. Такова моя профессия.

Наш хозяин погрузился в глубокое раздумье. Он сидел и молча теребил свою растрепанную бороду, потом махнул худой рукой, и этот жест означал, что старик вынужден покориться обстоятельствам.

— Ну что ж, если вы желаете повидать Годффри,— пожалуйста. Я не хотел этого, но бессилён помешать. Ралф, скажите Годффри и мистеру Кенту, что мы зайдем к ним минут через пять.

Когда истекло это время, мы прошли по дорожке через парк и очутились перед таинственным флигелем. У двери стоял невысокий бородатый человек и с удивлением смотрел на нас.

— Как все неожиданно, полковник Эмсуорт! — воскликнул он.— Это расстраивает все наши планы.

— Ничего не могу поделать, мистер Кент. Нас вынудили. Как мистер Годффри?

— Он жлет.

Кент повернулся и провел нас в большую, просто обставленную гостиную. Спinoй к камину стоял человек. Мой клиент бросился к нему с протянутой рукой.

— Годффри, старина!

Однако человек у камина знаком остановил его.

— Не прикасайся ко мне, Джимми, не подходи. Да, да, смотри на меня во все глаза. Я теперь не очень похож на бравого капрала Эмсуорта из эскадрона «Б», не так ли?

Действительно, выглядел капрал Годффри Эмсуорт по меньшей мере странно. Еще совсем недавно это был красивый, загоревший под африканским солнцем юноша, а сейчас его лицо покрывали беловатые пятна, кожа казалась как бы выбеленной.

— Вот почему я неприветлив с гостями,— заметил он.— Тебя-то я рад видеть, Джимми, однако не могу

сказать того же о твоём знакомом. Он, вероятно, не случайно оказался здесь, но не знаю, что привело его сюда.

— Я хотел убедиться, что с тобой все в порядке, Годфри. Я видел, как ты вчера вечером заглядывал в мое окно, и решил во что бы то ни стало узнать, что у вас происходит.

— О твоём приезде мне рассказал старина Ралф, и я не мог удержаться, чтобы не взглянуть на тебя. Я надеялся, что ты не заметишь меня, и бросился со всех ног в свою нору, когда ты подошел к окну.

— Боже, но что же с тобой?

— Ну, объяснение не займет много времени, — ответил он, закуривая сигарету. — Ты помнишь утренний бой в Баффелспруите, около Претории, на Восточной железной дороге? Ты слышал, что я был тогда ранен?

— Да, слышал, но подробностей не знаю.

— Я и еще двое наших отстали от своей части. Если ты помнишь, местность там холмистая. Со мной были Симпсон, тот самый парень, которого мы называли Лысым Симпсоном, и Андерсон. Мы прочесывали участок, но солдаты противника хорошо укрылись и внезапно напали на нас. Симпсон и Андерсон были убиты, а я был ранен в плечо. Правда, мне удалось удержаться на лошади, и она проскакала несколько миль, прежде чем я потерял сознание и свалился с седла.

Когда я пришел в себя, уже наступила ночь, и хотя я ослаб и чувствовал себя очень плохо, все же сумел приподняться и осмотреться. С удивлением я обнаружил, что нахожусь недалеко от большого здания с широкой верандой и множеством окон. Было очень холодно. Ты помнишь этот отвратительный холод — он всегда наступал по вечерам, вызывал какое-то болезненное состояние и не имел ничего общего с бодрящей, здоровой прохладой. Так вот, я очень замерз, и мне казалось, что я выживу только в том случае, если доберусь до какого-нибудь крова. С трудом поднялся и потащился, почти не сознавая того, что делаю. Мне смутно помнится, как я медленно поднялся по ступеням крыльца, вошел через распахнутую дверь в большую комнату, где стояло несколько кроватей, и со вздохом облегчения бросился на одну из них. Постель не была заправлена, но меня это вовсе не беспокоило. Я дрожал и, натянув на себя простыни и одеяло, мгновенно погрузился в глубокий сон.

Проснулся я утром, и мне сразу же показалось, что какая-то сила перенесла меня из реального мира в царство кошмаров. В огромные, без занавесок окна вливались лучи африканского солнца и ярко освещали большую голую спальню с выбеленными стенами. Передо мною стоял низенький, похожий на гнома человек с головой-луковицей; он размахивал обезображенными, напоминавшими коричневые губки руками, и что-то возбужденно трещал по-голландски. За ним я увидел группу людей, которых, видимо, очень забавляла эта сцена. У меня же при взгляде на них стала стынуть кровь. Ни одного из них нельзя было назвать нормальным человеческим существом: изуродованные, искривленные, распухшие. Жуткое впечатление производил смех этих уродов.

Никто из них, кажется, не знал английского языка, но обстановка вскоре прояснилась, ибо существо с головой-луковицей уже пришло в ярость, с какими-то звериными возгласами ухватило за меня своими изуродованными руками и принялось стаскивать с кровати, не обращая внимания на то, что из моей раны снова хлынула кровь. Маленькое чудовище обладало звериной силой, и не знаю, что оно сделало бы со мной, не появившись в комнате какой-то пожилой человек, привлеченный шумом и, судя по манере держаться, обладавший определенной властью. Он бросил несколько сердитых слов по-голландски, и мой мучитель сейчас же оставил меня в покое. Потом человек повернулся и с величайшим изумлением уставился на меня.

— Каким образом вы оказались здесь? — не скрывая удивления, спросил он. — Одну минуту! Я вижу, вы утомлены и ранены. Я врач и сейчас перевяжу вас. Но, боже мой, здесь вам угрожает еще большая опасность, чем на поле боя. Вы попали в больницу для прокаженных и провели ночь в постели больного проказой.

Нужно ли рассказывать дальше, Джимми? Оказывается, в связи с приближением фронта все эти несчастные были накануне эвакуированы. После того как англичане продвинулись вперед, доктор — он оказался заведующим больницей — доставил своих пациентов обратно. Он сказал, что, хотя и считает себя невосприимчивым к проказе, все же не осмелился бы сделать то, что сделал я. Он поместил меня в отдельную палату, внимательно ухаживал за мной, а через неделю отправил в военный госпиталь в Преторию.

Вот и вся моя трагическая история. Вопреки всему я еще на что-то надеялся, но уже после возвращения домой ужасные знаки, которые ты видишь у меня на лице, дали знать, что болезнь не пощадила меня. Что мне оставалось делать? Наша усадьба расположена в уединенной местности. Нас обслуживают двое слуг, на которых мы могли полностью положиться. У нас есть флигель, где я мог жить. Врач, мистер Кент, согласился разделить со мной уединение и обязался хранить тайну. Казалось, все очень просто. А что ожидало меня, если бы мы открыли тайну моего заболевания? Пожизненная изоляция вместе с совершенно чужими людьми, без всякой надежды на освобождение. Нам оставалось только одно: соблюдать строжайшую тайну, иначе разразился бы скандал и ничто не спасло бы меня от ужасной участи. Даже тебя, Джимми, даже тебя пришлось держать в неведении! Ума не приложу, почему вдруг отец смягчился.

Полковник Эмсуорт показал на меня.

— Вот господин, вынудивший меня сделать это.— Он развернул листок бумаги, на котором я написал слово «Проказа».— Я решил, что если уж он знает так много, то будет безопаснее, если узнает все.

— Правильно,— ответил я.— Возможно, именно поэтому все закончится очень хорошо. Насколько я понимаю, пока лишь мистер Кент наблюдал своего пациента. Позвольте спросить, сэр: вы действительно специалист по таким заболеваниям?

— Я просто врач,— несколько сухо ответил мистер Кент.

— Не сомневаюсь, сэр, что вы вполне компетентный врач, но уверен, что вы не станете возражать, если вам предложат выслушать еще чье-то мнение. Если не ошибаюсь, вы пока не сделали этого из опасения, что вас заставят изолировать вашего пациента.

— Именно так,— подтвердил полковник Эмсуорт.

— Я предвидел, что возникнет подобная ситуация,— продолжал я,— и привез с собой друга, на чье молчание вполне можно положиться. В свое время я оказал ему профессиональную услугу. И он готов дать совет скорее как друг, чем как специалист. Я говорю о сэре Джеймсе Саундерсе.

Перспектива побеседовать со своим главнокомандующим не вызвала бы у младшего офицера такого

энтузиазма, какой отразился на лице мистера Кента при моих словах.

— Буду весьма польщен,— пробормотал он.

— В таком случае я приглашу сюда сэра Джеймса. Он ждет в коляске у ворот. Мы же, полковник Эмсуорт, пройдем в ваш кабинет, где я сочту своим долгом дать вам необходимые разъяснения.

Именно сейчас я и почувствовал, как мне недостает моего Уотсона. Уж он-то всякими интригующими вопросами и возгласами удивления умеет возвысить мое несложное искусство до уровня чуда, хотя в действительности оно представляет собой не что иное, как систематизированный здравый смысл. Я же, выступая в качестве рассказчика, лишен возможности прибегать к подобным методам. Поэтому ограничусь тем, что изложу здесь ход своих рассуждений, как изложил его маленькой аудитории в кабинете полковника Эмсуорта.

— Размышляя над всей этой историей, я исходил из предположения, что истиной, какой бы невероятной она ни казалась, является то, что останется, если отбросить все невозможное. Не исключено, что это оставшееся допускает несколько объяснений. В таком случае необходимо проанализировать каждый вариант, пока не останется один, достаточно убедительный. Применим сейчас этот метод к нашему случаю. В том виде, в каком дело было изложено мне впервые, оно допускало только три возможных ответа на вопрос, чем вызвано добровольное уединение или принудительное заключение этого джентльмена в имении отца: либо он скрывался от привлечения к ответственности за какое-то преступление, либо сошел с ума и родители не хотели посылать его в сумасшедший дом, либо у него обнаружили болезнь, требовавшую изоляции. Иных приемлемых объяснений я придумать не мог. Таким образом, предстояло сравнить и проанализировать каждый из этих трех вариантов.

Версия о преступлении не выдерживала серьезной проверки. Нераскрытых преступлений в этом районе не было. Я это твердо знал. Если же речь шла о не раскрытом пока преступлении, интересы семьи, несомненно, потребовали бы поскорее отделаться от виновника и отправить его за границу, а не прятать в доме. Поведение семьи казалось мне необъяснимым.

Более правдоподобной выглядела версия о сумасшествии. Присутствие второго человека во флигеле дава-

ло повод предполагать, что вместе с Годфри живет санитар. Тот факт, что, выходя, он закрыл за собой дверь на замок, лишь подтверждало подобную возможность и свидетельствовало о каких-то ограничениях, наложенных на больного. Вместе с тем эти ограничения, видимо, не носили слишком строгий характер, иначе молодой человек не мог бы выйти из флигеля, чтобы взглянуть на своего приятеля. Вы помните, мистер Додд, меня интересовало, какую газету или журнал читал мистер Кент. Я утвердился бы в своем предположении, если бы это оказался «Ланцет» или «Британский медицинский журнал». Душевнобольной может оставаться в частном доме, если за ним присматривает медицинский работник и предупреждены соответствующие власти. Но тогда к чему вся эта таинственность в поведении Эмсуортов? Объяснения я не находил.

Оставалась третья версия, почти невероятная, но все ставившая на свои места. Проказа в Южной Африке очень распространена, и вполне возможно, что в результате какой-то нелепой случайности юноша заразился страшной болезнью. Это поставило его родителей в исключительно трудное положение, так как они, естественно, не хотели, чтобы их сына изолировали. Оставался один выход: постараться сохранить постигшее семью несчастье в тайне, не допустить возникновения слухов и избежать вмешательства властей. Не представляло трудности найти надежного медицинского работника, готового за соответствующее вознаграждение взять на себя уход за больным. Наконец, не было никаких оснований отказывать больному в некоторой свободе передвижения с наступлением темноты. Что касается белого лица юноши, то именно побеление кожи является одним из последствий заболевания проказой.

Это предположение показалось мне настолько убедительным, что я решил действовать так, словно оно уже подтвердилось. Мои последние сомнения рассеялись, когда я заметил, что Ралф носил еду в перчатках, пропитанных дезинфицирующим средством. Всего лишь одним словом, сэр, я дал вам понять, что ваш секрет раскрыт. Я мог бы произнести это слово, но предпочел написать, так как хотел показать вам, что мне можно довериться.

Я уже заканчивал свое краткое сообщение, когда

раскрылась дверь и в ней появилась аскетическая фигура великого дерматолога. На этот раз черты его лица, напоминавшего в обычное время лик сфинкса, не казались суровыми, а глаза светились теплотой. Он не спеша подошел к полковнику Эмсуорту и пожал ему руку.

— Чаще всего я приношу плохие вести,— сказал он,— но на этот раз пришел с хорошей новостью. Это не проказа.

— Что?!

— Бесспорный случай псевдопроказы, или ихтиоза, иногда еще называемого «рыбьей чешуей». Это вызывающее отвращение и с трудом поддающееся лечению заболевание кожи, к счастью, не заразно. Да, мистер Холмс, сходство поразительное! Но можно ли его назвать случайным? Разве нельзя предположить, что нервное потрясение, которое пережил молодой человек после соприкосновения с прокаженными, как раз и вызвало подобие того, чего он так боялся? Во всяком случае гарантирую своей профессиональной репутацией... Что это? Дама в обмороке! Побудьте с ней, мистер Кент, пока она не придет в себя. Это от радости.

ЗАГАДКА ТОРСКОГО МОСТА

Где-то в подвалах банка «Кокс и К°» на Чарринг-кросс лежит потерянная курьерская сумка с моим именем на крышке «Джон Х. Уотсон, доктор медицины, бывший военный служащий Индийской армии». Сумка набита бумагами: это записи необычных дел, которые Холмс когда-то расследовал. Некоторые из дел, и довольно интересные, окончились полной неудачей, и поэтому едва ли стоит о них писать: задача без решения может заинтересовать специалиста, а у случайного читателя вызовет лишь раздражение. Среди таких незаконченных дел — история мистера Джеймса Филимора, который, вернувшись домой за зонтиком, бесследно исчез. Не менее замечательна история катера «Алисия»: однажды вечером он вошел в полосу тумана и пропал навсегда — никто более не слышал ни о нем, ни о его экипаже. Третье дело, достойное упоминания, — случай с Айседором Персано, знаменитым журналистом и дуэлянтом: он помешался на том, что в спичечной коробке, которую он постоянно держал в руках, находится редчайший червь, по его словам, еще не известный науке.

Не считая этих «темных дел», есть несколько таких, которые затрагивают семейные тайны, настолько интимные, что сама мысль о возможности их оглашения вызвала бы переполох во многих высокопоставленных домах. Нет нужды говорить, что это исключено, и теперь, когда у моего друга есть время и силы, подобные записи будут отобраны и уничтожены.

Остается значительное число дел, более или менее интересных, о которых я мог бы написать раньше, если

бы не боялся пресытить читателя и тем самым повредить репутации человека, которого чту больше всех.

Я был участником некоторых из этих дел и потому могу говорить о них как очевидец. К их числу относится и описанное ниже.

Был ветреный октябрьский день. Я одевался и следил, как кружились в воздухе сорванные ветром последние листья одинокого платана, который украшал двор позади нашего дома. Спускаясь к завтраку, я ожидал застать моего друга в подавленном настроении, ибо, как настоящая артистичная натура, он легко поддавался влиянию окружающей обстановки. Напротив, он кончал завтракать в особенно веселом настроении того несколько зловещего оттенка, который был характерен для него в минуты душевного подъема.

— У вас есть дело, Холмс? — заметил я.

— Ваша способность к дедукции поистине поразительна, Уотсон, — ответил он. — Она помогла вам раскрыть мою тайну. Да, у меня есть дело. После месяца незначительных происшествий и застоя колесо завертелось снова.

— Я мог бы принять участие в этом деле?

— Пока не в чем, но мы обсудим этот вопрос, когда вы уничтожите два крутых яйца, которыми нас сегодня удостоила наша новая кухарка. Степень их съедобности находится в прямой связи с очередным номером «Семейной газеты», которую я видел вчера на столе в гостиной: даже такое пустяковое дело, как варка яиц, требует внимания, точного ощущения времени и несовместимо с чтением романа, напечатанного в этом отличном периодическом издании.

Через четверть часа со стола убрали, и мы остались одни. Холмс вытащил из кармана письмо.

— Вы слышали о Нейле Гибсоне, Золотом Короле? — спросил он.

— Вы имеете в виду американского сенатора?

— Ну да, он был когда-то сенатором от одного из западных штатов, но больше известен как крупнейший в мире золотопромышленник.

— Да, знаю: он некоторое время жил в Англии, и его имя пользовалось некоторой популярностью.

— Он купил солидное поместье в Хэмпшире лет пять тому назад. Вы, вероятно, уже слышали о трагической гибели его жены?

— Конечно. Я теперь вспоминаю — вот почему его имя мне известно. Правда, я не знаю подробностей.

Холмс указал на бумаги, лежащие на стуле.

— Мои химические опыты по получению экстрактов еще не окончены, а тут эта история. С виду пахнет сенсацией, но, мне кажется, разобраться здесь нетрудно. Улики явные — таково мнение и экспертизы и полиции. Сейчас дело передано на рассмотрение выездной сессии суда в Винчестере. Боюсь, что это неблагоприятная работа. Я могу обнаружить факты, но не могу их изменить! Пока не появятся какие-либо новые данные, не вижу, на что может надеяться мой клиент.

— Ваш клиент?

— Ах, я забыл вам рассказать! Я, кажется, перенял вашу привычку, Уотсон, рассказывать историю с конца. Лучше прочтите сначала вот это.

Он передал мне письмо. Оно было написано четким, уверенным почерком и гласило:

«Отель «Кларидж», 3 октября

Уважаемый м-р Шерлок Холмс!

Мне тяжело быть свидетелем того, как самая лучшая на Земле женщина идет навстречу своей гибели. Я сделаю все, что в моих силах, для ее спасения. Я ничего не могу объяснить, не могу даже попытаться сделать это, но я ничуть не сомневаюсь, что мисс Данбэр невиновна. Вы знаете факты — кто их не знает? — об этом сплетничают по всей Англии. И ни один голос не поднялся в ее защиту — какая чудовищная несправедливость! Эта женщина и мухи не обидит!

Одним словом, я буду у Вас завтра в 11 часов. Посмотрим, сможете ли Вы что-нибудь прояснить в этой темной истории. Во всяком случае, все, чем я располагаю, — к Вашим услугам, только спасите ее. Умоляю Вас, приложите все свое умение и энергию!

*С совершенным почтением
Дж. Нейл Гибсон».*

— Вот, извольте.— Шерлок Холмс выбил пепел из трубки, которую курил после завтрака, и снова не спеша набил ее табаком.— Этого джентльмена я как раз и жду. Что касается самой истории, то за недостатком времени я перескажу вам ее вкратце, если вы доверяете официальным отчетам о ходе следствия. Человек этот.— крупный финансовый магнат. Насколько

я понимаю, он крайне вспыльчив и страшен в гневе. Он женился на женщине, жертве этой трагедии,— о ней я пока не знаю ничего, кроме того, что она была уже не первой молодости. Дело осложняется еще и тем, что воспитание их двоих детей было поручено молодой и весьма привлекательной гувернантке. Вот три человека — участники события, происшедшего в старинном английском поместье.

Теперь о самой трагедии. Труп был найден в парке, примерно в полумиле от дома. Убитая была одета к обеду, с шалью на плечах. Пуля, выпущенная из револьвера, пробила ее голову навылет. Около трупа не нашли никакого оружия, никаких следов убийства. Заметьте, Уотсон, никакого оружия! Преступление, по-видимому, было совершено поздно вечером, а труп обнаружен лесником около одиннадцати часов. Затем врач и полиция осмотрели убитую, после чего перенесли ее в дом... Может быть, я излагаю слишком сжато, или вам ясны все обстоятельства этого происшествия?

— Абсолютно все ясно. А почему подозревают гувернантку?

— Во-первых, есть некоторые прямые улики: револьвер с одним разряженным гнездом в барабане (калибр оружия соответствует найденной пуле) был обнаружен на дне ее платяного шкафа. — Холмс установился в одну точку и раздельно повторил: — На... дне... ее... платяного... шкафа...— Затем он погрузился в раздумье, и я понял, что с моей стороны было бы глупо прерывать его.

Вдруг он снова оживился.

— Да, Уотсон, найден револьвер. Здорово изобличает, а? Таково мнение двоих понятых. На убитой найдена записка с предложением встретиться на том самом месте, где произошло убийство; записка подписана гувернанткой. Ну как? К тому же и мотивы убийства налицо: сенатор Гибсон — личность привлекательная, и, если его жена умрет, кому занять ее место, как не юной леди, которая, по общим отзывам, уже давно пользовалась исключительным вниманием со стороны хозяина. Любовь, деньги, власть — а на пути к этому стоит немолодая жена Гибсона! Плохо дело, Уотсон, очень плохо!

— Да, Холмс, это так.

— И алиби она не может представить. Напротив,

гувернантка вынуждена признать, что примерно в то время, когда это случилось, она находилась как раз около Торского моста (это место трагедии). Отрицать этот факт бессмысленно, ибо несколько проходивших мимо крестьян ее там видели.

— Да, вопрос ясен!

— И все же, Уотсон, не будем спешить с выводами! Давайте разберемся. Мост, о котором идет речь, представляет собой один широкий каменный пролет с парапетом по краям. Он построен для переправы через самую узкую часть длинного глубокого водоема, заросшего тростником. Это так называемый Торский пруд. У входа на мост лежала мертвая женщина. Таковы факты... Но что это? Если я не ошибаюсь, наш клиент пришел значительно раньше условленного времени.

Вилли, слуга Холмса, открыл дверь, но имя, которое он объявил, было неизвестно нам обоим: «Мистер Марлоу Бэйтс». Нашему взору предстал худощавый субъект с испуганными глазами и судорожными, неуверенными манерами — этакий «комочек нервов». На мой взгляд врача-профессионала, этот человек находился на грани полного расстройства нервной системы.

— Вы, кажется, возбуждены, мистер Бэйтс, — сказал Холмс. — Прошу вас, садитесь. Боюсь, что смогу уделить вам очень мало времени: у меня в 11 часов свидание.

— Я знаю о нем. — Наш посетитель выпаливал короткие фразы, словно ему не хватало воздуха. — Сюда идет Гибсон — мой хозяин. Я управляющий его именем. Холмс, знайте: он негодяй, жуткий негодяй!

— Крепко сказано, мистер Бэйтс.

— Я вынужден так говорить, ибо у меня мало времени. Я не хочу встречаться с ним у вас. Он вот-вот придет. Была причина, не позволившая мне прийти раньше: его секретарь, мистер Фергюссон, только сегодня утром рассказал о предстоящей встрече Гибсона с вами.

— Так вы его управляющий?

— Я подал заявление об уходе. Через несколько недель я избавлюсь от этого проклятого рабства. Гибсон — тяжелый человек. Эти благотворительные дела лишь ширма, прикрывающая дурные стороны его личной жизни. Его жена пала жертвой. Он был груб с ней, да-да, сэр, груб! Не знаю, как она погибла, но

уверен, что он превратил ее жизнь в страдание. Она была типичная южанка, бразилианка по рождению — вы, конечно, знаете это?

— Нет, это обстоятельство ускользнуло от меня.

— Южанка по рождению и по натуре. Дитя солнца и страсти. Она любила его, как могут любить такие женщины. Но когда увяла ее красота (говорят, когда-то она была прекрасна), ничто уже не привязывало к ней мужа. Нам всем она нравилась, мы ей сочувствовали и ненавидели его за то, как он с ней обращался. Но он хитер и умеет внушать доверие. Это все, что я должен сказать вам. Не судите о нем по внешнему виду, смотрите глубже. Ну, я пойду. Нет-нет, не удерживайте меня! Он сейчас придет!

Наш странный посетитель испуганно взглянул на часы и буквально вылетел из комнаты.

— Ну-ну! — сказал Холмс после небольшой паузы. — Я вижу, у мистера Гибсона довольно «преданные» домочадцы. Хорошо, что Бэйтс предупредил нас; теперь подождем самого хозяина.

Точно в назначенное время раздались тяжелые шаги на лестнице, и знаменитый миллионер вошел в комнату. Взглянув на него, я понял причину страха и антипатии его управляющего, да и проклятий, которые обрушивали на его голову многие конкуренты по бизнесу. Если бы я был скульптором и хотел олицетворить преуспевающего бизнесмена с железными нервами и без совести, я выбрал бы в качестве натурщика мистера Нейла Гибсона. Его высокая, худощавая, словно высеченная из камня фигура выражала алчность хищника; ну прямо-таки Авраам Линкольн, но обративший свою энергию на достижение низменных целей, — вот как можно было бы определить этого человека. Его лицо, твердое, безжалостное, было изрыто глубокими морщинами — следами бурно прожитой жизни.

Гибсон оглядел нас по очереди с ног до головы холодными серыми глазами, коварно поблескивающими из-под ошетилившихся бровей. Когда Холмс упомянул мое имя, он небрежно поклонился, затем властным жестом хозяина подвинул стул вплотную к столу моего друга и сел, почти касаясь его своими худыми коленями.

— Позвольте мне сразу же сказать, мистер Холмс, — начал он, — что деньги в данном случае не име-

ют для меня значения. Вы можете жечь их, если это сколько-нибудь поможет вам осветить путь к истине. Женщина невиновна и должна быть оправдана, а сделать это предстоит вам. Назовите вашу цену.

— Размер моего гонорара точно установлен, — холодно сказал Холмс. — Я не меняю его, за исключением тех случаев, когда вообще отказываюсь от оплаты.

— Ну ладно, раз доллары не имеют для вас значения, подумайте о репутации. Если вы выиграете это дело, все газеты в Англии и в Америке поднимут шум вокруг вашего имени. О вас будут говорить на обоих континентах.

— Благодарю вас, мистер Гибсон. Право же, я не нуждаюсь в рекламе. Возможно, вас это удивит, но я предпочитаю работать инкогнито, и в деле меня привлекает именно сама проблема. Однако мы теряем время. Обратимся к фактам.

— Я полагаю, что вы знаете все главные факты из сообщений прессы. Не знаю, смогу ли добавить что-либо полезное для вас. Но если хотите, чтобы я лучше осветил некоторые моменты, — я к вашим услугам.

— Хорошо. Меня интересует только один момент.

— Какой именно?

— Каковы в действительности ваши отношения с мисс Данбэр?

Сильно вздрогнув, Золотой Король приподнялся со стула. Затем к нему вновь вернулось спокойствие и солидность.

— Полагаю, что ваше право и, может быть, ваш долг — задавать такие вопросы, мистер Холмс.

— Допустим, — сказал Холмс.

— Тогда могу заверить вас, что отношения ничем не отличаются от обычных отношений между хозяином и молодой леди, с которой он видится лишь в обществе своих детей.

Холмс встал.

— Я довольно занятый человек, мистер Гибсон, — сказал он, — и не имею ни времени, ни склонности к бесплодным разговорам. Всего хорошего!

Наш посетитель также встал; он высокомерно возвышался над Холмсом, словно башня; глаза вспыхнули злобой, желтоватые щеки слегка окрасились румянцем.

— Черт побери, что вы хотите этим сказать, мистер Холмс? Вы отказываетесь от моего дела?

— Да, мистер Гибсон, по крайней мере я отказываюсь от вас. Полагаю, что выразился ясно.

— Довольно ясно, но что за этим кроется? Хотите набить себе цену? Бойтесь взяться за это дело? Или что другое? Я имею право требовать объяснений.

— Возможно,— сказал Холмс. — Я объясню вам. Прежде всего это дело и так запутано, незачем его еще осложнять ложной информацией.

— То есть я лгу?

— Ну, я пытался выразиться как можно деликатнее, но, если вы настаиваете на такой формулировке, не возражаю.

Я вскочил, ибо у нашего гостя страшно напряглись мускулы лица и он поднял громадный сжатый кулак.

Вяло улыбнувшись, Холмс протянул руку за трубкой.

— Не шумите, мистер Гибсон. Я понимаю, что после завтрака даже незначительный спор выбивает из колеи. Поэтому я думаю, что прогуляться и спокойно подумать на свежем воздухе будет в высшей степени полезно для вас.

Золотой Король с трудом сдерживал свою ярость. Я не мог не восхищаться им: проявив незаурядное самообладание, он вмиг подавил вспышку гнева, и теперь на его лице можно было прочесть лишь высокомерное безразличие.

— Ну, это ваше дело. Я не могу заставить вас взяться за расследование, если вы сами этого не хотите. Но имейте в виду, мистер Холмс, вы сейчас совершили ошибку, ибо я побеждал более сильных людей, чем вы. Не было еще человека, который, став на моем пути, вышел бы победителем!

— Многие говорили то же самое, однако я жив здоров, чего и вам желаю. До свидания, мистер Гибсон. Вам предстоит еще многому научиться.

Наш посетитель с шумом вышел. Холмс невозмутимо курил, уставив в потолок мечтательный взгляд.

— Ваше мнение, Уотсон? — спросил он наконец.

— Когда я подумал о том, что этот человек на самом деле способен смести любое препятствие на своем пути и когда я вспомнил, что его жена могла быть таким препятствием и объектом неприязни, как сказал этот Бэйтс, мне показалось, что...

— Верно. И мне тоже.

— Но каковы его действительные отношения с гувернанткой и почему вы спросили его об этом?

— Чепуха, Уотсон, чепуха! Когда я обратил внимание на нешаблонный, неделовой тон его письма, а затем сопоставил это с его замкнутостью и внешним обликом, мне стало совершенно ясно, что обвиняемая вызывает у него более глубокое чувство, чем просто жертва. Мы должны выяснить истинные взаимоотношения этих трех людей, если хотим докопаться до истины. Вы видели, как я атаковал его в лоб и как спокойно он отразил атаку. Затем я начал его запугивать, делая вид, что все знаю, тогда как на самом деле у меня одни подозрения.

— Быть может, он вернется?

— Он обязательно вернется. Он должен вернуться. Он не может так оставить дело. Ха! Не звонок ли это? Да, это его шаги. Так вот, мистер Гибсон, я только что сказал доктору Уотсону, что вы слегка запаздываете.

На этот раз Золотой Король был более спокоен. В его возмущенном взгляде еще сквозило уязвленное самолюбие, но здравый смысл подсказывал, что он должен уступить, если хочет достичь своей цели.

— Мистер Холмс, я чувствую, что погорячился, обидевшись на ваши замечания. Вы имеете полное право устанавливать факты, каковы бы они ни были; я переменял к лучшему свое мнение о вас. Однако уверяю вас, что отношения между мисс Данбэр и мной, конечно, не касаются этого дела.

— Это уж я сам решу, ладно?

— Да, я понимаю. Вы похожи на врача, который должен знать все симптомы, чтобы поставить диагноз.

— Вот именно. Это определение подходит. И если пациент скрывает симптомы своей болезни, значит, он хочет обмануть врача.

— Допустим, так, но вы должны признать, мистер Холмс, что любой бы на моем месте испугался, если напрямик спросить о его отношениях с женщиной. Конечно, в том случае, если речь идет о сколько-нибудь серьезном чувстве. Думаю, что у большинства людей где-то в глубине души есть тайный уголок, куда не пускают незваных гостей. А вы вдруг ворвались туда. Но цель оправдывает ваши действия: надо попытаться спасти девушку. Итак, ставки снижены, завеса приот-

крыта, и вы можете начать исследовать. Что вам нужно знать?

— Правду.

Золотой Король сделал небольшую паузу, как бы собираясь с мыслями. Его мрачное, изрытое глубокими морщинами лицо помрачнело еще больше.

— Я могу сообщить правду в нескольких словах, мистер Холмс,— наконец сказал он.— Есть некоторые вещи, которые тяжело пережить, и так же трудно о них говорить. Поэтому я не буду углубляться больше, чем нужно. Я встретил свою жену, когда искал золото в Бразилии. Мария Пинто была дочерью крупного правительственного чиновника в Манаусе*. Она была очень красива. Я тогда был молод и горяч, но даже теперь, глядя на все более хладнокровно и критически, я понимаю, что она была необыкновенно красива. Это была глубокая натура, страстная, цельная, по-южному неуравновешенная. Она резко отличалась от тех американок, которых я знал. Короче говоря, я полюбил ее, и мы поженились. И только когда любовь прошла — а это случилось не сразу,— я понял, что между нами не было ничего, решительно ничего общего. Моя любовь прошла. Если бы у нее было так же, нам обоим было бы легче. Но вы же знаете женщин: как ни стараешься их оттолкнуть — ничего не получается. Я был с ней груб, даже жесток, как говорят некоторые. И это потому, что я знал: стоит мне убить в ней любовь или обратить ее в ненависть, как нам обоим будет легче. Однако ничто не помогало: она обожала меня так же, как и двадцать лет назад. Что бы я ни делал, она по-прежнему была мне предана.

...Затем появилась мисс Данбэр. Она пришла по объявлению и стала воспитывать наших детей. Вы, наверное, видели ее портрет в газетах и согласитесь с общим мнением, что она настоящая красавица. Я не притворяюсь моралистом, как другие, и признаюсь, что живя под одной крышей с такой женщиной и ежедневно с ней общаясь, я не мог не испытывать к ней пылких чувств. Вы не осуждаете меня за это?

— Я не осуждаю вас за то, что вы испытываете такие чувства, но я бы сурово осудил вас, если бы вы признались в них мисс Данбэр,— ведь эта женщина была в известном смысле у вас на содержании.

---

* Порт на реке Амазонке.— *Прим. пер.*

— Хорошо, пусть будет так.— Он был задет упреком: его глаза сверкнули злобой.— Я не хочу казаться лучше, чем есть. Всю свою жизнь я брал то, что мне было нужно. Однако никогда я так не жаждал любви женщины, как теперь. Я об этом сказал ей.

— Как, вы это сделали?! — Когда Холмс волновался, взгляд его был страшен.

— Я сказал мисс Данбэр, что если бы мог, то женился бы на ней. Но это было не в моей власти. Я сказал, что, не считаясь с затратами, сделаю все, чтобы она была счастлива и довольна.

— Весьма благородно с вашей стороны,— съязвил Холмс.

— Послушайте, мистер Холмс, я пришел к вам давать показания, а не выслушивать нравоучения. Я не нуждаюсь в вашей критике.

— Только ради девушки я вообще берусь за ваше дело,— сурово сказал Холмс.— Я не уверен, что то, в чем ее обвиняют, хуже того, что вы себе позволяете: вы пытались обесчестить беззащитную девушку, жившую в вашем доме. Некоторым из вас, богачей, надо бы зарубить себе на носу, что есть вещи, которые не купишь за деньги.

К моему удивлению, Золотой Король хладнокровно принял упрек.

— Да, теперь я это понимаю. Благодарю Бога, что мои намерения не осуществились. Она бы ни за что не согласилась; в тот момент она хотела сразу уехать.

— Почему же она не сделала этого?

— Во-первых, у нее были на иждивении родные, нелегко ей было подвести их, пожертвовав своим жалованьем. Когда я поклялся — да, да, поклялся! — что не буду больше никогда к ней приставать, она согласилась остаться. Но у нее были и другие соображения: она знала, что имеет на меня влияние большее, чем кто бы то ни было. Она хотела это влияние употребить на благо.

— Каким образом?

— Ну, она знала кое-что о моих делах. Это большие дела, настолько большие, что обыкновенному человеку покажутся невероятными. Я властен создать и разрушить, обычно разрушаю. Это касается не только людей, это касается дорог, городов, даже народов. Бизнес — жестокая игра. Здесь слабый погибает. Я вел игру, чего бы это мне ни стоило. Я никогда не хны-

кал сам и не обращал внимания, если хныкал другой. Но она смотрела на все это иначе, и, я думаю, она права. Она уверена в том, что несправедливо, если один имеет больше, чем ему нужно, а десять тысяч разорены и оставлены без средств к существованию. Вот как она смотрела на вещи и, мне кажется, видела кое-что поважнее долларов. Она убедилась, что я прислушиваюсь к ее словам, и верила, что оказывает услугу обществу, влияя на мои поступки. Все было хорошо, как вдруг случилась эта история.

— Можете вы что-нибудь прояснить в ней? — спросил Холмс.

Золотой Король молчал, опустив голову на руки и глубоко задумавшись.

— Девушка предстает в очень дурном свете — не отрицаю. Однако женщины живут своей духовной жизнью, и мужчина иногда не может истолковать их поступков. Сначала я был захвачен врасплох и так напуган, что подумал было: она могла быть выведена из равновесия каким-то необычным образом (хотя это совершенно не в ее характере). Мне на ум приходит одно объяснение — хотите верьте, хотите нет. Безусловно, моя жена терзалась мучительной ревностью. Существует ревность духовного порядка, она может быть столь же безумной, как и обычная, «физическая» ревность. И хотя моя жена не имела повода для последней, — я думаю, она понимала это, — все же она знала, что эта молодая англичанка оказывала на мой разум и действия такое влияние, какого моя жена никогда на меня не имела. Тот факт, что влияние это было хорошим, не улучшал дела. Жена обезумела от ненависти. Может быть, она задумала убить мисс Данбэр или, скажем, пригрозив ей револьвером, заставить ее покинуть наш дом. Могла произойти драка, револьвер выстрелил и убил женщину, которая держала его.

— О такой возможности я уже думал, — сказал Холмс. — Ибо в самом деле это единственная версия, противоположная версии о предумышленном убийстве.

— Но мисс Данбэр полностью отрицает эту версию.

— Ну, это еще не все, правда? Ведь можно предположить, что женщина в таком ужасном положении могла поспешить домой, бессознательно держа в руках револьвер; она могла даже бросить его среди своей одежды, едва сознавая, что делает, а когда на-

шли револьвер, могла попытаться найти выход из положения, полностью все отрицая. Что может опровергнуть это предположение?

— Сама мисс Данбэр.

— Допускаю.

Холмс взглянул на часы.

— Я не сомневаюсь, что мы получим разрешение на свидание с ней и вечерним поездом отправимся в Винчестер. Когда я увижу девушку, то, может быть, окажусь более полезным в вашем деле, хотя не могу обещать, что мои выводы будут непременно соответствовать вашим предположениям.

Со служебными пропусками произошла задержка, и вместо Винчестера мы в тот день поехали к Торскому мосту, в хэмпширское имение мистера Нейла Гибсона. Сам он не поехал, но у нас был адрес сержанта местной полиции Ковентри, который начал следствие. Это был высокий худой мужчина с мертвенно-бледным лицом. У него был несколько таинственный вид, словно он хотел показать, что знает гораздо больше, чем говорит. К тому же он имел привычку понижать голос до шепота, будто напал на что-то крайне важное, хотя все, что он сообщил, было довольно обычной информацией. А вообще это был честный малый: он не стыдился признаться, что ему не одолеть этого дела и что он нуждается в помощи.

— Как бы там ни было, мистер Холмс, но лучше вы, чем Скотленд-Ярд. Когда приглашаешь людей отсюда, теряешь всякую надежду на удачу, да еще и выговор схватишь. Вы же, как я слышал, ведете честную игру.

— Мне вообще не стоит фигурировать в деле, — ответил Холмс, к явному удовольствию нашего меланхолического знакомого. — Если я все выясню, то прошу моего имени не упоминать в газетах.

— Очень благородно с вашей стороны. А вашему другу, доктору Уотсону, доверять можно, я знаю. Так вот, мистер Холмс, прежде чем мы дойдем до места происшествия, я хочу получить ответ на вопрос, который не задавал еще ни одному человеку: вы не думаете, что придется возбудить дело об убийстве против самого Гибсона?

— Я думал об этом.

— Вы просто не видели мисс Данбэр — она удивительная женщина во всех отношениях. У Гибсона, на-

верное, было сильное желание убрать жену с дороги. А эти американцы куда проворнее нас, когда дело доходит до револьвера... Знаете, это его револьвер...

— Точно установлено?

— Да, сэр. Это один из двух, что принадлежат ему.

— Один из двух? Где же другой?

— Видите ли, у него много огнестрельного оружия всех видов. Мы никак не можем подобрать похожий револьвер, а ящик сделан для двух. Мы вытащили все револьверы, что были в доме. Если хотите, можете их осмотреть.

— Потом. Сначала взглянем на место происшествия.

Разговор наш происходил в маленькой прихожей скромного коттеджа сержанта Ковентри — коттедж этот служил местным полицейским участком.

Пройдя примерно полмили через пустошь, всю золотую от увядшего папоротника, мы подошли к боковой калитке, ведущей на территорию Торской усадьбы. Тропинка шла через фазаний заповедник. С опушки открывался вид на усадьбу: на гребне холма широко раскинулся дом с колоннами и портиком. Мы шли мимо длинного пруда, заросшего тростником; в середине он сужался — здесь через каменный мост проходила дорога.

Наш гид остановился у входа на мост и показал на землю.

— Здесь лежало тело миссис Гибсон. Я отметил место вон тем камнем.

— Я полагаю, вы успели прийти сюда до того, как тело сдвинули с места? — спросил Холмс.

— Да, за мной сразу послали.

— Кто?

— Сам мистер Гибсон. Как только была поднята тревога, он с людьми прибежал из дому и распорядился, чтобы ничего не трогали до прибытия полиции.

— Это разумно. Из газетного сообщения я понял, что выстрел был произведен с близкого расстояния.

— Так точно, сэр, с очень близкого.

— Рана около правого виска?

— Как раз сзади виска.

— Как лежало тело?

— На спине, сэр. Никаких следов борьбы. Никаких отпечатков, никакого оружия. В левой руке убитой была зажата краткая записка от мисс Данбэр.

— Вы сказали, «зажата»?

— Да, сэр, мы едва разжали кулак.

— Это чрезвычайно важно, ибо исключает мысль, что кто-то мог положить записку после смерти, чтобы запутать следы. Черт возьми! Записка, я вспоминаю, была совсем короткой: «*Буду на Торском мосту в 9 часов. Г. Данбэр*». Так или нет?

— Точно, сэр.

— Мисс Данбэр призналась, что писала это?

— Да, сэр.

— Какое объяснение она дала?

— Она сохранила за собой право выступить с оправданием на выездной сессии суда. Сейчас она ничего не скажет.

— Задача действительно очень интересна. Смысл письма очень неясный, не правда ли?

— Как вам сказать, сэр. Простите за смелость, но, на мой взгляд, это единственный по-настоящему ясный момент во всем деле.

Холмс покачал головой.

— Если допустить, что письмо подлинное, то миссис Гибсон получила его несколько ранее, скажем за час или два. Почему же она еще сжимала его в левой руке? Почему она так старалась держать его при себе? Ей ведь не нужно было ссылаться на него при свидании. Не кажется ли это странным?

— Да, сэр, если вас послушать, вроде бы так.

— Мне бы хотелось спокойно посидеть несколько минут и обдумать все это.— Он уселся на каменный парапет моста, и я заметил, что его живые серые глаза вопросительно оглядывают все вокруг. Вдруг он снова вскочил, подбежал к противоположному парапету, выхватил из кармана лупу и начал рассматривать каменную кладку. — Любопытно! — сказал он.

— Да, сэр. Мы видели щербину на парапете. Я думаю, это дело рук какого-нибудь прохожего.

Кладка была из серых камней, но в этом месте было белое пятно, размером не более шестипенсовой монеты. При внимательном рассмотрении можно было заметить, что поверхность выщерблена, как при резком ударе.

— Потребовалось известное усилие, чтобы сделать это,— задумчиво сказал Холмс. Он ударил тростью по парапету несколько раз, но следов не осталось.— Да, это был резкий удар. И к тому же в странном месте!

он был нанесен не сверху, а снизу — видите, след на нижнем краю парапета.

— Но до тела по крайней мере пятнадцать футов!

— Да, пятнадцать футов. Может быть, это и не имеет отношения к делу, но заслуживает внимания. Думаю, что нам здесь нечего делать. Вы сказали, отпечатков ног не было?

— Земля тверда как камень. На ней вообще не видно никаких следов.

— Тогда можно идти. Сначала осмотрим оружие, о котором вы говорили. Затем поедем в Винчестер: перед дальнейшим расследованием я хотел бы повидаться с мисс Данбэр.

Нейл Гибсон еще не вернулся из города, но мы встретились с нервным мистером Бэйтсом, который заходил к нам утром. Со злобещим видом он показал нам огромное количество огнестрельного оружия различных образцов и размеров, которое его хозяин накопил в течение своей полной приключений жизни.

— У Гибсона много врагов, как и можно ожидать, зная его характер и методы, — сказал он. — Когда он спит, рядом с постелью в ящике лежит заряженный револьвер. У хозяина крутой нрав, его боятся. Уверен, что его жена не была исключением.

— Вы когда-нибудь видели, чтобы он оскорблял ее действием?

— Не могу сказать. Но презрительные слова, которыми он обзывал ее, не стесняясь слуг, граничили с оскорблением действием.

— Кажется, наш миллионер не блещет в личной жизни, — заметил Холмс по дороге на станцию. — Ну, Уотсон, фактов прибавилось, некоторые из них новые, однако я еще довольно далек от окончательных выводов. Несмотря на весьма очевидную неприязнь Бэйтса к своему хозяину, он сказал мне, что, когда подняли тревогу, Гибсон был в библиотеке. Обед закончился в половине девятого, и до этого времени все было в порядке. Верно, тревога была поднята несколько позже, но трагедия, безусловно, произошла около девяти; этот час указан и в записке. Нет никаких доказательств, что после своего возвращения из города в пять часов Гибсон вообще выходил из дому. С другой стороны, мисс Данбэр, как я понял, признает, что у нее было назначено свидание с хозяйкой на мосту. Помимо этого она ничего не скажет, поскольку адво-

кат посоветовал ей отложить свое оправдание до суда. Мы должны задать этой девушке несколько вопросов, очень важных, и я не успокоюсь, пока мы не поведем ее. Я признаюсь вам, Уотсон: дело показалось бы мне безнадежным для нее, если бы не одна вещь.

— Какая же?

— Револьвер в ее шкафу.

— Господь с вами, Холмс! Это же самая важная улика против нее!

— Нет, Уотсон. Даже при первом, поверхностном ознакомлении с делом это обстоятельство показалось мне очень странным, а теперь, когда я непосредственно изучил все факты, для меня это единственный довод в пользу невиновности мисс Данбэр. Во всем надо искать логику. Где ее недостает, надо подозревать обман.

— Я не понимаю вас.

— Так вот, Уотсон: представьте себя на месте женщины, которая, хладнокровно продумав все заранее, собирается избавиться от соперницы. Вы составили план. Написали записку. Жертва явилась. У вас есть оружие. Преступление совершено, все проделано мастерски. Но, вместо того чтобы швырнуть оружие в пруд, где оно будет похоронено навеки, вы осторожно понесете его домой и положите в свой платяной шкаф — именно туда, где его будут искать! Даже зная, что вы далеко не опытный преступник, я все же не могу себе представить, чтобы вы сработали так грубо.

— В минутном возбуждении...

— Нет-нет, Уотсон, даже не допускаю такой возможности. Когда преступление хладнокровно продумано заранее, тогда продумано, как замести следы. Нет, Уотсон, здесь недоразумение.

— Но при этой версии потребуется так много объяснений!

— Хорошо, приступим к объяснению. Стоит только измениться вашей точке зрения, как именно то, что ранее казалось изобличающей уликой, станет ключом к разгадке. Так и с этим револьвером. Мисс Данбэр утверждает, что вообще не знает ни о каком револьвере. По нашей новой теории в этом случае она говорит правду. Значит, к ней в шкаф его подложили. Кто? Некто, стремившийся обвинить ее в преступлении. Не

является ли это лицо фактическим преступником? Видите, наши поиски сразу стали намного плодотворнее!

...Мы были вынуждены провести ночь в Винчестере, так как еще не были завершены необходимые формальности, но на следующее утро мы получили разрешение на свидание с мисс Данбэр. Оно состоялось в ее камере в присутствии мистера Джойса Кэммингса, начинающего адвоката, которому поручили защиту мисс Данбэр.

Я ожидал увидеть красивую женщину, но впечатление, произведенное на меня мисс Данбэр, превзошло все мои ожидания. Нет ничего удивительного, что властный миллионер попал под ее влияние, найдя в ней что-то более сильное, чем он сам. К тому же при взгляде на ее волевое, ясно очерченное и в то же время нежное лицо чувствовалось, что, если она и могла совершить отчаянный поступок, все равно присущее ей благородство оказывало на Гибсона положительное влияние.

Мисс Данбэр была высокой брюнеткой, с благородной и внушительной осанкой, но взгляд ее темных глаз выражал трогательную беспомощность зверька, попавшего в ловушку. Теперь, когда она ощутила поддержку моего знаменитого друга, ее глаза заблестали надеждой, бледные щеки слегка окрасились румянцем.

— Вероятно, мистер Гибсон кое-что рассказал о наших взаимоотношениях? — Ее низкий голос слегка дрожал от возбуждения.

— Да, но вам не стоит этого касаться. Это огорчит вас. Познакомившись с вами, я готов согласиться с мистером Гибсоном как относительно вашего влияния на него, так и относительно чистоты ваших отношений. Но почему вы сами не рассказали об этом на следствии?

— Мне казалось невероятным, что такое обвинение может быть доказано. Я думала, если подождать, то все выяснится без вмешательства суда в тягостные подробности жизни этой семьи. Теперь я поняла, что дело еще более запуталось.

— Дорогая моя! — горячо воскликнул Холмс. — Я прошу вас не строить никаких иллюзий на этот счет! Мистер Кэммингс может подтвердить, что сейчас все против нас, и было бы жестоким обманом делать вид,

что вам не грозит большая опасность. Помогите же мне разобраться в этом деле.

— Я от вас ничего не скрою.

— Тогда расскажите о ваших истинных взаимоотношениях с женой мистера Гибсона.

— Она ненавидела меня, мистер Холмс. Она ненавидела меня со всей страстью южанки. Она была женщиной, которая ничего не делает наполовину, и мера ее любви к мужу была мерой ненависти ко мне. Она превратно истолковала наши отношения. Я не желала ей ничего дурного, но она любила своего мужа так пылко и так безотчетно, что едва могла понять его духовную привязанность ко мне. И не могла представить себе, что только желание направить его энергию на добрые дела удерживало меня в их доме.

— Теперь, мисс Данбэр,— сказал Холмс,— я прошу вас точно рассказать нам, что произошло в тот вечер.

— Я могу сказать только то, что я знаю, мистер Холмс, но я не в состоянии ничего доказать. А некоторые моменты, чрезвычайно важные, я к тому же не могу объяснить.

— Если вы изложите факты, может быть, другие люди найдут объяснение?

— Вот как я оказалась на Торском мосту в тот вечер. Утром я получила от миссис Гибсон записку. (Я нашла ее на столе в классной комнате.) Миссис Гибсон умоляла меня встретиться на мосту после обеда, чтобы сообщить нечто важное, и просила оставить ответ на солнечных часах в саду, поскольку не желала никого посвящать в нашу тайну. Я не видела смысла в такой конспирации, но сделала, как она просила, и согласилась на свидание. Она просила меня уничтожить ее записку, я сожгла ее в печке: она очень боялась, что муж, который грубо с ней обращался (за что я часто упрекала его), узнает о нашей встрече.

— Однако она весьма бережно сохранила ваш ответ?

— Да. Я была удивлена, услышав, что она держала его в руке, уже будучи мертвой.

— Ну и что же произошло потом?

— Я пришла, как и обещала. Когда я подходила к мосту, она ждала меня. Только теперь я почувствовала, как бедняжка ненавидит меня. Она словно обезумела — я думаю, что она действительно была сумасшедшая, но притом чрезвычайно коварная и хитрая.

Как же иначе она могла спокойно видеть меня, в душе испытывая такую бешеную ненависть? Я не могу повторить, что она тогда мне сказала. Она выплеснула всю свою жгучую ярость в ужасных словах. Я даже не отвечала — не могла. Страшно было ее видеть. Я заткнула уши и бросилась бежать. Когда я убегала, она еще стояла у входа на мост, выкрикивая проклятья по моему адресу.

— Там же ее и нашли потом?

— В нескольких ярдах от этого места.

— И несмотря на то, что она была убита вскоре после вашего ухода, вы не слышали выстрела?

— Нет, я ничего не слышала, мистер Холмс, я была так возбуждена и напугана этой страшной вспышкой гнева, что торопилась скорее укрыться в своей комнате и была не в состоянии что-либо заметить.

— Вы сказали, что вернулись к себе в комнату. Вы выходили из нее?

— Да, когда подняли тревогу, я выбежала вместе с другими.

— Вы видели мистера Гибсона?

— Да, он как раз вернулся с моста и послал за доктором и полицией.

— Вам показалось, что он очень взволнован?

— Мистер Гибсон очень волевой человек. Кажется, он никогда не выражает открыто своих чувств. Но я, зная его достаточно хорошо, заметила, что он был сильно взволнован.

— Теперь перейдем к самому важному пункту. Этот револьвер, что найден у вас в комнате, — вы видели его раньше?

— Никогда, клянусь.

— Когда его нашли?

— На следующее утро, когда полиция вела обыск.

— Среди вашей одежды?

— Да. На дне моего платяного шкафа, под одеждой.

— Вы не могли бы определить, сколько времени он там лежал?

— Накануне утром его там не было.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я убирала в шкафу.

— Понятно. Кто-то вошел в вашу комнату и положил туда револьвер с целью обвинить вас в убийстве.

— Должно быть, так.

— Когда же?

— Это могло быть только во время еды или когда я была с детьми в классной комнате.

— Как раз когда вы обнаружили записку?

— Да.

— Благодарю вас, мисс Данбэр. Можете ли вы еще чем-нибудь помочь следствию?

— Пожалуй, нет.

— На каменном парапете моста имеется след — совершенно свежая выбоина, как раз против места, где лежал труп. Что это, по-вашему?

— Должно быть, просто совпадение.

— Странно, мисс Данбэр, очень странно. Почему же этот след появился именно в момент трагедии и на этом самом месте?

— Что же могло оставить след? Для этого надо приложить большое усилие.

Холмс не отвечал. Его бледное энергичное лицо внезапно приняло какое-то отсутствующее выражение: я уже знал, что его мозг осенила гениальная догадка. Это было столь очевидно, что никто из нас не решался заговорить; мы — адвокат, мисс Данбэр и я — сидели и сосредоточенно наблюдали за ним, сохраняя полную тишину. Вдруг Холмс вскочил со стула, дрожа от нервного напряжения и жажды немедленно действовать.

— Идем, Уотсон, скорей! — воскликнул он.

— Что такое, мистер Холмс? — спросила мисс Данбэр.

— Не беспокойтесь, дорогая. Мистер Кэммингс, я напишу вам. Я раскрою преступление, которое прогремит на всю Англию. Вы получите известия к завтрашнему дню, мисс Данбэр, а пока знайте, что тучи рассеиваются, и я верю, что справедливость восторжествует.

Из Винчестера до торского имения ехать было недолго, но я не мог дождаться, когда же мы приедем. Для Холмса же, я видел, путь казался бесконечным: он не мог усидеть на месте и все время расхаживал по вагону или садился и начинал барабанить своими длинными, чувствительными пальцами по спинке сиденья. Когда мы уже подъезжали, он вдруг уселся против меня (мы были одни в купе) и, положив руку мне на колено, пристально посмотрел на меня. Взгляд был озорным, как у бесенка.

— Уотсон, — сказал он, — я припоминаю, что, от-

правляясь в наше путешествие, вы взяли с собой револьвер.

Я это сделал скорее для него, ибо он мало заботился о своей безопасности, когда углублялся в решение проблемы, так что не раз мой револьвер выручал нас в беде. Я напомнил ему об этом.

— Да, да. Я немного рассеян в таких делах. Так он у вас при себе?

Я вытащил из заднего кармана небольшой, но очень удобный револьвер. Он открыл затвор, высыпал патроны и внимательно осмотрел его.

— Такой тяжелый, прямо удивительно...— сказал он.

— Да, солидная штучка.

Холмс задумался.

— Знаете, Уотсон, я полагаю, что ваш револьвер скоро окажется в очень тесной связи с тайной, которую мы раскрываем.

— Дорогой Холмс, вы шутите.

— Нет, Уотсон. Я очень серьезен. Нам предстоит провести один опыт. Если он удастся, все будет ясно. И исход его зависит от поведения этого маленького оружия... Один патрон — долой... Теперь вложим обратно остальные пять и поставим на предохранитель... Так! Это увеличит вес и лучше воспроизведет подлинную обстановку.

Я даже отдаленно не представлял себе, что у него на уме, а он меня об этом не информировал и сидел, погруженный в раздумья, пока мы не подъехали к маленькой станции в Хэмпшире. Там наняли старую двуколку и через четверть часа оказались в доме нашего коллеги — сержанта.

— Нашли ключ к разгадке, мистер Холмс? Расскажите.

— Все зависит от поведения револьвера доктора Уотсона,— сказал мой друг.— Вот он. Теперь скажите, сержант, у вас найдется десять ярдов бечевки?

В деревенской лавке мы достали клубок прочной бечевки.

— По-моему, это все, что нам понадобится,— сказал Холмс.— Теперь, если позволите, мы отправимся на место, и я надеюсь, что это последний этап нашего путешествия.

Солнце садилось, и в его лучах поросшие вереском холмы Хэмпшира были прекрасны. Сержант брел ря-

дом с нами, критически поглядывая на моего спутника, словно он глубоко сомневался в его здравом рассудке. Когда мы подходили к мосту, я заметил, что мой друг, несмотря на все внешнее хладнокровие, был на самом деле сильно возбужден.

— Да,— сказал он в ответ на мое замечание.— Вы видели, как я сделал промах, Уотсон. У меня есть нюх на такие вещи, и, однако, он меня иногда подводит. Догадка промелькнула в моем сознании еще в Винчестерской тюрьме. Но в том и недостаток активного ума, что он мгновенно предлагает противоположное объяснение, которое часто наводит на ложный след. И все же, все же... Ладно, Уотсон, попытаемся.

Он уже успел крепко привязать один конец веревки к рукоятке револьвера. Мы подошли к месту трагедии. С помощью полицейского Холмс весьма тщательно отметил точное местонахождение тела. Затем он отыскал в зарослях вереска солидный камень. Его он прикрепил к другому концу бечевки и перекинул через парапет моста, так что камень свободно раскачивался над водой. Затем, держа в руке мой револьвер, Холмс встал на некотором расстоянии от парапета моста, так чтобы бечевка натянулась.

— Готово! — воскликнул он.

С этими словами он поднес пистолет к голове, а затем разжал руку. В то же мгновение — под действием веса камня — револьвер быстро пронесся в воздухе, резко стукнулся о парапет и, перелетев через барьер, упал в воду. Не успел он погрузиться, как Холмс уже стоял на коленях около парапета и радостным возгласом дал понять, что его предположения оправдались.

— Может ли быть лучшее доказательство? — воскликнул он. — Видите, Уотсон, ваш револьвер разрешил проблему!

Он показал на каменный борт моста: на нижнем его краю образовалась выбоина, точно такого же размера и формы, как и первая.

— Мы заночуем в гостинице. — Он встал и поглядел в лицо изумленному сержанту. — Вы, конечно, достанете багор и легко вытащите револьвер моего друга. Рядом с ним вы также найдете револьвер, веревку и грузило, при помощи которых эта мстительная женщина пыталась скрыть свое собственное пре-

ступление и обвинить в убийстве невинного человека. Можете передать мистеру Гибсону, что я встречу с ним утром, и тогда мы примем меры к реабилитации мисс Данбэр.

Поздно вечером, когда мы сидели в деревенской гостинице и курили трубки, Холмс дал краткий обзор всему происшедшему.

— Боюсь, Уотсон, что, добавив к вашему архиву дело о тайне Торского моста, вы не укрепите моей репутации. Мне не хватило быстроты реакции и того сочетания воображения и ощущения реальности, которые составляют основу моего ремесла. Должен признаться, что выбоина на парапете вполне могла послужить ключом к верному решению, и я стыжусь, что не пришел к нему сразу. Надо признать, что эта несчастная женщина обладала незаурядным умом и хитростью, поэтому было не так-то просто распутать ее интригу. Погибшая никак не могла примириться с тем, что мисс Данбэр была ее соперницей. Нет сомнения, что она считала эту невинную девушку причиной всех оскорблений со стороны мужа, который пытался таким образом отвергнуть слишком явную любовь жены. Первым ее решением было покончить с собой. Затем она решила сделать это так, чтобы подвергнуть соперницу страданиям гораздо более мучительным, чем внезапная смерть. Можно проследить ее поступки, и все они свидетельствуют о необычайной хитрости. Очень искусно «вытянуто» у мисс Данбэр письмо, из которого должно явствовать, что именно та выбрала место свидания. В своем стремлении подчеркнуть это миссис Гибсон немного перестаралась, зажав записку в руке. Одно это уже могло раньше возбудить мои подозрения.

Затем она взяла один из револьверов ее мужа — как вы видели, в доме их целый арсенал — и держала его у себя для своих целей. Другой такой же револьвер она спрятала в шкафу мисс Данбэр, предварительно разрядив один патрон, что легко можно было сделать в лесу, не привлекая ничьего внимания. Затем она придумала этот хитрый способ избавиться от оружия и для этого пришла на мост. Когда мисс Данбэр появилась, она собралась с последними силами и излила на нее всю свою ненависть, а затем, когда та была далеко и не могла слышать, осуществила свой ужасный замысел.

Теперь все звенья на своих местах и цепь событий полностью восстановлена. Газеты могут задавать вопросы, почему сразу не прочесали драгой дно пруда, но все они задним умом крепки; во всяком случае, такое огромное озеро, заросшее тростником, не так-то легко прочесать, не имея ясного представления, что и где искать.

Ну, Уотсон, мы оказали помощь обаятельной женщине и заодно грозному мужчине. Если они объединят в будущем свои усилия (что вполне вероятно), то финансовый мир может считать, что мистер Нейл Гибсон кое-чему научился в той классной комнате, где Скорбь преподает нам уроки земной жизни.

СМЕРТЬ РУССКОГО ПОМЕЩИКА

Разбираясь как-то в своем архиве, просматривая дневники, которые вел все годы моего знакомства и, осмелюсь утверждать, дружбы с мистером Шерлоком Холмсом, я наткнулся на несколько страничек, живописующих наш разговор одним далеким ноябрьским вечером. Выцветшие строки, бегущие по пожелтевшим листкам, вернули меня в тот промозглый ненастный день, когда мы с Холмсом сидели перед пылающим камином, а за окном в извечном лондонском тумане тонули газовые фонари Бейкер-стрит.

Это был один из тех дней, когда перед Холмсом не стояла задача, решая которую он мог применить свой знаменитый дедуктивный метод, его мозг простаивал, изнывал, лишенный необходимой пищи, и я со страхом ожидал той минуты, когда рука Холмса протянется к несессеру, в котором он держал шприц и морфий. Однако, поглядывая время от времени на моего приятеля, я не замечал ничего, что свидетельствовало бы о том, что он собирается прибегнуть к этому страшному средству, и я с самонадеянностью думал, что, вероятно, на него таки подействовали мои увещевания. Откинувшись на спинку кресла, закрыв глаза, Холмс небрежно водил смычком по струнам лежащей на коленях скрипки, извлекая из нее грустные, протяжные звуки.

Успокоенный, я возвращался к книге, которую читал весь этот бесконечный день. Наконец я перевернул последнюю страницу, закрыл книгу и с грустью провел ладонью по золотому тиснению обложки. Талант автора покорила меня. Чувства настолько пере-

полняли меня, что я встал и отошел к окну. Скрестив руки на груди, я следил за немногочисленными прохожими.

— Какая загадочная книга! — не сдержался я.

И тут я услышал спокойный голос Холмса!

— Книга неплоха, но не без недостатков.

— Вы читали «Братьев Карамазовых»?

Я был поражен. Читатели, знакомые с моими рассказами о Шерлоке Холмсе, осведомлены о том, что этот ни на кого не похожий человек, обладающий огромными знаниями в весьма специфических областях, тем не менее был невежей во всем, что касалось литературы и философии.

— Дорогой Уотсон,— сказал Холмс.— Я не изменил своим принципам и по-прежнему считаю, что неразумно забивать мозговой чердак рухлядью, которая только занимает место и бесполезна в моей работе.

— Так что же побудило вас прочитать эту книгу? — недоуменно спросил я, опускаясь в кресло.

— Две причины. Во-первых, как всякий англичанин, я сентиментален, воспоминания детства накрепко сидят во мне, и я не желаю с ним расставаться. Дело в том, что мой отец, человек передовых взглядов, дружил с Герценом, известным русским революционером и писателем. Посещая его, он иногда брал с собой меня и моего старшего брата Майкрофта. В один из таких визитов мы застали в этом гостеприимном доме Достоевского, будущего автора этой книги*.

— А во-вторых?

— Во-вторых, эта книга о преступлении, хотя я догадываюсь, что не только о нем.

— Но это же вымысел! — воскликнул я.

Холмс отложил смычок, набил трубку, закурил и, окутавшись клубами дыма, сказал:

— Для меня это было не так важно. Хотя, должен заметить, меня не покидают подозрения, что в основе сюжета лежит реально совершенное преступление**.

---

* Летом 1862 года Достоевский выехал за границу, побывал в Лондоне, где посетил Герцена.— *Прим. пер.*

** В «Записках мертвого дома» (1860—1862) Достоевский рассказывает о встреченном им в омском остроге Дмитрие Ильинском, несправедливо обвиненном и осужденном за отцеубийство, которое, как выяснилось много лет спустя, совершил его младший брат. Исследователи творчества Ф. М. Достоевского утверждают, что Дмитрий Ильинский послужил прототипом Дмитрия Карамазова.— *Прим. пер.*

— В конце концов это не принципиально, — раздраженно сказал я. — Сюжет для автора столь серьезного произведения — лишь средство наиболее полно донести до читателя свои мысли. Насколько тщательно продуман сюжет, настолько облегчается задача писателя.

— Совершенно с вами согласен. Но именно в сюжете я вижу изъяны, которые дают мне право говорить, что книга не лишена недостатков.

— Вы можете обосновать свое утверждение? — с подозрением спросил я.

— Конечно, Уотсон, конечно! — засмеялся Холмс. — Ответьте хотя бы на вопрос: кто убийца?

Я пожал плечами, удивленный нелепостью вопроса:

— Лакей. Смердяков. Боже, как трудны для произношения русские фамилии...

— Насчет фамилий я с вами согласен, для меня они тоже представляют определенную сложность. Но что касается лакея, я не был бы так категоричен.

— То есть как?!

— А почему вы считаете, что убил Смердяков? — невозмутимо спросил Холмс.

— Он сам рассказал об этом старшему из братьев, Ивану.

— Правильно. Сам рассказал. Иначе бы откуда вы об этом узнали, ведь автор описывает сцену убийства его словами. Полноте, Уотсон, вы же врач, у вас не появились сомнения, вы сразу же поверили этому признанию?

Я оторопело смотрел на Холмса, не в силах вымолвить ни слова. Между тем Шерлок Холмс продолжал, с видимым удовольствием попыхивая трубкой:

— Смердяков — больной человек, психика его расстроена. Тому свидетельство само его происхождение от сумасшедшей Лизаветы Смердяковой и Федора Павловича, который тоже не отличался тихим нравом, будучи раздражительным, взбалмошным, нетерпимым. Смердяков — типичный эпилептик, организм которого, и прежде всего мозг, измучен припадками. Пусть он не падал в погреб, пусть симулировал припадок, это ничего не меняет и не является подтверждением истинности его слов. На следующее утро его скрутило так, что он оказался в больнице и про-

вел два дня в беспамятстве. И вы, Уотсон, думаете, что я поверю в признание этого человека?

Видя мое замешательство, Холмс улыбнулся:

— Вы можете сказать, что настоящий припадок у Смердякова начался утром, то есть после убийства Федора Павловича, а до того, следовательно, он находился в здравом уме, из чего можно заключить, что он говорит правду. Но разве вы не знаете, что нередко случаи частичного помутнения рассудка за два, три, четыре часа до собственно припадка?..

— Выходит, он оговорил себя?

— Нет! Он сказал правду, но ту правду, в которую верил сам. На самом же деле он лишь внушил себе, что убил он, внушил, находясь под сильнейшим воздействием слов Ивана Карамазова, произнесенных в их разговоре у калитки. Смердяков хотел убить, готовил преступление, он столько раз совершал его мысленно, что когда волею обстоятельств был вычеркнут из им же созданной схемы, то горячее сознание восстало против иного хода событий.

Голос Шерлока Холмса действовал на меня гипнотически.

— Видимо, все происходило следующим образом,— не торопясь говорил Холмс.— Смердяков слышит крик Федора Павловича, а потом и вопль Григория. Выждав некоторое время, он выходит в сад, видит открытую дверь, входит. Перед ним на полу окровавленный труп Карамазова-старшего. Смердяков подходит к иконостасу, забирает конверт, вынимает из него 3000 рублей, пустой конверт бросает на пол, дабы отвести подозрения от себя и бросить тень на Дмитрия, и уходит в полной уверенности, что это он убил. Ведь все так точно совпало с тем, что ему десятки и сотни раз мерещилось.

Несколько минут мы сидели молча, пока я не рассмеялся:

— Нет, Холмс! Ваши слова — гипотеза, которая составила бы честь писателю, психиатру. Но вы же признаете только факты! А их как раз у вас и нет!

— Чем был убит Федор Павлович? — неожиданно резко спросил Шерлок Холмс, наклоняясь ко мне.

— Пестиком,— пролепетал я, озадаченный вопросом.

— Разве?

Я потянулся за книгой, но Холмс движением руки остановил меня:

— Не трудитесь. Я вам напомню. Смердяков говорит: «Я тут схватил это самое пресс-папье чугунное, на столе у них, помните-с, фунта три ведь в нем будет, размахнулся да сзади его в самое темя углом». Углом, Уотсон! Так почему же на суде фигурировал пестик? Да потому, что удары были действительно нанесены им! И тут вы, возможно, сами того не желая, оказались правы. Пестик! Вот факт, на котором базируются мои рассуждения. Даже если бы ошиблись медики, осматривавшие тело Федора Павловича Карамазова, даже если бы они не обратили внимание на то, что ранения имеют совершенно иные характерные особенности, чем при ударе достаточно длинным округлым предметом, то суд присяжных, в те времена только-только введенный в России*, не упустил бы этой детали и исправил бы оплошность. Но если Карамазов-старший был убит пестиком, а не пресс-папье, как утверждал Смердяков, то и убийца другой. Это очевидно, Уотсон! Кстати, лакей утверждал, что вытер пресс-папье и поставил его на место. Да будет вам известно, что уничтожить следы крови отнюдь не так просто, как думают некоторые, а потому любой человек, вооруженный увеличительным стеклом, сразу понял бы, в чем дело.

Я был просто обескуражен доводами Холмса, я был раздавлен ими. А он между тем все так же методично ронял слово за словом.

— Вспомните последний разговор Смердякова с Иваном Карамазовым. Смердяков находится в состоянии крайнего возбуждения, он балансирует над бездной, имя которой — безумие. Не логично ли в таком случае допустить, что его мучают сомнения, что остатки разума протестуют против утверждения «Я убил!». И самоубийство Смердякова — это не раскаяние, не крушение надежд, это невозможность сосуществования в одном человеке двух полярных, взаимоисключающих Я: Я — убийца, и Я — не убийца. Измученное сознание лакея не выдерживает этой раздвоенности. Своим самоубийством Смердяков лишает суд не обвиняемого, но свидетеля, так как нет га-

---

* Суд присяжных был введен в России по судебной реформе 1864 года. Действие романа происходит летом и осенью 1866 года. — Прим. пер.

рантии, что не найдется человек, который, выслушав его путаный бред, сможет разобраться в истинном течении событий. Другое дело, принял ли суд во внимание показания Смердякова? Ведь, что ни говори, а Смердяков психически больной человек, то есть человек с ограниченной ответственностью. Думаю, что не принял.

Я слушал Холмса, а на языке уже вертелся вопрос. Когда Холмс умолк, я вскричал в возбуждении:

— Но кто же тогда убийца?

— Римляне вопрошали: «Кому это выгодно?» Послушаемся их и определим побудительный мотив. Очевидно, что мотив этот — деньги. В сущности, в романе фигурируют две суммы, каждая из которых могла стать потенциальной причиной смерти Федора Карамазова: 3000 рублей, предназначенные Федором Павловичем Грушеньке, и 120 000 рублей — наследство, которое в случае смерти отца получают братья Карамазовы. 3000 рублей. Кого они могли заинтересовать? Смердякова. Эта сумма вкупе с теми деньгами, которые он надеялся получить от Ивана Карамазова, должна была дать ему возможность уехать в Париж. Иначе говоря, обладая этими деньгами, он мог реализовать свою мечту. Но Смердяков не убивал, не так ли?

Я согласно кивнул головой. Холмс не заметил этого, было видно, что он сам увлекся своими рассуждениями.

— Кто еще? — спросил он и сам же ответил: — Дмитрий, средний брат. Ему эти три тысячи были необходимы, чтобы погасить часть своего долга Катерине Ивановне и тем самым обрести уверенность, что он еще не совсем пропащий человек. Однако, и мы это можем смело утверждать, Дмитрий отца не убивал. Повествование о действиях Мити той ночью ведет автор, а ему мы обязаны верить. Итак, делаем вывод: 3000 рублей не являются причиной убийства.

— Наследство, — прошептал я.

— Да, наследство! — торжественно произнес Холмс. — 120 000 рублей, огромные деньги. Кто наследует состояние Федора Павловича? Иван, Дмитрий, Алеша. Братья Карамазовы. Дмитрий не убивал, это мы уже выяснили. Остаются Иван и Алеша. Алеша и Иван. Кто из них?

Холмс оторвал глаза от пляшущих в камине язычков пламени и посмотрел на меня. Мне стало жутко.

— Так кто же из них? — повторил он, выдержал паузу и сказал: — Хорошо. Проанализируем действия двух кандидатов в отцеубийцы. Иван. Мог ли он совершить убийство? Мог. Правда, он говорит Смердякову, что уезжает в Чермашню, тем самым развязывая тому руки, давая, в сущности, согласие на убийство отца. Именно так трактует Смердяков слова Ивана, именно так и было в действительности. Уезжать-то Иван уезжает, но пребывает ли там неотлучно все время? Указания на это, кроме его собственных слов, в романе нет. Почему не допустить, если предположить противоположное, что каждую ночь Иван навещает сад отца, чтобы воочию убедиться, что Смердяков приведет в исполнение то, что он, Иван, внушил лакею? Да, такое допущение возможно. Как развиваются в таком случае события?.. Иван видит Дмитрия, видит, как тот бьет по голове Григория, и... убегает. В комнате мечется Федор Павлович. Смердякова нет. План Ивана рушится, и он решает воспользоваться удобным случаем. Он проникает в дом и убивает отца. В последнее мгновение успев скрыться в саду, он видит Смердякова, понимает, что тот не в себе, наблюдает за его поведением в доме — это ему позволяет настезь открытое окно, — решает тяжесть преступления переложить либо на его плечи, либо на плечи Дмитрия. На чьи именно, покажет будущее, но, разумеется, Иван, с его аналитическим умом, предпочел бы видеть на скамье подсудимых брата, нежели лакея: брат, будучи осужден, лишится права на наследство, и тем самым доля Ивана возрастет на 20 000 рублей. Именно поэтому даже во время разговора со Смердяковым, их последнего разговора, в котором Смердяков признается в убийстве Федора Павловича, Иван не хочет верить его словам — 20 000 ускользают из его рук.

— Убийца он! — воскликнул я.

— Вы, как всегда, торопитесь с выводами, Уотсон, — невозмутимо заметил Холмс. — При внешней цельности, логичности нарисованная мною картина не выдерживает никакой критики. Вспомните: Иван, говоря об убийстве, прежде всего решал идею в принципе, идею права на убийство, идею целесообразности уничтожения зла, которое олицетворяет для него

Федор Павлович Карамазов, его отец. Конечно, мы понимаем, что разговором у калитки Иван не только наводил Смердякова на мысль, но впрямую подталкивал того к убийству Карамазова-старшего, хотя, надо отметить, и не говорил прямо: «Пойди и убей!» Но именно этот приказ звучит в подтексте его слов. А потому Иван, если согласиться с тем, что убил Смердяков, является истинным виновником преступления. Но Смердяков не убивал. Возникает вопрос: «Мог ли убить Иван?» Действительно, мог ли он перейти, так сказать, от слов к делу? Выше я уже ответил на этот вопрос, и ответил положительно. Но ответ мой опирался исключительно на географию и время, я имею в виду отъезд Ивана в Чермацкую, и никоим образом не затрагивал психологический аспект. Не забывайте, Иван человек трезвомыслящий, лихорадочное возбуждение, которое в конце концов приводит его к безумию, настигает старшего из братьев уже после смерти отца. Мог ли такой человек поднять брошенный Дмитрием пестик и хладнокровно размозжить череп родному отцу? Мог ли, понимая, что если ему не удастся ввести в заблуждение следствие, то двадцать лет каторги ему обеспечено? Сомнительно, Уотсон, сомнительно! Не мне вам говорить, какой глубины пропасть разделяет слово и поступок. К тому же, опираясь на собственный опыт в расследовании преступлений, должен заметить, что человек, без конца рассуждающий об убийстве, как правило, никого не убивает; напротив, человек, планирующий убийство, не говорит о нем на каждом углу — он не может не понимать, что в таком случае подозрения падут прежде всего на него самого. Это, кстати, подтверждает тот факт, что чиновник Перхотин, расследующий убийство, сразу же главным подозреваемым делает Дмитрия, который был весьма несдержан в изъятии своих чувств к отцу. Но угрозы Дмитрия, как и теоретические рассуждения Ивана, не свидетельствуют об их вине, как раз наоборот, они доказывают их невиновность. И последнее. Вспомните, Уотсон, действия Ивана после возвращения в Ско-то-при-го-ньевск. Черт побери! — не выдержал Холмс. — Названия городов у русских так же труднопроизносимы, как их фамилии. Однако я отвлекся... Итак, вспомните действия Ивана, подчеркиваю, действия, а не слова, в правдивости которых при желании можно усомниться. Его визиты к

Катерине Ивановне, первый и второй приход к Смердякову, короткий разговор с Алешей — все это доказывает, что он не только не убивал отца, но убежден, что убил Дмитрий. Помимо прочего, и авторский голос Достоевского уверяет нас в этом. А теперь резюме: как и Смердяков, Иван мысленно убивал отца, и не раз, но Иван невиновен, хотя, поверив лакею, приходит к осознанию своей вины и перед отцом, и, в большей степени, перед безвинно арестованным Дмитрием; как результат, железный характер Ивана ломается, и рассудок его погружается во мрак помешательства. «Прощайте, прежний смелый человек!» — вот последние слова Смердякова, адресуемые Ивану.

Холмс замолчал. Меня колотил озноб. Я сказал, запинаясь:

— Но тогда... Но это невозможно! Вы отдаете себе отчет в этом?!

— Почему? — Шерлок Холмс коротко взглянул на меня и тут же отвел глаза. — Помилуйте, Уотсон, почему вы так уверены в невинности Алеши?

— Алеша — средоточие всего лучшего, что есть в людях. — Я был так возмущен диким, кошмарным предположением Холмса, хуже того, его уверенностью и его спокойствием, что не посчитал нужным скрывать своего отношения к его словам. — Я, как и вы, Холмс, принадлежу к английской церкви, а потому мне чуждо учение гуманного православия, противостоящее заостренности православия официального, однако младший Карамазов как носитель этого учения мне импонирует. Более того, многое, что говорит Алеша, созвучно моим мыслям и убеждениям. Какой верой, каким сознанием собственной правоты проникнуты его слова у камня в эпилоге романа! Сколько доброты в его призыве к сгрудившимся вокруг него мальчикам! Какая кротость!

— И этой кротостью, этим смирением, — перебил меня Холмс, — продиктован его возглас: «Расстрелять!»

Я ошеломленно смотрел на Холмса и чувствовал, что задыхаюсь.

— Не забывайте об этом крике души, — продолжал Шерлок Холмс. — Когда Иван поведал младшему брату историю о мальчике, затравленном собаками, тот ни секунды не колебался в определении наказания, отбросив в сторону свои религиозные воззрения.

— Любой на его месте сказал бы то же самое! — убежденно заявил я.

— Не думаю.

— Вы циник, Холмс.

— Я реалист, Уотсон. Алеша в вашем представлении человек, по сути, являющийся идеалом. И вы не желаете разрушать сложившийся образ, не желаете видеть в нем, в его поведении и словах каких бы то ни было изъянов. Но их вижу я. И допускаю, что, произнеся свой приговор, Алеша показал на мгновение свое истинное лицо, скрытое до поры под маской благочестия. Прав Алеша, правы вы, что поступок неведомого помещика заслуживает самой суровой кары. Но дело не в этом, Алеша мог — понимаете, Уотсон, мог! — вынести приговор человеку, даже если того правильнее назвать зверем.

Дорогой Уотсон, я убежден, что зло и добро равно существуют в человеке, находясь в постоянной непримиримой борьбе. И Алеша не исключение. Пока рядом был отец Зосима, в душе Алеши брало верх добро. Но почему не допустить, что слова Ивана о ненужности, вредности существования злых и порочных людей возымели на Алешу столь же разрушительное действие, что и на Смердякова? Почему не предположить, что, впитав в себя слова старшего брата, Алеша сделал тот шаг, разделяющий замысел и его исполнение, на который был не способен Иван? Вспомните, что пишет Достоевский о чувствах Алеши в ночь после смерти старца: «Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков». Не тогда ли, у гроба иеромонаха, единственного, кто в представлении Алеши воплощал добро и свет, принимает Карамазов-младший решение расквитаться с отцом за то зло, что он причинил людям.

Холмс опустил свою худую руку на гриф скрипки и тонкими, нервными пальцами принялся пощипывать струны.

— В случае смерти отца, — сказал Холмс, помолчав, — Алеша становился обладателем целого состояния. Нужны ли ему деньги? А почему — нет? Эти деньги он сможет потратить на претворение в жизнь заповедей отца Зосимы, например, заняться воспитани-

ем и оплатить учебу того же Илюшеньки, семья которого влачит полунищенское существование, Коли Красоткина, Смурова, тех мальчиков, в которых он, да и Достоевский, видит будущее России. Так что, Уотсон, отдавая должное Алеше, надо признать, что он имел основания желать смерти своему отцу!

Где он находился в ту ночь, мы не знаем. А что, если в саду отца? Как и все, он знал об угрозах Дмитрия. Хотел ли он остановить брата? Вряд ли. Скорее, он хотел стать свидетелем свершения акта возмездия, как ему, по-видимому, представлялось убийство отца. Итак, Алеша в саду. Он видит Дмитрия, стоящего под окном с пестиком в руках. Появляется Григорий и падает наземь, сраженный ударом. Дмитрий бросает пестик и сломя голову бежит прочь. Алеша в растерянности. Очевидно, что он не собирался убивать отца, надеясь, что Божья кара придет от руки среднего брата, но с бегством Дмитрия он становится перед выбором: стать самому орудием Божиим или оставить зло торжествующим. Он выбирает первое, к тому же он в относительной безопасности — Григорий жив и покажет на Дмитрия. Алеша убивает отца, который, конечно же, открывает младшему сыну дверь, потому что если и доверяет кому-нибудь помимо Смердякова, то только Алеше. Затем Алеша оставляет на тропинке окровавленный пестик и исчезает в темноте. Убийство совершено. Подозрения, как и предполагал Алеша, падают на Дмитрия. К чему же мы приходим? Алеша становится богатым, очень богатым человеком: Дмитрий лишается права на наследство, потому что арестован и осужден, доля Ивана тоже переходит Алеше, поскольку сумасшедшие, как вам, Уотсон, конечно, известно, лишаются права наследования — все 120 000 рублей достаются младшему из братьев! Жаль ли ему Ивана и Дмитрия? Едва ли. Если вдуматься, они вполне подпадают под категорию «ненужных, вредных» людей. Почему, вынеся приговор «Расстрелять!», Алеша должен быть менее принципиален по отношению к своим братьям, которые если и лучше негодая, обрекшего на ужасную смерть несчастного ребенка, то ненамного, являясь, по сути, людьми никчемными, суетными, лишенными цели и веры. Нет, ему не жаль их. А если поступки в месяцы, последовавшие за убийством, не более чем стремление отвести от себя возможные подозрения?

Впрочем, причин для волнения у него нет. Вот как описывает его автор: «...он сбросил подрясник и носил теперь прекрасно сшитый сюртук, мягкую круглую шляпу и коротко обстриженные волосы. Все это очень его скрасило, и смотрел он совсем красавчиком. Миловидное лицо его имело всегда веселый вид, но веселость эта была какая-то тихая и спокойная». Завидное спокойствие, не правда ли, Уотсон? Обратите внимание, поворот событий избавил его от лжи и от связанных с ней угрызений совести: он искренен, уверяя всех, что Дмитрий невиновен.

Холмс принялся раскуривать трубку.

Взял свою трубку и я. Крепкий «морской» табак не помог мне разобраться в переплетении фактов, предположений, догадок, которые обрушил на мою бедную голову Шерлок Холмс.

— Однако, истины ради,— вмешался в мои беспорядочные мысли голос Холмса,— надо признать, что многое в романе противоречит версии, что убийца — Алеша. Я мог бы привести ряд доказательств его невиновности, но ограничусь тем, что заверю вас в их серьезности, можно сказать, неопровержимости.

Я растерянно посмотрел на Холмса:

— Но кто же тогда убийца?

— Может быть, права госпожа Хохлакова, и убийство совершил Григорий.

— Но ему-то зачем?!

— Слуга, «маленький человек», что мы о нем знаем? Ущемленное чувство личности, попранное человеческое достоинство — все это могло породить в его душе ненависть к самодуру и хаму, каким был Карамазов-старший. Хотя, возможно, ничего этого и не было, но рана, нанесенная Дмитрием, лишила Григория рассудка, и, странным образом видоизменившись, боль, страх, гнев обратились против ничего не подозревающего Федора Павловича. Другими словами, убийство было немотивировано и совершено в состоянии аффекта. Не исключено, что именно так и было на самом деле. Кто знает...

Я ахнул.

— Так вы не знаете, кто убил?

— Разумеется, нет! — сказал Холмс и тут же добавил, лукаво прищурившись: — Зато это известно вам, Уотсон.

— Мне?!

— Конечно! На мой вопрос об убийце вы незамедлительно дали ответ — Смердяков. Я не вижу достаточно весомых причин, чтобы вы отказывались от первоначального мнения.

— Позвольте, Холмс, но вы же доказывали...

— Мой дорогой Уотсон, менее всего я стремился доказывать чью-то вину, я лишь хотел наглядно показать, что сюжет романа несовершенен, поскольку в ряде случаев нарушены причинно-следственные связи. И ничего больше! Теперь я понимаю, что напрасно сделал это, невольно поставив под сомнение достоинство романа, но, поверьте, я и в мыслях не держал этого! И обещаю вам, Уотсон, что постараюсь поскорее забыть эту, возможно, замечательную книгу, которая окончательно убедила меня, что я все-таки ничего не понимаю в литературе, и в будущем анализировать поступки живых людей, а не литературных персонажей. Однако вижу, что утомил вас. Ну что ж, предугадывая вашу просьбу, я сыграю «Песни» Мендельсона.

Холмс поднял скрипку, взмахнул смычком, и наша уютная квартира в доме № 221-б по Бейкер-стрит наполнилась чарующими звуками музыки.

**ПРОДОЛЖЕНИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА**

СЛУЧАЙ С ЗОЛОТЫМИ ЧАСАМИ

— Эта смерть, мистер Холмс, так непостижима, словно ее причинила какая-то потусторонняя сила! — воскликнул преподобный Джеймс Эппли.

В доме на Бейкер-стрит нам приходилось слышать немало странных высказываний, но это утверждение было, кажется, самым необычным из всех.

Мне не нужно обращаться к помощи своей записной книжки, чтобы установить, что случилось это в один из прекрасных летних дней 1887 года. На обеденном столе лежала только что полученная телеграмма. Мистер Шерлок Холмс бросил мне ее с нетерпеливым восклицанием. В телеграмме было сказано, что преподобный Джеймс Эппли просит оказать ему любезность — принять по некоторым вопросам, касающимся церкви.

— Вам не кажется, Уотсон, — довольно резко заметил Холмс, зажигая трубку, которую он курил обычно после завтрака, — что дела принимают довольно необычный оборот, если священник собирается советоваться со мной по поводу содержания церковных проповедей? Я, конечно, польщен его вниманием, но все это вне моей компетенции. А что сказано в Крокфордском справочнике о нашем клиенте?

Пытаясь предвосхитить ход мыслей моего друга, я уже снял с книжной полки толстый том и нашел там нужную справку. Выяснилось, что Джеймс Эппли был священником небольшого прихода в Сомерсете и что он написал монографию о состоянии медицины во времена Византийской империи.

— Гм, довольно необычное занятие для сельского священника, — сказал Холмс. — Но вот, если я не ошибаюсь, и он сам.

Снизу до нас донесся резкий, нетерпеливый звонок. Не успела миссис Хадсон доложить о приходе посетителя, как он сам влетел в комнату. Это был высокий, худощавый, сутулый мужчина в одежде сельского священника. Его приятное лицо, обрамленное старомодными бакенбардами, носило отпечаток учености.

— Мои дорогие господа, — воскликнул он, вглядываясь в нас своими близорукими глазами сквозь овальные очки, — поверьте, что только чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня вторгнуться в вашу уединенную обитель!

— Ну, ну, — добродушно сказал Холмс, приглашая посетителя занять плетеное кресло, стоявшее около потухшего камина, — ведь это обитель сыщика, и в ней вы найдете уединения не больше, чем, скажем, в приемном кабинете врача.

Едва успев сесть, викарий взволнованно выпалил ту необычайную фразу, с которой я начал повествование.

— Потусторонняя сила... — задумчиво повторил Холмс. Хотя он и произнес это тихим голосом, мне показалось, что в его словах звучало скрытое волнение. — Но тогда, мой дорогой сэр, это дело скорее вашей компетенции!

— Простите, — поспешно сказал священник, — возможно, что мои слова несколько отдавали мистикой. Но, поймите, это такой ужасный случай... — Его голос перешел почти в шепот, и он взволнованно наклонился вперед. — Это — злодеяние, мистер Холмс, хладнокровное и преднамеренное злодеяние...

— Говорите, сэр, я весь внимание.

— Мистер Джон Трелони — сквайр Трелони, как мы называли его, — был самый богатый землевладелец в округе. Четыре дня назад, всего за три месяца до своего семидесятилетия, он внезапно скончался в постели.

— Гм! Разве это так уж необычно?

— Нет, сэр! Но послушайте дальше! — вскричал наш клиент, подняв длинный указательный палец, на кончике которого виднелись какие-то странные пятна. — Ведь Джон Трелони, несмотря на свой возраст, был весьма крепким и энергичным мужчиной, не знавшим никаких болезней. В этом мире он мог бы прожить

еще по меньшей мере десятков лет. Наш местный медик, доктор Пол Гриффин — он мой родной племянник, — наотрез отказался выдать свидетельство о смерти. Тогда было решено произвести вскрытие трупа...

Холмс сидел в своем халате мышинного цвета, лениво откинувшись на спинку кресла. Теперь он слегка приоткрыл глаза.

— Вскрытие трупа! — воскликнул он. — И производил его ваш племянник?

Мистер Эппли замялся.

— Нет, мистер Холмс. Вскрывал труп сэр Леопольд Харпер, выдающийся специалист в области судебной медицины. Я могу сразу же сказать, что бедняга Тре-лони не умер естественной смертью. В расследовании приняла участие не только местная полиция, но и Скотленд-Ярд.

— Вот как?

— С другой стороны,— продолжал мистер Эппли,— сквайр не был убит, да и не мог быть убит. Тщательное медицинское обследование так и не установило причину его смерти.

В гостиной, куда сквозь опущенные шторы еле пробивался солнечный свет, на мгновение наступила тишина.

— Мой дорогой Уотсон,— обратился Холмс, — будьте так добры подать мне глиняную трубку с полки, что над диваном. Благодарю. Я придерживаюсь мнения, мистер Эппли, что курение такой трубки благоприятно отражается на мышлении... Могу ли я предложить вам сигару?

— Благодарю вас,— ответил священник, потрогав бакенбарды своими запачканными пальцами. — В такой момент я не смею курить. Я так взволнован, что задохнусь от дыма. Мне надо обрисовать вам все факты с мельчайшими подробностями. Но это так трудно... Может быть, вы уже заметили, что я довольно рассеянный?..

— Разве?

— Да, сэр. В юности, до того как посвятить себя церкви, я увлекался медициной. Но мой покойный отец запретил мне это из-за моей рассеянности. Отец был убежден, что если бы я стал врачом, то, не задумываясь, усыпил бы своего пациента хлороформом и стал удалять ему желчные камни, хотя больной жаловался только на легкий кашель...

— Так, так, — заметил нетерпеливо Холмс. — Вы этим утром были очень расстроены, — продолжал он, внимательно глядя на посетителя. — Видимо, поэтому вы, прежде чем сесть на лондонский поезд, наводили справки в книгах в своем кабинете?

— Да, вы правы, сэр. Это были медицинские книги.

— А вы не находите неудобным то, что книжные полки в вашем кабинете так высоко расположены?

— Конечно, нет. Ведь для книг требуется так много места...

Внезапно посетитель замолчал. Рот его широко открылся, и продолговатое лицо, обрамленное бакенбардами, стало еще длиннее.

— Но я уверен, я положительно уверен, — рассеянно проговорил он, — что не упоминал ни о своих книгах, ни о книжных полках. Как же вы узнали об этом?

— Это пустяки! А как я узнал к тому же, что вы холостяк или вдовец и что вы держите в доме весьма неаккуратную экономку?

— Послушайте, Холмс! — воскликнул я. — Здесь, кроме мистера Эпли, есть еще один человек, который хотел бы знать, каким образом вам удалось прийти к такому заключению?

— Пыль, Уотсон, пыль!

— Какая пыль?

— Взгляните на указательный палец правой руки мистера Эпли. На этом пальце нетрудно разглядеть пятна от темно-серой пыли, которая обычно скапливается на верхних обрезах книг. Эти пятна появились не позже сегодняшнего утра. Так как мистер Эпли — мужчина высокого роста и с длинными руками, становится очевидным, что он снимал книги с высоко расположенной полки. Если к этому еще добавить его невычищенную шляпу, то не нужно обладать большой проницательностью, чтобы сделать вывод, что у него нет жены, а его хозяйство ведет неряшливая экономка.

— Замечательно! — воскликнул я.

— Сушая безделица, — ответил Холмс. — Я должен извиниться перед нашим гостем за то, что прервал его рассказ.

— Эта смерть была совершенно непостижимой! Но вы еще не слышали самого худшего, — продолжал посетитель. — У умершего сквайра осталась родственница — племянница двадцати одного года. Ее зовут Долорес Дейл, она дочь покойной миссис Копли Дейл из

Гластонбери. В течение ряда лет девушка вела хозяйство в большом доме Трелони, носящем название Гудменс Рест. Все думали, что Долорес, которая помолвлена с одним славным молодым человеком по имени Джеффри Эйнсуорт, унаследует состояние своего дяди. Должен вам сказать, что на свете никогда не существовало более нежного и доброго создания, чем эта девушка. Ее волосы красивого темного цвета, а в глазах иногда вспыхивает огонь, который свидетельствует о южной крови, текущей в ее жилах...

— Да, да, — нетерпеливо прервал Холмс. — Но вы сказали, что я не слышал еще самого худшего.

— Верно, и вот вам факты. Незадолго до смерти Трелони изменил свое завещание. Суровый старик считал свою племянницу слишком легкомысленной и лишил ее наследства. Он завещал все доктору Полу Гриффину, моему племяннику. Сэр, это скандал на всю округу! Две недели спустя Трелони был найден мертвым, и теперь моего несчастного племянника все подозревают в убийстве.

— Пожалуйста, изложите нам подробности, — попросил Холмс.

— Прежде всего, — продолжал священник, — я должен сказать, что Трелони был человек строгих и непреклонных взглядов. Мне так и кажется, будто я вижу его — высокого и широкоплечего, с большой головой и седой серебристой бородой, — стоящего на фоне вспаханного поля. В своей спальне каждый вечер перед сном сквайр имел обыкновение прочитывать главу из Библии. После этого он заводил часы, у которых к этому времени почти кончался завод. Ровно в десять вечера он ложился и вставал в пять утра.

— Один момент, — вмешался Холмс. — Нарушал ли сквайр когда-нибудь этот установившийся порядок?

— Да, если он погружался в чтение Библии, то мог просидеть допоздна. Но случилось это весьма редко, мистер Холмс, и, я думаю, такие отступления от правил можно не принимать во внимание.

— Продолжайте, пожалуйста, все ясно.

— Я должен отметить, к сожалению, что сквайр никогда не был в хороших отношениях со своей племянницей. Его строгость иногда доходила до жестокости. Помню случай, когда два года назад он избил девушку ремнем и несколько дней держал ее взаперти на хлебе и воде только лишь из-за того, что она поехала в Брис-

толь послушать комическую оперу. Я до сих пор помню, как она плакала, и слезы текли по ее розовым щекам. «Старый дьявол! — всхлипывала она. — Старый дьявол!..» Вы, конечно, простите невоздержанность ее языка...

— Насколько я понимаю, будущее состояние молодой леди зависело всецело от этого наследства?

— Вовсе нет. Ее жених, мистер Эйнсуорт, подающий надежды молодой человек, уже пробил себе путь в деловом мире. Сам Трелони был одним из его клиентов.

— Мне кажется, что я обнаружил в ваших словах опасение за судьбу племянника, — сказал Холмс. — Вероятно, доктор Гриффин был в дружеских отношениях с Трелони, если тот завещал ему наследство?

Священник неловко заерзал на кресле.

— Да, в самых дружеских отношениях, — ответил он поспешно. — Действительно, доктор как-то спас Трелони от смерти. Вместе с тем, должен признаться, мой племянник всегда был вспыльчивым, необузданным человеком. Его невоздержанное поведение в конце концов привело к тому, что местные жители стали с предубеждением относиться к нему. Если полиция окончательно утвердится в мнении, что сквайр умер насильственной смертью, Гриффину будет угрожать немедленный арест...

Эпли сделал паузу и оглянулся. Раздался чей-то повелительный стук. Тут же дверь распахнулась, и мы увидели миссис Хадсон, выглядывающую из-за спины низенького худощавого мужчины с крысиным лицом. Он был в клетчатом костюме и котелке. Когда взгляд его холодных голубых глаз упал на викария, он остановился у порога с возгласом удивления.

— Вы обладаете замечательной способностью, Лестрейд, появляться в самый неожиданный и драматический момент, — лениво заметил Холмс.

— И это ставит некоторых в затруднительное положение, — ответил детектив, положив свою шляпу рядом с газовой печкой. — Ну-с, присутствие в вашем доме этого почтенного джентльмена, бесспорно, свидетельствует о том, что в настоящее время вы заняты уютным маленьким домом в Сомерсете. Факты весьма определенны и ведут в одну сторону, как указательные столбы. Не так ли, мистер Холмс?

— К несчастью, указательные столбы можно легко

повернуть в любую сторону,— ответил Холмс.— В прошлом мне неоднократно приходилось доказывать вам эту истину, Лестрейд.

Сыщик из Скотленд-Ярда вспыхнул от злости:

— Всякое бывает. Но сейчас у меня нет никаких сомнений. Перед нами налицо и мотив преступления, и возможность его совершения. Мы знаем, кто преступник, и нам остается выяснить лишь, каким образом было совершено убийство.

— Я утверждаю, что мой несчастный племянник!..— вскричал священник в отчаянии.

— А я ведь не назвал имен!

— Но с того момента, как вам стало известно, что он был личным врачом сквайра, вы не скрывали, что считаете моего племянника убийцей. Всем ясно, что только Гриффину выгодно было это злополучное завещание.

— Вы забыли еще упомянуть о его личной репутации,— мрачно добавил Лестрейд.

— Он необуздан, да; романтичен, вспыльчив, если вам угодно. Но быть хладнокровным убийцей — никогда! Ведь я его знаю с пеленок...

— Ну, поживем — увидим... Мистер Холмс, а я очень хотел бы поговорить с вами.

Во время этой словесной перепалки между нашим клиентом и Лестрейдом Холмс смотрел на потолок с отсутствующим, рассеянным выражением лица. Я замечал это у него только в тех случаях, когда он чувствовал, что уже держит в руках какую-то трудно уловимую нить улик, все еще скрытую в лабиринте множества фактов и подозрений.

Внезапно Холмс поднялся и обратился к мистеру Эштли:

— Вы собираетесь возвратиться в Сомерсет днем?

— Да, поездом в два тридцать из Паддингтона.— Священник вскочил, и его лицо окрасилось легким румянцем.— Неужели я могу рассчитывать, мистер Холмс?

— Да, мы с мистером Уотсоном поедem с вами. Пожалуйста, попросите миссис Хадсон вызвать кеб.

Наш посетитель бросился вниз по лестнице.

— Довольно любопытное дело,— заметил Холмс, наполняя свой дорожный кисет табаком.

— Я так рад, что наконец мы увидели все в надлежащем свете, дружище,— заметил я.— Мне сначала по-

казалось, что почтенный Эппли выводит вас из себя, особенно когда он начал распространяться о своей ранней склонности к медицине и о рассеянности, из-за которой мог бы оперировать пациента без всякой на то надобности.

Впечатление от этого как будто бы безобидного замечания было поразительно. Сосредоточенно поглядев перед собой, Холмс быстро встал.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Черт возьми!

Щеки его слегка порозовели, а в глазах появился блеск, который был мне так хорошо знаком.

— Как всегда, Уотсон, ваша помощь просто неоценима...

— Значит, я помог вам? Своими упоминаниями об операции?

— Вот именно!

— Ну, Холмс?!

— Подождите, я сейчас должен разыскать некую фамилию! Передайте-ка мне, пожалуйста, тетрадь с вырезками, помеченную буквой «Б».

Не успев даже сообразить, в чем дело, я подал ему пухлую тетрадь, одну из тех, в которые Холмс вклеивал газетные вырезки о заинтересовавших его случаях.

— Холмс, но мистер Эппли не называл нам никого, чья фамилия начиналась бы с буквы «Б»!

— Да, я знаю об этом... Б-а, Ба-р, Барлетт!

Бегло перелистав тетрадь, Холмс закрыл ее и теперь сидел, задумчиво барабанив по переплету длинными нервными пальцами.

— У меня, конечно, нет еще всех данных, — произнес он. — Даже и теперь еще не все ясно.

— Зато для меня все ясно, — с усмешкой заметил Лестрейд. — Им меня не обмануть. Этот рыжебородый доктор и есть убийца. Нам известны и преступник, и мотив преступления.

— Тогда зачем вы пришли ко мне? — спросил Холмс.

— Потому что недостает одного. Мы хорошо знаем, кто сделал это. Вопрос в том, как он это сделал.

В вагоне Лестрейд бесконечное число раз повторял этот вопрос, пока наконец его слова не стали сливаться со стуком колес поезда, болезненно отдаваясь в моей голове.

Был долгий жаркий день. Лучи заходящего солнца уже ложились на вершины мягко округленных холмов

Сомерсетшира, когда мы наконец высадились на маленькой железнодорожной станции Кемберуэлл. Вдали, среди холмов, за остроконечными крышами деревянных домов, виднелось большое белое здание, окруженное величавыми вязами.

— Нам предстоит небольшая прогулка, — недовольно проворчал Лестрейд.

— Я предпочел бы не заходить сразу в дом, — сказал Холмс. — Есть ли в этой деревушке гостиница?

— Да, называется она «Герб Кемберуэлла».

— Тогда пойдемте туда. Мне хотелось бы начать расследование на нейтральной почве.

— Ну, Холмс! — воскликнул Лестрейд. — Я не понимаю...

— Совершенно верно, — прервал Холмс. И мы не услышали от него больше ни слова, пока не очутились в уединенной комнате старинной гостиницы. Холмс что-то поспешно черкнул в своей записной книжке и вырвал оттуда несколько листков. — Нельзя ли будет теперь, мистер Эппли, послать слугу с записками? Одну нужно отправить в Гудменс Рест, другую — Эйнсуорту, а вот эту Гриффину.

— Конечно.

— Вот и чудесно. Тогда в ожидании прихода мисс Долорес и ее жениха мы сможем немного покурить.

Некоторое время все сидели молча, погруженные в собственные мысли.

— Ну-с, мистер Холмс, — внезапно заговорил Лестрейд. — Вы вели себя так загадочно, что заинтриговали даже доктора Уотсона. Так изложите нам сейчас вашу теорию.

— У меня нет никакой теории. Я просто хочу проверить некоторые данные.

— Но за вашими данными вы проглядели лицо преступника.

— Это еще неизвестно. Кстати, викарий, а каковы отношения между мисс Долорес и вашим племянником?

— Любопытно, что вы заинтересовались этим. Последнее время их отношения служили для меня источником огорчений. Но справедливости ради следует добавить факт, что виной этому была молодая леди. Без всякой видимой причины она ведет себя оскорбительно по отношению к доктору. И, что хуже всего, свою неприязнь проявляет перед людьми.

— Вот как! Ну а мистер Эйнсуорт?

— Он слишком славный парень, чтобы не сожалеть о поведении своей невесты. Он принимает все это почти как личную обиду.

— Что ж, похвально для него. Но вот, по-видимому, и наши гости.

Старая дверь со скрипом распахнулась, и высокая грациозная девушка вошла в комнату. Долгий, испытующий взгляд ее черных, возбужденно блеснувших глаз останавливался то на одном, то на другом из нас с выражением враждебности и вместе с тем отчаяния. Стройный белокурый молодой человек со свежим цветом лица и удивительно голубыми глазами следовал за ней. Он дружески приветствовал мистера Эппли.

— Кто из вас мистер Шерлок Холмс?! — вскричала молодая девушка. — Ах, вы! Я полагаю, что у вас есть какие-то новые данные?

— Я приехал сюда за ними, мисс Дейл. Ведь мне известно все, за исключением того, что в действительности произошло ночью, когда ваш дядя... умер.

— Вы подчеркнули слово «умер», мистер Холмс?

— Но, черт возьми, Долорес, а что еще он мог сказать? — спросил молодой Эйнсуорт, неловко улыбаясь. — Мне кажется, что твоя голова полна всякой суеверной чепухи из-за этой грозы, которая так взволновала твоего дядю во вторник ночью. Но ведь гроза окончилась до его смерти.

— Откуда вы знаете?

— Доктор Гриффин сказал, что сквайр умер не раньше трех часов утра. Во всяком случае, до того времени он чувствовал себя вполне здоровым.

— Вы уверены в этом?

Молодой человек поглядел на Холмса с очевидным недоумением.

— Конечно, уверен. Мистер Лестрейд может подтвердить вам, что я заходил в комнату сквайра три раза в течение ночи. Трелони сам просил меня об этом.

— Тогда я хотел бы познакомиться с фактами с самого начала. Может быть, вы начнете, мисс Дейл?

— Хорошо, мистер Холмс. Во вторник вечером мой дядя попросил Джеффри и доктора Гриффина пообедать с нами в Гудменс Ресте. С самого начала чувствовалось, что дядя был чем-то обеспокоен. Я приписала тогда это доносившимся издали раскатам грома: дядя не любил и даже побаивался грозы. Однако мне до сих пор не ясна истинная причина его беспокойства.

Как бы то ни было, обстановка в течение вечера становилась все более и более нервной. Попытки доктора развеселить нас не улучшили нашего настроения, особенно после того, как молния вдруг ударила в дерево в роще. «Я должен теперь ехать домой.— заявил Гриффин,— и надеюсь, что со мной ничего скверного не случится в эту грозу».— «Ну а я доволен, что остаюсь,— засмеялся Джеффри.— Нам здесь будет достаточно уютно: ведь в доме наверняка есть надежный громоотвод». Мой дядя подскочил в кресле. «Вы молодой осел! — закричал он.— Разве вы не знаете, что у нас нет громоотвода?» И он задрожал, как человек, сошедший с ума.

— Я так и не понял, почему мои слова его рассердили,— прервал рассказ Эйнсуорт.— Затем сквайр стал распространяться насчет своих кошмаров...

— Кошмаров? — спросил Холмс.

— Да. Он кричал, что страдает от кошмаров и что в такую ночь старик не должен оставаться в одиночестве...

— Дядя немного успокоился,— продолжала мисс Дейл,— когда Джеффри обещал навещать его ночью. В самом деле, старика было очень жаль. Когда ты заходил к нему, Джеффри?

— Первый раз в половине одиннадцатого, затем в полночь и, наконец, в час ночи.

— А вы разговаривали с ним? — поинтересовался Холмс.

— Нет, он спал.

— Тогда как же вы узнали, что в то время он еще был жив?

— Видите ли, как многие другие люди его возраста, сквайр пользовался лампой-ночник. Это был фонарь, горевший голубым светом в нише камина. Мне, конечно, не удалось увидеть много, но зато я явственно слышал в перерывах между завываниями ветра тяжелое дыхание спящего.

— Было только пять часов утра,— продолжала мисс Дейл,— когда... Нет, я не могу больше говорить. Не могу...— И она разразилась рыданиями.

— Успокойся, успокойся, дорогая,— сказал Эйнсуорт, пристально глядя на девушку.— Мистер Холмс, для нее это такое тяжелое испытание...

— Может быть, мне продолжить? — спросил викарий.— Только начало рассветать, когда я проснулся от

сильного стука в дверь. Мальчик-грум принес нам ужасную новость из дома сквайра. Оказывается, горничная утром, как обычно, принесла сквайру чай и, подняв шторы, увидела своего хозяина мертвым в постели. Она в ужасе подняла крик на весь дом... Я набросил на себя плед и поспешил в Гудменс Рест. Когда я вошел в спальню вместе с Долорес и Джеффри, доктор Гриффин, которого вызвали раньше, уже заканчивал обследование покойного. «Он мертв уже почти два часа,— сказал доктор.— Хоть убейте меня, но я никак не могу определить причину его смерти». Я отошел от кровати, мысленно успокаивая себя молитвой, когда вдруг заметил золотые часы Трелони, блестящие под лучами утреннего солнца. Лежали они на маленьком мраморном столике среди пузырьков с лекарствами и банок с мазью, испускавших резкий запах, особенно ощущавшийся в непроветренной комнате. Часто говорят, что во время сильного волнения мы обращаем внимание на всякие мелочи. Так случилось и тогда. Мне почему-то показалось, что часы не ходят. Я поднес их к уху — часы тикали. Я совершенно машинально повернул заводную головку на два оборота, до отказа. Раздался резкий звук: «Кр-р-ак!» — заставивший Долорес нервно закричать. Я точно запомнил ее слова: «Викарий! Перестаньте же! Этот звук так напоминает предсмертный хрип...»

На миг все смолкли. Мисс Дейл печально опустила голову.

— Мистер Холмс,— с настойчивостью в голосе сказал Эйнсуорт,— у нее еще совсем свежи воспоминания о смерти дяди. Я хотел бы попросить вас освободить на сегодня мисс Дейл от дальнейших расспросов.

— Страхи всегда беспочвенны, когда отсутствуют доказательства,— заметил Холмс и, вынул свои часы, задумчиво поглядел на них.— Пора трогаться в Гудменс Рест.

После непродолжительной поездки в экипаже священника мы очутились у дома сквайра, въехали в ворота и покатали по узкой дороге. Взошла луна. Перед нами простиралась длинная, еле освещенная аллея, испещренная тенями больших вязов. Мы миновали последний поворот — и золотистые лучи, отбрасываемые фонарями экипажа, смутно осветили фасад мрачного, некрасивого особняка. Все его окна были закрыты ставнями, выкрашенными в коричневый цвет, а парадная дверь завешена черной материей.

— Это дом мрака,— заметил подавленным голосом Лестрейд, позвонив в дверь.— Алло! Что такое? Что вы делаете здесь, доктор Гриффин?

Дверь распахнулась, и у входа появился высокий мужчина с рыжей бородой, одетый в свободно сидящий норфолкский сюртук и широкие до колен брюки. Он окинул нас свирепым взглядом. Сжатые кисти его рук и тяжело вздымавшаяся грудь говорили о душевном волнении.

— Разве я должен просить у вас разрешения на прогулку, мистер Лестрейд?! — закричал он.— Разве вам не достаточно, что ваши проклятые подозрения восстали против меня всю округу?

Гриффин протянул свою большую руку и схватил моего друга за плечо.

— Так это вы, Холмс! — закричал он с горячностью.— Я получил вашу записку, и вот я здесь. У вас, слава Богу, такая высокая репутация. Мне кажется, только вы могли бы спасти меня от виселицы... Ну что за животное я? Ведь я так напугал ее своими словами...

Мисс Дейл со слабым стоном закрыла лицо руками.

— Я столько перенесла за последние дни! — всхлипывала она.— О, этот невообразимый ужас!

Я был очень раздосадован поведением Холмса: в то время как мы все окружили плачущую девушку и утешали ее, он спокойно заметил Лестрейду, что тело покойника находится, по-видимому, в дальней комнате. Повернувшись к нам спиной, он вошел в дом, на ходу вынимая из кармана лупу.

Немного обождав, мы с Лестрейдом последовали за ним. Через дверь в левой части большого темного зала мы мельком разглядели тускло освещенную комнату, заставленную полуувядшими цветами. Длинная, худая фигура моего друга согнулась над открытым гробом так низко, что его лицо очутилось всего в нескольких дюймах от лица покойного. Стояла напряженная тишина, пока Холмс при помощи лупы внимательно изучал спокойные черты умершего. Затем он набросил простыню на тело и направился к выходу. Я хотел заговорить с ним, но он молча прошел мимо, отрывистым жестом указав в сторону лестницы. Мы поднялись на верхнюю лестничную площадку, и Лестрейд провел нас в спальню с массивной темной мебелью, которая мрачно и смутно вырисовывалась при свете затемненной абажуром лампы, горевшей на столе, рядом с открытой Биб-

лией. Затхлый, тошнотворный аромат увядших цветов и запах сырости преследовали меня повсюду.

Холмс опустился на колени под окнами, исследуя лупой каждый дюйм пола. Брови его походили на две резкие черные линии.

— Нет, Уотсон! Эти окна не открывались в тот день. Если бы они были открыты во время сильной грозы, я бы, конечно, обнаружил следы. Но не было никакой необходимости открывать их...

— Послушайте, Холмс! — сказал я. — Что это за странный звук?

Я посмотрел в сторону кровати с высоким темным балдахином и занавесками. У изголовья стоял мраморный столик, весь заставленный запыленными склянками.

— Холмс, это часы покойного сквайра! Они лежат на столе и все еще тикают.

— Вас это удивляет?

— Конечно, разве они не должны были остановиться по прошествии трех дней?

— Они и остановились. Но я снова их завел. Прежде чем посмотреть тело покойного, я заходил в спальню. Собственно говоря, я предпринял эту поездку сюда, чтобы завести часы сквайра Трелони ровно в десять часов вечера!.. И обратите внимание — что за сокровище перед нами! Поглядите, Лестрейд! Поглядите!

— Но, Холмс, ведь это самая обыкновенная палочка вазелина, которую можно купить в любой аптеке!

— Напротив, это — орудие преступления! И все же, — добавил он задумчиво, — все же остается еще один вопрос, который не перестает мучить меня... Кстати, а как вам удалось воспользоваться помощью сэра Леопольда Харпера? — неожиданно спросил Холмс, поворачиваясь к Лестрейду. — Разве он живет поблизости?

— Нет, он гостил по соседству, у своих друзей. Когда было решено произвести вскрытие трупа, местная полиция сочла за удачу, что под рукой оказался такой известный в Англии эксперт по судебной медицине. Немедленно послали за ним. И, надо сказать, выбрали подходящее время, — добавил Лестрейд с лукавой усмешкой.

— Почему же?

— Да потому что он лежал в это время в постели с грелкой и пил горячий пунш: у него был сильный насморк.

Холмс возбужденно вскинул руки:

— Это дело наконец завершено!

Мы с Лестрейдом поглядели друг на друга с изумлением.

— Мне остается дать только еще одно указание,— сказал Холмс.— Лестрейд, никто не должен покидать этот дом сегодня ночью. Я поручаю вам любыми дипломатическими средствами удержать всех здесь. Мы с Уотсоном тем временем отдохнем в этой комнате до пяти часов утра.

Зная властную натуру Холмса, я считал бесполезным расспрашивать о чем-либо. Холмс устроился в кресле-качалке. В моем распоряжении оставалась только кровать покойного. Холмс уговаривал меня удобнее расположиться на ней, но я отказался, опасаясь задремать в таком неудобном месте. Я отказывался некоторое время и все же...

— Уотсон!

Голос Холмса пробудил меня от дремоты, нарушив сновидения. Я привскочил в постели, весь взъерошенный. Лучи утреннего солнца били в глаза, а часы покойного сквайра продолжали тикать...

Шерлок Холмс, уже успевший привести себя в порядок, стоял, поглядывая на меня.

— Уже десять минут шестого, — заметил он, — я вынужден был разбудить вас. Ага, это Лестрейд, — продолжал он, прислушиваясь к стуку в дверь.— Заходите, прошу вас!

В комнату вошла мисс Дейл в сопровождении Гриффина, Эйнсуорта и, к моему удивлению, священника.

— Послушайте, мистер Холмс! — закричала Долорес. — Это невыносимо, что из-за ваших капризов всем нам, даже бедному мистеру Эппли, пришлось остаться здесь на ночь.

— Поверьте мне, мисс Дейл, что это не были капризы. Я хочу объяснить вам, каким образом так хладнокровно был убит сквайр Трелони!

— Убит? Вот как! — выпалил доктор Гриффин. — Тогда я хотел бы знать, как же все-таки он был убит?

— Дьявольски просто! Доктор Уотсон был столь проницателен, что обратил мое внимание на способ убийства. Нет, Уотсон, ни слова! А мистер Эппли навел меня на правильный путь. Он сказал, что если бы ему пришлось заниматься медициной, то он по рассеянности стал бы без всякого повода удалять у своих па-

циентов желчные камни. Но это не все. Он еще добавил, что перед операцией усыпил бы пациента хлороформом. Так вот то слово, которое дало мне разгадку, — «хлороформ».

— Хлороформ! — как эхо, отозвался Гриффин.

— Да, именно так. Нашумевший в прошлом году судебный процесс Аделаиды Бартлетт, которую обвиняли в том, что она отравила своего мужа, влив ему в рот во время сна жидкий хлороформ, очевидно, навел убийцу сквайра на мысль применить это средство для своей гнусной цели.

— Но, черт возьми! Ведь Трелони не глотал хлороформ!

— Конечно, нет. Но предположим, доктор Гриффин, что я взял бы ватную подушечку, пропитанную хлороформом, и прижал ее минут на двадцать ко рту и носу старого крепко спящего человека. Что произошло бы тогда?

— Он, конечно, умер бы. Но это нельзя сделать, не оставив следов!

— Так, превосходно! А каких следов?

— Хлороформ обжигает кожу и вызывает появление пузырьков на ней. Поэтому на лице сквайра должны были остаться следы ожогов, хотя, может быть, и очень незначительные.

Холмс протянул руку к столику.

— Теперь предположите, доктор, — сказал он, поднимая какую-то баночку, — что я предварительно смазал бы лицо жертвы тонким слоем вазелина. Остались бы следы ожогов?

— Нет, разумеется!

— Ваши медицинские познания помогли вам несколько забежать вперед и обогнать ход моих рассуждений. Хлороформ — весьма летучее вещество, он легко испаряется и быстро исчезает из крови. Стоило только отсрочить вскрытие трупа на два дня, как это и было сделано, чтобы никаких следов отравления не осталось.

— Не спешите, мистер Холмс! А запах?

— Да, оставалась незначительная, очень незначительная вероятность того, что запах хлороформа будет обнаружен в комнате, где произошло отравление, или при вскрытии трупа. Но в комнате запах хлороформа был почти неощутим из-за резкого и едкого запаха лекарств и мазей. А при вскрытии сэр Леопольд Хар-

«ДОЛИНА УЖАСА»

Шерлок Холмс и доктор Уотсон
за расшифровкой таинственного послания

«ДОЛИНА УЖАСА»

Совещание вместе с инспектором полиции
«мистером Маком»

«ДОЛИНА УЖАСА»

Мучительные поиски истины
после трагедии в Бирлстоуне

«ДОЛИНА УЖАСА»

Шерлок Холмс будит доктора Уотсона,
отправляясь на поиски улик

«ДОЛИНА УЖАСА»

Первое появление Макмэрдо
в штабе масонской ложи угольщиков

«ДОЛИНА УЖАСА»

Прием Макмэрдо в преступное масонское братство

«ДОЛИНА УЖАСА»

Тщетные просьбы возлюбленной Макмэрдо Эти
о бегстве из Вермиссы

«ДОЛИНА УЖАСА»

Заманенных им в ловушку убийц
Макмэрдо призывает к тишине в связи с приходом полиции

ОБРАЗЫ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА
В ЖИВОПИСИ, ТЕАТРЕ И КИНО

Работа художника Фредерика Стила

Работы художника Сидни Пейджета

Рисунок из лондонского журнала «Стрэнд» (1927 г.)

Самый знаменитый в Англии и США на рубеже XX века исполнитель в театре роли Шерлока Холмса актер Уильям Джиллет. Вместе с ним недолгое время играл в пьесе еще мальчиком Чарли Чаплин.

Один из первых исполнителей роли Шерлока Холмса в немом кино
Эйли Норвуд (Англия, 1921 г.)

Один из лучших исполнителей роли Шерлока Холмса в звуковом кино
английский актер Артур Уонтнер (1932г.)

Бейзил Рэтбоун в ставшем классическим фильме
«Приключения Шерлока Холмса» (Голливуд, 1939 г.)

пер не почувствовал запаха, так как в тот день страдал сильным насморком!

Бледное лицо доктора Гриффина, казалось, побледнело еще больше.

— Бог ты мой, ведь это правда...

— Теперь зададим себе вопрос: Cui bono?* Кому могло быть выгодно это преступление?

Я заметил, что Лестрейд сделал шаг в сторону доктора.

— Эй вы, осторожнее, черт бы вас побрал! — закричал Гриффин.

Холмс поставил на стол баночку с вазелином и взял в руки тяжелые часы, которые, казалось, стали тикать еще громче.

— Я хочу обратить ваше внимание на эти часы, известные под названием Золотой охотник**. Вчера в десять часов вечера я завел их до отказа. Сейчас пять часов двадцать минут утра.

— Ну и что же из этого следует? — воскликнула мисс Дейл.

— Если вы помните, как раз в это время утром, когда ваш дядя был найден мертвым, викарий завел часы. Хотя звук, который вы сейчас услышите, может показаться вам неприятным, я просил бы прислушаться к нему.

Холмс стал медленно заводить часы, и в комнате раздался резкий скрип: «Кр-р-ак!» Головка часов продолжала поворачиваться, и звук не прекращался.

— Подождите! — закричал Гриффин. — Здесь что-то не так!

— Превосходно! А что же именно не так!

— Черт возьми, ведь викарий, заводя утром часы, сделал только два оборота головки, и они оказались заведенными до отказа! Вы же сейчас сделали семь или восемь оборотов, а часы все еще полностью не заведены!

— Совершенно верно, — ответил Холмс, — но это не является какой-то особенностью часов сквайра. Ведь любые часы, заведенные в десять часов вечера, нельзя будет на следующее утро завести до отказа только двумя поворотами головки.

---

* В чьих это интересах? (лат.).

** Охотничьи часы с крышкой, защищающей стекло. — Прим. пер.

— Боже мой! — прошептал доктор, не отрывая взгляда от Холмса.

— Значит, покойный мистер Трелони не лег спать в десять часов вечера. Если принять во внимание его возбужденное состояние и непрекращавшуюся грозу, то можно будет сделать вывод, что он, вероятно, не ложась спать, сидел допоздна и читал Библию. Ведь викарый упоминал, что такое иногда с ним случалось. Сквайр завел часы, как обычно, после окончания чтения и лег в постель только около трех часов утра. Убийца застал его крепко спящим.

— И следовательно?.. — почти вскрикнула Долорес.

— И следовательно, так как только один человек сообщил нам, что он видел сквайра спящим в десять тридцать, в двенадцать и в час ночи, этот человек сказал нам заведомую и явную ложь!

— Холмс! — вскричал я. — Наконец-то я вижу, куда идут улики! Преступник не кто иной, как...

Джеффри Эйнсуорт бросился к двери.

— Ах, вот куда вы! — закричал Лестрейд. Он прыгнул к молодому человеку, и спустя мгновение раздалось щелканье наручников.

Мисс Долорес Дейл, всхлипывая, кинулась вперед, но не к Эйнсуорту. Она бросилась в распростертые объятия доктора Пола Гриффина...

* * *

— Вы видите, Уотсон, — заметил в заключение Шерлок Холмс, когда мы вечером снова сидели в квартире на Бейкер-стрит и потягивали виски с содовой, — что вина Эйнсуорта, который так страстно стремился жениться на молодой девушке ради ее денег, в конце концов могла быть установлена и без часов как главного доказательства преступления.

— Не может быть! — возразил я.

— Мой друг, примите во внимание завещание Трелони!

— Тогда, значит, сквайр не изменил завещания в пользу Гриффина?

— Нет, он изменил его, но не успел осуществить свое намерение до конца. И был только один человек, который знал истинное положение вещей, а именно: что Трелони еще не подписал измененное завещание.

— Вы имеете в виду самого сквайра?

— Нет, я имею в виду Эйнсуорта, стряпчего, который составил завещание. Он признался во всем. Его коварный план и заключался в том, что Гриффин после смерти сквайра неизбежно был бы арестован как единственное лицо, получающее выгоду от смерти Трелони. А Эйнсуорту, женившемуся на Долорес, досталось бы, таким образом, наследство...

Холмс откинулся на спинку кресла и сомкнул кончики пальцев.

— Хлороформ легко можно было добыть, это всем известно еще из дела Бартлетт. Как другу семьи Эйнсуорту не представило особых трудностей получить доступ к медицинским книгам в библиотеке викария. Он на досуге разработал свой хитроумный план. Я бы не был так твердо убежден в своих выводах, если бы не исследовал с помощью лупы лицо покойного, обнаружив неоспоримые доказательства в виде мельчайших ожогов и следов вазелина в порах кожи.

— Но мисс Дейл и доктор Гриффин!..

— Их поведение удивило вас?

— Да, женщины так странны подчас..

— Мой дорогой Уотсон, у меня возникли подозрения, как только я услышал о молодой девушке, темпераментной и пылкой, попавшей в общество мужчины с подобным же характером. Поведение доктора составляло резкий контраст с поведением хладнокровного стряпчего, так внимательно следившего за Долорес. Вспомните, что она проявила свою ничем не вызванную неприязнь к доктору в обществе.

— Тогда почему же она просто не разорвала свою помолвку с Эйнсуортом?

— Вы забыли, что дядя всегда укорял ее за непостоянство и легкомыслие. Если бы она нарушила свое обещание, то потеряла бы достоинство в своих собственных глазах... Но почему; Уотсон, вы ухмыляетесь теперь?

— Просто потому, что я подумал о названии этой деревушки в Сомерсете.

— Деревня Кемберуэлл? — сказал Холмс, улыбаясь. — Да, в самом деле, деревня носит название нашего лондонского района Кемберуэлл. Поэтому, Уотсон, когда вы будете описывать этот случай, не забудьте дать ему такой заголовок, чтобы читатели не спутали место, где произошло кемберуэллское отравление.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ФАУЛКС РАСЕ

— Удивительное дело! — воскликнул я, роняя на пол «Таймс». — Не понимаю, почему до сих пор его семья не обратилась к вам за советом.

Мой друг Шерлок Холмс опустилсЯ в кресло.

— Если вы имеете в виду убийство в Фаулкс Расе, — сказал он медленно, — то вот эта телеграмма может вас заинтересовать. Она была получена еще до завтрака.

Он вытащил из кармана халата темно-желтый бланк и передал мне. Телеграмма гласила:

«Имея отношение к делу Эддлтона, собираюсь приехать к вам ровно в десять часов пятнадцать минут.

Винсент».

Я поднял «Таймс» и пробежал глазами газетные строки.

— Здесь ни слова нет о человеке, носящем имя Винсент, — сказал я.

— Это ничего не значит, — ответил Холмс. — Судя по стилю телеграммы, можно предположить, что ее автор — юрист старой закваски. Он, вероятно, обслуживает семью Эддлтон. В нашем распоряжении, Уотсон, остается несколько минут. Мне нужно освежить в памяти детали этого дела, поэтому прочтите, пожалуйста, вслух наиболее важное из утреннего выпуска. Все комментарии корреспондента пропускайте.

Набив глиняную трубку табаком, Холмс откинулся на спинку кресла и стал задумчиво разглядывать потолок сквозь облака едкого голубого дыма.

— «Трагедия произошла в Фаулкс Расе,— читал я,— старинном сассекском поместье около Форест Роу у Эшдонского леса. Когда-то на этом месте было кладбище...»

— Факты, давайте факты, Уотсон!

— «Поместье принадлежало полковнику Матиасу Эддлтону,— продолжал я, не возражая Холмсу.— Как известно, сквайр Эддлтон занимал пост местного мирового судьи и был самым богатым землевладельцем в округе. В число обитателей Фаулкс Раса входили: сам сквайр, его племянник Перси Лонгтон, дворецкий Морстед и четверо служанок, живущих в доме. Обслуживающий персонал, не живущий в поместье, состоит из конюха и нескольких лесников. Живут они в коттеджах на границах имения. Вчера вечером сквайр Эддлтон и его племянник обедали, как всегда, в восемь часов вечера. После обеда сквайр приказал подать верховую лошадь и около часа отсутствовал. Вернулся к десяти часам. Можно предположить, что после приезда дяди между ним и племянником произошел крупный разговор, так как дворецкий, внося портвейн, видел сквайра красным и злым».

— А племянник? — перебил Холмс.— Его, кажется, зовут Перси Лонгтон?

— «Дворецкий утверждает, что он не видел лица Лонгтона, так как молодой человек отошел к окну и все время, пока дворецкий был в комнате, смотрел во двор. Но, уходя, дворецкий слышал яростную перебранку. А вскоре после полуночи весь дом был разбужен громким воплем, доносившимся из холла. Полуодетые слуги бросились на крик и с ужасом увидели на полу сквайра Эддлтона с рассеченной головой в луже крови. Рядом стоял мистер Перси Лонгтон и сжимал в руках окровавленный средневековый топор палача. Очевидно, орудие убийства было взято из коллекции оружия, висевшего на стене над камином. Лонгтон был так потрясен, что с трудом смог помочь поднять голову раненого и остановить кровотечение. Но когда дворецкий Морстед склонился над сквайром, тот, ловя воздух ртом, прошептал: «Это... сде... лал Лонг... Том! Это... сде... лал Лонг... Том!»— и замертво упал на руки дворецкого. Немедленно была вызвана местная полиция, которая на основании ряда неопровержимых улик — ссоры между обоими мужчинами, присутствия Лонгтона у тела умирающего и, наконец,

слов самого сквайра — арестовала мистера Перси Лонгтона по обвинению в убийстве сквайра Эддлтона». В разделе последних известий сообщается, что обвиняемый отправлен в Луис, но он упорно отрицает свою вину. Вот основные факты, Холмс.

Некоторое время мой друг молча курил трубку.

— Что говорит Лонгтон о причинах ссоры? — спросил он наконец.

— Здесь сообщается, что Лонгтон сам заявил полиции о ссоре с дядей по вопросу продажи фермы в Чэдфорде. Эту продажу Лонгтон считал новым бессмысленным разбазариванием земельных владений.

— Новым?

— Оказывается, сквайр Эддлтон продал за последние два года еще часть имения, — ответил я, бросая газету на кушетку. — Должен сказать, Холмс, мне редко приходилось видеть дело, в котором вина преступника была бы столь очевидной.

— Да, — сказал Холмс. — Действительно, если факты, сообщенные газетой, изложены правильно, я не могу представить себе, для чего этот мистер Винсент намеревается отнимать у меня время. Но вот, если не ошибаюсь, наш клиент уж поднимается по лестнице.

Послышался стук в дверь, и миссис Хадсон доложила о приходе мистера Винсента. Наш посетитель оказался маленьким, пожилым, с длинным бледным лицом в бакенбардах. Некоторое время он стоял молча, разглядывая нас близорукими глазами через пенсне.

— Как это нехорошо с вашей стороны, мистер Холмс! — воскликнул он резко. — Ведь моя телеграмма предполагала абсолютное сохранение тайны, сэр. Дело моего клиента...

— Это мой коллега, доктор Уотсон, — прервал Холмс, жестом приглашая посетителя сесть. — Я заверяю вас, что присутствие доктора Уотсона может оказаться неоценимым.

Мистер Винсент повесил шляпу и, опустившись на стул, обратился ко мне:

— Прошу верить, доктор Уотсон, что у меня не было ни малейшего намерения обидеть вас. Но это ужасное утро, смею сказать, совершенно ужасное для тех, кто уважает семью Эддлтон из Фаулкс Раса...

— Совершенно верно, — согласился Холмс. — Но я думаю, что утренняя прогулка пешком до железнодорожной станции могла немного успокоить ваши

нервы. Физические упражнения действуют успокаивающе.

Наш посетитель поднял брови.

— Послушайте, сэр, я не могу понять, каким образом вы...

— Ну-ну, — прервал его Холмс. — Ведь ясно, что человек, ехавший до станции в экипаже, не может появиться с брызгами свежей глины на левой гетре и таким же пятном глины на кончике палки. Вы шли по каменистой сельской тропинке, но вам, очевидно, пришлось пересечь вброд ручей.

— Ваши выводы совершенно правильны, сэр, — ответил мистер Винсент, с удивлением рассматривая Холмса поверх пенсне. — Моя лошадь на пастбище, а в деревне не оказалось даже клячи. Так я смею просить вас, мистер Холмс, или, вернее, самым настоящим образом требовать помощи моему несчастному клиенту, мистеру Перси Лонгтону.

Холмс откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Боюсь, что я ничем не смогу помочь, — заявил он. — Доктор Уотсон уже сообщил мне основные факты, и они, пожалуй, неоспоримо доказывают вину Лонгтона. Кто ведет дело?

— Местная полиция связалась со Скотленд-Ярдом. К нам направили некоего инспектора Лестрейда... Боже мой! Мне кажется, мистер Холмс, у вас мучительный приступ ревматизма... Может быть, мне нужно было бы пояснить вам, — продолжал посетитель, — что я — старший компаньон юридической конторы Винсент, Пиборн и Винсент, в Форест Роу, и Эддлтоны уже более пятидесяти лет доверяют нам ведение своих дел.

Холмс взял газету и, отметив ногтем статью, передал ее юристу, не говоря ни слова.

— Сообщение достаточно точное, — сказал грустно юрист, пробежав глазами газетный столбец. — Но здесь не сказано, что входная дверь оказалась незапертой, хотя сквайр говорил дворецкому Морстеду, что он ее закроет сам.

Холмс насторожился.

— Не заперта, говорите вы? Гм! Но это можно объяснить тем, что сквайр Эддлтон просто забыл это сделать. И все же в этом деле один или два пункта мне еще не совсем ясны.

— А именно, сэр?

— Убитый был в ночном белье?

— Нет, он был одет. В ночном белье был мистер Лонгтон.

— После обеда сквайр уехал из дома примерно на час. Часто ли совершал он такие ночные прогулки верхом?

Мистер Винсент перестал приглаживать бакенбарды и бросил пытливый взгляд на Холмса.

— У сквайра не было такой привычки, — ответил он визгливо. — Но ведь он вернулся невредимым, и я не понимаю...

— Совершенно верно, — подтвердил Холмс. — Вы считали сквайра человеком богатым? Прошу ответить точно.

— Матиас Эддлтон был очень богатым. Около сорока лет тому назад он эмигрировал в Австралию. В семидесятых годах вернулся с большим состоянием, приобретенным на австралийских золотых приисках. После смерти своего старшего брата он унаследовал родовое имение в Фаулкс Расе. К сожалению, я не могу утверждать, что его любили соседи. Это был очень замкнутый человек. Его боялись как мирового судью. Словом, он был жестокий, резкий, тяжелый человек.

— А мистер Перси Лонгтон был с дядей в хороших отношениях?

Минуту юрист колебался.

— Боюсь, что нет, — сказал он медленно. — Мистер Перси — сын покойной сестры сквайра. В Фаулкс Расе он живет с детства. Сейчас управляет имением дяди. Он, конечно, является наследником всего майората, включая дом и часть земли. Лонгтон негодовал, когда дядя продавал фермы и участки. Вот это-то и явилось причиной враждебных отношений между ними. Хуже всего то, что именно в эту ночь его жены не было дома.

— Его жены?

— Да. Миссис Лонгтон — милая, очаровательная молодая женщина. Она осталась на ночь у друзей в Ист-Гринстеде и должна была вернуться сегодня утром. — Винсент помедлил. — Бедная маленькая Мэри, — закончил он тихо. Какой ужасный сюрприз для нее! Сквайр убит, а ее муж обвинен в убийстве!

— Еще один, последний вопрос, — сказал Холмс. — Что говорит ваш клиент о событиях этой ночи?

— Его версия очень проста, мистер Холмс. Он утверждает, что за обедом сквайр объявил о намерении продать ферму в Чэдфорде, а когда Лонгтон стал говорить ему о нецелесообразности такой продажи и о большом ущербе, который она принесет имению, сквайр очень грубо ответил ему. Это и вызвало разговор на повышенных тонах. Потом сквайр приказал подать верховую лошадь и, не говоря ни слова, уехал из дома. Возвратившись, он потребовал бутылку портвейна и пригласил племянника. Спор возобновился. Но мистер Перси вскоре пожелал дяде спокойной ночи и удалился к себе в комнату. Он был очень возбужден и не мог уснуть. По его словам, он дважды садился на постели, ему казалось, что он слышит голос дяди из большого холла.

— Почему же он не пошел проверить это? — резко прервал Холмс.

— Я задал ему тот же вопрос. Он ответил, что дядя сильно пил, и поэтому Лонгтон предположил, что сквайр разговаривает сам с собой. Дворецкий Морстед показал, что это не раз случалось и прежде...

— Продолжайте, пожалуйста.

— Часы над конюшней только что пробили полночь, и Лонгтон стал понемногу засыпать. Вдруг раздался ужасный вопль. Соскочив с кровати, Лонгтон надел халат, схватил свечу и побежал в холл. Открыв дверь, он в ужасе отпрянул. Сквайр Эддлтон лежал в большой луже крови. Мистер Лонгтон бросился к дяде и увидел орудие убийства, топор палача. Лонгтон почувствовал слабость и тошноту. Сам не сознавая, что делает, он наклонился и поднял с пола топор. В этот момент Морстед и перепуганные горничные ворвались в холл. Такова версия моего несчастного клиента.

— Так-так, — сказал Холмс.

Некоторое время мы с мистером Винсентом безмолвно сидели, устремив взгляд на Холмса.

Голова моего друга была откинута на спинку кресла, глаза закрыты. Только тонкая ленточка дыма, поднимавшаяся из глиняной трубки Холмса, свидетельствовала, что за пассивной маской его орлиного лица скрывается напряженная работа мысли. Через минуту он вскочил на ноги.

— Воздух Эшдона, наверно, не причинит вам вреда, Уотсон, — сказал он энергично. — Мистер Винсент! Мой друг и я в вашем распоряжении.

Было уже за полдень, когда мы сошли с поезда на полустанке Форест Роу. Мистер Винсент телеграфом заказал нам помещение в гостинице «Зеленый человек» — старом, потрескавшемся каменном здании. Воздух был пропитан ароматом леса, покрывавшего Сассекские холмы. Лес окружал селение со всех сторон. Когда я глядел на этот зеленый пейзаж, мне казалось, что на фоне безмятежных окрестностей трагедия Фаулкс Раса приобретает еще более зловещий оттенок.

Почтенный юрист, очевидно, разделял мои чувства, в то же время Холмс был целиком погружен в раздумья. Он не принимал никакого участия в разговоре, если не считать его краткого замечания о том, что начальник станции, по-видимому, несчастлив в браке и что он недавно изменил положение своего зеркала для бритвы.

Наняв в гостинице одноконный экипаж, мы отправились в поместье Фаулкс Рас, расположенное в трех милях от деревни. Дорога шла по лесистым склонам Пипшинфордского холма.

Мы поднялись на его вершину, и я залюбовался видом чудесной торфяной равнины, поросшей вереском. Мистер Винсент коснулся моей руки.

— Фаулкс Рас, — сказал он.

Это был длинный дом из серого камня. Поля, начинающиеся прямо от стен старинного здания, переходили в глубокую лесистую долину, над ней вертикально поднимался столб дыма, и оттуда слышалось гудение паровой пилы.

— Эшдонская лесопилка, — пояснил мистер Винсент. — Эти леса расположены за границами поместья. В радиусе трех миль здесь нет других строений.

Когда мы ехали по подъездной аллее, в дверях дома появился пожилой слуга. Узнав Винсента, он бросился нам навстречу.

— Слава Богу, вы приехали, сэр! — воскликнул он. — Миссис Лонгтон...

— Она вернулась? — прервал его мистер Винсент. — Бедняжка! Я сейчас к ней пройду.

— Здесь сержант Клэр и инспектор из Лондона.

— Прекрасно, Морстед.

— Одну минутку! — сказал Холмс. — Перенесли ли куда-нибудь тело вашего хозяина?

— Его положили в оружейную комнату, сэр.

— Надеюсь, больше ни к чему не притрагивались? — спросил Холмс резко.

— Нет, сэр, — пробормотал Морстед. — Все осталось как было.

Из небольшого вестибюля, где Морстед забрал наши шляпы и палки, мы попали сразу в большую комнату с каменными стенами, сводчатым потолком и несколькими узкими, заостренными кверху окнами. Их стекла были расписаны цветными гербами, через которые еле пробивались лучи вечернего солнца. Тот же мужчина, сидевший за письменным столом, увидя нас, вскочил и покраснел от негодования.

— Почему вы здесь, мистер Холмс?! — воскликнул он. — В этом деле нет необходимости применения ваших талантов.

— Не сомневаюсь, что вы правы, Лестрейд, — беззаботно ответил мой друг. — Тем не менее бывали случаи...

— Когда счастье оказывалось на стороне теоретика, мистер Холмс? Кто же вызвал вас сюда, если полицейскому инспектору будет разрешено задать такой вопрос?

— Мистер Винсент, юридический консультант семьи Эддалтон, — ответил я. — Это он обратился за помощью к мистеру Шерлоку Холмсу.

— Ах, вот как! — воскликнул Лестрейд, бросив недобрый взгляд на маленького человека. — Но теперь уже слишком поздно применять ваши великолепные теории, мистер Холмс. Преступник арестован. Всего хорошего, джентльмены!

— Минуточку, Лестрейд, — сказал Холмс решительно. — В прошлом вам случалось ошибаться, и нет гарантии, что вы и в дальнейшем не наделаете ошибок. Возможно, в данном случае вы действительно арестовали виновного, и, должен признаться, пока я и сам так думаю. Однако вы ничего не потеряете, если мне придется подтвердить вашу правоту. С другой стороны...

— Ах, это постоянное «с другой стороны»! Впрочем, — неохотно добавил Лестрейд, — я не считаю, что ваши расследования могут принести вред. Если желаете терять время, мистер Холмс, — дело ваше. Ах, доктор Уотсон, какое невероятное преступление!

Я последовал за Холмсом к камину в дальний угол

комнаты и отшатнулся при виде ужасной картины. На дубовом полу — большое черное пятно. Камин и даже стенная панель вблизи были покрыты брызгами и пятнами темно-красного цвета.

Мистер Винсент, бледный как смерть, отвернулся и упал на стул.

— Остановитесь, Уотсон, — отрывисто приказал Холмс. — Я полагаю, Лестрейд, что здесь не было отпечатков ног? — Он указал на забрызганный кровью пол.

— Здесь были следы только одного человека, мистер Холмс, Перси Лонгтона, — с кислой улыбкой ответил Лестрейд.

— Вот как! Похоже, что вы кое-чему научились. Между прочим, что с халатом обвиняемого?

— Как что?

— Посмотрите на стены, Лестрейд, на стены! Конечно, если грудь халата Лонгтона также испачкана кровью, можно будет быстро согласиться с вашими доводами.

— Рукава халата пропитаны кровью, если вы именно это имели в виду.

— Ну, это вполне естественно. Ведь Лонгтон помогал поднять голову умирающего. Рукава мало что дают. Халат у вас?

Инспектор Скотленд-Ярда пошарил в своем кожаном саквояже и вытащил серый шерстяной халат.

— Вот он.

— Гм! Пятна на рукавах и краях халата. А на груди ни одного пятна. Любопытно, но, к сожалению, неубедительно. А! Это орудие преступления!

Лестрейд вытащил из саквояжа жуткий предмет. Это был топор с коротким и узким топорщиком и широким лезвием. Он был целиком из стали.

— Это, очевидно, очень старинная вещь, — сказал Холмс, рассматривая лезвие через лупу. — Между прочим, куда был нанесен удар?

— Вся верхняя часть черепа сквайра Эддлтона была рассечена, как гнилое яблоко, — ответил Лестрейд. — Поистине чудо, что к нему вернулось сознание хотя бы на миг. Чудо, довольно-таки неприятное для мистера Лонгтона, — добавил он.

— Говорят, сквайр произнес его имя.

— Да.

Стройная молодая женщина, рыдая, вбежала в комнату. Ее темные глаза лихорадочно горели, руки были крепко сжаты.

— Спасите его! — дико кричала она. — Он невиновен, клянусь вам! О мистер Холмс, спасите моего мужа!

Не думаю, чтобы кто-нибудь из нас, не исключая даже Лестрейда, остался равнодушным в этот момент.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Холмс мягко. — А теперь расскажите мне о своем муже.

— Он самый добрый человек на свете!

— Не сомневаюсь. Но я имею в виду его внешние данные. Например, могли бы вы сказать, что он ростом выше сквайра Эддлтона?

Миссис Лонгтон удивленно взглянула на Холмса.

— Конечно, нет, — сказала она. — Ведь сквайр выше шести футов...

— Так. Мистер Винсент, может быть, вы сможете уточнить, когда сквайр Эддлтон начал продавать свое имение по частям?

— Первая продажа имела место два года тому назад, вторая примерно полгода, — ответил юрист без колебания. — А теперь, мистер Холмс, если я вам не нужен, я уведу миссис Лонгтон в гостиную.

Мой друг поклонился.

— Нам незачем больше беспокоить миссис Лонгтон, — сказал он. — Но мне хотелось бы сказать несколько слов дворецкому.

В ожидании последнего Холмс подошел к окну и, заложив руки за спину, глядел на пустынный ландшафт. Лестрейд, снова усевшийся за письменный стол, грыз кончик ручки и с любопытством глядел на Холмса.

— А, Морстед! — сказал Холмс, когда вошел дворецкий. — Вы, конечно, хотите сделать все, чтобы помочь мистеру Лонгтону. Мы приехали сюда с тем же намерением.

Дворецкий беспокойно переводил взгляд с Лестрейда на Холмса.

— Ну-с, — продолжал мой друг, — я уверен, что вы сможете оказать эту помощь. Например, постарайтесь вспомнить, не получал ли сквайр писем в тот вечер.

— Да, сэр. Он получил одно письмо.

— Вот как! Не можете ли вы еще чего-нибудь добавить?

— Боюсь, что нет, сэр. На конверте был местный

штемпель, сам конверт был обычный, дешевый. Такими пользуются все. Но меня удивило... — Дворецкий на миг замялся.

— Что же удивило вас? Может быть, поведение сквайра? — тихо спросил Холмс.

— Да, сэр, как раз это самое. Как только я подал ему письмо, он тут же вскрыл его и начал читать. По мере того как он читал, на его лице появилось такое выражение, что я был рад убраться из комнаты. Когда я вернулся, сквайр вышел, а на колосниках каминной тлели куски сожженной бумаги.

Холмс потер руки.

— Ваша помощь неоценима, Морстед, — сказал он. — Теперь вспоминайте хорошенько. Полгода тому назад, как вы, может быть, знаете, ваш хозяин продал участок земли. Вы, конечно, не сможете припомнить, не приходило ли к вашему хозяину в то время письмо.

— Нет, сэр, не помню.

— Это естественно. Благодарю вас, Морстед, я думаю, это все.

Что-то в голосе Холмса заставило меня поднять на него глаза, и я изумился перемене, происшедшей в нем. Глаза Холмса горели от возбуждения, легкая краска появилась на щеках.

— Садитесь, Уотсон, — пригласил он, — вон туда. — Он выхватил лупу из кармана и начал тщательный осмотр.

Я с увлечением следил за ним. Камин, каминная доска, даже пол подверглись тщательному и методичному осмотру, Холмс ползал на коленях.

В середине комнаты лежал персидский ковер. Добравшись до него, Холмс вдруг замер на месте.

— Вам следовало бы заметить это, Лестрейд, — тихо сказал он. — Здесь видны слабые отпечатки ноги.

— Что из этого, мистер Холмс? — ухмыльнулся Лестрейд, подмигивая мне. — По этому ковру ходило много народу.

— Но в последние дни не было дождя. Сапог, оставивший этот след, был слегка влажный. Мне незачем объяснять вам причины. Алло! А это еще что?

Холмс соскоблил что-то с ковра и тщательно рассмотрел через лупу. Лестрейд и я подошли к нему.

— Ну, что же это?

Не говоря ни слова, Холмс передал лупу инспектору и протянул руку, в которой что-то лежало.

— Пыль, — объявил Лестрейд.

— Сосновые опилки, — спокойно возразил Холмс. — Мелкие крупинки ясно видны. Заметьте, что я соскоблил их со следа сапога.

— Правильно, Холмс! — воскликнул я. — Но мне непонятно...

Мой друг взглянул на меня блестящими глазами.

— Пойдемте, Уотсон, — сказал он, — разыщем конюшню.

На мощеном дворе мы подошли к конюху, который насосом накачивал воду. Я еще прежде говорил, что Холмс обладал даром заводить непринужденные беседы с трудовым людом. Обменявшись с конюхом несколькими словами, он добился полного его доверия, и, когда мой друг высказал мысль, что сейчас, наверно, трудно будет установить, на какой лошади ездил в ту ночь его хозяин, конюх тут же ответил:

— Это была Рейнджер, сэр. Вот ее стойло. Вы хотите посмотреть копыта? Почему бы нет? Вот, пожалуйста, и можете скрести их своим ножом сколько душе угодно.

Холмс внимательно осмотрел кусочки земли, снятые с копыта лошади, осторожно спрятал их в конверт и, вложив в руку конюха полсоверена, снова вошел в дом.

— Теперь, Уотсон, нам осталось только одно: забрать шляпы и палки и вернуться в гостиницу, — внезапно объявил Холмс. — А, Лестрейд! — продолжал он, когда инспектор Скотленд-Ярда появился в дверях. — Я хочу обратить ваше внимание на стул возле камина.

— Но ведь около камина нет стула!

— Вот поэтому-то я и обращаю на него ваше внимание. Пойдемте, Уотсон, нам здесь нечего больше делать.

Вечер прошел довольно приятно, хотя я немного досадовал на Холмса. Он отказался отвечать на мои расспросы под предлогом, что завтра сможет дать более подробный ответ. Холмс вступил с хозяином гостиницы в разговор на местные темы, которые для нас, посторонних, не представляли, в сущности, никакого интереса.

Проснувшись на следующее утро, я с удивлением узнал, что мой друг уже успел позавтракать и два часа тому назад куда-то ушел. Я как раз заканчивал

завтрак, когда Холмс вернулся, по-видимому, очень освеженный утренней прогулкой.

— Где вы пропадали? — спросил я.

— Я следовал примеру ранней птички, Уотсон, — рассмеялся он. — Если вы уже покончили с завтраком, едем в Фаулкс Рас за Лестрейдом. Наступил момент, когда он может оказаться полезным.

Через полчаса мы снова были в старом поместье. Лестрейд приветствовал нас довольно нелюбезно и, выслушав моего друга, с изумлением взглянул на него.

— Ну зачем нам бродить по торфяным полям? — сказал инспектор. — Какая муха вас укусила, Холмс?

Мой друг ответил сухо:

— А я-то думал предоставить вам возможность самому арестовать убийцу сквайра Эддлтона.

Лестрейд схватил Холмса за руку.

— Вы это серьезно?! — воскликнул он. — А как же с уликами? Ведь они ясно доказывают...

Шерлок Холмс молча указал пальцем на длинные склоны вересковых полей, за которыми виднелась лесистая долина.

— Там, — спокойно сказал он.

Эту прогулку я долго буду помнить. Я знаю, что Лестрейд, как и я, не имел ни малейшего представления, куда мы идем. Мы следовали за высокой худощавой фигурой Холмса по лугам, каменистой дороге, по пустынным торфяникам. Пройдя свыше мили, мы добрались до поросшей лесом долины и вошли в тень сосен. До нас доносилось жужжание паровой лесопилки, похожее на гудение гигантского насекомого. Воздух был насыщен характерным запахом обжигаемого дерева. Вскоре мы оказались среди штабелей строевого леса Эшдонской лесопилки.

Не колеблясь ни минуты, Холмс направился к хижине с надписью «Управляющий» и решительно постучал. Миг ожидания — и дверь распахнулась.

Мне редко приходилось видеть более внушительную фигуру, чем та, которая появилась перед нами на пороге. Хозяин хижины был гигантского роста, его широкие плечи закрывали всю дверь, спутанные волосы рыжей бороды свисали на грудь наподобие львиной гривы.

— Что вам нужно? — проворчал он.

— Полагаю, что имею удовольствие говорить с мистером Томом Гирли? — вежливо спросил Холмс.

Человек не отвечал. Он откусил кусок жевательного табака. Его глаза холодно глядели на нас.

— Ну и что же, если это так? — спросил он наконец.

— Друзья называют вас Лонг Том — Длинный Том, не правда ли? — сказал спокойно Холмс. — Так вот, мистер Томас Грирли, думаю, что вы поступаете неблагородно, заставляя ни в чем не повинного человека расплачиваться за ваши злодеяния.

Одно мгновение гигант стоял неподвижно, словно каменный, затем с диким ревом бросился на Холмса. Мне удалось обхватить его за талию, а руки Холмса были погружены в торчащую, спутанную бороду Грирли. Все же нам пришлось бы плохо, если бы Лестрейд не приставил револьвер к виску этого человека. Только прикосновение холодной стали заставило его прекратить сопротивление. В ту же минуту Холмс защелкнул наручники на его огромных узловатых руках.

По блеску глаз Грирли я предположил было, что он снова собирается наброситься на нас, но он вдруг грустно рассмеялся и обратился к Холмсу.

— Не знаю, кто вы, мистер, — сказал он, — но вы ловко это проделали. Если расскажете мне, как вам это удалось, я отвечу на все ваши вопросы.

Он провел нас в небольшую контору и бросился на стул, предоставив нам самим устраиваться как угодно.

— Как вы меня нашли, мистер? — беззаботно спросил он, поднимая скованные руки, чтобы откусить еще кусок табака.

— К счастью для невиновного, мне удалось обнаружить кое-какие следы вашего присутствия, — сказал Холмс. — Признаюсь, когда мне предложили расследовать это дело, я был убежден в виновности мистера Перси Лонгтона. Эта уверенность сохранилась у меня и по прибытии на место преступления. Но вскоре я познакомился с рядом деталей, которые были незначительны сами по себе, но бросали новый свет на все это дело. Ужасный удар, убивший сквайра Эддлтона, испачкал кровью камин и даже часть стены. Почему же не было пятен на груди халата того человека, который нанес этот удар? В этом было что-то непонятное, вызывающее сомнение. Далее, я заметил, что у камина, где лежал убитый, не было стула. Значит, сквайра ударили, когда он стоял, а не

сидел, а так как была рассечена верхняя часть черепа, значит, удар был нанесен с того же уровня, если не с большей высоты. Когда я узнал от миссис Лонгтон, что сквайр имел свыше шести футов роста, у меня уже не было сомнений в том, что в ходе следствия возникла серьезная ошибка. Мне удалось установить, что в то утро сквайр получил письмо, которое он, по-видимому, сжег. Сейчас же вслед за этим он поссорился с племянником по поводу предполагаемой продажи одной из ферм. Сквайр Эддлтон был богатым человеком. Спрашивается, к чему же было тогда периодически продавать свои земли, причем первая продажа была произведена два года тому назад. Ясно, что его жестоко шантажировали.

— Ложь, клянусь Богом! — прервал яростно Грирли. — Он должен был только вернуть то, что ему не принадлежало. В этом заключается истина.

— Осматривая комнату, — продолжал мой друг, — я обнаружил следы сапог, на что и обратил ваше внимание, Лестрейд, а так как погода была сухая, то я, разумеется, понял, что след был оставлен после совершения преступления. Сапог этого человека оказался влажным потому, что он ступил в лужу крови. Сквайр, под влиянием резких протестов своего племянника, после обеда куда-то уехал верхом. Ясно, что он хотел переговорить с кем-то, быть может, умолять его. В полночь этот человек пришел в дом. Он должен был обладать очень высоким ростом и огромной силой, чтобы с одного удара рассечь череп. На подошвах ног этого человека были сосновые опилки. Между мужчинами произошла ссора, возможно, из-за отказа платить, затем более высокий человек сорвал со стены оружие и, раздробив череп сквайру, скрылся. Где, спрашивал я себя, можно найти землю, смешанную с древесными опилками? Конечно, в лесопилке. А здесь в долине находится только Эшдонская лесопилка. Мне еще прежде приходила мысль, что ключ к этому ужасному преступлению следует искать в прежней жизни сквайра. Поэтому я провел поучительный вечерок, болтая с хозяином нашей гостиницы. Задавая, по его мнению, праздные вопросы, я вытянул из него ценные сведения. Два года тому назад какой-то австралиец был назначен управляющим Эшдонской лесопилкой по личной рекомендации сквайра Эддлтона. А сегодня утром, когда вы

вышли из своей хижины, Грирли, чтобы дать рабочим дневное задание, я стоял за этими штабелями строевого леса. Я увидел вас и понял, что дело закончено.

Австралиец напряженно, с горькой улыбкой слушал рассказ Холмса.

— Моя беда заключается в том, что он пригласил именно вас, мистер, — сказал он дерзко. — Но я не хочу нарушать нашего уговора и расскажу вам сейчас то немногое, чего вы еще не знаете. История начинается с семидесятых годов, когда недалеко от Калгурли было открыто месторождение золота. У меня был младший брат, который вступил в компанию с англичанином, носящим имя Эддлтона. Оба, разумеется, разбогатели.

В те времена дороги к золотым приискам были небезопасны, потому что в зарослях орудовали беглые каторжники. Так вот, всего лишь через неделю после того, как мой брат и Эддлтон напали на новую жилу, был ограблен транспорт с золотых приисков в Калгурли, охранник и кучер застрелены. По ложному доносу Эддлтона мой несчастный брат был схвачен и обвинен в нападении на транспорт с золотом. В те дни закон действовал быстро, и брата в ту же ночь повесили на дереве. Золотоносная жила осталась целиком во владении Эддлтона. Меня в то время не было на месте, я работал на рубке строевого леса в Голубых Горах. Лишь через два года я узнал от одного золотоискателя правду, которую сообщил ему перед смертью помощник повара. Этот помощник повара был в свое время подкуплен Эддлтоном. Эддлтон нажился и вернулся в Старый Свет. У меня же не было ни гроша, чтобы поехать за ним. С этого дня я начал откладывать деньги, чтобы поехать разыскивать убийцу моего брата... Да, убийцу, будь он проклят! Только через двадцать лет я нашел его, и этот миг вознаградил меня за все годы лишения и ожидания.

«Доброе утро, Эддлтон», — сказал я. Его лицо сделалось серым, трубка выпала изо рта.

«Лонг Том Грирли!» — проговорил он и задохнулся. Я подумал, что он лишится сознания. Ну, мы с ним побеседовали, и я заставил его дать мне эту работу. И начал я выкачивать из него деньги. Это был не шантаж, мистер, а восстановление моих прав на имущество погибшего брата. Два дня тому назад я снова на-

писал ему письмо, и ночью он приехал ко мне верхом, ругаясь и клянясь, что я разоряю его. Я сказал, что даю ему срок до полуночи: будет он платить или нет? Я обещал приехать к нему за ответом.

Он ждал меня в холле, обезумевший от спирта и злобы. Он бранился, кричал, что не боится моего доноса в полицию. Неужели, говорил он, поверят словам грязного австралийского лесоруба, а не ему, владельцу поместья и мировому судье!

«Я так же удружу тебе, как удружил в свое время твоему никчемному брату»,— кричал он. Эти слова и заставили меня совершить то, что я сделал. В моем мозгу что-то защелкнулось, я сорвал со стены первое попавшееся под руку оружие и ударил по рычащей, оскаленной голове Эддлтона. Минуту я молча смотрел на него... «Это тебе за меня и за Джима»,— прошептал я, повернулся и убежал. Вот и вся моя история, мистер. А теперь я хочу, чтобы вы увели меня, прежде чем вернутся мои рабочие.

Лестрейд и его пленник уже дошли до двери, когда их остановил голос Холмса.

— Мне хотелось бы знать,— сказал он,— известно ли вам, каким именно оружием вы убили сквайра Эддлтона?

— Я уже сказал, что схватил со стены первое попавшееся оружие. Кажется, это был топор или дубинка...

— Это был топор палача,— сказал Холмс.

Австралиец ничего не ответил, но, когда он пошел к дверям за Лестрейдом, мне показалось, что странная улыбка осветила его грубое бородатое лицо.

Мой друг и я медленно шли по лесу.

— Странно,— сказал я,— что ненависть и чувство мести могут жить двадцать лет.

— Дорогой Уотсон,— возразил Холмс,— вспомните старую сицилианскую поговорку: месть — это единственное блюдо, которое особенно вкусно, когда его едят в холодном состоянии. Но посмотрите-ка,— продолжал он, прикрывая рукою глаза,— вон какая-то женщина бежит к нам по тропинке. Это, видимо, миссис Лонгтон. Хотя я и обладаю некоторым количеством рыцарских чувств, я не в настроении слушать излияния женской благодарности. Поэтому давайте пойдем боковой тропинкой за кустами. Если мы прибавим шагу, мы поспеем к вечернему поезду в Лондон.

ВОСКОВЫЕ ИГРОКИ

Моему другу Шерлоку Холмсу явно не повезло. Ради спортивного интереса он согласился встретиться на ринге второразрядного клуба с Задирой Рэшером, хорошо известным профессиональным боксером среднего веса. К удивлению зрителей, Холмс нокаутировал Задиру, прежде чем тот сумел навязать ему затяжной бой. Выходя из клуба после этой победы, мой друг споткнулся на скверно освещенной, шаткой лестнице и вывихнул ногу.

Весть об этом происшествии застала меня во время завтрака. Прочитав телеграмму, посланную миссис Хадсон, я не мог удержаться от сочувственного восклицания и передал телеграмму жене.

— Ты должен немедленно пойти к мистеру Холмсу и побыть у него день-два, — сказала она. — Твоими пациентами здесь всегда может заняться Энструтер.

В то время я жил в районе Паддингтон, и доехать до Бейкер-стрит было делом нескольких минут. Холмс, как я и думал, сидел в темно-красном халате на кушетке, откинувшись к стене, а его забинтованная правая нога покоилась на груде подушек. Слева от него на небольшом столике стоял микроскоп, а справа на кушетке лежал ворох прочитанных газет.

Я попросил его рассказать подробнее, что произошло. Холмс объяснил:

— Я слишком возгордился, Уотсон, и забыл посмотреть под ноги. Глупец!

— Но, безусловно, в какой-то мере вашу гордость можно понять. Задира не из слабых противников.

— Вовсе нет. Его хвалят совершенно незаслуженно, к тому же он вышел на ринг в нетрезвом виде. Впрочем, Уотсон, я вижу, что вас беспокоит и ваше собственное здоровье.

— Боже мой, Холмс! Честно говоря, я подозреваю, что простудился. Но ведь никаких явных признаков простуды нет. Удивительно, как узнали об этом вы?

— Удивительно? Да это элементарно! Вы щупали свой пульс. И при этом запачкали ляписом, который и сейчас виден на указательном пальце вашей правой руки, весьма характерное место на вашей левой кисти. Пойдите, что вы делаете?

Не обращая внимания на протесты Холмса, я осмотрел и перебинтовал его ногу.

— А знаете, мой дорогой,— продолжал я, пытаюсь его подбодрить,— в известном смысле мне доставляет удовольствие видеть вас в таком беспомощном состоянии.

Холмс пристально посмотрел на меня, но ничего не сказал.

— Да, да,— сказал я.— Вам придется обуздать свое нетерпение, раз уж вы прикованы к кушетке недели на две, а может быть, и больше. Только не поймите меня превратно: когда прошлым летом я имел честь познакомиться с вашим братом Майкрофтом, вы говорили, что он превосходит вас в умении наблюдать и рассуждать.

— Это правда. Если бы искусство расследования начиналось и заканчивалось размышлением в кресле, мой брат был бы величайшим сыщиком на свете.

— Позволю себе усомниться. Так вот, вы временно обречены на сидячий образ жизни. Мне доставит удовольствие увидеть, как вы продемонстрируете свои исключительные качества, когда столкнетесь с каким-нибудь случаем, требующим расследования.

— Мне нечего расследовать.

— Не унывайте. Случай не заставит себя ждать.

— Отдел происшествий в «Таймс»,— сказал он, кивнув в сторону вороха газет,— абсолютно невыразителен. И даже радости изучения новой болезнетворной бактерии не бесконечны. А что касается утешителей, Уотсон, то я предпочел бы вам Иова.

Появление миссис Хадсон с письмом, которое доставил посыльный, заставило его умолкнуть. Хотя я,

честно говоря, не ожидал, что мое пророчество сбудется так скоро, но не удержался от замечания о том, что послание написано на гербовой бумаге, которая, должно быть, стоит не меньше, чем полкроны за пачку. Однако я был обречен на разочарование. Нетерпеливо вскрыв письмо, Холмс раздраженно фыркнул.

— Вы неважный предсказатель,— сказал он, черкнув несколько слов ответа для передачи посыльному.— Это всего-навсего неграмотная записка от сэра Жерваса Дарлингтона. Он просит принять его завтра в одиннадцать часов утра и передать ответ с нарочным в клуб «Геркулес».

— Дарлингтон... По-моему, вы упоминали это имя и раньше,— заметил я.

— Да. Но тогда имел в виду Дарлингтона-антиквара, который, заменив подлинную картину Леонардо да Винчи подделкой, вызвал такой скандал в Гровнер Гэллери. А сэр Жервас — это другой, более знатный Дарлингтон. Это смелый негодяй. Он увлекается боксом и распутными женщинами. Впрочем, теперь ему приходится быть настороже.

— Вы меня заинтересовали, Холмс. Почему же?

— Я не увлекаюсь скачками. Однако мне помнится, что в прошлом году сэр Жервас выиграл целое состояние на скачках. Недоброжелатели шептались, что здесь не обошлось без подкупа и выведывания секретов. Будьте добры, Уотсон, уберите этот микроскоп.

Я повиновался. На маленьком столике остался лишь брошенный Холмсом листок гербовой бумаги. Из кармана халата он вынул золотую табакерку с большим аметистом в середине крышки, подаренную ему королем Богемии.

— Сейчас,— добавил он,— за каждым шагом сэра Дарлингтона тщательно следят. И как только он попытается связаться с каким-нибудь подозрительным типом, ему в лучшем случае предложат не появляться на скачках, а может быть, и отправят в тюрьму. Я не могу припомнить имя лошади, на которую он ставил...

— Леди Бенгала из конюшни лорда Хоува, от Индийского раджи и Графини. Она опередила на шестьсот метров всех остальных! — воскликнул я.— Хотя, конечно, я знаю о скачках лишь немногим больше, чем вы.

— Неужели, Уотсон?

— Холмс, в чем вы меня подозреваете? Я женатый человек, и мой счет в банке чрезвычайно тощ. К тому же какие могут быть скачки в такую скверную погоду?

— Тем не менее до скачек Грэнд Нэшнл не так уж далеко.

— Вы правы, лорд Хоув уже заявил две свои лошади для участия в скачках. Многие считают фаворитом Дитя Грома, а на Скеернесс особых надежд не возлагают. Но мне трудно поверить в скандал, который связывают с этим спортом королей,— добавил я.— Лорд Хоув — порядочный человек.

— Вот именно. Поэтому-то среди его друзей нет сэра Жерваса Дарлингтона.

— Но почему вы уверены, что сэр Жервас не скажет вам ничего интересного?

— Если бы вы знали этого джентльмена, Уотсон, вы бы сами поняли, что он никакого интереса не представляет, если не считать того, что он действительно грозный боксер тяжелого веса...— Холмс присвистнул.— Пойдите-ка! Ведь сэр Жервас сегодня утром был свидетелем моего глупого поединка.

— И что ему нужно от вас?

— Не имею ни малейшего представления, Уотсон,— сказал он,— я очень рад, что вы пришли. Но прошу вас, помолчите хотя бы ближайшие шесть часов. Иначе я скажу что-нибудь такое, о чем пожалею впоследствии.

Итак, храня молчание даже за ужином, мы сидели допоздна в уютной комнате. Холмс угрюмо составлял картотеку своих записей о преступлениях, а я углубился в страницы Британского медицинского журнала.

Тишину нарушало лишь тиканье часов, потрескивание огня да пронзительный мартовский ветер, который бросал в окна пригоршни капель дождя и завывал в трубе.

— Нет и нет,— ворчливо произнес наконец мой друг.— Оптимизм — это глупость. Конечно, никакое происшествие само не придет в мой... Тихо! Уж не звонок ли это?

— Да, да! Я отчетливо слышал, что звонят, несмотря на непогоду. Кто бы это мог быть?

— Если это человек, которому нужна моя помощь,— сказал Холмс покосившись на часы,— то,

должно быть, дело весьма серьезно. В два часа ночи в такую бурю зря не выходят.

Миссис Хадсон потребовалась целая вечность, чтобы встать с постели и открыть входную дверь. Наконец она ввела в комнату сразу двух посетителей. Они оживленно говорили по дороге, перебивая друг друга.

— Дедушка, не надо,— говорила молодая женщина.— В последний раз прошу, ну, пожалуйста. Ты ведь не хочешь, чтобы мистер Холмс посчитал тебя,— тут она понизила голос до шепота,— за дурачка.

— Никакой я не дурачок! — воскликнул ее спутник.— Перестань, Нелли, я видел то, что видел. Надо было прийти и рассказать обо всем этому джентльмену еще вчера утром, но ты и слышать об этом не хотела.

— Но, дедушка, ведь этот зал ужасов — очень страшное место. И тебе просто показалось.

— Мне семьдесят шесть лет. И у меня воображения не больше,— сказал старик с гордостью,— чем у любой из восковых фигур. Это мне-то показалось? Мне, который служил ночным сторожем еще тогда, когда музей был на Бейкер-стрит?

Вошедшие умолкли. Коренастый старик с редкими седыми волосами был одет в мокрое от дождя коричневое пальто и клетчатые брюки. На лице его застыло упрямое выражение. Грациозная светловолосая сероглазая внучка была совсем не похожа на деда. На ней были черная соломенная шляпка и строгий синий костюм с узкой полоской белых кружев на рукавах и воротнике. Она очень мило извинилась перед нами за столь поздний визит.

— Меня... меня зовут Элеонора Бэкстер,— добавила она.— Вы, наверное, уже догадались, что мой бедный дедушка работает ночным сторожем в музее восковых фигур мадам Топин на Марлибон-роуд.— Она остановилась.— О, у вас повреждена нога!

— Ничего особенного, мисс Бэкстер! — ответил Холмс.— Рад видеть вас обоих. Уотсон, возьмите пальто и зонт у наших гостей; вот так. Теперь усаживайтесь. У меня есть нечто вроде костыля, но я уверен, вы простите, если я останусь на кушетке. Итак, о чем вы говорили?

Явно расстроенная упорством своего дедушки, мисс Бэкстер пристально глядела на маленький сто-

лик. Поймав взгляд Холмса, она вздрогнула и слегка покраснела.

— Сэр, вы знакомы с музеем восковых фигур мадам Топин?

— Он пользуется заслуженной известностью.

— Простите меня, пожалуйста! — Элеонора Бэкстер смутилась. — Я хотела спросить, вы когда-нибудь были в этом музее?

— Гм. Боюсь, что я слишком похож на моих соотечественников. Англичанин пожертвует жизнью, чтобы попасть в какое-нибудь отдаленное или недоступное место. Но он даже не взглянет на него, если оно находится в нескольких сотнях метров от дверей его дома. Вы бывали в музее мадам Топин, Уотсон?

— Нет, не был, — сознался я. — Но я немало слышал о зале ужасов, который расположен в подвале музея. Говорят, что администрация предлагает большую сумму денег любому, кто проведет в нем ночь.

Старый упрямец, который, судя по всему, страдал от сильного приступа ревматизма, тем не менее хрипло захихикал, усаживаясь в кресло.

— Боже вас сохрани, сэр, не верьте этой чепухе.

— Так это неправда?

— Здесь нет правды ни на грош, сэр. Вам и не позволят этого. Ведь любитель приключений может закурить сигару или что там еще. А они до смерти боятся пожара.

— Я понимаю так, — сказал Холмс, — что зал ужасов вас не беспокоит?

— Нет, сэр, совсем нет. Они там даже поставили старину Чарли Писа. Он рядом с Марвудом, палачом, который вздернул Чарли лет одиннадцать тому назад. Они вроде как друзья, но, что правда, сэр, — старик повысил голос, — мне совсем не нравится, когда эти проклятые восковые фигуры начинают играть в карты!

Окна задрезбужали от порыва ветра, Холмс с интересом наклонился вперед.

— Вы сказали: восковые фигуры играли в карты?

— Да, сэр. Слово Сэма Бэкстера!

— Все фигуры участвовали в игре или только некоторые?

— Только две, сэр.

— Откуда вы это знаете, мистер Бэкстер? Вы видели, как они играли?

— Боже сохрани, сэр, только этого не хватало! Но что мне оставалось думать, если один из них сбросил часть своих карт или взял взятку, а все карты на столе лежат в беспорядке. Может, мне надо объяснить подробнее, сэр?

— Конечно,— попросил Холмс с явным удовлетворением.

— Видите ли, сэр, за ночь я спускаюсь в зал ужасов один-два раза. Это большая полутемная комната. Почему я не хожу туда чаще,— это из-за моего ревматизма! Скрючивает прямо-таки пополам, уж это так.

— Бедняга! — с сочувствием промолвил Холмс, подвигая коробку с нюхательным табаком к старику.

— Ничего не поделаешь, сэр! Моя Нелли — славная девушка, даром что образованная и занимается чистой работой. Всякий раз, когда мой ревматизм разыграется — вот как на этой неделе,— она поднимается каждый Божий день спозаранку и заходит за мной в семь часов. Я в это время кончаю дежурство, и она помогает мне сесть на омнибус. А сегодня Нелли — она уж слишком беспокоится — пришла ночью, час назад, вместе с Бобом Парснипом. Этот парень остался дежурить за меня. И тогда я сказал ей: «Я читал об этом мистере Холмсе. Он живет в двух шагах отсюда, пойдем расскажем ему». И вот мы здесь.

Холмс кивнул головой.

— Понимаю, мистер Бэкстер. Но вы говорили о прошлой ночи?

— Ну да! Про зал ужасов. Там с одной стороны устроены вроде как живые картины. Как бы это вам объяснить: вдоль стены сделаны закутки, загороженные решеткой, чтобы никто не мог туда войти, а в каждом закутке — восковые фигуры. Вот эти живые картины изображают «Историю одного преступления». Это об одном молодом джентльмене. Надо вам сказать, он очень симпатичный малый, только слабохарактерный. Так вот, он попадает в плохую компанию. Играет в карты и проигрывает свои деньги. Потом убивает старого злодея и в конце концов попадает на виселицу, как Чарли Пис. Словом, это вроде как э... э...

— Нравоучительная история, да? Учтите это, Уотсон. Итак, мистер Бэкстер?

— Так вот, сэр! Все произошло в том проклятом закутке, где изображается карточная игра. Там их двое: молодой джентльмен и старикан. Они сидят вроде как в красивой комнате, на столе перед ними золотые монеты. Конечно, золото не настоящее. Все это, понятно, происходит не сейчас, а в старые времена, когда носили чулки и туфли с пряжками.

— Костюмы восемнадцатого века?

— Так оно и есть, сэр. Молодой джентльмен сидит за дальним концом стола, лицом к вам. А старый злодей сидит, повернувшись спиной, и вроде как смеется. В поднятой руке он держит карты, так что их видно из зала.

Так вот, насчет прошлой ночи. Я имею в виду, конечно, позавчерашнюю, сэр, потому что сейчас уже дело идет к утру. Я прошел мимо этих проклятых картежников и ничего такого не заметил. А потом, через час, вдруг припомнил: «Что-то у них там не так!» Никакого особенного беспорядка там не было, но я уж настолько привык к этим игрокам, что никто бы не заметил, кроме меня, в случае чего. «Что же там неладно?» — думаю. Ну, пошел вниз, чтобы глянуть еще раз. Да поможет мне Господь! Старый злодей держал в руке меньше карт, чем ему полагалось. То ли он их сбросил, то ли взятку взял, и к тому же они, как видно, трогали карты на столе.

У меня фантазии, конечно, никакой нет. И мне она ни к чему. А было мне не по себе: ревматизм да тут еще это. Я не стал ничего рассказывать — ну на случай, что мне это, может, почудилось. А днем подумал: «Пожалуй, приснилось». Таки нет! Сегодня ночью я увидел то же самое.

Знаете, сэр, я не сумасшедший. Что вижу, то вижу! Вы, может, скажете, что кто-нибудь решил пошутить — вынул из руки карты, перемешал их и все такое. Но днем-то никто бы не смог это сделать, его бы увидели. Правда, ночью такую штуку можно проделать: есть там одна боковая дверь, которая плохо запирается. Только ведь это никак не похоже на шутки посетителей. Они, бывает, фальшивую бороду приклеят королеве Анне или там соломенную шляпку наденут Наполеону. Но если кто-то играл в карты за

этих двух проклятых чучел, то кто этим занимался и для чего?

Шерлок Холмс помолчал, потом покосился на свою забинтованную ногу.

— Мистер Бэкстер,— сказал он серьезным тоном,— ваша выдержка заставляет меня стыдиться моей глупой раздражительности. Я буду счастлив заняться этим делом.

— Мистер Холмс,— воскликнула Элеонора Бэкстер в явном недоумении,— неужели вы приняли все это всерьез?

— Простите меня, мадам. Мистер Бэкстер, во что играют восковые игроки, в какую именно игру?

— Не знаю, сэр. Сам не раз думал об этом. Может, «наполеон», а может, «вист» — не знаю точно.

— Вы сказали, что фигура, которая сидит спиной к зрителям, держит меньше карт, чем надо. А сколько карт она сбросила?

Сторож недоумевающе поглядел на Холмса.

— Не заметили? Н-да, очень жаль! Тогда я попрошу вас тщательно обдумать очень существенный вопрос. Эти фигуры играли на деньги?

— Дорогой Холмс...— начал было я, но взгляд моего друга заставил меня остановиться.

— Вы говорили, мистер Бэкстер, что карты на столе были сдвинуты с обычных мест или, во всяком случае, их трогали. А золотые монеты тоже были сдвинуты?

— Насколько я помню,— ответил сторож после размышления,— нет, сэр, не сдвинуты!

Глаза Холмса заблестели, и он потер руки.

— Я так и думал,— сказал он.— К счастью, я имею возможность заняться этой проблемой, так как у меня сейчас нет ничего срочного, если не считать предстоящего малопривлекательного дела, которое, кажется, касается сэра Жерваса Дарлингтона, а может быть, и лорда Хоува. Лорд Хоув... Боже мой, мисс Бэкстер, что случилось?

Элеонора Бэкстер, привстав с кресла, смотрела на Холмса удивленными глазами.

— Вы сказали, лорд Хоув? — спросила она.

— Да. Могу ли я спросить, откуда вам знакомо это имя?

— Просто потому, что я у него работаю.

— Неужели? — сказал Холмс, удивленно подняв

брови.— Ах да. Насколько я понимаю, вы печатаете на машинке. Об этом говорит складка на бархатном костюме чуть выше запястья, там, где рука упирается о стол. Стало быть, вы знакомы с лордом Хоувом?

— Нет, я никогда даже не видела его, хотя мне приходится много печатать на машинке в его лондонском доме на Парк-лэйн. Такая незначительная служащая, как я...

— Н-да, это еще печальнее! Однако надо сделать все, что мы можем. Уотсон, у вас есть какие-нибудь возражения против того, чтобы выйти на улицу в такую бурную ночь?

— Никаких,— сказал я, весьма удивленный.— Но зачем?

— Все из-за этой проклятой кушетки, мой друг! И раз уж я прикован к ней, как к больничной койке, вам придется стать моими глазами. Мистер Бэкстер, мне совестно тревожить ваш ревматизм, но, может быть, вы проводите доктора Уотсона в зал ужасов? Он там пробудет недолго. Благодарю вас, отлично.

— Что я там буду делать? — спросил я.

— Возьмите в верхнем ящике моего письменного стола конверты.

— А потом?

— Подсчитайте, пожалуйста, число карт в руках каждой из восковых фигур. Затем, точно в том же порядке, в котором они располагаются слева направо, вложите каждую подборку в отдельные конверты и надпишите их. То же самое сделайте с картами на столе и принесите их сюда как можно быстрее.

— Сэр...— начал взволнованно старик.

— Нет, нет, мистер Бэкстер, я предпочел бы ничего не говорить сейчас. У меня только рабочая гипотеза, но, мне кажется, с ней связана одна почти непреодолимая трудность.— Холмс нахмурился.— Нам очень важно выяснить, что за игра — во всех смыслах этого слова — идет в музее восковых фигур.

Вместе с Самюэлем Бэкстером и его внучкой я двинулся в путь сквозь дождь и темноту. Через десять минут, несмотря на протесты мисс Бэкстер, мы втроем уже стояли в зале ужасов перед сценой, изображавшей игру в карты.

Роберт Парснип, довольно симпатичный юноша, явно плененный чарами Элеоноры Бэкстер, зажег газ. В запыленных шарах светильников заплясали го-

лубоватые языки пламени, бросая скудный свет на зловещие восковые фигуры. В их неподвижности было что-то от спокойствия пауков, подстерегающих добычу. Они, казалось, ждали, когда пришелец отвернется, чтобы протянуть к нему руки.

Музей мадам Топин слишком хорошо известен, описывать его нет нужды. Должен сознаться, что «История одного преступления» произвела на меня тягостное впечатление. Фигуры в париках с короткими шпагами восемнадцатого столетия были совсем как живые. Если бы я действительно грешил пристрастием к азартным играм, в котором обвинил меня Холмс, это зрелище вполне могло бы потревожить мою совесть.

Впечатление усилилось, когда мы, пригнувшись, пробрались под железную загородку и подошли к двум игрокам.

— Нелли, не смей трогать карты! — прикрикнул м-р Бэкстер. В своих владениях он был гораздо более резок и вспыльчив. — Взгляните-ка туда, сэр! — обратился он ко мне. — В руках старика — одна, две... девять карт. А молодой джентльмен держит шестнадцать.

— Прислушайтесь! — шепнула девушка. — Кажется, наверху кто-то ходит?

— Да брось ты, Нелли, это Боб Парсний. Больше некому.

— Как вы и говорили, карты лежат в беспорядке на столе, — заметил я. — Но не все. Часть колоды — та, что перед вашим «молодым джентльменом», — вообще не тронута. Около его локтя лежит двенадцать карт.

— Около старого злодея девятнадцать. Чудная игра, сэр!

Я согласился с ним. Испытывая непонятное омерзение от прикосновения к восковым пальцам, я взял карты, вложил их в конверты, потом собрал карты со стола, пометил конверты и, не мешкая, двинулся к выходу из зловещего подвала. Несмотря на испуганные протесты сторожа, я отправил его вместе с внучкой домой на случайно подвернувшемся кебе, кучер которого только что уложил какого-то безнадежно пьяного пассажира у дверей его дома.

Я с облегчением вернулся в уютную теплоту гостиной моего друга и с огорчением увидел, что Холмс встал с кушетки. Он стоял у письменного стола, опи-

раясь на костыль, и внимательно изучал раскрытый атлас.

— Ну, хватит, Уотсон! — прервал он мои протесты. — Вы принесли конверты? Хорошо. Дайте их мне. Благодарю вас. В руке старшего из игроков, который сидит, повернувшись спиной, было девять карт. Так?

— Холмс, это поразительно! Откуда вы это узнали?

— Логика, мой дорогой. Теперь давайте взглянем на них.

— Погодите минутку, — сказал я твердо. — Вы уже говорили мне про костыль, но где вы раздобыли его так быстро? К тому же костыль какой-то необычный. Он, наверное, сделан из какого-то легкого металла...

— Так это же мой костыль.

— Ваш?

— Да. Он сделан из алюминия. Это память об одной давнишней истории. Я как-то говорил вам о нем, но вы забыли. А теперь давайте забудем о костыле и займемся картами. Прекрасно, прекрасно!

Разложи я перед ним все сокровища Голконды, Холмс не пришел бы в больший восторг. Он даже развеселился, когда я рассказал ему обо всем, что видел и слышал.

— Что, вы все еще не понимаете? Тогда возьмите эти девять карт, Уотсон. Кладите их на стол по порядку и называйте каждую.

— Валет бубен, — начал я, раскладывая карты рядом с лампой, — семерка червей, туз треф. Боже праведный, Холмс!

— Значит, вы что-то заметили?

— Да. Тут два туза треф, один за другим!

— Я же говорил, что это прекрасно. Но вы положили только четыре карты. Продолжайте.

— Двойка пик, — сказал я, — десятка червей. Смотрите, Холмс! Третий туз треф и еще два бубновых валета!

— Какой же вывод следует из этого?

— Холмс, пожалуй, я понял. Музей мадам Топин славится искусством изображения подлинной жизни. Восковой старик — отпетый игрок, обманывающий молодого человека. В этой сцене тонко показано, что он выигрывает, передергивая карты.

— Не так уж тонко, я бы сказал. Даже такой закоренелый игрок, как вы, Уотсон, конечно, чувствовал бы себя не очень ловко, если бы ему пришлось сбрасывать карты, имея в руке три бубновых валета и три трефовых туза.

— Вы правы, Холмс.

— Это еще не все. Если вы пересчитаете все карты — те, которые были в руках игроков, и те, что лежали на столе, — вы заметите, что их пятьдесят шесть. На четыре карты больше, чем должно быть в одной колоде.

— Какой смысл во всем этом?

Холмс взял атлас и нетерпеливо раскрыл его.

— В устье Темзы, — прочел он, — на острове...

— Холмс, я вас спрашиваю, как объяснить всю эту историю с восковыми картежниками?

— Это и есть ответ.

У меня очень покладистый характер. Но, когда Холмс вместо пояснений начал выпроваживать меня наверх в мою старую комнату, я энергично запротестовал. Но мой друг был неумолим. Я тщетно ломал голову над загадкой. Однако в конце концов сон меня поборол.

Когда я спустился к завтраку, было почти одиннадцать часов. Шерлок Холмс уже позавтракал и сидел на кушетке, непринужденно беседуя с мисс Элеонорой.

Однако, когда я было потянулся к звонку, чтобы попросить принести яичницу с беконом, он остановил меня суровым взглядом.

— Мисс Бэкстер, — сказал Холмс, — хотя кое-какие возражения против моей гипотезы все еще остаются в силе, пришло время сказать вам нечто исключительно важное. Что за черт!..

Дверь в комнату внезапно открылась. Если говорить точнее, она с треском распахнулась от удара ноги. Но это была, по-видимому, шутка вошедшего: он громко расхохотался.

На пороге стоял дородный краснолицый джентльмен в лоснящейся шляпе, дорогом фраке, умышленно не застегнутом, чтобы были видны бриллианты на цепочке часов и пламенеющий рубин на галстук.

Он был пониже ростом, чем Холмс, но гораздо шире и тяжелее его. Честно говоря, его фигура не очень отличалась от моей. Незнакомец снова громко

захохотал, его хитрые маленькие глаза блеснули, когда он поднял кожаный мешок и потряс им.

— Так вот ты где, приятель! — гаркнул он. — Ты из Скотленд-Ярда, верно? Тысяча золотых соверенов, и все твои, только попроси.

Шерлок Холмс, несмотря на изумление, сохранял полнейшее спокойствие.

— Сэр Жервас Дарлингтон, я полагаю?

Не обращая ни малейшего внимания ни на мисс Бэкстер, ни на меня, посетитель пересек комнату и потряс мешком с монетами под носом Холмса.

— Это я, мистер сыщик! — сказал он. — Видел, как ты дрался вчера. Ты можешь лучше, но все равно годишься. Когда-нибудь тотализатор в боксе узаконят. А пока джентльмену приходится устраивать небольшую симпатичную потасовку тайком. Впрочем, подожди минуточку.

Внезапно он легко, как кошка, несмотря на свой вес, подошел к окну и внимательно посмотрел вниз на улицу.

— Этот старый Филеас Белч, будь он проклят! Приставил ко мне человека, и тот ходит за мной по пятам несколько месяцев. И двух проклятых лакеев, одного за другим, чтобы они тайком вскрывали мои письма. Я даже сломал одному из них спину... — Сэр Жервас снова оглушительно захохотал. — Все это ерунда!

Холмс, казалось, изменился в лице, но через мгновение, когда сэр Жервас, отвернувшись от окна, швырнул на кушетку мешок с деньгами, он снова был холоден и невозмутим.

— Держи денежки, скотлендярдовец. У меня их хватает. Теперь слушай. Через три месяца мы устроим тебе матч с Джемом Гарликом — Бристольским сокрушителем. Подведешь — шкуру спущу. Потрафишь — буду тебе покровительствовать. Если на ринг выйдет неизвестный парень вроде тебя, я могу сделать ставки восемь к одному.

— Насколько я понимаю, сэр Жервас, — сказал Холмс, — вы хотите, чтобы я дрался на ринге, как профессиональный боксер?

— Ты разве не скотлендярдовец? Понимаешь английский язык?

— Когда говорят на нем, то понимаю.

— Это что, шутка? Так вот это — тоже!

Тяжелый кулак со свистом описал дугу, которая прошла — как это и было задумано — в дюйме от носа моего друга. Холмс даже не моргнул глазом. Сэр Жервас снова затрясся от смеха.

— Следи за своими манерами, мистер сыщик, когда говоришь с джентльменом. Я мог бы сложить тебя вдвое, даже если бы у тебя не болела нога, будь я проклят!

Мисс Элеонора Бэкстер, побледнев, сдавленно крикнула и, казалось, хотела вжаться в стену.

— Сэр Жервас! — вступился я. — Будьте добры воздержаться от оскорбительных выражений в присутствии дамы.

Наш гость мгновенно повернулся и нагло смерил меня взглядом с головы до ног.

— Это кто? Уотсон? Костоправ?

Он подошел ко мне.

— Ты понимаешь что-нибудь в боксе?

— Нет, — сказал я. — То есть немного.

— Тогда смотри, как бы тебе не преподали урок, — отрезал сэр Жервас и захохотал снова. — Дама? Какая дама?

При виде мисс Бэкстер он, казалось, несколько смутился, но затем воззрился на нее как заправский сердцеед.

— Не дама, костоправ. А очаровательная малютка, будь я проклят.

— Сэр Жервас, — сказал я, — вы предупреждены в последний раз.

— Подождите, Уотсон, — послышался спокойный голос Шерлока Холмса. — Вы должны простить сэра Жерваса Дарлингтона. Он, наверное, еще не оправился после посещения музея восковых фигур мадам Топин. Ведь это было всего три дня назад.

В наступившей тишине можно было услышать потрескивание угля в камине. Но наш гость был не из пугливых.

— Ты, я вижу, заправский скотлендярдовец! — усмехнулся он. — Кто тебе сказал, что я был у мадам Топин три дня назад?

— Никто. Но это ясно следует из фактов, которыми я располагаю. Такой визит выглядел вполне невинно, не так ли? Он не мог вызвать подозрения у тех, кто следил за вами. Например, у человека, нанятого известным любителем спорта сэром Филеасом

Белчем. А он не хочет, чтобы вам удалось выиграть еще одно состояние, снова получив тайную информацию, как это произошло на дерби в прошлом году.

— Меня это не интересует!

— Неужели? А я уверен, что при ваших спортивных наклонностях вы должны интересоваться картами.

— Картами?

— Игральными картами,— невозмутимо пояснил Холмс, вынув несколько карт из кармана халата и развернув их веером.— Вот этими девятью картами.

— Что все это значит, черт возьми?

— Очень существенно, сэр Жервас, что случайный посетитель зала ужасов, проходя мимо сцены карточной игры, может увидеть карты в руке одной из восковых фигур. Для этого достаточно одного, вполне невинного взгляда.

Однажды ночью с этими картами была проделана странная манипуляция. Карты в руке «молодого джентльмена» остались нетронутыми. Об этом говорит пыль, которая их покрывает. Кто-то вынул несколько карт из руки так называемого «старого злодея», бросил их под стол, а потом добавил четыре карты не менее чем из двух новых колод. Для чего же это было сделано? Нет, дело не в том, что кто-то захотел подшутить, создать видимость азартной игры восковых фигур. Если бы автор проделки думал об этом, он передвинул бы и бутафорские монеты. Но монеты остались на месте. Ответ прост и очевиден. В английском алфавите двадцать шесть букв. Если двадцать шесть умножить на два, получится пятьдесят два. Это — число карт в колоде. Если каждой букве будет соответствовать какая-нибудь карта, то нетрудно составить крайне несложный шифр...

Сэр Дарлингтон засмеялся пронзительным металлическим смехом.

— Шифр,— презрительно повторил он, трогая красной рукой рубин на своем галстуке.— Что это такое, о чем болтает этот дурак?

— ...который, однако, можно легко раскрыть,— продолжал Холмс,— если послание, состоящее всего из девяти букв, содержит двойное «е» или двойное «с». Давайте предположим, что бубновый валет обозначает букву «с», а туз трэф — букву «е».

— Холмс,— прервал я своего друга.— Может быть, это интуиция. Но не логика! Почему вы считаете, что в сообщении должны быть эти буквы?

— Потому что я уже знаю само сообщение. Вы сами сказали.

— Я?

— Да, вы, Уотсон. Если эти карты обозначают буквы, которые я назвал, мы имеем двойное «е» в первой половине слова и двойное «с» на конце. Как мы видим, слово должно начинаться с буквы «с», а перед двойным «с» в конце есть еще одно «е». Не требуется особой хитрости, чтобы получить слово «Скеернесс».

— Но какое, черт возьми, отношение имеет «Скеернесс»...— начал я.

— Если говорить о географии, вы найдете его в устье Темзы,— прервал меня Холмс.— Но, кроме того, как вы сказали мне, это — имя лошади лорда Хоува. Эта лошадь заявлена для участия в скачках на приз, хотя, по вашим словам, на нее особенно не рассчитывают. Но если эту лошадь вытренировали в глубочайшей тайне, как другого неожиданного победителя, вроде Леди Бенгала...

— ...то любой игрок,— досказал я,— который смог бы выведать тайну и поставил бы на эту лошадь, сорвал бы колоссальный куш!

Шерлок Холмс протянул вперед руку с веером из карт.

— Милая мисс Элеонора Бэкстер,— воскликнул он с печальной суровостью в голосе,— зачем вы позволили сэру Жервасу Дарлингтону уговорить себя? Ваш дедушка будет очень огорчен, если узнает, что вы воспользовались музеем восковых фигур, чтобы оставить это послание и сообщить сэру Жервасу Дарлингтону то, что он хотел узнать, даже не разговаривая с ним, не посылая ему письма и оставаясь вдали от него.

Еле держась на ногах, запинаясь, мисс Бэкстер пробормотала что-то в ответ.

— Нет, нет! — сказал Холмс мягко.— Это не годится. Ведь я узнал о вашем знакомстве с сэром Жервасом через несколько минут после того, как вы пришли ко мне вчера вечером.

— Мистер Холмс, вы не могли знать этого!

— И все-таки это правда. Видите этот маленький стол слева? Когда вы пришли ко мне, на столе не бы-

ло ничего, кроме листка бумаги, украшенного довольно живописным гербом сэра Жерваса Дарлингтона.

— О Боже, помоги мне! — воскликнула несчастная молодая женщина.

— Вы вели себя довольно странно. Пристально смотрели на стол, как будто увидели что-то знакомое. Когда вы почувствовали на себе мой взгляд, вы вздрогнули и покраснели. С помощью, казалось бы, случайных замечаний я выяснил, что вы работаете у лорда Хоува, владельца Skeernes.

— Нет, нет, нет!

— Вам было нетрудно вложить новые карты вместо тех, которые держала восковая фигура. Как сказал ваш дедушка, в зале есть боковая дверь, которая плохо закрывается. Вы могли тайком заменить карты ночью перед тем, как зашли за дедушкой в обычное время, чтобы проводить его утром домой. Вы могли бы вовремя уничтожить улики, если бы дедушка в первую ночь сразу рассказал вам о необычном происшествии в музее. Но он сказал вам об этом лишь на следующую ночь, когда там, кроме него, находился и Роберт Парснип и вы не могли остаться там в одиночестве. И вовсе не удивительно, что вы запротестовали, когда дедушка захотел повидаться со мной. Позднее, как об этом без всякого заднего умысла рассказал мне доктор Уотсон, вы пытались выхватить карты из руки восковой фигуры и разбросать их.

— Холмс,— воскликнул я,— прекратите эту пытку! Настоящий виновник не мисс Бэкстер, а этот негодяй, который стоит и смеется над нами!

— Поверьте мне, мисс Бэкстер, я не стал бы огорчать вас,— сказал Холмс.— Я не сомневаюсь, что вы случайно узнали о Skeernes. Спортивные тузы разговаривают, не остерегаясь, когда они слышат лишь безобидное стрекотание пищащей машинки в соседней комнате. Но сэр Жервас задолго до того, как за ним стали тщательно следить, должно быть, убедил вас держать уши открытыми и связаться с ним этим хитроумным путем, если вы раздобудете ценную информацию.

На первый взгляд этот метод казался чересчур хитроумным. По правде говоря, я не мог понять, почему вы не могли просто написать ему. Но когда он сам пришел сюда, я узнал, что даже его письма тайно просматриваются. Следовательно, карты были единствен-

но возможным способом. Теперь у нас есть доказательства...

— Нет, клянусь Богом! — сказал сэр Жервас Дарлингтон. — У вас нет никаких доказательств!

Его левая рука, стремительная, как жалящая змея, выхватила карты у Холмса. Когда мой друг инстинктивно встал, закусив губы, чтобы не вскрикнуть от боли в лодыжке, сэр Жервас ударом правой ладони по шее отшвырнул его обратно на кушетку.

Вновь загремел торжествующий смех.

— Жервас! — умоляюще воскликнула мисс Бэкстер, ломая руки. — Ну, пожалуйста! Не глядите так на меня! Я не хотела повредить вам!

— О нет, — сказал он с грубой ухмылкой. — Не-е-т! Ты пришла сюда предать меня, так? Решила заставить меня поступать по-твоему? Ты не лучше, чем тебе полагалось быть, и я скажу об этом каждому, кто меня спросит. А сейчас не путайся под ногами, черт возьми!

— Сэр Жервас, — сказал я. — Я вас уже предупредил в последний раз.

— Костоправ вмешивается, да? Я тебе...

Теперь я готов признаться, что это была скорее удача, чем расчет. Впрочем, могу добавить, что я проворнее, чем думают мои друзья. Достаточно сказать, что мисс Бэкстер издала вопль.

Несмотря на боль в ноге, Шерлок Холмс вновь спрыгнул с кушетки.

— Бог мой, Уотсон! Более великолепного удара левой в подбородок и правой в голову я никогда не видел. Вы так здорово его уложили, что он десяток минут не придет в себя!

— Надеюсь, — сказал я, подув на ушибленные суставы пальцев, — что бедная мисс Бэкстер не очень огорчена шумом, с которым он грохнулся на пол? К тому же мне было бы неприятно встревожить миссис Хадсон, которая идет сюда, как я слышу, с яичницей.

— Вы славный, старина Уотсон!

— Почему вы улыбаетесь, Холмс? Разве я сказал что-нибудь смешное?

— Нет, нет, упаси Бог! Однако иногда у меня возникает подозрение, что я, возможно, более поверхностный, а вы гораздо более глубокий человек, чем я обычно думаю.

— Ваше ехидство мне непонятно. Но, во всяком случае, доказательства у нас. Только вы не должны публично разоблачать сэра Жерваса Дарлингтона, иначе тем самым вы подведете и мисс Бэкстер!

— Гм! Но я должен свести счеты с этим дженльменом, Уотсон! Его предложение о карьере профессионального боксера, честно говоря, меня не обидело. В своем роде это немалый комплимент. Но принять меня за сыщика из Скотленд-Ярда?! Такого оскорбления я не смогу ни забыть, ни простить.

— Холмс, я не так уж часто прошу вас об одолжении.

— Ну ладно. Пусть будет по-вашему. Мы сохраним эти карты лишь на крайний случай, если эта спящая красавица опять поведет себя плохо. А что касается мисс Бэкстер...

— Я любила его! — воскликнула с горячностью девушка. — Или, во всяком случае, думала, что люблю.

— Мисс Бэкстер, Уотсон будет хранить молчание так долго, как вы пожелаете. Он не должен рассказывать об этой истории до той отдаленной даты, когда вы, может быть, уже став прапрабабушкой, улыбнетесь и дадите ему разрешение. Не пройдет и пятидесяти лет, как вы забудете сэра Жерваса Дарлингтона.

— Никогда, никогда, никогда!

— О, а я уверен, — улыбнулся Шерлок Холмс. — «Сначала бросаются очертя голову, потом устают. Такова любовь». В этой французской эпиграмме больше мудрости, чем во всех произведениях Генрика Ибсена.

ТАИНА ЗАКРЫТОЙ КОМНАТЫ

«Было только два дела, с которыми Холмс познакомился через меня,— случай с большим пальцем мистера Хатерли и безумие полковника Ворбертона».

(Из рассказа Артура Конан Дойла «Большой палец машиниста»).

Как отмечено в моей записной книжке, у моей жены была небольшая простуда, когда в памятное утро 12 апреля 1888 года мы так неожиданно столкнулись с одним из самых необычайных случаев в жизни моего друга Шерлока Холмса.

Моя медицинская практика проходила тогда в районе Паддингтона. Молодой и жизнерадостный, я обычно вставал рано. В то утро в восемь я уже был внизу и, вызывая неудовольствие прислуги, растопил камин в прихожей, как вдруг услышал настойчивый звонок.

Пациент не пришел бы в такой час по маловажному делу. Когда я распахнул дверь и яркое апрельское солнце ворвалось в комнату, я был поражен бледностью, возбуждением и красотой молодой женщины, которая, дрожа, стояла у моего скромного порога.

— Доктор Уотсон? — спросила она, поднимая вуаль.

— Это я, мадам.

— Простите меня за это раннее вторжение. Я пришла... Я пришла...

— Проходите, пожалуйста, в приемную,— пригласил я посетительницу, одновременно показывая ей

дорогу и внимательно наблюдая за ней. Доктору полезно произвести впечатление на пациента, распознав симптомы его болезни, а следовательно, и самую болезнь раньше, чем больной успеет раскрыть рот.

— Погода довольно теплая для этого времени года,— продолжал я, когда мы вошли,— все же легко простудиться, если не закрыть комнату и в ней будет сквозняк.

Эффект этого замечания оказался необычайным. Некоторое время посетительница глядела на меня широко раскрытыми серыми глазами, ужас исказил ее прекрасное лицо.

— Закрытая комната! — вскрикнула она.— О Боже, закрытая комната!

Ее крик перерос в истерический вопль, который разнесся по всему дому, и она без чувств упала на ковер перед камином. Испуганный, я быстро налил в стакан воды из графина, плеснул туда бренди и, бережно уложив пациентку в кресло, заставил ее проглотить эту смесь. Только я успел это сделать, как моя жена, встревоженная криком, вошла в приемную.

— Ради Бога, Джон, что случилось? — Она вздрогнула.— Да это Кора Меррей!

— Ты знаешь эту молодую женщину?

— Знаю ли я ее? Еще бы! Я знакома с Корой Меррей с Индии. Наши отцы были друзьями в течение многих лет, и я написала ей письмо, когда мы с тобой поженились.

— Ты писала ей в Индию?

— Нет, нет. Она живет теперь в Англии. Кора — очень-очень близкий друг Элеоноры Грант, которая вышла замуж за этого чудака полковника Ворбертона. Они живут где-то на Кэмбридж Террас.

Жена умолкла, и в ту же минуту наша посетительница открыла глаза. Жена взяла ее за руку.

— Успокойся, Кора,— сказала она.— Я лишь сказала мужу, что вы живете на Кэмбридж Террас с полковником Ворбертоном и миссис Ворбертон.

— Больше не живу! — с отчаянием вскрикнула мисс Меррей.— Полковник Ворбертон мертв, а его жена так тяжело ранена, что, может быть, сейчас умирает. Когда я увидела их лежащими там, перед страшной маской смерти, я подумала, что именно эта отвратительная вещь свела полковника Ворбертона с ума. Он, должно быть, потерял рассудок. Как мог бы он

иначе застрелить свою жену, а затем пустить пулю себе в лоб в запертой комнате? И все-таки я не могу поверить, что он преступник.

Схватив обеими руками руку моей жены, она умоляюще посмотрела на меня.

— О доктор Уотсон, я так надеюсь на вашу помощь! Не может ли ваш друг Шерлок Холмс сделать что-нибудь?!

Можете представить себе, с каким изумлением слушали мы рассказ о происшедшей семейной трагедии.

— Но вы говорите, что полковник Ворбертон мертв,— заметил я мягко.

— Да, но его имя останется запятнанным. О, неужели моя миссия так безнадежна?

— Нет ничего безнадежного, Кора,— сказала моя жена.— Джон, что вы предполагаете делать?

— Что делать? — переспросил я, бросая взгляд на часы.— Немедленно в кеб — и на Бейкер-стрит! Мы как раз застанем Холмса до завтрака!

Как я и предполагал, Шерлок Холмс с нетерпением ожидал завтрака; комната была наполнена едким дымом первой трубки, в которой со вчерашнего дня оставался недокуренный табак. Холмс не выразил никакого удивления при нашем появлении в столь ранний час, хотя и был явно не в духе.

— Дело в том, Холмс,— сказал я,— что этим утром ко мне...

— Да, да, мой дорогой друг,— сказал он,— это произошло, когда вы, как обычно, разжигали огонь в камине, о чем свидетельствует большой палец вашей левой руки.

Он заметил убитое горем лицо мисс Меррей, и голос его стал мягче.

— Я думаю,— добавил он,— вы оба могли бы позавтракать со мной, прежде чем мы обсудим потрясение, которое, как можно видеть, пережила эта молодая леди.

И он не позволил произнести ни слова до тех пор, пока я немного не поел, хотя мисс Меррей смогла лишь прикоснуться к чашке кофе.

— Гм,— произнес Холмс; тень разочарования промелькнула по его лицу после того, как наша красивая посетительница, запинаясь, повторила свой рассказ.

— Да, мадам, это действительно тяжелая траге-

дия. Но я, право, не знаю, чем могу быть вам полезен. Некий полковник Ворбертон сошел с ума: сначала он застрелил свою жену, затем себя. Я полагаю, эти факты не вызывают сомнения?

— К несчастью, это так,— ответила она.— Хотя сначала мы надеялись, что это — дело рук грабителя.

— Надеялись, что это — дело рук грабителя?

Меня неприятно задел язвительный тон Холмса, хотя я не мог не отгадать его причину. С тех пор как месяц назад его перехитрила и победила г-жа Годфри Нортон, урожденная Ирэна Адлер, его отношение ко всему женскому полу стало еще более горьким, чем прежде.

— Ну что вы, в самом деле, Холмс! — запротестовал я несколько резко.— Мисс Меррей имела в виду, что если бы это оказался взломщик-убийца, имя полковника Ворбертона было бы избавлено от позора. Надеюсь, вы не будете порицать ее за неудачно выбранное выражение.

— Неудачно выбранное выражение, Уотсон, привело однажды убийцу на виселицу,— сказал Холмс.— Ну хорошо, не будем огорчать молодую леди. Но, мадам, можете ли вы рассказать об этом более подробно?

К моему удивлению, бледное лицо нашей посетительницы озарилось улыбкой, выражавшей как глубокую грусть, так и силу характера.

— Мой отец, мистер Холмс,— капитан Меррей, служивший во время сипайского восстания. Вы сейчас увидите, могу ли я подробно рассказывать.

— Начинайте, это явно лучше! Итак?

— Полковник Ворбертон и его жена,— начала она,— жили в доме № 9 на Кэмбридж Террас. Вы, наверное, видели много таких красивых солидных домов в районе Гайд-парка. По обе стороны от парадного входа, за узкой полосой газона, декорированного валунами, находятся комнаты с двумя французскими окнами. Полковник Ворбертон и моя дорогая Элеонора были одни в комнате, слева от парадного входа, которую у нас называют комнатой-музеем. Это произошло вчера вечером, как раз после обеда. Дверь была заперта изнутри. Оба французских окна закрыты двойными задвижками с внутренней стороны, хотя шторы не были задернуты. В комнате никого, кроме них, не было, никто там не прятался. Другого входа в комнату не существует. Револьвер лежал около правой ру-

ки полковника. Никто не дотрагивался до задвижек или запоров. Комната была закрыта, как крепость. Таковы факты, мистер Холмс.

Как я теперь могу подтвердить, мисс Меррей говорила сущую правду.

— Да, сейчас рассказ более удовлетворителен,— сказал Холмс, потирая свои длинные тонкие пальцы.— Что, у полковника Ворбертона была такая привычка — запираяться в комнате-музее, как вы ее называете, по вечерам вместе с женой?

На лице нашей посетительницы мелькнуло недоумение.

— Боже мой, да нет же,— ответила она.— Я никогда об этом не думала.

— И все-таки боюсь, что это не может повлиять на исход дела. Напротив, это только подтверждает тот факт, что он сошел с ума.

Серые глаза Кори Меррей были теперь спокойны.

— Никто, мистер Холмс, не знает об этом лучше, чем я. Если полковник Ворбертон решил убить Элеонору и себя,— могу ли я отрицать, что он намеренно запер дверь?

— Разрешите мне заметить, мадам,— сказал Шерлок Холмс,— что вы исключительно здравомыслящая молодая женщина. Но если не говорить об увлечении полковника индийскими древностями, сказали бы вы, что он был человеком без каких-либо странностей?

— Безусловно. И все же...

— Вы хотите сказать о женской интуиции?

— Сэр, а чем являются ваши прославленные умозаключения, как не мужской интуицией?

— Это логика, мадам. Однако прошу прощения за то, что по утрам я так раздражителен.

Мисс Меррей любезно наклонила голову.

— Дом был поднят на ноги двумя выстрелами,— продолжала она.— Когда мы посмотрели в окно и увидели на полу две неподвижные фигуры и холодный голубой блеск ляпис-лазуревых глаз этой ужасной маски смерти, меня охватил суеверный ужас.

Холмс полулежал в кресле с усталым и недовольным видом, набросив на плечи старый, мышиноного цвета халат.

— Мой дорогой Уотсон,— сказал он,— вы найдете сигары в ведерке с углем. Будьте добры, пере-

дайте мне коробку, если, конечно, мисс Меррей не возражает.

— Дочь англичанина, живущего в Индии, мистер Холмс,— сказала наша прелестная посетительница,— привыкла к табачному дыму.— Она помедлила, кусая губы.— В самом деле, когда майор Эрншоу и капитан Лэшер вломились в комнату и я вбежала вслед за ними, я отчетливо ощутила запах сигары полковника Ворбертона.

Несколько секунд длилось напряженное молчание. Шерлок Холмс вскочил на ноги, держа коробку с сигарами в руке, и пристально смотрел на мисс Меррей.

— Простите, мадам, но твердо ли вы уверены в том, что говорите?

— Мистер Шерлок Холмс,— ответила леди,— я привыкла отвечать за свои слова. Я вспоминаю даже, что у меня мелькнула нелепая мысль: в комнате, где тускло мерцают бронза и деревянные идолы и еле светят розовые лампы, более уместен запах ладана, чем сигарного дыма.

Некоторое время Холмс молча стоял перед камином.

— Вполне возможно, что существует сто сорок первый сорт,— задумчиво произнес он.— Мисс Меррей, я хотел бы услышать еще подробнее о том, что случилось. Вы упомянули некоего майора Эрншоу и некоего капитана Лэшера. Эти джентльмены тоже гостили в доме?

— Майор Эрншоу гостит в доме. Но капитан Лэшер...

Показалось ли мне или румянец действительно выступил на лице Кору Меррей при упоминании этого имени?

— ...Капитан Лэшер пришел лишь с кратким визитом. Он племянник полковника Ворбертона, его единственный родственник, и он... он... намного моложе майора Эрншоу.

— Но что же произошло вчера вечером, мадам?

Кора Меррей помолчала, как бы собираясь с мыслями, и затем начала говорить тихим, но напряженным голосом.

— Элеонора Ворбертон была моей лучшей подругой в Индии. Она исключительно красивая женщина, и я не погрешу против истины, если скажу, что мы все были поражены, когда она согласилась выйти за-

муж за полковника Ворбертона. Он был солдатом с заслуженной репутацией и сильным характером, но, на мой взгляд, довольно тяжелым человеком в семейной жизни. Он был раздражителен и вспыльчив, особенно если дело касалось его большой коллекции индийских древностей. Поймите, пожалуйста, что, в общем, я относилась к Джорджу хорошо, иначе бы я сюда не пришла. И хотя у них случались ссоры — они поссорились и вчера вечером, — клянусь, в их отношениях не было ничего такого, что могло бы привести к этому кошмару.

Когда они уехали из Индии, я переехала вместе с ними в дом на Кэмбридж Террас. Там мы жили почти так же, как в военном поселении в Индии, даже дворецкий Джорджа индус Чандра Лал, всегда закутанный в белые одежды, находился вместе с нами в доме, наполненном чужеземными богами и чужеземным духом.

Вчера вечером после обеда Элеонора заявила, что хочет поговорить с мужем. Они удалились в комнату-музей, а майор Эрншоу и я находились в маленькой комнате, называемой рабочим кабинетом.

— Один момент, — прервал Шерлок Холмс, который делал пометки на манжете рубашки, — вы сказали, что две комнаты выходят окнами в передний сад; одна из них — комната-музей полковника Ворбертона... Вторая — кабинет?

— Нет, вторая комната, выходящая в сад, — столовая. Кабинет находится за нею, они не сообщаются. Майор Эрншоу довольно скучно что-то рассказывал, когда быстро вошел Джек. Джек...

— Приятное появление? — прервал Холмс. — Я полагаю, вы говорите о капитане Лэшере?

Наша посетительница подняла на Холмса свой ясный, открытый взгляд.

— Очень приятное, — улыбнулась она. Затем ее лицо помрачнело. — Он сказал, что дядя и Элеонора ссорятся. Бедный Джек, как ему это было неприятно!

«Я приехал из Кенсингтона, чтобы увидеться со стариком, — воскликнул он, — а теперь не решаюсь прервать их ссору. Почему они все время ссорятся?»

Я возразила, что он несправедлив.

«Ненавижу ссоры, — продолжал он, — и считаю, что хотя бы ради дяди Элеонора могла бы проявлять больше терпения и выдержки».

«Она предана вашему дяде,— сказала я,— а что касается вас, то она, как и все мы, полагает, что вы ведете слишком безрассудную жизнь,— в этом все дело».

Когда майор Эрншоу предложил сыграть втроем в вист по два пенса за взятку, боюсь, что Джек был не слишком учтив. Если уж он прослыл безрассудным, сказал он, то он предпочитает выпить стакан портвейна в столовой. Майор Эрншоу и я сели играть вдвоем.

— Выходили ли вы или майор Эрншоу из комнаты после этого?

— Да! Майор вспомнил, что ему нужно сходить за табакеркой.

Я почувствовал, что при других обстоятельствах Кора Меррей рассмеялась бы.

— Он выбежал из комнаты, шаря во всех карманах, ругаясь и клянясь, что он не может играть в карты без нюхательного табака. Я сидела с картами в руках, и, пока я ждала в этой тихой комнате, мне казалось, будто все смутные ночные страхи медленно окружают меня. Я вспомнила блеск в глазах Элеоноры за обедом. Вспомнила бронзовое лицо Чандры Лала, индуса-дворецкого, который, казалось, чему-то тайно радовался с тех пор, как в доме появилась маска смерти. Именно в этот момент, мистер Холмс, я услышала два револьверных выстрела.

В возбуждении Кора Меррей поднялась на ноги.

— О, пожалуйста, не думайте, что я ошиблась! Не думайте, что меня ввел в заблуждение какой-то другой шум или что это были не те выстрелы, которыми были убиты Джордж и...

Она замолкла и, издав глубокий вздох, снова опустилась в кресло.

— На какой-то момент я совершенно оцепенела. Потом я побежала в холл и почти столкнулась с майором Эрншоу, который что-то бессвязно бормотал в ответ на мои вопросы. В это время из столовой вышел Джек Лэшер с графином портвейна в руке.

«Вам лучше остаться здесь, Кора,— сказал он мне,— может быть, там бандит».

Оба мужчины подбежали к двери комнаты-музея.

«Закрyto, черт возьми! — воскликнул майор Эрншоу.— Помоги-ка мне, приятель, мы высадим эту дверь».

«Послушайте, сэр,— отвечал Джек,— против такой двери вам потребуется осадная артиллерия. Стойте здесь, а я выскочу на улицу и попробую проникнуть через французское окно».

В результате мы все выбежали из дома...

— Все?

— Майор Эрншоу, Джек Лэшер, Чандра Лал и я. Заглянув в ближайшее окно, мы увидели Джорджа и Элеонору Ворбертон лежащими навзничь на красном брюссельском ковре. Кровь все еще струилась из раны в груди Элеоноры.

— А дальше?

— Вы, возможно, помните, я говорила, что на газоне перед домом лежали декоративные камни.

— Я запомнил это.

— Крикнув остальным, чтобы они охраняли двери и не упустили бандита, Джек поднял большой камень, разбил окно и влез в комнату. Но никакого взломщика там не оказалось, мистер Холмс. Бросив взгляд, я убедилась, что оба французских окна все еще были заперты двумя задвижками с внутренней стороны.

Сразу, прежде чем кто-либо приблизился к двери, я подошла к ней. Дверь была заперта изнутри. Видите ли, мне кажется, я знала, что там не могло быть взломщика.

— Знали?

— Джордж очень боялся за свою коллекцию,— простодушно ответила мисс Меррей.— Даже камин в этой комнате заложен кирпичами. Чандра Лал остолбенело смотрел в каменные голубые глаза маски смерти, висящей на стене, а майор Эрншоу ногой отшвырнул револьвер, лежавший около руки Джорджа.

«Это — скверное дело,— сказал майор Эрншоу,— нам бы следовало послать за доктором».

Вот, пожалуй, все, что я могу рассказать.

Некоторое время после того, как она кончила говорить, Холмс неподвижно стоял перед камином.

— Гм,— произнес он,— и каково же положение теперь?

— Бедная Элеонора, тяжелораненая, лежит в больнице на Бейзуотер. Она вряд ли поправится. Тело Джорджа отвезли в морг. Еще до того, как сегодня утром я ушла из дома на Кэмбридж Террас в смутной

надежде заручиться через доктора Уотсона вашей помощью, прибыла полиция в лице инспектора Макдоналда. Но что он может сделать?

— В самом деле, что? — эхом отозвался Холмс. Но его глубоко посаженные глаза горели.— Все же инспектор Мак! Это намного лучше. Сегодня я не мог бы вынести Лестрейда или Грегсона. Если леди подойдет, пока я надену пальто и шляпу, мы тотчас поедем на Кэмбридж Террас.

— Холмс,— запротестовал я,— было бы чудовищно поощрять ложные надежды у мисс Меррей.

Мой друг посмотрел на меня холодным снисходительным взглядом.

— Дорогой Уотсон, я не поощряю надежд и не разбиваю их. Я изучаю факты. Только и всего.

Я заметил, что он положил в карман увеличительное стекло. Сидя в экипаже, который вез нас к дому полковника, он молчал, покусывая губу.

В этот солнечный апрельский день Кэмбридж Террас был тихой и пустынной. За каменной стеной и узкой полосой сада, украшенного валунами, стоял каменный дом с белыми окнами и зеленой парадной дверью.

Я невольно вздрогнул, увидев около окон, слева от парадной двери, белую фигуру и тюрбан индуса-дворецкого. Чандра Лал, неподвижный, как индусский идол, смотрел на нас. Затем он вошел в дом.

Было заметно, что Чандра Лал произвел впечатление и на Шерлока Холмса. Я видел, как поднялись его плечи под пальто, когда он смотрел вслед удаляющейся фигуре слуги-индуса. Хотя первое окно слева от парадной двери осталось целым, выемка в клумбе показывала, откуда был вытащен большой камень; а второе окно, еще левее двери, было разбито вдребезги. Именно через это отверстие бесшумными шагами и ушел в дом индус-дворецкий.

Холмс присвистнул, но не произнес ни слова до тех пор, пока Кора Меррей не отошла от нас.

— Скажите мне, Уотсон,— сказал он.— Вы не заметили ничего странного или непоследовательного в рассказе мисс Меррей?

— Странное и ужасное, да! — признался я.— Но непоследовательного? Нет, ничего.

— Но вы же сами первый протестовали по этому поводу.

— Дорогой мой, я не произнес ни слова протеста сегодня утром.

— Возможно, не сегодня утром,— сказал Шерлок Холмс.— А, инспектор Мак! Мы с вами сталкиваемся еще на одной проблеме!

В разбитом окне, осторожно переступая через валявшиеся осколки, появился молодой человек с веснушчатым лицом, светлыми волосами и характерными манерами полицейского офицера.

— Боже мой, мистер Холмс, неужели вы называете это проблемой? — воскликнул Макдоналд, поднимая вверх брови.— Если, конечно, вы не имеете в виду вопрос, почему полковник Ворбертон сошел с ума.

— Хорошо, хорошо,— добродушно сказал Холмс.— Я полагаю, вы разрешите нам войти в комнату.

— С удовольствием! — ответил молодой шотландец.

Мы оказались в высокой узкой комнате; хотя в ней стояли удобные кресла, она походила на какой-то варварский музей. Напротив окна на комод из черного дерева стоял необычайный предмет — коричневая с позолотой маска с большими глазами из твердых и сверкающих голубых камней.

— Хорошая штучка, не правда ли? — хмыкнул Макдоналд.— Это маска смерти, которая действует на индусов, как на шотландцев заклинания. Майор Эрншоу и капитан Лэшер сейчас в кабинете, у них уже головы распухли от разговоров.

К моему удивлению, Холмс едва взглянул на отвратительный предмет.

— Как я понимаю, инспектор Мак,— сказал он, расхаживая по комнате и заглядывая в застекленные этажерки и витрины с экспонатами,— вы уже допросили всех обитателей этого дома?

— Только этим и занимался,— простонал инспектор Макдоналд.— Но что они могут рассказать? Комната была заперта на ключ. Единственный человек, который совершил преступление, застрелив жену и себя, мертв. Что касается полиции, дело закончено. Что теперь, мистер Холмс?

Мой друг вдруг нагнулся.

— Что это? — воскликнул он, рассматривая маленький предмет, который он поднял с пола.

— Всего лишь окурок сигары полковника Ворбертона, который, как вы видите, прожег дырку в ковре,— ответил Макдоналд.

— А, вот именно.

При этих словах дверь распахнулась, и в комнату вошел дородный пожилой мужчина, который, как я решил, был майором Эрншоу. Сзади него, поддерживая Кору Меррей под руку, шел высокий молодой человек с загорелым курносым лицом и гвардейскими усами.

— Я полагаю, сэр, вы мистер Шерлок Холмс,— холодно начал майор Эрншоу.— Я должен сразу же сказать, что не могу понять причину, побудившую мисс Меррей обратиться к вам для расследования этой семейной трагедии.

— Возможно, другие понимают,— спокойно ответил Холмс.— Ваш дядя всегда курил один и тот же сорт сигар, капитан Лэшер?

— Да, сэр,— ответил молодой человек, недоуменно глядя на Холмса.— На столе лежит коробка с сигарами.

Мы все молча наблюдали за Шерлоком Холмсом, который подошел к столу и взял коробку с сигарами. Некоторое время он внимательно рассматривал содержимое, а затем, поднеся коробку к носу, глубоко вздохнул.

— Голландские,— произнес он.— Мисс Меррей, вы были правы в вашем утверждении. Полковник Ворбертон не был сумасшедшим.

Майор Эрншоу громко фыркнул, а молодой человек, обладавший лучшими манерами, чем его старший по рангу коллега, попытался скрыть свою улыбку, расправляя усы.

— Видит небо, мы все очень обрадованы вашим заверением, мистер Холмс,— сказал он.— Несомненно, вы делаете этот вывод, проанализировав, какие именно сигары предпочитал курить полковник.

— Частично,— ответил мой друг серьезным тоном.— Доктор Уотсон может сообщить вам, что я уделю некоторое внимание изучению табака и даже осмелился изложить свои соображения в небольшой монографии, перечисляющей 140 различных видов табачного пепла. Привычка полковника Ворбертона к определенному сорту сигар лишь подкрепляет другие доказательства. Не так ли, Макдоналд?

Сотрудник Скотленд-Ярда нахмурился, и его маленькие светло-голубые глаза с подозрением взглянули на Холмса из-под белесых бровей.

— Доказательства? О чем вы говорите! — внезапно воскликнул он. — Все ясно, как день. Полковник и его жена — оба застрелены в комнате, которая закрыта, закупорена и заперта изнутри. Разве вы станете это отрицать?

— Нет.

— Тогда давайте придерживаться фактов, мистер Холмс.

Мой друг подошел к комоду из черного дерева и, заложив руки за спину, занялся изучением отвратительного раскрашенного лица, которое глядело поверх его головы.

— Обязательно, — ответил он. — Как вы объясните тот факт, что двери были заперты, инспектор Мак?

— Что полковник сам запер дверь, чтобы ему не мешали.

— Совершенно верно. Обстоятельство, свидетельствующее о многом.

— Оно свидетельствует лишь о безумии, которое привело полковника к его страшному поступку, — ответил Макдоналд.

— Послушайте, мистер Холмс, — вмешался молодой Лэшер. — Ваша репутация человека, помогающего правосудию с помощью собственных хитроумных методов, всем хорошо известна, и, естественно, мы горим желанием смыть позор с имени несчастного дяди. Но, черт побери, улики не обойдешь, и, нравится нам это или нет, мы вынуждены согласиться с инспектором: полковник Ворбертон был жертвой собственного безумия.

Холмс поднял длинную тонкую руку.

— Полковник Ворбертон был жертвой исключительно хладнокровного убийства, — заявил он спокойно.

В наступившей за этими словами тишине мы молча взирали друг на друга.

— Черт возьми, сэр, кого вы обвиняете? — проревел майор Эрншоу. — Я заставлю вас узнать, что в этой стране есть законы против клеветы.

— Хорошо, хорошо! — добродушно согласился Холмс. — Я открою вам свою тайну, майор. Моя теория в основном покоится на этих осколках стекла, которые, как вы видите, я собрал и положил в камин. Когда я вернусь завтра утром, чтобы сложить их вместе, я надеюсь, что смогу доказать свою теорию к ва-

шему полному удовлетворению. Между прочим, инспектор Мак, я полагаю, вы едите устриц?

Лицо Макдоналда побагровело.

— Мистер Холмс, вы мне действительно нравитесь, и я вас уважаю,— сказал он резко.— Но бывают времена, когда человеку не следует и не подобает... Какое, черт возьми, отношение имеют к этому делу устрицы?

— Лишь такое, что, собираясь есть их, вы, очевидно, возьмете вилку, которая лежит к вам ближе. Для опытного наблюдателя, безусловно, имело бы значение, если бы вы вместо этого протянули руку к вилке, лежавшей рядом с тарелкой вашего соседа. Даю вам эту мысль в чистом виде.

Макдоналд внимательно посмотрел на моего друга.

— Есть, мистер Холмс,— наконец произнес он.— Очень интересно. Я был бы рад последовать вашему совету.

— Я посоветовал бы вам забить досками разбитое окно,— ответил Холмс.— Пусть ничего не трогают до тех пор, пока все мы не встретимся здесь снова завтра утром. Пойдемте, Уотсон, уже второй час. Эскалоп по-цицилиански у Пеллегрини нам не повредит.

Вторую половину дня я должен был посвятить запоздалым визитам к своим пациентам и лишь с наступлением вечера оказался вновь на Бейкер-стрит. Миссис Хадсон открыла мне дверь. Я задержался на лестнице, чтобы ответить на ее вопрос, останусь ли обедать, когда громкий звук выстрела раскатился по дому. Госпожа Хадсон схватилась за перила.

— Вот, сэр, он опять принялся за старое,— запричитала она.— Эти проклятые пистолеты! И шести месяцев не прошло, как он отстрелил концы каминной доски! В интересах справедливости, сказал мистер Холмс. О, доктор Уотсон, если вы быстро к нему не подниметесь, на этот раз вполне может пропасть та дорогая газовая горелка.

Сказав достойной женщине что-то утешительное, я помчался вверх по лестнице и распахнул дверь нашей старой гостиной как раз в тот момент, когда прогремел второй выстрел. Сквозь облако едкого порохового дыма я разглядел Шерлока Холмса. Он полулежал в своем кресле в халате, с сигарой во рту и дымящимся пистолетом в правой руке.

— А, Уотсон,— сказал он устало.

— Бог мой, Холмс, это действительно невыносимо!— закричал я.— Комната пахнет, как тир. Если вам безразличен ущерб, я прошу вас считаться с тем, как это действует на нервы госпожи Хадсон и ваших клиентов.— Я распахнул окна и с облегчением заметил, что шумный поток проезжающих кебов и карет, очевидно, заглушал звуки выстрелов.— Атмосфера крайне нездоровая,— добавил я сурово.

Холмс протянул руку и положил револьвер на каминную полку.

— Я давно не видел вас курящим сигару,— произнес я, опускаясь в мое старое кресло.

— Это вопрос настроения, Уотсон. В данном случае я взял на себя смелость похитить одну из запасов покойного полковника Ворбертона.— Он замолчал, чтобы бросить взгляд на часы, стоявшие на каминной доске.— Гм, у нас есть еще час,— закончил он.— Поэтому давайте оставим проблемы, связанные с многообразными пороками человека, и отдадимся во власть той высокой силы, которой подвластны даже худшие из нас. Уотсон, передайте мне Страдивариуса. Он в углу сзади вас.

Было почти восемь часов, и я только что зажег газ, когда в дверь постучали, и в комнату ворвался длинный, угловатый инспектор Макдоналд в клетчатом пальто.

— Я получил вашу записку, мистер Холмс,— воскликнул он,— и сделал все, как вы советовали. В полночь в саду перед домом будет констебль. Не беспокойтесь об окне: мы сможем проникнуть внутрь дома, никого не разбудив.

Холмс довольно потер худые длинные пальцы.

— Отлично, отлично! Вы далеко пойдете: у вас есть дар быстро выполнять... э... советы,— добродушно сказал он.— Миссис Хадсон принесет сюда ужин, а затем одна-две трубки помогут нам скоротать время. Я думаю, что если мы двинемся на свои посты раньше полуночи, то это разрушит все мои планы. А теперь, мистер Мак, придвиньте свой стул и попробуйте табачок. Уотсон подтвердит, что это отменный сорт.

Вечер прошел довольно приятно. У Шерлока Холмса было отличное настроение. Он внимательно выслушал рассказ инспектора Скотленд-Ярда о шайке французских фальшивомонетчиков, махинации которых серьезно угрожали стабильности золотого луидора,

а затем ошеломил шотландца изложением чрезвычай-но хитроумной теории о влиянии рунических сказаний на развитие шотландских кланов. Лишь полночный бой часов вернул нас наконец к мрачной действительности.

Холмс подошел к письменному столу. При свете настольной лампы, прикрытой зеленым абажуром, я увидел, каким суровым стало его лицо, когда он открыл ящик стола и вынул оттуда кастет.

— Положите это к себе в карман, Уотсон,— сказал он.— Мне думается, наш противник может оказать сопротивление. Теперь, мистер Мак, поскольку миссис Хадсон, вероятно, давно уже легла спать, если вы готовы, мы спустимся вниз и найдем первый же кеб.

Была чистая звездная ночь. Мы быстро проехали по лабиринту маленьких улочек до Эджвер-род. По знаку Холмса кучер остановился на углу, и, когда мы вышли из кеба, я увидел широкую пустынную улицу Кэмбридж Террас, убегавшую вдоль в тусклом свете газовых фонарей. Мы быстрым шагом пошли вдоль улицы и свернули в ворота, которые вели к цели.

Макдоналд кивнул на доски, которые закрывали разбитое окно.

— Они прибиты только с одной стороны,— прошептал он.— Но раздвигайте их осторожно.

Легкий скрип, и несколько секунд спустя мы, протиснувшись между досок, оказались в густой темноте музейной комнаты полковника Ворбертона.

Холмс вынул из кармана пальто потайной фонарь, и, следуя за его слабым светом, мы двигались на ощупь вдоль стены, пока не подошли к алькову, в котором стоял диван.

— Будем ждать здесь,— шепотом сказал мой друг.— Можно было бы смириться и с худшей постелью, к тому же диван стоит достаточно близко к камину.

Ночь была исключительно тихая. Наше бодрствование оказалось отчаянно скучным. Лишь однажды какие-то запоздалые гуляки проехали мимо в экипаже; звуки их пения и цоканье лошадиных копыт постепенно замерли, удаляясь к Гайд-парку. Примерно через час до нас долетел грохот, звон колоколов, сухие пистолетные хлопки кнута кучера пожарного выезда, который неистово промчался по Эджвер-род. За-

тем все затихло. Тишину нарушало только тиканье старинных часов в дальнем конце комнаты.

Тяжелый, пропитанный ароматно-затхлым запахом восточного музея воздух комнаты все сильнее навевал сонливость, и вскоре мне пришлось напрячь все силы, чтобы не заснуть.

Я говорил о густой темноте, но, когда мои глаза привыкли к ней, я заметил слабый отблеск света далекого уличного фонаря, проникавшего сквозь незаколоченное окно. Бездумно провожая взглядом этот луч, я вдруг увидел нечто такое, что вселило холод в мою душу. Лицо, призрачное и туманное, но одновременно страшное, как бред кошмара, злобно глядело на меня из дальнего конца полосы сумрачного света, теврявшейся в глубине комнаты. Я, должно быть, непроизвольно вздрогнул, так как почувствовал, что Холмс наклонился ко мне.

— Маска,— прошептал он.— Наш трофей, вероятно, будет менее впечатляющим, но гораздо более опасным.

Откинувшись на спинку дивана, я попытался прогнать чувство напряженности, но вид этой жуткой реликвии направил мои размышления в новое русло. Я вспомнил зловещую, одетую в белое фигуру индуса Чандра Лала, слуги полковника Ворбертона, и попробовал вспомнить те слова, которыми мисс Меррей описывала действие маски смерти на этого человека. Я знал достаточно об Индии, пожалуй, даже больше, чем Холмс, чтобы понять, что религиозный фанатизм и ненависть, вызванные кощунством, не только оправдали бы любое преступление, но могли бы вдохновить фанатика на такое хитроумие в исполнении замысла, которое поставило бы в тупик европейца, даже хорошо знающего обычаи и нравы индусов.

Я размышлял, не следует ли мне поделиться этими соображениями с моими товарищами, когда мое внимание привлек тихий скрип дверной петли. Нужно было без промедления предупредить Холмса, что кто-то входит в комнату. Но когда я протянул руку, то обнаружил, что моего друга рядом уже нет.

В течение некоторого времени царил абсолютная тишина, а затем согнувшаяся фигура, шаги которой заглушал ковер, быстро пересекла слабый луч света, падавший из окна, и скрылась в темноте прямо передо мной.

На какую-то долю секунды я увидел пальто с поднятым капюшоном и тусклый блеск какого-то длинного тонкого предмета, зажатого в приподнятой руке. Мгновение спустя в камине блеснул свет, как если бы вдруг открыли дверцу потайного фонаря, а затем раздался тихий стук и звяканье.

Я тихо поднимался с дивана, когда в комнате раздался приглушенный вопль, сопровождаемый звуками ожесточенной борьбы.

«Уотсон, Уотсон!»

С ужасом я распознал в этом хриплом крике голос Холмса и в темноте бросился на клубок тел, внезапно возникший передо мной.

Железные пальцы сжимали мое горло, а когда я попытался оттолкнуть голову противника, он впился зубами в мою руку, как рассвирепевшая собака. Неизвестный обладал силой маньяка, и нам удалось совладать с ним лишь после того, как Макдоналд, зажавший газовый рожок, ринулся на помощь.

Холмс с осунувшимся, побледневшим лицом прислонился к стене, сжимая рукой плечо, по которому пришелся удар тяжелой бронзовой кочерги. Кочерга валялась в камине среди осколков разбитого окна, которые он сложил туда во время первого осмотра комнаты.

— Вот ваш человек, Макдоналд! — задыхаясь, произнес он. — Вы можете арестовать его за убийство полковника Ворбертона и попытку убить его жену.

Макдоналд откинул капюшон убийцы. Несколько секунд я молча всматривался в нашего врага, прежде чем возглас изумления сорвался с моих губ. Я не смог сразу вспомнить загорелое красивое лицо капитана Джека Лэшера, глядя на эти искаженные черты и горящие злобой глаза.

За окном уже брезжил рассвет, когда мой друг и я снова оказались на Бейкер-стрит.

Я наполнил два стакана довольно крепкой смесью из бренди с содовой и подал один из них Холмсу, который откинулся на спинку кресла. Свет газового рожка падал на его тонкие черты, и я с удовлетворением заметил, что слабая краска вновь появилась на его лице.

— Честно говоря, Уотсон, я очень признателен вам. Капитан Лэшер был опасный человек. Как ваша рука, которую он укусил?

— Немного болит, — сознался я. — Но йод и повязка легко поправят дело. Я гораздо более озабочен вашим плечом, мой дорогой друг, ибо он очень сильно ударил вас той кочергой. Разрешите мне взглянуть на него.

— Позже, позже, Уотсон. Уверяю вас, ничего серьезного, всего лишь синяк, — ответил он с ноткой нетерпения в голосе. — Теперь я могу признаться: сегодня ночью были минуты, когда я серьезно сомневался в том, что наш человек попадет в ловушку.

— В ловушку?

— Да, в ловушку с приманкой, Уотсон. И если бы он не проглотил лакомый кусочек, который я заготовил для него, нам было бы трудно посадить капитана Лэшера на скамью подсудимых. Я делал ставку на то, что страх убийцы иногда берет верх над его рассудком. Так и получилось.

— Откровенно говоря, я и сейчас не понимаю, как вы раскрыли это дело.

Холмс вытянулся в кресле и сложил вместе кончики пальцев.

— Мой дорогой, большой трудности эта задача не представляла. Факты достаточно очевидны, но нужно было, чтобы убийца сам подтвердил их каким-нибудь неосторожным поступком. В этом и заключалась главная сложность. Косвенные доказательства — это прямо-таки несчастье для того, кто умеет логически мыслить.

— Я ничего и не заметил.

— Вы заметили все, но не сделали выводов. В своем рассказе мисс Меррей упомянула, что дверь комнаты-музея была заперта, но шторы на окнах не были задернуты, хотя комната расположена на первом этаже и выходит на шумную многолюдную улицу. Если вы помните, я прервал мисс Меррей, чтобы спросить о привычках полковника Ворбертона.

Обстоятельства подсказывали мне, что полковник Ворбертон мог ожидать посетителя, причем характер этого визита был таков, что или он сам, или посетитель предпочитали сохранить визит в тайне. Для этого надо было войти в дом через французское окно, а не через парадный вход.

Этот старый солдат недавно женился на молодой и красивой женщине, и поэтому я отбросил предположение о вульгарном любовном свидании.

Если я был прав, то этим посетителем должен был быть человек, секретный разговор которого с полковником Ворбертоном вызвал бы возмущение у некоторых других членов семьи, и отсюда очевидное решение либо полковника, либо его гостя воспользоваться вместо двери французским окном.

— Но эти окна были заперты,— возразил я.

— Естественно. Мисс Меррей заявила, что миссис Ворбертон сразу же после обеда пошла вместе с мужем в комнату-музей и между ними, видимо, вспыхнула ссора. Мне пришло в голову, что если бы полковник ждал кого-нибудь, то он, конечно, должен был бы оставить шторы незадернутыми, чтобы посетитель увидел, что полковник не один. Конечно, вначале все это были простые догадки, которые в какой-то степени могли соответствовать фактам.

— А личность этого таинственного посетителя?

— Снова догадка, Уотсон. Мы знали, что миссис Ворбертон не нравился капитан Лэшер, племянник ее мужа. Я излагаю вам эти предположения в том виде, в каком они впервые возникли у меня в начале рассказа мисс Меррей. Я не смог бы сделать ни шага в этом деле, если бы в конце рассказа она не упомянула один примечательный факт, который превратил мое слабое подозрение в абсолютную уверенность, что мы имеем дело с хладнокровным и обдуманым убийством.

— Я должен сказать, что не могу припомнить...

— Однако вы сами подчеркнули тот факт, когда использовали слово «нетерпимо».

— Боже мой, Холмс! — воскликнул я. — Тогда, значит, это было замечание мисс Меррей о запахе дыма сигары полковника...

— В комнате, где только что было сделано два выстрела! Она была бы пропитана запахом пороха! Я понял тогда, что внутри комнаты-музея не было сделано ни одного выстрела.

— Но звуки выстрелов слышали все, кто был в доме.

— Стреляли снаружи через закрытое окно. Убийца был превосходным стрелком и, следовательно, по всей вероятности, военным лицом. В этом, наконец, было что-то определенное, над чем можно было работать, а позднее я получил подтверждение из ваших собственных уст, Уотсон, когда, закулив одну из сигар полковника, я ждал, пока не услышал вас внизу,

а затем дважды выстрелил из револьвера одного калибра с тем, из которого был убит Ворбертон.

— Во всяком случае, должны были быть ожоги от пороха,— сказал я, размышляя.

— Необязательно. Патронный порох — вещь надежная, и отсутствие ожогов ничего не доказывало. Гораздо большее значение имел запах сигары. Я должен добавить, однако, что хотя ваше подтверждение и было полезным, но мне все было ясно сразу же после посещения дома.

— Вас поразила внешность слуги-индуса,— возразил я, несколько задетый ноткой самодовольства, которое послышалось в голосе Холмса.

— Нет, Уотсон, я был поражен, увидев разбитое окно, через которое он вышел.

— Но ведь мисс Меррей сказала, что капитан Лэшер разбил окно, чтобы попасть в комнату.

— Достойный сожаления факт, Уотсон: женщина неизменно опускает в своем рассказе точное описание деталей, которое так же необходимо опытному наблюдателю, как кирпичи и цемент строителю. Если вы помните, она заявила, что капитан Лэшер выбежал из дома, посмотрел в окно, а затем, подняв камень с газона, разбил стекло и вошел внутрь.

— Совершенно верно.

— Причина, по которой я вздрогнул при виде индуса, заключалась в том, что этот человек возвращался в дом через дальнейшее от нас выбитое окно. Окно, расположенное ближе к главному входу, осталось целым. Когда мы спешили к дому, я заметил на земле прямо перед первым окном вмятину, которая осталась от камня, поднятого Лэшером. Почему же тогда ему нужно было бежать ко второму окну и разбивать его? Только потому, что стекло этого окна могло многое рассказать. Поэтому-то я и сделал прозрачный намек Макдоналду на устрицу и ближайшую вилку. Фундамент моей теории был полностью готов, когда я понюхал содержимое сигарной коробки полковника Ворбертона. Это были голландские сигары, дым которых имеет очень слабый запах по сравнению с другими сортами сигар.

— Теперь все это мне совершенно ясно,— сказал я.— Но, рассказывая обитателям дома о своем намерении восстановить из осколков стекла разбитого окна, мне кажется, вы рисковали тем самым вещественным

доказательством, на котором основывались все ваши выводы.

Холмс потянулся за персидской труфлей и начал набивать свою трубку черным табаком.

— Мой дорогой Уотсон, я не смог бы восстановить эти разбитые стекла до такой степени, чтобы можно было доказать существование двух небольших пулевых отверстий. Нет, это был блеф, обманный ход. Если кто-нибудь сделает попытку разбить вдребезги эти осколки окна, значит, этот человек и есть убийца полковника Ворбертона. Я намеренно раскрыл свои карты. Остальное вам известно. Наш человек пришел, вооруженный кочергой. Он проник в комнату с помощью подделанного ключа, который мы обнаружили в кармане его пальто. Я думаю, что больше добавить нечего.

— Но мотив преступления, Холмс! — воскликнул я.

— За ним далеко ходить не надо, Уотсон. Нам рассказали, что до женитьбы полковника Ворбертона Лэшер был его единственным родственником и, следовательно, можно предположить, его единственным наследником. Миссис Ворбертон, как говорила мисс Меррей, не любила этого молодого человека из-за его расточительного образа жизни. Из этого очевидно, что влияние жены полковника должно было представлять весьма ощутимую угрозу для интересов капитана Джека. В тот вечер он открыто пришел в дом и, побеседовав с мисс Меррей и майором Эрншоу, на виду у других гостей удалился в столовую выпить вина. В действительности же он просто вышел в сад через окно столовой, подошел к французскому окну комнаты-музея и сквозь стекло застрелил полковника Ворбертона и его жену.

Через несколько секунд он вернулся назад тем же путем, каким вышел, схватил графин с буфета и выбежал в холл. Он действовал тонко: вы помните, что он появился на секунду или две позже остальных. Чтобы создать полную иллюзию помешательства полковника, ему оставалось лишь уничтожить пулевые отверстия, разбив стекло, и, войдя в комнату, бросить пистолет рядом с рукой его жертвы.

— А если бы в комнате не было миссис Ворбертон и он смог бы встретиться с дядей, что тогда? — спросил я.

— Тут мы можем лишь строить догадки, Уотсон. Но тот факт, что он пришел вооруженный, заставляет предполагать самое худшее. У меня нет сомнения, что, когда Лэшер предстанет перед судом, будет установлено, что он нуждался в деньгах. Как нам достаточно хорошо известно, этот молодой человек не остановился бы ни перед чем, чтобы устранить препятствия, стоящие на пути к осуществлению его желаний.

Ну, мой дорогой друг, вам давно уже пора идти домой. Прошу передать мои извинения вашей жене за то, что я, возможно, в какой-то мере нарушил мирное течение вашей домашней жизни.

— Но ваше плечо, Холмс,— запротестовал я.— Я должен смазать его чем-нибудь, прежде чем вы ляжете на несколько часов в постель.

— Уотсон, Уотсон,— ответил мой друг,— вам следовало бы знать, что ум — хозяин тела. Я занимаюсь небольшой проблемой, связанной с раствором углекислого калия, поэтому, если вы будете настолько добры, что дадите мне ту пипетку...

РУБИН «АБАС»

«Со времени нашей поездки в Девоншир он был занят расследованием двух очень важных дел... известного скандала в Нонпарейл-клуб... и дела несчастной мадам Монпасье».

*Из повести Артура Конан Дойла
«Собака Баскервиль».*

Просматривая свои заметки, я нашел запись о том, что первая зимняя выюга в 1886 году разразилась вечером 10 ноября. В тот день с утра было пасмурно, холодно, за окнами выл резкий, пронизывающий ветер. А когда рано наступившие сумерки сгустились в непроглядную темень, уличные фонари на Бейкер-стрит осветили первый шквал мокрого снега, летевшего вдоль тускло поблескивающей пустынной мостовой.

Не более трех недель прошло с тех пор, как Шерлок Холмс и я вернулись из Дартмура, закончив расследование того выдающегося дела, подробности которого я впоследствии описал в повести «Собака Баскервиль». За это время к моему другу несколько раз обращались за консультацией, но ни одно из этих дел не привлекло Холмса, любившего случаи необычные, сложность которых вдохновляла его единственный в своем роде дар логического мышления и дедукции.

Огонь весело потрескивал в камине. Откинувшись на спинку кресла, я созерцал уютный беспорядок, царивший в нашей гостиной. За окнами бесновался

ветер, в стекла барабанил дождь. Но эти звуки только усиливали ощущение внутреннего покоя. Холмс сидел в своем кресле по другую сторону камина и лениво листал записную книжку, в которую он только что занес запись, озаглавленную «Баскервиль».

Просматривая фамилии и заметки, которыми были заполнены страницы книжки, он время от времени довольно улыбался и издавал неопределенные восклицания. Я отбросил номер «Ланцета», решив расспросить своего друга по поводу нескольких фамилий, которые были мне неизвестны, как вдруг сквозь завывания ветра послышались слабые звуки дверного колокольчика.

— К вам кто-то идет,— сказал я.

— Это, несомненно, клиент,— ответил Холмс, откладывая в сторону свою записную книжку.— И по неотложному делу,— добавил он, бросив взгляд в окно.— Такие неприветливые вечера — всегда вестники...

Его слова были прерваны топотом ног по ступенькам лестницы, дверь распахнулась, и, споткнувшись на пороге, в комнату ворвался посетитель.

Это был толстый, невысокого роста мужчина в котелке, повязанном сверху шерстяным шарфом. Он был закутан в плащ, с которого капала вода. Холмс наклонил абажур лампы так, чтобы она осветила пришельца. На какое-то мгновение посетитель застыл в неподвижности, разглядывая нас; капли воды стекали с его мокрой одежды и расплывались в темные пятна на ковре. Он мог бы показаться комичным, этот коротконогий толстяк с оплывшим лицом, обмотанным шарфом, если бы не выражение беспомощного отчаяния в карих глазах и трясущиеся руки, которыми он хватался за нелепый узел шарфа.

— Раздевайтесь и проходите к огню,— приветливо пригласил его Холмс.

— Я должен извиниться, джентльмены, за свое неожиданное вторжение,— начал посетитель.— Но боюсь, что возникли обстоятельства, которые угрожают... угрожают...

— Быстрее, Уотсон!

Но я опоздал. Наш посетитель со стоном рухнул на ковер и потерял сознание. Схватив со стола бутылку бренди, я подбежал к нему и стал вливать целительный

напиток сквозь стиснутые зубы в рот, а Холмс принялся развязывать шарф.

— Что вы можете сказать о нем, Уотсон? — спросил Холмс.

— У него сильное потрясение, — ответил я. — Судя по внешности, он преуспевающий и пользующийся уважением торговец. Когда он придет в себя, мы, несомненно, узнаем о нем подробней.

— Хм, я думаю, что мы можем позволить себе пойти несколько дальше, — задумчиво сказал мой друг. — Когда дворецкий из богатого дома опрометью мчится, невзирая на вьюгу, для того чтобы упасть без чувств на мой потертый ковер, мне хочется думать, что здесь кроется нечто более важное, нежели взлом кассы.

— Дорогой Холмс!

— Я готов держать пари на гиней, что под этим плащом ливрея. А! Разве я не говорил вам!

— Но даже теперь я не понимаю, как вы догадались об этом. И откуда вам известно, что он из богатого дома?

Холмс приподнял безвольно повисшие кисти рук посетителя.

— Вы видите, Уотсон, — подушечки обоих больших пальцев темные. Для человека, ведущего сидячий образ жизни, я знаю только одно занятие, которое приводит к появлению таких одинаковых пятен. Этот человек полирует серебро подушечками больших пальцев.

— Но ведь для этого обычно применяется замша, — запротестовал я.

— Для обычного столового серебра — да. Но очень дорогое серебро полируется пальцами. Отсюда мой вывод о богатом доме. О внезапности его поспешного ухода из дома говорит то, что он ринулся на улицу в лакированных туфлях, хотя снегопад начался около шести часов. Ну, теперь вам стало лучше, — добавил он ободряюще, увидев, что посетитель открыл глаза. — Мы с доктором Уотсоном перенесем вас в кресло, и, когда отдохнете немного, вы, несомненно, расскажете нам о ваших неприятностях.

Посетитель стиснул голову руками.

— Отдохнуть немного! — вскричал он. — Мой Бог, они, наверное, уже преследуют меня!

— Кто преследует вас?

— Полиция, сэр Джон, все они! Рубин «Абас» украден!

Толстяк уже не говорил, а почти визгливо кричал. Мой друг шагнул вперед и положил свои длинные тонкие пальцы на его запястье. Я уже рассказывал однажды о почти магнетической способности Холмса успокаивать тех, чей ум был во власти отчаяния. Так случилось и на этот раз; выражение панического страха в глазах посетителя медленно угасло.

— Ну, теперь рассказывайте,— подождав немного, предложил Холмс.

— Я Эндрю Джолиф,— начал наш посетитель более спокойно,— последние два года я служил дворецким у сэра Джона и леди Довертон на Манчестер-скуэр.

— Сэр Джон, цветовод?

— Да, сэр. Действительно, люди говорят, что для сэра Джона его цветы и особенно знаменитые красные камелии дороже рубина «Абас» и всех его других фамильных драгоценностей. Я думаю, вы знаете об этом рубине, сэр?

— Я знаю о его существовании. Но все-таки расскажите все, что знаете о нем.

— Он способен напугать человека, бросившего на него взгляд. Он как большая капля крови, внутри которой тлеет частичка дьявольского огня. За два года я видел его только раз. Сэр Джон держит его в сейфе в своей спальне, как смертельно ядовитое существо, которое не должно видеть дневной свет. Сегодня вечером я увидел его во второй раз. Это было сразу же после обеда, когда один из наших гостей, капитан Мастермэн, попросил сэра Джона показать им рубин «Абас»...

— Их имена,— скужающим голосом прервал повествование Холмс.

— Имена, сэр? Ах, вы имеете в виду гостей! Там были капитан Мастермэн, брат леди, лорд и леди Брэкминстер, госпожа Данбер, высокочтимый Уильям Рэтфорд, наш член парламента, и госпожа Фицсиммонс-Лемминг.

Холмс нацарапал какое-то слово на своей манжете.

— Продолжайте, пожалуйста,— сказал он.

— Я накрывал стол для кофе в библиотеке, когда капитан обратился к сэру Джону. Все леди начали наперебой просить показать драгоценный камень. «Я

предпочел бы показать вам красные камелии в оранжерее,— сказал сэр Джон.— Тот цветок, который приколот к платью моей жены, без сомнения, гораздо прекраснее всего, что можно найти в шкатулках для драгоценностей. Вы можете сами судить об этом».

«Тогда давайте мы сами и решим»,— улыбнулась госпожа Данбер.

Сэр Джон поднялся наверх и принес шкатулку с драгоценностями. Когда я открыл шкатулку на столе и все собрались вокруг него, леди велела мне зажечь лампы в оранжерее, так как гости вскоре должны были идти смотреть красные камелии. Но красных камелий там не было!

— Я не понял вас.

— Они исчезли, сэр! Исчезли все до одной! — хрипло выкрикнул наш посетитель.— Когда я вошел в оранжерею, то так и прирос к месту, держа лампу над головой; мне показалось, что я сошел с ума. Знаменитый куст был в полной сохранности, но от дюжины больших цветов, которыми я восхищался днем, не осталось даже лепестка.

Шерлок Холмс протянул свою длинную руку за трубкой.

— Прелестно, прелестно,— сказал он.— Эта история доставляет мне чрезвычайное удовольствие. Продолжайте, пожалуйста.

— Я побежал обратно в библиотеку, чтобы сказать об этом. Леди вскричала: «Этого не может быть! Я сама видела цветы, когда срывала перед обедом один из них для себя». «Но дворецкий же был там!» — возразил сэр Джон и, сунув шкатулку с драгоценностями в ящик стола, кинулся в оранжерею, а за ним и все остальные. Камелии действительно исчезли.

— Подождите,— прервал рассказ Холмс.— Когда их видели в последний раз?

— Я видел их в четыре часа, а так как леди сорвала одну из них перед самым обедом, то, значит, они были еще на кусте около восьми часов вечера. Но не в цветках дело, мистер Холмс. Дело в рубине!

— А!

Наш посетитель подался вперед в своем кресле.

— Библиотека оставалась пустой всего несколько минут! — Он перешел на шепот.— Но когда сэр Джон, почти потерявший рассудок из-за таинственного ис-

чезновения своих цветов, возвратился и открыл ящик стола, оказалось, что рубин «Абас» вместе со шкатулкой исчез так же бесследно, как и камелии.

Несколько мгновений мы сидели в молчании, которое нарушалось только потрескиванием угольков в камине.

— Джолиф...— размышлял вслух Холмс.— Эндрю Джолиф. Каттертонское похищение бриллиантов. Не так ли?

Толстяк зарылся лицом в ладони.

— Я рад, что вы знаете об этом, сэр,— пробормотал он наконец.— Но, видит Бог, я был честен с тех пор, как вышел на свободу три года назад. Капитан Мастермэн был очень добр ко мне и устроил меня на работу к своему зятю. За все это время я ни разу не подвел его. Я доволен своим жалованьем и надеялся, что со временем смогу накопить достаточно денег, чтобы купить табачную лавочку.

— Продолжайте.

— Так вот, я послал конюшенного мальчика за полицией и задержался в вестибюле. Вдруг я услышал из-за приоткрытой двери библиотеки голос капитана Мастермэна. «Черт побери, Джон, я хотел помочь этому неудачнику,— сказал он.— Но теперь я клянусь себя за то, что не рассказал вам о его прошлом. Он, наверное, проскользнул сюда в то время, когда все были в оранжерее, и...» Я не стал медлить, сэр, и, сказав Роджеру, швейцару, что, если кому-нибудь понадобится, пусть ищут меня у мистера Шерлока Холмса, кинулся сюда. Я много слышал о вас и верил, что вы не посчитаете зазорным спасти от неправого суда того, кто уже заплатил свои долги обществу. Вы моя единственная надежда, сэр, и... Боже мой, я так и знал!

Дверь стремительно распахнулась, и в комнату шагнул высокий блондин, закутанный по уши в заснеженный плащ.

— А, Грегсон, мы вас ждали!

— Не сомневаюсь, мистер Холмс,— сухо ответил инспектор Грегсон.— Этот человек наш, и мы, надо думать, найдем с ним общий язык.

Наш несчастный клиент вскочил с кресла.

— Но я невиновен! Я даже не прикасался к рубину! — простонал он.

Агент Скотленд-Ярда хмуро улыбнулся и, вынув из кармана плоский ящичек, сунул его под нос арестованному.

— Боже, спаси нас! Эта та самая шкатулка для драгоценностей! — задыхаясь, прошептал Джолиф.

— Стало быть, вы опознали ее. Где же, по-вашему, ее нашли? Она была найдена там, куда вы положили ее, — под вашим матрацем.

Лицо Джолифа стало пепельно-серым.

— Но я не прикасался к ней, — повторял он монотонно.

— Подождите, Грегсон, — вмешался Шерлок Холмс. — Насколько я понимаю, рубин «Абас» у вас?

— Нет, — ответил инспектор, — шкатулка была пуста. Но рубин не мог деться куда-нибудь далеко, и сэр Джон предлагает награду в пять тысяч фунтов стерлингов.

— Можно мне осмотреть шкатулку? Благодарю вас. Ну и ну, какое жалкое зрелище! Замок цел, а петли сломаны. Бархат телесного цвета. Но, конечно...

Выхватив свою лупу, Холмс придвинул шкатулку поближе к настольной лампе и тщательно ее исследовал.

— Очень интересно, — произнес он наконец. — Кстати, Джолиф, рубин был вделан в оправу?

— Он был вставлен в цепочку резного золотого медальона. Мистер Холмс, пожалуйста...

— Можете быть спокойны, я сделаю для вас все, что смогу. Итак, Грегсон, мы больше не будем вас задерживать.

Детектив защелкнул наручники на руках нашего несчастного посетителя, и через мгновение дверь закрылась за ними.

Некоторое время Холмс задумчиво курил. Он пододвинул кресло к камину и, подперев подбородок ладонями, опустив локти на колени, смотрел в глубоком раздумье на огонь. Красные отсветы пламени озаряли его острые, тонкие черты.

— Вы когда-нибудь слышали о Нонпарейл-клуб, Уотсон? — спросил он внезапно.

— Мне незнакомо это название, — признался я.

— Это наиболее замкнутый игорный клуб Лондона, — продолжал он, — секретный список его членов выглядит, как «Дебрэ» с примесью «Готского альма-

наха» *. Когда-то мне довелось просматривать этот список.

— Святой Боже, Холмс, для чего это вам понадобилось?

— Богатству сопутствует преступление, Уотсон. Это тот нерушимый закон, который определял испорченность людей во все времена.

— Но какое отношение имеет этот клуб к рубину «Абас»? — спросил я.

— Вероятно, никакого. А может быть, самое непосредственное. Будьте добры, передайте мне том «Биографического указателя» на букву «М» с полки над подставкой для трубок. Боже мой, поистине примечательно, до чего же много известных фамилий умещается в одной букве алфавита! Вы нашли бы, что проштудировать этот список очень полезно, Уотсон. А вот и тот, я думаю, кто нам нужен... Маппинс... Мерстон, отравитель... Мастермэн. Капитан Брюс Мастермэн, родился в 1856 году, получил образование... Ха! Был заподозрен в причастности к подделке завещания, секретарь Нонпарейл-клуба, член... все совершенно верно.— Мой друг бросил книгу на кушетку.— Ну, Уотсон, есть ли у вас желание совершить ночную прогулку?

— Разумеется, Холмс. Но куда?

— Это будет зависеть от обстоятельств.

Ветер утих. Когда мы вышли на заснеженную тихую улицу, вдаль, на башне Большого Бена, пробило десять. Мы были одеты достаточно тепло, но холод был настолько пронизывающий, что быстрая ходьба до Мэрилебон-Род в поисках кеба была для меня очень кстати.

— Неплохо было бы заехать на Манчестер-скуэр,— заметил Холмс, когда мы уселись в киб и, укрывшись полостью, понеслись по заснеженным улицам. Вскоре мы остановились перед портиком внушительного дома времен короля Георга. Указывая на землю, Холмс сказал: — Гости уже ушли. Видите, колеса оставили следы уже после окончания снегопада.

Швейцар взял наши визитные карточки, и через несколько секунд нас провели через вестибюль в ве-

---

* «Готский альманах» — дипломатический ежегодник, издававшийся в Готе с 1763 года. В нем публиковались генеалогические сведения о высшей аристократии Европы. «Дебрэ» — книга английских пэров.— *Прим. пер.*

диколепную библиотеку. У камина спиной к огню стоял высокий худой седеющий человек с чрезвычайно грустным лицом. Полулежавшая в шезлонге женщина встала, когда мы вошли, и повернулась к нам.

Один крупный художник нашего времени увековечил леди Довертон, но я осмелюсь сказать, что ни один портрет не сможет в полной мере воздать должное той высокомерной и прекрасной женщине, которую мы увидели. Она была в белом атласном платье, алый цветок горел на корсаже. Золотые отблески свеч сияли на ее бледном лице, словно высеченном из мрамора гениальным скульптором, искрились в бриллиантах, которые украшали ее роскошные каштановые волосы.

Ее собеседник нетерпеливо шагнул нам навстречу.

— Мистер Холмс, я очень благодарен вам! — воскликнул он. — То, что вы, невзирая на непогоду, поспешили прийти, чтобы начать поиски преступника, убедительно говорит о вашей отзывчивости, сэр. Очень убедительно.

Холмс поклонился.

— Рубин «Абас» — знаменитая драгоценность, сэр Джон.

— Ах, рубин. Да, да, конечно, — ответил сэр Джон Довертон. — Очень жаль. К счастью, есть еще бутоны. Ваши познания в цветоводстве подскажут вам...

Жена прервала сэра Джона, прикоснувшись пальцами к его руке.

— Дело уже передано в руки полиции, — сказала она надменно, — и я не понимаю, чем мы обязаны визиту мистера Шерлока Холмса.

— Я отниму у вас совсем немного времени, леди Довертон, — ответил мой друг. — Мне будет вполне достаточно заглянуть на несколько минут в вашу оранжерею.

— С какой целью, сэр? Какая связь может быть между оранжереей моего мужа и пропавшим драгоценным камнем?

— Именно это я и хочу выяснить.

Леди Довертон холодно улыбнулась.

— А тем временем полиция уже арестует вора.

— Думаю, что нет.

— Вздор! Человек, который сбежал от нас, ранее уже обвинялся в похищении драгоценностей. Все достаточно ясно.

— Пожалуй, слишком ясно, мадам. Разве вам не показалось странным то, что бывший заключенный, знающий, что его прошлое известно вашему брату, крадет знаменитый драгоценный камень у своего хозяина, а затем уличает себя, спрятав шкатулку под своим матрацем, где ее непременно найдет даже Скотленд-Ярд?

Леди Довертон поднесла руку к груди.

— Я не думала об этом,— сказала она.

— Естественно,— согласился Холмс.— Но, Боже мой, до чего же красив этот цветок! Наверное, это та самая красная камелия, которую вы сорвали днем?

— Вечером, как раз перед обедом.

— *Spes ultima gentis!**— мрачно изрек сэр Джон.— По крайней мере, до следующего цветения.

— Совершенно верно. Мне было бы очень интересно посмотреть вашу оранжерею.

Мы прошли вслед за нашим провожатым по небольшому коридору, который вел от библиотеки к стеклянной двери оранжереи. Пока знаменитый садовод и я ждали у входа, Холмс медленно углубился в темный душный полумрак оранжереи. Зажженная свеча, которую он нес в руке, то исчезала из виду, то появлялась, словно гигантский светлячок, среди странных очертаний кактусов и кустов редких тропических растений. Приблизив свечу к кусту камелий, он некоторое время разглядывал его через лупу.

— Несчастные жертвы злодейского ножа,— проstonал сэр Джон.

— Нет, они были срезаны маленькими изогнутыми ножницами для ногтей,— заметил Холмс.— Вы можете сами увидеть, что на стебельках нет тех заусенцев, которые обычно получаются, если срезать их ножом. Кроме того, небольшой разрез на листке показывает, что кончики ножниц выходили за стебелек цветка. Так. Я думаю, что здесь больше выяснять нечего.

Когда мы возвращались, Холмс остановился около маленького окна в коридоре. Открыв задвижку и чиркнув спичкой, он перегнулся через подоконник.

— Под этим окном проходит дорожка, которой пользуется прислуга,— пояснил сэр Джон.

Я наклонился через плечо моего друга. Внизу от

---

* Последняя надежда рода! (лат.).

стены дома до края узкой тропинки сугробом лежал нетронутый снег. Холмс ничего не сказал, но, когда он выпрямился, я заметил на его лице удивление, почти досаду.

Леди Довертон ждала нас в библиотеке.

— Боюсь, что ваша слава преувеличена, мистер Холмс,— сказала она, и насмешка промелькнула в ее прелестных голубых глазах.— Я думала, что вы вернетесь со всеми пропавшими цветами и, может быть, даже с самым рубином «Абас».

— Во всяком случае, я надеюсь вернуть вам последнее, мадам,— сказал Холмс холодно.

— Опасная похвальба, мистер Холмс.

— Вряд ли кто-нибудь скажет вам, что мне свойственна хвастливость. А теперь, так как мы с доктором Уотсоном уже немного опаздываем в Нонпарейл-клуб... Бог мой, леди Довертон, боюсь, что вы сломали свой веер! Мне остается только принести извинения по поводу нашего вторжения и пожелать доброй ночи.

Мы уже доехали до Оксфорд-стрит, как вдруг Холмс, сидевший в полном молчании, с головой, опущенной на грудь, вскочил, распахнул дверцу и крикнул что-то нашему кебмену.

— Какой я глупец! — воскликнул он, хлопнув себя по лбу, когда наш кеб повернул обратно.— Это какое-то помрачение ума!

— В чем дело?

— Уотсон, если когда-нибудь у меня появятся признаки самодовольства, шепните мне, пожалуйста, на ухо слово «камелии».

Через несколько минут мы снова оказались перед портиком особняка сэра Джона Довертона.

— Не стоит беспокоить обитателей дома,— вполголоса произнес Холмс.— Насколько я понимаю, эта калитка ведет к входу для прислуги.

Мой друг быстрым шагом двинулся по дорожке вдоль стены дома, пока мы не оказались под окном, которое, как я сообразил, выходило из уже известного нам коридора. Опустившись на колени, Холмс начал осторожно разгребать снег голыми руками. Немного спустя он выпрямился, и я увидел, что он расчистил от снега большую площадку.

— Давайте рискнем зажечь спичку, Уотсон,— с коротким смешком предложил он.

Я чиркнул спичкой: на черной земле, очищенной Холмсом от снега, лежали маленькой кучкой красновато-бурые замерзшие цветы.

— Камелии! — вырвалось у меня. — Дорогой мой, что это значит?

Лицо моего друга, когда он поднялся, было суровым.

— Преступление, Уотсон, — сказал он. — Умное, тщательно рассчитанное преступление.

Он поднял безжизненный цветок и некоторое время молча разглядывал на ладони темные, поблекшие лепестки.

— Эндрию Джолифу повезло, что он успел прийти на Бейкер-стрит прежде, чем его настиг Грегсон, — промолвил он задумчиво.

— Разбудить дом? — спросил я.

— Вы всегда были человеком действия, Уотсон, — ответил Холмс, сухо усмехнувшись. — Нет, мой дорогой, я думаю, что нам лучше вернуться без шума к нашему кебу и отправиться на Сент-Джеймс-стрит.

За событиями этого вечера я потерял всякое представление о времени. Когда мы, проехав от Пикадилли до Сент-Джеймс-стрит, остановились у дверей элегантного, ярко освещенного дома, я с изумлением увидел, что часы на Палас-Ярд показывают уже без малого полночь.

— Жизнь в Нонпарейл-клуб начинается тогда, когда его соседи по Клубленду* уже засыпают, — молвил Холмс, потянув ручку дверного колокольчика. Он черкнул несколько слов на визитной карточке и протянул ее лакею, открывшему дверь.

Когда мы в сопровождении лакея поднимались по мраморной лестнице наверх, я мельком увидел величественные, роскошно отделанные залы, где небольшие группы людей в вечерних костюмах сидели, погружившись в чтение газет, или толпились вокруг карточных столиков из розового дерева.

Наш провожатый постучал в какую-то дверь. Мы оказались в пропахшей сигарным дымом небольшой уютной комнате, увешанной игривыми гравюрами. Высокий военный с коротко подстриженными усами и густыми каштановыми волосами, лениво развалив-

---

* Клубленд — название части Лондона, где сосредоточены главные аристократические клубы. — *Прим. пер.*

шийся в кресле перед камином, даже не пошевелился, когда мы вошли. Повертев карточку Холмса, он холодно посмотрел на нас голубыми глазами, которые живо напомнили мне глаза леди Довертон.

— Вы выбираете очень странное время для визита, джентльмены,— сказал он с оттенком враждебности в голосе.— Сейчас чертовски поздно.

— И становится еще позднее,— заметил мой друг.— Нет, капитан Мастермэн, стул не нужен. Я предпочитаю стоять.

— Что ж, стойте. Что вам нужно?

— Рубин «Абас»,— спокойно промолвил Шерлок Холмс.

Я вздрогнул и стиснул свою трость. Несколько мгновений Мастермэн в молчании пристально смотрел на Холмса из глубины кресла, а затем, закинув голову, расхохотался.

— Дорогой сэр, вы должны извинить меня!— вскричал он наконец с искаженным от смеха лицом.— Но вы требуете слишком многого. Среди членов Нон-парейл-клуб не бывает лакеев, сбежавших от суда. Вам следует искать Джолифа в другом месте.

— Я уже разговаривал с ним.

— Ах, вот как!— насмешливо улыбнулся Мастермэн.— Значит, вы представляете интересы дворянского?

— Нет, я представляю интересы правосудия,— сурово ответил Холмс.

— Бог мой, до чего торжественно сказано! Ваше счастье, мистер Холмс, что у меня нет свидетелей. Вы позволили себе высказать такие утверждения, что вам пришлось бы плохо в суде. Должен сказать, что клевета обходится в кругленькую сумму— пять тысяч гиней. Выход в дверь— сзади вас.

Холмс неторопливо пересек комнату и, вынув из кармана часы, сверил их с часами, которые стояли на камине.

— Сейчас пять минут первого,— произнес он.— Для того чтобы доставить рубин ко мне на Бейкер-стрит, в вашем распоряжении время до 9 часов утра.

Мастермэн вскочил с кресла.

— Слушайте, черт вас возьми!..— зарычал он.

— Так мы не договоримся, капитан Мастермэн,— прервал его Холмс.— Чтобы вы поняли, что мое тре-

бование не блеф, я в назидание вам бегло перечислю несколько обстоятельств дела. Вы знали прошлое Джолифа и устроили его на работу к сэру Джону, имея в виду, что это пригодится вам в будущем.

— Докажите, черт вас возьми! Что вы суετε нос в чужие дела?

— Позже вам понадобятся деньги,— продолжал невозмутимо Холмс,— много денег, если судить по стоимости рубина «Абас». Я не сомневаюсь, что, ознакомившись с вашими карточными долгами, мы смогли бы назвать эту сумму. Тогда вы изобрели — я с сожалением должен добавить, с помощью вашей сестры,— план, хитро задуманный и беспощадно исполненный.

От леди Довертон вы получили точное и подробное описание шкатулки, в которой хранился драгоценный камень, и заказали ее копию. Трудность заключалась в том, что вы не знали, когда сэр Джон достанет рубин из сейфа: он делал это очень редко. Известие о предстоящем званом обеде, на который вы были приглашены в числе других гостей, навело вас на очень простое решение. Полагаясь на то, что все дамы искренне вас поддержат, вы решили попросить своего зятя показать драгоценность. Но как сделать так, чтобы сэр Джон и все остальные ушли из комнаты, оставив рубин? Вот здесь-то, мне думается, и обнаруживаются почти неуловимые следы участия женского ума в выработке плана. Не было способа более надежного, нежели использовать гордость сэра Джона — его знаменитые красные камелии. И этот способ подействовал именно так, как вы предвидели.

Когда Джолиф вернулся с известием, что цветы оборваны, сэр Джон тут же сунул шкатулку куда попало и вместе с гостями кинулся в оранжерею. Вы проскользнули обратно и положили шкатулку в карман. А когда похищение было обнаружено, то вы сообщили сэру Джону сущую правду о том, что негодяй дворецкий в прошлом имел судимость за кражу драгоценностей.

И все-таки, хоть план был умно задуман и смело осуществлен, вы допустили две существенные ошибки.

Первая состояла в том, что копия шкатулки, кстати, довольно неумело взломанная, которую вы, вероятно, за несколько часов до обеда подсунули под матрац кровати Джолифа, была отделана светлым барха-

том. Осмотр через лупу показал, что на этой нежной поверхности не было ни малейшего следа потертости, которую обычно оставляет вделанный в цепочку драгоценный камень.

Вторая ошибка была роковой. Ваша сестра сказала, что сорвала цветок для своего наряда перед самым обедом. Если бы это действительно было так, то в восемь часов цветы должны были быть в целости. Я задал себе вопрос, что бы я сделал, если бы захотел отделаться как можно быстрее от дюжины цветов. Ответ прост: выкинул бы их в ближайшее окно, в данном случае в окно коридора, ведущего из оранжереи.

Но на глубоком снегу под окном не было видно никаких следов. Должен вам признаться, вначале это несколько озадачило меня. Но затем — доктор Уотсон может это подтвердить — я понял, что задача решается очень просто. Я вернулся, расчистил снег под окном и нашел останки пропавших камелий, лежавшие на мерзлой земле. Цветы не могли утонуть в снегу — они слишком легки. Значит, они были выброшены до снегопада, начавшегося в шесть часов. Следовательно, рассказ леди Довертон — вымысел, и в этих увядших цветах кроется решение всей загадки.

Во время рассказа моего друга я наблюдал, как краска гнева на лице Мастермэна постепенно сменялась отталкивающей бледностью. Когда Холмс смолк, капитан, зловеще поблескивая глазами, стремительно кинулся в угол комнаты к столу.

— Не советую, — сказал Холмс любезно.

Мастермэн помолчал, не отнимая руки от ящика стола.

— Что вы собираетесь делать? — проскрежетал он.

— В случае, если рубин «Абас» будет доставлен ко мне до девяти часов, я не стану предавать дело огласке и по моей просьбе сэр Джон, несомненно, будет держаться от дальнейшего расследования. Я берегу имя его жены. В ином случае вы почувствовали бы всю тяжесть моей руки, капитан Мастермэн. Вы соврали сестру, вы составили грязный заговор с целью поймать в ловушку невинного человека. Когда я сопоставляю все это, я затрудняюсь вспомнить более гнусное преступление.

— А скандал, черт вас возьми? — вскричал Мастермэн. — Скандал в Нонпарейл-клуб! Я по уши

в карточных долгах, и если я отдам вам этот рубин...

Он помолчал и украдкой бросил на нас быстрый взгляд.

— Послушайте, Холмс, что вы скажете о предложении сыграть?..

Мой друг направился к двери.

— В вашем распоряжении время до девяти часов, — сказал он холодно. — Пойдемте, Уотсон.

Снова начал падать снег, когда мы на Сент-Джеймс-стрит ждали, пока привратник вызовет кеб.

— Дорогой мой, боюсь, что вы очень устали, — заметил Холмс.

— Наоборот, в вашем обществе я всегда чувствую себя бодрым, — ответил я.

— Ну, вы вполне заслужили несколько часов отдыха. Наши сегодняшние приключения окончены.

Но мой друг несколько поспешил. Когда запоздалый кеб доставил нас на Бейкер-стрит и я уже открывал входную дверь своим ключом, наше внимание привлек свет фонарей кареты, которая быстро приближалась со стороны Мэрилебон-Род. Закрытый четырехколесный экипаж остановился неподалеку, и через мгновение закутанная женская фигура торопливо направилась к нам. Лицо женщины скрывала гуастая вуаль, но было что-то смутно знакомое в ее высокой изящной фигуре и царственной посадке головы, когда она остановилась перед нами на заснеженной мостовой.

— Я хочу поговорить с вами, мистер Холмс, — сказала она повелительно.

Мой друг поднял брови.

— Уотсон, может быть, вы пройдете вперед и зажжете свет, — сказал он спокойно.

За многие годы, на протяжении которых я был связан с делами моего друга, я повидал немало красивых женщин, переступавших порог нашей квартиры. Но я не помню более красивой, чем женщина, которая в ту ночь вошла, прошелестев юбками, в нашу скромную гостиную.

Она откинула вуаль, и газовый рожок осветил бледным сиянием совершенную красоту ее лица и блестящие, опущенные длинными ресницами голубые глаза, которые смело встретили строгий, непреклонный взгляд Холмса.

— Я не ожидал столь позднего визита, леди Довертон,— промолвил он сурово.

— Я думала, что вы всезнающий человек, мистер Холмс,— ответила она с легкой насмешкой в голосе.— Но вы, пожалуй, совсем не знаете женщин.

— Я не понимаю...

— Значит, я должна напомнить вам о вашей похвальбе? Утрата рубина «Абас» — это несчастье, и я не могла унять свое беспокойство, не узнав, выполнили ли вы свое обещание. Ну, сэр, признайтесь, что вы потерпели неудачу?

— Наоборот, я добился успеха.

Наша гостья встала со стула, ее глаза блеснули.

— Это плохая шутка, мистер Холмс,— сказала она надменно.

Я уже упоминал где-то, что, хотя Холмс питал глубокое недоверие к противоположному полу, ему было свойственно рыцарское отношение к женщинам. Но сейчас, когда он смотрел на леди Довертон, его лицо словно окаменело, на нем застыло выражение угрозы. Я впервые видел его таким в присутствии женщины.

— Вы несколько запоздали с никому не нужным притворством, мадам,— сказал он.— Я посетил Нонпарейл-клуб и взял на себя труд объяснить вашему брату способ, с помощью которого он приобрел рубин «Абас», и ту роль, которую вы...

— Боже мой!

— ...которую вы, я говорю, сыграли в этом деле. Я надеюсь, что вы не захотите разрушить мое заблуждение, которое состоит в том, что вы сыграли эту роль не по своей воле.

Какое-то мгновение надменная леди молчала, вглядываясь в Холмса, затем со сдавленным стоном упала на колени, схватившись руками за его пальто. Холмс нагнулся и поспешно поднял ее.

— Становитесь на колени перед вашим мужем, леди Довертон, а не передо мной,— спокойно произнес он.— Воистину, вам предстоит ответить за многое.

— Я клянусь вам...

— Тише! Я знаю все. И не пророню ни слова.

— Вы не скажете ему? — задыхаясь, спросила она.

— Я не вижу в этом пользы. Завтра утром Джолиф, безусловно, будет освобожден, и дело о рубине «Абас» будет закончено.

— Бог вознаградит вас за ваше милосердие,— сказала леди тихим, прерывающимся голосом.— Я сделаю все, чтобы искупить свою вину. Но мой несчастный брат — его проигрыш в карты...

— Ах да, капитан Мастермэн... Я не думаю, леди Довертон, чтобы у вас были причины слишком беспокоиться об этом джентльмене. Банкротство капитана и скандал, который разразится в связи с этим в Нонпарейл-клуб, может быть, заставят его выбрать более честный путь, нежели тот, по которому он шел до сих пор. В самом деле, когда скандал немного забудется, можно будет уговорить сэра Джона, чтобы он устроил капитана на службу в колониальные войска. Судя по тому, что я знаю о предприимчивости и манере поведения этого молодого человека, я не сомневаюсь, что он очень подойдет для службы на северо-западной границе Индии.

Очевидно, события этого вечера утомили меня больше, чем я думал. Я проспал почти до 10 часов. Когда я вошел в гостиную, оказалось, что Холмс уже позавтракал. Он сидел в своем старом красном халате перед камином, откинувшись на спинку кресла и протянув ноги к огню. Воздух в гостиной прогорк от дыма трубки, которую он обычно выкуривал после завтрака, набивая ее остатками табака из трубок, не докуренных накануне. Позвонив миссис Хадсон, я попросил кофе и яичницу с ветчиной.

— Я рад, что вы появились вовремя, Уотсон,— сказал он, весело взглянув на меня из-под опущенных ресниц.

— Умение миссис Хадсон готовить завтрак в любое время — не последнее из ее достоинств,— ответил я.

— Вы правы. Но я говорю не о вашем завтраке. Я жду сэра Джона.

— В таком случае, Холмс, поскольку это дело деликатное, пожалуй, будет лучше, если я оставлю вас наедине.

Холмс знаком усадил меня обратно.

— Мой дорогой, я буду рад вашему присутствию. А вот, я думаю, и наш посетитель, на несколько минут раньше условленного срока.

В дверь постучали, и знаменитый цветовод вошел в комнату.

— У вас есть для меня новости, мистер Холмс? —

воскликнул он нетерпеливо.— Скажите, сэр, скажите! Я весь внимание.

— Да, у меня есть новости для вас,— ответил Холмс с легкой улыбкой.

Сэр Джон устремился к нему.

— Значит, камелии...— начал он.

— Не надо волноваться. Было бы лучше, если бы мы забыли о тех красных камелиях. Я заметил на кусте массу прекрасных бутонов.

— Слава Богу, вы правы,— сказал наш посетитель благоговейно.— И я рад видеть, мистер Холмс, что вы цените редкостные дары природы выше, нежели сокровища, созданные руками человека. И все-таки утрата рубина «Абас» ужасна. Есть ли у вас надежда вернуть драгоценность?

— Конечно. Но прежде чем продолжать обсуждение этого дела, я попрошу вас выпить вместе со мной бокал портвейна.

Сэр Джон удивленно поднял брови.

— В такой ранний час, мистер Холмс? — воскликнул он.— Право, сэр, я не думал...

— Ну,— улыбнулся Холмс, наполнив три бокала на буфетном столике и протягивая один из них нашему гостю.— Утро сегодня холодное, и я от души рекомендую вам это редкостное вино.

С легкой гримасой неодобрения сэр Джон поднес бокал к губам. Через мгновение тишину внезапно нарушил возглас удивления. Наш гость, белый как платок, который он поднес к губам, широко открытыми глазами смотрел то на Холмса, то на пылающий огнем кристалл, который выпал из его рта на платок.

— Рубин «Абас»,— растерянно прошептал он.

Холмс искренне рассмеялся и, сложив руки, поднес их к груди.

— Вы должны простить меня! — воскликнул он.— Доктор Уотсон подтвердит вам, что я никогда не могу удержаться от этих театральных эффектов. Наверное, сказывается тот факт, что в моих жилах течет вернейская кровь.

Ошеломленный сэр Джон не в силах был оторвать взгляд от драгоценного камня, который мерцал, как раскаленный уголек, на фоне белоснежного платка.

— Боже мой! Я едва верю своим глазам,— сказал он дрожащим голосом.— Как вам удалось вернуть его?

— А тут я должен просить вас о снисхождении, так как скажу лишь, что ваш дворецкий Джолиф, столь тяжело пострадавший, освобожден из-под стражи сегодня утром и что драгоценный камень возвращен своему законному владельцу,— ответил Холмс мягко.— Вот медальон и цепочка, с которой я позволил себе снять рубин, чтобы сыграть с вами маленькую шутку, положив драгоценный камень в ваш бокал портвейна. Прошу вас не продолжать расследование этого дела.

— Будет так, как вы хотите, мистер Холмс,— сказал сэр Джон горячо.— Право, у меня есть основания всецело полагаться на вас. Как мне выразить...

— Сэр, я далеко не богатый человек и предостажлю вам решить, заслуживаю ли я вашего вознаграждения в пять тысяч фунтов.

— Во много раз больше! — воскликнул сэр Джон, вынимая из кармана чековую книжку.— Кроме того, я пришлю вам черенок от моих красных камелий.

Холмс степенно поклонился.

— Я передам его на особое попечение доктору Уотсону,— сказал он.— Кстати, сэр Джон. Я бы хотел, чтобы вы выписали два отдельных чека. Один — на две с половиной тысячи фунтов стерлингов для Шерлока Холмса, а другой на ту же сумму — для Эндрю Джолифа. После всего того, что произошло, не исключено, что в один прекрасный день вы придете к выводу, что у вашего бывшего дворецкого немножко пошаливают нервы. А этой суммы ему будет достаточно, чтобы осуществить заветную мечту — открыть свою табачную лавку. Благодарю вас, мой дорогой сэр. А теперь, я думаю, мы можем один раз изменить нашим утренним привычкам и, выпив по бокалу вина, скромно отметить успешное завершение дела об исчезновении рубина «Абас».

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

В своей записной книжке я нашел заметку, что в конце сентября 1886 года я выезжал в Дартмур с сэром Генри Баскервилем. Незадолго до этого мое внимание было привлечено очень интересным делом, названным в моих записях «Делом о шантаже». Оно угрожало запятнать репутацию одной из самых уважаемых фамилий Англии.

Даже сейчас, спустя много времени, Шерлок Холмс настаивает, чтобы я сделал все от меня зависящее к сохранению в тайне имен действующих лиц этого повествования. Само собой разумеется, я выполняю это желание моего друга. В процессе расследований нам с Холмсом волей-неволей приходилось узнавать чужие тайны, разоблачение которых могло бы привести к большим неприятностям. И я считаю делом чести не допускать, чтобы какое-нибудь мое неосторожное слово принесло вред любому из тех наших клиентов — из высших слоев населения или из простых людей, — которые излили свои горести в нашей скромной квартирке на Бейкер-стрит.

Я припоминаю, что впервые услышал об этом деле в конце сентября. Был серый холодный день, в воздухе носился легкий туман, и я возвращался домой пешком после посещения пациента на Ситон-Плэйс. Внезапно мне послышалось, что за мной кто-то крадется. Меня догнал мальчишка, состоявший в «Иррегулярном отряде Бейкер-стрит», как Холмс называл группу грязных и чумазных мальчишек, услугами которых он пользовался в затруднительных случаях. Они были его глазами и ушами в лондонских трущобах.

— Хэлло, Билли! — сказал я.

Мальчишка не подал виду, что узнал меня.

— Нет ли у вас спички, хозяин? — спросил он, показывая окурочек.

Я дал ему коробок со спичками. Возвращая его, он на мгновение взглянул мне в лицо.

— Доктор, скажите мистеру Холмсу, чтобы он остерегался лакея Бойса, — быстро прошептал он и исчез.

Я был доволен, что мне придется передать Холмсу загадочное сообщение. Дело в том, что для меня было ясно: мой друг занят исследованием какого-то дела. Уже несколько дней его настроение менялось: то он был охвачен энергией, то погружался в глубокие размышления и при этом много курил. Но, вопреки обыкновению, он не считал нужным поделиться со мною своими заботами. Теперь мне представлялась возможность включиться в это дело независимо от желания Холмса. Должен признаться, это обстоятельство доставляло мне немалое удовольствие.

Войдя в нашу гостиную, я увидел Холмса. Еще не сменивший своего красного халата, он полулежал в кресле перед камином, его серые глаза с набухшими веками были задумчивы, он глядел в потолок сквозь облако табачного дыма. В длинной тонкой руке он держал какое-то письмо. Конверт с отпечатанной на нем короной (я это тут же заметил) лежал на полу.

— А, это вы, Уотсон! — сказал он с раздражением. — Вы вернулись раньше, чем я предполагал.

— Может быть, как раз это и поможет вам, — сказал я, немного обиженный его тоном. И я тут же передал ему слова Билли. Холмс поднял брови.

— Любопытно! — сказал он. — Но при чем тут лакей Бойс?

— Поскольку я совершенно не в курсе ваших дел, я затрудняюсь ответить на этот вопрос, — заметил я.

— Клянусь честью, Уотсон, это довольно ясный намек! — воскликнул Холмс с усмешкой. — Знайте, если я еще не открыл вам, чем я сейчас занимаюсь, то не потому, что не доверяю вам. Дело это очень тонкое, и я считал необходимым тщательно продумать его, прежде чем просить вашей дружеской помощи.

— Вам незачем оправдываться.

— Я в тупике, Уотсон. Может быть, как раз сейчас нужны энергичные активные действия, а не глу-

бокомысленные размышления.— Он умолк и, вскочив с кресла, подошел к окну.— Мне пришлось столкнуться с одним из самых серьезных случаев шантажа за всю мою жизнь! — воскликнул он.— Я надеюсь, вам известно имя герцога Каррингфорда?

— Вы говорите о покойном заместителе министра иностранных дел?

— Точно.

— Но ведь он умер три года тому назад,— заметил я.

— К вашему удивлению, я слышал об этом,— раздраженно сказал Холмс.— Но вернемся к делу. Несколько дней тому назад я получил письмо от герцогини, его вдовы. Письмо было написано в таких серьезных тонах, что я не замедлил выполнить ее просьбу и побывал у нее на Портленд-Плейс. Герцогиня обладает высоким интеллектом и, как сказали бы вы, красива. Сейчас она ошеломлена страшным ударом, обрушившимся на нее буквально накануне, ударом, угрожающим ей гибелью и в финансовом отношении, и в глазах всего общества. Удар обрушился не только на нее, но и на ее дочь. И весь ужас заключается в том, что несчастье произошло совсем не по ее вине.

— Одну минутку! — прервал я Холмса, беря с кушетки газету.— В сегодняшнем «Телеграфе» упоминается о помолвке ее дочери леди Мери Глэдсдэйл с сэром Джеймсом Фортеском, членом совета министров.

— Совершенно верно. И как раз здесь нужно ждать хорошо рассчитанного удара дамоклова меча.

Холмс вытащил из кармана своего халата два листа бумаги, скрепленных вместе, и перебросил их мне.

— Ваше мнение, Уотсон? — спросил он.

— Одна бумага — копия свидетельства о браке между Генри Горвином Глэдсдэйлом, холостяком, и Франсуазой Пеллетан, девицей. Документ помечен 12 июня 1848 года и составлен в Валансе во Франции,— заметил я, просмотрев документы.— Другая бумага, очевидно, запись того же брака в церковной регистрации. Кто этот Генри Глэдсдэйл?

— Глэдсдэйл получил в 1854 году после смерти его дяди титул герцога Каррингфорда,— мрачно сказал Холмс.— А пять лет спустя женился на леди Констанции Эллингтон, ныне герцогине Каррингфорда.

— Значит, он овдовел?

К моему удивлению, Холмс яростно стукнул кулаком по столу.

— Тут-то и заключается вся чертовщина! — воскликнул он. — Мы не имеем сведений о смерти его первой жены. Герцогине только теперь сообщили о тайном браке ее мужа в молодости во время его пребывания на континенте. Ее информировали, что первая жена жива и готова предъявить свои права, если это будет необходимо. Покойный герцог оказался двоеженцем, и его вдова не имеет никаких прав ни на его имущество, ни на титул, а дочь оказывается незаконнорожденной...

— Как! Это после тридцати восьми лет брака! Это чудовищно, Холмс!

— Добавьте к этому, Уотсон, что неведение герцогини не является доказательством ее невиновности как перед лицом закона, так и в глазах общества. Что касается продолжительности молчания первой жены, то это объясняют тем, что она, после внезапного исчезновения мужа, не представляла себе, что Генри Глэдсдэйл и герцог Каррингфорд — одно и то же лицо. И все же мне кажется, что, занимаясь этим делом, я столкнусь с чем-то еще более зловещим.

— Мне бросилось в глаза, — сказал я, — что, говоря о первой жене, которая сможет предъявить свои права, вы упомянули «если окажется необходимым». Значит, это шантаж с требованием большой суммы денег?

— Нет, тут дело серьезнее, Уотсон. Денег не требуется. Цена молчания — это передача герцогиней копии некоторых государственных документов, лежащих в настоящее время в запечатанном ящике кладовой банка Ллойда на Оксфорд-стрит.

— Чепуха, Холмс!

— Не совсем чепуха. Вспомните, что покойный герцог был заместителем министра иностранных дел. Для правительства имеет большое значение, чтобы не были разглашены копии документов и записок, подлинники которых находятся под охраной государства. Есть много причин, по которым человек в положении герцога может держать у себя некоторые документы. В свое время совершенно безвредные, они могут в изменившихся обстоятельствах последующих лет приобрести очень большое значение, особенно с точки зрения иностранного и к тому же враждебного госу-

дарства. И вот несчастная герцогиня поставлена перед выбором: либо измена родине, за что ей будет передано свидетельство о первом браке ее мужа, либо полное разорение и гибель двух совершенно неповинных женщин, одна из которых накануне свадьбы. И все дело в том, Уотсон, что я бессилён помочь им.

— А вы видели подлинники этих документов из Валанса?

— Их видела герцогиня, и они показались ей действительными, а в подлинности подписи своего мужа она не сомневается.

— Но ведь все это может оказаться подделкой?

— Правильно. Но, как я уже проверил, в Валансе действительно жила в 1848 году женщина, носившая имя Франсуазы Пеллетан; она вышла замуж за англичанина и потом переселилась в другую местность.

— Но ведь бесспорно, Холмс, что француженка-провинциалка, брошенная мужем и решившаяся на шантаж, потребовала бы денег,— запротестовал я.— Какой ей толк от копий государственных бумаг?

— Тут вы попали в самую точку, Уотсон. По этой причине я и взял на себя расследование дела. Скажите, вы слышали когда-нибудь об Эдит фон Ламмерайн?

— Нет, не припоминаю такого имени.

— Это в своем роде удивительная женщина,— сказал Холмс.— Ее отец был каким-то значительным офицером русского Черноморского флота, а мать содержала небольшую гостиницу в Одессе. Двадцати лет от роду Эдит сбежала от родителей в Будапешт. Там она скоро приобрела печальную известность как виновница дуэли, в результате которой погибли два соперника. Затем она вышла замуж за пожилого прусского юнкера, который увез ее в свое имение, где очень кстати умер спустя три месяца. Интересно, по каким причинам? И за последние два года,— продолжал Холмс,— самые блестящие званые вечера Лондона, Парижа или Берлина считались недостаточно блестящими, когда на них не присутствовала Эдит фон Ламмерайн. Если когда-нибудь природа создавала женщину как бы по заказу ее самой, то такой женщиной была Эдит.

— Вы думаете, она шпионка?

— Нет. Она настолько выше обыкновенного шпиона, насколько я выше обычной ищейки. Я долго по-

дозревал, что она вращается в высших кругах, ведя какие-то тайные политические интриги. И вот в руках этой женщины, умной, честолюбивой и в то же время беспощадной, находятся документы, которые могут погубить герцогиню Каррингфорд и ее дочь, если только герцогиня не согласится предать свою родину.

Холмс сделал паузу, чтобы вынуть свою трубку в ближайшую чашку.

— И я здесь беспомощен, Уотсон, я не в состоянии защитить ни в чем не повинную женщину, обратившуюся ко мне за советом и помощью,— закончил он.

— Действительно, гнусное дело,— вздохнул я.— Но если донесение Билли имеет к этому отношение, то тут замешан какой-то лакей.

— Да, и, должен признаться, я очень удивлен этим,— сказал Холмс, задумчиво глядя на поток кэбов и колясок под нашими окнами.— Между прочим, человек, известный под именем лакея Бойса, вовсе не лакей, дорогой мой Уотсон, хотя и носит такое прозвище, так как начал свою карьеру в качестве слуги. На самом деле он — главарь второй по величине опасной шайки дельцов, спекулирующих на скачках. Думаю, он не особенно дружелюбно относится ко мне, так как главным образом благодаря мне получил два года по делу Рокмортонa о допинге. Но ведь шантаж не входит в сферу его деятельности, и я понимаю...

Холмс резко прервал мою речь и, вытянув шею, стал всматриваться в толпу пешеходов.

— Клянусь честью, это он сам! — воскликнул Холмс.— И, если не ошибаюсь, направляется прямо к нам. Может быть, Уотсон, вам лучше скрыться за дверью спальни,— усмехнулся Холмс.— Мистер Бойс не принадлежит к числу лиц, красноречие которых возрастает от присутствия свидетелей.

Снизу послышался резкий звонок, и, уходя в спальню, я услышал тяжелые шаги по ступенькам, после чего последовал стук в дверь и приглашение Холмса войти.

Сквозь щель в двери я взглянул на вошедшего. Это был плотный мужчина с красным добродушным лицом и густыми бакенбардами. На нем было клетчатое пальто и щегольский коричневый котелок, в руках — перчатки и тяжелая коричневая трость из пальмового дерева. Я ожидал увидеть человека со-

вершенно иного типа, не вульгарного, самодовольного субъекта, похожего на фермера средней руки. Пока он стоял в дверях и глядел на Холмса, я обратил внимание на его глаза. Они были похожи на две сверкающие бисеринки — очень яркие и холодные, неподвижные и злобные, похожие на глаза ядовитой змеи.

— Нам нужно перекинуться с вами словом, мистер Холмс, — сказал он визгливым голосом, который странно контрастировал с его плотной фигурой. — Можно мне сесть?

— Я предпочитаю разговаривать с вами стоя, — сурово ответил мой друг.

— Хорошо, хорошо. — Вошедший медленно обвел взглядом комнату. — А вы здесь неплохо устроились, очень неплохо. Как я понимаю, благодаря заботам этой почтенной женщины, отворившей мне дверь, вы ни в чем не нуждаетесь. И к чему вашей хозяйке лишаться такого хорошего жилья, мистер Холмс?

— Я не собираюсь менять местожительство.

— Да, но зато есть другие, которые могут позаботиться об этом. «Мистер Холмс — весьма привлекательный мужчина», — говорю я. «Может быть, — говорят другие, — только у него слишком длинный нос, который всегда залезает в чужие дела, вовсе его не касающиеся».

— Забавно! — заметил Холмс. — Между прочим, Бойс, вы, очевидно, получили указание немедленно приехать сюда из Брайтона.

Ласковая улыбка исчезла с лица негодяя.

— Как вы узнали, откуда я приехал?! — пронзительно закричал он.

— Тише, тише! Из вашего кармана выглядывает программа скачек Южного кубка. А теперь слушайте: я разборчив в выборе собеседников и поэтому прошу вас закончить этот разговор.

Бойс злобно оскалился.

— Я закончу нашу беседу по-иному. Вы, ищейка, сующая повсюду свой нос, держитесь подальше от дел мадам... — Он сделал многозначительную паузу. Его круглые маленькие глазки пристально глядели на моего друга. — В противном случае вы пожалеете, что родились на свет, мистер Шерлок Холмс, — закончил он тихо.

Холмс усмехнулся и потер руки.

— Это очень интересно,— сказал он.— Значит, вы явились сюда по поручению мадам фон Ламмерайн?

— Черт возьми, какая наглость! — воскликнул Бойс. Его левая рука скользнула к трости.— Я думал, вы остережетесь, а вы начинаете произносить разные имена. Поэтому я,— тут он мгновенно выдернул ручку трости, и теперь в его руках оказалось длинное стальное лезвие,— поэтому я, мистер Шерлок Холмс, сдержу свое слово.

— И на это слово вы, Уотсон, наверное, обратили внимание? — спросил Холмс.

— Конечно! — громко откликнулся я.

Бойс замер на месте. А когда я появился из спальни, вооруженный тяжелым латунным подсвечником, он бросился к входной двери. На пороге он на мгновение остановился и повернулся к нам. Его глаза злобно сверкали на широком багровом лице, с губ срывался поток гнусной ругани.

— Довольно! — строго оборвал его Холмс.— Кстати, Бойс, я не мог догадаться, чем вы убили тренера Мэджерна. При вас не было найдено оружия. Теперь я понял.

Багровый цвет медленно сошел с лица Бойса, сменившись сероватой бледностью.

— Боже мой, мистер Холмс! — воскликнул он.— Ведь не думаете же вы... ведь это только шутка, дружеская шутка!

Выскочив за порог, он захлопнул за собой дверь и с грохотом промчался по лестнице.

Мой друг рассмеялся.

— Ну-ну! Вряд ли мистер Бойс беспокоит нас в дальнейшем,— сказал он.— Но его посещение дало новое направление моим мыслям.

— Какое?

— Это первый луч света в том мраке, который меня окружал, Уотсон. Интересно, почему они так недовольны моим вмешательством, если им незачем бояться разоблачений? Берите шляпу и пальто, Уотсон, мы вместе едем к этой бедняжке Каррингфорд.

Наш визит оказался очень кратким, и все же я буду долго помнить мужественную, все еще прекрасную женщину, оказавшуюся не по своей вине в самом трагическом положении. Только по темным кругам под глазами и по слишком яркому блеску ее карих

глаз можно было догадаться об огромной тяжести, лежавшей у нее на сердце.

— У вас какие-нибудь новости для меня, мистер Холмс?

— Пока у меня нет ничего нового, ваша светлость,— мягко сказал Холмс, склонившись перед собеседницей.— Я пришел, чтобы задать вам один только вопрос и обратиться к вам с просьбой.

— А именно?

— Мой вопрос можно простить постороннему человеку только потому, что он вызван необходимостью,— сказал Холмс.— Вы были замужем за покойным герцогом свыше тридцати лет. Было ли его поведение благородным в смысле личного отношения к общепринятому моральному кодексу? Я прошу вашу светлость быть со мною очень откровенной при ответе на этот вопрос.

— Мистер Холмс, за время нашей совместной жизни у нас бывали и ссоры, и неприятности, но я никогда не замечала, чтобы мой муж унижался до какого-нибудь недостойного поступка или отступал от тех моральных норм, которые он так высоко ценил.

— Это все, что мне нужно было знать,— ответил Холмс.— Я не склонен к эмоциям и не считаю, что любовь ослепляет. При спокойном рассудке получается обратное — любовь помогает лучше распознать другого человека. Но сейчас, ваша светлость,— прервал себя Холмс,— время не терпит.— Холмс наклонился к своей собеседнице.— Мне необходимо увидеть подлинные документы этого брака в Валансе.

— Это безнадежно, мистер Холмс! — воскликнула герцогиня.— Та ужасная женщина никогда не выпустит их из своих рук, разве только за назначенную ею бесчестную плату.

— Придется прибегнуть к хитрости. Вы должны послать ей письмо, составленное в очень продуманных выражениях. Это письмо должно создать впечатление, что вы согласитесь с ее требованиями, если убедитесь в подлинности документов. Умоляйте ее принять вас у нее на Сент-Джеймс-скуэр сегодня в одиннадцать часов вечера. Вы сделаете это?

— Сделаю все, за исключением того, что она требует.

— Прекрасно. И еще один решающий вопрос. Очень важно, чтобы вы нашли какой-нибудь предлог

точно в двадцать минут двенадцатого удалить ее из библиотеки, где находится сейф, в котором она хранит эти документы.

— Но она возьмет их с собой...

— Это не имеет значения.

— Откуда вы знаете, что сейф находится в библиотеке?

— Когда-то я оказал небольшую услугу фирме, которая сдает в аренду дом госпоже фон Ламмерайн. От этой фирмы я получил план дома. Больше того, я видел сейф.

— Вы его видели?

— Вчера утром кто-то выбил стекло в окне, — улыбнулся Холмс. — Стекольщик тут же нашелся. Мне пришлось в голову, что этим можно будет воспользоваться.

— Что вы собираетесь сделать? — спросила она с волнением.

— По этому вопросу мне придется принять решение на месте самому, — сказал Холмс. — Если меня и постигнет неудача, то, во всяком случае, попытка будет сделана в благих целях.

Мы уже прощались, когда герцогиня слегка коснулась руки моего друга.

— А если вы осмотрите эти ужасные документы и убедитесь в их подлинности, вы их изымете? — спросила она.

В суровых чертах Холмса мелькнуло выражение сострадания, когда он взглянул на свою собеседницу.

— Нет, — ответил он спокойно.

— И вы будете правы! — воскликнула она. — Я тоже не взяла бы их. Ужасная несправедливость прошлого должна быть выправлена хотя бы ценою моей жизни... Но меня совсем покидает мужество, когда я подумаю о своей дочери.

— Я уважаю ваше мужество, — мягко сказал Холмс, — и потому советую вам быть готовой к худшему.

Остаток дня мой друг провел в самом беспокойном настроении. Он непрерывно курил, пока в гостиной оказалось невозможным дышать. Просмотрев все газеты, он швырнул их в ведро для угля и принялся шагать по комнате взад и вперед, заложив руки за спину. Затем, подойдя к камину, он взглянул на меня. Я в это время сидел в кресле.

— Пойдете ли вы на серьезное нарушение закона, Уотсон? — спросил он.

— Ради благородной цели — конечно, — ответил я.

— Но это вряд ли будет для вас полезно, мой друг! — воскликнул Холмс. — Если вас поймут в доме этой женщины, нам обоим несдобровать. Но мне необходимо посмотреть подлинные документы.

— Тогда у нас может не оказаться выбора, — заметил я.

— Ну что ж, Уотсон, если этот вечер последний в нашей честной жизни, — усмехнулся Холмс, — пусть он будет по крайней мере приятным. Нам нужны столы в ресторане Фратти и бутылка монстраша.

Мои часы уже показывали начало двенадцатого, когда кеб доставил нас на улицу Карла II. Была холодная дождливая ночь, легкий туман окружал уличные фонари смутными желтыми светящимися кругами и блестел на шлеме полисмена, который медленно прошел мимо нас, включив свой фонарик. Выйдя на Сент-Джеймс-скуэр, мы прошли по тротуару в западном направлении. Вдруг Холмс положил мне руку на плечо и указал на освещенное окно в фасаде большого особняка, мимо которого мы проходили.

— Это свет в гостиной, — прошептал он. — Нельзя терять ни минуты.

Кинув быстрый взгляд вдоль пустого тротуара, он вскочил на стену, граничащую с особняком, и, подтянувшись на руках, исчез. Я быстро последовал за ним, пока мой друг не остановился под тремя высокими окнами. Там я по его указанию подставил спину, и в один миг он вскарабкался на подоконник. Бледное лицо его отражалось в темном стекле окна, руки работали над шпингалетом. Через мгновение окно распахнулось, я ухватился за протянутую руку Холмса и с дрожью почувствовал, что мы уже в комнате.

— Библиотека, — прошептал мне Холмс на ухо. — Спрячьтесь за занавесками у окна.

Кругом был полный мрак, слабо пахло кожей. Полная тишина нарушалась только мерным тиканьем старинных часов. Прошло, вероятно, минут пять, когда из глубины дома послышались шаги и приглушенный шепот. Под дверью на секунду блеснул луч света, исчез и, спустя некоторое время, снова появился. Дверь

распахнулась, и в комнату вошла женщина с лампою в руке.

Время стирает очертания прошлого. И все же я помню свое первое впечатление от Эдит фон Ламмерайн, как будто я видел ее только вчера.

Следом за Эдит фон Ламмерайн двигалась высокая стройная тень, лампа в ее руке бросала тусклый призрачный отблеск на стену, вдоль которой тянулись полки с книгами.

Не знаю, достиг ли ее слуха шорох занавесок, но, когда Холмс вышел на середину комнаты, она тут же повернулась, держа лампу над головой и направляя на нас луч света. Она была совершенно спокойна и молча глядела на нас. Ни тени испуга не было на ее лице, только засверкала ярость в черных глазах.

— Кто вы,— прошипела она наконец,— и что вам угодно?

— Нам нужно отнять у вас пять минут, мадам фон Ламмерайн,— мягко ответил Холмс.

— Вот как! Вы знаете мое имя! Если вы грабители, то чего вы ищете? Я хочу услышать это прежде, чем подниму на ноги весь дом.

Холмс указал на левую руку Эдит.

— Я пришел сюда, чтобы осмотреть бумаги, которые вы держите в руке,— сказал он.— И предупреждаю вас, что сделаю это.

— Негодяй! — воскликнула она.— Я все поняла. Это она наняла вас.

Вдруг она сделала шаг в нашу сторону, держа лампу перед собою, и стала пристально вглядываться в моего друга. Ярость в ее лице сменилась сперва недоверием, а затем ликующая улыбка озарила ее лицо.

— Мистер Шерлок Холмс! — воскликнула она, задыхаясь.

Холмс повернулся и зажег свечи на небольшом столике из золоченой бронзы, стоявшем у стены.

— А я еще раньше имел честь узнать вас,— сказал он.

— Это будет стоить вам пяти лет! — воскликнула она.

— Может быть. В таком случае я должен хоть недаром их получить. Документы! — потребовал он.

— Неужели вы думаете, что достигнете чего-нибудь, похитив документы? У меня есть их копии и с десяток свидетелей, которые могут подтвердить их со-

держание, — расхохоталась она. — Я думала, вы умный человек, — продолжала Эдит, — а вы просто глупец, никчемный сыщик, жалкий воришка!

— Посмотрим, — Холмс протянул руку, и она, насмешливо пожав плечами, передала ему документы.

— Я полагаюсь на вас, Уотсон, — спокойно произнес Холмс, подходя к столу. — Думаю, вы не допустите приближения мадам фон Ламмерайн к шнуру звонка.

Он внимательно прочитал документы, потом, держа их против света, стал тщательно изучать. Его тощее, мертвенно-бледное лицо казалось силуэтом на освещенной тяжелым светом бумаге. Он взглянул на меня, и сердце мое сжалось, когда я заметил огорчение на его лице.

И я знал, что он думал не о своем собственном незавидном положении, а об отважной женщине, полной беспокойства, ради которой он рискнул свободой.

— Ваши успехи вскружили вам голову, мистер Холмс, — сказала она насмешливо, — но на сей раз вы допустили грубую ошибку, результаты которой вскоре почувствуете на самом себе.

Мой друг разложил бумаги у самых свечей и снова склонился над ними. И вдруг в его лице я заметил внезапную перемену. Огорчение и досада, которые омрачали его, исчезли, их сменила напряженная сосредоточенность.

— Каково ваше мнение об этом, Уотсон? — спросил он, когда я поспешил к нему. Он указал на почерк, которым были вписаны отдельные строчки в обоих документах.

— Это очень четкий почерк, — сказал я.

— Чернила! Посмотрите на чернила! — нетерпеливо воскликнул он.

— Ну, они черные, — заметил я, наклоняясь над его плечом. — Но, я думаю, это вряд ли поможет нам. Я мог бы показать вам с десятков старых писем моего отца, написанных такими же чернилами.

Холмс усмехнулся и потер руки.

— Прекрасно, Уотсон, прекрасно! — воскликнул он. — Будьте любезны взглянуть на фамилию и подпись Генри Корвина Глэдсэйла на брачном удостоверении. А теперь посмотрите, как записано его имя на странице регистрауры Валанса.

— Как будто тут все в порядке. Подписи совершенно тождественны в обоих случаях.

— Правильно. А чернила?

— В них легкий оттенок синего цвета. Да, это, конечно, обычные черно-синие чернила индиго. И что из этого?

— Весь текст в обоих документах написан черными чернилами, за исключением имени жениха и его подписи. Вам не кажется это странным?

— Может быть, это и верно, но здесь нет ничего необъяснимого. Возможно, Глэдсдэйл имел обыкновение носить свои собственные чернила в портативной чернильнице.

Холмс кинулся к письменному столу, стоявшему у окна, и через мгновение вернулся с пером и чернильницей.

— Скажите, это тот же самый цвет? — спросил он, погрузив перо и сделав штрих на кончике документа.

— Совершенно тот же, — подтвердил я.

— Прекрасно. А чернила в этой чернильнице черно-голубые индиго.

Мадам фон Ламмерайн, которая стояла в стороне, вдруг устремилась к шнуру звонка, но, прежде чем она дотронулась до него, прозвучал голос Холмса:

— Даю вам слово, что если вы только коснетесь шнура, вы себя погубите, — сказал он сурово.

Она застыла, протянув руку к шнуру.

— Это что еще за глупости? — спросила она насмешливо. — Вы хотите сказать, что Генри Глэдсдэйл подписал документы о своем браке вот за этим письменным столом? Глупец, любой может пользоваться чернилами такого цвета.

— Совершенно верно. Но эти документы датированы двадцатым июня тысяча восемьсот сорок восьмого года.

— Ну и что же?

— Боюсь, вы допустили небольшую ошибку, мадам фон Ламмерайн. Черные чернила с примесью индиго были изобретены только в 1856 году.

Что-то страшное мелькнуло в прекрасном лице, глядевшем на нас при свете свечей.

— Вы лжете! — прошипела она.

Холмс пожал плечами.

— Любой химик подтвердит это, — сказал он, бе-

режно укладывая бумаги в карман своего плаща.— Бесспорно, это подлинные документы о браке Франсуазы Пеллетан,— продолжал он.— Но настоящее имя жениха подчищено и в брачном свидетельстве, и на странице регистрационной церковной книги в Валансе, после чего было вписано имя Генри Корвина Глэдсдэйла. Не сомневаюсь, если окажется необходимым, микроскопическое исследование обнаружит следы подчистки. Но сами чернила являются решающим доказательством и служат примером того, как из-за небольшой ошибки могут рухнуть самые хитроумные планы. Так могучий корабль может разбиться о небольшую роковую скалу. Что касается вас, мадам, то, когда я припоминаю все, что вы проделали для осуществления своих планов против незащищенной женщины, мне трудно подобрать для сравнения какой-нибудь другой пример столь хладнокровной жестокости.

— Вы смеете оскорблять женщину!

— Вы строили планы погубить человека. Этим вы лишились права на привилегию женщины,— сказал он жестко.

Она глядела на нас со злой улыбкой на восковом лице.

— Во всяком случае, вы поплатитесь за это,— сказала она уверенно.— Вы нарушили закон.

— Верно. А теперь звонок,— сказал Шерлок Холмс.— Моим оправданием будут: подделка вами документов, попытка шантажа и — заметьте — шпионаж. Так вот, в знак признания ваших «дарований» я даю вам неделю срока, чтобы покинуть эту страну. После этого срока о вас будет сообщено властям.

Наступило напряженное молчание, после чего, не произнеся ни слова, Эдит фон Ламмерайн подняла белую изящную руку и молча указала нам на дверь.

* * *

На следующее утро в двенадцатом часу, когда посуда еще не была убрана со стола, Шерлок Холмс, вернувшийся с визита, сменил сюртук на старую куртку и сидел в кресле.

— Вы видели герцогиню? — спросил я.

— Да, и рассказал ей обо всем. Исключительно из предосторожности она передала на хранение своему юристу документы с поддельными подписями ее мужа,

а также мои письменные показания по этому делу. Но ей теперь нечего бояться Эдит фон Ламмерайн.

— Этим она обязана вам, мой дорогой! — воскликнул я от всего сердца.

— Ну, ну, Уотсон. Дело было достаточно простое. Сама работа явилась для меня наградой.

Я пристально посмотрел на него.

— Вы выглядите немного утомленным, Холмс, — заметил я. — Вам нужно было бы съездить на несколько дней в деревню.

— Может быть. Но это потом. Я не могу уехать из города, пока мадам не покинет наши берега: ведь она особа весьма ловкая.

— Что за прекрасная жемчужина в вашем галстуке? Не помню, чтобы я ее видел прежде.

Мой друг взял два письма с каминной доски и перебрал их мне.

— Их принесли, когда вы ходили к своим пациентам, — сказал он.

Одно из них со штампом Каррингфорд-хауз гласило:

«Вашему рыцарскому заступничеству, Вашему мужеству я обязана всем. Такой долг невозможно оплатить. Разрешите, чтобы эта жемчужина, древний символ верности, была подарком на память о жизни, которую Вы мне возвратили. Что касается меня, то я никогда этого не забуду».

В другом письме без штампа и подписи было написано:

«Мы скоро встретимся снова, мистер Шерлок Холмс. Я не забуду о вас».

— Все дело в точке зрения, — усмехнулся Холмс. — И мне еще, возможно, придется встретиться с обеими женщинами, которые говорят одно и то же.

Затем, опустившись в кресло, он лениво потянулся за своей трубкой.

УЖАС В ДЕПТФОРДЕ

Я уже упоминал где-то в своих записках, что мой друг Шерлок Холмс, подобно всем истинным художникам, жил ради своего искусства. За исключением дела герцога Холдернесского, я не могу припомнить случая, чтобы он требовал значительного вознаграждения за свою работу.

Как бы ни был знатен или состоятелен его клиент, Шерлок Холмс никогда не брался за решение проблемы, если она не возбуждала в нем живого интереса. В то же время он мог посвятить всю свою кипучую энергию делу какого-либо простого человека, если оно обладало теми необычными чертами, которые всегда так сильно волновали его воображение.

Просматривая свои записки, относящиеся к памяtnому 1895 году, я нашел в них подробности дела, которое может служить ярким примером альтруизма и бескорыстия Холмса, ставившего оказание добрых услуг своему клиенту выше всяких материальных вознаграждений. Я имею в виду ужасное дептфордское дело с канарейками и следами сажи на потолке...

Было начало июня, когда мой друг закончил исследование внезапной смерти кардинала Тоски, проведенное им по личной просьбе римского папы. Оно потребовало от Холмса значительной затраты сил и, как я и предвидел, вызвало у него нервное переутомление, причинившее мне, его другу и врачу, немало хлопот.

К концу месяца, в один дождливый вечер, я уговорил Холмса пообедать со мной в ресторане Фраскати, после чего мы поехали в кафе «Ройял», которое

славились своими кофе и ликерами. Как я и надеялся, суэта кафе вывела Холмса из задумчивого состояния. Он внимательно изучал посетителей.

Я отвечал на какое-то замечание Холмса, когда он внезапно кивнул в сторону двери.

— Лестрейд,— сказал он,— что он может здесь делать?

Взглянув через плечо, я заметил тощую фигуру с крысиным лицом. Сыщик из Скотленд-Ярда стоял у входа, его глаза медленно обводили зал.

— Он, по-видимому, ищет вас,— заметил я,— и, вероятно, по какому-то неотложному делу.

— Едва ли, Уотсон. Мокрые ботинки Лестрейда свидетельствуют о том, что он шел пешком. Если бы дело было неотложным, Лестрейд, конечно, взял бы кеб...

Полицейский агент заметил нас, протиснулся по знаку Холмса через толпу посетителей и пододвинул кресло к нашему столу.

— Это мой повседневный обход,— ответил он на вопрос моего друга.— В то время как вы придумываете свои теории в комфортабельных условиях Бейкер-стрит, мы, бедняги, в Скотленд-Ярде выполняем самую обыденную черную работу. Мы не получаем благодарностей от римских пап и королей, но зато нам здорово достается в кабинете начальства, если мы допустим какой-либо промах.

— Ну, ну,— добродушно ухмыльнулся Холмс,— ваше начальство должно хорошо относиться к вам с тех пор, как я помог вам успешно расследовать дело об убийстве Роналда Адера, кражу брюс-паркингтонских чертежей...

— Совершенно верно, совершенно верно,— поспешно прервал Лестрейд.— А теперь я имею кое-что для вас,— добавил он, многозначительно подмигнув мне.

— Вот как!

— Правда, молодая женщина, которая боится призраков, скорее, по части доктора Уотсона...

— В самом деле, Лестрейд,— слегка запротестовал я,— трудно одобрить ваше...

— Одну минуту, Уотсон. Пусть он изложит нам факты.

— Ну-с, мистер Холмс, эти факты достаточно абсурдны,— продолжал Лестрейд,— и я бы не стал от-

нимать у вас время, если бы мне не было известно, что вы уже не раз совершали добрые дела и что ваш совет в этом случае сможет удержать молодую женщину от безрассудных поступков. Ну вот, положение таково. По пути в Дептфорд вдоль берега Темзы находятся самые ужасные ист-эндские * трущобы Лондона, но среди них вы можете найти несколько прекрасных старых домов.

В одном из этих полуразрушенных особняков уже давно проживала семья Уилсонов. Я предполагаю, что вначале они занимались торговлей фарфором, а когда она пришла в упадок, Уилсоны бросили это занятие, но остались жить в старом доме. Их семья состояла из Горацио Уилсона, его жены, сына и дочери, а также младшего брата Горацио, Тиболда, который поселился у них после возвращения из-за границы. Около трех лет назад тело Горацио Уилсона было найдено в реке. Так как он слыл горьким пьяницей, то все решили, что Уилсон в состоянии опьянения поскользнулся в тумане и упал в воду. Год спустя его жена, страдавшая пороком сердца, умерла от внезапного приступа. Нам стало известно это после тщательного исследования, проведенного врачом, а также показаний констебля и ночного сторожа одной из барж Темзы.

— Что же это были за показания? — вставил Холмс.

— Ну, были разные слухи о каких-то странных звуках, которые как будто исходили из старого дома Уилсонов. Но так как на берегу Темзы бывают ночные туманы, то люди, вероятно, были введены в заблуждение и неправильно определили направление этих звуков. Констебль описал их как ужасные вопли, от которых в его жилах похолодела кровь. Если бы этот полицейский был в моем отряде, то я дал бы ему здоровую нахлобучку, чтобы впредь с губ блюстителя закона никогда не слетали бы такие слова.

— А в какое время это было?

— В десять часов вечера, как раз в час смерти старой леди. Это, конечно, просто совпадение, так как нет никаких сомнений, что она умерла от сердечного приступа.

— Пожалуйста, дальше.

---

* Ист-Энд — восточная, рабочая часть Лондона. — Прим. пер.

Лестрейд заглянул в записную книжку и продолжал:

— В ночь на 17 мая прошлого года дочь Уилсона вместе со служанкой пошла в клуб смотреть картины волшебного фонаря. Вернувшись, она нашла своего брата Финеса Уилсона мертвым в кресле. Он унаследовал от своей матери слабое сердце и бессонницу. На этот раз не было слухов о криках и воплях, но ввиду необычного выражения лица умершего местный доктор пригласил полицейского врача помочь провести обследование. Причиной смерти был сердечный припадок, и врач подтвердил, что он может иногда вызывать искажение черт лица, придающее им выражение сильного ужаса.

— Совершенно верно,— подтвердил я.

— Так вот, Джэнет, дочь Уилсона, была так расстроена происшедшим, что, по словам дяди, она решила немедленно распродать все имущество и уехать за границу,— продолжал Лестрейд.

— Ну а что насчет дяди? Тиболд, не так ли, его имя?

— Я полагаю, что завтра утром он будет у вас. Он уже навестил меня в Скотленд-Ярде в надежде, что полиция сможет успокоить испуганную племянницу и убедит ее принять разумное решение. Так как у нас есть более важные дела, чем утешать истеричных молодых женщин, то я посоветовал Уилсону обратиться к вам.

— Вот как! Ну, вполне понятно, что он должен испытывать чувство сожаления при потере этого дома.

— Это не сожаление, мистер Холмс. Уилсон, кажется, искренне привязан к своей племяннице и заботится только о ее будущем.

Лестрейд сделал паузу и усмехнулся.

— Он не очень светский человек, этот Тиболд, и хотя я на своем веку встречал много странных профессий, он превзошел всех: он дрессирует канареек!

— Это не такая уж редкая профессия.

— Вы считаете так?

В манере Лестрейда появилось вызывающее самодовольство; он поднялся и потянулся за шляпой.

— Вполне очевидно, что вы не страдаете от бессонницы, мистер Холмс,— сказал он,— иначе вы знали бы, что птицы, которых дрессирует Тиболд Уилсон, несколько отличаются от обычных канареек...

— Что имел в виду этот тип? — спросил я, в то время как сыщик направлялся к выходу.

— Просто он знает что-то, чего мы еще не знаем, — сухо ответил Холмс. — Так как догадки обычно бесполезны и лишь вводят аналитический ум в заблуждение, давайте подождем до завтра. Я могу сказать, однако, что у меня нет склонности тратить свое время на это дело.

Мой друг не был особенно огорчен, когда на следующее утро посетитель не явился. Но, вернувшись домой от пациента, к которому я был спешно вызван вскоре после завтрака, я застал в приемной мужчину средних лет в очках. Когда посетитель поднялся, я заметил, что он был очень худощав и что его лицо, носящее отпечаток учености и аскетизма, было покрыто сетью многочисленных морщин и имело тусклый, пергаментно-желтый оттенок, что, несомненно, свидетельствовало о длительном пребывании под тропическим солнцем.

— Ну, Уотсон, вы прибыли как раз вовремя, — сказал Холмс. — Это мистер Тиболд Уилсон, о котором говорил нам Лестрейд в прошлый вечер.

Наш посетитель тепло пожал мне руку.

— Ваше имя, конечно, хорошо известно мне, доктор Уотсон! — воскликнул он. — Мы все должны быть вам благодарны за то, что вы познакомили мир с гением Шерлока Холмса, — он извинит меня, конечно... Вы же, будучи врачом, хорошо сведущим в нервных болезнях, несомненно, окажете, полезное влияние на мою несчастную племянницу.

Холмс смиренно выдержал мой укоризненный взгляд.

— Уотсон, — сказал он, — я обещал мистеру Уилсону сопровождать его в Дептфорд, потому что молодая леди, кажется, решила покинуть завтра дом. Но я должен повторить, мистер Уилсон, что я не вижу, каким образом мое присутствие сможет помешать этому делу.

— Вы чересчур скромны, мистер Холмс. Когда я обратился в полицию, я надеялся, что там смогут убедить Джэнет в том, что, как бы ужасны ни были потери в нашей семье за последние три года, причины их тем не менее вполне естественны и что для нее нет никаких оснований покидать родной дом.

У меня создалось впечатление,— добавил он с усмешкой,— что инспектор был несколько огорчен тем, что я так охотно согласился с его предложением воспользоваться вашей помощью.

— Я, конечно, припомню это Лестрейду,— ответил сухо Холмс, поднимаясь с кресла.— Ну а теперь, Уотсон, может быть, вы попросите миссис Хадсон вызвать экипаж, и во время нашей поездки в Дептфорд мистер Уилсон сможет разъяснить нам некоторые неясные моменты.

Просторные улицы Вест-Энда * сменились большими торговыми дорогами, по которым мчались с топотом и стуком ломовые лошади. Эти дороги, в свою очередь, перешли наконец в лабиринт грязных улиц, которые, следуя вдоль изгибов реки, становились все более и более жалкими по мере того, как мы приближались к скоплению водоемов и темных зловонных закоулков, которые некогда служили колыбелью морской торговли и богатства империи.

Я заметил, что Холмс был скучен и апатичен, и, чтобы расшевелить его, решил вызвать нашего клиента на разговор.

— Я слышал, что вы специалист по части канареек,— заметил я.

Глаза Тиболда Уилсона за его сильными очками загорелись огнем энтузиазма.

— Просто исследователь, сэр, но с тридцатью годами практических изысканий! — воскликнул он.— Неужели вы также?.. Ах, нет? Какая жалость! Изучение, выведение и дрессировка фринджиллских канареек — это задача, достойная целой человеческой жизни. Вы, конечно, не придерживаетесь тех невежественных взглядов, доктор Уотсон, которые так распространены на этот счет даже в самых просвещенных кругах. Когда я излагал в Британском орнитологическом обществе вопрос о скрещивании канареек с Мадейры и Канарских островов, я был буквально ошеломлен ребячеством вопросов, которые мне задавали там.

— Инспектор Лестрейд намекнул на некоторые особенности в вашей дрессировке этих маленьких певцов.

— Певцов, сэр? Вот дрозд — это певец! Фринд-

---

* Вест-Энд — западная часть Лондона.— Прим. пер.

жиллская же канарейка обладает самым совершенным в природе слухом и необычайной способностью звукоподражания, которая может быть развита и использована для выгоды и поучения человеческого рода. Но инспектор был прав,— продолжал он более спокойно,— в том, что я дрессирую моих птиц в определенном направлении. Я выучил их петь ночью при искусственном свете.

— Вот как! Ну, это довольно странное занятие.

— Я считаю, что это — доброе дело. Ведь мои птицы выдрессированы для пользы тех, кто страдает от бессонницы, и у меня есть клиенты во всех уголках страны. Мелодичное пение помогает приятно провести время в течение долгой бессонной ночи, а погасив лампу, вы прекращаете концерт.

— Мне кажется, что Лейстред был прав,— заметил я,— у вас на самом деле необычная профессия.

Во время нашего разговора Холмс лениво поднял тяжелую трость нашего клиента и начал рассматривать ее с некоторым вниманием.

— Мне думается, что вы возвратились в Англию около трех лет тому назад,— заметил он.

— Да.

— Из Кубы, не так ли?

Тиболд Уилсон вздрогнул, и на мгновение, мне кажется, я заметил что-то вроде настороженности в том быстром взгляде, который он бросил на Холмса.

— Это так,— сказал он,— но как вы узнали?

— Ваша трость вырезана из той породы черного дерева, которая растет только на Кубе. Нельзя ошибиться при взгляде на этот зеленоватый оттенок и исключительно блестящую полировку.

— Но трость могла быть куплена в Лондоне после моего возвращения, скажем, из Африки.

— Нет, она принадлежала вам в течение нескольких лет.

Холмс поднес трость к окну экипажа и наклонил ее так, что дневной свет упал на ее ручку.

— Вы можете заметить,— продолжал он,— что здесь есть легкие, но правильной формы царапины, которые нарушили полировку ручки с левой стороны, как раз там, где кольцо безымянного пальца левой руки соприкасается с ее поверхностью. Черное дерево — одно из самых твердых пород дерева, и требуется значительное время, чтобы причинить ему та-

кой износ. Кольцо же на пальце, очевидно, сделано из металла более твердого, чем золото. Отсюда я делаю также вывод, мистер Уилсон, что вы левша и носите серебряное кольцо на безымянном пальце левой руки.

— Боже мой, как это просто! А я-то подумал, что вы узнали это каким-то более тонким способом. Действительно, я был занят в сахарном промысле на Кубе и по возвращении оттуда привез с собой мою старую трость. Но вот мы уже у нашего дома, и, если вы сможете успокоить мою запуганную племянницу столь же быстро, как вы проследили мое прошлое, я буду вашим должником, мистер Шерлок Холмс.

Выйдя из экипажа, мы оказались в переулке с жалкими, неряшливыми домами, спускавшимся под уклон к реке; желтая дымка тумана уже поднималась от берега вверх по переулку. Перед нами тянулась высокая стена из осыпавшегося кирпича. Через железные ворота мы мельком разглядели довольно внушительный особняк, расположенный в саду.

— Старый дом знал лучшие дни,— сказал наш спутник, когда мы прошли через ворота и последовали за ним по садовой дорожке.— Он был построен в тот самый год, когда Петр Великий посетил Скэлс-Корт. Из верхних окон дома можно разглядеть запущенный парк этого владения.

Окружающая обстановка обычно редко производит на меня впечатление, но надо признаться, что я ощутил чувство некоторой подавленности при виде той грустной картины, которая предстала перед нами. Дом, хотя и имел величественный вид и внушительные размеры, был обращен к нам стеной, штукатурка которой была покрыта пятнами, а местами отпала, обнажив древнюю кирпичную кладку. Спутанная масса плюща, покрывавшая одну стену, простирала свои длинные усики через остроконечную крышу и обвивалась вокруг дымовой трубы. Заросший сад представлял собой картину полной запущенности, а окружающий воздух был насыщен сырým, затхлым запахом реки.

Тиболд Уилсон провел нас через маленький зал, в комфортабельно обставленную гостиную. Молодая женщина с каштановыми волосами и веснушчатым лицом, разбиравшая за письменным столом какие-то бумаги, вскочила при нашем появлении.

— Это мистер Шерлок Холмс и доктор Уотсон,— объявил Тиболд Уилсон.— А это моя племянница Джэнет, чьи интересы вы собирались защищать, несмотря на ее неразумное поведение.

Молодая леди смело взглянула на нас, но мне удалось заметить легкое дрожание и подергивание ее губ, что говорило о сильном волнении.

— Завтра я уезжаю, дядя,— воскликнула она,— и что бы ни сказали эти джентльмены, это не изменит моего решения! Здесь только печаль и страх — и больше всего страх!

— Страх чего? — спросил я.

Она провела рукой по глазам:

— Я не могу объяснить... Мне действуют на нервы тени и странные, неясные звуки.

— Вы унаследовали и деньги и имущество, Джэнет,— сказал мистер Уилсон серьезно.— Неужели из-за каких-то теней вы готовы покинуть дом ваших предков? Будьте же благоразумны!

— Мы здесь как раз для того, чтобы помочь вам, молодая леди,— сказал Холмс с некоторой мягкостью в голосе,— постарайтесь же успокоиться. В жизни мы так часто вредим собственным интересам, принимая опрометчивые решения...

— Вы смеетесь над женской интуицией, сэр?

— Ни в коем случае, ведь она часто является для нас путеводной нитью. Вы можете уехать или остаться — как вы сочтете нужным. Но поскольку мы здесь, может быть, вы покажете нам свой дом и несколько отвлечетесь от своих переживаний?

— Превосходное предложение! — весело воскликнул Тиболд Уилсон.— Идемте, Джэнет, и мы вскоре избавим вас от загадочных звуков и теней.

Наша маленькая процессия переходила из одной меблированной комнаты в другую.

— Теперь я провожу вас в спальню,— сказала мисс Уилсон, когда мы наконец остановились перед лестницей.

— Нет ли подвалов в этом старинном доме?

— Есть здесь один подвал, мистер Холмс, но он мало используется, если не считать того, что там хранятся дрова и какие-то дядины ящики... Вот сюда, пожалуйста.

Мы находились в мрачном каменном помещении. Около одной стены был сложен штабель дров, а в

дальнем углу стояла пузатая голландская печь с железной трубой, идущей по потолку. Через застекленную дверь, которая открывалась в сад, тусклый свет падал на пол, выложенный из каменных плит.

Холмс понюхал окружающий воздух, и я тоже ощутил сильный затхлый запах от находящейся поблизости реки.

— Вам, наверное, досаждают крысы — они часто навещают дома на берегу Темзы.

— Да, они здесь водились, но когда дядя приехал сюда, он избавил нас от них.

— Так, так. Черт возьми! — продолжал Холмс, взглянув на пол. — Что за деловитый маленький народец!

Посмотрев вниз, я заметил, что внимание Шерлока Холмса было привлечено садовыми муравьями, сновавшими по полу из-под нижней печки и вверх по ступенькам, ведущим к двери в сад.

— Как хорошо, Уотсон, — усмехнулся он, указывая тростью на крошечные крупинки, которые тащили муравьи, — что нам не нужно, добывая себе пищу, волочить кладь размерами раза в три больше нас самих. Неплохой урок в терпении и настойчивости.

Он погрузился в молчание, задумчиво смотря на пол.

— Урок, — повторил он медленно.

Тонкие губы м-ра Уилсона сжались.

— К чему эти шутки?! — воскликнул он. — Муравьи здесь потому, что слуги бросали мусор в печку, вместо того чтобы выносить его в мусорный ящик.

— А вы поэтому и повесили замок на дверцу?

— Да, да! Если хотите, я могу принести ключ. Нет? Тогда, если вы здесь закончили, разрешите мне проводить вас в спальню.

— Мне хотелось бы осмотреть комнату, в которой скончался ваш брат, мисс Уилсон, — попросил Холмс, когда мы поднялись этажом выше.

— Вот здесь, — ответила она, открывая дверь.

Это была большая комната, обставленная со вкусом и даже некоторой роскошью и освещенная двумя окнами в глубоких нишах. С окнами граничила другая голландская печка, украшенная желтыми кафельными плитками, хорошо гармонировавшими с общим тоном комнаты. К печной трубе была подвешена пара птичьих клеток.

— Куда ведет эта боковая дверь? — спросил Холмс.

— Ко мне в комнату, где прежде жила моя мать, — ответила мисс Уолсон.

Несколько минут Холмс с равнодушным видом бродил по комнате.

— Ваш брат, я полагаю, любил читать по ночам, — заметил он.

— Да, он страдал бессонницей, но как вы...

— Пустяки, на поверхности ковра по правую сторону кресла имеются следы свечного воска. Ага! Что это здесь?

Холмс остановился у окна и внимательно посмотрел на верхнюю часть стены. Затем, поднявшись на подоконник, он протянул руку и слегка потрогал штукатурку в разных местах, после чего понюхал кончики своих пальцев. Когда он спустился вниз, его лицо было нахмурено и озадачено. Он начал медленно двигаться по комнате, не отрывая взгляда от потолка.

— Очень странно, — бормотал он.

— Что-нибудь не в порядке, мистер Холмс? — нерешительно спросила мисс Уилсон.

— Меня просто интересует происхождение этих странных линий и завитков на верхней части стены и штукатурке.

— Это, должно быть, проклятые тараканы, которые притащили на своих лапках пыль! — извиняющимся тоном воскликнул Уилсон. — Я уже говорил вам, Джэнет, что вы должны внимательнее следить за работой слуг. Ну а что теперь, мистер Холмс?

Мой друг, который направился к боковой двери и заглянул внутрь, снова закрыл ее и шагнул к окну.

— Наш визит оказался бесполезным, — сказал он, — и так как я вижу, что туман все поднимается, боюсь, что нам придется отправиться домой. Здесь, наверно, ваши знаменитые канарейки? — добавил он, указывая на клетки над печью.

— Нет, просто образцы. Но взгляните сюда.

Уилсон повел нас по коридору и открыл дверь.

— Вот! — сказал он. Очевидно, это была его собственная спальня, и она не была похожа ни на одну из спален, которые я когда-либо видел. От пола до потолка комната была увешана множеством клеток, и маленькие золотистые певуны в них наполняли воздух нежным пением и трелями.

— Дневной или ламповый свет — это для них все равно. Ну, Кэрри, Кэрри! — Уилсон просвистал короткую мелодию, которая показалась мне знакомой. Птичка подхватила ее и залилась восхитительным пением.

— Это песнь жаворонка! — воскликнул я.

— Совершенно верно. Как я говорил уже раньше, фринджиллская канарейка при соответствующей дрессировке может превосходно имитировать звуки.

— Я должен признаться, что не могу разобрать эту мелодию, — заметил я, когда одна из птичек разразилась низким, все нарастающим свистом.

Мистер Уилсон поспешно набросил полотенце на клетку.

— Это песенка тропической ночной птицы — коротко отрезал он, — и, так как я предпочитаю, чтобы мои птички днем пели дневные песенки, придется наказать Пеперино, оставив его в темноте.

— Меня удивляет, что вы в спальне предпочитаете открытый камин печке, — заметил Холмс, — ведь это может вызвать сильный сквозняк.

— Я не замечал этого... Боже мой, туман в самом деле усиливается. Я боюсь, мистер Холмс, что вам предстоит довольно неприятное путешествие.

— Да, нам пора отправляться.

Когда мы спустились по лестнице и задержались в зале, в то время как Уилсон пошел за нашими шляпами, Холмс наклонился к молодой хозяйке.

— Мне хотелось бы напомнить вам, мисс Уилсон, о том, что я сказал раньше насчет женской интуиции, — спокойно заметил он. — Бывают случаи, когда правду легче ощутить, чем увидеть глазами... Доброй ночи!

Мгновением позже мы ощупью пробирались по садовой дорожке к ожидавшему нас экипажу, свет которого тускло пробивался через поднимающийся туман. Мой друг был погружен в свои мысли, пока мы мчались в западном направлении через грязные улицы, убожество которых стало еще заметнее при ярком свете газовых фонарей, горевших около многочисленных трактиров. Ночь обещала быть скверной, и случайный путник, пробиравшийся сквозь желтый туман, нависший над тротуарами, казался лишь смутной тенью.

— Мне хотелось бы, мой дорогой друг, — заметил

я,— чтобы вы впредь воздерживались от столь бесполезной траты сил. Вы и так уже достаточно истощены.

— Ну, ну, Уотсон. Я так и полагал, что семейные дела Уилсонов не интересуют вас. И все же,— он откинулся назад, погруженный в собственные мысли,— и все же здесь что-то не в порядке, наверняка не в порядке!

Я услышал его тихое бормотание.

— Я ничего зловещего не заметил.

— И я тоже, но любой, самый смутный сигнал об опасности является для меня предостережением. Для чего, например, в спальне камин, Уотсон, для чего камин? Я думаю, вы заметили, что труба из погреба связана с печками в других спальнях?

— В одной спальне!

— Нет. Такое же устройство было и в смежной комнате, где умерла мать.

— Я ничего не вижу странного в этой старомодной системе дымоходных труб.

— Ну а что вы скажете, Уотсон, насчет следов на потолке?

— Следов чего? Пыли?

— Нет, сажи!

— Сажи! Вы, наверное, ошибаетесь, Холмс?!

— Я прикасался, нюхал и осматривал их. И это, несомненно, были следы древесной сажи.

— Ну, здесь, вероятно, должно быть какое-то простое объяснение,— заметил я.

В течение некоторого времени мы ехали молча. Наш кеб уже достиг пределов Сити*, я рассеянно смотрел в окно, а мои пальцы лениво барабанили по полуспускаемому оконному стеклу, затуманенному сыростью. Вдруг мои мысли были прерваны резким восклицанием Холмса. Он пристально смотрел через мое плечо.

— Стекло,— пробормотал он.

На затуманенной поверхности стекла проступил запутанный узор завитков и линий там, где я прикасался пальцами. Холмс хлопнул себя по лбу и, внезапно открыв другое окно, громко отдал распоряжение кучеру. Экипаж резко повернул в обратную сторону, кучер стегнул плетью лошадь, и мы помчались в сгущающийся мрак.

---

* Сити — деловой квартал в центре Лондона.— Прим. пер.

— Ах, Уотсон, Уотсон, ведь это же правда, что никто так не слеп, как тот, кто не хочет видеть,— произнес с горечью Холмс, откидываясь назад в свой угол.— Все факты были налицо, они смотрели мне прямо в глаза, и все-таки логика подвела меня.

— Какие же факты?

— Их всего девять, но и четырех будет достаточно. Здесь человек с Кубы, который не только дрессирует канареек совершенно необычным образом, но и знаком с пением тропических ночных птиц. Кроме того, он имеет в своей спальне камин. Здесь что-то нечисто, Уотсон! Стоп, кучер, стоп!

В это время мы проезжали перекресток двух оживленных улиц, где над газовым фонарем мерцали золотистые шары ломбарда. Холмс выпрыгнул из кеба, спустя несколько минут возвратился назад, и мы продолжали наше путешествие.

— Какое счастье, что мы еще в Сити,— усмехнулся он,— ибо я думаю, что едва ли в ломбардах Ист-Энда можно найти клюшки для гольфа.

— О, небеса...— начал я и сразу замолк, взглянув на тяжелую клюшку, которую Холмс бросил мне в руки. Первые смутные тени чего-то неопределенного и зловещего возникли в моем сознании...

— У нас в запасе еще много времени! — воскликнул Холмс, глядя на часы.— Неплохо бы зайти в первый попавшийся трактир и закусить.

Часы на церкви святого Николаса пробили десять, когда мы снова очутились в саду Уилсонов, пропитанном затхлым запахом сырости. Сквозь туман еле пробивался слабый свет из верхних окон, который нарушал мрачную темноту дома.

— Это комната мисс Уилсон,— заметил Холмс.— Будем надеяться, что горсть гравия, брошенная в окно, разбудит ее, не потревожив остальных обитателей дома.

Мгновением позже до нас донесся скрип открывающегося окна.

— Кто там? — спросил дрожащий голос.

— Это Шерлок Холмс,— ответил тихо мой друг.— Я должен немедленно поговорить с вами, мисс Уилсон. Есть ли здесь боковая дверь?

— Вон там в стене, слева от вас. Но что случилось?

— Пожалуйста, спуститесь побыстрее вниз. Ни слова вашему дяде.

Мы пробирались вдоль стены и достигли двери в тот момент, когда она отворилась, чтобы выпустить молодую хозяйку. Она была в халате, а ее волосы в беспорядке падали на плечи. Мисс Уилсон испуганно глядела на нас при свете свечи, которую она держала в трясущейся руке, а тени плясали и дрожали на стене позади нее.

— Что это значит, мистер Холмс? — спросила она, задыхаясь от волнения.

— Все будет хорошо, если вы выполните мои указания, — спокойно ответил мой друг. — Где ваш дядя?

— Он у себя в комнате.

— Вот и хорошо. Мы с доктором Уотсоном займем вашу комнату, а вы тем временем перейдете в спальню покойного брата. Если вы дорожите своей жизнью, — добавил он торжественно, — ни в коем случае не покидайте комнату.

— Вы пугаете меня... — с дрожью в голосе прошептала она.

— Можете быть уверены, что мы позаботимся о вас. А теперь, прежде чем вы уйдете, мне хотелось бы кое о чем спросить вас. Заходил ли к вам дядя сегодня вечером?

— Да, он принес с собой Пеперино и посадил его вместе с другими птицами в клетку в моей комнате. Он при этом сказал, что, так как это моя последняя ночь в доме, он сделал все возможное, чтобы мне не было скучно одной.

— Так, совершенно верно. Ваша последняя ночь... Скажите мне, мисс Уилсон, вы страдаете той же болезнью, от которой умерли ваша мать и брат?

— Болезнью сердца? Да, к сожалению...

— Ну хорошо, теперь мы проводим вас наверх, где вы перейдете в смежную комнату. Идемте, Уотсон.

При свете свечи мы бесшумно поднялись на второй этаж и прошли в спальню, которую раньше осматривал Холмс. Пока наша хозяйка в смежной комнате собирала свои вещи, Холмс приподнял край полотна, которое теперь прикрывало две птичьи клетки, и взгляделся в ее спящих крошечных обитателей.

— Поистине, зло, которое может задумать человек, не имеет пределов, — сказал он, и я заметил, что его лицо стало очень суровым.

Когда мисс Уилсон возвратилась, мы с Холмсом, убедившись, что она надежно устроилась на ночь, прошли в ее небольшую, уютно обставленную комнатку. Освещалась она массивной серебряной лампой. Прямо над кафельной голландской печкой висела клетка с тремя канарейками, которые при нашем приближении мгновенно перестали петать и вздернули свои маленькие золотистые головки.

— Я думаю, Уотсон, что недурно было бы и отдохнуть немного,— прошептал Холмс, когда мы опустились в кресла.— Будьте добры, погасите свет.

— Но, мой друг, если здесь действительно существует какая-то опасность, то оставаться в темноте будет просто сумасшествием,— запротестовал я.

— В темноте нам не грозит никакая опасность!

— Не лучше ли вам быть со мной более откровенным? — довольно резко сказал я.— Вы дали мне понять, что эти птицы предназначены для какой-то недоброй цели. Но что же это за опасность, которая существует только при свете лампы?

— У меня есть свои соображения на этот счет, Уотсон, и лучше нам подождать и увидеть самим. Мне хотелось бы, однако, обратить ваше внимание на откидную заслонку дымовой трубы в верхней части печи.

— Это, мне кажется, вполне обычное устройство.

— Конечно, но разве вам не кажется странным, что дымоход железной печи имеет легкую жестяную заслонку?

— Боже мой, Холмс! — воскликнул я, когда неожиданная догадка осенила меня.— Вы хотите сказать, что этот Уилсон использовал трубы, соединяющие печь в подвале с печами в спальнях, для распространения по ним какого-то смертельного яда, чтобы отделаться от своих родственников и завладеть их собственностью? И именно поэтому он устроил камин в своей собственной спальне вместо печи? Мне думается, что это так.

— Ну, вы недалеко от истины, Уотсон, хотя я полагаю, что мистер Тиболд более хитроумен, чем вы считаете. Он обладает двумя качествами, необходимыми преступнику для успешного выполнения его планов,— это богатое воображение и безжалостность... Ну а теперь, пожалуйста, погасите свет, и мы немножко отдохнем. Если я правильно истолковал проблему,

стоящую перед нами, то нам придется много перенести, прежде чем мы дождемся рассвета.

Я откинулся на спинку кресла, утешая себя мыслью, что после случая с полковником Себастьяном Мораном в моем кармане всегда находится револьвер. Тщетно я пытался найти какое-либо объяснение тому предупреждению, которое я получил от Холмса. Вскоре, однако, усталость незаметно овладела мною. Мысли мои становились все более и более беспорядочными и смутными, пока наконец я не задремал.

Меня разбудило легкое прикосновение к руке. Лампа была снова зажжена, и мой друг наклонился надо мной, отбрасывая длинную темную тень на потолок.

— Сожалею, что потревожил вас, Уотсон,— прошептал он,— но долг обязывает...

— В чем дело, Холмс?

— Сидите спокойно и слушайте... Пеперино поет...

Я долго буду помнить томительные часы нашего бодрствования. Холмс наклонил абажур лампы так, что свет падал на противоположную стену, в которой было окно и рядом с ним большая кафельная печка, над которой висела птичья клетка. Мгла сгустилась, и лучи от лампы, проходя через оконные стекла, терялись где-то в освещенных облачках тумана, клубившихся за окнами. Моим сознанием овладело предчувствие чего-то зловещего. Окружающая нас обстановка казалась достаточно мрачной и без странного, жуткого звука, исходившего из птичьей клетки. Он напоминал свист, который начинался с низкой гортанной трели и медленно повышался до одинокого аккорда, распространявшегося по комнате, подобно звону большого бокала. Этот звук, повторяясь, оказывал такое гипнотическое действие, что казалось, все окружающее куда-то незаметно исчезает, а мое воображение выходит за пределы затуманенных окон в темные пышные глубины каких-то экзотических джунглей. Я потерял всякое представление о времени, и только тишина, наступившая после внезапного прекращения птичьего пения, снова возвратила меня в реальный мир. Я бросил взгляд через комнату, и в тот же миг мое сердце бешено заколотилось в груди и затем, казалось, совершенно перестало биться.

Заслонка печи медленно поднималась...

Мои друзья могут подтвердить, что я человек не нервный и не впечатлительный, но надо признаться, что, пока я сидел, судорожно ухватившись за ручки кресла, и пристально смотрел на тот ужасный предмет, который постепенно выходил из трубы наружу, мои члены онемели и временно отказались служить мне...

Крышка откинулась на пару дюймов, и через образовавшуюся щель стала выползать и карабкаться желтая масса длинных извивающихся щупальцев. В один миг эта масса оказалась снаружи и неподвижно застыла на поверхности печки.

Я всегда с ужасом смотрел на тарантулов Южной Америки, питающихся птицами, но они казались совсем ничтожными по сравнению с тем отвратительным существом, которое глядело сейчас на нас через комнату, залитую светом лампы. По своим размерам оно превосходило большую тарелку. Его твердое гладкое желтое тело было окружено поднимающимися вверх щупальцами, создававшими ужасное впечатление, что гигантское насекомое приготовилось к прыжку. На нем не было ни волоска, за исключением пучка жесткой щетины вокруг сочленений ног, а над большими ядовитыми челюстями сияли злобным красным переливчатым светом глаза, похожие на бусинки...

— Не шевелитесь, Вотсон,— прошептал Холмс, и в его голосе послышалась нотка ужаса, какой я раньше никогда не замечал.

Звук голоса пробудил чудовище. Одним молниеносным прыжком оно перескочило с печки на крышку птичьей клетки и, достигнув стены, понеслось с жужжанием вокруг комнаты и по потолку с такой лихорадочной быстротой, что глаза едва успевали следовать за ним. Холмс бросился вперед, как одержимый.

— Уничтожить его, уничтожить! — хрипло кричал он, нанося клюшкой удар за ударом по пятнистой массе, мчавшейся по стенам.

Пыль от поврежденной штукатурки наполнила воздух, стол с грохотом упал, когда я бросился на пол, а громадный паук одним прыжком перемахнул через комнату и очутился в угловой нише. Холмс перепрыгнул через меня, размахивая своей дубинкой.

— Оставайтесь на месте! — закричал он, и, в то время как в комнате еще звенел его голос, звук тяжелых ударов был прерван отвратительным хлопаящим

звуком. На мгновение чудовище повисло на стене и затем медленно спустилось на пол. Там оно осталось лежать, напоминая месиво из битых яиц, все еще судорожно подергивая своими членистыми конечностями.

— Благодарите Бога, что оно не задело вас при прыжке,— произнес я, задыхаясь, и поднялся на ноги. Холмс не ответил, и, взглянув вверх, я увидел в зеркале на стене отражение его бледного и напряженного лица.

— Боюсь, что теперь ваша очередь, Уотсон,— сказал он хладнокровно.— Там еще один!

Я резко обернулся, чтобы увидеть картину, которую буду помнить до конца своей жизни. Холмс стоял совершенно неподвижно в двух футах от печки, а из нее выполз другой чудовищный паук, отвратительное тело которого дрожало, готовясь к прыжку. Я инстинктивно почувствовал, что любое внезапное движение только ускорит прыжок страшилища, и поэтому, осторожно вытащив пистолет из кармана, выстрелил в упор. Сквозь пороховой дым я увидел, как чудовище сжалось и затем, медленно опрокинувшись, упало через открытую дверцу в печь. Тело паука скользило вниз по трубе, вызывая дребезжащий звук, который вскоре замер в отдалении.

— Он упал вниз по трубе! — закричал я, чувствуя, что мои руки трясутся от только что пережитого волнения.— У вас все в порядке, Холмс?

Он взглянул на меня, и в его глазах был замечен какой-то необычный блеск.

— Благодарю вас, мой друг,— сказал он спокойно.— Если бы я пошевелинулся, тогда... Но что это?

Внизу хлопнула дверь, и мгновением позже мы слышали быстрый топот ног по усыпанной гравием дорожке.

— За ним! — закричал Холмс, бросившись к двери.— Ваш выстрел предупредил его, что игра окончена. Мы не должны упустить его!

Но судьба решила иначе. Хотя мы стремглав спустились вниз по лестнице и помчались в тумане, Уилсон имел преимущество перед нами, так как он выбежал раньше нас, да и местность ему была знакома лучше. В течение некоторого времени мы следовали за ним, прислушиваясь к еле слышному топоту его ног

по пустынным переулкам по направлению к реке, пока наконец эти звуки не замерли вдалеке.

— Это нехорошо, Уотсон. Мы дали ему убежать,— произнес, задыхаясь Холмс.— Вот где пригодилась бы полиция. Но послушайте! Ведь это был крик, не так ли?

— Мне кажется, что я тоже что-то слышал.

— Ну, бесполезно продолжать дальнейшие поиски в тумане. Давайте вернемся и утешим нашу бедную хозяйку, уверив ее в том, что пришел конец всем ее тревоблениям...

— Какие это были кошмарные чудовища, Холмс,— воскликнул я, когда мы возвращались домой,— и совершенно неизвестного вида!

— Мне кажется, что вы не правы, Уотсон,— заметил он.— Это был галеодосский паук, ужас кубинских лесов. То, что он нигде больше не водится,— это большое счастье для остального мира. Чудовище это ведет ночной образ жизни и, насколько мне известно, обладает силой, достаточной, чтобы переломить одним ударом своих челюстей хребет небольшого животного или птицы. Вы, конечно, помните, что Джэнет как-то упоминала, что после возвращения дяди в доме исчезли крысы.

Несомненно, что Уилсон привез с собою пауков,— продолжал он,— и у него возникла мысль научить канареек подражать пению кубинских ночных птиц, которыми питается галеодосский паук. Следы на потолке были вызваны, конечно, сажей, прилипшей к ножкам паука после того, как он взбирался по дымоходу. К счастью для меня, эти следы остались на потолке, так как горничной невысокого роста трудно достать своей метелкой стену выше камина. Я не нахожу никакого оправдания моей прискорбной медлительности при решении данной проблемы, ибо факты с самого начала были перед моими глазами, а все дело оказалось элементарным по своему содержанию. И все же надо отдать должное Тиболду Уилсону за его почти дьявольскую хитрость. Как только эти страшилища были помещены в печь подвала, ему оставалось лишь провести две обычные дымоходные трубы, сообщающиеся со спальнями наверху. Если повесить к печке клетки с птичками, то дымоходы будут усиливать звуки птичьего пения и пауки, подгоняемые своим хищническим инстинктом, будут подниматься именно туда, куда приведет их труба, то есть к птичьим клет-

кам. Придумав, очевидно, какие-то средства для заманивания пауков обратно в их гнезда, Уилсон решил, что это вполне надежный и безопасный способ избавиться от тех, кто стоит между ним и богатством.

— Значит, укус этих пауков смертелен? — спросил я.

— Для человека со слабым здоровьем, вероятно, так. Но дьявольская коварность плана Уилсона заключалась в том, что, замышляя уничтожить свои жертвы, он рассчитывал скорее на устрашающий вид чудовищ, чем на их укусы, хотя бы они и были ядовиты. Ужасное зрелище приносило бедным людям смерть так же верно, как пуля, прошедшая сквозь сердце.

— Одного я не могу понять, Холмс, почему Уилсон обратился в Скотленд-Ярд?

— Потому что это был человек с железными нервами. Его племянница интуитивно чувствовала грозящую ей опасность. Уилсон, узнав, что она непреклонна в своем намерении уехать, замыслил убить ее немедленно и тем же самым способом. Кто бы посмел заподозрить его в убийстве? Разве он не обращался за помощью в Скотленд-Ярд и к самому Шерлоку Холмсу? Все бы подумали, что девушка умерла от сердечного припадка, подобно другим родственникам, и ее дядя явился бы предметом всеобщего соболезнования. Вспомните висячий замок на печной дверце в подвале, и вы восхититесь железными нервами этого человека, предложившего с готовностью принести ключ от замка. Безусловно, это был трюк, так как, конечно, Уилсон всегда бы мог сделать вид, что он потерял ключ. Я предпочитаю не думать о том, что оказалось бы перед нами, если бы мы все же настояли и открыли этот замок...

О Тиболде больше ничего не было слышно. На некоторые догадки и предположения, однако, наводит тот факт, что через несколько дней из Темзы извлекли тело человека, лицо которого было изуродовано до неузнаваемости, вероятно, винтом парохода. Полиция, хотя и обшарила карманы утопленника, не нашла никаких опознавательных данных. В карманах ничего не оказалось, за исключением лишь небольшой записной книжки, заполненной краткими записями насчет сроков высиживания фринджиллских канареек...

ТАЙНА ГРЕЙТ ВИРЛИ

Конан Дойл часто получал письма, адресованные Шерлоку Холмсу, с описанием уголовных дел и с просьбой помочь.

Однажды вечером Конан Дойл выбрал из стопки писем толстый конверт, набитый вырезками из газет. Вырезки относились к уголовному делу, завершеному три года назад. Дело выглядело таинственным, сенсационным.

Если в письме все было правдой, то дело требовало, конечно, нового расследования.

Давайте же внимательно ознакомимся с обстоятельствами этого загадочного дела.

...Мальчик, спешивший на работу в город, увидел в поле лошадь. Лошадь лежала в луже крови. Живот был вспорот.

Потом приехали полицейские. Двадцать полицейских, созданных со всего графства, бросились прочесывать окрестные поля и кустарники... И понятно: это был восьмой случай за полгода.

Между февралем и августом 1903 года восемь коров и лошадей были убиты каким-то маньяком. Полиция получила около сотни издевательских писем. В письмах смаковали резню, и одно из них заканчивалось словами: «Веселые времена наступят в Вирли к ноябрю. Мы примемся за маленьких девочек — каждая стоит двадцати лошадей».

Угроза устроила ужас, охвативший деревню. И вот 18 августа еще одна лошадь... Кто-то сделал это, хотя

двадцать полицейских день и ночь патрулировали окрестные поля.

И тогда инспектор Кэмпбелл принял решение.

Инспектор Кэмпбелл верил, как верили и все его коллеги, что знает, кто во всем виновен. В полумиле от места происшествия стояла церковь. Туда и пошли инспектор и его люди. Там они надеялись найти доказательства, достаточные, чтобы арестовать сына священника.

Здесь необходимо заметить, что Шапурджи Эдалджи, священник тамошнего прихода, был парсом, выходцем из Индии. И потому казался обывателям подозрительным человеком.

Священник Шапурджи Эдалджи был женат на англичанке. Их старший сын — двадцатисемилетний Джордж Эдалджи, юрист по образованию, работал в Бирмингеме. Каждое утро в семь тридцать он уезжал поездом на работу и в половине седьмого вечера возвращался в деревню. Джордж был худ и темнокож. Он с отличием окончил университет и был известен как автор весьма толковой книги о железнодорожном праве. Достоинства и способности молодого парса делали его в глазах обывателей человеком опасным.

— И не странно ли, — шептались в кабачке. — Не пьет и не курит. И не замечает тебя. Вот так. Смотрит и не замечает. А помнишь, прошлый раз?..

Несколько лет назад, когда Джордж еще учился в школе, по округе прокатилась волна подметных писем. В письмах ругали священника и его семью. Особенно доставалось Джорджу. От имени священника в газетах помещали глупые объявления. Непристойные открытки, подписанные его именем, рассылались другим священникам графства. Преследование парса продолжалось три года. Местные полицейские власти делали вид, что ничего не замечают. Это и понятно. Главный констебль графства, капитан Энсон, был твердо уверен, что все «черные» хуже скотины. Энсон утверждал, что автором анонимок был Джордж Эдалджи. И на протесты священника однажды ответил: «Надеюсь, ваш сын получит свое».

В конце 1895 года поток писем прекратился. Семь лет в Грейт Вирли все было спокойно — и вот...

— Джордж Эдалджи, — без колебаний заявили полицейские.

Таково было положение вещей к 18 августа, когда инспектор Кэмпбелл отправился к дому Эдалджи.

— Покажите мне одежду сына,— приказал Кэмпбелл. — А также оружие, которым он это делает.

Весь дом был перерыт, но полиции не удалось найти ничего, кроме четырех бритвенных лезвий, принадлежавших священнику. Нашли они также ботинки и плащ Джорджа, запачканные грязью.

— Плащ мокрый,— сказал Кэмпбелл.

Священник потрогал плащ и заявил, что плащ совершенно сух.

— Но тогда на нем лошадиные волосы,— сказал Кэмпбелл.

— Покажите хоть один,— возмутился священник.

— Я не обязан,— ответил Кэмпбелл и передал плащ одному из полицейских.

Как впоследствии указывал Конан Дойл, полиция не предъявила ни одного волоска, снятого с плаща в присутствии свидетелей.

Плащ полицейские положили в один сверток со шкурой убитой лошади и послали в суд. Плащ поступил к экспертам, и те без труда обнаружили на нем множество волос и пятен.

Это был единственный козырь полиции.

Вечером того же дня Джордж был арестован.

— Я и не удивляюсь,— сказал Джордж по пути в тюрьму. — Я этого давно ожидал.

Эти слова были записаны и фигурировали на процессе как свидетельство признания Джорджем своей виновности.

— Что вы делали вчера вечером? — спросили Джорджа.

— Я вернулся домой в половине седьмого. Несколько человек видели меня. Весь день шел дождь, и я промочил ботинки.

(Впоследствии Конан Дойл обратит внимание на то, что ботинки Джорджа были в черной грязи деревенской дороги, а не в желтой глине поля.)

— Я поужинал и отправился спать. Я сплю в одной комнате с отцом. Я не покидал спальни до утра.

Отец Джорджа подтвердил это.

Как только новость об аресте Джорджа распространилась по деревне, никто уже не сомневался, что именно он преступник. Чтобы толпа не линчевала «черного», полиция переправила арестованного в

центр графства. Толпа пыталась вытащить Джорджа из полицейской кареты.

«Множество теорий бытует в округе относительно целей убийства скота. Однако самая популярная из них,— писал репортер бирмингемской газеты «Экспресс энд Стар»,— заключается в том, что молодой Эдалджи приносил лошадей и коров в жертву своим языческим богам».

20 октября 1903 года состоялся суд.

Решающее впечатление на присяжных произвели отпечатки следов преступника. Полицейский сравнил следы, оставленные преступником, с отпечатками ботинка Джорджа. Правда, на земле было множество следов, поэтому остается загадкой, как полицейский умудрился найти там единственный нужный ему след. Но все-таки полицейский нашел нечто. (Когда автор Шерлока Холмса читал это место судебного отчета, он не мог удержаться от смеха.) Полицейский вдавил в грязь рядом с трупом лошади ботинок Джорджа и таким образом достиг сразу двух целей. Получил отпечаток следа Джорджа и испачкал ботинок желтой грязью. Потом полицейский измерил оба отпечатка и убедился, что они одинаковой длины.

— Были ли сфотографированы отпечатки?

— Нет, сэр.

— Были ли сделаны с них слепки?

— Нет, сэр.

— А где же вещественные доказательства?

— Мое слово.

— Каким образом вы измеряли длину следов?

— Палочкой. И когда ее не хватило, соломинкой.

В это время в деревне Грейт Вирли была найдена еще одна зарезанная лошадь. Джордж сидел в тюрьме, и обвинить его в преступлении было невозможно. В ноябре еще одна... Тем не менее Джордж был приговорен к семи годам строгого заключения.

А жизнь в деревне шла своим чередом. Кто-то резал лошадей. Кто-то продолжал писать подметные письма...

В 1906 году, через три года, двери тюрьмы, в которой был заключен Джордж, открылись. Джорджа выпустили. Нет, его не оправдали. Никто не сказал ему, почему он был отпущен на свободу. Он оставался под наблюдением полиции, и обвинение не бы-

ло с него снято. Что же послужило причиной такого решения?

Тысячи англичан штурмовали правительство петициями, требуя пересмотреть дело Эдалджи. В защиту Джорджа выступили и некоторые органы печати. Дело получило широкую огласку за рубежом. Однако министерство внутренних дел не ответило ни на одну петицию. И когда Джорджа выпустили из тюрьмы, никакого заявления в этой связи сделано не было.

— Что же мне теперь делать? — спрашивал в отчаянном письме к Конан Дойлу Эдалджи. — Из списков юристов я вычеркнул. Да и вряд ли я могу вернуться к своей профессии, находясь под гласным надзором полиции. Я хочу получить ясный ответ — виновен я или нет? И не получаю никакого ответа...

Расследование дела Эдалджи, которое предпринял Конан Дойл, потребовало от писателя восьми месяцев напряженной работы. Он отложил в сторону все свои дела, сам оплачивал все издержки, связанные с расследованием.

«Или человек виновен, или нет, — писал Конан Дойл. — Если виновен, он заслуживает того, чтобы провести в тюрьме все семь лет, на которые осужден. Если нет, то он должен быть не только освобожден, но и полностью оправдан».

Впервые Конан Дойл встретился с Джорджем в январе 1907 года.

— Одного взгляда на Джорджа Эдалджи, — заявил после этого Конан Дойл, — было достаточно, чтобы полностью убедиться в том, что он не виновен в приписываемых ему преступлениях. Когда я увидел его, он читал, приблизив газету к глазам, глядя на нее немного вбок, что доказывало...

Писатель подошел к Джорджу, протянув ему руку, представился и спросил:

— Мистер Эдалджи, вы случайно не страдаете астигматической миопией?

Нам трудно судить о чувствах молодого юриста, ибо вряд ли он мог предполагать, что именно такими будут первые слова знаменитого писателя. Однако Конан Дойл продолжал:

— Я по образованию врач. Мне показалось, что у вас ясно выраженный астигматизм, сопровождаемый близорукостью. Вы не носите очков?

— Нет. Я был у специалистов, но они не смогли подобрать мне очки. Они сказали..»

— Поднимался ли вопрос о вашей болезни на суде?

— Сэр Артур,— ответил Джордж,— я хотел пригласить окулиста в качестве свидетеля, но мой адвокат сказал, что улики против меня настолько смехотворны, что никаких свидетелей не понадобится.

Никаких сомнений больше у Конан Дойла не осталось. Ведь Джордж плохо видел и днем. Ночью же, в поле, он был бы беспомощен. Представить себе этого человека крадущимся ночью по полям невозможно.

И все-таки Конан Дойл немедленно отправился с Джорджем к известному окулисту. Врач обнаружил у Джорджа близорукость в восемь диоптрий.

11 января первая часть «Дела Джорджа Эдалджи» появилась на страницах «Дейли телеграф» за подписью Конан Дойла. Писатель подробно разбирал свидетельства обвинения и доказывал, что они не имеют никакого отношения к правосудию.

Конан Дойл писал: «Если возможно извинить чувства темных обывателей, внушенные цветом кожи Эдалджи, то значительно труднее извинить главного констебля. Это,— продолжал Конан Дойл,— повторение дела Дрейфуса. Капитан Дрейфус во Франции был сделан козлом отпущения, потому что был евреем. Эдалджи был сделан козлом отпущения в Англии, потому что он парс. Англия, которая привыкла гордиться тем, что она свободная страна, была возмущена до глубины души, узнав о деле Дрейфуса, о том, что такое может случиться во Франции. А почему же мы молчим, когда подобное случается у нас?»

«Правительство захлопнуло дверь перед лицом правосудия,— заканчивал статью писатель.— И теперь я обращаюсь к последней инстанции трибунала, трибунала, который никогда не должен ошибаться. Я обращаюсь к народу Великобритании с вопросом: неужели мы потерпим такое в нашей стране?»

На следующий день вся страна говорила об Эдалджи. Газета была завалена самыми противоречивыми откликами. Крупнейшие специалисты по уголовному праву требовали нового расследования. Министр внутренних дел был вынужден заявить, что дело Эдалджи «будет внимательно рассмотрено». Однако эти слова оставались словами. В то время в Англии не сущест-

вовало апелляционного суда, и потому формально некому было пересматривать дело. Тогда Конан Дойл решил найти настоящего преступника. Он отправился в деревню Грейт Вирли собирать доказательства.

И вдруг Конан Дойл начал получать анонимные письма.

Сравнив эти письма с письмами, приписываемыми Джорджу, Конан Дойл пришел к заключению:

«На основании почерка я полагаю, что письма 1892—1895 годов написаны подростком, который к 1903 году вырос, однако ни почерк, ни метод выражения не изменился коренным образом. Я предполагаю, что этот человек и виновен в резне».

Конан Дойл обратил внимание, что с 1895 по 1903 год никто писем не получал.

Вернее всего, автор этих писем куда-то уезжал. Но куда? Писатель обратился к письму 1904 года. В нем автор несколько раз упоминает о море. Можно предположить, что он служил на каком-нибудь корабле. Да и последний выпад против Эдалджи-старшего в 1895 году исходил из прибрежного города Блекпул. Блекпул расположен по соседству с крупным портом Ливерпулем. И Конан Дойл принял этот вариант в качестве рабочей гипотезы.

Необходимо было обнаружить, где мог учиться автор письма. Конан Дойл обратился к архивам Вальсальской школы. Ключ от этой школы был подброшен вместе с мусором на участок священника. Подписаны письма именами разных учеников этой же школы. Кроме того, в письмах встречаются нападки на директора школы.

«Моим следующим шагом было выяснить: был ли в Вальсальской школе ученик, который а) не любил директора, б) отличался вредным характером, в) после школы ушел служить в море».

И вот что выяснил писатель: в Вальсальской школе учился между 1890 и 1892 годом некий Питер Гудзон. Гудзон был исключен из школы, потому что никто не мог с ним справиться. Он был известен тем, что подделывал письма и документы. Никогда не расставался с ножом. После исключения из школы Питер поступил учеником к мяснику. Там он научился резать скот. В конце декабря 1895 года Питер нанялся на корабль и ушел в море... Вернулся он домой в 1905 году и жил в деревне Грейт Вирли.

Конан Дойл нашел в деревне некую миссис Смолкинг, которая рассказала, что в 1903 году зашла как-то в дом к Питеру. Разговор зашел о преступлениях в округе. Питер подошел к шкафу, вынул оттуда большой нож, которым режут скот, и сказал:

— Посмотрите, вот этой штукой и зарезана вся скотина.

— Немедленно спрячьте нож,— сказала миссис Смолкинг. — А то я еще подумаю, что вы и есть преступник.

Питер спрятал нож в шкаф.

Впоследствии Конан Дойл раздобыл этот нож и переслал его в министерство внутренних дел. Больше того, Конан Дойл доказал, что все лошади и коровы были зарезаны в 1903 году именно этим ножом.

Выяснилось также, что вначале Питеру помогал писать письма его старший брат — вся семья Гудзонов острой ненавистью ненавидела «цветных» Эдалджи.

Все улики, собранные в деревне, Конан Дойл переслал в министерство внутренних дел, которое было вынуждено создать специальную комиссию для пересмотра дела Эдалджи. Писатель не сомневался, что дело будет выиграно.

— Мне осталось только пригласить Джорджа к себе на свадьбу,— писал он.

В мае было опубликовано решение комиссии. Комиссия признавала, что Эдалджи был неправильно обвинен в преступлении, но, с другой стороны, комиссия продолжала считать, что Джордж мог быть автором анонимных писем. «Несмотря на то что он не виноват в преступлении, он до какой-то степени виноват в тех неприятностях, которые ему пришлось пережить». Поэтому комиссия признавала, что Джордж должен быть оправдан, однако в компенсации за трехлетнее заключение ему было отказано, потому что он сам якобы был виновен в том, что его арестовали.

Другими словами, комиссия пошла на компромисс.

Общественное мнение страны, убежденное Конан Дойлом в полной непричастности Джорджа к этому делу, было возмущено. Последовали ядовитые запросы правительству в палате общин. Общество юристов единогласно постановило восстановить Эдалджи в правах. «Дейли телеграф» объявила подписную кампанию сбора средств в пользу Джорджа.

А Конан Дойл, едва владеющий собой от возмущения, бросился в министерство внутренних дел.

— Вы, очевидно, полагаете, что Джордж Эдалджи сумасшедший? — требовал он ответа.

— Нет, не полагает.

— Тогда вы считаете, что он и мне посылал угрожающие письма?

— Обратитесь к докладу комиссии. Мы ничего не можем добавить.

Но Конан Дойл не сдался. Он выступил с серией статей «Кто написал письма?». Писатель раздобыл образцы почерков Джорджа и Питера Гудзона, подозреваемого в преступлении, привлёк крупнейших экспертов-графологов, в том числе и тех, кто выступал на стороне защиты в деле Дрейфуса. Мнение экспертов было единогласным: авторами писем являются Питер Гудзон и его брат.

В ответ министерство заявило, что оно не собирается открывать дела против Гудзона. Дальнейшего расследования не будет.

...В конце того же года в газетах появились сообщения: «Женигьба сэра Конан Дойла».

На свадьбе присутствовали только самые близкие друзья. Среди них был гость, которого встретили особенно тепло. Это был Джордж Эдалджи.

Эдалджи, который принес в подарок новобрачным одностомники Шекспира и Теннисона, был смущен тем, что общее внимание приковано к нему.

И на вокзале, перед тем как поезд увез Конан Дойла в свадебное путешествие, он подошел к Артуру и тихо сказал:

— Я счастлив. Мне вообще-то повезло.

В том же году не без усилий Конан Дойла в Англии был создан наконец апелляционный суд.

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ ДОКТОРА УОТСОНА

(Этюд о страхе)

ЭЛЛЕРИ НАЧИНАЕТ

Эллери размышлял.

И довольно долго.

Потом встал, схватил десять страниц только что отпечатанного текста и разорвал их на четыре неровные части.

Он хмуро смотрел на смолкшую пишущую машинку. Она с издевкой смотрела на него.

Зазвонил телефон, и он бросился к нему.

— Ну что ты рычишь на меня,— слышался голос, в котором звучали тоскливые нотки.— Я же развлекаюсь... как приказано.

— Отец! Это у меня сорвалось. Понимаешь, сюжет никак не вытанцовывается. Как там на Бермудах?

— Солнце печет, вода синяя, и столько песку кругом, что тошно. Я собираюсь домой.

— Ну нет,— твердо ответил Эллери.— Эта поездка стоила мне кучу денег, и я хочу, чтобы мои расходы окупились.

Инспектор Куин жалобно вздохнул.

— Ты настоящий диктатор, когда это касается меня. Можно подумать, что я инвалид.

— Ты переутомился.

— Может, все-таки договоримся? — с надеждой в голосе спросил инспектор Куин.

— Тебе приказано расслабиться, отдыхать и ни о чем не думать.

— Ну ладно, ладно. Тут напротив моего домика идет игра — метание колец в цель. Может, сыграю.

— Давай, отец, завтра позвоню, узнаю счет.

Эллери положил трубку и с ненавистью взглянул на пишущую машинку. Проблема оставалась нерешенной. Он обогнул стол и зашагал по комнате.

Тут, к счастью, зазвонил звонок в парадную дверь.

— Оставьте сэндвичи на столе,— крикнул Эллери,— и возьмите деньги.

Посетитель не послушался. Он прошел из передней в комнату, где изнывал великий человек. Эллери проворчал:

— Это вы? Я думал, это рассыльный из кулинарии.

Грант Эймс-третий с бесцеремонностью привилегированного бездельника-миллионера двинулся прямо к бару. Он сунул туда большой конверт из грубой бумаги, который держал в руках, и взял бутылку виски и бокал.

— Кстати, я тоже кое-что принес,— объявил Эймс,— и почище ваших сэндвичей.— Он уселся на диван.— Неплохое у вас виски, Эллери.

— Рад, что вам нравится. Возьмите бутылку с собой. Я работаю.

— Но я требую особого отношения к себе как ваш почитатель. Я ведь проглатываю все ваши книги.

— Которые вы берете у своих неразборчивых друзей,— проворчал Эллери.

— Это несправедливо,— сказал Грант, подливая себе виски.— Прощения будете просить, когда узнаете, зачем я пришел.

— Зачем же?

— Я ведь сказал, что принес кое-что. Вы разве не слышали?

— Что именно?

— Вон тот конверт. Возле бутылки джина.

Эллери повернул голову в указанном направлении, но Грант остановил его.

— Сперва я должен ввести вас в курс дела, Маэстро.

Снова раздался звонок в дверь. На этот раз прибыли сэндвичи. Эллери вышел в прихожую и вернулся с набитым ртом.

— Почему вы не хотите работать, Грант? Устройтесь к своему отцу на один из его консервных заводов. Или наймитесь сборщиком гороха. Кем хотите, только оставьте меня в покое. Повторяю, мне надо работать.

— Не перескакивайте на другую тему,— сказал Грант-третий.— У вас там случайно не маринованный огурчик? Обожаю маринованные огурцы.

Эллери протянул ему ломтик огурца и бухнулся в кресло.

— Ну ладно, валяйте. Покончим с этим поскорее. Вы хотели ввести меня в курс дела. Какого?

— Сперва о том, с чего все началось. Вчера после обеда собралась компашка в Уэстчестере. Я в том числе. Поразмялись немного.

— Везет же людям,— сказал Эллери с завистью.

— Поплавали, поиграли в теннис и прочее. Народу было немного.

— Большинство людей имеет скверную привычку в будни после обеда работать.

— Ради Бога, не порите чушь. Меня этим не устыдите,— сказал светский повеса.— Я вам оказываю услугу. Ко мне таинственным образом попадает конверт, и я доставляю его вам на дом согласно просьбе.

— Чьей просьбе?

Эллери еще ни разу не взглянул на конверт.

— Не имею ни малейшего представления. Когда я собрался улизнуть, то обнаружил на сиденье моего «ягуара» конверт. На нем было написано: «Передайте, пожалуйста, Эллери Куину». Сдается мне, что это человек, который до того вас боится, что не решился сделать это сам, и знает о нашей неразрывной дружбе.

— Скучная история. Послушайте, Грант, вы сами это придумали? Мне сейчас не до шуток. Сроки так поджимают, что дохнуть некогда. Пойдите лучше поболтайте с одной из ваших красоток.

— А конверт? — Грант вскочил, как истый атлет, взял конверт из бара и подал его Эллери.— Вот. Доставлен по назначению. Передан из рук в руки. Делайте с ним что хотите.

— А что я должен делать? — спросил Эллери кислым тоном.

— Понятия не имею. Это рукопись. Похоже, старая. Наверное, вы должны ее прочесть.

— Значит, вы посмотрели, что внутри?

— Счел своим долгом. Ведь могли писать отравленным пером или подсунуть порнографию. Подумал о вашей нравственности, дружище. Не мог поступить иначе.

Эллери нехотя, но не без любопытства взял конверт.

— Почерк женский.

— Мне показалось, что содержание совершенно безвредное,— сказал Грант, вертя в руке бокал.— Безвредное, но примечательное.

— Стандартный конверт,— пробормотал Эллери,— для бумаги размером 8,5 на 11.

— Ей-Богу, Эллери, у вас бухгалтерская душа. Вы хоть внутрь заглянули бы.

Эллери отогнул зажим и вынул из конверта тетрадь в картонном переплете, на котором крупным старомодным шрифтом было напечатано: «Для заметок».

— Действительно,— сказал он,— похоже, что тетрадь старая.

Грант с хитрой улыбкой следил за Эллери, который прочитал первую страницу, широко раскрыл глаза, перевернул ее, прочитал следующую, потом еще одну.

— Боже мой! — воскликнул он.— Это, кажется, одно из приключений Шерлока Холмса, описанное доктором Уотсоном! Притом оригинал!

— Думаете, подлинник?

Стальные глаза Эллери блеснули.

— Вы ведь сказали, что прочитали рукопись?

— Не мог удержаться.

— Вы знакомы со стилем Уотсона?

— Я почитатель Шерлока Холмса, Эллери Куина, Эдди По,— сказал Грант, одобрительно разглядывая виски в бокале.— Да, пожалуй, подлинник.

— Быстро вы определяете, друг мой.— Нахмурясь, Эллери посмотрел на пишущую машинку. Она казалась такой далекой.

— Я думал, вы заинтересуетесь.

— Я бы заинтересовался, если бы тут не было подвоха. Но неизвестная история о Холмсе! — Он полистал тетрадь.— Более того, судя по всему, роман. Неизвестный роман! — Он покачал головой.

— Вы не верите, что это подлинник?

— Я перестал верить в Санта Клауса в возрасте трех лет, Грант. Вы другое дело: Санта Клаус одаривает вас с колыбели.

— Значит, вы думаете, это подделка?

— Пока я еще ничего не думаю. Но миллион шансов против одного, что это подделка.

— Для чего нужно было проделывать такую работу?

— Для того же, для чего люди карабкаются на горы. Из спортивного интереса.

— Ну, прочтите хотя бы первую главу.

— Грант, у меня нет времени!

— Для нового романа о Шерлоке Холмсе? — Подойдя к бару, Грант налил себе еще виски. — Я посижу здесь тихонько, попивая виски, и подожду.

Он устроился поудобнее на диване, скрестив длинные ноги.

— Черт бы вас побрал. — Эллери долго с раздражением смотрел на тетрадь, потом вздохнул, точь-в-точь как его отец, сел и принялся за чтение.

ИЗ ЗАПИСОК ДЖОНА УОТСОНА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

Глава I

НАБОР ХИРУРГИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ

— Вы совершенно правы, Уотсон. Вполне возможно, что Потрошитель — женщина.

Было ясное утро осени 1888 года. Я уже не проживал постоянно на Бейкер-стрит, 221-Б. После женитьбы, взяв на себя обязанность — причем приятнейшую — материально обеспечивать жену, я возобновил врачебную практику. Поэтому прежняя тесная связь с моим другом мистером Шерлоком Холмсом сменилась редкими встречами.

Что касается Холмса, то он без всяких на то оснований утверждал, что «злоупотребляет моей отзывчивостью», когда пользуется моими услугами в качестве помощника и доверенного лица. «Вы так умеете слушать, дружище», — говорил он обычно, и это вступление всегда доставляло мне удовольствие, ибо предвещало, что мне вновь может выпасть честь разделить с ним опасности и волнения нового расследования. Благодаря этому нить моей дружбы с великим сыщиком не обрывалась.

Моя жена, самая чуткая из женщин, воспринимала эти отношения с редким терпением. Постоянные чита-

тели моих несовершенных повествований о делах, которые расследовал Шерлок Холмс, помнят ее как Мэри Морстен, с которой меня свела счастливая случайность, когда вместе с Холмсом я был занят делом, озаглавленным мною «Знак четырех». Преданная жена, каких мало, она коротала долгие вечера в одиночестве, пока я разбирал свои заметки о старых приключениях Холмса.

Однажды утром за завтраком Мэри сказала:

— Я получила письмо от тети Агаты.

Я отложил газету.

— Из Корнуолла?

— Да. Бедняжка. Жизнь старой девы такая одинокая. А теперь врач уложил ее в постель.

— Надеюсь, ничего серьезного.

— Она об этом не пишет. Но ей уже скоро восемьдесят, и кто знает...

— Она совершенно одна?

— Нет, с ней Бет, моя старая нянюшка, да еще работник, который следит за домом и участком.

— Приезд любимой племянницы, конечно, был бы для нее полезнее всех лекарств мира.

— Она прямо не просит, скорее, робко намекает, но я колеблюсь...

— Я думаю, тебе надо поехать, Мэри. Недельки две в Корнуолле и тебе пойдут на пользу. В последнее время ты немного побледнела.

Мои слова были вполне искренними, но отчасти они были подсказаны другой, более мрачной мыслью. Не будет преувеличением сказать, что в то утро в 1888 году всякий мужчина в Лондоне, обладающий чувством ответственности, рад был бы отправить свою жену, сестру или возлюбленную из города, представься ему такая возможность. Причина для этого была одна, и весьма веская. Ночами по улицам и темным переулкам рыскал Джек Потрошитель.

И хотя наш тихий домик в Паддингтоне находился далеко от Уайтчэпела, где орудовал маньяк, кто мог быть спокоен? Когда речь шла об этом чудовище, логика не помогала.

Мэри задумчиво вертела конверт.

— Мне не хочется оставлять тебя одного, Джон.

— Уверяю тебя, я вполне справлюсь один.

— Но тебе тоже полезно переменить обстановку, и в твоей практике как будто затишье.

— Ты мне предлагаешь поехать с тобой?

Мэри рассмеялась.

— Упаси Бог! В Корнуолле ты бы с ума сошел от скуки. Лучше сложи чемодан и погости у своего друга Шерлока Холмса. Я знаю, что тебе всегда рады на Бейкер-стрит.

Боюсь, я не слишком сопротивлялся. Предложение Мэри было весьма соблазнительным. Итак, отправив ее в Корнуолл и быстро уладив дела, связанные с практикой, я перебрался к Холмсу, не только к своему, но, льщу себя надеждой, и к его удовольствию.

Поразительно, с какой легкостью мы возобновили заведенный распорядок. Хотя я знал, что уже не смогу довольствоваться прежней холостой жизнью, вновь обретенная близость к Холмсу была восхитительна. И это подводит меня несколько кружным путем к неожиданному восклицанию Холмса: «Никоим образом нельзя исключить возможность того, что чудовище окажется женщиной!»

Знакомая таинственная манера, и, должен признаться, я был несколько раздражен.

— Послушайте, Холмс, во имя всего святого, я ведь никак не дал вам понять, что такая мысль мелькнула у меня в голове.

Холмс улыбнулся, наслаждаясь игрой.

— Сознайтесь же, Уотсон, что это так.

— Ну хорошо, но...

— И вы не правы, утверждая, что не выдали своих мыслей.

— Но я сидел спокойно, фактически неподвижно, и читал «Таймс».

— Ваши глаза и голова вовсе не были неподвижны. Читая, вы остановили взгляд на крайней колонке слева, в которой описывается новое злодеяние Джека Потрошителя. Немного спустя вы отвели взор от заметки и возмущенно нахмурились. Было очевидно, что вы думаете о том, как это такое чудовище безнаказанно бродит по улицам Лондона.

— Совершенно верно.

— Потом, дружище, ваш взгляд остановился на журнале «Стрэнд мэгэзин», который лежит возле вашего стула. Он раскрыт на рекламе фирмы Белделл, предлагающей вечерние туалеты для дам якобы по умеренным ценам. Один из туалетов демонстрирует манекенщица. Выражение вашего лица сразу измени-

лось. Оно стало задумчивым. Это выражение сохранялось до тех пор, пока вы не перевели взгляд на портрет ее величества, висящий над камином. Мгновение спустя черты вашего лица разгладились, и вы кивнули головой. Вы укрепились в мысли, которая пришла вам на ум. В этот момент я выразил согласие с предположением, что Потрошитель может оказаться женщиной.

— Но, Холмс...

— Полноте, Уотсон. После отставки ваша проницательность притупилась.

— Но ведь когда я взглянул на рекламу в «Стрэнде», мне могла прийти в голову любая мысль.

— Не согласен. Ваш ум полностью поглощен историей Потрошителя, и, конечно, реклама дамских вечерних платьев слишком далека от ваших обычных интересов, чтобы отвлечь ваши мысли. Следовательно, идея, которая у вас возникла, должна была быть связана с вашими мыслями о злодее. Вы подтвердили это, подняв глаза на портрет королевы на стене.

— Позвольте спросить, как это могло выдать мою мысль? — воскликнул я запальчиво.

— Разумеется, Уотсон, вы не заподозрили ни манекенщицу, ни нашу милостивую королеву. Следовательно, вы рассматривали их просто как женщин.

— Допустим, — сказал я, — но разве не разумнее предположить, что я думал о них как о возможных жертвах?

— В этом случае у вас на лице появилось бы сострадание, а не выражение гончей, внезапно напавшей на след.

Я был вынужден признать поражение.

— Холмс, вы опять губите себя своей откровенностью.

Холмс нахмурил густые брови.

— Не понимаю.

— Представьте себе, какое впечатление вы производили бы, если бы отказались пояснять ваши поразительные дедукции.

— Но какой ценой для ваших мелодраматических повествований о моих скромных заслугах, — сказал он сухо.

Я поднял руки в знак капитуляции, и Холмс, который и улыбался-то не слишком часто, рассмеялся от души вслед за мной.

— Поскольку вы заговорили о Джеке Потрошителе,— сказал я,— разрешите задать вам вопрос: почему вы до сих пор не заинтересовались этим делом, Холмс? Вы оказали бы великую услугу жителям Лондона.

Холмс нетерпеливо махнул своими длинными тонкими пальцами.

— Я был занят. Как вам известно, я совсем недавно вернулся с континента, где мэр некоего города попросил меня разгадать прелюбопытную загадку. Зная ваш склад ума, я полагаю, вы назвали бы это дело «История безногого велосипедиста». Когда-нибудь я передам вам все детали для ваших записок.

— Буду счастлив! Но вы уже вернулись в Лондон, Холмс, а чудовище терроризирует город. Я полагал, вы сочтете себя обязанным...

Холмс сказал сердито:

— Я никому и ничем не обязан.

— Прошу, поймите меня правильно...

— Сожалею, мой дорогой Уотсон, но вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы не сомневаться в моем полном безразличии к подобному делу. Разве я не искал обычно проблем интеллектуального характера? Разве меня не притягивали всегда противники крупных масштабов? Подумаешь, Джек Потрошитель! Какую особую проблему может представлять этот полоумный? Кровожадный кретин, рыскающий по улицам после наступления темноты и бьющий наугад.

— Он поставил в тупик лондонскую полицию.

— Смею заметить, что это говорит скорее о беспомощности Скотленд-Ярда, нежели об особой находчивости Потрошителя.

— Но все же...

— Это скоро кончится. Думаю, что в одну из ближайших ночей Лестрейд споткнется о Потрошителя в момент, когда маньяк будет совершать убийство, и победоносно передаст его в руки правосудия.

Скотленд-Ярд постоянно раздражал Холмса своей неповоротливостью.

Звонок в дверь прервал наш разговор. Прошло несколько минут, и мы услышали шаги миссис Хадсон, поднимавшейся по лестнице. Когда она вошла, я с удивлением увидел у нее в руках пакет в оберточной бумаге и ведро с водой. На лице ее был написан открытый страх.

Холмс расхохотался, второй раз за утро.

— Не бойтесь, миссис Хадсон. Пакет кажется вполне безобидным. Я уверен, что вода нам не понадобится.

— Вам виднее, мистер Холмс. После прошлого случая я боялась рисковать.

— Ваша осторожность весьма похвальна,— сказал Холмс, беря пакет.

Когда его многострадальная хозяйка ушла, он пояснил:

— Совсем недавно миссис Хадсон принесла мне пакет. Это было после того, как я привел к благополучному исходу одно пренеприятное дело, и пакет был послан мстительным джентльменом, который недооценил остроту моего слуха. Я услышал тиканье механизма и попросил ведро воды. Этот инцидент так перепугал миссис Хадсон, что она до сих пор не оправилась.

— Неудивительно!

— Ну так что же нам принесли? Хм, размер примерно пятнадцать дюймов на шесть. Четыре дюйма толщины. Аккуратная упаковка. Простая оберточная бумага. Почтовый штемпель Уайтчэпел. Фамилия и адрес написаны рукой женщины, которая, я бы сказал, редко держит перо в руках.

— Весьма возможно, судя по каракулям. И почерк, несомненно, женский.

— Значит, вы согласны, Уотсон? Прекрасно! Заглянем внутрь?

— Разумеется.

Появление пакета вызвало живой интерес Холмса. Я уж не говорю о себе. Его глубоко посаженные серые глаза заблестели, когда он, развернув бумагу, достал плоский кожаный футляр и протянул его мне.

— Что вы скажете по этому поводу, Уотсон?

— Это набор хирургических инструментов.

— Кому лучше знать, чем вам! Не считаете ли вы, что это дорогая вещь?

— Да, кожа высшего качества. И работа превосходная.

Холмс положил футляр на стол. Он открыл его, и мы замолчали. Это был стандартный набор инструментов. Каждый из них покоился в соответствующем углублении в темно-красном бархате, которым футляр был обит изнутри. Одно углубление было пусто.

— Какого инструмента недостает, Уотсон?

— Большого скальпеля.

— Ножа для вскрытия,— кивнул Холмс, протирая увеличительное стекло.— О чем же говорит нам этот футляр? — Он внимательно осмотрел сам футляр и его содержимое.— Начнем с очевидного: эти инструменты принадлежали медику, который впал в нужду.

Вынужденный, как обычно, признать свою слепоту, я пробормотал:

— Боюсь, что это более очевидно для вас, чем для меня.

Занятый осмотром, Холмс ответил рассеянно:

— Если бы вы оказались в стесненных обстоятельствах, Уотсон, что из своего имущества вы отнесли бы в ломбард в последнюю очередь?

— Конечно, мои медицинские инструменты, но...

— Вот именно.

— Почему вы считаете, что эти инструменты были заложены?

— Имеются два доказательства. Посмотрите вот сюда через увеличительное стекло.

Я посмотрел на указанное место.

— Вижу белое пятнышко.

— Это порошок для чистки серебра. Ни один хирург не станет чистить инструмент таким порошком. Эти же были начищены, как простые столовые приборы, кем-то, кого заботил только их внешний вид.

— После вашего объяснения не могу не согласиться. Какое же второе доказательство?

— Видите пометку мелом на боковой плоскости футляра? Она почти стерлась, но если вы присмотритесь, то увидите, что это номер. Такой номер ростовщик обычно пишет мелом на закладываемом предмете. Очевидно, он соответствует номеру на квитанции.

Я почувствовал, как краска бросилась мне в лицо. Теперь это было ясно, как день.

— Значит, футляр был украден! — воскликнул я.— Украден у хирурга и заложен за гроши в ломбарде.

Я уверен, что читатели простят мое негодование: мне было трудно поверить, что врач, даже при самых стесненных обстоятельствах, расстанется с инструментами, необходимыми для его благородной миссии.

Холмс, однако, не замедлил вывести меня из заблуждения.

— Боюсь, мой дорогой Уотсон,— сказал он жизнерадостным тоном,— что вы не улавливаете более тонкого смысла этой вещественной улики. Ростовщики — хитрые бестии. Они оценивают не только вещи, но и людей, которые их приносят. Это их профессиональная черта. Если бы ростовщик питал малейшее подозрение, что набор украден, он бы не выставил его в витрине, что, как вы, конечно, заметили, он сделал.

— Конечно, не заметил! — воскликнул я.— Откуда вы можете знать, что футляр лежал на витрине?

— Посмотрите внимательно,— сказал Холмс.— Футляр лежал в раскрытом виде в месте, куда падало солнце. Разве не свидетельствует об этом выгоревшая полоска на бархатной обивке с внутренней стороны крышки? Более того, этот край настолько выцвел, что, видимо, футляр пролежал там довольно долго.

Я мог лишь кивнуть. Как всегда, стоило Холмсу пояснить свои поразительные наблюдения, как они начинали казаться примитивно простыми.

— Жаль,— сказал я,— что мы не знаем, где находится ломбард, а то, пожалуй, стоило бы выяснить, откуда появился этот любопытный подарок.

— Быть может, в свое время выясним, Уотсон,— сказал Холмс с отрывистым смешком.— Ломбард, о котором идет речь, находится вдали от людных улиц. Он смотрит на юг и расположен на узкой улочке. Дела ростовщика отнюдь не блестящи. Можно еще отметить, что он родом иностранец. Вы, конечно, видите все это?

— Ничего подобного я не вижу,— сказал я, вновь уязвленный.

— Напротив,— проговорил Холмс, соединяя кончики пальцев и ласково глядя на меня,— вы все это видите, мой дорогой Уотсон, но вы не делаете никаких выводов. Разберем мои заключения по порядку. Эти инструменты были бы с радостью приобретены одним из многочисленных студентов-медиков в Лондонском Сити, что, несомненно, произошло бы, находишь ломбард на большой проезжей улице. Отсюда я делаю вывод, что он расположен поодаль от людных улиц.

— Но почему именно на южной стороне узкой улочки?

— Обратите внимание на то, где находится выго-

ревшее место. Это ровная полоска у верхнего края бархатной подкладки. Следовательно, солнце падало на открытый футляр, когда находилось в зените, и здания на противоположной стороне улицы не закрывали его лучи. Значит, ломбард находился на южной стороне узкой улицы.

— А как вы определили, что ростовщик по происхождению иностранец?

— Взгляните на цифру семь в номере закладной, написанной мелом сбоку футляра. Вертикальную палочку перекрещивает короткая перекладина. Только иностранцы перекрещивают семерки таким образом.

Я снова почувствовал себя как пятиклассник, забывший слова национального гимна.

— Холмс, Холмс,— сказал я, качая головой,— я никогда не перестану вам удивляться...

Но он не слушал. Он вновь нагнулся над футляром и просунул щипчики под бархатную подкладку. Она поддалась, и он отогнул ее.

— Ага! Что это, не попытка ли сокрытия?

— Сокрытия чего? Пятен? Царапин?

— Вот чего,— сказал он, указывая своим тонким длинным пальцем.

— Да ведь это герб!

— И, признаюсь, мне неизвестный. Поэтому, Уотсон, будьте добры, подайте мне «Справочник пэров» Бэрка.

В то время как я послушно направился к книжным полкам, он продолжал рассматривать украшение наверху гербового щита, бормоча себе под нос: «Тиснение по коже футляра. Поверхность по-прежнему в прекрасном состоянии». Он распрямился.

— Ключ к личности человека, которому принадлежал набор инструментов.

— Он, видимо, аккуратно обращался со своими вещами.

— Возможно, но я имел в виду...

Он не закончил фразу. Я протянул ему справочник Бэрка, и он начал быстро листать его.

— Нашел!

Бегло рассмотрев герб, Холмс закрыл книгу, положил ее на стол и сел на стул, уставившись в одну точку своим пронзительным взглядом.

Я не мог больше скрывать нетерпение.

— Чей это герб, Холмс?

— Прошу прощения, Уотсон,— сказал Холмс, очнувшись,— Шайрса. Кеннета Осборна, герцога Шайрского.

Это имя было мне хорошо известно, как, впрочем, всей Англии.

— Блестящий род.

Холмс рассеянно кивнул.

— Его владения, если не ошибаюсь, находятся в Девоншире, на краю болот, среди охотничьих угодий, пользующихся популярностью у спортсменов-аристократов. Помещичий дом — внешне он скорее напоминает феодальный замок — стоит уже четыреста лет, классический образец готического стиля. Я мало знаком с историей Шайрсов, если не считать того общеизвестного факта, что это имя никогда не было связано с преступным миром.

— Значит, Холмс,— сказал я,— мы снова возвращаемся к первоначальному вопросу.

— Поистине так.

— А именно: почему вам послали этот набор инструментов?

— Трудный вопрос.

— Может быть, объяснительное письмо задержалось?

— Не исключено, что вы попали в точку, Уотсон,— сказал Холмс.— Поэтому я предлагаю предоставить лицу, приславшему его, немного времени, скажем, до...— Он сделал паузу и протянул руку за потрепанным Брэдшоу, отличным справочником движения английских поездов.— ...До завтра, 10.30 утра. Если к этому времени мы не получим объяснения, нам придется отправиться на Паддингтонский вокзал и сесть на девонширский экспресс.

— С какой целью, Холмс?

— С двоякой. Во-первых, короткое путешествие по сельской местности в это время года, когда природа меняет краски, подействует освежающе на двух замшелых лондонцев.

— А во-вторых?

Аскетическое лицо Холмса озарилось странной улыбкой.

— Справедливость требует,— сказал мой друг Холмс,— чтобы собственность герцога Шайрского была возвращена ему, не правда ли? — Он вскочил и взял в руки скрипку.

— Погодите, Холмс! — воскликнул я. — Здесь что-то кроется, о чем вы мне не сказали.

— Нет, нет, мой дорогой Уотсон, — сказал он, отрывисто ударяя смычком по струнам. — Просто у меня такое предчувствие, что нам предстоит трудное плавание.

ЭЛЛЕРИ ПРОДОЛЖАЕТ

Эллери оторвался от рукописи. Грант Эймс-третий продолжал потягивать виски.

— В конце концов печень вас подведет, — сказал Эллери.

— Брюзга вы, больше никто, — ответил Эймс. — Но в данный момент, сынок, я чувствую себя частицей истории. Актер на великой сцене.

— Который пьет горькую?

— Скажите, какой моралист. Я говорю о рукописи. В 1888 году Шерлок Холмс получил таинственный набор хирургических инструментов. Он мобилизовал свои выдающиеся способности и пустился в одно из своих замечательных приключений. Три четверти века спустя другой пакет приносят другому знаменитому сыщику.

— К чему вы клоните? — проворчал Эллери, явно раздражаемый между рукописью доктора Уотсона и бездействующей пишущей машинкой.

— Единственное, что остается сделать, чтобы завершить историческую аналогию, — это нацелить современный талант на современные приключения. Действуйте, мой дорогой Эллери. А я сыграю роль Уотсона.

Эллери поморщился.

— Конечно, вы можете усомниться в моей пригодности. Но должен сказать, что я тщательно следил за каждым шагом великого детектива.

Эллери наконец пробрало. Он неприязненно посмотрел на своего гостя.

— Ах, так? Такой вы умник! Ладно, проверим. Кавычки открываются: «Весной 1894 года весь Лондон был крайне взволнован, а высший свет даже потрясен убийством...

— Рональда Адера». Кавычки закрываются, — быстро подхватил Эймс. — «Пустой дом» из «Возвращения Шерлока Холмса».

— Кавычки открываются: «В ее руке блеснул маленький пистолет. Один выстрел, другой, третий...

— Дуло пистолета было в полуметре от груди Милвертона». Кавычки закрываются. «Конец Чарльза Огастена Милвертона».

— Bravo, Уотсон! Кавычки открываются: «Эти люди, придавленные, но не растоптанные, опустившиеся на дно общества, но не низкие».

— Кавычки закрываются.— Светский повеса зевнул.— Оставьте ваши детские попытки поймать меня. Вы процитировали себя из «Игрока противной стороны».

Эллери усмехнулся. Оказывается, этот субъект интересуется не только самодовольными красотками и дорогим виски.

— Очко в вашу пользу. Но я уверен, что смогу подловить вас.

— И я уверен, что сможете, если потянете подольше, но это ни к чему. Приступайте к делу, мистер Куин. Вы прочли первую главу рукописи? Если вы неспособны на куиновские дедукции, никогда больше не возьму у знакомых ни одной вашей книжки.

— Единственное, что я могу сказать в данный момент,— это что почерк, который якобы принадлежит Уотсону, аккуратный, твердый, но временами неразборчивый.

— Далеко вам до Холмса, дружище. Вопрос состоит в том, действительно ли это почерк Уотсона? Подлинная ли это рукопись? А ну-ка, Куин, продемонстрируйте свои способности.

— Да замолчите вы наконец! — воскликнул Эллери и принялся читать дальше.

Глава II ЗАМОК НА БОЛОТЕ

В более поздний период своей жизни мой друг Шерлок Холмс, как я писал в другом месте, удалился от лихорадочного темпа жизни Лондона и завел — подумать только! — пчел в Саут Даунсе. Он, таким образом, закончил свою карьеру без всяких сожалений, посвятив себя этому виду сельской деятельности с той же целеустремленностью, с какой он выслеживал столь многих хитрейших преступников.

Но в ту пору, когда Джек Потрошитель орудовал на улицах и в переулках Лондона, Холмс был еще убежденным горожанином. Все его способности были настроены на смутные нюансы лондонских рассветов и сумерек. Омерзительная вонь какого-нибудь закоулка в Сохо заставляла его ноздри трепетать, тогда как запах весны, пробуждавший сельских жителей, мог привести его в сонное состояние.

Поэтому я с удивлением и удовлетворением наблюдал, с каким интересом Холмс всматривался в пейзаж, мелькавший за окном экспресса, который мчал нас в то утро в Девоншир. Он сосредоточенно смотрел в окно и внезапно распрямил свои худые плечи.

— Ах, Уотсон, как бодрит свежий воздух приближающейся зимы.

В тот момент я не разделял этого мнения, ибо воздух в купе был отравлен вонючей сигарой, которую держал в зубах старый хмурый шотландец, ехавший вместе с нами. Холмс, казалось, не замечал дурного запаха. За окном вспыхивали яркие осенние краски листьев.

— О Англия, Уотсон, сей второй Эдем, почти что рай!

Я знал перефразированную цитату * и был вдвойне поражен. Мне, конечно, была известна сентиментальная жилка в характере моего друга, но он редко допускал, чтобы она пробила броню научного склада его натуры. И все же гордое сознание принадлежности к своей стране по праву рождения — это национальная черта британца, и Холмс не был исключением.

По мере того как мы приближались к цели нашего путешествия, его жизнерадостный вид сменился задумчивой миной. Мы проезжали по болотистой местности, вдоль бесконечной трясины и всяких кочек, которые, подобно струпьям, уродовали лицо Англии. И словно природа решила создать подобающий фон, солнце скрылось за густыми облаками, и, казалось, мы погрузились в вечные сумерки.

Вскоре мы сошли на платформу небольшой деревенской станции. Холмс засунул руки в карманы, его глубоко посаженные глаза горели, как это часто бывало, когда он был захвачен очередной проблемой.

---

* Уильям Шекспир. «Ричард II», акт II.

— Вы помните дело Баскервильей, Уотсон, и проклятие, которое омрачало их жизнь?

— Еще бы.

— Мы находимся недалеко от их владений. Но, конечно, мы направляемся в противоположную сторону.

— Тем лучше. Эта собака — порождение ада — все еще преследует меня во сне.

Я был заинтригован. Обычно, когда Холмс приступал к расследованию, он тщательно осматривал окружающую местность, мгновенно замечал каждую сломанную ветку и не обращал внимания на пейзаж. В такие моменты воспоминания были бы неуместны. Теперь его движения были нервными, беспокойными, словно он жалел, что поддался импульсу и отправился в путешествие.

— Уотсон,— сказал он,— давайте найдем повозку и побыстрее покончим с этим делом.

Пони, которого мы заполучили, несомненно, был сродни тем диким лошадам, которые носились среди болот, но был достаточно послушным и резво бежал по дороге от деревни к владениям Шайрсов.

Вскоре показали башни замка Шайрс, придававшие еще более меланхолический вид местности.

— Охотничьи угодья там, дальше,— заметил Холмс.— Земли герцога разнообразны.

Он обвел взглядом представившуюся нам картину и добавил:

— Сомневаюсь, Уотсон, чтобы в этой зловещей каменной махине нас встретил веселый краснощекий хозяин.

— Почему вы так думаете?

— Люди с длинной родословной обычно отражают колорит окружающей среды. Вспомните Баскервиль-холл: там не было ни одного жизнерадостного лица.

Я не стал возражать. Мое внимание было приковано к унылой серой громаде замка. Некогда он был окружен ровом и имел подъемный мост. Однако нынешние поколения вверили защиту своей жизни местной полиции.

Ров был засыпан, и цепи подъемного моста не издавали скрипа уже много лет.

Дворецкий провел нас в холодную сводчатую гостиную, спросив наши имена, как Харон, переправлявший через Стикс. Вскоре я убедился в точности пред-

сказаний Холмса. Более холодного и неприступного человека, чем герцог Шайрский, мне редко приходилось встречать.

Он был небольшого роста и производил впечатление чахоточного. Но это мне только показалось. При ближайшем рассмотрении у него оказался вполне здоровый цвет лица, и я почувствовал жилистую силу в его внешне хрупком теле.

Герцог не предложил нам сесть. Он отрывисто сказал:

— Вам повезло, что застали меня здесь. Еще час, и я уехал бы в Лондон. По какому вы делу?

Тон Холмса не выдавал его реакцию на дурные манеры аристократа.

— Мы постараемся не злоупотребить вашим временем дольше, чем это необходимо, ваша светлость. Мы приехали лишь для того, чтобы передать вам это.

Он протянул футляр с хирургическими инструментами, который мы завернули в простую оберточную бумагу и запечатали сургучом.

— Что это такое?— спросил герцог, не двигаясь.

— Я думаю, ваша светлость,— ответил Холмс,— что вам лучше самому вскрыть пакет и посмотреть.

Нахмурясь, герцог Шайрский развернул пакет.

— Где вы это взяли?

— К сожалению, я должен сперва просить вашу светлость опознать это как вашу собственность.

— Я никогда не видел этого раньше. Почему вам пришлось в голову принести это мне?

Герцог открыл крышку и смотрел на инструменты, казалось, с неподдельным удивлением.

— Если вы отогнете подкладку, то обнаружите под ней причину, побудившую нас сделать это.

Герцог последовал совету Холмса, по-прежнему сохраняя недовольный вид. Я внимательно следил за тем, как он рассматривал герб, и наступила моя очередь удивляться. Выражение его лица изменилось: Тень улыбки тронула его тонкие губы, глаза оживились, и он смотрел на футляр с глубоким удовлетворением, чуть ли не с торжеством — иначе я не мог охарактеризовать его взгляд. Затем столь же быстро это выражение исчезло:

Я взглянул на Холмса в поисках объяснения, зная, что он не мог не заметить реакции аристократа. Но

его проницательные глаза были полуприкрыты веками, лицо непроницаемо, как маска.

— Я уверен, ваша светлость, что вы получили ответ на свой вопрос,— сказал Холмс.

— Конечно, — ответил герцог небрежным тоном, словно отменяя это дело как не представляющее никакого интереса.— Этот футляр мне не принадлежит.

— Тогда, быть может, ваша светлость укажет нам владельца?

— Полагаю, что это мой сын. Футляр, без сомнения, принадлежал Майклу.

— Он взят из лондонского ломбарда.

Герцог скривил губы в жестокой усмешке.

— Не сомневался в этом.

— В таком случае, если вы дадите нам адрес вашего сына...

— Сын, о котором я говорю, мистер Холмс, умер. Это мой младший сын.

Холмс мягко сказал:

— Я искренне сожалею, ваша светлость. Он умер от болезни?

— От очень тяжелой болезни. Он умер уже шесть месяцев назад.

Ударение, которое аристократ делал на слове «умер», показалось мне странным.

— Ваш сын был врачом?— спросил я.

— Он учился на медицинском факультете, но потерпел неудачу, как, впрочем, во всем остальном. И поэтому он умер.

Снова это странное ударение. Я посмотрел на Холмса, но его, казалось, больше интересовало пышное убранство этой сводчатой комнаты: взгляд его перескакивал с одного предмета на другой, а мускулистые руки были сцеплены за спиной.

Герцог Шайрский протянул футляр Холмсу.

— Поскольку, сэр, это не моя вещь, я возвращаю ее вам. А теперь прошу меня извинить, я должен собираться в дорогу.

Я был удивлен поведением Холмса. Бесцеремонное обращение с нами герцога не вызвало у него ни малейшего возмущения, хотя обычно Холмс не позволял никому топтать его коваными сапогами. Он почтительно поклонился и сказал:

— Не будем вас более задерживать, ваша светлость.

Поведение герцога было по-прежнему грубым. Он и не подумал дернуть шнурок звонка, чтобы позвать дворецкого, и нам пришлось самим отправиться на поиски выхода.

Как оказалось, нам повезло. Когда мы пересекали величественный холл, направляясь к наружной двери, из бокового входа вошли двое — мужчина и ребенок.

В отличие от герцога их вид не был враждебным.

Ребенок — девочка лет девяти-десяти — посмотрела на нас, и радужная улыбка осветила ее бледное личико. Мужчина, подобно герцогу, был хрупкого телосложения. Быстрый взгляд его больших блестящих глаз устремился на нас с вопросом, но выражал не более чем любопытство. Его смутное сходство с герцогом Шайрским позволяло сделать лишь один вывод. Это был другой его сын.

Появление этой пары не показалось мне чем-то необычным, но, как видно, смутило моего друга Холмса. Он резко остановился, и футляр с инструментами, который он нес, упал. Рассыпавшиеся стальные инструменты загремели на каменном полу, и эти звуки отозвались во всем громадном холле.

— Какой же я неуклюжий! — воскликнул Холмс и с еще большей неуклюжестью загородил мне дорогу, когда я хотел собрать инструменты.

Мужчина с улыбкой подскочил и, опустившись на колени, сказал:

— Позвольте мне, сэр.

Столь же поспешно подбежала и девочка.

— Я помогу тебе, папа.

Мужчина улыбнулся еще шире.

— Конечно, дорогая. Мы вместе поможем джентльмену. Ты можешь подавать мне инструменты. Но осторожно, смотри не порежься.

Мы молча наблюдали, как девочка подавала отцу блестящие инструменты один за другим. Его трогательная любовь к ней была очевидна. Он нехотя отрывал от нее взор, когда быстро клал инструменты в соответствующие углубления.

Покончив с этим, мужчина поднялся, но девочка продолжала осматривать каменные плиты пола,

— А последний, папа, куда делся?

— Похоже, что его не хватает, детка. Я не думаю, что он закатился.

Он вопросительно посмотрел на Холмса, который наконец вышел из странной задумчивости.

— Вы правы, сэр, его не хватает. Благодарю вас, и простите мою неловкость.

— Пустяки. Надеюсь, инструменты не пострадали.— Он протянул футляр Холмсу, который взял его с улыбкой.

— Не имею ли чести беседовать с лордом Карфаксом?

— Да, — приветливо ответил темноволосый мужчина, — а это моя дочь Дебора.

— Позвольте мне представить своего коллегу доктора Уотсона. Я Шерлок Холмс.

Это имя, видимо, произвело впечатление на лорда Карфакса. Его глаза расширились от удивления.

— Доктор Уотсон, — пробормотал он, здороваясь со мной, но продолжая смотреть на Холмса, — и вы, сэр... Весьма польщен. Я читал о ваших подвигах.

— Ваша светлость слишком добры, — ответил Холмс.

Глаза Деборы засверкали. Она сделала реверанс и сказала:

— Для меня это тоже большая честь, джентльмены.

Она говорила с трогательной непосредственностью. Лорд Карфакс с гордостью наблюдал за ней, и все же я чувствовал в его облике какую-то грусть.

— Дебора, — сказал он серьезно, — ты должна запомнить знакомство с двумя знаменитыми джентльменами как значительное событие в твоей жизни.

— Конечно, папа, — ответила девочка с готовностью и послушанием.

Я был совершенно уверен, что она не слыхала ни об одном из нас.

Холмс закончил обмен любезностями, сказав:

— Мы приехали, ваша светлость, чтобы вернуть этот футляр с инструментами герцогу Шайрскому, которого я считал его законным владельцем.

— И обнаружили, что ошибались.

— Именно. Его светлость полагает, что, может быть, он принадлежал вашему покойному брату Майклу Осборну.

— Покойному? — Его восклицание прозвучало скорее как усталая реакция, нежели как вопрос.

— Так нам дали понять.

Лицо лорда Карфакса приняло печальное выражение.

— Это так и не так. Мой отец, мистер Холмс, жесткий человек, не умеющий прощать, как вы, несомненно, заметили. Для него имя Осборна превыше всего. Он одержим желанием сохранить репутацию Шайрсов незапятнанной. Когда около шести месяцев тому назад он отрекся от моего младшего брата Майкла, то объявил его умершим. — Помолчав, он вздохнул. — Боюсь, что для отца Майкл мертв, даже если он еще жив.

— А вам известно, — спросил Холмс, — жив или умер ваш брат?

Лорд Карфакс нахмурился и стал удивительно похож на герцога. Когда он заговорил, мне показалось, что тон его был уклончив.

— Скажем так, сэр: я не располагаю фактическими доказательствами его смерти.

— Понятно, — ответил Холмс. Затем взглянул на маленькую Дебору Осборн и улыбнулся. Девочка шагнула вперед и протянула ему свою ручку.

— Вы мне очень понравились, сэр, — сказала она серьезно.

Холмс был явно смущен этим простодушным и трогательным признанием. Он задержал ее ручку в своей и сказал:

— Допустим, лорд Карфакс, что ваш отец — непреклонный человек. И все же отречься от сына! Подобное решение не так просто принять. Поступок вашего брата, наверное, был действительно серьезным.

— Майкл женился против воли отца. — Лорд Карфакс пожал плечами. — Я не имею привычки, мистер Холмс, обсуждать дела моей семьи с незнакомыми людьми, но... — Он погладил блестящие волосы дочери. — Дебора — мой барометр оценки людей.

Я был уверен, что его светлость спросит, почему Холмс интересуется Майклом Осборном, но он этого не сделал.

Холмс, кажется, тоже ожидал этого вопроса. Поскольку он не последовал, Холмс протянул лорду Карфаксу футляр с инструментами.

— Может быть, вы хотели бы взять это себе, ваша светлость?

Лорд Карфакс взял футляр и молча поклонился.

— А теперь... Боюсь, поезд не будет ждать... нам пора идти.— Холмс посмотрел вниз с высоты своего роста. — Прощайте, Дебора. Знакомство с вами было для нас с доктором Уотсоном одним из приятных событий за долгое время.

— Надеюсь, вы приедете еще, сэр, — ответила девочка.— Когда папа уезжает, здесь так тоскливо.

Пока мы ехали обратно в деревню, Холмс почти все время молчал. Он односложно отвечал на мои замечания и заговорил только, когда мы уже ехали в Лондон. Его худощавое лицо приняло хорошо мне знакомое задумчивое выражение.

— Интересный человек, Уотсон.

— Может быть,— ответил я запальчиво,— но преротивный. Именно люди его положения — слава Богу, их немного! — пятнают репутацию английской аристократии.

Мое возмущение позабавило Холмса.

— Я имею в виду, не *pater'a*, а *filius'a*.

— Сына? Меня, конечно, тронула несомненная любовь лорда Карфакса к дочери...

— Но вам не показалось, что он слишком откровенен?

— Именно такое впечатление у меня сложилось, Холмс, хотя я не понимаю, как вы об этом догадались.

— Ваше лицо подобно зеркалу, мой дорогой Уотсон,— сказал Холмс.

— Он даже сам признал, что слишком много рассказал о личных делах членов своей семьи.

— Так ли это? Допустим сперва, что он глупый человек. В таком случае это просто любящий отец со слишком длинным языком.

— А если допустить, что он вовсе не глуп?

— Тогда он создал именно тот образ, который хотел создать, чему я склонен верить. Ему известны мое имя и репутация, так же как и ваши, Уотсон. Я сильно сомневаюсь, что он принял нас за добрых самаритян, проделавших столь долгий путь лишь для того, чтобы отдать законному владельцу старый футляр с хирургическими инструментами.

— Почему же это должно было развязать ему язык?

— Он не сказал нам ничего такого, дружище, чего я и без того не знал или не мог легко найти в архивах любой лондонской газеты.

— О чем же он умолчал?

— Мертв его брат Майкл или жив, и поддерживает ли он контакт с братом.

— Из сказанного им я заключаю, что он этого не знает.

— Возможно, Уотсон, он как раз и хотел, чтобы вы пришли к такому заключению.— Прежде чем я успел ответить, Холмс продолжал: — Дело в том, что перед отъездом в Шайрс я кое-что разузнал. Кеннет Осборн, герцог по прямой линии, имел двух сыновей. Младший Майкл, конечно, не наследует никакого титула. Не знаю, вызывало ли это у него чувство зависти, но он вел себя так, что лондонские журналисты дали ему прозвище Буйный. Вы говорили о жестокой нетерпимости его отца, Уотсон. Напротив, известно, что герцог был необычайно снисходителен к младшему сыну. И только когда юноша женился на женщине самой древней профессии, другими словами, на проститутке, терпению отца пришел конец.

— Я начинаю понимать,— пробормотал я.— Движимый злобой или ненавистью, сын решил запятнать титул, который не мог унаследовать.

— Может быть,— сказал Холмс. — Во всяком случае, герцогу было трудно сделать другой вывод.

— Я этого не знал, — сказал я смиренно.

— Вполне естественно, мой дорогой Уотсон, брать сторону обиженного. Но разумнее сначала разобраться, кто в действительности обижен. Что касается герцога, я согласен, что он трудный человек, но он несет свой крест.

— Значит, моя оценка лорда Карфакса тоже ошибочна,— сказал я почти с отчаянием.

— Не знаю, Уотсон. У нас очень мало фактов. Однако он допустил два просчета.

— Я этого не заметил.

— Он также.

Мои мысли были сосредоточены на более широкой проблеме.

— Холмс, — сказал я, — вся эта история очень странная и непонятная. Надо полагать, что наша поездка была вызвана не просто желанием вернуть владельцу утерянную вещь?

Он смотрел в окно вагона.

— Набор хирургических инструментов был достав-

лен нам домой. Сомневаюсь, чтобы нас приняли за бюро находок.

— Но кто его послал?

— Кто-то, кто хотел, чтобы он попал нам в руки.

— Тогда мы можем только гадать.

— Конечно, Уотсон, я не рискую утверждать, что чую здесь хитрую игру. Но запашок сильный. Не исключено, что ваше желание исполнится.

— Какое желание?

— Вы, кажется, недавно предлагали, чтобы я оказал помощь Скотленд-Ярду в деле Джека Потрошителя.

— Холмс!..

— Конечно, нет никаких улик, которые связывали бы Потрошителя с набором хирургических инструментов. Но скальпель отсутствует.

— Я сам подумал об этом. Господи, ведь даже сегодня ночью его могут всадить в тело какой-нибудь несчастной.

— Это одна из возможностей, Уотсон. Скальпель мог быть изъят и символически — тонкий намек на преступного маньяка.

— Почему же тот, кто послал инструменты, не объявился?

— Причин может быть множество. Но одной из главных я считаю страх. Думаю, что со временем мы узнаем правду.

Холмс погрузился в размышления — состояние, которое мне было хорошо известно. Я знал, что сейчас бесполезно продолжать расспросы. Откинувшись на спинку сиденья, я угрюмо смотрел в окно, а поезд мчал нас к Паддингтонскому вокзалу.

ЭЛЛЕРИ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ

Эллери поднял глаза от рукописи.

Грант Эймс, приканчивая эниный бокал, с нетерпением спросил:

— Ну как?

Эллери встал, подошел к книжному шкафу. Нахмурившись, он стал искать что-то в книге, которую снял с полки. Грант ждал. Эллери поставил книгу на место, снова сел.

— Кристиансоновская.

Грант смотрел на него, не понимая.

— Согласно справочнику, фирма «Кристиансон» была известным производителем писчебумажных принадлежностей тех времен. На бумаге тетради ее водяной знак.

— Значит, сомнений нет!

— Не в этом дело. Кто-то пытается навязать мне рукопись, но я ее не беру. Если это подлинник, я не могу себе этого позволить. Если это подделка...

Эллери рассеянно подергал себя за нос.

— Вы уверены, что ее положили в вашу машину во время той поездки?

— Больше нигде было.

— Надпись сделана женщиной. А сколько там было женщин?

Грант пересчитал по пальцам.

— Четыре.

— Не было ли в их числе книжного червя? Коллекционера? Библиофила? Старушки — синего чулка, от которой пахнет лавандой и мускусом?

— Господь с вами! Четыре юные смазливый ми-лашки, которые старались выглядеть как можно более соблазнительно. В погоне за мужьями, естественно. Честно говоря, Эллери, не думаю, чтобы хоть одна из них могла отличить Шерлока Холмса от Аристофана. Но вы с вашими сверхъестественными способностями могли бы найти виновницу за один вечер.

— Послушайте, Грант, в другое время я бы взялся за игру. Но я вам сказал: у меня очередная запарка. Просто нет ни минуты свободной.

— Значит, на этом вы ставите точку, Маэстро? Можно подумать, что вы литературный поденщик. Я ему даю в руки потрясающую таинственную историю...

— А я, — сказал Эллери, бросая тетрадь на колени Гранту Эймсу, — возвращаю ее вам. У меня есть предложение. Ставьте бокал и бегите сами искать свою шутницу.

— Значит, рукопись вас не захватила?

— Захватила, что говорить. — Эллери нерешительно снова взял тетрадь.

— Узнаю старого друга! — Эймс встал. — Почему, собственно, мне не оставить рукопись здесь? В конце

концов она адресована вам. А я могу время от времени сюда заглядывать.

— Лучше пореже.

— Очень любезно... Ладно, постараюсь беспокоить вас поменьше.

— Чем меньше, тем лучше. А теперь не пора ли вам отчаливать, Грант? Я серьезно.

— Вся беда, дружище, в том, что вы мрачная личность. Сплошная скука.— Эймс обернулся в дверях. — Кстати, закажите еще виски. Ваши запасы кончились.

Оставшись один, Эллери постоял в нерешительности, потом положил тетрадь на диван и направился к письменному столу. Снова потянул себя за нос.

Тетрадь спокойно лежала на диване.

Эллери вставил чистый лист в пишущую машинку. Поднял кисти рук, размял пальцы, задумался и кончил тем, что быстро напечатал шуточную сентенцию:

«Господь, — сказал Никки, — любит охотно лающего»*.

— Ладно,— проговорил Эллери,— еще одну только главу.

Он вскочил, подбежал к дивану, схватил рукопись, открыл ее на главе III и погрузился в чтение.

Глава III УАЙТЧЭПЕЛ

— Между прочим, Холмс, куда подевался Уиггинс?

Я задал этот вопрос на следующее утро в квартире на Бейкер-стрит. Накануне вечером, по возвращении из замка Шайрс, мы поужинали в буфете на вокзале, после чего Холмс сказал: —

— Сегодня вечером в Альберт-холл концерт молодого американского пианиста Бентона. Я всячески рекомендую его, Уотсон.

— Не знал, что в Штатах есть выдающиеся пианисты.

Холмс рассмеялся.

---

* Эллери Куин сочинил «спунеризм» — своего рода шутку, или остроу, основанную на перестановке в словах букв, как правило, первых. От фамилии английского священника Спунера (1844—1930), который придумал эту шуточную игру слов.— Прим. пер.

— Полно, дружище, перестаньте нападать на американцев. Прошло уже больше столетия, и они неплохо справляются там у себя.

— Вы хотите, чтобы я вас сопровождал? С радостью.

— Я предлагаю вам пойти на концерт. Мне надо кое-что расследовать, что лучше сделать вечером.

— В таком случае я предпочитаю кресло у камина и одну из ваших увлекательных книг.

— Рекомендую книгу, которую я недавно приобрел: «Хижина дяди Тома». Автор — американская леди по фамилии Стоу. Печальная история, написанная, чтобы побудить нацию исправить великую несправедливость. Насколько мне известно, именно она была одной из причин войны между штатами. Ну, мне пора. Может быть, позднее я присоединяюсь к вам, и выпьем по рюмочке перед сном.

Холмс, однако, вернулся очень поздно, когда я уже спал. Он не стал будить меня, так что мы встретились уже за завтраком. Я надеялся, что он расскажет, чем был занят весь вечер, но он молчал и вообще, видимо, не спешил действовать. Он сидел за чаем в мышиного цвета халате и, лениво развалившись, пускал клубы дыма из своей любимой глиняной трубки.

Внезапно послышался топот на лестнице, и в комнату ворвался десяток самых грязных и оборванных уличных мальчишек Лондона. Это была неповторимая холмсовская банда бродяжек, которых он называл то «отделением сыскной полиции на Бейкер-стрит», то «нестроевым отрядом», то «нерегулярной частью с Бейкер-стрит».

— Смир-р-но! — скомандовал Холмс, и мальчишки, толкая друг друга, встали в неровный ряд и задрали свои чумазые рожицы, очевидно, считая, что демонстрируют военную выправку.

— Ну как, нашли?

— Да, сэр, нашли, — ответил один из них.

— Я нашел, сэр! — перебил его другой, осклабясь щербатым ртом, в котором не хватало трех зубов.

— Очень хорошо, — строго сказал Холмс, — но мы действуем как единое целое. Никакой личной славы. Один за всех и все за одного.

— Так точно, сэр, — ответил хор голосов.

— Доложите.

— Это в Уайтчэпеле.

— Вот как...

— На Грейт Хиптон-стрит, возле перехода. Улица там узкая, сэр.

— Очень хорошо,— повторил Холмс.— Вот ваша плата. Теперь ступайте.

Он дал каждому по новенькому шиллингу. Довольные, мальчишки с грохотом помчались вниз по лестнице.

Холмс выколотил из трубки остаток недокуренного табака.

— Что стало с Уиггинсом?

— У него жизнь сложилась прекрасно. Вступил в войска ее величества. На последнем письме, которое я получил от него, стоял африканский штампель.

— Толковый был паренек, насколько я помню.

— Они все такие. Число этих плутов в Лондоне не уменьшается. Но мне надо навести справки. Пошли.

Мне надо было обладать особым талантом, чтобы угадать, куда мы направлялись, и я не удивился, когда мы остановились перед витриной ломбарда на Грейт Хиптон, в Уайтчэпеле. Улица действительно была узкой, с высокими зданиями на притовоположной стороне. Когда мы подошли, солнце только начинало высвечивать полоску на стекле витрины, на котором было начертано: «Йозеф Бек — ссуды».

Холмс указал на предметы, выставленные в витрине.

— Футляр стоял вон там, Уотсон. Видите, куда падают лучи солнца?

Я мог только кивнуть. Как я ни привык к безошибочной точности суждений Холмса, каждое новое доказательство этого изумляло меня.

В ломбарде нас встретил дородный мужчина средних лет. Его лицо украшали сильно нафабранные усы с острыми прямыми кончиками на военный лад. Йозеф Бек был типичным немецким коммерсантом, хотя пытался произвести впечатление прусского вояки.

— Чем могу служить, господа? — спросил он с сильным акцентом.

Я полагаю, что мы стояли на общественной лестнице намного выше его обычных клиентов, и он, возможно, рассчитывал заполучить дорогую вещь. Он даже щелкнул каблуками и вытянулся.

— Недавно мне подарили, — сказал Холмс, — на-

бор хирургических инструментов, купленный у вас в ломбарде.

Маленькие навывкате глаза герра Бека заблестели.

— Но одного инструмента не хватает. А мне бы хотелось иметь полный набор. Нет ли у вас хирургических инструментов, из которых я мог бы выбрать недостающий?

— Боюсь, что не смогу вам помочь, сэр. — Ростовщик был явно разочарован.

— Вы помните набор, о котором я говорю, эту сделку?

— Как же, это было всего неделю назад. У меня такие предметы бывают редко. Но набор был полным, когда женщина выкупила его и унесла. Она вам сказала, что одного инструмента недостает?

— Не помню, — сказал Холмс небрежным тоном. — Плохо, что вы сейчас не можете мне помочь. Прodelать зря такой путь! Это весьма неприятно, Бек.

Холмс сделал вид, что раздосадован.

— Помилуйте, сэр, — сказал ростовщик. — Почему я должен отвечать за то, что произошло после того, как футляр забрали?

Холмс пожал плечами.

— Думаю, вы ни при чем, — сказал он беспечно. — Но досадно, что пришлось потерять столько времени.

— Но, сэр, если бы вы навели справки о бедняжке, которая выкупила инструменты...

— Бедняжке? Не понимаю...

Строгость тона Холмса испугала ростовщика. Как истый коммерсант, он хотел угодить.

— Простите меня, сэр. Мне было от души жаль эту женщину. По сути дела, я уступил ей набор по самой сходной цене. Ее страшно изуродованное лицо до сих пор преследует меня.

— А, понятно, — пробормотал Холмс. Он было повернулся с разочарованным видом, как вдруг лицо его просветлело. — Мне пришла в голову мысль. Человек, который заложил инструменты, я мог бы связаться с ним...

— Сомневаюсь, сэр. Это было уже давно.

— Как давно?

— Мне надо свериться с гроссбухом.

Он вытащил гроссбух из-под прилавка и принялся сосредоточенно листать его.

— Вот, нашел. Это было почти четыре месяца тому назад. Как летит время!

— Поистине, — сухо согласился Холмс. — У вас записано имя и адрес этого господина?

— Это был не господин, сэр, а леди.

Мы с Холмсом переглянулись.

— Ясно, — сказал Холмс. — Но даже четыре месяца спустя, может быть, стоит попробовать. Назовите мне, пожалуйста, имя.

Ростовщик заглянул в гроссбук.

— Янг. Мисс Селли Янг.

— А адрес?

— Приют на Монтегю-стрит.

— Странное место жительства, — заметил я.

— Да, mein Herr. Это в центре Уайтчэпела. Опасное место в наши дни.

— Действительно. Желаю здравствовать, — вежливо сказал Холмс. — Вы были очень любезны.

Когда мы вышли из ломбарда, Холмс тихонько засмеялся.

— Этот Йозеф Бек — такой тип, с которым надо умело обращаться. Проявляя осторожность, его можно далеко увести, но подталкивать нельзя ни на дюйм.

— Мне показалось, что он был готов всячески помочь.

— Верно. Но малейший намек на официальность в наших расспросах, и он не ответил бы даже, который сейчас час.

— Ваша теория, Холмс, что изъятие скальпеля — это символический жест, подтвердилась.

— Может быть, хотя сам по себе этот факт не имеет большого значения. Теперь, видимо, следует посетить приют на Монтегю-стрит и мисс Селли Янг. Я уверен, что вы составили мнение о положении двух особ, которых мы разыскиваем?

— Конечно, та, которая заложила инструменты, находилась в стесненных обстоятельствах.

— Возможно, Уотсон, хотя отнюдь не бесспорно.

— Тогда для чего ей было закладывать набор?

— Я склонен думать, что она оказывала услугу другому лицу. Человеку, который не мог или не хотел появиться в ломбарде. Набор хирургических инструментов — это вещь, которая вряд ли может принадлежать леди. А что вы скажете о той особе, которая их выкупила?

— Мы о ней ничего не знаем, кроме того, что лицо ее изранено. А что, если она жертва Потрошителя, чудом избежавшая смерти?

— Колоссально, Уотсон! Превосходная гипотеза. Однако я обратил внимание на другой момент, касающийся несколько иной материи. Если помните, герр Бек назвал особу, которая выкупила инструменты, женщиной, а о той, которая их заложила, говорил более почтительно, как о леди. Так что мы имеем основание предположить, что мисс Селли Янг вызывает к себе известное уважение.

— Конечно, Холмс. Откровенно говоря, эти выводы не пришли мне в голову.

— Женщина, выкупившая набор, несомненно, более низкого пошиба. Может быть, даже проститутка. Этих несчастных полно в округе.

Монтегю-стрит находилась не очень далеко от ломбарда — менее двадцати минут ходу. Короткая улица, связывающая Пэрди-корт с Олмстед-сэркус, где ютились многочисленные лондонские нищие. Мы свернули на Монтегю-стрит и прошли всего несколько шагов, как вдруг Холмс остановился.

— Хм, что это?

Следуя за его взглядом, я увидел вывеску над аркой из старого камня, на которой значилось одно слово: «Морг». Я не считаю себя особо чувствительным человеком, но при виде темного провала входа, напоминавшего туннель, я пришел в такое же подавленное состояние, как при первом взгляде на замок Шайрс.

— Никакой это не приют, Холмс, — сказал я, — если только кому-нибудь не придет в голову назвать так обитель мертвых.

— Не будем спешить с выводами, пока не убедимся сами, — ответил он и распахнул скрипучую дверь, которая вела во двор, выложенный булыжником.

— Здесь, несомненно, чувствуется запах смерти, — сказал я.

— Притом смерти, наступившей совсем недавно, Уотсон. Иначе что делал бы здесь наш друг Лестрейд?

В глубине двора двое мужчин были заняты разговором, и одного из них Холмс узнал быстрее, чем я. Это действительно был инспектор Лестрейд из Скотленд-Ярда, еще более тощий и похожий на хорька, чем в прежние времена, когда мне приходилось с ним встречаться. Лестрейд обернулся при звуке наших шагов.

— Мистер Холмс! Что вы тут делаете?

— Приятно видеть вас, Лестрейд! — воскликнул Холмс с приветливой улыбкой. — Отрадно, что Скотленд-Ярд неизменно там, где жертвы преступления.

— К чему этот сарказм? — проворчал Лестрейд.

— Нервишки, уважаемый? Видно, что-то взяло вас за живое.

— Если вы не знаете, в чем дело, значит, вы не читали утреннюю газету, — ответил Лестрейд.

— Действительно, не читал.

Полицейский офицер повернулся ко мне и поздоровался:

— Доктор Уотсон! Давненько наши пути не скрещивались.

— Слишком давно, инспектор Лестрейд. Надеюсь, вы в добром здравии?

— Иногда радикулит прихватывает. Но это я переживу. — И добавил многозначительно: — По крайней мере, пока не увижу, как этого уайтчепелского маньяка ведут на виселицу.

— Опять Потрошитель? — отрывисто спросил Холмс.

— Он самый. Пятое нападение, мистер Холмс. Вы, конечно, читали о нем, хотя я не знал, что вы решили предложить свои услуги.

Холмс не парировал этот выпад. Он глянул на меня.

— Мы на верном пути, Уотсон.

— Что такое? — воскликнул Лестрейд.

— Пятое, вы сказали? Несомненно, вы имеете в виду пятое официально зарегистрированное убийство?

— Официально или нет, Холмс...

— Я хотел сказать, что вы не можете быть уверены. Вы нашли трупы пяти жертв Потрошителя. Но другие могут быть спрятаны.

— Жизнерадостное предположение, — пробормотал Лестрейд.

— Кстати, о пятой жертве. Я хотел бы взглянуть на нее.

— Заходите. Да, знакомьтесь — доктор Меррей. Здешний хозяин.

Доктор Меррей был скелетообразным человеком со смертельно бледным лицом, но его самообладание произвело на меня благоприятное впечатление. Его манера держаться отражала внутреннюю отрешенность,

которая присуща людям, непосредственно имеющим дело с мертвыми. Когда Лестрейд представил его, он поклонился и сказал:

— Я действительно тружусь здесь, но предпочел бы, чтобы потомки помнили обо мне как о директоре приюта, который находится рядом. Он дает больше возможностей служить людям. Беднягам, которых доставляют сюда, уже ничем не поможешь.

— Займемся делом, — прервал его Лестрейд и распахнул перед нами дверь.

Нас встретил сильный запах карболовой кислоты, запах, с которым я был хорошо знаком, когда служил в войсках ее величества в Индии.

Комната, в которую нас ввели, напоминала длинный широкий коридор. Вдоль одной стены тянулся помост, на котором стояли грубо сколоченные деревянные столы. Почти половина из них была занята неподвижными телами, прикрытыми простынями. Лестрейд провел нас в дальний конец комнаты. Там находились еще один помост несколько выше других и стол, на котором лежало тело.

— Энни Чэмпен, — угрюмо произнес Лестрейд, — новая жертва этого мясника. — Он откинул простыню.

Холмс был самым бесстрастным из людей, когда речь шла о преступлении, но и на его лице появилось выражение угрюмой жалости. Что до меня, то должен признаться, что, хотя я привык к зрелищу смерти, меня начало мутить. Девушка была зверски убита, как животное на бойне.

К своему удивлению, я увидел, что на лице Холмса жалость сменилась как бы разочарованием.

— Лицо не изуродовано, — пробормотал он словно с сожалением.

— Потрошитель не уродует лица своих жертв, — сказал Лестрейд.

Холмс принял свой обычный холодный и сосредоточенный вид. С таким же успехом он мог рассматривать экспонат в анатомичке. Он тронул меня за руку.

— Обратите внимание на ловкость этой гнусной работы, Уотсон. Это подтверждает то, что мы читали в газетах. У него свой почерк.

Инспектор Лестрейд насупился.

— «Хирургия» Потрошителя не всегда одинакова. Она, видно, зависит от того, каким временем он располагает. В некоторых случаях он не успевал изуве-

чить жертву, если кто-то прерывал его сатанинские дела.

— Я вынужден отказаться от некоторых поверхностных представлений, которые у меня сложились. — Холмс говорил, скорее, сам с собой, нежели с нами. — Сумасшедший, садист, но расчетлив, даже на редкость расчетлив.

— Значит, вы признаете, что Скотленд-Ярд имеет дело вовсе не с каким-то кретином.

— Несомненно, Лестрейд, и я буду счастлив оказать вам любую помощь в пределах своих ограниченных возможностей.

При этих словах Лестрейд широко раскрыл глаза. Никогда раньше он не слышал, чтобы Холмс умалял свои таланты. Полицейский пытался найти подходящий ответ, но, как видно, его удивление было столь велико, что он не нашел слов.

Он, однако, достаточно пришел в себя, чтобы высказать обычную просьбу:

— Если вам повезет и вы найдете злодея...

— Я не ищу наград, Лестрейд, — сказал Холмс. — Будьте уверены, что все лавры достанутся Скотленд-Ярду. — Он сделал паузу, затем мрачно добавил: — Если до этого дойдет.

После чего он повернулся к доктору Меррею.

— Не разрешите ли вы нам осмотреть ваш приют, доктор?

Доктор Меррей поклонился.

— Почту за честь, мистер Холмс.

В это время дверь отворилась, и появилось убогое существо, едва волочившее ноги. Больше всего потряс меня его отсутствующий взгляд. Неыразительные черты лица, отвислый, полуоткрытый рот говорили о слабоумии. Шаркающей походкой он подошел к помосту, поднялся на него и вопросительно посмотрел на доктора Меррея, который улыбнулся ему, как улыбаются ребенку.

— А, Пьер, ты можешь накрыть тело.

На бессмысленном лице мелькнуло желание угодить. Мне невольно пришло на ум сравнение с верным псом, которому добрый хозяин подает команду. Затем доктор Меррей сделал нам знак, и мы сошли с помоста.

— Я пойду, — сказал Лестрейд, морщась от запаха карболки. — Если вам требуется какая-нибудь инфор-

мация, мистер Хоамс,— добавил он вежливо,— обращайтесь ко мне без стеснения.

— Спасибо, Лестрейд,— сказал Хоамс столь же любезно.

Два сыщика, очевидно, решили установить перемирие, пока зловещее преступление не будет раскрыто, кстати, первое подобное перемирие между ними на моей памяти.

Покидая это страшное место, я оглянулся и увидел, как Пьер старательно расправляет простыню на теле Энни Чэмпен. Хоамс тоже смотрел на дурачка, и что-то мелькнуло в его серых глазах.

Глава IV

ПРИЮТ ДОКТОРА МЕРРЕЯ

— Стараешься делать что можешь,— сказал доктор Меррей несколько минут спустя,— но в городе таких размеров, как Лондон, это все равно что пытаться отогнать море метлой. Море нужды и отчаяния.

Выйдя из морга, мы пересекли выложенный каменными плитами внутренний двор. Доктор Меррей провел нас через другую дверь в очень старое, обшарпанное, но несравненно менее мрачное помещение. Очевидно, когда-то это длинное низкое каменное строение было конюшней — отчетливые следы разделения на стойла сохранились до сих пор. По мере того как здание вытягивалось, подобно железнодорожному полотну, стойла расширялись, пока не превратились в некое подобие комнат. Надписи на карточках обозначили спальни для женщин и для мужчин, амбулаторию с комнатой для ожидания. Прямо перед собой мы увидели указатель: «К часовне и столовой».

Занавеска, прикрывающая вход в женскую спальню, была задернута, но вход в мужскую спальню был открыт, и виднелись несколько железных коек, на которых спали жалкие оборванцы.

В комнате перед амбулаторией ожидали три пациента, а в ней самой расположился огромный, звероподобного вида субъект, такой грязный, как будто он только что чистил трубы. Он сидел, угрюмо уставившись на хорошенькую девушку, которая делала ему перевязку. Одна его ножища покоилась на низенькой скамеечке, и юная леди только что кончила бинтовать

ее. Она распрямилась и откинула со лба прядь темных волос.

— Он сильно порезал ногу осколком стекла,— сказала она доктору Меррею.

— Селли, эти джентльмены — мистер Шерлок Холмс и его коллега доктор Уотсон. Джентльмены, знакомьтесь — мисс Селли Янг, моя племянница и незаменимая помощница. Не знаю, что было бы с приютом без нее.

Селли Янг протянула тонкую руку каждому из нас по очереди.

— Очень приятно,— сказал она спокойно и сдержанно.— Я слышала ваши имена и раньше, но никогда не думала, что познакомлюсь с такими знаменитыми людьми.

— Вы слишком великодушны,— проговорил Холмс.

То, что она, проявив такт, упомянула и меня, было очень мило, и я поклонился.

Доктор Меррей сказал:

— Я пойду, Селли. Не покажешь ли ты мистеру Холмсу и доктору Уотсону весь приют? Они, возможно, захотят посмотреть часовню и кухню.

Доктор Меррей поспешно направился в сторону морга, а мы пошли за мисс Янг, но не успели сделать нескольких шагов к двери, как Холмс внезапно сказал:

— У нас мало времени, мисс Янг. Может быть, лучше завершить экскурсию в следующий раз. Сегодня мы пришли сюда в чисто профессиональном качестве.

Девушка, как видно, не удивилась.

— Понимаю, мистер Холмс. Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Пожалуй. Некоторое время тому назад вы заложили одну вещь в ломбарде на Грейт Хиптон-стрит. Припоминаете?

Без всяких колебаний она ответила:

— Конечно, это было не так уж давно.

— Если вы не против, то расскажите нам, как к вам попал набор инструментов и почему вы заложили его.

— Извольте. Он принадлежал Пьеру.

Мне это показалось поразительной новостью, но на лице Холмса ни один мускул не шевельнулся.

— Это тот бедняга, лишившийся рассудка?

— Печальный случай,— сказала девушка.

— Я бы сказал, безнадежный,— заметил Холмс.— Мы видели его несколько минут назад. Не могли бы вы просветить нас относительно того, что с ним произошло?

— Мы ничего не знаем о его жизни до появления здесь. А оно, надо сказать, было драматическим. Однажды вечером я вошла со стороны морга и застала его там.

— И что же он делал, мисс Янг?

— Абсолютно ничего. Просто стоял возле тела в том невменяемом состоянии, которое вы, несомненно, заметили. Я отвела его к дяде. С тех пор он находится здесь. Полиция его, очевидно, не разыскивает, ибо инспектор Лестрейд не проявил к нему никакого интереса.

Я посмотрел на мисс Селли Янг с еще большим уважением. Поистине редкое мужество! Поздно вечером девушка входит в склеп, застаёт там уродца, склонившегося над одним из трупов, и не бежит в ужасе!

— Это вряд ли может служить критерием,— начал было Холмс и замолчал.

— Прошу прощения, сэр?

— Так, случайная мысль, мисс Янг. Продолжайте, пожалуйста.

— Мы пришли к выводу, что кто-то проводил Пьера до приюта и оставил его, как незамужние женщины оставляют своих младенцев. Доктор Меррей осмотрел его и обнаружил, что в свое время он перенес страшную травму — был зверски избит. Раны на его голове зажили, но помрачение ума неизлечимо. Он оказался безобидным существом и так трогательно жаждет быть полезным, что сам смастерил себе койку. Мы, конечно, и не помышляем о том, чтобы отправить его обратно в мир, где ему нет места.

— А набор хирургических инструментов?

— У него с собой был узелок с одеждой. Футляр был засунут туда — единственная ценная вещь, которой он обладал.

— Что он вам рассказал о себе?

— Ничего. Он говорит с трудом — отдельные слова, которые едва можно разобрать.

— Но его зовут Пьер?

Она засмеялась, и щеки ее чуть-чуть порозовели, что очень ей шло.

— Я взяла на себя смелость окрестить его так. На всей одежде были французские ярлыки, и я нашла у него цветной носовой платок, на котором были вытканы французские слова. Только поэтому и ни по какой другой причине я стала называть его Пьер, хотя уверена, что он не француз.

— Как случилось, что вы заложили инструменты? — спросил Холмс.

— Очень просто. Как я вам сказала, у Пьера практически ничего не было, а средства, которые мы тратим на общежитие, строго распределены. У нас не было возможности снабдить Пьера всем необходимым. Вот я и подумала о наборе хирургических инструментов. Вещь, несомненно, ценная, а ему она ни на что не могла понадобиться. Я разъяснила ему свое предложение, и, к моему удивлению, он усиленно закивал. — Она засмеялась. — Единственная трудность состояла в том, чтобы заставить его принять вырученные деньги. Он хотел внести их в общий фонд приюта.

— Значит, он еще способен на чувства, по крайней мере на чувство благодарности.

— Это действительно так, — ответила Селли Янг. — А теперь, сэр, может быть, вы ответите на мой вопрос. Почему вас интересует набор инструментов?

— Он был прислан мне неизвестным лицом.

Ее глаза расширились.

— Значит, кто-то его выкупил?

— Да. Нет ли у вас каких-либо соображений насчет того, кто мог это сделать?

— Ни малейших. — Она задумалась и после паузы сказала: — Не обязательно здесь должна быть какая-то связь. Я хочу сказать, что кто угодно мог увидеть набор и купить его по дешевке.

— Когда набор попал ко мне, одного инструмента не хватало.

— Странно! Интересно, что же могло с ним случиться?

— Набор был полным, когда вы его заложили?

— Да.

— Благодарю вас, мисс Янг.

В этот момент дверь перед нами распахнулась и вошел мужчина.

— Ваша светлость! — воскликнул Холмс. — Наши пути вновь пересеклись!

Лорд Карфакс — это был он — удивился не меньше, чем мы. Можно даже сказать, что он был в полной растерянности. Молчание прервала Селли Янг.

— Вы знакомы?

— Мы имели честь познакомиться только вчера, — сказал Холмс, — в резиденции герцога Шайрского.

Лорд Карфакс наконец обрел дар речи. Повернувшись к Холмсу, он сказал:

— У меня гораздо больше причин находиться здесь, чем у вас, джентльмены. Я провожу здесь много времени.

— Лорд Карфакс — наш добрый ангел, — сказала Селли восторженно. — Он так щедро жертвует свои деньги и время, что приют принадлежит ему столько же, сколько нам. Вряд ли он уцелел бы без его помощи.

Лорд Карфакс вспыхнул.

— Вы преувеличиваете, дорогая.

Она с нежностью прикоснулась к его руке. Глаза ее блестели. Но вскоре взгляд ее потускнел и настроение резко изменилось.

— Вы слышали, лорд Карфакс? Еще одна.

Он грустно кивнул головой.

— Неужели это никогда не кончится? Мистер Холмс, не решили ли вы применить свои таланты в поисках Потрошителя?

— Посмотрим, как будут развиваться события, — отрывисто сказал Холмс. — Мы отняли у вас много времени, мисс Янг. Надеюсь, мы еще увидимся.

Мы поклонились и пошли к выходу.

Наступил вечер, и редкие фонари Уайтчэпела мерцали на безлюдных улицах, скорее стущая, нежели рассеивая тени.

Я поднял воротник.

— Признаюсь, Холмс, что жаркий камин и чашка горячего чая...

— Берегитесь, Уотсон! — вскричал Холмс, отличавшийся более быстрой реакцией, чем я. Минуту спустя мы отчаянно отбивались от трех хулиганов, которые выскочили из темного двора и напали на нас.

Я увидел, как сверкнул нож, и один из них крикнул: «Вы займитесь тем, длинным!» После чего я остался один на один с третьим бандитом, но этого было вполне достаточно, поскольку в руках у него был

нож. Ожесточенность его нападения не оставляла сомнения в его целях. Хорошо, что я сразу же резко повернулся в его сторону, но трость выпала у меня из рук, и он наверняка всадил бы в меня нож, если бы, спеша сбить меня с ног, не поскользнулся и не стал падать на меня, ловя руками воздух. Движимый инстинктом самосохранения, я ударил его коленом. Было даже приятно ощутить боль в бедре и колене от этого удара. Бандит взвыл и, шатаясь, отступил. Кровь потекла у него из носа.

Холмс сохранил и трость, и присутствие духа. Уголком глаза я увидел его первый акт обороны. Пользуясь тростью как мечом, он ударил хулигана, который находился ближе к нему. С отчаянным воплем тот упал.

Больше я ничего не видел, потому что мой противник снова бросился на меня. Мы схватились не на шутку и в конце концов повалились на булыжную мостовую. Мой противник был крупный, сильный детина, и хотя я изо всех сил сдавил его руку, лезвие ножа немолимо приближалось к моему горлу.

Я уже готов был вручить свою душу создателю, когда трость Холмса обрушилась на моего противника. Глаза его закатились. Я с трудом освободился от груза его тела и привстал на колени. В этот момент один из двух хулиганов, напавших на Холмса, завопил от ярости и боли, и кто-то из них крикнул: «Бежим, Батч! Эти типы больно здоровы!» Они подняли моего обидчика, и вся троица исчезла во тьме.

Холмс стоял на коленях, склонившись надо мной.

— Уотсон, вы целы? Он не пырнул вас ножом?

— Ни царапины, Холмс,— успокоил я его.

— Если бы вас ранили, я этого никогда не простил бы себе.

— А как вы, старина?

— Только слегка задета голень.— Помогая мне встать, Холмс угрюмо добавил: — Я настоящий идиот. Меньше всего я ожидал нападения. Характер дела быстро меняется.

— Не упрекайте себя. Откуда вы могли знать?

— Моя профессия состоит в том, чтобы знать.

— Вы так быстро сориентировались, что обратили их в бегство, хотя все преимущества были на их стороне.

Но Холмс не внимал моим утешениям.

— Надо было быстрее поворачиваться, Уотсон,— сказал он.— Пошли. Мы найдем кеб и доставим вас домой к камину и горячему чаю, о котором вы мечтали.

В это время показался кеб, и мы остановили его. Уже по дороге к Бейкер-стрит Холмс сказал:

— Интересно знать, кто подослал их.

— Очевидно, тот, кто хотел бы видеть нас мертвыми,— ответил я.

— Но наш недруг, кто бы он ни был, как видно, плохо выбрал своих подручных. Надо было найти более хладнокровных. А эти задиры так лезли на рожон, что действовали не слишком ловко.

— Считайте, что нам повезло, Холмс.

— Одной цели они, по крайней мере, достигли. Если у меня раньше были сомнения, то теперь я ни за что не откажусь от этого дела.

Холмс проговорил это мрачным тоном, и остаток пути мы проделали в молчании. Только когда мы уехали перед камином и миссис Хадсон принесла нам горячий чай, Холмс снова заговорил:

— После того как я покинул вас вчера, Уотсон, я проверил несколько фактов. Знаете ли вы, что картина «Обнаженная», выставленная в Национальной галерее, кстати, очень неплохая работа, принадлежит кисти некоего Кеннета Осборна?

— Вы сказали, Кеннета Осборна?

— Герцога Шайрского.

ЭЛЛЕРИ ПРЕУСПЕВАЕТ

Он печатал всю ночь, не отрываясь... К рассвету у него уже отросла щетина, глаза слипались, и он буквально умирал от голода. Эллери отправился на кухню, открыл холодильник и достал бутылку молока и три сандвича, оставшиеся со вчерашнего дня. Он жадно проглотил их, допил остаток молока, вытер рот, зевнул, потянулся и пошел к телефону.

— Доброе утро, отец. Кто выиграл?

— Что выиграл? — ворчливо переспросил инспектор Куин.

— Игру — метание колец.

— А, ты про это. Они подсунули мне негодные кольца. Как погода в Нью-Йорке? Надеюсь, гнусная.

— Погода? — Эллери посмотрел в окно, но жалюзи были закрыты. — По правде говоря, не знаю. Я работал всю ночь.

— И ты еще требуешь, чтобы я отдыхал. Сынок, почему бы тебе не присоединиться ко мне?

— Не могу. Надо дописать книгу. Да притом еще вчера заходил Грант Эймс, который осушил все мои запасы спиртного и оставил пакет.

— Да? Какой пакет? — спросил инспектор Куин, оживляясь.

Эллери рассказал ему.

Старый инспектор фыркнул:

— Придумают же такую чепуху. Кто-нибудь тебя разыгрывает. Ты уже прочел?

— Несколько глав. Должен сказать, что написано в общем здорово. Увлекает. Но вдруг меня самого будто озарило, и я засел за машинку. Как ты собираешься провести день, отец?

— Буду поджариваться на проклятом пляже. Эллери, мне так здесь осточертело! Сын, позволь мне вернуться домой.

— И не думай, — сказал Эллери. — Поджаривайся. Знаешь что, не хотел бы ты прочитать неопубликованного Шерлока Холмса?

В голосе инспектора Куина послышалась лукавинка.

— Слушай, это идея. Я позвоню в авиакомпанию и закажу билет на любое свободное место — могу тут же прилететь в Нью-Йорк.

— Не выйдет номер. Я тебе вышлю рукопись почтой.

— К черту рукопись, — прорычал старик Куин.

— Пока, отец, — сказал Эллери. — Не забывай надевать защитные очки на пляже. И ешь все, что тебе кладут на тарелку.

Он повесил трубку, не дав отцу ответить.

Эллери взглянул на стенные часы. У них был такой же умученный вид, как у пишущей машинки.

Он прошел в ванную, принял душ и вернулся в пиджаке. Войдя в кабинет, он прежде всего вытащил из розетки вилку телефона. Потом схватил рукопись доктора Уотсона.

«Это меня быстро усыпит», — слукавил он.

На следующее утро, проснувшись, я обнаружил, что Холмс уже встал и шагает по комнате. Ни словом не обмолвившись о злоключении, которое нас постигло накануне вечером, он сказал:

— Уотсон, не согласитесь ли вы написать кое-что под диктовку?

— С радостью.

— Извините меня за то, что я низвожу вас до роли личного секретаря, но у меня есть особая причина желать, чтобы подробности этого дела были сформулированы в должном виде.

— Особая причина?

— Вот именно. Если у вас есть свободное время, мы наведаемся сегодня во второй половине дня к моему брату Майкрофту, в его клуб. Консультация с ним может быть нам полезна. Ведь в некоторых отношениях аналитические способности Майкрофта намного выше моих.

— Мне известно, как высоко вы его цените.

— Конечно, его способности, так сказать, сидячие, в том смысле, что он терпеть не может двигаться. Если бы кто-нибудь изобрел уличное кресло, которое доставляло бы человека из учреждения домой и обратно, Майкрофт первым бы приобрел его.

— Да, помнится, он не любит отклоняться от заведенного порядка.

— Поэтому он стремится свести все задачи, человеческие и прочие, к масштабам шахматной доски. На мой вкус, это — чрезмерное сужение, но, в общем, его методы часто помогают соображать.

Холмс потер руки.

— А теперь перечислим наших действующих лиц. Не обязательно в порядке значимости. Итак, первый — герцог Шайрский...

Холмс диктовал в течение часа. Потом он шагнул по комнате, пока я пытался хоть немного систематизировать записи. Закончив, я протянул ему следующее резюме. В нем содержалась информация, которая до тех пор была мне неизвестна, — факты, собранные Холмсом после вчерашнего вечера.

ГЕРЦОГ ШАЙРСКИЙ (Кеннет Осборн).

Нынешний обладатель земель и титула, известного с 1420 года.

Двадцатый потомок по прямой линии. Герцог ведет замкнутый образ жизни в своих имениях или в городском доме на Беркли-стрит, где занимается живописью. Имеет двух сыновей от жены, которая скончалась десять лет тому назад. Больше не женился.

ЛОРД КАРФАКС (Ричард Осборн).

Старший сын Кеннета. Прямой наследник герцогского титула. Имеет одну дочь — Дебору. Жена его трагически погибла при родах. Ребенок живет в девонширском имении на попечении гувернантки. Отец и дочь чрезвычайно привязаны друг к другу. Лорд Карфакс — филантроп. Он щедро жертвует свои деньги и время приюту на Монтегю-стрит в Лондоне, прибежищу обездоленных.

МАЙКЛ ОСБОРН.

Второй сын Кеннета. Источник позора и горестей для своего отца. По имеющимся данным, Майкл, досадуя на свое положение второго сына, не наследующего титул, пустился в разгул. Поставив перед собой цель втоптать в грязь титул отца, он, как сообщают, женился на уличной женщине, очевидно, для того, чтобы еще больше преуспеть в выполнении этой неблагоприятной цели. Сей достойный порицания поступок, вероятно, был совершен им в бытность студентом-медиком в Париже. Вскоре он был исключен из Сорбонны. Дальнейшая его судьба и нынешнее местопребывание неизвестны.

ЙОЗЕФ БЕК.

Ростовщик, владелец ломбарда на Грейт Хиптон-стрит. Судя по всему, вряд ли представляет интерес.

ДОКТОР МЕРРЕЙ.

Медик не только по образованию, но и по призванию, заведует моргом на Монтегю-стрит. Посвятил свою жизнь созданному им по соседству с моргом приюту.

СЕЛЛИ ЯНГ.

Племянница доктора Меррея. Отдает приюту все свое время. Медсестра, любящая свою профессию, занимается благотворительной деятельностью. Именно

она заложила в ломбард Бека набор хирургических инструментов. Охотно отвечает на вопросы и, по-видимому, ничего не скрывает.

ПЬЕР.

Безобидный дурачок, которого взяли в приют, где он выполняет разного рода физическую работу. Набор хирургических инструментов был найден среди его вещей. Мисс Янг заложила его, чтобы выручить деньги для Пьера. Видимо, приехал из Франции.

ЖЕНЩИНА СО ШРАМОМ НА ЛИЦЕ.

Сведений нет.

Холмс пробежал резюме с недовольным видом.

— Все это показывает, сколь немного мы достигли и какой долгий путь нам предстоит пройти. Известно, что совершено пять зверских убийств, и всякое промедление с нашей стороны, несомненно, приведет к увеличению их числа. Поэтому, если не возражаете, одевайтесь, Уотсон, мы остановим кеб и отправимся в клуб «Диоген».

Пока мы катили по булыжной мостовой, Холмс сидел, задумавшись, но я все же рискнул потревожить его, потому что мне неожиданно пришла в голову одна мысль.

— Холмс,— сказал я,— когда мы покидали имение герцога Шайрского, вы упомянули, что лорд Карфакс допустил два просчета. Мне кажется, об одном из них я догадался.

— В самом деле?

— Я вспомнил, что он не спросил, как к вам попал набор хирургических инструментов. Отсюда следует логический вывод, что он уже знал об этом.

— Превосходно, Уотсон!

— В свете этого промаха есть ли у вас основания предположить, что именно он прислал вам набор?

— Мы, во всяком случае, имеем основание подозревать, что он знает, кто это сделал.

— Тогда возможно, что лорд Карфакс — ключ для выяснения личности женщины с изуродованным лицом.

— Вполне возможно, Уотсон. Однако найти ключ и повернуть его — это две совершенно разные вещи.

— Должен признаться, что не могу угадать, в чем состоит второй просчет его светлости.

— Помните, как в присутствии лорда Карфакса я уронил футляр с инструментами? И как он любезно собрал инструменты?

— Да, ну и что же?

— Вы наверное, не обратили внимания на то, как уверенно он раскладывал их — каждый в соответствующее углубление.

— Действительно.

— А теперь, когда вы все вспомнили, какую дополнительную информацию это вам дает?

— Хотя лорд Карфакс уверяет, что не имеет познаний и опыта в хирургии, он хорошо знаком с хирургическими инструментами.

— Вот именно. Факт, который мы должны занести в наше мысленное досье для будущего использования. Мы приехали, Уотсон, Майкрофт нас ждет.

Клуб «Диоген»!.. Я хорошо его помнил, хотя бывал в его тихих гостиных всего один раз, когда Майкрофт переложил на плечи своего более активного брата дело греческого переводчика*, о котором я имел честь поведать, к вящему удовольствию отнюдь не малочисленной армии почитателей Холмса.

Клуб «Диоген» был основан людьми, которые искали уединения в центре шумного города, причем исключительно для узкого круга своих членов. Это роскошный особняк с мягкими креслами, превосходной кухней и всеми другими атрибутами личного комфорта. Правила клуба определяются его основным назначением и строго соблюдаются. Они рассчитаны на то, чтобы не поощрять, вернее, запретить всякое общение. Разговоры в его помещениях не допускаются, за исключением комнаты для посторонних посетителей, куда нас бесшумно провели. По сути дела, членам клуба не дозволяется обращать друг на друга ни малейшего внимания. Рассказывают об одном случае — по моему, он смахивает на анекдот: один из членов клуба скоропостижно скончался (как оказалось, в результате сердечного приступа), и об этом узнали лишь тогда, когда его коллега по клубу заметил, что в руках бедняги «Таймс» трехдневной давности.

Майкрофт Холмс ожидал нас в комнате для гостей, отлучившись ненадолго, как я позднее узнал, из пра-

---

* См. рассказ Артура Конан Дойла «Случай с переводчиком». — Прим. пер.

вительственного ведомства, расположенного за углом, на Уайтхолле, где он служил. Надо заметить, что это было неслыханным нарушением его привычек.

Тем не менее ни один из братьев, казалось, не спешил приступить к делу, которое нас туда привело, Майкрофт — высокий грузный человек с густыми седыми волосами и тяжелым лицом — мало походил на младшего брата. Он протянул руку и воскликнул:

— Шерлок! Ты отлично выглядишь! Должно быть, тебе на пользу колесить по всей Англии и континенту.

Протянув мне свою увесистую руку, Майкрофт сказал:

— Доктор Уотсон, я слышал, вы вырвались из цепких рук Шерлока и женились. Надеюсь, Шерлок не похитил вас снова?

— Я очень счастлив в браке, — заверил я его. — Просто в данный момент моя жена гостит у тетушки.

— И длинная рука Шерлока немедленно достала вас! Майкрофт приветливо улыбнулся. Несмотря на свою замкнутость, он обладал удивительной способностью держать себя так, что его собеседник не испытывал никакой неловкости. Он встретил нас у двери и теперь направился к эркеру, выходявшему на одну из самых оживленных улиц Лондона. Мы последовали за ним, и братья, стоя рядом, смотрели в окно.

— Я не заходил в эту комнату с тех пор, как ты последний раз приходил ко мне, Шерлок, но улица не меняется, — сказал Майкрофт. — Она была такой же и вчера.

— И все же, — пробормотал Шерлок, — она изменилась. Старые интриги забыты, возникли новые.

Майкрофт указал рукой.

— Посмотрите на этих двух типов у обочины. Не замышляют ли они чего дурного?

— Ты имеешь в виду фонарщика и бухгалтера?

— Их самих.

— Не думаю. Фонарщик утешает бухгалтера, которого недавно уволили.

— Похоже, что так. Бухгалтер, несомненно, найдет другое место, но так же быстро его потеряет и снова окажется на улице.

Я не смог удержаться и прервал их разговор.

— Погодите, погодите, — сказал я, невольно повторяя свои обычные возражения, — это уж чересчур!

— Уотсон, Уотсон, — с укоризной сказал Майк-

рофт,— я не ожидал от вас подобной близорукости после стольких лет сотрудничества с Шерлоком. Даже с такого расстояния вы не можете не видеть следов чернил, красных и черных, на пальцах одного из собеседников! А это ведь профессиональное отличие бухгалтера.

— Обратите внимание также,— вмешался Холмс-младший,— на чернильное пятнышко на его воротнике, где он коснулся материи пером, и на его помятый костюм, который в остальном имеет вполне респектабельный вид.

— Разве так трудно заключить из этого, мой дорогой Уотсон,— вставил Майкрофт с вкрадчивостью, которая всегда так раздражала меня,— что этот человек неряшлив и в работе, не задерживается долго на одном месте — его увольняют?

— Об этом свидетельствует газета, которая торчит из кармана сюртука, раскрытая на колонке объявлений о найме. Отсюда вывод: он безработный,— добавил Холмс.

Я поднял руки.

— Сдаюсь, как всегда! Но то, что его собеседник — фонарщик, это, конечно, просто предположение?

— Тут признаки более техничны,— сказал мой друг Холмс.— Посмотрите на его правый рукав. Видите, на внутренней стороне, начиная от манжета и выше, материя потерта до блеска.

— Безошибочный признак фонарщика,— сказал Майкрофт.

— Поднимая шест, чтобы зажечь огонь в газовом фонаре,— объяснил Шерлок,— он постоянно трет нижним концом шеста эту часть рукава. Весьма просто.

Прежде чем я успел ответить, настроение Холмса изменилось, и он, нахмурившись, отвернулся к стене.

— Хотел бы я, чтобы проблема, которой мы занимаемся, была столь же легкоразрешима. Она привела нас сюда, Майкрофт.

— Выкладывайте детали,— ответил его брат с улыбкой.— Не хочу зря терять время...

Двадцать минут спустя, удобно устроившись в покойных креслах, мы погрузились в молчание. Оно было прервано Майкрофтом.

— Картина четко обрисована, Шерлок, в пределах возможного. Но думаю, ты сам способен решить загадку.

— Не сомневаюсь, но времени мало. Надо во что бы то ни стало предотвратить новые преступления. Ты мог бы подсказать деталь, которая позволила бы мне сэкономить день, а то и два.

— Тогда давай точно перечислим, что тебе известно или, вернее, что неизвестно. У тебя в руках отнюдь не все элементы головоломки.

— Конечно.

— И все же ты уже что-то нащупал. Недаром тут же было совершено опасное нападение на тебя и Уотсона. Если только ты не считаешь это простым совпадением.

— Никоим образом!

— Я тоже не думаю.— Майкрофт потянул себя за ухо.— Конечно, не надо большого ума, чтобы понять, кто такой Пьер.

— Разумеется,— ответил Холмс.— Он — второй сын герцога Шайрского — Майкл.

— Что касается тяжелых травм, полученных Майклом, то отец может не знать об этом. Но лорду Карфаксу, конечно, известно, что Майкл находится в приюте. Он, вне всякого сомнения, узнал своего младшего брата.

— Не сомневаюсь,— сказал Холмс,— что лорд Карфакс был не вполне откровенен.

— Он меня заинтересовал. Мантия филантропа — отличное прикрытие для злого умысла. Вполне возможно, что именно лорд Карфакс позаботился о том, чтобы Майкл был взят под опеку доктора Меррея.

— Равно как и о нанесении ему увечий,— угрюмо добавил Холмс.

— Возможно, но тебе надо найти недостающие элементы головоломки, Шерлок.

— Время, Майкрофт, время! Вот в чем моя проблема. Я должен быстро найти ту нить, которая поможет размотать клубок.

— Я полагаю, тебе надо тем или иным способом заставить Карфакса раскрыться.

Тут я вмешался.

— Позвольте мне задать вопрос.

— Сделайте одолжение, Уотсон. Мы вовсе не собирались устранять вас от расследования.

— Я мало чем могу помочь, но мне думается, что наша главная задача — установить личность Джека Потрошителя. Поэтому я спрашиваю вас: считаете ли

вы, что мы уже встретили убийцу? Что кто-то из людей, с которыми мы вступили в контакт,— Потрошитель?

Шерлок Холмс улыбнулся.

— Есть ли у вас кандидат на эту далеко не почетную роль, Уотсон?

— Если бы я был вынужден сделать выбор, я остановился бы на слабоумном. Но, должен сознаться, я никак не предполагал, что он Майкл Осборн.

— На каких основаниях вы выносите ему приговор?

— Боюсь, ничего конкретного. Но я не могу забыть картину, свидетелем которой был, когда мы покидали морг на Монтегю-стрит. Если помните, доктор Меррей велел «Пьеру» прикрыть тело несчастной. В том, как тот это сделал, не было ничего обличающего, но при виде его движений у меня мурашки пошли по коже.

Наступила пауза, во время которой братья обдумывали высказанное мною мнение. Затем Майкрофт серьезно сказал:

— Весьма уместное соображение, Уотсон. Я бы только заметил, что трудно, о чем вам, конечно, известно, интерпретировать поступки, порожденные болезненным умом. Однако ваше инстинктивное отвращение может быть более ценно, чем вся наша логика.

— Ваше мнение, конечно, следует учесть,— сказал Холмс.

У меня, однако, сложилось впечатление, что ни тот, ни другой не придали большого значения моим словам, а просто хотели сказать мне приятное.

Майкрофт с трудом поднял свое грузное тело.

— Тебе надо собрать больше фактов, Шерлок.

Холмс стиснул руки.

Я подумал, что на всем протяжении встречи с Майкрофтом его брат не походил на того энергичного, самоуверенного Шерлока Холмса, каким я его знал. Я обдумывал причину этого, как вдруг услышал, как Майкрофт тихо сказал:

— Я думаю, что знаю источник твоего замешательства, Шерлок. Ты должен покончить с этим. Ты слишком объективен в этом деле.

— Не знаю, о чем ты,— сказал Холмс довольно холодно.

— Совершенно пять самых чудовищных преступлений века, и, может быть, их число увеличится. Если

бы ты занялся этим делом раньше, то мог бы предотвратить некоторые из них. Вот что гложет тебя.

Сознание вины может притупить самый могучий ум!

Холмсу нечего было возразить. Он нетерпеливо дернул головой и сказал:

— Пошли, Уотсон. Игра началась. Мы должны загнать дикого зверя.

— И притом хитрого,— сказал Майкрофт с явным предостережением. Затем добавил: — Шерлок, ищи женщину с изуродованным лицом. А также одно из недостающих важных звеньев — жену Майкла Осборна, которая пользуется такой дурной репутацией. О чем это говорит?

Холмс сердито посмотрел на брата:

— Ты в самом деле думаешь, Майкрофт, что я лишился способности мыслить? Конечно, это значит, что речь идет об одной и той же женщине.

С тем мы покинули клуб «Диоген».

ПОСЛАНЕЦ КУИНА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Дверной звонок имел форму бутона розы с листьями из слоновой кости. Грант Эймс с силой нажал его, и появилась девица в ядовито-зеленой вечерней пижаме.

— Хэлло, Мэдж. Был неподалеку, и вот я здесь.

Она просияла. Удлиненное аристократическое лицо молодого человека вызывало у нее приятные мысли о его богатстве.

— И поэтому вы решили заскочить,— изрекла она таким тоном, словно сама вывела формулу теории Эйнштейна. Она распахнула дверь так широко, что та ударилась о стену.

Грант осторожно двинулся вперед.

— Недурное у вас здесь гнездышко.

— Обыкновенная удобная квартира работающей девушки. Я прочесала всю Ист-Сайд, то есть буквально всю, пока наконец не нашла ее. Безумно дорого, но я просто не могу жить нигде, кроме Аппер Ист.

— Я и не знал, что вы надумали работать.

— А как же. Я консультант. Вы пьете виски?

«Сыщику надо жать до конца, если он хочет что-то выведать»,— подумал Грант.

- И где же вы консультируете?
— В отделе рекламы на фабрике.
— Конечно, на фабрике вашего отца?
— Конечно.

Мэдж Шорт была дочерью «Изящной обуви Шорта», но будущую добычу ей предстояло разделить с тремя братьями и двумя сестрами. Она кивнула хорошенькой рыжеволосой головкой, протягивая Гранту виски с содовой.

- А где находится фабрика?
— В Айове.

— И вы туда ездите?

— Дурачок! Здесь же есть контора на Парк-авеню.

— Детка, вы меня удивляете. Я представляю вас в совсем другой роли. На каком-нибудь литературном поприще.

— Вы что, шутите?

Грант осмотрел комнату. Нигде не было видно ни книг, ни журналов, но в конце концов это было обязательно.

— Я думал, вы уйму читаете, лапочка. Так сказать, книжный червь.

— Это в наши-то дни и в нашем веке! Откуда, хотела бы я знать, взять время на чтение?

— Ну, можно урывать отовсюду понемногу.

— Кое-что я читаю. Например, «Секс и проблема безбрачия»...

— Я лично помешан на детективах. Патер Браун, епископ Кушинг.

Он пристально следил за ее реакцией. С таким же успехом можно было ожидать ее от розовой хрюшки.

— Я тоже люблю детективы.

— Я иногда и философов почитаваю, — провокационно продолжал Грант, — Бертон, Шерлока Холмса.

— Один из гостей, помните, на последней вечеринке, специалист по «Дзэну»...

Гранта охватило сомнение. Он быстро изменил тактику.

— А какое на вас тогда было синее бикини. Блеск!

— Я так рада, что оно вам понравилось, милый. Хотите еще виски?

— Нет, спасибо. — Грант встал. — Время летит, пора. Она была безнадежна.

Он без сил рухнул на сиденье своего «ягуара».

Как они это делают — Холмс, даже Куин?

Тем временем что-то навалилось на нос Эллери и душило его. Он открыл глаза и обнаружил, что это рукопись, которую он читал перед сном. Он зевнул, сбросил ее на пол и сел, сонный, упершись локтями в колени. Рукопись лежала на полу. Он нагнулся и поднял ее.

И начал снова читать.

Глава VI

Я ВЫСЛЕЖИВАЮ ПОТРОШИТЕЛЯ

На следующее утро, должен признаться, Холмс привел меня в негодование.

Когда я проснулся, он уже был одет. Я заметил, что глаза его покраснели,— значит, он почти не спал. Я даже подозревал, что его всю ночь не было дома.

К счастью, он был настроен на беседу, а не замкнулся в себе, что с ним нередко бывало.

— Уотсон,— сказал он без всякого вступления,— в Уайтчэпеле есть трактир, пользующийся весьма дурной славой.

— Их там много.

— Да, верно! Но тот, о котором я говорю — «Ангел и корона»,— худшее из всех заведений, где предаются разгулу. Оно расположено в центре поля действий Потрошителя. Именно здесь видели незадолго до их смерти трех девиц из числа тех, которые стали жертвами Джека. Я намерен присмотреться к «Ангелу и короне» и сегодня вечером собираюсь покутить там.

— Отлично, Холмс! Если я смогу ограничиться элем...

— Нет, нет, дорогой Уотсон, вы не пойдете. Я до сих пор содрогаюсь при мысли, как близки вы были к гибели по моей вине.

— Послушайте, Холмс...

— Это решено бесспорно,— ответил он твердо.— У меня нет ни малейшего желания преподнести вашей симпатичной жене, когда она вернется, печальное известие.

— Мне казалось, что я неплохо проявил себя,— горячо возразил я.

— Несомненно. Без вас я бы уже покоился на убогом ложе в заведении доктора Меррея! И все же

это не оправдание для того, чтобы вторично рисковать вашей безопасностью. Пока я отсутствую сегодня,— а у меня масса дел,— вы могли бы, пожалуй, уделить немного времени своей практике.

— С моей практикой все в порядке, благодарю вас. Мой заместитель весьма компетентный человек.

— Тогда могу предложить вам пойти на концерт или почитать интересную книгу.

— Я вполне в состоянии сам себя занять,— сказал я холодно.

— Не сомневаюсь, Уотсон,— сказал он.— Ну что ж, мне пора. Обещаю, что по возвращении я введу вас в курс событий.

Он ушел, а я продолжал кипеть, почти не уступая температуре чая миссис Хадсон.

Решение нарушить запрет Холмса созрело у меня не сразу. Но прежде чем я закончил завтрак, оно уже приняло отчетливую форму. Я провел весь день в чтении любопытной монографии из книжного шкафа Холмса о возможности использовать пчел при подготовке убийства, добившись, чтобы они заразили отравой мед либо напали всем роем на свою жертву. Труд был анонимный, но я узнал лаконичный стиль Холмса. Когда стемнело, я стал готовиться к «операции».

Я решил отправиться в «Ангел и корону» под видом распутного повесы в расчете на то, что не буду выделяться среди многих лондонских завсегдатаев сих значных мест. Поэтому я поспешил домой и облачился в вечерний костюм. Его дополняли цилиндр и накидка. Посмотрев на себя в зеркало, я пришел к выводу, что у меня даже более лихой вид, чем я предполагал. Сунув в карман заряженный револьвер, я вышел на улицу, остановил экипаж и велел кучеру ехать к «Ангелу и короне».

Холмс еще не появлялся.

Это было отвратительное заведение. Длинный общий зал с низким потолком был полон разьедавшего глаза чада от многочисленных керосиновых ламп. Клубы табачного дыма висели в воздухе, как гроззовые тучи. За грубо отесанными столами расположилось самое разношерстное сборище. Матросы-индийцы, отпущенные на берег с многочисленных грузовых судов, которыми кишит Темза; восточного типа субъекты с непроницаемым выражением лица; шведы и африканцы, потрепанные европейцы, не говоря уже

о разного рода англичанах, — все они жаждали вкушать радостей в злых местах крупнейшего города мира.

Сомнительным украшением были и особы женского пола всех возрастов и характеров. Большинство из них имело жалкий вид — потрепанные и опустившиеся. Лишь немногие, самые молоденькие, едва начавшие катиться по наклонной плоскости, сохранили еще какую-то привлекательность.

Одна из таких девиц подошла ко мне, как только я, найдя свободный столик, заказал пинту крепкого портера и начал рассматривать гуляк.

Это была смазливая девчонка небольшого роста, но циничный взгляд и грубые манеры уже наложили на нее несмываемое клеймо.

— Привет, милочка. Закажешь девушке джинну с тоником?

Я хотел было отказаться от этой чести, но официант, по виду англичанин, стоявший подле, крикнул: «Джин с тоником для леди!» — и стал проталкиваться к бару. Он, несомненно, получал свою долю от стоймости выпивки, которую девицы выпрашивали у клиента.

Девушка уселась напротив меня и положила свою довольно грязную руку на мою. Я быстро отдернул руку. Ее накрашенные губы изобразили подобие улыбки.

— Робеешь, котик? Не бойся.

— Я просто заскочил выпить пинту, — сказал я.

Мое приключение начало утрачивать привлекательность.

— Ясно, милочка! Все господа забегают выпить пинту. А потом уж так получается, что хотят узнать, что еще у нас можно купить.

Официант вернулся, подтолкнул к ней джин с тоником и взял несколько монет из тех, что я выложил на стол. Я не сомневался, что он прихватил несколько лишних пенсов, но не стал спорить.

— Меня зовут Полли, милочка. А тебя как звать?

— Хоукинс, — поспешно сказал я. — Сэм Хоукинс.

— Хоукинс? — засмеялась она. — Слава Богу, что не Смит. Не поверишь, сколько здесь Смитов ошивается, будь они неладны.

Если бы я и нашелся, я не успел бы открыть рта, так как в другом конце зала поднялся шум. Моряк с

темной физиономией, по габаритам не уступающий горилле, в ярости зарычал и, пытаясь схватить другого посетителя — маленького китайца, видимо, обидевшего его, опрокинул стол.

Какое-то мгновение казалось, что китайцу пришел конец, настолько свирепый вид был у моряка.

Но тут вмешался какой-то мужчина с густыми бровями, бычьей шеей и широкими плечами, с руками, толстыми, как деревья, хотя и не такой огромный, как моряк. Неожиданный защитник китайца ударил моряка кулаком в солнечное сплетение. Это был сокрушительный удар, и моряк согнулся пополам от боли, издав хриплый стон, который был слышен во всех концах зала. Нападавший снова примерился и нанес еще один удар, на этот раз в челюсть гиганта. Голова моряка откинулась назад, глаза остекленели. Он начал падать, но мужчина с густыми бровями подставил плечо и поймал тело, взвалив его на спину, как мешок с мукой. Открыв дверь, он вышвырнул его на улицу.

— Это Макс Клейн,— сказала со страхом моя девица.— Сильный, дьявол, как бык. Макс купил это заведение. Уже четыре месяца хозяйничает. Он не даст никого убить здесь! И думать нечего.

Зрелище было поистине впечатляющим. Но в этот момент нечто другое привлекло мое внимание. Едва закрылась дверь, через которую Клейн выбросил моряка, как она опять распахнулась, и вошел новый посетитель, которого, мне показалось, я узнал. Я вглядывался сквозь чад и дым. Сомнений не было. Йозеф Бек, ростовщик, собственной персоной. Он направлялся к свободному столику. Надо будет сообщить об этом Холмсу, подумал я и повернулся к Полли.

— У меня славная комнатка, милоч,— сказала она, пытаясь соблазнить меня.

— Боюсь, что это меня не интересует, сударыня,— сказал я как можно мягче.

— Сударыня... Надо же! — возмущенно вскричала она.— Что я тебе, старуха какая? Я еще молоденькая. И чистая. Так что не бойся.

— Но, наверное, есть кто-то, кого ты боишься, Полли,— сказал я, пристально глядя на нее.

— Я? С чего это мне бояться? Я и мужи не трону.

— Я имею в виду Потрошителя.

В ее голосе послышались скулящие нотки.

— Ты просто хочешь напугать меня. А я не боюсь.

Она глотнула джина, но глаза ее бегали по сторонам. Потом они остановились на какой-то точке позади моего плеча, и я осознал, что она посматривала в ту сторону во время всего нашего разговора. Я повернул голову и увидел самого мерзкого типа, которого только можно себе представить.

Он был невероятно грязен. Одну его щеку пересекал безобразный шрам, отчего рот его был искривлен как будто в усмешке, а вздутый синяк под левым глазом делал его вид еще более отталкивающим. Никогда мне не приходилось видеть такое злобное лицо.

— Он прикончил Энни, Потрошитель, — прошептала Полли. — Изуродовал бедняжку черт те как. И за что? Энни была тихая, никого не трогала.

Я снова повернулся к ней.

— А может, то страшилище со шрамом — он и есть?

— Кто знает? — И горестно воскликнула: — Зачем только он это делает!

Это был он!

Трудно объяснить, почему я был так в этом уверен. В прошлом я одно время играл в азартные игры, как это нередко случается с молодыми людьми, и, бывало, у меня появлялось какое-то необъяснимое предчувствие, не основанное на доводах рассудка, инстинкт, шестое чувство — назовите как хотите, — но оно иногда появляется, и игнорировать его невозможно.

Именно такое чувство возникло у меня, когда я разглядывал человека, сидевшего сзади. Он в упор смотрел на девуцу, и мне была видна слюна в уголках его отвратительно искривленного рта.

Что было делать?

— Полли, — спросил я тихо, — видела ли ты этого человека раньше?

— Я, котик? Никогда. До чего же отвратный, верно?

Но тут в силу неустойчивости, свойственной распущенным женщинам, настроение Полли изменилось. Верх взяла ее природная бесшабашность, еще усиленная большой дозой спиртного. Она вдруг подняла свою рюмку.

— За твоё счастье, милочка! Ты хороший дядечка, и я желаю тебе всего самого...

— Спасибо.

Она встала и пошла, покачивая бедрами. Я наблю-

дал за ней, ожидая, что она подойдет к другому столу. Но она быстро прошла через зал и направилась к двери. Я подумал, что в этот вечер ей, очевидно, не везет в «Ангеле и короне», и поэтому она решила попытать счастья на улице. Не успел я почувствовать облегчение, как увидел, что отвратительное существо позади меня вскочило и бросилось за ней. Можно понять, какая тревога меня охватила. Что мне было делать, как не последовать за этим человеком!

Когда глаза привыкли немного к темноте, я обнаружил, что мужчина все еще находится в поле моего зрения. Он крался, прижимаясь к стене в конце улицы.

Я знал, что иду по опасному пути. Но это был он, Потрошитель, и он выслеживал Полли. Я судорожно сжал в кармане револьвер. Человек завернул за угол, и я, боясь упустить его, поспешил следом.

Улицу освещал только один газовый фонарь. Я вглядывался в темноту. Но человек, по пятам которого я шел, исчез.

Меня охватило мрачное предчувствие. Быть может, злодей уже затащил несчастную девушку в какой-нибудь подвал! Если бы я догадался взять с собой карманный фонарик! Я побежал вперед. Тишину улицы нарушал только звук моих шагов.

Даже скудного света было достаточно, чтобы увидеть, что улица на другом конце переходит в узкий проход. Именно туда я и ринулся, и при мысли о том, что я могу там обнаружить, сердце мое бешено заколотилось.

Вдруг я услышал приглушенный крик. Я натолкнулся на что-то мягкое. Испуганный голос пролепетал:

— Пощадите! Умоляю, пощадите!

Это была Полли, прижавшаяся к стене в темноте. Опасаясь, что ее крик может спугнуть Потрошителя, я зажал ей рот рукой и прошептал ей на ухо:

— Все в порядке, Полли. Тебе ничего не угрожает. Я тот джентльмен, который сидел с тобой.

В это время сзади на меня обрушилась какая-то огромная тяжесть, меня отшвырнуло назад, в проход. Коварный злодей, за которым я шел по пятам от «Ангела и короны», перехитрил меня. Он спрятался в темноте и пропустил меня вперед. Теперь в ярости от того, что добыча ускользает, он напал на меня, как дикий зверь.

Я ответил тем же, отчаянно отбиваясь, и пытался вытащить револьвер из кармана. Мне надо было держать его в руке, но во время моей службы в войсках ее величества в Индии я был военным врачом, а не солдатом и не был обучен приемам рукопашного боя.

Поэтому я не мог тягаться с чудовищем, с которым схватился. Под его натиском я упал и радовался лишь тому, что девушке удалось убежать. Я ощутил, как цепкие руки сжимают мое горло, и тщетно махал свободной рукой, все еще пытаясь достать из кармана револьвер.

Я обомлел, услышав вдруг знакомый голос, который вскричал:

— Посмотрим, какого зверя я вспугнул!

Еще до того, как вспыхнул огонек фонарика с увеличительным стеклом, я понял, как жестоко ошибся. Отвратительный тип, сидевший позади меня в трактире, был не кто иной, как Холмс, переодетый и загримированный!

— Уотсон!

Он был поражен не меньше, чем я.

— Холмс! Господи помилуй, да ведь если бы мне удалось вытащить револьвер, я мог застрелить вас!

— И поделом было бы, — проворчал он. — Уотсон, можете считать меня ослом.

Он оторвал от меня свое гибкое тело и, схватив за руку, хотел помочь мне встать. Даже в тот момент, уже зная, что это мой старый друг, я не мог не подивиться его великолепному гриму, изменившему до неузнаваемости его лицо.

У нас не было времени для взаимных упреков. Когда Холмс поднимал меня, мы услышали пронзительный крик, разорвавший тишину ночи. Холмс отпустил мою руку.

— Меня опередили! — вскричал он и ринулся в темноту. Пока я поднимался на ноги, вопли усиливались. И вдруг они оборвались. В жуткой тишине отчетливо слышался топот ног бегущих людей — Холмса и еще кого-то.

Должен признаться, что я проявил себя в этом деле не лучшим образом. Некогда я был чемпионом полка по боксу в среднем весе, но, видимо, те времена миновали безвозвратно. Я прислонился к кирпичной стене, стараясь справиться с тошнотой и головокруже-

нием. В этот момент я не мог бы откликнуться, даже если бы на помощь звала наша милостивая королева.

Головокружение прекратилось — окружающие строения выпрямились, и я, пошатываясь, побрел назад, нащупывая путь во тьме. Мне удалось пройти не более двухсот шагов, когда меня остановил спокойный голос.

— Здесь, Уотсон.

Я повернул налево и обнаружил проем в стене.

Снова послышался голос Холмса:

— Я уронил фонарь. Не поищите ли вы его, Уотсон?

Его спокойный голос особенно пугал меня, так как скрывал мучительную внутреннюю борьбу. Я знал Холмса: он был глубоко потрясен.

Я сделал шаг и наткнулся на фонарь ногой. Я зажег его и отшатнулся, увидев перед собой страшную картину. Холмс стоял на коленях, согнувшись и повесив голову, — олицетворение отчаяния.

— Я потерпел неудачу, Уотсон. Меня надо отдать под суд за преступную глупость.

Потрясенный кровавым зрелищем, я едва слушал. Джек Потрошитель дал волю своему отвратительному безумию, на этот раз избрав жертвой бедную Полли. Жуткая картина расплывалась перед моими глазами...

— Но у него было так мало времени! Каким образом?..

Холмс ожил и вскочил на ноги.

— Пошли, Уотсон! Следуйте за мной!

Всю дорогу он намного опережал меня, но я не терял его из виду, и когда я наконец нагнал его, то обнаружил, что он изо всех сил стучит в дверь ломбарда Йозефа Бека.

— Бек, — кричал Холмс, — выходите! Я требую, чтобы вы немедленно вышли! — Он снова и снова колотил кулаком в двери. — Откройте дверь, или я вышибу ее!

Наверху появился освещенный прямоугольник. Открылось окно. Из него высунулась голова. Йозеф Бек крикнул:

— Вы что, с ума сошли? Кто вы такие?

В свете лампы, которую он держал в руке, были видны ночная сорочка с высоким воротником и ночной колпак с красной кисточкой.

Холмс отошел и громко прокричал ему в ответ:

— Сэр, я Шерлок Холмс, и если вы не спуститесь

немедленно, я взберусь на эту стену и выволоку вас за волосы.

Бек, естественно, был ошарашен: Холмс все еще был в гриме.

Я попытался помочь делу.

— Герр Бек, вы помните меня, не правда ли?

Он с удивлением посмотрел на меня.

— Вы один из двух джентльменов...

— И уверяю вас, что это мистер Шерлок Холмс.

Ростовщик колебался. Но потом сказал:

— Очень хорошо. Сейчас спущусь.

Холмс нетерпеливо шагал, пока свет не показался в ломбарде и входная дверь не открылась.

— Выходите, Бек! — скомандовал Холмс грозным голосом.

Испуганный немец повиновался. Сильная рука моего друга схватила ростовщика, который тщетно пытался увернуться. Холмс разорвал перед его ночной сорочки, обнажив голую грудь, покрытую мурашками от холода.

— Что вы делаете, сэр? — спросил ростовщик дрожащим голосом. — Я не понимаю.

— Куда вы отправились, Бек, после того, как ушли из «Ангела и короны»? — спросил Холмс, отпустив ростовщика.

— Куда я отправился? Я пошел домой, в постель.

После того как Холмс понизил тон, Бек пришел в себя и теперь был настроен враждебно.

— Да, — проговорил Холмс задумчиво, — похоже, что это так. Возвращайтесь в постель, сэр. Сожалею, что напугал вас.

Холмс бесцеремонно повернулся, и я вслед за ним. Когда мы дошли до угла, я обернулся и увидел, что Бек все еще стоит перед ломбардом. В своем странном облачении, с высоко поднятой в руке лампой, он казался карикатурой на статую Свободы, подаренную Соединенным Штатам народом Франции, огромную, полую бронзовую статую, которая ныне стоит у входа в нью-йоркскую гавань.

Мы вернулись к месту преступления и увидели, что труп бедной Полли обнаружен. Большая толпа любопытных, одержимых болезненной страстью к такого рода зрелищам, забила вход на улицу, в то время как фонари официальных лиц рассеивали мрак вокруг места происшествия.

Холмс мрачно созерцал эту сцену, засунув руки глубоко в карманы.

— Нет никакого смысла выдавать наше присутствие, Уотсон,— пробормотал он.— Это только повлечет за собой бесплодные объяснения с Лестрейдом.

Меня не удивило, что Холмс предпочитал не раскрывать нашу роль свидетелей жуткого происшествия. Он действовал сообразно своим методам; к тому же в данном случае задето было его самолюбие.

— Давайте улизнем потихоньку, Уотсон,— с горечью сказал он,— как подобает безмозглым идиотам, какими мы оказались.

Глава VII МЯСНИК ЗА РАБОТОЙ

— Дело в том, Уотсон, что вы не заметили укутанного в плащ Йозефа Бека, который выходил из трактира как раз в тот момент, когда девица собралась на улицу. Вы следили только за мной.

Я с горечью сознавал, что не он, а я был виноват в происшедшем, хотя в его тоне не было и намека на это. Я пытался признать свою оплошность, но он прервал мои извинения.

— Нет, нет,— сказал он,— только из-за моей глупости злодей ускользнул из наших рук, а вовсе не из-за вас!

Опустив голову на грудь, Холмс продолжал:

— Когда я вышел из трактира, девица заворачивала за угол. Бека нигде не было видно, и я мог только предположить, что он либо отправился в другом направлении, либо притаился в одном из ближайших темных парадных. Я остановился на первом предположении и пошел за девицей. Свернув за угол, я услышал звуки приближающихся шагов и краем глаза увидел, как какой-то мужчина в плаще идет за нами. Конечно, у меня и мысли не было, что это вы,— притом, честно говоря, ваша фигура не слишком отличается от фигуры Бека, Уотсон. Я решил, что крадущийся мужчина — это наш ростовщик. Я, в свою очередь, спрятался, и когда услышал крик, то подумал, что мне удалось выследить Потрошителя. После чего напал на него и обнаружил мою непростительную ошибку.

Мы закончили свой утренний чай, и Холмс в яро-

сти шагал по гостинной на Бейкер-стрит. Я встревоженно следил за его движениями.

— Потом,— продолжал Холмс с ожесточением,— пока мы были поглощены своими неудачами, Потрошитель нанес удар. До чего же наглый этот дьявол!— воскликнул он. — Презрение ко всему и всем, невероятная самоуверенность — вот спутники его преступлений! Верьте мне, Уотсон, я засажу чудовище в тюрьму, даже если это будет последним делом моей жизни!

— Похоже, что с Йозефа Бека подозрение снято,— сказал я, пытаясь рассеять горькие мысли Холмса.

— Безусловно. Бек не мог добраться до дома, смыть с себя кровь, раздеться, облачиться в ночную сорочку и колпак до нашего прихода.

Холмс схватил трубку из вишневого дерева, персидские шлепанцы и тут же в сердцах отбросил их.

— Уотсон,— сказал он,— единственное, чего мы достигли вчера вечером,— это устранили одного подозреваемого из миллионов людей, проживающих в Лондоне. Такими темпами мы сумеем выследить преступника где-то в следующем столетии.

Я не мог ничего возразить. Но Холмс вдруг расправил свои худые плечи и устремил на меня взгляд стальных глаз.

— Довольно об этом, Уотсон! Уподобимся Фениксу. Одевайтесь, мы нанесем еще один визит в морг доктора Меррея.

Через час мы стояли на Монтегю-стрит перед входом в эту мрачную обитель. Холмс внимательно оглядел жалкую улочку.

— Уотсон,— сказал он,— я хотел бы иметь более детальное представление об этом районе. Пока я побуду здесь, не можете ли вы разведать, что находится на ближайших улицах?

Горя желанием загладить вину за ошибки предыдущего вечера, я с готовностью согласился.

— Когда вы закончите осмотр, вы наверняка найдете меня в приюте.

И Холмс вошел в ворота.

Я обнаружил, что на Монтегю-стрит нет обычных магазинов. Дальняя сторона улицы была застроена складами, которые смотрели на меня запертыми входами и не подавали никаких признаков жизни.

Но, повернув за угол, я увидел более оживленную

картину. Там находилась палатка зеленщика, возле которой домашняя хозяйка выторговывала кочан капусты. В следующем доме помещалась табачная лавка. За ней виднелась маленькая невзрачная пивнушка, над дверью которой висела потрепанная вывеска, изображавшая кеб.

Мое внимание вскоре привлек широкий проем на той стороне улицы, по которой я шел. Оттуда доносился пронзительный визг. Я прошел под старой каменной аркой во двор и очутился на бойне. В углу в небольшом загоне сбились в кучу четыре тощие свиньи. Подручный мясника — молодой парень с мощными бицепсами, в окровавленном переднике, кладно-кровно делал свое дело.

Я отвернулся. Мое внимание привлек вид идиота, в котором Шерлок Холмс и его брат Майкрофт признали Майкла Осборна. Он сидел на корточках в углу бойни, забыв обо всем на свете, кроме действий мясника. Он пожирал глазами окровавленные туши животных с поистине патологическим интересом.

Проделав предварительную работу, подручный мясника отошел назад и удостоил меня улыбки.

— Хотите разжиться куском свинины?

— Надо сказать, что ваша работа ведется не в самых чистых условиях, — сказал я с неприязнью.

— Чистых, говорите, — усмехнулся парень. — Да здесь людей от многого другого тошнит, сэр! Плевать им, если свинина чуть-чуть подпачкана, и они правы, черт побери! — Он подмигнул. — Особливо девки. Они по ночам больше думают о том, как свою шкуру уберечь.

— Вы имеете в виду Потрошителя?

— А кого же еще? Из-за него все потаскушки в последнее время дрожат.

— А вы знали девушку, которая была убита вчера вечером?

— Знал. Дал ей на днях вечером два с половиной шиллинга. У бедной девки нечем было заплатить за квартиру, а я не жадный. Не могу видеть, когда девушка топает по улицам в тумане оттого, что ей негде спать.

Чисто инстинктивно я продолжил этот малопрятный разговор.

— У вас нет никакой идеи насчет того, кто же все-таки Потрошитель?

— Почему мне знать, сэр? Да хоть ваша милость, а что? Он вполне может быть джентльменом. Согласны?

— Почему вы это говорите?

— Почему? Потому что джентльмен накидкой прикроет свою одежду, и кровавых пятен не видать! Согласны? Ну ладно, надо разделявать тушу.

Я поспешно покинул бойню, унося с собой образ Майкла Осборна, сидящего на корточках в углу, не отводя слезящихся глаз от кровавого зрелища. Что бы ни говорил Холмс, для меня этот жалкий изгой общества оставался главным подозреваемым.

Я обогнул площадь и вошел в морг через ворота на Монтегю-стрит, собираясь пройти в приют. В морге не было никого. Пройдя вдоль помоста, я подошел к столу, стоявшему на возвышении. На нем лежало тело, прикрытое белой простыней. Я постоял, задумавшись, потом, побуждаемый неясным чувством, откинул простыню с лица.

Страдания Полли отошли в прошлое, и ее мраморное лицо отражало покорное приятие того, что она обнаружила по ту сторону ограды. Я не считаю себя сентиментальным человеком, но думаю, что в смерти, как бы она ни наступила, есть определенное достоинство. И хотя я не отличаюсь религиозностью, я прошептал короткую молитву о спасении души несчастной девушки.

Холмса я нашел в столовой приюта в обществе лорда Карфакса и мисс Селли Янг. Последняя встретила меня приветливой улыбкой.

— Доктор Уотсон, позвольте мне принести вам чашку чая.

Поблагодарив, я отказался. А Холмс быстро сказал:

— Вы вовремя пришли, Уотсон. Его светлость собирается предоставить нам кое-какую информацию.

Его светлость, казалось, несколько колебался.

— Вы можете с полным доверием говорить при моем друге, ваша светлость.

— Извольте, мистер Холмс. Майкл уехал из Лондона в Париж примерно два года тому назад. Я ожидал, что он будет вести беспорядочный образ жизни в этом самом безнравственном из городов, но тем не менее старался поддерживать с ним связь. И я был удивлен и обрадован, когда узнал, что он поступил в Сорбонну, чтобы изучать медицину. Мы продолжали переписку, и я стал оптимистически смотреть на его

будущее. Казалось, мой младший брат открыл новую страницу своей жизни.

Подвижное лицо Карфакса приняло грустное выражение.

— Но тут произошло несчастье. Я с ужасом узнал, что Майкл женился на уличной женщине.

— Вы ее видели, милорд?

— Никогда, мистер Холмс. Откровенно признаю, что у меня не было желания увидеться с ней. Однако, если бы обстоятельства так сложились, я бы с ней встретился.

— Откуда в таком случае вам известно, что она проститутка? Ваш брат вряд ли включил эту деталь в перечень подробностей, когда уведомил вас о своем браке.

— Мой брат мне ничего такого не сообщил. Я узнал об этом из письма одного из студентов, человека, с которым не был знаком, но чье послание отражало искренний интерес к судьбе Майкла. Этот джентльмен уведомил меня о профессии Анджелы Осборн и высказал мнение, что, если я дорожу будущим брата, мне следует немедленно приехать в Париж и попытаться повлиять на него, пока жизнь его еще не безвозвратно загублена.

— Вы сообщили отцу об этом письме?

— Никоим образом! — резко сказал лорд Карфакс. — К сожалению, автор письма сам позаботился об этом. Он отправил два письма, видимо, на случай, если один из нас не обратит на письмо должного внимания.

— Как реагировал ваш отец?

— Вряд ли есть смысл задавать этот вопрос, мистер Холмс.

— Герцог не пожелал получить подкрепляющих доказательств?

— Нет. Письмо выглядело правдивым. Я сам не сомневался в нем. К тому же его содержание вполне соответствовало тому, что отец уже и сам знал. — Лорд Карфакс сделал паузу, и лицо его исказилось болью. — Я подозревал, что отец тоже может получить письмо, и поэтому помчался в его городской дом. Когда я приехал, он стоял перед мольбертом в студии. Увидев меня, натурщица прикрыла наготу халатом, а отец положил кисть и спокойно взглянул на меня. Он спросил: «Ричард, что привело тебя в это время дня?»

Я увидел, что возле его палитры лежит конверт с французской маркой, и указал на него. «Я полагаю, что это письмо из Парижа». — «Ты прав». Он взял конверт, не вынимая содержимого. «Уместней было послать с черной каймой». — «Не понимаю вас», — ответил я. Он положил письмо на место. «Разве не так извещают о смерти? Для меня это письмо — весть о кончине Майкла. В моем сердце заупокойная уже прочитана, и тело предано земле».

Его страшные слова потрясли меня. Но зная, что спорить бесполезно, я ушел.

— Вы не попытались связаться с Майклом? — спросил Холмс.

— Нет, сэр. Я считал, что ничего поправить нельзя. Однако месяца два спустя я получил анонимную записку, в которой говорилось, что если я приду в этот приют, то найду там нечто, представляющее интерес. Я так и сделал. Нет надобности говорить вам, что я обнаружил.

— А записка? Вы сохранили ее, ваша светлость?

— Нет.

— Жаль.

Лорд Карфакс, казалось, боролся с прирожденной скрытностью. И вдруг его будто прорвало.

— Мистер Холмс, не могу описать, что испытал я, увидев Майкла в его нынешнем состоянии, жертвой нападения.

— И что же вы предприняли, позвольте спросить?

Лорд Карфакс пожал плечами.

— Приют мне представляется не худшим местом для него.

Мисс Селли Янг в изумлении молчала, глаза ее неотступно следили за лицом его светлости. Лорд Карфакс заметил это. С печальной улыбкой он сказал:

— Я надеюсь, вы простите мне, дорогая, что я не рассказал вам об этом раньше. Но это казалось ненужным, даже неразумным. Я хотел, чтобы Майкл оставался здесь. И, по правде говоря, не горел желанием признаться вам и вашему дяде, что это мой брат!

— Понимаю, — сказала девушка. — Вы имели право хранить свою тайну, милорд, хотя бы потому, что оказываете приюту столь щедрую поддержку.

Холмс внимательно изучал лорда Карфакса во время его рассказа.

— Вы не предприняли больше никаких розысков?

— Я связывался с парижской полицией и Скотленд-Ярдом и запросил, нет ли в их материалах какого-либо сообщения о таком нападении, которому подвергся мой брат. В их архивах таких сообщений не обнаружилось,— ответил лорд Карфакс.

— Хочу поблагодарить вас, милорд, за то, что вы были так откровенны в столь трудных обстоятельствах.

Лорд Карфакс слабо улыбнулся.

— Уверяю вас, сэр, что я сделал это не совсем по собственному желанию. Не сомневаюсь, что так или иначе вы получили бы эту информацию. Может быть, узнав все от меня, вы оставите в покое Майкла.

— Не могу вам этого обещать.

Лицо лорда Карфакса стало напряженным.

— Клянусь честью, сэр, Майкл не имеет никакого отношения к страшным убийствам.

— Вы успокоили меня,— ответил Холмс,— и я обещаю вашей светлости приложить все силы, чтобы избавить вас от дальнейших страданий.

Лорд Карфакс молча поклонился.

Засим мы распрощались. Но когда мы выходили из приюта, перед моими глазами все еще стоял Майкл Осборн, забившийся в угол бойни и будто завороченный видом крови.

ПОСЛАНЕЦ ЭЛЛЕРИ ДОКЛАДЫВАЕТ

Грант Эймс-третий, изможденный, лежал на диване Эллери Куина, балансируя бокалом.

— Я ушел эдаким бодрячком, а вернулся развалиной.

— Всего после двух интервью?

Эллери, все еще в пижаме, согнулся над пишущей машинкой и скреб порядком отросшую бородку. Он напечатал еще четыре слова и остановился.

— Вы уверены, что ни та, ни другая не положила рукопись к вам в машину?

— Мэдж Шорт считает, что Шерлок — это что-то вроде новой прически. А Кэтрин Лэмберт... Кэт неплохая девчушка. И знаете, она рисует. Оборудовала чердак в Гринидж-Виллидже. Очень напористая. Такой тип — как натянутая пружина.

— Может, они вас провели,— сказал Эллери жестко.— Вас нетрудно одурачить.

— Я все доподлинно выяснил,— сказал Грант с достоинством.— Я задавал хитрые вопросы. Глубокие. Проницательные.

— Например?

— Например: «Кэт, это вы положили рукопись, адресованную Эллери Куину, на сиденье моей машины?»

— И каков был ответ?

Грант пожал плечами.

— Он имел форму контрвопроса: «А кто такой Эллери Куин?»

— Я не просил вас недавно убраться вон?

— Будем добры друг к другу, дружище,— Грант сделал паузу, чтобы отхлебнуть виски.— Я не считаю, что потерпел поражение. Просто сократил поле действия наполовину. Я буду продвигаться вперед.

— Кто на очереди?

— Рейчел Хэгер. Третья в моем списке. Остается еще Пэгген Келли, девушка из Беннингтона, которую можно увидеть почти в каждом пикете, участники которого выступают с глупейшим протестом.

— Двое подозреваемых,— сказал Эллери.— Не спешите. Пойдите куда-нибудь и обдумайте план атаки.

— Вы хотите, чтобы я зря убил время?

— Мне казалось, что это ваше любимое занятие.

— А закончили вы чтение рукописи? — спросил повеса, не двигаясь с места.

— Я занят своим детективом.

— Прочли ли вы уже достаточно, чтобы найти убийцу?

— Братец,— сказал Эллери,— я еще не нашел убийцу в собственной книге.

— И как только вы заработали свою репутацию? — ехидно спросил молодой человек. И ушел.

У Эллери было такое чувство, что мозги его онемели, как затекшая нога. Клавиатура пишущей машинки, казалось, отодвинулась на тысячи ярдов.

Ему не надо было ломать голову над тем, кто послал ему рукопись через Гранта Эймса-третьего. Ответ на этот вопрос он уже знал.

Эллери направился в спальню, поднял рукопись доктора Уотсона с пола и, растянувшись на кровати, продолжил чтение.

Последние дни измотали и меня, и Холмса. За все время нашей дружбы я никогда не видел его таким беспокойным, и никогда не было так трудно с ним ладить.

После нашего разговора с лордом Карфаксом Холмс перестал со мной общаться. Все мои попытки завязать разговор игнорировались. Тогда мне пришло в голову, что я вторгся в это дело глубже, чем в любое другое его расследование, в котором принимал участие, и только его запутал. Наказание, которому я подвергся, видимо, было заслуженным. Поэтому я решил довольствоваться обычной ролью стороннего наблюдателя и ожидать дальнейших событий.

А их все не было. Холмс, подобно Потрошителю, превратился в ночное существо. Он исчезал с Бейкер-стрит каждый вечер, возвращался на рассвете, а день проводил в молчаливом раздумье. Я не выходил из своей комнаты, зная, что в такие моменты ему необходимо побыть одному. Иногда слышались стенания его скрипки. Когда я уже не мог больше выносить этого пиликания, я выходил из дому и окунался в благословенный шум лондонских улиц.

На третье утро я пришел в ужас от его вида.

— Холмс, ради всего святого! — воскликнул я. — Что с вами случилось?

Пониже правого виска виднелся уродливый багрово-черный синяк, левый рукав сюртука оторван, а глубокий порез на запястье, несомненно, сильно кровоточил. Он прихрамывал и был так перепачкан, как любой из уличных мальчишек, которых он часто посылал с таинственными заданиями.

— Конфликт в темном переулке, Уотсон.

— Позвольте мне перевязать ваши раны.

Я принес медицинский чемоданчик из своей комнаты. Он мрачно протянул мне руку с окровавленными костяшками пальцев.

— Я пытался выманить нашего противника, Уотсон. Мне это удалось.

Усадив Холмса на стул, я приступил к осмотру.

— Удалось, но я потерпел неудачу.

— Вы подвергаете себя опасности, Холмс.

— Убийца, двое убийц, клюнули на мою приманку.

— Те же самые, которые уже нападали на нас?

— Да. Моя цель состояла в том, чтобы упрятать одного из них в тюрьму, но мой револьвер дал осечку,— такое чертовское невезение! — и оба удрали.

— Прошу вас, Холмс, успокойтесь. Прилягте. Закройте глаза. Пожалуй, следует дать вам успокоительное.

Он сделал нетерпеливый жест.

— Все это ерунда, простые царапины! Моя неудача — вот отчего мне больно. Если бы мне удалось задержать одного из мерзавцев, я бы очень быстро узнал имя его хозяина!

— Вы предполагаете, что эти ескоты совершают все злодейские убийства?

— Господь с вами! Конечно, нет. Это обыкновенные уличные громилы на службе жестокого негодяя, которого мы разыскиваем.— Холмс нервно передернулся.— Еще одного, Уотсон, кровожадного тигра, который рыскает на свободе в джунглях Лондона.

Я вспомнил имя, нагонявшее ужас.

— Профессор Мориарти?

— Мориарти не имеет к этому отношения. Я проверял, чем он занят и где находится. Он далеко отсюда. Нет, это не профессор. Я уверен, что человек, которого мы ищем,— один из четырех.

— Каких четырех вы имеете в виду?

Холмс пожал плечами.

— Какое это имеет значение, если я не могу схватить его!

Холмс откинулся на спинку стула и смотрел на потолок сквозь полуприкрытые, отяжелевшие веки. Но усталость не притупляла его умственной деятельности.

— «Тигр», о котором вы говорите,— спросил я,— какую пользу он извлекает из убийства этих несчастных?

— Дело гораздо более запутано, чем вам представляется, Уотсон. Есть несколько темных нитей, которые выются и крутятся в этом лабиринте.

— Да еще этот слабоумный в приюте,— пробормотал я.

На лице Холмса появилась безрадостная улыбка.

— Боюсь, мой дорогой Уотсон, что вы ухватились не за ту нить.

— Не могу поверить, что Майкл Осборн никаким образом не замешан.

— Замешан — да. Но...

Он не закончил фразу, потому что внизу раздался звонок. Вскоре мы услышали, как миссис Хадсон отворяет дверь. Холмс сказал:

— Я ожидал посетителя. Он не замедлил явиться. Прошу вас, Уотсон, оставайтесь. Мой сюртук, пожалуйста. Я не должен выглядеть как хулиган, участвовавший в уличной потасовке и прибежавший к врачу за помощью.

К тому времени, когда он надел сюртук и раскурил трубку, миссис Хадсон появилась, введя за собой в гостиную высокого белокурого, красивого молодого человека. На мой взгляд, ему было тридцать с небольшим. Несомненно, это был воспитанный человек. Если не считать первого испуганного взгляда, он не подал виду, что заметил странный вид Холмса.

— Мистер Тимоти Уэнтворт, не так ли? — спросил Холмс. — Добро пожаловать, сэр. Присаживайтесь к камину. Сегодня утро сырое и холодное. Знакомьтесь, это мой друг и коллега доктор Уотсон.

Мистер Уэнтворт поклонился и сел на предложенный стул.

— Ваше имя знаменито, — сказал он, — так же, как и имя доктора Уотсона. Для меня большая честь познакомиться с вами. Но я чрезвычайно загружен в Париже и вырвался только ради своего друга Майкла Осборна. Я был крайне озадачен его таинственным исчезновением. Если я могу что-либо сделать, чтобы помочь Майклу, я сочту, что стоило терпеть неудобства переезда через Ла-Манш.

— Редкая преданность, — сказал Холмс. — Быть может, мы сумеем просветить друг друга, мистер Уэнтворт. Если вы расскажете нам, что вам известно о пребывании Майкла в Париже, я поведаю вам конец этой истории.

— Я познакомился с Майклом, — начал Тимоти, — примерно два года тому назад, когда мы оба поступили в Сорбонну. Полагаю, он привлекал меня потому, что мы полная противоположность. Я человек скромный, мои друзья даже считают меня застенчивым. Майкл, напротив, отличался пылким нравом — был веселым, порой готовым ввязаться в драку, если ему казалось, что его обманывают. Он никогда не скрывал,

что думает — по любому поводу. Тем не менее, делая скидку на недостатки друг друга, мы ладили между собой. Майкл был мне по душе.

— И вы ему, сэр, нисколько не сомневаюсь, — сказал Холмс. — Но скажите мне, что вам было известно о его личной жизни?

— Мы были откровенны друг с другом. Вскоре я узнал, что он второй сын английского аристократа.

— Не был ли он озлоблен тем, что ему не повезло и он родился вторым?

Мистер Тимоти Уэнтворт, нахмурившись, обдумывал ответ.

— Я бы сказал «да», и все-таки «нет». Майкл иногда как бы вырывался из узды и вел буйный образ жизни. А воспитание и происхождение не допускали подобного поведения, и он испытывал чувство вины, которое его тяготило. Так вот, положение второго сына было для него своего рода предлогом попирать каноны и таким образом оправдывать свое буйство. — Наш молодой гость смущенно замолчал. — Боюсь, что я плохо излагаю свою мысль.

— Напротив, — заверил его Холмс. — Вы выражаетесь очень ясно. И я могу предположить, не правда ли, что Майкл не затаил обиды ни на своего отца, ни на старшего брата?

— Уверен, что нет. Но я могу понять также противоположное мнение — герцога Шайрского. Я представляю себе герцога гордым, даже высокомерным: главная забота его — сохранить честь имени.

— Именно таков он на самом деле. Но прошу вас, продолжайте.

— Ну а потом Майкл связался с этой женщиной. — Неприязнь Тимоти Уэнтворта явственно сквозила в его тоне. — Майкл познакомился с ней в одном из вертепов на пляс Пигаль. Он рассказал мне о ней на следующий день. Я не придавал этому значения, полагая, что это — мимолетное увлечение. Но сейчас я понимаю, что охлаждение дружеских чувств Майкла ко мне началось именно с этого момента. Оно было медленным, если измерять часами и днями, но и достаточно быстрым — с того дня, когда он рассказал о встрече с ней, и до того утра, когда он упаковал свои вещи в нашем обиталище и сообщил мне, что женился на этой женщине.

— Вы, наверное, были шокированы, сэр,— встал я.

— Шокирован — это не то слово. Я был потрясен! Когда я очнулся и пытался отговорить его, он только рявкнул, чтобы я не совался в чужие дела, и ушел.— Глубокое сожаление отразилось в честных голубых глазах молодого человека.— Это был конец нашей дружбы.

— Вы больше его не видели? — тихо спросил Холмс.

— Я пытался сделать это и видел его мельком еще два раза. Вскоре Майкл был исключен из Сорбонны. Когда я узнал об этом, то решил разыскать его и обнаружил, что он живет в невообразимом убожестве на левом берегу Сены. Он был один, но я предполагаю, что его жена жила вместе с ним. Он был навеселе и принял меня враждебно. Это был как бы совершенно другой человек. Я не мог даже начать разговор, поэтому я положил немного денег на стол и ушел. Две недели спустя я встретил его на улице, близ Сорбонны. Его вид задел меня за живое: он был словно заблудшая душа, с тоской вернувшаяся взглянуть на упущенные возможности. Но вел он себя по-прежнему вызывающе. Когда я попытался заговорить с ним, он огрызнулся и крадучись ускользнул.

— Таким образом, насколько я понимаю, вы ни разу не видели его жену.

— Не видел. Но о ней ходили слухи. Рассказывали по секрету, что у нее был сообщник, человек, с которым она жила как до, так и после замужества. Я, впрочем, не располагаю никакими конкретными фактами на этот счет.— Он замолчал, словно задумался над трагической судьбой своего друга. Затем поднял голову и вновь заговорил, еще более взволнованно.— Я думаю, что в истории с этим гибельным браком Майкла обманули и что он никоим образом не стремился сознательно опозорить родовое имя.

— И я думаю,— сказал Холмс,— что могу успокоить вас в этом отношении. Недавно ко мне попал набор хирургических инструментов Майкла, и, осматривая его, я обнаружил, что он тщательно прикрыл замысловатый герб, который был вытиснен на нем, бархатной подкладкой.

Глаза Тимоти Уэнтуорта расширились.

— Он был вынужден продать свои инструменты?

— Хочу подчеркнуть то обстоятельство,— продол-

жал Холмс,— что самый акт сокрытия герба свидетельствует не о желании опозорить, а скорее об усилении защитить имя, которое он якобы хотел смешать с грязью.

— Невыносимо, что его отец не поверит этому. Но теперь, сэр, я рассказал вам все, что знаю, и горю нетерпением послушать вас.

Холмс явно колебался. Он встал со стула и быстро прощелся по комнате. Потом остановился.

— Вы ничего не можете сделать для Майкла, сэр,— сказал он.

— Но ведь мы договорились!

— Некоторое время спустя после того, как вы видели Майкла, с ним произошел несчастный случай. В настоящее время он не более чем плоть, лишенная разума, мистер Уэнтурт. Он не помнит своего прошлого, и его память, вероятно, никогда не восстановится. Но о нем заботятся. Как я уже сказал, вы ничего не можете сделать для него, и, советуя вам не искать с ним встречи, я пытаюсь избавить вас от дальнейших переживаний.

Тимоти Уэнтурт хмуро смотрел в пол, обдумывая совет Холмса. Я был рад, когда, вздохнув, он сказал:

— Хорошо, мистер Холмс, в таком случае вопрос исчерпан.— Уэнтурт встал и протянул руку.— Но если когда-нибудь я смогу что-либо сделать, сэр, пожалуйста, свяжитесь со мной.

— Можете рассчитывать на меня.

После того как молодой человек ушел, Холмс продолжал молча стоять, глядя в окно на нашего удаляющегося визитера. Наконец он заговорил, но так тихо, что я едва мог разобрать слова.

— Чем более глубоки наши заблуждения, Уотсон, тем больше льнет к нам настоящий друг.

— О чем вы, Холмс?

— Так. Одна мимолетная мысль!..

В этот момент внизу зазвонил звонок, потом раздался топот ног и наша дверь распахнулась. На пороге стоял тощий юнец.

— Который из господ мистер Шерлок Холмс? — спросил он.

Получив ответ, посыльный протянул Холмсу сверток и умчался со всех ног.

Холмс развернул пакет.

— Недостающий скальпель! — вскричал я.

ПОСЛАНЕЦ ЭЛЛЕРИ КУИНА СНОВА ЗАНИМАЕТСЯ РОЗЫСКОМ

— Рейчел?

Она оглянулась через плечо.

— Грант? Грант Эймс!

— Да вот решил заглянуть,— сказал повеса.

Рейчел Хэгер была одета в джинсы и плотно облегающий свитер. У нее были длинные ноги и тонкая фигурка, не лишенная округлостей. Губы полные, нос вздернутый, а глаза какого-то необычного цвета. Она показалась Гранту похожей на Мадонну, случайно забежавшую в сад.

У нее был совсем другой вид в тот раз, подумал он и указал на цветы, с которыми она возилась:

— Я не знал, что вы выращиваете розы.

— Боюсь, что пока мне нечем похвастаться,— засмеялась она.— Что привело вас в пустынные просторы Нью-Рошелла?

— Просто проезжал мимо. Я ведь едва успел сказать вам «хелло» у Литы в тот день.

— Я попала туда случайно. И быстро ушла.

— Я заметил, что вы не плавали.

— Неужели, Грант? Какой приятный комплимент. Большею частью на девушек обращают внимание именно тогда, когда они плавают. Хотите выпить?

— Я бы предпочел чай со льдом.

— В самом деле? Я мигом.

Вернувшись, она села на низенький дачный стул, неудобно скрестив длинные ноги. Почему-то это расстрогало Гранта.

— Я пытался вспомнить, сколько раз я вас видел. Впервые на лыжне, правильно?

— Насколько я помню, да.

— Нас познакомила Джилли Харт.

— Я помню потому, что сломала лодыжку во время спуска. Но как вы могли запомнить с вашим-то гаремом?

— Не такой уж я легкомысленный,— сказал Грант ворчливо.

— Я хочу сказать, с какой радости вам помнить меня? Вы никогда не проявляли...

— Сделайте мне одолжение, Рейчел.

— Какое?

— Пожалуйста, продолжайте окапывать свои розы. Мне хочется сидеть здесь и смотреть на вас.

— Грант, зачем вы пришли?

— Что?

— Я спросила: зачем вы пришли сюда?

— Будь я проклят, если помню.

— Держу пари, что вспомните, если захотите,— сказала девушка довольно мрачно.— Постарайтесь.

— Погодите. А! Спросить вас, не положили ли вы конверт из грубой бумаги на сиденье моего «ягуара» в тот вечер у Литы. Но к черту конверт! Какое удобение вы применяете?

— У меня нет постоянной формулы. Я все время экспериментирую. Грант, что с вами?

Он посмотрел на маленькую загорелую руку, которая лежала на его руке.

Боже мой, это случилось!

— Если я вернусь в семь часов, вы уже будете одеты?

Она посмотрела на него с пробуждающимся пониманием.

— Конечно, Грант,— тихо ответила она.

— И вы не против, если я буду хвастаться вами в разных местах?

Он ощутил пожатие ее руки.

— Какой вы славный!

— Эллери, я нашел ее, я нашел ее! — лепетал Грант Эймс-третий по телефону.

— Нашли ту, которая положила рукопись в вашу машину? — оживился Эллери.

— Что? — переспросил Грант.

— Конверт. Рукопись.

— А... — Наступило молчание.— Знаете что, Эллери?

— Да?

— Мне было абсолютно не до этих глупостей.

Глава IX ЛОГОВО ПОТРОШИТЕЛЯ

Оставалось только ждать. Пытаясь убить время, я снова повторял мысленно все события прошедших дней. При этом я старался использовать методы, которые

постоянно применял Холмс. Его замечание, что Потрошитель — один из четырех, конечно, занимало достаточно места в моих размышлениях, но меня сбивали с толку другие элементы головоломки: утверждение Майкрофта, что Холмс располагает пока не всеми деталями, а также стремление Холмса схватиться с «тигром», рыскающим в лондонских закоулках. Но кто же такой «тигр»? И почему необходимо выследить его прежде, чем можно будет призвать к ответу Потрошителя?

Как бы я ликовал, если бы знал, что держал уже тогда в руках ключ загадки. Но я был слеп и ничего не подозревал.

Я пытался поймать разбегавшиеся мысли, и монотонное течение времени было прервано лишь один раз, когда щеголевато одетый посыльный принес письмо на Бейкер-стрит.

— Послание от мистера Майкрофта Холмса мистеру Шерлоку Холмсу, сэр.

— Мистер Холмс в данный момент отсутствует, — сказал я. — Можете оставить письмо.

Отпустив посыльного, я стал рассматривать запечатанный конверт со штампом Форин офис. Именно в этом ведомстве подвизался Майкрофт.

Меня так и подмывало вскрыть конверт, но, конечно, я этого не сделал. Я положил его в карман и продолжал шагать по комнате. Шли часы, но Холмса все не было.

Время от времени я подходил к окну и смотрел, как сгущается над Лондоном туман. Наступили сумерки, и я подумал, что ночь как раз для Потрошителя.

Поразительно, что как только эта мысль пришла мне в голову, я получил записку от Холмса. Я вскрыл ее дрожащими руками. Паренек, который принес ее, стоял в ожидании.

«Мой дорогой Уотсон!

Дайте этому мальчику полкроны за труды. Жду вас на Монтегю-стрит.

Шерлок Холмс».

Я уверен, что этот славный, со смышленной мордашкой паренек никогда не получал столь щедрых чаевых. На радостях я дал ему целую крону.

И вот я уже ехал в кебе, умоляя кучера двигаться побыстрее в тумане, который становился все более похожим на густой гороховый суп. К счастью, возница обладал поразительной способностью находить дорогу. Прошло совсем немного времени, и он сказал:

— Вход справа, сэр. Идите и берегите нос, а то врежетесь в чертовы ворота.

Я рукой нашарил ворота, вошел внутрь, пересек двор и, зайдя в заведение доктора Меррея, увидел Холмса.

— Еще одна, Уотсон,— такой страшной новостью встретил он меня. Доктор Меррей молча стоял возле стола, на котором лежало тело. Майкл-Пьер жался к стене, лицо его выражало неприкрытый страх.

— Бога ради, Холмс,— вскричал я,— чудовище надо остановить!

— Не вы один молитесь о этом, Уотсон.

— Скотленд-Ярд вам чем-нибудь поможет?

— Пожалуй, Уотсон,— ответил он мрачно.— Но помог ли я чем-нибудь Скотленд-Ярду? Воююсь, почти ничем.

Мы попрощались с Мерреем...

На улице, в клубящемся тумане, меня охватила дрожь.

— Этот несчастный, который некогда был Майклом Осборном...

— Вы одержимы Майклом Осборном, Уотсон.

— Может быть.— Я заставил свои мысли вернуться к предшествующим событиям.— Холмс, удалось вам поймать посыльного, который удрал?

— Я шел по его следу несколько кварталов, но он знает лондонские лабиринты не хуже меня. Я потерял его из виду.

— И как вы провели остаток дня, позвольте спросить?

— В библиотеке на Бау-стрит.

Мы медленно продвигались в сплошном тумане.

— Куда мы направляемся, Холмс?

— В Уайтчэпел. Я составил схему, Уотсон, на которой помечены места всех известных убийств Потрошителя, и наложил ее на карту района. Я твердо убежден, что Потрошитель действует из какого-то центра — комнаты или квартиры, откуда он выходит на свой страшный промысел и куда возвращается. Прежде всего надо обязательно расспросить свидетелей.

Это поразило меня.

— Я не знал, Холмс, что есть свидетели.

— Своего рода свидетели, Уотсон. В нескольких случаях Потрошитель был опасно близок к разоблачению. Я подозреваю даже, что он сознательно совершает убийства именно таким образом — из презрения и бравады. Вспомните, как мы чуть не столкнулись с ним.

— Прекрасно помню.

— Во всяком случае, я решил, что он, судя по звуку его удалявшихся шагов, движется от внешних границ круга к центру. Именно в центре этого круга мы и будем вести поиски.

Мы упорно продвигались в ночном тумане к клоакам Уайтчэпела, куда стекались людские нечистоты великого города. Холмс шел уверенно, как человек, хорошо знакомый с этими местами. Только один раз Холмс остановился и спросил:

— Между прочим, Уотсон, вы не забыли положить револьвер в карман?

— Я сделал это перед самым уходом, когда отправился на встречу с вами.

— Я тоже вооружен.

Мы начали с притона курильщиков опиума. Задыхаясь в удушливых испарениях, я шел за Холмсом мимо рядов нар, на которых возлежали наркоманы в чад своих убогих грез. Холмс поворачивал то одного, то другого, чтобы лучше рассмотреть. Некоторым он бросал несколько слов, иногда получал слово в ответ. Мы покинули притон, не получив там никаких ценных сведений.

Потом мы побывали в нескольких дрянных пивнушках, где нас по большей части встречала угрюмая тишина. Здесь также Холмс перекидывался редкими словами с какими-то типами. Было ясно, что он с ними знаком. Иногда одна-две монеты переходили из его руки в чью-то грязную ладонь.

Мы покинули уже третий вертеп, еще более мерзкий, чем остальные, и я не мог больше сдерживаться.

— Холмс, Потрошитель — это не причина, а результат.

— Результат, Уотсон?

— Да, таких разлагающих заведений, как эти.

Холмс пожал плечами.

— Разве у вас все это не вызывает возмущения?

— Я, конечно, приветствовал бы коренные перемены, Уотсон. Быть может, в некие далекие просвещенные времена они наступят. Пока же я реалист. Утопия — это роскошь, а у меня нет времени мечтать.

Прежде чем я успел ответить, он открыл еще одну дверь, и мы очутились в публичном доме. Ударившая в нос волна дешевых духов чуть не сбила меня с ног. Комната, в которую мы вошли, представляла собой гостиную, где с полдюжины сильно декольтированных особ расположились в ожидании клиентов.

Расшитая бисером портьера раздвинулась, и в проеме двери показалась толстая мадам с точечками глаз, напоминавших изюминки.

— Что привело вас в такую ночь, мистер Холмс?

— Уверен, что вы знаете, Леона.

Ее лицо помрачнело.

— Как, по-вашему, почему мои девушки не на улице? Я не хочу потерять ни одну из них!

Сильно накрашенная толстушка заговорила сердито:

— А я чуть не заполучила одного господина, ей-Богу, живет в Пакэне. Идет он вверх по лестнице, белый галстук, накидка... Увидел меня и остановился. А тут проклятый бобби* высунул свою физиономию из тумана и говорит: «А ну-ка, марш в свою комнату! В такую ночь нечего здесь делать».

Девушка злобно плюнула на пол.

Голос Холмса звучал совершенно спокойно, когда он спросил:

— Джентльмен убежал, надо полагать?

— Наверх, в свою комнату, куда же еще? Но меня с собой не взял.

— И что ж, он там живет? Странное место для джентльмена, как думаешь?

Девушка вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Живет, где хочет, прах его побери!

Холмс уже двигался к двери. Проходя мимо меня, он прошептал:

— Пошли, Уотсон! Скорее!

Снова мы ринулись в туман. Холмс схватил меня за руку и потащил, не раздумывая, вперед.

— Он у нас в руках, Уотсон! Я уверен. Мы выйдем на след дьявола. Он может многое, но не стать же невидимкой!

---

* Б о б б и — прозвище английских полицейских.— Прим. пер.

В каждом слове Холмса, тащившего меня за собой, звучало торжество. Несколько минут спустя мы, спотыкаясь, поднимались по узкой лестнице вдоль деревянной стены.

Напряжение сказалось даже на невероятной выносливости Холмса. Он запыхался и с трудом выговаривал слова:

— Пакэн — это жалкие мебелишки, Уотсон. В Уайтчэпеле их полно. К счастью, я их знаю.

Я посмотрел наверх и увидел, что мы приближаемся к приоткрытой двери. Мы достигли площадки лестницы, и Холмс ворвался внутрь. Я последовал за ним.

— Проклятье! — вскричал Холмс. — Кто-то побывал здесь до нас!

Ни разу за все время нашей дружбы я не видел Холмса в таком состоянии — это было олицетворение отчаяния. Он неподвижно стоял посреди маленькой, убого обставленной комнаты, держа в руках револьвер, его серые глаза сверкали.

— Если здесь было логово Потрошителя, — воскликнул я, — то он бежал.

— И навсегда, сомнений нет!

— Быть может, Лестрейд тоже напал на его след?

— Держу пари, что нет. Лестрейд сейчас пробирается по каким-нибудь закоулкам.

В комнате царил полный беспорядок — видно, Потрошитель уходил в спешке.

— Нет смысла оставаться здесь, — сказал Холмс, — наш противник слишком умен, чтобы оставлять улики.

В этот момент, может быть, потому, что я подсознательно стремился переключиться на другую тему, я вспомнил о послании для Холмса.

— Между прочим, Холмс, посыльный принес сегодня днем на Бейкер-стрит письмо от вашего брата Майкрофта. Из-за всех этих волнений я забыл о нем.

Я протянул ему конверт, и он вскрыл его.

Если я ждал благодарности, то напрасно. Прочитав записку, Холмс холодно посмотрел на меня.

— Хотите послушать, что пишет Майкрофт?

— Разумеется.

— Записка гласит: «Дорогой Шерлок! В мои руки попала информация — каким образом, объясню позднее, — которая должна тебе помочь. Человек по имени

Макс Клейн является владельцем притона в Уайтчэпеле «Ангел и корона». Клейн приобрел его совсем недавно — примерно четыре месяца назад. Твой брат Майкрофт».

— Да, да, Холмс, — выпалил я, — я знал об этом. Я получил эти сведения от девушки, с которой разговаривал, когда сидел в «Ангеле и короне». Опасный тип этот Клейн. У меня сложилось впечатление, что он держит в страхе всю округу.

Холмс взорвался и вскинул вверх руки, сжатые в кулаки.

— Господь всемогущий, я ж бреду по колени в идиотах!

Я смог лишь проговорить слабым голосом:

— Холмс, я не понимаю...

— В таком случае вы безнадёжны, Уотсон. Сперва вы получаете именно ту информацию, которая позволила бы мне распутать это дело, и блаженно держите ее при себе. Потом вы забываете отдать мне записку, содержащую тот же важнейший факт. Уотсон, Уотсон, на чьей вы стороне?

Если я раньше пришел в замешательство, то теперь я был в полной растерянности. Ни спорить, ни даже возражать я не мог.

Но Холмс не любил долгих дискуссий.

— В «Ангел и корону», Уотсон! — крикнул он, бросаясь к двери. — Нет, сперва в морг! Мы продемонстрируем дьяволу образчик его злодеяний.

ВЕСТОЧКА ИЗ ПРОШЛОГО

В дверь позвонили.

Эллери отложил рукопись. «Вероятно, опять этот гуляка. Стоит ли открывать?» — подумал он.

Но это был не Грант Эймс, а посыльный, который принес неподписанную телеграмму. «Какого черта ты выключил телефон вопр включи а то я рехнусь воскл».

Оживший телефон зазвонил. Эллери выключил бритву и снял трубку. Не иначе дорогой папочка.

Но это был вовсе не отец. Он услышал старческий дребезжащий женский голос.

— Мистер Куин?

— Да.

— Я ждала, что вы мне позвоните.

— Должен извиниться, — сказал Эллери, — я соби-
рался позвонить вам, но рукопись доктора Уотсона
попала ко мне в самое неудачное время. Я по уши
погряз в собственной повести.

— Очень жаль.

— Это мне жаль, поверьте.

— Значит, у вас не было времени прочитать?

— Напротив, это был соблазн, против которого я
не смог устоять, хотя сроки меня и поджимают. Прав-
да, мне пришлось читать урывками. Остались еще две
главы.

— Может быть, мистер Куин, подождать, пока вы
не закончите собственную книгу?

— Нет, нет. Мои проблемы уже решены. Да я сам
с нетерпением жду нашего разговора.

За спокойной, четкой дикцией, сдержанностью, са-
мообладанием скрывалось — Эллери не мог ошибиться
— сильное волнение.

— У вас не было никаких сомнений относительно
подлинности рукописи, мистер Куин?

— Откровенно говоря, вначале, когда Грант при-
нес мне ее, я подумал, что это подделка. Но вскоре я
изменил мнение.

— Вы, наверное, сочли мой способ отправки руко-
писи эксцентричным?

— После того как я прочитал первую главу, — ска-
зал Эллери, — я все понял.

Старческий голос возразил:

— Мистер Куин, он этого не делал, он не был По-
трошителем!

Эллери пытался успокоить ее.

— Прошло так много лет. Имеет ли это теперь зна-
чение?

— Несправедливость всегда имеет значение. Время
многое стирает, но не все.

Эллери напомнил, что он еще не дочитал рукописи.

— И все же мне кажется, что вы знаете...

— Я вижу, куда указывает перст.

— И будет продолжать указывать до самого кон-
ца. Но это неправда, мистер Куин! На этот раз Шер-
лок Холмс ошибся.

— Но ведь рукопись так и не была опубликована...

— Это практически ничего не меняет, мистр Куин. Обвинение было известно, пятно осталось несмытым.

— Но что я могу сделать? Никто не может изменить вчерашний день.

— Рукопись — это единственное, что у меня есть, сэр! Рукопись и эта чудовищная ложь! Шерлок Холмс не безгрешен, как и всякий другой. Господь Бог оставил безгрешность себе одному. Истина должна быть скрыта где-то в самой рукописи, мистер Куин. Умоляю вас, найдите ее.

Телефон отключился, Эллери бросил трубку на рычаг и сердито посмотрел на него. Проклятое изобретение. Вот он, Эллери, неплохой малый, который делает добрые дела и внимателен к своему отцу, так надо же — теперь эта история.

Он был склонен призвать чуму на голову Джона Уотсона, доктора медицины, и всех его восторженных биографов, но потом вздохнул, вспомнив дрожащий голос старой дамы, и снова принялся за чтение.

Глава X

ТИГР ИЗ «АНГЕЛА И КОРОНЫ»

— Я искренне надеюсь, дружище, что вы примете мои извинения.— Эти слова Холмса были самыми приятными из всех, какие я от него слышал. Мы вышли на улицу и снова пробирались в тумане — в ту ночь в Уайтчэпеле кебов не было.

— Вы имели все основания негодовать, Холмс.

— Напротив. Я проявил непростительную раздражительность. Нельзя винить других в собственных ошибках. Те сведения, которые вы так легко получили у Полли, я должен был добыть сам давным-давно. По сути, вы доказали, что можете делать мое дело гораздо лучше, чем я сам.

— Я не могу принять такой комплимент, Холмс,— возразил я.— Мне и в голову не приходило, что Клейн — это то самое недостающее звено.

— Это объясняется тем,— сказал Холмс все так же великодушно,— что вы не направили свою проницательность в нужную сторону. Мы искали человека сильного, жестокого и беспощадного. Клейну присущи все эти черты. Правда, в Уайтчэпеле найдется много других, не менее порочных типов. И все же есть

нечто, указывающее прямо на Клейна. Сейчас можно восстановить, что, очевидно, произошло. Клейн увидел в Майкле Осборне богатую добычу. Как Майкл, так и Анджела — люди слабовольные, и этот жестокий, властный человек без труда подчинил их себе. Именно Клейн подстроил позорный брак, который погубил Майкла Осборна.

— Но с какой целью?

— Шантаж, Уотсон! План провалился, когда в Майкле пробудилась лучшая сторона его натуры, и он отказался участвовать в грязной игре. И все же Клейн сумел выманить у молодого Осборна достаточно денег, чтобы купить «Ангел и корону».

— Но остается еще так много неясного, Холмс; Майкл, доведенный до нынешнего состояния, его жена Анджела, жестоко изуродованная, — нам еще предстоит ее разыскать.

— Все в свое время, Уотсон, все в свое время!..

Спокойная уверенность Холмса только увеличивала мое замешательство.

В это время мы вынырнули из сплошного тумана и очутились на небольшом островке видимости. Перед нами были ворота морга. Я содрогнулся.

— Неужели, Холмс, вы намереваетесь перенести тело той бедной девушки в «Ангел и корону»?

— Вряд ли, Уотсон, — сказал он рассеянно.

— Но вы упомянули о желании предъявить Клейну дело его рук.

— Это мы сделаем, обещаю вам.

Покачивая головой, я последовал за Холмсом через морг в приют, где мы застали доктора Меррея, перевязывавшего подбитый глаз пьянчуге, который, видимо, в каком-то трактире получил не только пинту пива, но и хорошую порцию туманов.

— Майкл Осборн здесь? — спросил Холмс.

Доктор Меррей выглядел измученным.

— Еще совсем недавно я не знал бы, кого вы имеете в виду...

— Пожалуйста, — прервал его Холмс, — время не терпит, доктор Меррей. Я должен увести его с собой.

— Сейчас, так поздно?

— Произошли некоторые события, доктор. До зари Потрошитель должен быть пойман. И пора свести счеты с хищным зверем, который повинен в кровавой бойне в Уайтчэпеле.

Доктор Меррей растерялся, как и я.

— Не понимаю. Не хотите ли вы сказать, сэр, что Потрошитель действует по наущению еще большего злодея?

— В известном смысле. Не видели ли вы инспектора Лестрейда?

— Он был здесь час назад. Вероятно, он бродит в тумане где-то поблизости.

— Скажите ему, если он вернется, что я в «Ангеле и короне».

— Но почему вы уводите Майкла Осборна?

— Чтобы устроить ему очную ставку с его женой,— нетерпеливо ответил Холмс.— Где же он? Мы тратим драгоценное время.

— Вы найдете его в маленькой комнатке с той стороны. Он там спит.

Мы нашли убогого, и Холмс осторожно разбудил его. В пустых глазах не мелькнуло ни проблеска понимания, но с доверчивостью ребенка Майкл поплелся за нами.

Туман так сгустился, что мы полностью зависели от поразительного умения Холмса ориентироваться. Эта ночь в Лондоне была какой-то особенно злоедейской, и я ждал, что вот-вот острие ножа вонзится мне под ребро.

В то же время меня снедало любопытство. И я рискнул задать вопрос:

— Я полагаю, Холмс, вы рассчитываете найти Анджелу Осборн в «Ангеле и короне»?

— Уверен в этом.

— Но с какой целью вы решили свести ее с Майклом?

— Быть может, она не захочет говорить. Неожиданная встреча с мужем окажется шоком, который может развязать ей язык.

— Понятно,— сказал я не очень уверенно.

Наконец раздался голос Холмса:

— Здесь, Уотсон. Будем искать.

Сквозь туман можно было с трудом увидеть едва освещенное окно.

— Я хочу незаметно пройти в комнаты наверху,— сказал Холмс.

Мы обошли дом, двигаясь на ощупь. Ветер стал разгонять туман. Холмс зажег фонарь, который ему дали в приюте, и осветил заднюю дверь, служившую,

вероятно, для доставки спиртного и бочонков с пивом. Он толкнул дверь, и мы вошли внутрь.

— Засов недавно сломан,— отметил Холмс.

Мы продвигались крадучись.

Сперва мы оказались в кладовке, куда доносился приглушенный шум из пивного зала. Очевидно, нас не заметили. Холмс быстро разыскал лестницу, ведущую на второй этаж. Мы осторожно поднялись и очутились в конце едва освещенного коридора.

Полоска света падала из-за приоткрытой двери на носки наших ботинок, Холмс оттеснил нас к стене и постучал в дверь. В комнате послышалось быстрое движение, и женский голос спросил:

— Томми?

Рука Холмса, подобно змее, скользнула в дверь и зажала рот женщине, лицо которой находилось в тени.

— Не кричите, сударыня,— сказал он шепотом, но повелительно. — Мы не причиним вам вреда. Нам надо просто поговорить с вами. Я Шерлок Холмс. Я привел вашего мужа.

Я услышал судорожный вздох.

— Вы привели Майкла... сюда? Господи, зачем?

— Так надо было.

Холмс вошел в комнату и сделал знак, чтобы я следовал за ним. Держа за руку Майкла, я вошел.

В комнате горели две керосиновые лампы, и в их свете я увидел женщину, лицо которой было закрыто вуалью. Но тонкая сетка не могла полностью скрыть ужасный шрам. Это была Анджела Осборн.

При виде мужа она схватилась за подлокотник кресла, в котором сидела, и приподнялась. Но тут же упала обратно и застыла, будто окаменела.

— Он не узнает меня,— прошептала она с отчаянием.

— Вы должны рассказать нам все, сударыня,— сказал Холмс.— Мы знаем, что Клейн виновен в том, что ваш муж находится в таком состоянии, так же как и в вашем увечье. Расскажите, что же произошло в Париже?

Женщина стала ломать руки.

— Я не буду тратить время на то, чтобы искать для себя оправданий, сэр. Их нет. Как вы, наверное, поняли, я не из тех бедных девушек внизу, которые стали заниматься своей постыдной профессией от бе-

зыходной нищеты. Меня толкнул на этот путь Макс Клейн, зверь в образе человека.

Вы хотите знать, что произошло в Париже? Я отправилась туда потому, что Клейн заставил меня вступить в связь с богатым французским торговцем. Именно в это время я познакомилась с Майклом Осборном, он полюбил меня. Поверьте, сэр, у меня не было ни малейшего намерения опозорить его имя. Но когда Клейн приехал в Париж, ему пришло в голову использовать влюбленного юношу в своих целях. Наш брак был первым звеном в его планах. Мы с Майклом поженились, хотя я со слезами умоляла Клейна отказаться от своей затеи. Речь шла о самом откровенном шантаже, мистер Холмс. Он расскажет обо всем герцогу Шайрскому, сказал Клейн, пригрозит, что все узнают, на ком женился его сын, и выставит меня на показ всему свету, если его светлость откажется платить за молчание.

— Но этого так и не произошло,— сказал Холмс, пристально глядя на нее.

— Да, потому что Майкл оказался более стойким, чем Клейн ожидал. Майкл грозил убить Клейна и даже пытался это сделать. Это была жуткая сцена! У Майкла не было никакого шанса — Клейн так силен! Он свалил Майкла одним ударом и страшно его избил. Вот Майкл и стал таким. Клейн убил бы его, если бы я не вмешалась. Тогда он схватил со стола нож и изуродовал мне лицо. Его ярость тут же прошла, иначе дело кончилось бы двумя убийствами.

— После того как он избил Майкла и искалечил вас, он не отказался от своих планов?

— Нет, мистер Холмс. Если бы это было так, я уверена, что Клейн оставил бы нас в Париже. Вместо этого, забрав довольно крупную сумму денег, он привез нас к себе в Уайтчэпел и купил этот трактир.

— Значит, эти деньги не были получены путем шантажа?

— Нет. Герцог Шайрский был щедр к Майклу, пока не отрекся от него. Клейн обобрал Майкла до последнего пенса. Потом он запер нас здесь, в «Ангеле и короне», как в тюрьме, задумав, несомненно, еще какой-то бесчестный план.

— Вы сказали, что он привез вас к себе в Уайтчэпел, миссис Осборн,— сказал Холмс.— Это что, родные края Клейна?

— Да, он здесь родился. Он знает каждую улицу и переулок в этом районе. Здесь его все боятся. Мало найдется таких, кто рискнет рассердить его.

— А в чем состоял его план? Вам это известно?

— Шантаж, я уверена! Но что-то случилось, что помешало ему. Я так и не узнала, что это было. Однажды утром Клейн вошел ко мне в прекрасном настроении, сказал, что ему колоссально повезло, что Майкл ему больше не нужен и он намерен от него избавиться. Я молила его не убивать Майкла. Может быть, мне удалось зажечь искру человечности в сердце Клейна. Во всяком случае, он пожалел меня, как он выразился, и отвел Майкла в приют доктора Меррея, зная, что Майкл совсем потерял память.

— В чем же так повезло Клейну, миссис Осборн?

— Я так и не узнала. Я спросила его: неужели герцог Шайрский согласился заплатить ему большую сумму денег? Он ударил меня и сказал, чтобы я не лезла в чужие дела.

— С тех пор вы пленница в этом доме?

— Добровольная пленница, мистер Холмс. Клейн действительно запретил мне выходить из этой комнаты, но мой подлинный тюремщик — мое изуродованное лицо.

Женщина опустила голову, покрытую вуалью.

— Это все, что я могу вам сказать.

— Не совсем все, сударыня.

— Что еще? — спросила она, подняв голову.

— Остается вопрос о наборе хирургических инструментов. А также о записке без подписи, которой лорда Карфакса уведомили о местонахождении его брата.

— Как видно, от вас ничего не утаишь! — воскликнула Анджела Осборн. — Кто вы — человек или дьявол? Если Клейн узнает, он убьет меня!

— Мы ваши друзья, сударыня. От нас он ничего не узнает. Как вы обнаружили, что инструменты заложены у Йозефа Бека?

— У меня есть друг. Он приходит сюда, рискуя жизнью, чтобы поболтать со мной и выполнить мои поручения.

— Несомненно, это тот Томми, которого вы ждали, когда я постучал в дверь?

— Пожалуйста, не впутывайте его, мистер Холмс, прошу вас.

— Не вижу для этого никаких причин. Но я хочу знать о нем.

— Томми помогает иногда в приюте на Монтегю-стрит.

— Вы посылаете его туда?

— Да, чтобы узнать хоть что-нибудь о Майкле. После того как Клейн отвел его в приют, я ускользнула тайком однажды вечером с большим риском для себя и опустила в почтовый ящик записку, о которой вы говорили. Я считала, что обязана сделать хотя бы такую малость для Майкла. Я была уверена, что Клейн никогда не узнает об этом.

— А хирургические инструменты?

— Томми подслушал, как Селли Янг обсуждала с доктором Мерреем возможность заложить их. Мне пришло в голову, что это могло привлечь ваше внимание к Джеку Потрошителю. Я еще раз улизнала из дома, выкупила набор и отправила его вам по почте.

— А скальпель для вскрытия вы вынули нарочно?

— Да, я была уверена, что вы поймете. Но поскольку не было никаких слухов о том, что вы заинтересовались этим делом, я пришла в отчаяние и послала вам недостающий скальпель.

Холмс наклонился к ней. Его ястребиное лицо было предельно сосредоточено.

— Сударыня, когда вы решили, что Потрошитель — Макс Клейн?

Анджела Осборн стиснула руками лицо, покрытое вуалью, и простонала:

— О, я не знаю, не знаю!..

— Что побудило вас решить, что именно он злодей? — неумолимо повторил свой вопрос Холмс.

— Характер этих преступлений. Я не могу представить себе никого, кроме Клейна, кто был бы способен на такие зверства. Его буйный нрав, его страшные приступы ярости...

Нам не суждено было услышать еще что-либо от Анджелы Осборн. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Макс Клейн. Его лицо было искажено злобой, которую он, видимо, еле сдерживал. В руке он держал пистолет со взведенным курком.

— Если кто-нибудь шевельнет хоть пальцем, я отправлю его в преисподнюю! — прорычал он.

Вне всякого сомнения, он так бы и поступил.

Раздался звонок в дверь. Потом второй, третий. Но Эллери не пошевелился — он читал. Оторвался он от рукописи, только когда закончил главу. Под дверь в прихожей была подсунута телеграмма:

«ДОРОГОЙ ДРУГ ВОСКЛА ГОНЯЯСЬ ЗА ШИПОМ ЗПТ ВАШ КУРЬЕР НАШЕЛ РОЗУ ТЧК РОЗЫСКАМИ ОН БОЛЬШЕ ЗАНИМАТЬСЯ НЕ БУДЕТ ТЧК ЕЕ ИМЯ РЕЙЧЕЛ ХЭГЕР ЗПТ НО ИМЯ НЕ МОЖЕТ ПЕРЕДАТЬ ЕЕ ОЧАРОВАНИЯ ТЧК ОНА ПОШЛА НА ТУ ВЕЧЕРИНКУ ТОЛЬКО РАДИ МЕНЯ ЗПТ МЕНЯ РАСПИРАЕТ ОТ ГОРДОСТИ ТЧК МЫ ПОЖЕНИМСЯ ТЧК ХОТИМ ИМЕТЬ МНОГО ДЕТЕЙ ТЧК ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ ОТ НАС ОБОИХ ТЧК ГРАНТ»

— Слава Богу, от него я, кажется, избавился, — произнес Эллери вслух и вернулся к Шерлоку Холмсу.

Глава XI

ГИБЕЛЬ КАРФАКСА

Полагаю, что Холмс не побоялся бы пистолета Клейна, если бы следом за владельцем «Ангела и короны» в комнату миссис Осборн не ворвался человек, в котором я узнал одного из бандитов, нападавших на нас. Под дулами двух пистолетов Холмсу пришлось смириться.

Ярость Макса Клейна перешла в злобное торжество.

— Свяжи их, — приказал он своему подручному. — А тот, кто окажет сопротивление, получит пулю в лоб.

Бандит оторвал шнуры от штор и быстро связал Холмсу руки за спиной. Затем он так же поступил со мной.

— Посади-ка нашего дорогого доктора на тот стул и привяжи его к ножкам стула! — скомандовал Клейн. Так и не понимаю, почему он считал меня более опасным, чем Холмса. Отвага, которой наделил меня Господь, нередко вступает в конфликт с неудержимым желанием прожить все причитающиеся мне годы — вероятно, Клейн этого не знал.

После того как подручный сделал все, что ему велели, Клейн повернулся к Холмсу.

— Уж не думали ли вы, мистер Холмс, что сможете проникнуть в мой дом незамеченным?

Холмс спокойно сказал:

— Любопытно, как вы меня обнаружили?

Клейн злорадно засмеялся.

— Один из моих работников выкатывал пустые бочки. Ничего сверхъестественного, мистер Холмс. Вот я вас и поймал.

— Поймать меня, как вы выражаетесь,— сказал Холмс,— и удержать— это совсем разные вещи, Клейн.

Мне было ясно, что Холмс пытается выгадать время. Но все было напрасно. Проверив, надежно ли я привязан, Клейн скомандовал:

— Вы пойдете со мной, мистер Холмс. Я займусь вами особо. И если вы ожидаете помощи снизу, то будете разочарованы. Я очистил зал: трактир на замке.

Его подручный бросил на Анджелу Осборн тревожный взгляд.

— А не опасно ли оставлять этого подонка с ней? Вдруг она его развяжет?

— Не посмеет! — Клейн снова засмеялся. — Если не захочет расстаться со своей жалкой жизнью.

К несчастью, он оказался прав. После того как Холмса и Майкла увели, Анджела Осборн оказалась глуха ко всем уговорам. Я пустил в ход самое пылкое красноречие, но она только смотрела на меня с отчаянием и стонала:

— Нет, не могу, не смею!

Так прошло несколько самых долгих минут в моей жизни, в течение которых я тщетно пытался разорвать веревки и внушал себе, что Холмс еще найдет выход из безвыходного для всех других положения.

Но тут наступил самый страшный момент.

Дверь отворилась.

Кто вошел, я видеть не мог и о вошедшем мог судить только по выражению лица Анджелы. На нем был написан ужас. Она вскочила с кресла. Соскользнула вуаль, обнажив шрам. Но еще сильнее, чем этим увечьем, ее лицо было сейчас искажено страхом. Наконец из ее груди вырвался крик:

— Потрошитель! Господи, помилуй нас, это Джек Потрошитель!

Признаюсь со стыдом, что, когда этот человек появился в поле моего зрения, первой моей реакцией бы-

ло чувство облегчения. Увидев тонкую элегантную аристократическую фигуру в безупречном вечернем костюме и цилиндре, с наброшенной на плечи накидкой, я радостно воскликнул:

— Лорд Карфакс! Какое счастье, что вы пришли!

Минуту спустя я увидел в руке Карфакса блеснувший нож, и до меня дошла страшная истина. Он взглянул в мою сторону, но всего на миг, словно не узнавая. Он казался безумным.

Анджела Осборн не могла больше кричать. Она упала в кресло, застыв от ужаса. Потрошитель-аристократ кинулся на нее и разорвал ее платье. Она едва успела прошептать молитву, как лорд Карфакс погрузил нож в ее обнаженную грудь.

Когда Анджела упала, безумец схватил одну из керосиновых ламп и загасил ее. Его намерение не вызывало сомнений. Он метался по комнате, словно сам дьявол, вырвавшийся из преисподней, разбрызгивая керосин. Потом вышел в коридор и вскоре вернулся уже с пустой лампой — он швырнул ее на пол. Посыпались осколки стекла.

Затем он схватил другую лампу и с ее помощью зажег лужу керосина у своих ног.

Как ни странно; он явно не намеревался бежать. Даже в этот самый страшный момент моей жизни я спрашивал себя: почему? Случилось так, что его безумие спасло меня и погубило его. В то время как языки пламени взвивались вверх, он бросился ко мне. Я закрыл глаза и поручил свою душу творцу. Но вместо того чтобы убить меня, Карфакс разрезал связывавшие меня путы.

Он поставил меня на ноги и потащил сквозь пламя к ближайшему окну. Я пытался бороться с ним, но с силой маньяка он подталкивал меня к окну. Стекло вылетело.

В этот момент он прокричал, и этот крик до сих пор слышится мне в ночных кошмарах:

— Скажите всем, доктор Уотсон! Скажите им, что Джек Потрошитель — это лорд Карфакс.

Он вытолкнул меня из окна. Огонь охватил мою одежду, и помню, что, падая со второго этажа, я успел нелепо похлопать по ней, пытаюсь потушить огонь. Мне показалось, что я услышал звук бегущих ног, и я погрузился в блаженное беспмятство...

Глава XII
КОНЕЦ ДЖЕКА ПОТРОШИТЕЛЯ

Первый, кого я увидел, был Радиард, мой друг, который временно взял на себя моих больных. Я находился в своей комнате на Бейкер-стрит.

— Чудом уцелели, Уотсон,— сказал он, щупая мой пульс.

Все случившееся сразу ожило в моей памяти.

— Как долго я спал, Радиард?

— Около двенадцати часов. Я дал вам успокоительного, когда вас принесли сюда.

— В каком я состоянии?

— Практически здоровы при данных обстоятельствах. Сломана лодыжка, растяжение в запястье. Ожоги, несомненно, болезненны, но поверхностны.

— А Холмс? Где он? Он не...

Радиард сделал знак головой, и я увидел Холмса, сидевшего по другую сторону моей кровати. Лицо его было обеспокоено, он был бледен, но как будто цел и невредим. Я испытал ни с чем не сравнимое чувство облегчения.

— Ну, мне пора идти,— сказал Радиард. И добавил, обращаясь к Холмсу: — Проследите, чтобы он не слишком много говорил, мистер Холмс.

Радиард ушел, сказав, что вернется сменить мне перевязки, и снова предупредил, что я не должен переутомляться. Но, несмотря на боль и общее недомогание, я сгорал от любопытства. Да и Холмс, думаю, тоже, хотя он и беспокоился о моем состоянии. Поэтому я тут же начал рассказывать о том, что произошло после того, как Клейн увел за собой Холмса и Майкла.

Холмс согласно кивал головой, но я видел, что в нем идет тяжелая внутренняя борьба. Наконец он сказал:

— Боюсь, дружище, что это наше последнее совместное приключение.

— Почему вы так говорите?

— Потому что ваша милая жена никогда больше не верит ваше благополучие в мои неумелые руки.

— Холмс! — возмутился я. — Я не ребенок.

Он покачал головой.

— Сейчас вам надо поспать.

— Вы знаете, что я не засну, пока не узнаю, как вам удалось вырваться от Клейна. Во сне я все время видел ваши искромсанные останки...

Я содрогнулся, а он положил свою руку на мою с редким проявлением привязанности.

— У меня появился шанс, когда загорелась лестница,— сказал Холмс.— Клейн уже наводил на меня револьвер, как вдруг языки пламени устремились вниз. Он и его подручный погибли в огне под обломками рухнувшего здания— оно рассыпалось, как гнилушка, в одно мгновение: «Ангел и корона» теперь — груда развалин.

— Но вы, Холмс? Как же?..

Холмс улыбнулся и пожал плечами.

— Я никогда не сомневался, что смогу распутать веревку,— сказал он.— Вы же знаете, что я проделываю это весьма ловко. Единственное, чего мне не доставало,— это возможности хоть на секунду отвлечь внимание Клейна. Пожар дал мне эту секунду. К сожалению, мне не удалось спасти Майкла Осборна. Казалось, он был рад встретить смерть, бедняга, он сопротивлялся моим попыткам вытащить его. Фактически он сам бросился в огонь.

— Может быть, для него это лучший выход,— пробормотал я.— А это подлое чудовище, Джек Потрошитель?

Серые глаза Холмса затуманились печалью. Казалось, его мысли где-то далеко.

— Лорд Карфакс — вы его имеете в виду? — тоже умер. И, уверен, тоже по собственному желанию, как и его брат.

— Естественно. Он предпочел смерть в огне петле палача.

Мысли Холмса продолжали витать в неведомых далах. Потом он сказал тихо и торжественно:

— Уотсон, мы должны уважать решение благородного человека.

— Благородного? Вы, конечно, шутите? А, понимаю. Вы имеете в виду периоды просветления его сознания. А его отец, герцог Шайрский?

Холмс опустил голову на грудь.

— Герцог тоже покончил с собой.

— Ну, ясно. Он не смог перенести ошеломляющего разоблачения его старшего сына. Как вы об этом узнали, Холмс?

— С пожарацца я отправился прямо в резиденцию герцога на Беркли-стрит в сопровождении Лестрейда. Мы опоздали. Он уже имел вестъ о лорде Карфаксе, после чего бросился грудью на меч, спрятанный в его трости.

— Смерть подлинного аристоката!

Холмс сделал едва заметное движение. Мне почудилось, что он кивнул. Он казался очень подавленным.

— Неудовлетворительное дело, Уотсон, более чем неудовлетворительное,— сказал он. И замолчал.

Я почувствовал, что он хочет прекратить этот разговор, но я ни в коем случае не мог на это согласиться. Я забыл обо всех своих болезнях.

— Не понимаю, почему, Холмс. Потрошитель мертв.

— Да, мертв,— подтвердил Холмс.— Право, Уотсон, вам надо сейчас отдохнуть...

Он хотел было встать.

— Я не в состоянии отдыхать,— схитрил я,— до тех пор, пока все части головоломки не встанут на свои места.

Он покорно сел.

— Даже я могу проследить последовательность событий. Маньяк-Потрошитель, прикрывавшийся маской филантропа лорда Карфакса, не знал, где находятся Анджела Осборн и Макс Клейн. Я правильно рассуждаю?

Холмс не ответил.

— Когда вы обнаружили его логово,— продолжал я,— вы наверняка знали, кто он?

Холмс кивнул утвердительно.

— Мы с вами отправились в приют, где, очевидно, он видел и слышал нас, хотя мы его и не видели, или же пришел туда вскоре и узнал об «Ангеле и короне» от доктора Меррея, у которого не было никаких причин скрывать эти сведения. Лорд Карфакс пошел следом за нами, нашел ту же заднюю дверь, куда доставляют бочонки с пивом.

— Лорд Карфакс пришел раньше нас, — сказал Холмс отрывисто. — Помните, мы обнаружили, что заков недавно сломан?

— Поправка принята. Он, вероятно, двигался в тумане более уверенно, чем мы. Несомненно, мы спугнули его, когда он уже подкрадывался к Анджеле Осборн, которую избрал своей очередной жертвой. По

всей вероятности, он притаился в коридоре, когда мы вошли в комнату миссис Осборн.

Холмс не оспаривал моих рассуждений.

— Потом, понимая, что вы выследили его, он решил закончить свою бесславную карьеру, бросив безумный вызов всему миру. Последние его слова, обращенные ко мне, были: «Скажите всем, доктор Уотсон, скажите им, что Джек Потрошитель — это лорд Карфакс!» Только маньяк может желать такой славы.

Холмс встал с решительным видом.

— Во всяком случае, Уотсон, Джек Потрошитель не будет больше рыскать по ночам. А теперь, поскольку мы слишком долго нарушали предписания вашего врача, я настаиваю на том, чтобы вы поспали.

ЭЛЛЕРИ СОВЕРШАЕТ ВИЗИТ В ПРОШЛОЕ

Эллери задумчиво отложил рукопись доктора Уотсона. Он не слышал, как щелкнул замок, открылась и закрылась входная дверь.

Когда он поднял голову, в дверях кабинета стоял инспектор Куин.

— Отец!

— Привет, сынок, — сказал инспектор с вызывающей ухмылкой. — Больше не мог там выдержать. И вот прибыл.

— Добро пожаловать домой.

— Не сердись?

— Ты и так выдержал там дольше, чем я мог надеяться.

Инспектор вошел, бросил шляпу на диван и с чувством облегчения повернулся к сыну. Вскоре на его лице выразилось беспокойство.

— Ты отвратительно выглядишь. Что случилось, Эллери?

— Я чувствую себя отлично.

— Не морочь мне голову. Твой роман все еще не клеится?

— Да нет, все идет хорошо.

Но старого инспектора не так легко было провести.

— Давай выкладывай, — сказал он.

Эллери пожал плечами.

— И зачем только я родился в семье полицейского! Ну ладно, действительно кое-что случилось. Переплетение событий — прошлых и современных. Развязался старый узел...

— Говори понятней.

— Приходил Грант Эймс.

— Знаю, принес тебе рукопись от неизвестной дамы.

— Рукопись увлекла меня. А теперь я в это дело влип.

— Ничего не понимаю.

Эллери вздохнул.

— Наверное, чтобы ты понял, надо все тебе рассказать по порядку.

И он долго рассказывал.

— Вот такие дела, отец. Она твердо верит в его невиновность. Она пронесла эту веру через всю свою жизнь. Мне думается, она не знала, что предпринять, пока ей вдруг не пришло в голову прибегнуть к моей помощи. Надо же!

— И что ты намерен предпринять?

— Я как раз собирался нанести ей визит, когда ты явился.

— Думаю, ты прав! — Инспектор Куин встал и взял рукопись из рук Эллери. — Насколько я понимаю, сын, у тебя просто нет другого выхода.

Эллери поднялся.

— Почему бы тебе не прочитать все самому, пока я съезжу?

— Именно это я и собирался сделать.

Он поехал на север, в Уэстчестер, по шоссе № 22 до Сомерса. Миновал деревянного слона на главном перекрестке — на-по-минание о том, что некогда там целую зиму стоял цирк. Проезжая графство Патнам, он подумал о героях революции — ему хотелось надеяться, что они где-то на небесах в обители героев.

Но все это было так, попутно... Всерьез он думал о старой даме, к которой ехал. Это были безрадостные мысли.

Наконец он свернул на короткую въездную аллею, ведущую к аккуратному маленькому коттеджу, вышел из машины и нерешительно направился к входной две-

ри. Не успел он постучать, как дверь открылась, словно старушка поджидала его. Он предпочел бы, чтобы ее не было дома.

— Дебора Осборн Спейн, — сказал он, глядя на нее сверху вниз. — Не так ли? Здравствуйте, миссис Спейн.

Конечно, она была очень стара. По его расчетам, ей, наверное, было под девяносто. Но ей могло быть уже и больше девяноста. В рукописи ее возраст в тот день, когда Холмс и Уотсон посетили замок Шайрс, был назван приблизительно.

Как у многих очень старых дам, особенно маленького роста и полных, ее лицо напоминало привядшее яблоко с остатком легкого румянца. Только глаза оставались молодыми. Они были ясными, смотрели прямо, и в них непроизвольно вспыхивал огонек оживления.

— Заходите, пожалуйста, мистер Куин.

— Вы не хотите называть меня просто Эллери, миссис Спейн?

— Я никак не могу привыкнуть к этой манере, — сказала она, вводя его в уютную маленькую гостиную, обставленную очень старомодно. Эллери показалось, что он очутился в Англии XIX века. — Я имею в виду американскую привычку мгновенной фамильярности. Впрочем, садитесь в то моррисовское кресло, Эллери, — извольте, если вы так хотите.

— Хочу. — Он сел и осмотрелся. — Я вижу, вы сохранили верность прошлому.

Она тоже уселась в старинное кресло и, казалось, утонула в нем.

— А что еще осталось у старой англичанки? — спросила она со слабой улыбкой. — Я знаю, что это звучит как отвратительная англофилия. Но так трудно оторваться от своего, родного. В общем, мне здесь вполне уютно. А поездки в Нью-Рошелл, которые я иногда предпринимаю, чтобы полюбоваться розами Рейчел, скрашивают мое существование.

— Значит, это была Рейчел?

— О да. Она сделала это по моей просьбе.

— Рейчел Хэгер ваша родственница?

— Она моя внучка. Будем пить чай?

— Не сразу, если вы не возражаете, миссис Спейн, — сказал Эллери. — У меня накопилось столько вопросов. Но прежде всего, — он сел на кончик стула, чтобы не прикасаться к кружевной салфеточке

на спинке.— Вы видели его! Вы были знакомы с обоими. С Холмсом. С Уотсоном. Как я вам завидую!

— Это было так давно... Но, конечно, я помню их. Взгляд мистера Холмса был острый как меч. А сам он такой сдержанный. Когда я вложила свою руку в его, я почувствовала, что он растроган. Он был очень мил со мной. Они оба были настоящие джентльмены. Это — самое главное. В те дни, Эллери, еще существовали джентльмены. Конечно, я была маленькой девочкой и вспоминаю их как каких-то гигантов. Наверное, в определенном смысле они такими и были.

— Позвольте вас спросить, как к вам попала рукопись?

— После того как доктор Уотсон написал ее, она перешла по желанию мистера Холмса к распорядителям состояния Осборнов. Она находилась в руках нашего адвоката, к моему счастью. Он преданно соблюдал мои интересы. Потом, когда я стала взрослой, уже незадолго до его смерти, он рассказал мне о рукописи. Я попросила отдать ее мне, и он мне ее прислал.

— Почему вы так долго ждали, миссис Спейн, прежде чем сделать то, что вы сделали?

— Не знаю, почему я ждала так долго, — сказала старая дама. — Мысль пригласить эксперта, чтобы подтвердить мое убеждение, никогда не принимала отчетливой формы, хотя и мелькала у меня в голове уже давно. В последнее время у меня появилось чувство, что надо спешить. Сколько еще я проживу? А мне хотелось бы умереть со спокойной душой.

В ее голосе слышалась скрытая мольба. И Эллери захотелось ей помочь.

— Ваше решение послать мне рукопись проистекает из содержания самой рукописи, не так ли?

— Да, конечно, Эллери. А мистер Эймс признался Рейчел, что вы послали его на розыски.

— Розыски Гранта достигли цели, хотя не той, на которую я рассчитывал, — улыбнулся Эллери.

— Дай Бог счастья им обоим. Я знаю, что он ничем не помог вам, Эллери. Я знала и то, что рано или поздно вы разыщете меня, так же, как мистеру Холмсу не составило труда найти владельца набора хирургических инструментов. Но все же любопытно, как вы это сделали.

— Это было элементарно просто. С самого начала было ясно, что тот, кто послал рукопись, и сейчас лич-

но заинтересован в этом давнем деле. Поэтому я позвонил по телефону моему другу, специалисту по генеалогии, который занимается историей старой английской аристократии. Он без труда проследил путь от замка Шайрс, где вы жили ребенком, до вашего переезда сюда, в сан-францисскую ветвь рода. Я знал фамилии четырех девушек, знакомых Гранта, и был уверен, что одна из этих фамилий должна где-то мелькнуть в генеалогическом древе Шайрс-Осборн. От вашего брака с Барни Спейсом в 1906 году мой эксперт добрался до брака вашей дочери. И вдруг — о чудо! Фамилия человека, за которого вышла замуж ваша дочь, — Хэгер, что и требовалось доказать! — Он взглянул на нее с беспокойством. — Вы утомились. Мы можем отложить разговор до другого раза.

— Нет, пожалуйста, продолжайте. Я чувствую себя хорошо. — Молодые глаза смотрели на Эллери с мольбой. — Он был замечательный человек, мой отец. Добрый, мягкий. Он не мог быть тем, тем чудовищем. Не мог!

— Вы уверены, что вам не следует прилечь?

— Нет. Во всяком случае, пока вы не скажете мне...

— Тогда откиньтесь на спинку кресла. А я буду говорить.

Эллери взял старую, морщинистую руку в свою и начал говорить под тиканье старинных часов, стоявших в углу, и их маятник, как механический палец, стирал секунды с лица времени.

Маленькая хрупкая рука в руке Эллери время от времени подавала знак пожатием. Потом она перестала шевелиться и неподвижно лежала в руке Эллери, как сухой осенний лист.

Спустя некоторое время портьера, закрывавшая вход в гостиную, шевельнулась, и вошла пожилая женщина в белом домашнем платье.

— Она заснула, — прошептал Эллери.

Он осторожно выпустил руку старой дамы и на цыпочках вышел из комнаты.

Женщина проводила его до двери.

— Я Сьюзен Бейтс. Я ухаживаю за ней. Она все чаще засыпает вот так.

Эллери кивнул и покинул коттедж. Он сел в машину и поехал обратно в Манхэттен, чувствуя себя усталым и постаревшим.

ДЕЛО ПОТРОШИТЕЛЯ
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСЬ
ДЖОНА Х. УОТСОНА
12 ЯНВАРЯ 1908 ГОДА

Я сердит на Холмса. Признаюсь, что поскольку он длительное время находился за пределами Англии, я взял на себя смелость против его воли изложить свои заметки о деле Джека Потрошителя в форме повествования. Прошло уже двадцать лет. На протяжении девяти из них титул герцога Шайрского носит новый наследник — из младшей ветви семьи. Следует добавить, что он проводит самое незначительное время в Англии, и его нисколько не заботит ни титул, ни его выдающаяся история.

Я, однако, пришел к убеждению, что настало время, чтобы весь мир узнал правду о деле Потрошителя, которое занимает столь выдающееся место, если можно так выразиться, в истории преступности, а также об усилиях Холмса положить конец кровавому господству чудовища в Уайтчэпеле.

По возвращении Холмса из-за границы я заговорил с ним об этом, выдвигая самые убедительные доводы, какие только мог найти. Но он и слушать не хотел.

— Нет, нет Уотсон, пусть кости тлеют. Человечество не обогатится от опубликования этой истории.

— Но, Холмс! Весь этот труд...

— Сожалею, Уотсон, но это — мое последнее слово.

— Тогда,— сказал я с плохо скрытым раздражением,— позвольте мне преподнести вам эту рукопись. Быть может, вы используете сию бумагу для раскуривания своей трубки.

— Я польщен, Уотсон, и растроган,— сказал он самым жизнерадостным тоном.— В качестве ответного дара позвольте передать вам подробности небольшого дельца, которое я только что довел до успешного завершения. Вы можете описать его в свойственной вам мелодраматической манере и немедленно отдать вашим издателям. Оно касается американского моряка, которому почти удалось одурачить европейский финансовый синдикат яйцом мифической птицы Рух. Быть может, «Дело перуанского Синдбада» в какой-то мере компенсирует вам пережитое разочарование.

ЭЛЛЕРИ ОБЪЯСНЯЕТ

Эллери верулся как раз вовремя. Инспектор Куин только что закончил чтение рукописи доктора Уотсона о Потрошителе и смотрел на нее с явным неудовольствием. Он перевел взгляд на Эллери.

— Ну и хорошо, что она не была опубликована. Холмс был прав.

— Я думаю так же.— Эллери подошел к бару.— Черт побери Гранта! Все выпил...

— Как у тебя обошлось?

— Лучше, чем я ожидал.

— Значит, ты лгал, как джентльмен. Молодец!

— Я не лгал. Я говорил только правду.

— Тогда,— сказал инспектор Куин холодно,— ты поступил по-свински. Дебора Осборн любила своего отца и верила в него. Она верит тебе. Ты что, не мог немного подтасовать карты?

— Мне не пришлось ничего «подтасовывать».

— Но почему же? Ведь она так стара...

— Потому, инспектор,— сказал Эллери, опускаясь в свое вращающееся кресло,— что отец Деборы, лорд Карфакс, не был Джеком Потрошителем. Она всегда была права насчет него. Она знала это, и я знал... А раньше нас знал об этом Шерлок Холмс...

Наступила длинная пауза, во время которой отец пытался понять сына, но так и не смог.

— Но ведь здесь все написано черным по белому, Эллери! — возмутился инспектор.

— Да, написано...

— Ричард Осборн, этот лорд Карфакс, был пойман с ножом в руке. Ведь Уотсон описал то, что видел собственными глазами.

Эллери встал, подошел к отцу, взял рукопись и вернулся с ней в свое кресло.

— Уотсон видел только то, что Холмс хотел, чтобы он видел, не больше. Каждое слово Холмса он превращал в фетиш. А весь фокус в том, что в этом деле не так важны слова Холмса, как его молчание.

— Молчание?

— Вот именно. Холмс ни разу не сказал, что Потрошитель — Карфакс.

Эллери полистал старую тетрадь.

— А неужели, отец, ты не заметил непоследовательностей и в истории с шантажом?

— С шантажом? Погоди-ка...

— Давай вспомним, как развивались события. Макс Клейн решил, что брак Майкла Осборна и Анджелы окажется для него прекрасной возможностью шантажа. Учитывая, насколько герцог Шайрский дорожил своим именем, Клейн, со своей точки зрения, рассуждал логично. Но план не сработал. О браке стало широко известно.

— Да, Клейн признался Анджеле, что его план провалился.

— Не совсем. Он сказал ей уже после того, как привез эту чету обратно в Лондон, что нашел новый, более сильный козырь. Клейн утратил всякий интерес к Майклу и Анджеле после того, как открыл новое оружие, очевидно, более действенное, чем позорный брак Майкла.

— И что же?

— Ну, подумай. Какой важный секрет узнал Клейн?

— Кто Джек Потрошитель, — медленно сказал инспектор. — Узнать это мог именно такой человек, как Клейн, который досконально знал Уайтчэпел и его обитателей...

— Конечно, отец. Так оно и должно было случиться. А зная, кто Потрошитель, Клейн мог разбогатеть, шантажируя...

— Лорда Карфакса...

— Да нет же, отец. Только в тот вечер Карфакс узнал, что Клейн и Анджела живут в «Ангеле и короне»!

— Но Карфакс убил Анджелу, а не Клейна.

— Лишнее доказательство, что сам он не был жертвой шантажа. Он ошибочно считал жену брата той злой силой, которая навлекла несчастье на Осборнов. Вот почему он убил ее. И сам приговорил себя за это преступление к смерти.

— Но этого всего недостаточно, чтобы обосновать...

— Тогда поищем еще кое-что. Последим за Холмсом и Уотсоном в ту ночь. Ты уже знаешь, что якобы произошло. Попробуем понять, что же было на самом деле.

В ту ночь два человека шли по следу Потрошителя — Шерлок Холмс и лорд Карфакс. Я уверен, что у Карфакса уже были подозрения...

— Какие данные подтверждают, что Карфакс тоже шел по следу Потрошителя?

— Я рад, что ты задал этот вопрос, — сказал Элле-

ри.— Выбежав из заведения мадам Леоны, Холмс начал последний этап своих поисков. Он и Уотсон добрались до комнат в Пакэне.

— И Холмс сказал: «Если это логово Потрошителя, то он бежал».

— Нет, не Холмс, это сказал Уотсон. Холмс воскликнул: «Кто-то побывал здесь до нас!» Между этими двумя заявлениями — огромная разница. Первое — замечание романтика. Другое — вывод практического человека, привыкшего запечатлевать место действия с фотографической точностью.

— Логично, — признал Куин-старший.

— Это существенный момент. Но есть и другие.

— То, что и Холмс и лорд Карфакс почти одновременно нашли логово Джека Потрошителя?

— А также, что Карфакс видел, как Холмс и Уотсон вошли в Пакэн. Он ждал на улице и последовал за ними, когда они вышли оттуда. Иначе и не могло быть.

— Почему?

— Для того чтобы Карфакс мог поступить так, как он поступил, ему необходимо было знать две вещи: кто Потрошитель (это он уже узнал в Пакэне) и где он может найти Анджелу и Клейна, — это он узнал, последовав за Холмсом.

Инспектор Куин встал, забрав у Эллери рукопись, полистал ее и прочел: «А это подлое чудовище, Джек Потрошитель?» Уотсон задал Холмсу этот вопрос. Холмс ответил: «Лорд Карфакс тоже умер...»

— погоди, — сказал Эллери. — Не выхватывай из контекста. Прочти всю цитату.

— Цитирую: «Серые глаза Холмса затуманились печалью. Казалось, его мысли где-то далеко. — Лорд Карфакс — вы его имеете в виду? — тоже умер. И, уверен, тоже по собственному желанию, как и его брат».

— Вот это лучше. Теперь скажи мне, опечалила бы Холмса смерть Джека Потрошителя?

Инспектор Куин покачал головой и продолжал читать: «Естественно. Он предпочел смерть в огне петле палача».

— Это снова слова Уотсона, а не Холмса. А Холмс сказал: «Мы должны уважать решение благородного человека».

— На что Уотсон возразил: «Благородного? Вы, конечно, шутите? А, понимаю. Вы имеете в виду периоды

просветления его сознания. А его отец, герцог Шайрский?»

Уотсон сделал неправильные выводы из слов Холмса. А Холмс не считал нужным его разубеждать — вот в чем дело! Прочитируем Холмса еще раз: «С пожараща я отправился прямо в резиденцию герцога на Беркли-стрит в сопровождении Лестрейда. Мы опоздали. Он уже имел весть о лорде Карфаксе, после чего бросился грудью на меч, спрятанный в его трости...»

— И Уотсон воскликнул: «Смерть подлинного аристократа!»

— Опять-таки Уотсон был сбит с толку своим собственным предвзятым мнением и непониманием нарочито туманных формулировок Холмса. Послушай, отец! Когда Холмс (вместе с Лестрейдом, заметь!) приехал в городской дом герцога Шайрского, он застал герцога мертвым. Но как мог герцог уже иметь весть о самоубийстве Карфакса? Не мог. И дело совсем не в этом. А в том, что это его, герцога, выследил лорд Карфакс в Пакэне! Между отцом и сыном, безусловно, произошло бурное объяснение. После чего герцог поехал домой и покончил с собой. Потому что это «его светлость», герцог Шайрский, был Джеком Потрошителем.

— А лорд Карфакс, узнавший об этом, взял вину на себя, чтобы спасти репутацию отца!

— Теперь ты прав, — мягко сказал Элери. — Вспомни также, о чем Карфакс просил Уотсона: сказать всем, что Джек Потрошитель — это он. Он хотел быть абсолютно уверенным в том, что вина падет на него, а не на его отца.

— Тогда Холмс поступил мудро, — прошептал инспектор Куин. — Он не захотел выдать секрет Карфакса, не захотел, чтобы его жертва оказалась напрасной.

— И вера Деборы в своего отца подтвердилась через три четверти столетия.

— Поразительно!

Элери взял рукопись доктора Уотсона и снова раскрыл ее на заключительной записи.

— «Дело перуанского Синдбада», — пробормотал он. — Что-то о яйце мифической птицы Рух... — В глазах его блеснул озорной огонек. — Отец, ты не думаешь, что Холмс мог мистифицировать Уотсона и на этот раз?

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЕЙШИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Кое-что о Шерлоке Холмсе (перевод Н. Цыркун)	5
История с двумя соавторами	7
Долина ужаса. Роман (перевод А. Москвина)	21
Происшествие в Вистерия-Лодж. Повесть (перевод А. Куг- рявицкого)	140
Дело необычной квартирантки (перевод В. Ильина)	172
Происшествие на вилле «Три конька» (перевод В. Ильина)	184
Загадка поместья Шоскомб (перевод В. Ильина)	201
Знатный клиент (перевод А. Башкировой, А. Левейко, А. Ша- рова)	217
Человек с белым лицом	244
Загадка Торского моста (перевод А. Бершагского)	265
Смерть русского помещика (перевод С. Борисова)	290

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Адриан Конан Дойл	
Случай с золотыми часами	305
Преступление в Фаулкс Расе (перевод В. Штенгеля)	324
Адриан Конан Дойл, Джон Диксон Карр	
Восковые игроки (перевод Ю. Логинова)	341
Тайна закрытой комнаты (перевод Ю. Логинова)	361
Рубин «Абас» (перевод Б. Колтового)	384
Две женщины (перевод В. Штенгеля)	404
Ужас в Дептфорде (перевод И. Вилькомира, Ю. Сазонова)	420
Джон Диксон Карр	
Тайна Грейт Вирли (перевод И. Можейко)	441
Эллери Куин	
Неизвестная рукопись доктора Уотсона (Этюг о страхе). Повесть (перевод Н. Лосевой)	450

Дойл А. К.

Д 62 Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Новейшие приключения Шерлока Холмса. Роман. Повесть. Рассказы: Пер. с англ.—М.: Софит, 1992.— 559 с.: ил.

ISBN 5—86042—010—2

В четвертый том сочинений вошли произведения, герой которых — знаменитый сыщик Шерлок Холмс: роман «Долина ужаса», повесть «Происшествие в Вистерия-Лодж», рассказы «Дело необычной квартирантки», «Знатный клиент», «Смерть русского помещика» и другие очень редко публиковались на русском языке. Кроме них в том вошли подражания и пародии на «холмсовские» произведения А. К. Дойла: повесть Э. Куина «Неизвестная рукопись доктора Уотсона», рассказы сына писателя Адриана К. Дойла и мастера литературных детективов Д. Д. Карра.

А 4703010100—008
474(02)—92 подписное

ББК 84. 4Вл

Литературно-художественное издание

Артур Конан Дойл
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
том IV

Редактор *И. Беленький*
Художественный редактор *М. Егузарова*
Технический редактор *О. Ярославцева*
Корректор *Т. Винарская*

Сдано в набор 05.03.92. Подписано в печать 29.06.92. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Гарнитура «Балтика». Печать высокая.
Усл. печ. л. 29,4+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 30,24.
Уч.-изд. л. 30,01+0,73 вкл. Тираж 200000 экз.
Заказ 1347.

Творческое объединение «Софит»
Советского фонда милосердия и здоровья.
101141, Москва, Зеленый пр-т, 4/1.

Издательство «Известия Советов народных депутатов Российской Федерации». 103798, Москва, Пушкинская пл., 5.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова издательства
«Известия Советов народных депутатов Российской Федерации».
Москва, Пушкинская пл., 5.